

ПРАВИТЕЛЬСТВО САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САХАЛИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**САХАЛИНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Материалы международной научно-практической конференции
(17–18 октября 2012 г., г. Южно-Сахалинск)*

Сборник научных статей

Составитель А. С. Ломов

Южно-Сахалинск
Издательство СахГУ
2012

УДК [94+332.14(571.64)](063)
ББК (63.3-2+65.04)2Рос-4Сах
С22

С22   **Сахалинская область: история, современность, перспективы** : материалы международной научно-практической конференции (17–18 октября 2012 г., г. Южно-Сахалинск) / сост. А. С. Ломов ; Правительство Сах. обл. ; Сахалин. гос. ун-т. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2012. – 300 с.
ISBN 978-5-88811-427-8

УДК [94+332.14(571.64)](063)
ББК (63.3-2+65.04)2Рос-4Сах

ISBN 978-5-88811-427-8

© Правительство Сахалинской
области, 2012
© Сахалинский государственный
университет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ

Барышев Э. А. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОРГОВОГО ДОМА «УОЛШ, ХОЛЛ И КО.» И А. Ф. ФИЛИППЕУСА	13
Борисова В. Г. ОБЛАСТНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА В ГОД СВОЕГО 65-ЛЕТИЯ.....	19
Василевский А. А. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ РУБЕЖИ И ТРЕНДЫ ИСТОРИИ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ	23
Власов С. А. ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ	26
Иконникова Е. А. ЯПОНСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА САХАЛИНЕ ПЕРИОДА КАРАФУТО	31
Ипатьев Н. В. ТЕХНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.	38
Каминага Эйсукаэ. САХАЛИНСКАЯ МОРСКАЯ КАПУСТА И КУПЕЦ Я. Л. СЕМЁНОВ: ИЗ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ МОРСКОЙ КАПУСТОЙ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (КОНЕЦ XIX–СЕРЕДИНА XX в.).....	42
Коняхина А. П. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС НА САХАЛИНЕ В КОНЦЕ 1980-х – НАЧАЛЕ 1990-х гг.: ОТ ПРЯМЫХ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ	46
Кузнецов Д. А. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ И ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ МИЛИЦИИ НА САХАЛИНЕ В КОНЦЕ 1930-х – СЕРЕДИНЕ 1940-х гг.	50
Кузнецова О. Ю. ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ НА САХАЛИНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ САХАЛИНСКИХ ВРАЧЕЙ).....	54
Лисицына Е. Н. КИТАЙЦЫ НА САХАЛИНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX–XX ВЕК)	57
Минервин И. Г. ОХРАНА БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ МОРЕЙ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1945–1991 гг.)	63
Пашенцева Е. А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЛЬЕМ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ЮЖНОМ САХАЛИНЕ В КОНЦЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х ГОДОВ.....	76
Пашков А. М. ИМЕННЫЕ ПРИРОДНЫЕ И РУКОТВОРНЫЕ ПАМЯТНИКИ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ	79
Перекрестова Е. Г. РАЗВИТИЕ БУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 70-е ГОДЫ	82
Потапова Н. В. ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО И СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ (ЕВАНГЕЛЬСКО-БАПТИСТСКОЕ СООБЩЕСТВО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ЖЕРНОВАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, 1920–1930-е гг.)	85

Потапова Н. В., Кузмищева М. В. НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НА САХАЛИНЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (40–60-е гг. XX в.).....	92
Роон Т. П. МУЗЕЙНЫЙ МИР САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ: ИДЕНТИЧНОСТЬ И НОВЫЕ КОНЦЕПТЫ.....	97
Скоробач И. Р. ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА САХАЛИНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВЕКА).....	100
Хон О. В. РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ФАКТОР СОЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА (НА ПРИМЕРАХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛЕТОПИСАНИЯ: ВОСПРИЯТИЕ И ОПИСАНИЕ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ).....	104
Чайченко Т. П. ОБ ОДНОМ ИЗ БЕЛЫХ ПЯТЕН В ИСТОРИЧЕСКОМ КРАЕВЕДЕНИИ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	107
Шалкус Г. А. СЕВЕРНЫЙ САХАЛИН И САХАЛИНСКАЯ НЕФТЬ В СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1918–1925 гг.).....	110
Шашкова И. Ю. ВЫСТАВОЧНАЯ И ПОИСКОВАЯ РАБОТА ОТДЕЛА КРАЕВЕДЕНИЯ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ.....	116
Ясенева Е. В. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ В ФОНДАХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ АРХИВОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	120

РАЗДЕЛ 2. СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Боровской Г. В. ЭКСТРЕМИЗМ И ПРОБЛЕМА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ЮЖНО-САХАЛИНСКА).....	125
Бреднева В. С. ПРАВОСОЗНАНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ОСТРОВНЫХ ОТДАЛЕННЫХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ).....	130
Вечканова Н. В. ПРАВО РЕБЕНКА НА ОБРАЗОВАНИЕ В РАМКАХ ВНЕДРЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ.....	133
Герасимчук Д. Н. СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.....	135
Ковалевская (Поповичева) Ю. Н. ПОВСЕДНЕВНАЯ АДАПТАЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И ДИНАМИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ САХАЛИНСКИХ КОРЕЙЦЕВ (1945–2012 гг.).....	138
Коньков А. Т. ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ В САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	142
Крушанова Л. А. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БОРЬБЫ С НАРКОМАНИЕЙ НА САХАЛИНЕ И В ПРИМОРЬЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	147
Литвинов Н. А. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ДЕТЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ.....	152

Макаренко В. Г. ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В XXI ВЕКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	155
Ревакина Е. Г., Цюка С. А., Горяна Л. Г. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЛИЧНОСТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТУДЕНТОВ	159
Товбин К. М. РЕЛИГИОЗНАЯ СТОРОНА САХАЛИНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ.....	162
Швецова В. М. НОВЫЙ ТИП ПРОФЕССИОНАЛИЗМА РУКОВОДИТЕЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ НОВОГО СТАНДАРТА	166

РАЗДЕЛ 3. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Абрамова С. В., Минервин И. Г. ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У ВЫПУСКНИКОВ ВУЗА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА.....	173
Белозерова Т. П. ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ СИСТЕМЫ ИНДИКАТОРОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ	178
Белоусов В. Л. УСЛОВИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ	183
Бирюков Д. Ю. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГЕОЛОГО-РАЗВЕДОЧНОЙ ОТРАСЛЬЮ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ	186
Виноградов А. О. МЕСТО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ	189
Гордиенко Д. В. УРОВЕНЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ И ЕГО ОЦЕНКА	191
Животовский Л. А. ГЕНЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЛОСОСЕВЫХ РЫБ САХАЛИНА И ЮЖНЫХ КУРИЛ.....	230
Заусаев В. К., Кручак Н. А., Шарко Е. Е. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ: СЦЕНАРНЫЙ ПРОГНОЗ.....	237
Ким Э. Г., Краснобаева Е. А. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФИНАНСОВО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ РЕГИОНА.....	242
Клименко А. Ф. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АТР И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ	245
Кравченко Н. А., Мельникова Л. В. СТРУКТУРА ИННОВАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ РЕГИОНА.....	249
Матвеев В. А. ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА	254
Петренко Л. А. РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА.....	258

Пискалов А. А. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ	261
Самохина А. А. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА КАК ФАКТОР УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ.....	265
Слабнина Л. А. МЕСТО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА В ОБЩЕРОССИЙСКОМ РЕЙТИНГЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ	269
Смирнов Д. И. ФОМИРОВАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ В САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ	273
Ткаченко Б. И. ЗНАЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЮЖНО-КУРИЛЬСКОГО СУБРЕГИОНА ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ.....	275
To Ken Sik. МОДЕРНИЗАЦИЯ И/ИЛИ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ?.....	279
Урубкова И. Е. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	284
Abramova S. V., Minervin I. G. SHAPING HIGH-SCHOOL GRADUATES PROFESSIONAL COMPETENCES AS KEY FACTOR IN REGION SUSTAINABLE DEVELOPMENT	288
Kaminaga E. SAKHALIN SEAWEED TRADE AND THE MERCHANT Y.L. SEMYONOV. THE HISTORY OF INTERNATIONAL SEAWEED TRADE IN NORTH-EAST ASIA (END OF XIX – MID XX CENTURIES).....	292
To Ken Sik. MODERNIZATION AND, OR SUSTAINABLE DEVELOPMENT?	296

CONTENT

SECTION 1 HISTORY, ARCHEOLOGY

Baryshev E. A. FAR EASTERN INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS IN THE LATTER HALF OF THE XIX CENTURY WALSH, HALL AND CO. AND THE MERCHANT HOUSE OF A.F. PHILIPPEUSS	9
Borisova V. G. REGIONAL SCIENCE LIBRARY CELEBRATES 65 YEARS OF ACTIVE SERVICE	19
Vasilevsky A. A. THE HISTORY OF THE SAKHALIN AND KURIL ISLANDS. BASELINE CONDITIONS, MILESTONES AND PROBABLE TRENDS STUDY	23
Vlasov S. A. HOUSING IN SAKHALIN REGION: PAST AND PRESENT	26
Ikonnikova E. A. NIPPONESE WRITERS DURING THE KARAFUTO PERIOD.....	31
Yipatyev N. V. ENGINEERING IN RUSSIAN FAR EASTERN RAILROAD. END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY	38
Kaminaga E. SAKHALIN SEAWEED TRADE AND THE MERCHANT Y.L. SEMYONOV. THE HISTORY OF INTERNATIONAL SEAWEED TRADE IN NORTH-EAST ASIA (END OF XIX – MID XX CENTURIES).....	42
Konyakhina A. P. SAKHALIN REGION SOCIAL AND POLITICAL DEVELOPMENT: FROM DIRECT GROUP ACTIONS TO INSTITUTIONAL POLITICS (END OF 1980S – BEGINNING OF 1990S).....	46
Kuznetzov D. A. LOCAL MILITIA FORCES PROFESSIONAL AND IDEOLOGICAL EDUCATIONS ON SAKHALIN ISLAND (END of 1930s – Mid-1940s)	50
Kuznetzova O. Yu. SAKHALIN ISLAND FERTILITY AND MORTALITY RATE (END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY). SAKHALIN DOCTORS CASE STUDY.....	54
Lisitzina E. N. CHINESE SETTLERS ON SAKHALIN ISLAND (LATTER HALF OF XIX – XX CENTURY).....	57
Minervin I. G. PROTECTION OF BIOLOGICAL RESOURCES OF SEAS OF SOVIET FAR EAST AFTER WORLD WAR II (1945–1991).....	63
Pashentzeva E. A. HOUSING ISSUES FACED BY SOUTHERN SAKHALIN SETTLERS (END OF 1940s – BEGINNING OF 1950s)	76
Pashkov A. M. NATURAL SITES AND MAN-MADE ARTEFACTS OF THE SAKHALIN REGION	79
Perektryostova E. G. PAPER INDUSTRY DEVELOPMENT IN 1970s.....	82
Potapova N. V. HISTORICAL AND POLITICAL SPIN AND EVANGELICAL BAPTIST CHRISTIANS IN RUSSIAN FAR EAST DURING SOVIET TIMES (1920s–1930s).....	85

Potapova N. V., Kuzmischeva M. V. SAKHALIN ISLAND POWER GRID AFTER THE WWII (1940s – 60s).....	92
Rohon T. P. SAKHALIN REGION MUSEUMS: IDENTITY AND NEW CONCEPTS	97
Skorobatch I. R. SAKHALIN REGION EDUCATIONAL SYSTEM CHALLENGES (LATTER HALF OF XIX – FIRST QUARTER OF XX CENTURY)	100
Khon O. V. FAITH-BASED WORLD-VIEW IN HISTORICAL SOURCES. NATURAL DISASTERS IN RUSSIAN CHRONICLES: PERCEPTION AND DESCRIPTION.....	104
Tchaytchenko T. P. A “BLIND SPOT” IN SAKHALIN HISTORY: ONE OF MANY	107
Shalkus G. A. NORTHERN SAKHALIN AND SAKHALIN OIL IN SOVIET-JAPANESE RELATIONS (1918–1925).....	110
Shashkova I. Yu. SAKHALIN REGIONAL UNIVERSAL RESEARCH LIBRARY: LOCAL STUDIES DEPARTMENT ACHIEVEMENTS.....	116
Yaseneva E. V. KURIL ISLANDS HISTORY RECORDS: SOURCES FROM CENTRAL ARCHIVES OF RUSSIAN FEDERATION.....	120

SECTION 2. SOCIAL DEVELOPMENT

Borovskoy G. V. EXTREMISM AND INTER-ETHNIC RELATIONS IN SAKHALIN REGION (YUZHNO-SAKHALINSK CASE STUDY)	125
Bredneva V. S. INHABITANTS OF OUTLYING ISLAND REGIONS WITHIN THE CONCEPT OF THE LEGAL CONSCIOUSNESS (SAKHALIN REGION CASE STUDY)	130
Vechkanova N. V. THE CHILD'S RIGHT TO EDUCATION IN THE CONDITIONS OF INTRODUCTION AND IMPLEMENTATION OF THE FEDERAL GOVERNMENT STANDARDS.....	133
Gerasimchuk D. N. SOCIAL SURVEY OF CAPITAL OF ETHNIC MIGRANTS	135
Kovalevskaya (Popovitcheva) Yu. N. SAKHALIN KOREANS: DAILY ADAPTATION IN NATIONAL IDENTITY DEVELOPMENT (1945–2012).....	138
Konkov A. T. RUSSIAN FAR EAST ETHNIC MIGRANTS INTEGRATION CHALLENGES. SPECIAL CONSIDERATIONS FOR SAKHALIN REGION.....	142
Krushanova L. A. SAKHALIN AND PRIMORYE REGIONS SUBSTANCE ABUSE SERVICES: PAST AND PRESENT. BENCHMARKING STUDY	147
Litvinov N. A. COMPASSIONATE SUPPORT FOR CHILDREN AT SOCIAL RISK	152
Makarenko V. G. POST-SECONDARY EDUCATION ON THE RUSSIAN FAR EAST IN XXI CENTURY: CHALLENGES AND FUTURE DEVELOPMENT.	155
Revyakina E. G., Tzyoka S. A., Goryana L. G. POSTGRADUATE PERSONAL SECURITY. PSYCHOLOGICAL FACTORS.....	159
Tovbin K. M. RELIGION IN SAKHALIN MENTALITY	162

Shvetzova V. M. EDUCATIONAL SYSTEM MANAGER PROFESSIONAL QUALITIES IN THE CONTEXT OF NEW STANDARDS IMPLEMENTATION	166
---	-----

SECTION 3. ECONOMIC DEVELOPMENT

Abramova S. V., Minervin I. G. SHAPING HIGH-SCHOOL GRADUATES PROFESSIONAL COMPETENCES AS KEY FACTOR IN REGION SUSTAINABLE DEVELOPMENT	173
Belozerova T. P. DISTINCTIVE FEATURES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT INDICATORS FOR SAKHALIN REGION MUNICIPAL BODIES	178
Belousov V. L. COMPANY SUSTAINABLE DEVELOPMENT CONDITIONS	183
Biryukov D. Yu. SAKHALIN REGION EXPLORATION INDUSTRY MANAGEMENT IMPROVEMENT	186
Vinogradov A. O. Far EAST AND THE RUSSIAN FOREIGN POLICY IN RUSSIA-CHINA RELATIONS.....	189
Gordienko D. V. ECONOMIC SECURITY OF RUSSIAN EASTERN REGIONS: OVERVIEW AND EVALUATION	191
Zhivotovsky L. A. SALMON GENETIC RESOURCES IN SAKHALIN IN SOUTHERN KURIL ISLANDS.....	230
Zausayev V. K., Kruchak N. A., Sharko E. E. A FORECAST OF SAKHALIN REGION SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT	237
Kim E. G., Krasnobayeva E. A. SAKHALIN REGION EDUCATIONAL SYSTEM FINANCIAL AND ECONOMIC MANAGEMENT IMPROVEMENT	242
Klimenko A. F. STRATEGIC SITUATION IN ASIA PACIFIC REGION WITH REGARD TO RUSSIAN FAR EAST DEVELOPMENT	245
Kravchenko N. A., Melnikova L. V. FRAMEWORK FOR SAKHALIN REGION INNOVATION STRATEGY	249
Matveyev W. A. GLOBALIZATION CHALLENGES WITH REGARD TO SAKHALIN REGION DEVELOPMENT.....	254
Petrenko L. A. THE ROLE OF STRATEGIC PLANNING IN SAKHALIN REGION SUSTAINABLE DEVELOPMENT	258
Piskalov A. A. SAKHALIN REGION ECONOMY MODERNIZATION UPGRADE CHALLENGES	261
Samokhina A. A. SAKHALIN REGION SUSTAINABLE DEVELOPMENT AS QUALITY OF LIFE IMPROVEMENT INFLUENCE	265
Slabnina L. A. FAR EAST REGION IN RUSSIAN QUALITY OF LIFE RATING.....	269
Smirnov D. I. SHAPING OF SAKHALIN REGION COMPETITIVE ENVIRONMENT INFRASTRUCTURE	273

Tkatchenko B. I. SOUTHERN KURIL AREA ROLE IN SAKHALIN REGION SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT AS WELL AS RUSSIAN NATIONAL SECURITY	275
To Ken Sik. MODERNIZATION AND, OR SUSTAINABLE DEVELOPMENT?	279
Urubkova I. E. INTERNATIONAL RELATIONS AS SAKHALIN REGION ECONOMIC DEVELOPMENT INFLUENCE.....	284

РАЗДЕЛ 1

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ

Э. А. Барышев,

доктор философии, доцент университета преф. Симанэ, Япония

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОРГОВОГО ДОМА «УОЛШ, ХОЛЛ И КО.» И А. Ф. ФИЛИППЕУСА

7 (19) января 1870 г. лейтенант К. С. Старицкий (1839–1909) доносил в Петербург из японской Йокогамы, где он находился вместе с командой клипера «Всадник», следующее: «На рейде 80 судов дальнего плавания; из них купеческих под английским флагом 35 с 19000 тонн, Соединенных Штатов Америки 10 с 8500 тонн, северогерманских 15 с 6000... шведское одно в 300 тонн, русских тоже одно в 500 тонн – это пароход *Курьер*, принадлежащий г-ну Вольшу и компании, в числе членов которой состоит наш неутомимый г. Филиппеус, ежегодно почти бывающий и в Петропавловске и в Петербурге. Подобно прошлому году, *Курьер* и нынче летом обошел порта Охотского моря с водкой, табаком, солью, сахаром, чаем, пряжей для сетей, одеждой и прочим необходимым добром, выменивая его на соболей и лисиц. Большое спасибо ему и за это, потому что оживляет почти брошенные тамошние пустыри наши»¹. Читая вышеуказанные строки, нельзя не задаться вопросами: что же представлял из себя «г. Филиппеус», упоминаемый в данном письме, какое содержание носила торгово-промышленная деятельность последнего, наконец, какое место занимала «Вольш и компания» в системе дальневосточных экономических связей? В данной статье автор хотел бы по возможности полно ответить на поставленные вопросы, чтобы лучше разобраться в особенностях международно-экономической обстановки на Дальнем Востоке во второй половине XIX в.

* * *

В отчете лейтенанта Старицкого речь идет о крупнейшей на тот момент американской внешне-торговой компании в Японии «Уолш, Холл и Ко.» («Walsh & Hall Co.»), соперничавшей тогда на рынке разве что с пресловутой британской «Джардин, Матесон и Ко.» («Jardine, Matheson & Co.»). Один из учредителей компании, Джон Уолш («John Greer Walsh», 1829–1897), прибыл в Нагасаки из Шанхая еще в 1858 г., где создал внешнеторговую фирму «Уолш и Ко.» («Walsh & Co.»). С мая 1859-го по октябрь 1865 г. Джон исполнял обязанности первого американского консула в Нагасаки. Объединенная компания Уолша и прибывшего в 1859 г. в Японию в качестве корреспондента газеты «Нью-Йорк Трибьюн» Френсиса Холла («Francis Hall», 1822–1902), к работе которой присоединились также братья Уолша Роберт, Томас и Ричард, была создана американскими предпринимателями в 1862 г. в Йокогаме. Офисы американской компании стали первыми из «заокеанских» в кварталах иностранных селтльментов Йокогамы и Кобэ, поэтому ее стали называть в Японии «Первым американским торговым домом» («Амэйти сёкай»)².

Братья Уолши пристально следили за развитием ситуации на российском Дальнем Востоке и даже являлись своего рода пионерами в организации снабжения на берегах русского Приморья. Так, первым коммерческим судном, посетившим пост Владивосток в 1861 г., был пароход их компании, развозивший по русским военным постам провизию для судов Сибирской флотилии³. Известно, что

¹ Клипер «Всадник». Письмо лейтенанта Старицкого из Юкагамы // *Морской сборник, издаваемый под наблюдением ученого отделения морского технического комитета (далее – МС), май 1870 г.* – Т. CVIII. – № 5. – С. 20.

² Нарита Сэйити. Уорушу кёдай (Братья Уоли) // *Мицубиси но хито, юкари но хито (Люди «Мицубиси» – близкие компании люди)* (<http://www.mitsubishi.com/j/history/series/man/man06.html>). – Vol. 06. ; Бакумацу-Мэйдзики ни окэру Нагасаки кёрюти гайкокудзин мэйбо (Списки иностранцев Нагасакского селтльмента в эпоху Бакумацу-Мэйдзи). – Нагасаки : Библиотека преф. Нагасаки, 2003. – Т. 1–2 ; *Japan Directory: Бакумацу-Мэйдзи дзайнити гайкокудзин, кикан мэйкан (Japan Directory: Списки иностранцев и иностранных организаций в Японии в эпоху Бакумацу-Мэйдзи)* / под ред. Тативаки Кадзуо. – Токио : Юмани-сёбо, 1996. – Т. 1–3 ; *Мэйдзи-сёки но дзайрю гайдзин (Иностранцы в Японии в начале эпохи Мэйдзи)* / под ред. Тэраока Дзюити. – Вып. 3. – Токио : Тэраока сёдо, 1981. – С. 13, 19, 94 ; Honjo Y. A., *Japan's Early Experience of Contract Management in the Treaty Ports (Tokyo, Japan Library, 2003)*. – Ch. 7; *Japan Through American Eyes: The Journal Of Francis Hall, 1859–1866 / edited by F. G. Notehelfer, Princeton University Press, 1993*. – P. 1–31.

³ Бянкин, В. П. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке / В. П. Бянкин. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1979. – С. 22.

одному из основателей компании, Холлу, удалось установить тесные отношения с русским консулом в Хакодате И. А. Гошкевичем (1815–1875): последний настолько доверял американцу, что даже предлагал своему руководству в ноябре 1863 г. назначить Холла вице-консулом⁴. Учитывая такие тесные отношения руководства американской компании с российскими представителями на Дальнем Востоке, неудивительно, что зимой 1864 г. в Нагасаки, облюбованном русской тихоокеанской эскадрой в качестве зимнего порта, Уолши познакомились с петропавловским купцом Александром Федоровичем Филиппеусом (?–1889). Последний согласился войти в качестве компаньона в американскую компанию и, «получив крупный кредит от братьев Уолш... по сути дела, создал их дочернее предприятие с российским названием “А. Ф. Филиппеус и Ко.”»⁵. Несомненно, Уолши решили воспользоваться знакомством с петропавловским предпринимателем, чтобы укрепить свое положение на российском Дальнем Востоке. Новые возможности для этого открылись в связи с прекращением деятельности Российско-Американской компании (далее – РАК) в 1867 г.

Вокруг бывшего наследия РАК в российских ее владениях разгорелась нешуточная борьба: бывшее руководство компании предлагало уступить свое имущество в Охотско-Камчатском крае сан-францисской «Американской Русской торговой компании» («**American Russian Commercial Company**»), местные власти полагали более уместным передать его казне, однако за неимением средств летом 1868 г. оно было продано «петропавловскому купцу I гильдии надворному советнику» Филиппеусу. Таким образом, компаньон братьев Уолшей, Филиппеус, стал владельцем всего имущества компании на Курильских и Командорских островах, а также в Аяне. В конце 1868 г. Филиппеус заключил трехгодичный контракт с властями Приморской области на снабжение необходимыми припасами жителей Курильских островов, получив монопольное право на вывоз с них шкур морского зверя⁶.

Нам не известно, на каких условиях Филиппеус вошел в компанию братьев Уолшей, однако можно предположить, что, согласно подписанному ими контракту, Уолш пообещал создать российскому купцу условия для ведения торговли в Охотско-Камчатском крае, включая предоставление товаров для меновой торговли и сдачу в аренду судна, в обмен на что Филиппеус согласился за определенное вознаграждение вести данное дело и доставлять меха в японские отделения американской компании. Как видно из процитированного выше письма лейтенанта Старицкого, в навигацию 1868 г. Филиппеус на принадлежавшем братьям Уолшам, но ходившем под российским флагом пароходе «Курьер» обошел порта Охотского моря с различными товарами, приступив к выполнению заключенного накануне с властями Приморской области контракта. Тот же Старицкий, выражая своими словами, по-видимому, преобладающее мнение российских дальневосточных властей, оценивает эту далекую от благотворительности деятельность Филиппеуса как остро необходимую для поддержания жизни на Охотско-Камчатской окраине⁷.

По всей видимости, именно вышеуказанные обстоятельства, сотрудничество Филиппеуса с Уолшами, а также связи Филиппеуса в Петербурге и послужили основанием для его назначения в ноябре 1868 г. российским консулом в Нагасаки. В списках иностранцев нагасацкого селтльмента имя Филиппеуса появляется в феврале 1869 г., где он обозначен как проживающий вместе со слугой-китайцем в квартале Минами-Яматэ 9, на земельном участке, арендованном американским предпринимателем У. М. Робинетом (William M. Robinet). Вследствие комбинации Филиппеуса с братьями Уолшами американская торговая компания стала фактическим представителем российских интересов в Японии. Так, исполнение российских консульских обязанностей в отсутствие Филиппеуса (согласно Дж. Ленсену, он еще числился консулом в 1873 г.) было возложено на отделение компании братьев Уолшей в Нагасаки, в частности на ее сотрудника Дж. У. Леембругена (J. W. Leembruggen)⁸.

⁴ Симицзу, М. *Хакодате-Россия: Соно корю но кисэки (Хакодате-Россия: Траектория взаимоотношений)* / М. Симицзу. – Хакодате, 2006. – С. 28–30.

⁵ Аленко, А. В. *Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. – 1917 г.)* / А. В. Аленко. – Хабаровск, 2001. – С. 134.

⁶ Шубин, В. О. *Курильские острова в период 1867–1875 гг.* / В. О. Шубин // *Краеведческий бюллетень*. – Южно-Сахалинск. – 1992. – № 4. – С. 5–7; Аленко, А. В. *Указ. соч.* – С. 134; Потапова, Н. В. *Некоторые проблемы управления центральными и северными Курилами (1867–1875 гг.)* / Н. В. Потапова // *Россия и АТР*. – 2012. – № 1. – С. 8–9; *Крейсерство клипера «Абрек» в Охотском море в 1885 году* // *МС*. – Т. ССХХVII. – Октябрь 1888 г. – № 10. – С. 4–7, 14–15, 18–19; Слюнин, Н. В. *Охотско-Камчатский край: Естественно-историческое описание* / Н. В. Слюнин. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1900. – Т. I. – С. 427–429.

⁷ *Клипер «Всадник». Письмо лейтенанта Старицкого из Юкагамы* // *МС*. – Т. CVIII. – Май 1870 г. – № 5. – С. 20; см. также: Шубин, В. О. *Указ. соч.* – С. 6; Потапова, Н. В. *Указ. соч.* – С. 8–9.

⁸ *Higashiyamate Stories // Nagasaki Foreign Settlement* (<http://www.nfs.nias.ac.jp/page027.html#RusCons>); *Бакумацу-Мэйдзи-ки ни окэру Нагасаки кёрюти гайкокудзин мэйбо (Списки иностранцев Нагасацкого селтльмента в эпоху Бакумацу-Мэйдзи)*. – Т. 2. – С. 312, 329, 344; *Извлечение из рапорта командира винтовой лодки «Соболь»*

* * *

Одной из главных особенностей международно-политической обстановки середины XIX в. являлось особенно обострившееся в результате Крымской войны 1853–1856 гг. противоборство между Россией и западноевропейскими державами. С усилением влияния англичан и французов на Тихом океане значение амурского бассейна и неразрывно связанного с ним острова Сахалина с точки зрения российских стратегических интересов резко возросло. Активные попытки России, направленные на закрепление за собой всего Сахалина, в свою очередь, поддерживали напряженный характер российско-японских отношений, вновь заметно ухудшившихся после «реставрации» императорской власти в Японии в 1868 г. Англичане и французы пытались воспользоваться этой переменой в политической жизни Японии с тем, чтобы создать заслон на пути распространения российского влияния на Тихом океане. С другой стороны, Гражданская война в США 1861–1865 гг. привела к заметному охлаждению англо-американских отношений. Именно в этих условиях российское правительство и решило жестом доброй воли отказаться от эксплуатации североамериканских владений и сосредоточить свои силы на «округлении» своих земель на Дальнем Востоке, рассчитывая на дальнейшую поддержку со стороны Соединенных Штатов. Создание прочной связи с «аполитичным», как предполагалось тогда, американским капиталом несомненно рассматривалось российской властью как необходимая мера укрепления безопасности своих тихоокеанских владений.

Нужно признать, что до поры до времени посредничество американцев в российско-японских двусторонних отношениях было для России выгодным, ибо «янки» до поры до времени оберегали свои права и преимущества в российских владениях и поэтому в некоторой степени сдерживали как японскую экспансию в северном направлении, так и чрезмерно враждебные инициативы Англии. Вместе с тем Соединенные Штаты с самого начала начали предпринимать попытки воспользоваться «японским плацдармом» для расширения

своего влияния в Восточной Азии, поэтому такое посредничество уже таило в себе зародыш дальнейшего российско-японского противостояния.

В условиях обострения российско-японского пограничного вопроса сразу же после подавления антиправительственного мятежа в районе Хакодате, в середине августа 1869 г., в Японии создается Управление по освоению северных земель (*кайтаку-си*). Американский капитал, прочно обосновавшийся к тому времени в Японии, с самого начала принимает активное участие в деятельности японских властей по колонизации Хоккайдо, южных Курильских островов и южной оконечности Сахалина. Так, в октябре 1869 г. на Сахалине в заливе Анива были высажены перевезенные из Йокогамы американским пароходом «Янцзы» несколько сот японских колонистов. Это была первая крупная партия японских переселенцев на острове. Кто занимался перевозкой, неизвестно, однако источники свидетельствуют, что братья Уолши, являвшиеся, к слову, агентами одноименной американской шанхайской страховой компании (Yangtze Insurance Association) в Японии, непосредственно участвовали в данных колонизационных делах. Например, для перевозки японских переселенцев на Хоккайдо осенью того же года использовался находившийся формально в распоряжении Филиппеуса пароход «Курьер»⁹. По злой иронии судьбы российский предприниматель вынужден был в силу обстоятельств вносить свой вклад в дело освоения японского севера, одним из главных мотивов которого являлась усиленно пропагандируемая в Японии «русская опасность».

В 1870 г. Филиппеусу – тогдашнему российскому консулу в Нагасаки – удалось заключить контракт с министерством внутренних дел сроком на шесть лет на поставку провианта в северные районы Приморской области. После переноса военного порта из Николаевска во Владивосток работы у Филиппеуса заметно прибавилось: пароход «Курьер» часто фрахтовался властями Приморской области для различного вида перевозок, например, доставки переселенцев и угля (из Дуэ и Нагасаки)¹⁰. 15 июня 1876 г. контракт Филиппеуса с русским

лейтенанта Кологераса // МС. – Т. СХІІІ. – Март 1871 г. – № 3. – С. 6–7; Кутаков, Л. Н. Россия и Япония / Л. Н. Кутаков. – М.: Наука, 1968. – С. 174; *The Cronicle & Directory for China, Japan & the Philippines, for the year 1871.* – P. 288 // *Japan Directory: Бакумацу-Мэйдзи дзайниту гайкокудзин, кикан мэйкан (Japan Directory: Списки иностранцев и иностранных организаций в Японии в эпоху Бакумацу-Мэйдзи).* – Т. 1; Lensen G. A. *Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia (Токуо: Sophia University, 1968).* – P. 27, 166.

⁹ Клипер «Всадник». Письмо лейтенанта Старицкого из Юкагамы // МС. – Т. СVІІІ. – Май 1870 г. – № 5. – С. 23; Кутаков, Л. Н. Указ. соч. – С. 170; Трехсвятский, А. В. Сахалин в системе русско-японских отношений в XIX в.: дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук / А. В. Трехсвятский. – Владивосток, 2003. – С. 241.

¹⁰ Бянкин, В. П. Указ. соч. – С. 25–26, 29–30; Аленко, А. В. Указ. соч. – С. 134; Скальковский, К. Русская торговля в Тихом океане: Экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области Восточной Сибири, Кореи, Китая, Японии и Калифорнии / К. Скальковский. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1883. – С. 84–85; Матвеев, Н. П. Краткий исторический очерк г. Владивостока / Н. П. Матвеев. – Владивосток: Рубеж, 2010. – С. 97, 99–101; Гаврилов, С. В. Вдоль камчатских берегов: Транспортное и рыбопромышленное освоение охотско-камчатского побережья в конце XIX – первой трети XX в. / С. В. Гаврилов. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский книжный двор, 2003. – С. 11.

правительством на снабжение северных портов Приморской области был возобновлен еще на 10 лет, при этом купец добился получения от казны ежегодной субсидии в 30 тыс. руб. В полном соответствии с контрактом Филиппеус снабжал мукой, крупой, порохом, свинцом и солью все Охотско-Камчатское побережье, осуществляя пароходное и почтовое сообщение между Владивостоком, Корсаковским постом, Петропавловском, Усть-Камчатском, Тигилем, Гижигой, Охотском, Аяном и Шантарскими островами. В 1881 г. Филиппеус продал свой старенький пароход «Курьер» и приобрел большегрузное судно «Камчатка» (водоизмещением 1000 т). В 1885 г. наряду с «Владивостоком» Добровольного флота, «Байкалом» купца М. Г. Шевелева (1845–1903) и шхуной «Сибирь» китобоя О. В. Линдгольма (1832–?) это был один из четырех пароходов российского торгового флота на Дальнем Востоке¹¹.

Как было организовано дело Филиппеуса в начале 1880-х гг., подробно описывает в своем произведении «Русская торговля в Тихом океане» (1883 г.) К. А. Скальковский (1843–1906), известный в то время в России специалист по торгово-промышленным вопросам: «Хотя от уступки японцам Курильских островов г. Филиппеус понес некоторые убытки и операции его сузились, но вообще дела его, хотя и небольшие, очень прибыльны. Грузы для парохода г. Филиппеус берет в Кобэ, в Японии. Затем эти товары отдает обыкновенно туземцам в долг, в обмен на пушнину, которая поднимается теперь в цене как в С.-Франциско, так и на главном рынке мехов – в Лондоне. Пушной товар г. Филиппеус собирает на своем пароходе мало-помалу по дороге и свозит его в Йокогаму, откуда, собрав партию, пересылает ее через Суэзский канал в Лондон... В прежнее время г. Филиппеус посылал меха через Аян сухим путем в ирбитскую ярмарку и Москву, но с упадком нашего вексельного курса продажа мехов в Лондоне стала выгоднее... капитал компании Филиппеуса достигает до 600,000 рублей; компания привозит мехов, по официальным данным, на 150,000 рублей, в действительности же на 300,000 рублей, или еще на высшую сумму, если оценивать пушной товар по лондонским ценам»¹².

Система доставки северных грузов, которой занимался Филиппеус, была хорошо отлажена и не требовала особого вмешательства со стороны американской компании, снимавшей сливки с

очень выгодного для себя предприятия. Участие Филиппеуса в деле «Уолш, Холл и Ко.», превратившейся к тому времени в крупную международную торговую компанию, давало последней право почти беспрепятственно заниматься морским промыслом в русских водах¹³. Играя роль своеобразного маятника, временно уравновешивавшего разнородные и разнонаправленные экономические силы в Охотско-Камчатском крае, Филиппеус, разумеется, не мог изменить ее коренные тенденции, которые вели к постепенному укреплению японского финансового и промышленного центра и, как следствие, относительно ослаблению американского «буфера» в российско-японских отношениях.

* * *

Контакты между основателем компании «Мицубиси» Ивасаки Ятаро (1835–1885) и Джоном Уолшем завязались в Нагасаки еще в 1868 г., когда Ятаро являлся управляющим торговым представителем клана Тоса в Нагасаки. Основная деятельность представительства заключалась в закупке при посредстве иностранных торговцев оружия, судов и различных машин на деньги, вырученные от продажи камфоры, японской бумаги и других местных товаров. Между тем весной 1868 г. Ивасаки предпринимает совместно с братьями Уолшами попытку налаживания «северной торговли». В середине апреля пароход «Осакамару», груженный рисом, зерном, углем и другими товарами, выходит из Нагасаки и направляется для сбыта вышеуказанной продукции через Хакодате в Петропавловск. Судно благополучно вернулось в Хакодате в середине июля, а затем ранней осенью того же года должно было вновь отправиться на Камчатку, но этот рейс был сорван из-за восстания на Хоккайдо сторонников бывшего правительства во главе с Эномото Такэаки (1836–1908)¹⁴. Таким образом, с самого начала в российско-японских торговых отношениях «Мицубиси» выступала конкурентом Филиппеусу и другим российским предпринимателям.

Во время тайваньской военной экспедиции 1874 г. только что созданная «Мицубиси» сыграла видную роль в качестве основного морского перевозчика военных грузов, а братья Уолши всемерно способствовали этому, поставляя японскому правительству иностранные пароходы. После окончания войны этот торговый

¹¹ Скальковский, К. Указ. соч. – С. 82–85, 367–368, 465; Мамвеев, Н. П. Указ. соч. – С. 140–141; *The San Francisco Directory for the Year commencing March, 1875 (San Francisco, 1875)*. – P. 392, 808; Аленко, А. В. Указ. соч. – С. 134, 153; Бянкин, В. П. Указ. соч. – С. 28, 30; Гаврилов, С. В. Указ. соч. – С. 11.

¹² Скальковский, К. Указ. соч. – С. 85–86. См. также: Аленко, А. В. Указ. соч. – С. 134–135, 153.

¹³ Скальковский, К. Указ. соч. – С. 78–79, 409, 413, 444–445.

¹⁴ *Мицубиси сёдзи сяси (История компании «Мицубиси сёдзи»)*. – Т. 1. – Токио : «Мицубиси сёдзи», 1986. – С. 8–9.

флот в составе 13 судов был безвозмездно уступлен «Мицубиси», в результате чего у компании появилась возможность под покровительством правительства резко расширить свое влияние на морях Дальнего Востока. С этого времени, пока эпизодически, молодая транспортная компания начинает доставлять грузы на российский Дальний Восток, получая «наряды» от дружественного ей Уолша. Отношения между Уолшами и родом Ивасаки еще более окрепли после того, как в 1875 г. американские предприниматели с участием своих японских партнеров построили в Кобэ целлюлозно-бумажную фабрику. Уолши во всем поддерживали «Мицубиси» и способствовали разрешению торговых споров, возникавших между нею и другими иностранными транспортными компаниями¹⁵.

Примечательно, что одна из первых попыток японских предпринимателей во главе с неким Касано закрепиться во Владивостоке, осуществленная весной 1875 г., сопровождалась вывозом различной японской продукции из Нагасаки паромом «Курьер», зафрахтованным японской стороной за 3 тыс. иен (около 4 тыс. руб. по тогдашнему курсу)¹⁶. Все возрастающее влияние японского рынка на ситуацию в Охотско-Камчатском крае выразилось и в том, что в 1879 г. Филиппеус при помощи иностранного капитала организовал «Сахалинскую рыбопромышленную ассоциацию» («Sakhalin Fishing Association»), которая предполагала организовать промысел в устье Амура с целью сбыта продукции в Японии¹⁷.

К концу 1870-х гг. «Мицубиси» при поддержке правительства и иностранного капитала полностью монополизировала все транспортные перевозки в Японии и стремительно расширяла свое влияние на международных линиях. Летом 1880 г. в Токио в районе Нихонбаси была создана компания «Токио бозки сёкай» («Токийское внешнеторговое общество»), за созданием которой стояли тогдашний министр финансов Окума Сигэнобу (1838–1922),

основатель корпорации «Мицубиси» Ивасаки, а также известный государственный деятель эпохи Мэйдзи Фукудзава Юкити (1835–1901). Основная цель создания общества была в том, чтобы «потеснить иностранцев из сферы внешнеторговых сделок на японском рынке» путем расширения прямых экспортных сделок. Любопытно, что представительства «Внешнеторгового общества» были созданы не только в Лионе, Лондоне, Нью-Йорке, но и во Владивостоке. Со следующего года «Мицубиси» начала осуществлять регулярные рейсы по линии Кобэ–Нагасаки–Владивосток¹⁸.

Очевидно, что совместная торгово-экономическая деятельность Уолшей и Филиппеуса, приобретая со временем монопольный в Охотско-Камчатском крае характер, была направлена на использование невосполнимых ресурсов российского Севера, что ограничивало возможности ее развития. Дело Филиппеуса по снабжению российской окраины, которым увлеченно занимался петропавловский купец, по прошествии лет стало малоперспективным и обременительным как для российской казны, так и для американцев. Именно поэтому в 1886 г. договор с Филиппеусом был расторгнут и осуществление северных рейсов было возложено на Добровольный флот. Петропавловский купец избавился от своего парохода «Камчатка» и стал фрахтовать для торговых целей иностранные суда. После смерти Филиппеуса в 1889 г. его торговые дела и имущество в Охотско-Камчатском крае перешли в руки «Уолш, Холл и Ко.»¹⁹. Таким образом, не имея возможности самостоятельно вести торговлю на Дальнем Востоке, немногочисленные российские купцы вынуждены были обслуживать в этом районе интересы американского капитала.

Примечательно, что в 1880 г. во Владивостоке появился еще один предприниматель, тесно связанный с торговым домом Уолшей. Им стал молодой швейцарец Юлиус Бринер (Julius Joseph Bryner, или же Юлий Иванович Бринер,

¹⁵ *Japan Through American Eyes: The Journal Of Francis Hall, 1859–1866.* – P. 2, 24 ; *Мицубиси сёдзи сяси (История компании «Мицубиси сёдзи»).* – С. 21–23, 775–777 ; *Кокурицу кобунсёкан (Государственный архив Японии).* *Банги дзимукёку кироку (Документы временного Управления по делам Тайваня).* – № 2. Японский центр документации азиатской истории (JACAR), A03030003200 ; *Кокурицу кобунсёкан. Сёхан сёруй кисэн ёрё: Тэн (Документы, касающиеся ликвидации кланов. Сведения о пароходах: Тэн).* JACAR, A03030061700, A03030061900; *Скальковский, К. Указ. соч.* – С. 408, 421–423 ; *Йомиури симбун, 10.08.1876.* – С. 2.

¹⁶ *Сакон, Такаси. Энкэй тоситэ но кован тоси: Юрикаго но нака но Урадзивосутокку (Вид издалека на город-порт: Владивосток в своей колыбели) / Такаси Сакон // Север (журнал Общества изучения Харбина и Владивостока).* – № 12. – Декабрь 2000 г. – С. 16.

¹⁷ *Скальковский, К. Указ. соч.* – С. 97–98, 369.

¹⁸ *Барышев, Э. А. Мотоно Итиро (1862–1918) – «яркий представитель политики здравого смысла» / Э. А. Барышев // Япония-2009. – Ежегодник. – М. : АИРО-XXI, 2009. – С. 325 ; Мицубиси сяси (журнал компании «Мицубиси»).* – № 9 (1881). – Токио : Мицубиси, 1980. – С. 263–267 ; *Цусё исан (Вестник торговли).* – Т. 1. – Токио : Фудзи сюппан, 1988. – С. 107–108 ; *Оба Како. Рококу оёби родзин кэнкю (Исследование России и россиян).* – Токио : Тюко бунко, 1984. – С. 217–220.

¹⁹ *Аленко, А. В. Указ. соч.* – С. 135, 153 ; *Бянкин, В. П. Указ. соч.* – С. 65–66.

1849–1920), служивший с 1870 по 1874 г. в йокогамской и нагасакской конторах компании²⁰. В 1890 г. Бринер формально принял русское подданство, а в 1891 г. вместе с купцом II гильдии А. Н. Кузнецовым основал товарищество «Бринер, Кузнецов и Ко.», которое стало заниматься разгрузочно-погрузочными работами во владивостокском порту, хранением грузов на складах и их отправкой, а также комиссионной торговлей.

Предположительно, деятельность новой компании частично заполняла нишу, образовавшуюся на рынке морских перевозок в регионе вследствие смерти купца Филиппеуса. Пушная же торговля в Охотско-Камчатском крае до самой смерти Джона Уолша в 1897 г. находилась под контролем «Уолш, Холл и Ко.», имевшей «своих людей» как во Владивостоке, так и в Петропавловске²¹.

---

²⁰ *Japan Directory: Бакумацу-Мэйдзи дзайнити гайкокудзин, кикан мэйкан (Списки иностранцев и иностранных организаций в Японии в эпоху Бакумацу-Мэйдзи)*. – Т. 1 ; Алеко, А. В. Указ. соч. – С. 136 ; *Бакумацу-Мэйдзи-ки ни окэру Нагасаки кёрюти гайкокудзин мэйбо (Списки иностранцев Нагасакского сэттльмента в эпоху Бакумацу-Мэйдзи)*. – Т. 2. – С. 461, 478.

²¹ *Brynnner R., Empire and Odyssey: The Brynnners in Far East Russia and Beyond, Hanover, New Hampshire: Steerforth Press, 2006*, – Р. 26 ; Горчаков, А. А. *Бринеры: генеалогический портрет / А. А. Горчаков // Янковские чтения : материалы IV–V научно-практических конференций*. – Владивосток, 2003. – С. 192 ; РГИАДВ. Ф. 28 (Владивостокская городская управа). Оп. 1. Д. 707. Л. 11–11 об. ; Алеко, А. В. Указ. соч. – С. 172 ; Слюнин, Н. В. Указ. соч. – С. 664, 681–682 ; *Мэйдзи-сёки но дзайрю гайдзин (Иностранцы в Японии в начале эпохи Мэйдзи)*. – Вып. 3. – С. 147, 192.

*В. Г. Борисова,
главный библиограф отдела краеведения*

ОБЛАСТНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА В ГОД СВОЕГО 65-ЛЕТИЯ

Сахалинская областная библиотека – ровесница области – была создана по решению исполкома Сахалинского областного Совета депутатов трудящихся № 361 от 12 августа 1947 года. Время создания библиотеки связано с крупнейшим событием в истории островного края: 2 января 1947 года Сахалинская область была выделена из состава Хабаровского края и стала самостоятельным регионом РСФСР. Помещение для библиотеки было выделено по адресу: Красноармейская, 20. Это были два одноэтажных соединенных переходом барака, где ранее располагалась библиотека японского губернатора, потом городская библиотека г. Тойохары. Бараки находились напротив современного драматического театра имени А. П. Чехова и тисового сквера, где располагался дом японского губернатора. В последующие годы библиотека размещалась в здании Дома пионеров по улице Сахалинской, в японском католическом костеле по Библиотечному проезду. С апреля 1974 года она работает в типовом библиотечном здании по улице Хабаровской, 78. Первым директором библиотеки был Аркадий Владимирович Тресков, прибывший на Сахалин в составе группы выпускников Московского библиотечного института. Он только что с отличием его закончил. Было ему 25 лет. Руководил А. В. Тресков библиотекой по 1963 год. Вся нагрузка по организации работы нового учреждения, по становлению библиотечного дела в области легла на его плечи. На посту директора работали также Римма Станиславовна Богданова, Зинаида Александровна Безлатная, Лидия Владимировна Корогод (Гавриленко). С октября 1983 года по март 2009 года библиотеку возглавляла Тамара Трофимовна Даниленко – почетный гражданин Сахалинской области. В настоящее время директор библиотеки Валентина Аврамовна Малышева – заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат губернаторской премии, премий Сахалинского фонда культуры, автор ряда исследований по библиотечному делу области.

Свою работу в 1947 году библиотека начинала с фондом около 15 тыс. экземпляров. В июле 1952 года на полках библиотеки было уже свыше 115 тыс. книг. На 1 января 2012 года фонд областной универсальной научной библиотеки насчитывает 617 тысяч книг и документов на других носителях. Ежегодно в библиотеку поступает около 10 тысяч новых книг.

Гордостью библиотеки являются издание первопечатника И. Федорова «Библия-Острог»

1581 года, «Грамматика» М. Смотрицкого (1648), «Арифметика» Л. Ф. Магницкого (1703), «Описание земли Камчатки» С. Крашенинникова (1786), «Об инородцах Амурского края» Л. Шренка (1883) и другие. В библиотеке хранятся книги со штампом русской Тургеневской библиотеки в Париже. Бережно хранит библиотека редкие краеведческие книги дореволюционных лет издания: «Остров Сахалин» А. П. Чехова 1903 года выпуска (типографией А. Маркса), книгу В. Дорошевича «Сахалин (каторга)» 1903 года выпуска, «Типы и нравы Сахалина» П. Уварова, «Восемь лет на Сахалине» И. Миролюбова, «Сахалинский календарь» и другие. Есть фонд миниатюрных изданий, книг с дарственными надписями, несколько частных книжных коллекций. Уникально собрание литературы советского периода. Областная библиотека обладает самым полным в области собранием краеведческой литературы. Собран фонд журналов дореволюционных лет. С 1947 года собирается местная периодическая печать.

Библиотека выписывает около 300 названий газет, более 600 названий журналов и текущих библиографических изданий Российской книжной палаты, Новосибирской ГПНТБ СО РАН, библиотек Дальневосточного федерального округа. Поскольку помещение библиотеки рассчитано на 500 тысяч экз. хранения, продолжается ежегодное списание литературы. Краеведческие издания не списываются.

Однажды в поездке по районам области губернатор И. П. Фархутдинов, побывав в библиотеках, увидел, как мало в них литературы о Сахалинской области. 5 марта 2003 года он подписал распоряжение «Об утверждении перечня краеведческой литературы для первоочередного издания». В соответствии с этим документом на издание краеведческой литературы в области стало выделяться ежегодно около 2 млн. рублей, что значительно улучшило издательскую работу в области. Материалы научно-практических конференций, проводимых в библиотеке, календари памятных и знаменательных дат по Сахалинской области, научно-вспомогательные библиографические пособия «Литература о Сахалинской области», персональные библиографические издания серии «Деятели Сахалинской области» и другие издания библиотеки стали печататься не собственными силами, а в Сахалинском книжном издательстве, исчезнувшем в 2009 году и не возродившемся до настоящего времени. Ныне долгосрочная целевая программа «Развитие культуры Сахалинской об-

ласти на 2011–2015 гг.» финансирует краеведческую издательскую деятельность.

Для раскрытия книжного фонда библиотеки создан справочный аппарат: алфавитный и систематический карточные каталоги, краеведческий каталог, картотека персоналий, электронный каталог.

Электронный каталог в библиотеке создается с 1994 года. В 1993 году, изучив и проанализировав опыт других библиотек по автоматизации библиотечных процессов, администрация библиотеки принимает решение создать собственный программный комплекс «Мамонт». Первоначальный вариант «Мамонта» к 2012 году претерпел три редакции. Последняя версия его приближена к общероссийской библиотечной программе «RUSMARK». В 2012 году электронный каталог включал около 394 тысяч библиографических записей. Доступ к нему возможен на интернет-сайте библиотеки и на компьютерах при посещении библиотеки. Парк компьютеров на 1 января 2012 года насчитывал более 120 машин.

В 1997 году у библиотеки появился в Интернете свой сайт. В 2011 году читатели к нему обратились 103322 раза. На сайте работает виртуальная справочная служба «Спросите библиотекаря». К нему чаще всего обращаются студенты с учебной целью составить для них список литературы к курсовой работе или для реферата. В 2011 году было 220 запросов.

За 65 лет своего существования библиотека претерпела значительные структурные изменения. Для создания и развития автоматизированной системы областной библиотеки и для библиотек области создан сектор, позже реорганизованный в отдел информационных технологий. Введена должность заместителя директора по информационным технологиям.

15 лет прошло со времени официальной презентации интернет-класса. В 1997 году пользователи библиотеки получили возможность войти в мировую информационную систему. Это позволило значительно расширить перечень предоставляемых услуг. Любой читатель мог прийти в интернет-класс, поработать на компьютере, войти в Интернет, распечатать и отсканировать нужный документ. Позже интернет-класс реорганизован в электронный читальный зал с теми же услугами.

В данный момент в структуре библиотеки шестнадцать отделов и секторов. Часть отделов в 2012 году работала по традиционным технологиям с применением программного комплекса «Мамонт». Это читальный зал, отдел городского абонемента, отдел литературы и искусства, информационный центр международного сотрудничества с американским и японским центрами, созданными в 2001 году, отдел краеведения, информационно-библиографический отдел. Центр социально значимой информации, созданный на базе публичного центра правовой информации, выполняет

задачи обеспечения открытого доступа пользователей к правовой информации международного, федерального, регионального и местного уровней, формирования информационно-правовой культуры населения, воспитания гражданственности и патриотизма. С 2011 года при нем ведет работу приемная общественного совета при УМВД по области.

Новые направления в год 65-летия библиотеки осуществляют отдел информационных технологий, электронный читальный зал библиотеки имени Б. Ельцина, отдел оцифровки документов, центр обучения и компьютерной грамотности. В обиход библиотеки все больше внедряется словосочетание «пользователь библиотеки» как понятие более широкое по значению, чем слово «читатель».

В текущем году областная библиотека имеет доступ к ресурсам Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина в Санкт-Петербурге. Подобный доступ в эту библиотеку имеют также Правительство Сахалинской области, администрация Южно-Сахалинска, Пенсионный фонд, налоговая служба и другие учреждения.

Читатели областной библиотеки могут получить регламентированный доступ в фонды библиотеки имени Б. Ельцина через портал в электронном читальном зале, созданном в 2011 году. Электронный читальный зал осуществляет следующие задачи: обслуживание читателей и пользователей Сахалинской области информационными ресурсами Президентской библиотеки и сбор сахалинских краеведческих материалов для включения в базу данных Президентской библиотеки. В 2011 году пять сахалинских изданий, представляющих общественный интерес, оцифрованы и переданы в Президентскую библиотеку. В 2011 году к услугам электронного читального зала обратились 1230 пользователей 6467 раз.

Областная библиотека имеет доступ к девяти библиографическим и полнотекстовым базам данных страны: Российской государственной библиотеке, к электронной библиотеке «Нефть и газ», к базе данных «Арбикон» и другим.

Центр обучения и компьютерной грамотности предоставляет возможность сахалинцам получить знания по основам компьютерной грамотности. Занятия проводятся в рамках проекта «Твой курс: повышение компьютерной грамотности». Большой популярностью он пользуется у пенсионеров и других социально незащищенных граждан. В итоге обучения курсантам выдаются сертификаты. Обучение в центре предоставляется на бесплатной основе. В течение 2011 года здесь прошли подготовку 502 человека, в 2012-м – более тысячи.

Отдел оцифровки документов создан в июне 2010 года. Основные направления работы сектора: сканирование и оцифровка периодических местных изданий и наиболее ценных краеведче-

ских и некраеведческих редких документов из фонда библиотеки для создания страхового фонда документов и копий для пользования.

С 2007 года началось формирование собственного информационного ресурса – текстовой электронной базы данных на газету «Советский Сахалин». Ныне в информационно-поисковую систему «Каиса-краеведение» введены электронные копии газеты «Советский Сахалин». Позже перечень газет для электронной библиотеки расширился. Кроме газеты «Советский Сахалин», оцифрованы «Губернские ведомости», «Молодая гвардия», «Наши острова», «Позиция». Ныне база данных на периодические издания представлена пользователю на сайте библиотеки как фрагмент электронной библиотеки под названием «Сахалин и Курилы – острова утренней зари». Книги в электронной библиотеке пока отсутствуют. Для создания электронной библиотеки приобретены планетарные сканеры и автоматизированный сканер-робот, который сам листает страницы книги и копирует. Это позволило в десять раз увеличить скорость считывания краеведческих документов. Процесс сканирования – сложное дело: краеведческие книги дореволюционных лет, многие периодические издания плохо сохранились (желтые, изношенные страницы). После сканирования отдельные абзацы, а то и целые страницы оказываются нечитаемыми, серыми. Требуется доработка.

Перестройка общественной жизни в России не отменила плановую работу библиотек. Теперь это заказ от учредителя и населения. По-прежнему библиотеки отчитываются по таким показателям, как количество читателей, книговыдача, число посещений. Ежегодно областную библиотеку посещает более 25 тысяч читателей. Книговыдача в 2011 году – 602353 единицы хранения. Ведется учет посетителей сайта библиотеки и пользователей в удаленном (виртуальном) режиме. Тем не менее библиотека заинтересована в значительном увеличении числа читателей и более частом посещении ими библиотеки.

В библиотеке наблюдается недостаток специалистов с библиотечным образованием. Для обеспечения штата областной библиотеки и библиотек области библиотечными кадрами по инициативе администрации областной библиотеки при Сахалинском училище искусств открыто библиотечное отделение.

Областная научная библиотека является центром, где жители Южно-Сахалинска могут интересно провести свободное время. При библиотеке регулярно проводятся встречи читателей с деятелями культуры путем организации цикла литературных, музыкальных вечеров, презентации новых книжных изданий, организации круглых столов, праздников городского и областного масштаба. Здесь работают клубы по интересам. Работа по вовлечению в процесс чтения нечитаемой

публики зачастую выходит за пределы библиотеки на улицу, в гущу народа на площадь железнодорожного вокзала, аэропорта и т. д. Используются новые формы работы, такие, как библионочь, библиоармарки «Сахалинский Арбат».

Просветительская работа библиотеки по вопросам краеведения с конца 90-х годов обрела новую форму – проведение областных научно-практических конференций под названием «Рыжковские чтения». У истоков этой конференции стоял Михаил Станиславович Высоков, короткое время работавший в библиотеке заместителем директора по региональным проблемам. Совместно с Институтом истории, социологии и управления Сахалинского государственного университета проведено пять «Рыжковских чтений». Участниками конференций являются преподаватели университета, учителя школ, специалисты музеев и архивов, библиотекари.

Сотрудники областной библиотеки принимают участие в других научно-практических конференциях краеведческого, исторического и литературоведческого направлений, организуемых в Южно-Сахалинске, а также в других городах страны. С 1998 года библиотека принимает участие в Чеховских чтениях, проводимых литературно-художественным музеем книги А. П. Чехова «Остров Сахалин». За высокий уровень выступлений библиотекари поощряются премиями Сахалинского фонда культуры.

В 2000 году СахОУНБ обратилась в Союз муниципальных образований Сахалинской области с предложением разработать многофункциональный проект совместной работы библиотек области и органов местного самоуправления. 4–9 октября 2000 года была проведена республиканская научно-практическая конференция «Роль библиотек в становлении местного самоуправления» при участии Министерства культуры РФ, Конгресса интеллигенции РФ, администрации Сахалинской области. В работе конференции участвовало более 100 человек. Научно-практические конференции по работе библиотек с органами местного самоуправления проводились в 2002 и 2005 годах, где подводились итоги работы и анализировалась деятельность библиотек по содействию местному самоуправлению в области. В нынешнем году на базе областной научной библиотеки пройдет международная конференция «Интернет и социальные трансформации в информационном пространстве». С этой целью приезжал в Южно-Сахалинск Кузьмин Евгений Иванович – председатель Межправительственного совета и Российского комитета программы Юнеско «Информация для всех». На семинаре библиотечных работников он выступил с двумя интересными докладами. В лекции «Какое чтение и почему важно в информационном обществе» он сказал, что вся информация,

внесенная в Интернет, будет находиться в нем 15 лет, а потом исчезнет. Нужна система защиты. Такая программа два года назад разработана, но до сих пор не принята.

Являясь научно-методическим центром в регионе, областная библиотека ставит задачу качественного улучшения деятельности районных и сельских библиотек. В 2006 году областная библиотека получила грант для поддержки проекта «Мост на Большую землю: создание центров открытого доступа к электронным ресурсам в библиотеках на Курильских островах» и внедрила проект в центральных библиотеках Южно-Курильска и Курильска. Специалисты научно-методического отдела обобщают опыт работы библиотек, готовят аналитические обзоры деятельности ЦБС, выпускают сборники методических материалов и документов под названием «Библиомир Сахалина и Курил», «Деловой блокнот библиотекаря». Повышение профессионального уровня библиотечных кадров области отдел осуществляет в различных формах. Проводятся Дни директора, кустовые семинары для всех категорий работников, курсы повышения квалификации, научно-практические конференции.

На протяжении 65-летней истории библиотеки на разных этапах ее деятельности формировались яркие личности библиотекарей. На 2012 год у нас два заслуженных работника культуры РФ, три заслуженных работника культуры Сахалинской

области, около 30 библиотекарей награждены медалями «Ветеран труда», почетными знаками и грамотами Министерства культуры России.

В библиотеке работают 103 библиотечных работника.

К 60-летию библиотеки был создан библиографический указатель типа «что читать о библиотеке». В него, между прочим, включена статья из газеты «Советский Сахалин» 1952 года преподавателя учительского института И. А. Сенченко «О недостатках в работе областной библиотеки», где он писал, что в библиотеке нет вешалки, на столах нет чернилниц. Далекое прошлое. Было время, когда библиотекари наливали чернила в чернилницы, следили за состоянием перьевых ручек. В год своего 65-летия областная библиотека из идеологического учреждения превратилась в информационно-коммуникативный центр, в центр досуга и психологической разгрузки. В культурной жизни области занимает почетное место.

Литература

1. Арентова, Т. Н. Отчет ГБУК «Сахалинская областная универсальная библиотека» за 2011 год. – 49 с.

2. Сахалинская областная универсальная библиотека. 1947–2007 : библиогр. справ. / СахОУНБ, отд. краеведения ; сост. В. Г. Борисова ; ред. Г. М. Нефедова. – Южно-Сахалинск : Лукоморье, 2011. – 256 с.

А. А. Василевский,

доктор исторических наук, проректор по науке и инновациям СахГУ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ РУБЕЖИ И ТРЕНДЫ ИСТОРИИ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

Изучение истории Дальнего Востока, и в том числе Сахалина и Курильских островов, началось задолго до оформления отечественной исторической науки в особую отрасль академического знания. Первые смутные упоминания о землях к северу от Китая, Кореи и Японии относятся к первым векам первого тысячелетия до нашей эры. Попытки каким-то образом описать и систематизировать события островной истории появляются в средние века, прежде всего, в Китае, они, безусловно, китаецентричны и безыскусны в своей наивной тенденциозности, впрочем, напоминая тем самым и некоторые творения наших дней. Среди первых летописей – сказания о народе Лао, волосатых людях, стране Люгуй, а также уже более системные описания монгольских походов и айских набегов на Приамурье; о Курилах (Цисиме) глухие исторические известия восходят к более позднему периоду, по сути, предшествовавшему голландским, русским и японским походам на острова. Такова предыстория вопроса.

Еще предстоит оценить исторические труды азиатских и европейских историков Нового и первого периода Новейшего времени. Но стоит все-таки признать, что наиболее полные и весьма разноплановые, хотя и не лишённые тенденциозности, исторические исследования написаны в последние 30 лет, начиная с первой истории об области на островах.

Современный этап исторической науки, наступивший в 1990-е гг. в связи с перестройкой и встречными усилиями российских, японских и американских ученых по формированию достаточно достоверного образа островной истории, имеет ряд особенностей, которые позволяют считать его прорывом в исторической науке об островном мире дальневосточных морей.

Во-первых, наша наука в регионе приобрела международный характер, что по умолчанию снижает возможности фальсификации событий и процессов прошлого, смягчает и придает налет объективности оценкам и т. д.

Во-вторых, на этом этапе сформировалась собственная, островная школа историков, которая тесно связана с различными группами ученых всего мира и в этом смысле способна на отвлеченно антропологические подходы и оценки, что не отменяет ее очевидной патристичности. Любопытно, что назревающие противоречия в оценках островных событий между западными российскими и дальневосточными школами пока не обсуж-

даются, но развитие событий в этом направлении близко впереди.

В-третьих, именно на этом этапе сформировались собственные группы профессиональных историков внутри островной школы, а также объединения любителей-краеведов и, соответственно, научные и любительские системные и спорадического характера собственные печатные и электронные интернет-издания и средства распространения информации и общения с краеведческой тематикой во главе угла. Свобода породила многообразие и пестроту и изданий, и подходов, и оценок. Историческая информация и аналитика доступны в учебных пособиях, монографиях, отдельных изданиях, журналах, газетах, тематических сборниках и ежегодниках, на интернет-сайтах, в исторических документальных фильмах.

Право говорить и оценивать историю теперь не принадлежит узкому кругу профессионалов. Это и достоинство, и большой недостаток нынешнего этапа, объективно эта особенность заставляет профессионалов быть строже, разборчивее и честнее в своем творчестве. Второе последствие данного обстоятельства (это признанный факт) – в общественном сознании существует три истории наших островов. Первая – российская (академическая), которую пишут историки из центральных академических институтов, и в ней острова лишь малая частица большого мира, это глобальная история. В этом ее сила. Она политизирована, часто пишется в угоду текущему политическому тренду, но в каждый текущий момент она считается некоей эталонной истиной на сегодня. В этом ее слабость. Вторая – история в мелких деталях, с сотнями имен и тысячами фактов местного значения, она пишется краеведами, профессионалами и любителями разного уровня, эта краеведческая история очень подробна, очень занимательна, очень личностна. Эти три качества и сила, и слабость краеведения, так как дают свободу субъективизму и непрофессионально кухонному подходу к оценкам, которые на самом деле требуют строгого и сухого разбора. В-третьих, есть сторонняя, зарубежная история островов, которая пишется преимущественно в Японии и англоязычных странах. Но и там нет единых подходов, так как стоят разные задачи, имеются разные источники, а восприятие и описание фактов учеными зависят от многих, в том числе политических, мотиваций.

Четвертой особенностью современного этапа развития исторического знания о Сахалине и Курильских островах следует признать все большее приближение истории к научности, что выражается стремлением к системности, объективности оценок. Отметим насыщенность современных исследований добротным фактическим материалом из разных массивов источников. Парадоксально, но исторические процессы оцениваются и описываются тем объективнее, чем дальше они от участников событий, чем меньше историк заинтересован в них. У каждого из нас есть свое восприятие, своя осведомленность, своя правда об этих событиях, своя оценка прошлого. Но есть нечто общее, осмысленное с научных позиций и называемое «история», не лишенное субъективизма, как все, что производит общественное сознание, но считающееся объективным и верным. Хотелось бы сказать именно об этом, о том, чего достигла историческая наука в нашей области и в чем состоят ее задачи в настоящее время.

Главные достижения нашей исторической науки касательно истории Сахалина и Курильских островов, на мой взгляд, заключаются в следующем:

– к началу XXI века нам удалось соединить достижения советской, российской и зарубежной исторической науки и, как представляется, установить основные позиции историков разных стран и школ, определить их сильные и слабые стороны, сформировать основные оценки прошлого;

– в ряде обобщающих произведений 2000-х годов историкам удалось создать целостную картину прошлого островов и систематизировать исторические события, описав их в рамках периодизации, синхронизированной с периодизациями древней, средневековой, новой и новейшей истории страны, Азиатско-Тихоокеанского региона и мира. Написана и продолжает писаться в деталях картина длиной 200 тысяч лет – решается задача, которая казалась немыслимой еще 25 лет назад;

– благодаря соединению усилий ученых и островной власти почти десять лет существует систематическое издание и переиздание наиболее ценных исторических и раритетных изданий, имеющих источниковедческое и общекультурное значение.

Что же не сделано, какие задачи стоят перед исторической наукой в отношении Сахалинской области:

• популяризация истории Сахалина и Курильских островов – задача огромного патриотического и политического значения для сахалинцев и курильчан. Поэтому главное, что должны сделать историки, – донести свое полное знание до людей самыми современными средствами. Следовательно, главной задачей считаю создание инновационных средств исторического познания – тематических веб-сайтов, иллюстрированных учебников и электронных книг, компьютерных баз данных по

направлениям и периодам островной истории, документальных и художественных фильмов в HD-качестве, исторического электронного журнала и даже компьютерных игр, где играющий оперирует историческими событиями, и т. д.;

• в области организации исторической науки – укрепление корпуса профессиональных историков, что предполагает активную работу старшего поколения по подготовке аспирантов как в области, так и за ее пределами – в России и за рубежом;

«Краеведческий бюллетень» – признанный форум историков области 1990-х гг. сыграл свою роль и ушел. На повестке дня – создание нового общепризнанного регионального исторического журнала;

• в области историографии – создание целостного свода историографии российских и зарубежных исследований всех уровней и разной направленности, дать им оценку с позиций современной философии и методологии истории;

• в археологии стоит задача внедрения в ежедневную практику новейших методов исследования вещественных источников методами естественных наук, что позволит создать этноисторическую картину далекого прошлого;

• в этнографии требуется системное академическое описание как ушедших, так и ныне живущих этносов и субэтнических групп, с учетом изменений этнической картины на островах в первом десятилетии нового века. Данное описание должно опираться на добротную сформированную цифровую базу данных, включающую обширный графический материал. Как цель и как следствие всей этой работы необходимо дать актуальные прогнозы и ответы на то, как предотвратить вероятные этнические обострения и конфликты в многонациональной среде области, как сохранить и развить феномены национальных культур региона;

• в средневековой истории найти достоверные вещественные и документальные источники, позволяющие восстановить события периода с VII по XVII в., которые сегодня почти не изучены;

• в новой и новейшей истории вести систематический поиск новых серийных, взаимно проверяемых источников. Жизненно важны анализ и дискредитация фальсификаций и заведомо ложных подходов и пропаганда научно обоснованных суждений и выводов; требуется написание и публикация общепризнанной объективной истории Нового и Новейшего времени на основных языках Азиатско-Тихоокеанского региона.

И все же наряду с вышеуказанными есть еще одна всеобщая и самая важная задача, касающаяся основы нашей науки – источниковедения. Это широкая профессиональная и популярная публикация и анализ источников. Однако этим не ограничиваются текущие задачи историков. Последняя из названных по списку, но не по содержанию

и значимости задача – синхронизация событий и этапов доисторического и исторического развития Сахалина и Курильских о-вов с общероссийскими, евразийскими и всемирными. Отгородиться от мира забором собственных идей и периодиза-

ций несложно, но этот барьер может сделать нас и пленниками наших собственных заблуждений. Свобода исторического исследования и право на мнение все-таки главное условие развития исторической науки, в том числе и в регионах.

С. А. Власов,

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Образование в 1947 г. Сахалинской области заставило власти всех уровней озаботиться обеспечением населения вновь созданной административно-территориальной единицы жильем. Решение этой проблемы проходило в сложных условиях послевоенного времени, когда все ресурсы в первую очередь были направлены на восстановление западных районов страны, пострадавших от боевых действий в годы Великой Отечественной войны.

В Сахалинской области проблема нехватки жилья усугублялась большим притоком переселенцев, направленных в область из западных районов страны. Всех вновь прибывших необходимо было разместить, дать крышу над головой. Частично эта проблема решалась за счет жилого фонда, который остался в южной части Сахалина после японцев. Но главным средством все же являлось строительство новых домов.

В СССР в послевоенные годы жилищное строительство находилось в компетенции министерств и ведомств, заинтересованных в обеспечении своих предприятий рабочей силой. Именно они, располагая материально-техническими и финансовыми ресурсами и нуждаясь в кадрах, занимались возведением жилья для своих работников.

Помимо ведомств жилье строили органы местного самоуправления – Советы депутатов трудящихся. Но они были ограничены в финансах, не располагали надлежащими строительными организациями, поэтому строили мало. В общем объеме вводимого в эксплуатацию жилья на их долю приходилось примерно лишь 40 %, большая часть (60 %) приходилась на долю ведомств.

Еще одним источником создания жилищ было индивидуальное строительство. В послевоенные годы ему был придано особое значение. В августе 1946 г. вышло постановление Совета министров СССР «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих, инженерно-технических работников предприятий и строков, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем

Востоке»¹. Согласно постановлению, желающим построить своими силами дом предоставлялся кредит от 8 до 12 тыс. руб. (в зависимости от размеров дома и материалов, из которых он возводился). Кредит предоставлялся сроком на десять лет под 1 % в год. Как правило, такая возможность предоставлялась в первую очередь передовикам производства и лицам, не имеющим нареканий на работе, поскольку построить дом без помощи предприятия было крайне сложно. Требовались стройматериалы, купить которые в свободной продаже было невозможно, транспорт по их доставке, помощь специалистов в строительстве дома и т. д.

В Сахалинской области в послевоенные годы практиковались все три способа жилищного строительства – ведомственное, муниципальное, индивидуальное. Среди городов области, где наиболее активно велось жилищное строительство, следует выделить три – Южно-Сахалинск, Оху и Холмск. Так, за послевоенное десятилетие жилой фонд Охи заметно увеличился. Если в 1940 г. он составлял 75 тыс. кв. м и состоял преимущественно из каркасно-засыпных зданий, то к 1957 г. он увеличился до 180 тыс.² Причем Оха застраивалась преимущественно двух- и трехэтажными каменными домами с коммунальными удобствами.

Особенностью жилищного строительства в области, что отличало ее от других районов Дальнего Востока, являлось активное строительство в сельской местности, что было связано с большим числом переселенцев, прибывших на Сахалин, которых в первую очередь направляли в сельские районы. С апреля 1946 г. по 1 июля 1950 г. в Сахалинскую область прибыло в порядке переселения из различных областей СССР 534 тыс. чел. Благодаря переселенцам на Сахалине появились десятки новых совхозов и колхозов. Новых жителей области пытались разместить в построенных или отремонтированных домах. С 1 января 1946 г. по 1 июля 1952 г. для них в области построили 3478 новых дома и 1172 дома капитально отремонтировали³.

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. – Т. 3. – М., 1968. – С. 332–334.

² Советский Сахалин (Южно-Сахалинск). – 1957. – 12 сентября.

³ ГАСО. Ф. 53. Оп. 25. Д. 463. Л. 22.

Тем не менее жилья на всех не хватало и многие переселенцы из-за этого уехали обратно.

Несмотря на предпринимаемые меры, жилищное строительство в послевоенные годы в Сахалинской области велось в ограниченных масштабах и не обеспечивало насущные потребности населения. В 1955 г. на одного жителя области в среднем приходилось 3,6 кв. м жилой площади⁴, к тому же значительная часть сахалинцев проживала в неблагоустроенном жилье, каркасно-засыпных домах и бараках.

Кардинальные перемены в решении жилищной проблемы наступили после того, как в нашей стране началось массовое жилищное строительство, которое охватило все регионы, в том числе и Сахалинскую область. Началом этого процесса следует считать выход в свет 31 июля 1957 г. Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР». В нем говорилось о необходимости в кратчайшие сроки увеличить объемы жилищного строительства, чтобы достигнуть значительного прироста жилого фонда и в ближайшие годы покончить с нехваткой жилья⁵.

Решить эту сложную задачу можно было при условии существенной реорганизации строительного производства. Следовало создать крупные строительные организации, обеспечить их техникой, кадрами. Кроме того, требовалось создать предприятия по производству строительных материалов. Все это необходимо было сделать и в Сахалинской области, причем в непростых условиях, среди которых были: отсутствие развитой промышленности, слабая транспортная сеть, нехватка рабочих и инженерно-технических кадров, сложные природно-климатические условия. Все эти факторы не могли не сказаться на ходе жилищного строительства в Сахалинской области. Тем не менее, невзирая на существующие трудности, область не выпала из общегосударственной программы по жилищному строительству.

До 1958 г. на Сахалине существовало несколько мелких строительных организаций с управлениями и участками в городах и поселках области. Это приводило к распылению средств и ресурсов, невозможности вести строительство быстрыми, ударными темпами с использованием новых индустриальных технологий. В соответствии с новыми задачами, стоящими перед строителями, была проведена реорганизация. Ряд строительных организаций укрупнили за счет ликвидации мало-

мощных и убыточных строительных участков. Изменилась система управления. Крупнейшие строительные тресты области вошли во вновь созданное главное управление по строительству на Дальнем Востоке – Главдальстрой. В состав главка помимо сахалинских строительных трестов вошли строительные организации из Хабаровского края, Амурской и Камчатской областей. Главдальстрой стал мощной строительной организацией, объединившей 18 трестов и более 100 различных организаций⁶, включающих предприятия по производству стройматериалов, авторемонтные и деревообрабатывающие заводы, склады, конторы материально-технического снабжения, а также транспортные предприятия, обслуживающие строительство.

Еще одной мерой по реализации намеченных планов жилищного строительства следует считать создание промышленности стройматериалов. К началу массового жилищного строительства в Сахалинской области отсутствовала развитая промышленность строительных материалов. Поэтому с его началом была поставлена задача – наладить производство местных строительных материалов, чтобы обеспечить ими строителей и не завозить их на Сахалин из других районов Дальнего Востока.

Поскольку одним из средств в быстром решении жилищной проблемы являлось крупнопанельное домостроение, местным партийно-хозяйственным руководством был взят курс на строительство заводов по производству сборных железобетонных изделий (ЖБИ). Они выпускали разнообразную продукцию, в том числе стеновые панели, из которых монтировались дома.

Первым городом на Сахалине, где с 1960 г. началось крупнопанельное домостроение, была Оха. После того как первый опыт крупнопанельного домостроения в Охе оказался удачным, к подобному строительству приступили в Южно-Сахалинске. Здесь в 1960 г. началось строительство завода крупнопанельного домостроения (КПД) мощностью 35 тыс. кв. м жилой площади в год. Он вступил в эксплуатацию 1 июля 1962 г., с началом его работы в Южно-Сахалинске в 27-м квартале началось строительство микрорайона, получившего название по аналогии с районом московских новостроек «Сахалинские Черемушки»⁷. В 1962 г. там сдали в эксплуатацию первые пять крупнопанельных домов.

Помимо Охи и Южно-Сахалинска предприятия по производству крупных панелей появились

⁴ Слабнина, Л. А. *Уровень жизни рабочих Дальнего Востока СССР (1946-й – начало 60-х гг.)* / Л. А. Слабнина. – Владивосток, 1997. – С. 85.

⁵ *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. – Т. 4. – М., 1968. – С. 368.*

⁶ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 90. Д. 115. Л. 11.

⁷ *История Сахалинской области. – Южно-Сахалинск, 1981. – С. 174.*

и в других городах Сахалинской области: Горнозаводске, Томари, Углезаводске, Шахтерске.

Широкомасштабное жилищное строительство, развернувшееся в Сахалинской области, требовало увеличения не только выпуска стройматериалов, но и значительного роста численности строителей.

Основными источниками пополнения кадров для строительных организаций Сахалинской области являлись: оргнабор, выпускники профтехучилищ, вольный наем из местного населения, демобилизованные воины Советской армии. Оргнабор применялся на протяжении 1960-х гг., затем он стал терять свое значение, что было связано с уменьшением избыточного населения в западных районах страны, где вербовались кадры для работы на Сахалине. Кроме того, сказывалась неэффективность оргнабора – завозились люди, не имеющие строительных специальностей, не готовые работать в трудных северных условиях, часто это были обычные искатели «легкой жизни и длинного рубля». В 1970-е гг. стройки области стали в основном пополняться за счет выпускников профтехучилищ и местного населения, частично за счет отслуживших срочную службу военнослужащих.

Жилищное строительство развернулось прежде всего в городах Сахалинской области, благодаря чему заметно выросло обеспечение населения горожан жильем. Примером может служить Южно-Сахалинск. В 1960 г. в Южно-Сахалинске в среднем на одного человека приходилось 9,23 кв. м жилой площади, в 1982 г. этот показатель составил 12,96 кв. м⁸. За двадцать с лишним лет средняя обеспеченность жилой площадью по городу возросла на 3,73 кв. м. К тому же все вновь построенное жилье выполнялось в благоустроенном варианте, с полным набором коммунальных удобств – холодное и горячее водоснабжение, центральное отопление, канализация. Все эти факты свидетельствуют об определенных успехах в жилищном строительстве.

Помимо городов в 1960-е гг. жилищное строительство велось и в сельской местности. Сельское строительство было связано с определенными трудностями: оторванностью объектов от предприятий, производящих стройматериалы, разбросанностью стройплощадок, отсутствием должного количества постоянных квалифицированных кадров. Учитывая специфику сельского строительства и стремясь придать ему ускорение, ЦК КПСС и Совет министров СССР 21 января 1967 г. приняли по-

становление о создании Министерства сельского строительства СССР. На него возлагались руководство сельским строительством в стране, разработка общих вопросов его организации.

Для ускорения строительства в сельской местности министерство приняло решение создавать повсеместно во всех краях и областях специализированные строительно-монтажные организации, занимающиеся исключительно сельским строительством. Такая специализированная строительная организация появились и в Сахалинской области. В 1967 г. был организован трест «Сахалинсельстрой». В его состав помимо существовавших ранее мелких строительных организаций вошли предприятия по производству стройматериалов, две механизированные колонны. Помимо специализированного треста «Сахалинсельстрой» жилье в сельской местности строили и другие строительные организации. В частности, трест «Сахалинстрой». Кроме того, жилье строили своими силами (хозспособом) отдельные колхозы и совхозы, велось и индивидуальное жилищное строительство.

Помощь сельским строителям в возведении жилья оказывали студенческие строительные отряды (ССО), которые стали регулярно приезжать в Сахалинскую область с начала 1970-х гг. При этом ССО комплектовались не только из местных дальневосточных студентов, но и из учащихся вузов и техникумов различных городов СССР – Москвы, Киева, Новосибирска, Винницы, Каунаса и др. На Сахалин каждое лето приезжали более 40 студенческих строительных отрядов из различных городов европейской части страны и Сибири⁹.

За годы массового жилищного строительства в Сахалинской области удалось добиться значительного прироста в объемах введенного в эксплуатацию жилья, в среднем в течение года в эксплуатацию сдавалось 270–320 тыс. кв. м жилой площади¹⁰.

В годы перестройки (1985–1991) в стране началась реализация программы «Жилье-2000». Была предпринята попытка обеспечить к 2000 г. каждую семью отдельной квартирой или домом. Жилищному строительству уделялось особое внимание, для окончательного решения жилищной проблемы стремились задействовать все имеющиеся ресурсы: государственное строительство, строительство силами промышленных предприятий и организаций (хозяйственный способ), индивидуальное строительство, молодежную инициативу в рамках молодежных жилых комплексов (МЖК). В Сахалинской области, к сожалению, не

⁸ Рассчитано автором по источникам: *Народное хозяйство РСФСР в 1962 г. // Стат. ежегодник. – М., 1963. – С. 17–18, 565–566*; *Народное хозяйство РСФСР в 1982 г. – М., 1983. – С. 9–1, 192–193.*

⁹ *Советский Сахалин. – 1983. – 6 августа.*

¹⁰ *Сахалинская область в цифрах: стат. сб. – Южно-Сахалинск, 1983. – С. 61.*

получили широкого распространения индивидуальное строительство, хозяйственный способ и МЖК. Местные власти, как и ранее, упор делали на государственное строительство. Видимо, поэтому добиться заметного прироста в объемах сданного в эксплуатацию жилья не удалось. Хотя меры по выполнению общесоюзной программы «Жилье-2000» предпринимались. В марте 1987 г. в Южно-Сахалинске прошел пленум областного комитета КПСС, а в июне того же года – областное совещание партийно-хозяйственного актива. На этих совещаниях обсуждались проблемы жилищного строительства и те меры, которые необходимо принять, чтобы справиться с программой «Жилье-2000». Специалисты подсчитали, чтобы обеспечить каждую сахалинскую семью благоустроенной квартирой к 2000 г. нужно было построить около 8 млн. кв. м жилой площади¹¹, то есть менее чем за 15 лет построить примерно столько же, сколько было построено за двадцать с лишним лет с начала массового жилищного строительства. Эти планы можно было выполнить при условии значительного увеличения производства стройматериалов и перехода всей стройиндустрии области на двух-, трехсменный режим работы, что при дефиците рабочих кадров выглядело проблематично.

Реализация программы «Жилье-2000» начала свертываться с 1990 г., когда в стране обострились социально-политические проблемы, 1991 г. был последним годом, когда она хотя бы формально выполнялась. В 1992 г. страна вступила в период радикальных политических и социально-экономических реформ, которые привели к резкому падению объемов жилищного строительства. Упали они и в Сахалинской области. В 1993 г. в области ввели в эксплуатацию всего 191,8 тыс. кв. м жилой площади¹², что было почти в два раза меньше уровня 1987 г.

Современные проблемы жилищного строительства в Сахалинской области заключаются в первую очередь в том, что государство перестало финансировать жилищное строительство, отказалось от обязательств перед гражданами по предоставлению им жилья, возложив на них решение жилищной проблемы собственными силами, путем покупки жилья за счет собственных или заемных средств. Но из-за отсутствия средств у подавляющей части населения приток капиталовложений в строительную отрасль существенно сократился, что привело к резкому падению объемов жилищного строительства. В Сахалин-

ской области в начале 2000-х гг. в эксплуатацию вводилось чуть более 40 тыс. кв. м жилой площади в год. Этот показатель был даже ниже, чем в тяжелые послевоенные годы. Лишь с 2007 г. объемы жилищного строительства возросли (105,6 тыс. кв. м), и в последние годы Сахалинская область занимает третье место на Дальнем Востоке по вводу жилья в эксплуатацию за год (201,8 тыс. кв. м в 2010 г.), уступая лишь Приморскому и Хабаровскому краям¹³. Хотя объективности ради следует заметить, что во многом этот объем был достигнут за счет возведения дорогостоящего элитного жилья. Новые дома «экономкласса» для рядовых жителей области строились лишь в Южно-Сахалинске, Невельске и Анивском районе.

К другим проблемам жилищного строительства относятся те, что перешли из советских времен: низкое качество строительства, нехватка стройматериалов. В Сахалинской области до сих пор не создана мощная база по производству строительных материалов. Их в большом объеме, как и ранее, завозят из других районов, что повышает стоимость строительства.

На стоимости «квадратных метров» сказывается также нерешенность проблем с земельными участками. В частности, плохо решаются вопросы передачи неиспользованных земельных участков Министерства обороны в собственность области. Нет должного порядка предоставления субсидий работникам бюджетной сферы, органы местного самоуправления не проявляют особой заинтересованности в строительстве жилья.

Плохо развита в области ипотека. По данным Министерства строительства Сахалинской области, в 2009 г. банки предоставили жителям области всего 297 ипотечных кредитов¹⁴.

Все эти проблемы сказываются на жилищном строительстве, тормозят выполнение областной целевой программы «Развитие массового жилищного строительства в Сахалинской области на период до 2015 г.».

Исторический опыт жилищного строительства в Сахалинской области и анализ современных проблем в этой сфере дают основания сделать вывод, что обеспечение населения жильем относится к числу наиболее сложных и труднорешаемых социальных проблем. За годы массового жилищного строительства в этом вопросе удалось добиться значительных успехов, но полностью решить жилищную проблему – обеспечить каждую семью отдельной квартирой или домом так и не смогли.

¹¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2707. Л. 182.

¹² Строительство в России : стат. сб. – М., 1995. – С. 82.

¹³ Дальний Восток России (положение Приморского края в сравнении с другими субъектами ДВФО) : стат. сб. – Владивосток, 2011. – С. 32.

¹⁴ Емельянов, Г. Штурм высоток / Г. Емельянов // Российская газета. – 2010. – 18 февраля.

В настоящее время эта проблема также далека от разрешения, вот почему следует не ослаблять внимание к ней. В противном случае ухудшение

ситуации с обеспечением жильем приведет к оттоку населения со всеми далеко идущими геополитическими последствиями.

*Е. А. Иконникова,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Института филологии СахГУ*

ЯПОНСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА САХАЛИНЕ ПЕРИОДА КАРАФУТО

Традиционно периодом Карафутто (1905–1945) называют лаконичный исторический промежуток, связанный с колонизацией южной части Сахалина, которая отошла Японии по итогам Русско-японской войны (1904–1905). Этот период характеризуется экономическим и социальным ростом, одновременно с которым осуществлялась и попытка создания специфической региональной литературы, представленной не только отдельными образцами творчества общеизвестных японских авторов, но и произведениями поэтов и писателей, чья литературная манера осуществлялась непосредственно на Сахалине.

Исикава Такубоку

Одно из первых упоминаний о Сахалине в японской литературе начала XX века принадлежит Исикаве Такубоку¹ (1885–1912). В книге русского япониста и переводчика Дмитрия Коваленина «Суси-нуар» (2004) рассказывается о диалоге с таксистом из города Хакодате. «Благодаря нашему старенькому водителю мы узнаем, что последним японским писателем, посетившим Сахалин, был Исикава Такубоку. В начале XX века. Никто не знает, правда это или нет, но кругозор таксиста впечатляет. Попадись мне такой в Москве – точно бы дал чаевых»².

Утверждение «старенького водителя» о том, что Исикава Такубоку был на Сахалине, ошибочно. В действительности поэт, не единожды писавший в своих стихах о преклонении перед Россией, долгое время всего лишь надеялся оказаться на Сахалине. Эту потаенную мечту он изложил в тонких тетрадях своего «Дневника, написанного латиницей» (апрель–июнь 1909 г., опублик. 1948 г.). В «Дневнике...», не предназначенном автором для печати, запечатлены «неосуществимые, фантастические мечты» поэта: «Цунами и Хакодате... поездка <...> на Сахалин, в северные районы

Сахалина в России... встречи с государственными преступниками...»³.

Впервые топоним «Сахалин» возникает в рассказе о друге поэта, Киндайти Кёскэ (1882–1971) – специалисте по аборигенам Сахалина, авторе известных и сегодня книг «Изучение айнов» (1925), «Айны: жизнь и легенды» (1941) и др. «В ванной комнате, – вспоминал Исикава Такубоку, – столкнулся с Киндайти. Ему сейчас звонили... сказали, что его поездка на Сахалин решена. И Киндайти удивился, и я не мог не удивиться. Сказали, что поедет, вероятно, в середине весны. В качестве внештатного сотрудника префектурального управления Сахалина изучать язык местных жителей, гиляков и орочей. Поднявшись из ванной к себе, присел к столу. Стало грустно. Киндайти не хочет ехать на Сахалин, потому что может прожить и в Токио, потому что он один и у него – самые разные желания. Ах, как хотел бы я быть на месте Киндайти! Ах!»⁴.

Рассказы друга о сахалинских айнах не могли оставить равнодушным Исикаву Такубоку. В «сахалинских» фрагментах «Дневника...» прослеживается желание поэта вырваться из атмосферы заурядных буден. «Я слушал, – писал он, – как Киндайти читал мне “Усталость” Дотто и еще две-три новеллы. Потом я слушал его рассказы о Сахалине. Об айну, об орлах, что шумят крыльями в утреннем небе, о кораблях, об огромных девственных лесах... Я спросил:

– А сколько стоит путешествие на Сахалин?

– Всего двадцать иен. <...>

Друг смотрел на меня жалостливыми глазами»⁵.

Внимание поэта к Сахалину объясняется общими настроениями, господствовавшими в Японии того времени. С южной частью острова многие рядовые японцы связывали поиск прибыльной работы и возможности самореализации. Все это находило серьезную государственную поддержку: как известно, японское правительство выделяло

¹ Здесь и далее по тексту имена японских авторов даются по следующей схеме: вначале фамилия, а затем имя.

² Коваленин, Дмитрий. Суси-нуар. Занимательное муракамиедение / Д. Коваленин. – М., 2004. – С. 330.

³ Исикава, Такубоку. Дневник, написанный латиницей / Такубоку Исикава ; пер. с яп. Е. М. Дьяконовой // Сток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – Вып. 4. – М., 1989. – С. 157.

⁴ Там же. – С. 155–156.

⁵ Там же. – С. 156.

значительные средства на освоение губернаторства Карафуту. Вдохновленный рассказами Киндайти Кёскэ о Сахалине и его коренных народах поэт страстно желал оказаться на острове, увидеть собственными глазами то, что дало бы иной поворот его творчеству. Этим надеждам не суждено было сбыться. Однако упоминания Исикавы Такубоку о Сахалине периода Карафуту важны в общей картине формирования литературной традиции, интереса к Сахалину в творчестве японских писателей первой половины XX века.

Миядзава Кэндзи

Знаменитый японский поэт и писатель Миядзава Кэндзи (1896–1933) в середине 1920-х годов предлагал планы освоения Охотского моря, на берегах которого планировал построить утопическое государство. Серьезное увлечение поэзией Миядзава Кэндзи начинает переживать только в 1922 году. Но духовное равновесие поэта было прервано смертью любимой сестры. В ноябре 1922 года в траурный для всей семьи день Миядзава Кэндзи написал три элегии, которые определили тематическую линию последующего творчества поэта – бренность человеческой жизни, неотвратимость физического исхода:

Ах, сестричка! Ты в далекий край сегодня
уйдешь навеки,
Неужели и впрямь ты уйдешь одна, без родных
и близких?
Попроси же меня: «Пойдем со мною!»
О, скажи мне так, попроси меня так сквозь
слезы!

*(Из стихотворения «Сосновые иглы»,
пер. с яп. Александра Долина)⁶*

Потрясенный смертью своей сестры Миядзава Кэндзи пытается стать крестьянином и в заботах о земле слиться с физическими силами природы. Будучи глубоко религиозным человеком, он воспринимает окружающий его мир через призму духовности. Но чувство ранней утраты сестры по-прежнему не дает ему вновь погрузиться во внешний мир и жить его заботами.

Пребывая в подавленном состоянии, Миядзава Кэндзи принимает необычное решение – отправляется в морское путешествие, которое, по его представлению, должно способствовать неожиданной в мирском понимании встрече с ушедшей в небытие Тосико. В августе 1923 года, ровно за десять лет до своей смерти, поэт совершает поездку на Южный Сахалин. В неукротимой стихийной энергии волн

Охотского моря Миядзава Кэндзи «видит» образ трепетно любимой сестры, воскресшей в его метафизических снах и фантазиях.

Возвратившись родину, Миядзава Кэндзи запечатлевает на бумаге свои мистические видения и вызванные ими душевные переживания в книге «Ночное путешествие на поезде по Млечному Пути» («Ночь в поезде на Серебряной реке», 1925, русский перевод 2009 г.). В сказочной повести, явившейся творческим итогом поездки писателя на Сахалин, оживают затаенные мечты человека, противящегося смерти. С дидактическими наставлениями Миядзава Кэндзи описывает сон юного героя Джованни, странствующего по бескрайним дорогам звездного мира и встречающегося с ушедшими из физической жизни людьми.

«Ночное путешествие...» Миядзава Кэндзи очень популярно в современной Японии: по ее мотивам созданы манга, мультипликационный фильм, существуют записи на звуковых носителях. Однако тема Сахалина в книге прямо не заявлена, но практически во всех биографиях писателя говорится о том, что «Ночное путешествие...» могло появиться исключительно после поездки на Сахалин. Примечательно, что во время посещения Сахалина Миядзавой Кэндзи были написаны и другие произведения, в частности, цикл лирических стихов, посвященных Тосико, – «Утро вечного расставания» (1923).

Путешествия на Сахалин, подобно поездке Миядзава Кэндзи, совершили и такие японские писатели, как Китахара Хакусю (1885–1942), Рофу Мики (1889–1964), Хаяси Фумико (1903–1951), и др.

Огума Хидэо

Творческое наследие японского поэта, писателя, литературного критика и художника Огумы Хидэо (1901–1940), незаслуженно забываемого в последние десятилетия нашего времени, вписано в разные антологии японской литературы первой половины XX века. По официальным документам, Огума Хидэо появился на свет на севере Японии в портовом городе Отару в 1901 году. Однако сам поэт утверждал, что родился двумя годами раньше, осенью 1899 года. Биография Огумы Хидэо полна многочисленных расхождений: это касается не только времени рождения, но и других фактов жизни. Отец поэта был крестьянином и не мог обеспечить сыну получения необходимого образования. Мать поэта умерла в 1904 году от туберкулеза. Отец вторично вступил в брак и очень скоро покинул Отару, обосновавшись в Вакканае,

⁶ Некоторые переводы стихотворений Миядзава Кэндзи на русском языке можно найти в следующей книге: Долин, А. А. Новая японская поэзия / А. А. Долин. – М., 1990. – С. 158–172.

в котором в то время проживало не менее девяти тысяч человек. Этот город, как и Отару, был портовым, а значит – живым, многолюдным, растущим. В Вакканае отец поэта мог рассчитывать на некоторую материальную стабильность. К тому же его новая жена была родом из этого города. Но очень скоро, оставив Огуму Хидэо на попечение родной тети из префектуры Акита, супруги в поисках лучшей жизни отправились на Сахалин.

В 1914 году Огума Хидэо переезжает к отцу в Томариоро (современное название – Томари Сахалинской области). И в самом начале XXI века Томари еще похож на тот городок, который предстал перед глазами будущего поэта: бескрайний морской берег, усеянные вдоль береговой линии рыбацкие домики, многоцветие природных красок округлых лесистых вершин. В естественные условия этого провинциального мира вписывались и величественная синтоистская постройка, и активно развивающийся целлюлозно-бумажный завод. Все эти вещи, незримо окружавшие Огуму Хидэо с детских лет, позже прорвались в мятежных стихах поэта, в его необычных первоприродных интонациях.

В Томариоро с пятнадцатилетнего возраста Огума Хидэо пытался самостоятельно обеспечить себя случайными заработками: подковывал коней на кузнице, выходил на промысел в море, собирал морскую капусту, рубил дрова, нанимался сторожем. На Сахалине отец и мачеха Огумы Хидэо принимают решение удочерить маленькую девочку. Причиной такого поступка стало отсутствие в браке совместных детей. Это решение для Огумы Хидэо тяжело отзовется в будущем. Проходя медицинское освидетельствование перед началом службы в армии, Огума Хидэо в семейных записях обнаружит прочерк в той графе, где должно было стоять имя его законного отца. Это обстоятельство наложит на поэта статус внебрачного сына, в то время как у приемной дочери отца (девочку звали Тиэ) будут все юридические полномочия. С момента открытия горькой правды (непризнание отцом сына) Огума Хидэо отказывается от отцовской фамилии Мики и берет себе родовую фамилию матери Огума – под этим именем поэт получит широкую известность еще при жизни.

Популярность к поэту приходит уже к концу 1920-х годов. В 1928 году Огума Хидэо вторично отправляется в Токио (во время первой поездки в 1925 году ему не удалось устроиться в столице), где он присоединяется к «Обществу пролетарских поэтов»: активно изучает книги русских революционеров, пишет сатирические произведения и критические статьи о современном состоянии поэзии. В 1931 году поэт вступает в пролетарский писательский клуб. В это же время японское правительство начинает подавлять развитие пролетарского движения, в том числе и в литературе. Для Огумы Хидэо политика и поэзия были неразделимы: поэт не понимал, как

можно не выражать в стихах свою пролетарскую позицию. Несмотря на опасности, которыми была чревата жизнь любого сторонника пролетариата в Японии, Огума Хидэо продолжает писать, разоблачая лицемерие имущего класса. Однако полностью претворить новые принципы в литературе Огуме Хидэо не удается. Жизнь поэта обрывается преждевременной смертью в городе Токио.

Литературное наследие поэта невелико: еще при жизни им был собран материал для трех изданий, два из которых – «Сборник стихов Огума Хидэо» и «Летящие сани» – были опубликованы до 1935 года, а сборник «Кочевники» вышел в свет уже после смерти его автора. Сказки и фантастические истории: «Обманутая рыба», «Рассказ о белой камбале», «Луна и бандиты», «Фокусник», «Волшебная свинья», «Как бык потерял язык», «Дядя цвета морской волны», «Старая курица», «Рассказ о корове и быке, состоявших в браке», «Непочтительный к родителям дятел», «Очень длинная осенняя ночь» – эти произведения Огумы Хидэо памятны многим японским читателям и сегодня.

Почти половину всей своей короткой жизни поэт провел на Сахалине, воспоминания о котором неизменно пронизывают значимую часть его творческого наследия. Большинство произведений Огумы Хидэо возникло под влиянием симпатии к России: ее истории и культуры. Поэт неоднократно писал и рассказывал о своем восхищении Россией, о душевном родстве с мировоззрением русских писателей, о внутренней близости с идеологией русских революционеров.

Самукава Котаро

Самукава Котаро (1908–1977, настоящее имя – Норимицу Сугавара) родился на Хоккайдо, а в 1921 году вместе с семьей оказался на Сахалине. Его отец Сугавара Сигэдо (1876–1967) стал директором одной из школ на Карафуту. Однако на новом месте Самукава прожил всего лишь полтора года.

Вновь на Сахалин он вернулся только в 1932 году. Его отец в то время был сотрудником музея в Тоёхаре (современное название – Южно-Сахалинск). 24-летний Самукава Котаро стал помогать отцу: делал зарисовки растений, готовил научные статьи для публикации. Вместе с отцом он оформил более 30 тыс. иллюстраций для книг о растениях Сахалина, а позже выступил редактором четырехтомного труда своего отца – «Флора Сахалина» (1937–1940).

Занимаясь редакторской работой, Самукава Котаро делает первые шаги и в художественной литературе – публикует повесть «Браконьеры» (1939), в которой рассказывает об отважном охотнике по прозвищу Барс. В дебютной книге главный герой занимается охотничьим промыслом то

на Сахалине, то в Приморье, то в холодных водах Анадырского залива, то в Якутии. Мир людей, встречаемых Барсом, многообразен: это русские, ороки, эскимосы, тунгусы, китайцы, американцы. Но если для ороков или тунгусов охота является естественным промыслом, источником пропитания, то американцы для писателя – это браконьеры, презревшие неписанные законы дикой природы.

Самукава Котаро подводит читателя к тому, что представители той или иной местности являются носителями особых нравов, привычек, внешности. Например, автор совсем кратко говорит о молчаливой жене Барса, которая до замужества жила в глухой деревне, затерянной где-то среди равнины Токати. При этом он пишет о необычном для японцев светлом цвете кожи женщины, заостряет внимание на контрасте в характерах супругов. Упоминания о таких различиях, акцент на деталях позволяют сделать предположение, что предки жены Барса могли быть айнами. Ведь именно у айнов (в сравнении с японцами) обнаруживается депигментация кожи, ее осветление, и именно на равнине Токати расположены айнские поселения на Хоккайдо. Однажды Барс узнает, что люди с американского корабля в Хакодатэ ищут меткого стрелка, способного убить полярного медведя. На браконьерском судне главный герой отправляется в морские воды для охоты на белого медведя. Но перестрелка на льду между Барсом и его соперником по прозвищу Молния рушит планы героя. Единжды в своей жизни не попав в намеченную цель – полярного медведя, тяжело раненый Барс гибнет в морских пучинах, оставаясь символом мужества в памяти всех охотников холодного Севера. В повести Самукавы Котаро рисуются величественные картины северной природы, на которую писатель смотрит одновременно и глазами своего отца – ученого-естественника, и глазами художника, искусно владеющего художественным словом.

Профессионализм Самукавы Котаро, его успех на литературном поприще были отмечены десятой премией Акутагавы Рюноскэ. Это событие, несмотря на то, что начинающий писатель в то время проживал на Хоккайдо, было освещено «Сахалинской ежедневной газетой» за 9 февраля 1940 года (сама повесть была опубликована в июле 1939).

В «Браконьерах» впервые писателем была заявлена тема коренных народов Дальнего Востока. В других книгах Самукавы эта тема получает свое продолжение: в «Мифе» (1940) подробно воссоздается мир ороков, а в «Записках о Сагарэне» (1941) эпизодически рисуются будни сахалинских айнов. Так, в «Мифе» повествование ведется со слов старейшины рода Сёродзэя, детально описываются семейно-бытовые отношения у ороков, средства их жизнедеятельности, связанные с богатым миром окружающей при-

роды. В прозе Самукавы представлена реальная жизнь малочисленных сообществ островных аборигенов в первой четверти XX века, рассказывается об их этнической уникальности, о созвучном природе общественном и бытовом укладе, о мифологичности сознания.

Тему каторги и исторического прошлого Сахалина Самукава Котаро поднимает и в других произведениях: «Каторжанка» (1940), «Пролив» (1940), «Одинокий остров» (1941), «Путевые записки о Карафутто» (1941), «Записки о Сагарэне» (1941) и др.

Кандзава Тосико

Японская писательница Кандзава Тосико (настоящее имя – Фурукава Тоси; род. 1924) родилась в префектуре Фукуока на острове Кюсю, но практически все свое детство провела на севере Японии. Ее отец работал горным инженером. По этой причине в 1929 году семья Кандзавы Тосико поселилась на Сахалине: вначале в поселке Каваками (современное название – Синегорск Сахалинской области), а позже в районе Сисука (современное название – город Поронайск Сахалинской области), недалеко от Отасу. Сахалин запомнился писательнице пронзительными морскими ветрами, обилием снежных сугробов, поражающими своим величием летними травами и цветами. Счастливые времена беззаботных детских лет совпало и с необычными открытиями мира. В Отасу Кандзава Тосико встречалась с нивхскими и уйльтскими детьми, наблюдала за национальными праздниками коренных народов Дальнего Востока.

После окончания школы Кандзава Тосико продолжила обучение в Токийском колледже искусств. В двадцать лет она вышла замуж, родила двоих детей. Но ее семья все время испытывала материальные затруднения, которые усугубились при обнаружении у мужа туберкулеза. Желая поправить достаток в семье, Кандзава Тосико стала сочинять короткие истории для детей, основу которых составили ее ранние впечатления о жизни на Хоккайдо и Сахалине.

В своих книгах писательница делилась воспоминаниями о ярких годах своего детства, пыталась рассказать о том бесконечно увлекательном мире, который есть за пределами городской цивилизации. По содержанию рассказы Кандзавы Тосико строились как сказки, в которых герои (чаще всего это маленькие дети, наделенные человеческими способностями животные, растения или одушевленные воображением автора бытовые предметы) сталкивались с непреодолимыми препятствиями. Главные действия сказочных историй, как правило, разворачиваются на лоне живой природы, бесконечно разнообразный колорит которой часто напоминает Север. Первой книгой Кандзавы

Тосико стала «Песня одуванчика» (1958), в ней писательница воспеваает мир природы, малознакомый жителям городов.

Во втором отдельно изданном произведении Кандзава Тосико «Приключения маленького Каму» (1961) события происходят на Севере. По признанию писательницы, климатические условия и природный мир этой книги напоминают Камчатку, которую женщина никогда не посещала, но была очарована рассказами об этом полуострове других авторов. В книге описывается сказочный герой по имени Каму, который, преодолевая многочисленные трудности, способствует победе добра над злом. «Приключения маленького Каму» состоят из двух частей: «У Вулкана» и «На Северном море». В первой части Каму с помощью чудесного кольца добывает целебную траву для своей больной матери, а во второй – мальчик, используя волшебство, спасает своего отца, ставшего моржом и оказавшегося в холодных морских водах. На протяжении всей книги Каму сопровождают медведи, олени, волки, зайцы, совы, тюлени, рыбы и другие животные Севера. Писательница пытается показать бесконечное богатство морей, рек и лесов, с неукротимым естеством которых человек должен жить в гармонии и единстве.

Сибири и Дальнему Востоку (Сихотэ-Алинь) посвящена ее книга «О, Олень! О, мой брат» (2004) с иллюстрациями Г. Д. Павлишина (род. 1938). Но и это произведение, изданное в Токио, неизвестно российским читателям. В книге рассказывается об удэгейцах, занимающихся охотой и собирательством. Жизнь людей в непроходимой тайге наполнена поэтической музыкой природы. В ритмизированной прозе писательница пытается запечатлеть плеск воды, соприкасающейся с лодкой и веслами человека, голоса оленей, крики диких уток, дыхание северного леса.

Адресованные детям произведения писательницы: «Медвежонок Уфу» (1969), «Ты что-нибудь слышишь?» (1985), «Косматая голова Нана» (1985), «Маленькая горилла Рила» (2005) и многие другие отличаются доступным языком, занимательными сюжетами и красочными иллюстрациями. Однако в творческой биографии Кандзава Тосико есть и книги, обращенные к взрослым читателям. Так, в романе «У берега реки» (1976) в противовес детским книгам встречаются прямые упоминания о Сахалине. Главная героиня этой книги – девочка Асако, отец которой переехал с Хоккайдо на одну из шахт Южного Сахалина. В произведении колоритно описан растительный и животный мир северной природы, использованы точные географические названия островов, рек, гор, городов и др. Писательница подчеркивает, что растения Севера отличаются нескончаемым разнообразием. Она подробно описывает большие цветы морского шиповника, кисловатый вкус сахалинской брусники, ягоды японской рябины,

фиолетовые цветы диких ирисов, малиновые венчики узколистого кипрея («иван-чая») и другие сахалинские растения.

Детально рассказывает писательница о бытовом устройстве людей, живущих на острове. Кандзава Тосико воссоздает увиденные ею в детстве русские и японские жилищные постройки, величественные синтоистские храмы и противостоящие им заурядные лавки с необходимыми человеку товарами. На фоне всех этих природных и бытовых картин воссоздаются чувства маленькой Асако, испытывающей в жизни и первые приобретения, и потери.

Апогеем творчества Кандзава Тосико можно считать книгу «Я все время пою одну и ту же песню» (2006). Основное содержание книги представлено в виде различных отрывков, датированных тем или иным периодом жизни писательницы, детство которой пришлось на 1930-е годы, на период Маньчжурского инцидента, ставшего предвестником Второй мировой войны на Дальнем Востоке. Именно поэтому на первых страницах описываются военное время и сопряженные с ним события личной жизни Кандзава Тосико.

Кроме того, писательница щедро делится авторским замыслом своих первых произведений для детей, объясняет идеи, которые пыталась донести до читателей в более поздние годы, рассказывает о творческом союзе с разными художниками, иллюстрировавшими ее книги, и, прежде всего, с Г. Д. Павлишиным. Так, несколько эпизодов книги «Приключения маленького Каму» основаны на воспоминаниях о сахалинском детстве. В частности, лечение матери Каму при помощи волшебной травы – это прообраз того, как обращались к силам живой природы сахалинские уйльта. В период написания этой сказочной истории супруг Кандзава Тосико, как и она сама, был болен. Через сказочный сюжет книги писательница попыталась передать веру в выздоровление близкого ей человека, полагая, что светлые надежды всегда должны осуществляться.

На страницах автобиографического произведения «Я все время пою одну и ту же песню» Кандзава Тосико подробно говорит о своей жизни на Сахалине. Вспоминает небольшую школу с четырьмя классными комнатами, скудность учебников и важных для формирования сознания ребенка книг. Писательница говорит о том, что в деревне, в которой она провела свои детские годы, не было специальных площадок для игр, поэтому ее сверстники играли на лоне живой природы. Во все времена года дети были окружены горными речушками, разнообразными кустарниками и могучими лесными деревьями, знакомство с которыми восполняло недостаток увлекательных книг. Маленькой девочкой писательница любила в одиночестве сидеть в высокой траве, слушать пение птиц, наблюдать за насекомыми – кузнечиками, бабочками, стрекозами. Все это делало ее безмер-

но счастливой, поэтому в своих книгах Кандзава Тосико пыталась отразить доступную детским чувствам гармонию природного устройства, полноту бытия окружающего мира.

Отдельные фрагменты книги обращены к разговору о коренных народах Дальнего Востока. По словам писательницы, Сахалин традиционно ассоциируется с айнами, которых ей не приходилось встречать в детстве. Однако в центральной части острова в ее времена жили не менее интересные в этническом и культурном плане нивхи и уйльта, не знающие национальных границ и других предубеждений человеческого мира. Кандзава Тосико говорит о том, что в войну многие из представителей этих свободных народов незаслуженно пострадали. В частности, достаточно подробно она размышляет о судьбе одного из представителей сахалинских уйльта – Гэндану Дахиниэна (1926–1984).

Другие японские писатели

Вклад в развитие литературы Карафуто был сделан и Юзурихарой Масако (1911–1949). В тринадцатилетнем возрасте она стала ученицей Высшей женской гимназии города Тоёхара (современное название – Южно-Сахалинск), которую окончила в 1929 году, а затем работала учительницей в школах Отиай и Маока (современные названия – Долинск и Холмск Сахалинской области). «Сахалинские» эпизоды обнаруживаются в опубликованных после смерти писательницы произведениях – «Берег Родины» (1985), «Северное сражение» (1985) и «Женская квартира» (1988).

Другой японский писатель – Мияути Канъя (настоящее имя – Сиро Икэгами; 1912–1983) родился в префектуре Окаяма. На Сахалине Мияути Канъя оказался в 1923 году. Отец писателя руководил средней школой в городе Оодомари (современное название – Корсаков Сахалинской области). Уже в следующем году Мияути Канъя стал учиться в школе, возглавляемой его отцом – учителем японского языка. С апреля 1930 года писатель обучался на отделении английской литературы в университете Васэда. Незадолго до окончания университета он дебютировал в самиздатском журнале «Гуманитарные науки Васэда», издаваемом начинающими авторами за счет членских взносов. Именно на страницах этого журнала, имевшего очень ограниченную читательскую аудиторию, были опубликованы такие произведения писателя, как «Первая печаль» (1933), «Туман» (1934), «Колокольчик пастуха» (1934), «Лодка» (1934) и «Эдзо» (1934). Примечательно, что местом действия всех этих

историй выступает исключительно Сахалин. В последующем писатель напишет об острове книгу «Центральные горы» (1938). Своим современникам Мияути Канъя запомнился не только самыми известными романами «Похороны» (1947), «Я люблю ночь» (1959) и рядом других произведений, но и переводами нескольких книг Стендаля и Александра Дюма на японский язык.

Еще одна японская писательница Ёсида Томоко (род. 1934; настоящее имя – Кира Томоко (миссис Кира Дзинъити), в девичестве – Каниэ Томоко), автор нескольких романов и эссе, также имеет отношение к периоду Карафуто. В 1945 году ее отец, проживавший с семьей на юге Сахалина, был взят в плен Советской армией. Ведущими темами творчества Ёсиды Томоко становятся военные конфликты прошлого (события в Маньчжурии и Китае во время японской оккупации 1931–1945 годов, окончание Второй мировой войны на территории Южного Сахалина и др.). Большая часть написанного Ёсидой Томоко основана на ее детских воспоминаниях, отчетливо просматриваемых в книгах «Мои отцы» и «Я ничего не знаю о Маньчжурии».

Симаки Кэнсаку

Отдельного внимания заслуживают и японские писатели, проживавшие за пределами Сахалина, но обращавшиеся в своих произведениях к «сахалинской» тематике. Японский прозаик Симаки Кэнсаку (1903–1945) родился на острове Хоккайдо. «Университеты» Симаки Кэнсаку начались очень рано: потеряв отца, он вынужден был оставить школу и самостоятельно зарабатывать на жизнь. Для российских читателей Симаки Кэнсаку, как и другие авторы периода Карафуто, почти неизвестен.

Новелла «Черный кот» открывается рассказом главного героя (от имени которого ведется повествование) о том, что он во время продолжительной болезни коротал время за чтением «географических» журналов: «В одном из последних номеров меня заинтересовали впечатления некоего профессора о поездке на Сахалин. Особенно поразил мое воображение рассказ о горном коте, которого не раз пытались истребить. Сахалинского горного кота вылавливали трижды – в 1908, 1911 и 1930 годах – и решили, что он истреблен. Однако в феврале 1941 года горный кот снова появился в местечке Нода⁷...»⁸. Образ горного сахалинского кота удерживал воображение героя в течение многих дней. Фотографический снимок чучела кота,

⁷ Нода – японское название современного города Чехов Сахалинской области.

⁸ Симаки, Кэнсаку. *Черный кот / Кэнсаку Симаки*; пер. с яп. Д. Бугаевой // *Современная восточная новелла*. – № 36. *Новеллы японских писателей*. – М., 1968. – С. 132–133.

представленный в журнале, свидетельствовал о свирепости и бесстрашии этого дикого животного. А рассказ охотившихся за последним сахалинским котом людей поразил героя неординарностью ситуации: «Когда охотники спустили на него собак, он отбил их атаку. Изумленные охотники приготовились стрелять, но горный кот, сидя на дереве, вдруг помочился прямо на них»⁹.

История о сахалинском горном коте в композиции новеллы «Черный кот» относится к вставному эпизоду. Рассказ о сахалинском горном коте, включенный в общее повествование новеллы, будучи абсолютно автономным, отчасти помогает понять авторскую концепцию всего произведения Симаки Кэнсаку.

* * *

Японская литература, созданная в период Карафуто, как образец региональной культуры повторяла те тенденции, которые были свойственны японской литературе того времени. Писатели не только использовали собственно художественные средства воссоздания действительности, но и представили ряд работ в документально-

эссеистических жанрах. Творчество некоторых японских авторов (как, например, Кандзавы Тосико или Ёсиды Томоко) своими хронологическими границами выходит за пределы периода Карафуто, однако тематически связано именно с воспоминаниями о времени колонизации Сахалина Японией.

Сахалин в творчестве японских писателей периода Карафуто описывается в связи с разными темами: это и Русско-японская война, российская пенитенциарная система, и близость с Россией, и воссоздание облика аборигенов Дальнего Востока. При этом интерес к Сахалину не исчерпывается только именами названных в статье авторов. Упоминания о Сахалине можно найти и в произведениях японских писателей второй половины XX века: в книгах Мисимы Юкио и Оэ Кэндзабуро, романах Мураками Харуки (в том числе и в феноменально известном «1Q84») и Симады Масахико. Упоминания о Сахалине в японской литературе второй половины XX – начала XXI века являются логичным, историческим следствием событий начала XX века и, вероятно, могут восприниматься как традиция с почти столетним периодом.

---

⁹ Симаки, Кэнсаку. *Черный кот* / Симаки Кэнсаку ; пер. с яп. Д. Бугаевой // *Современная восточная новелла*. – № 36. *Новеллы японских писателей*. – М., 1968. – С. 133.

Н. В. Ипатьев,
*старший преподаватель кафедры российской и всеобщей истории
Института истории, социологии и управления СахГУ*

ТЕХНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Исполнилось 175 лет с начала железнодорожного строительства в России. Ко времени присоединения Приамурья и Приморья к России железные дороги начинают надолго определять ее технический прогресс, играя важнейшую роль в развитии государства. Практически до второй половины 80-х гг. XIX века все рассматриваемые проекты строительства железных дорог общего пользования на Дальнем Востоке по техническим и экономическим причинам оказались неосуществленными¹. Имелся лишь опыт строительства и эксплуатации небольших по протяженности дорог производственного и ведомственного характера².

В 1887 г. царское правительство принимает решение о строительстве Транссибирской магистрали. Тогда же начинаются экспедиции по разведке путей будущих трасс Среднесибирской, Забайкальской и Южно-Уссурийской железнодорожных дорог. Ими руководили русские инженеры Н. П. Меженинов, О. П. Вяземский и А. И. Урса-ти³. В 1891 г. образуется Комитет по сооружению Сибирской дороги. В этом же году кабинет министров решает начинать работы по строительству магистрали одновременно с двух сторон – от Челябинска и Владивостока. Для экономии средств на грандиозное строительство предусматривались предельные уклоны для возведения полотна и его сужение до пяти метров. Надежные железные мосты намечалось строить только через большие реки, а через остальные только деревянные. Рельсы планировались легкого типа на укороченные шпалы, с уменьшением количества последних на километр пути. Водоснабжение паровозов рас-

считывалось по норме не более семи пар в сутки. Скорость пассажирских поездов не могла превышать 20 км/час. Для товарных поездов при весе 500 т скорость не могла быть больше 15 км/час⁴.

19 мая 1891 г. во Владивостокской крепости в присутствии цесаревича Николая (будущий император Николай II) официально состоялось торжественное начало строительства Уссурийской железной дороги. Первым руководителем его был А. И. Урса-ти, которого вскоре сменил О. П. Вяземский. Работы проводились в два этапа. Южно-Уссурийский участок (от Владивостока до ст. Муравьево-Амурская) строился в 1891–1896 гг., Северо-Уссурийский участок (от ст. Муравьево-Амурская до Хабаровска) создавался с 1894 по 1897 г. С 1897 г. Уссурийская железная дорога на всем протяжении от Владивостока до Хабаровска вступила в эксплуатацию. Это была дорога магистрального типа, но сооруженная по облегченным нормативам для удешевления строительства. На всем протяжении пути были уложены легкие рельсы весом 24,1 кг/м. Предельный подъем земляного полотна составлял 0,015 м, наименьший радиус – 256,8 м, ширина полотна – 4,7, толщина балласта – 0,12 м. В 1898 г. дорога имела 39 станций. Станционное строительство до конца закончено не было. Не хватало длины станционных путей. Условия постройки создали ограничения пропускной способности дороги не более семи пар поездов в сутки⁵.

Главные ремонтные мастерские дороги располагались в Никольск-Уссурийске. Паровозоремонтные мастерские были созданы на станциях Владивосток, Евгеньевка, Муравьево-Амурская, Бикин, Вяземская, Хабаровск и Кангауз⁶.

¹ Залужная, Д. В. *Транссибирская магистраль. Ее прошлое и настоящее* / Д. В. Залужная. – М.: Мысль, 1980. – С. 8–9.

² Анисимов, А. Л. *Деятельность администрации Восточной Сибири по обеспечению безопасности Приамурского края в 50–60-е гг. XIX в.* / А. Л. Анисимов // *Гродековские чтения: тезисы научно-практической конференции*. – Хабаровск, 1996. – С. 63.

³ Алексеев, А. И. *Хождение от Байкала до Амура* / А. И. Алексеев. – М.: Молодая гвардия, 1976. – С. 111–112.

⁴ Паталеев, А. В. *История строительства Великого Сибирского железнодорожного пути (К 60-летию начала строительства и 35-летию завершения)* / А. В. Паталеев. – Хабаровск, 1951. – С. 10.

⁵ ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 10. Л. 3.

⁶ *Материалы по изучению рабочего вопроса в Приамурье*. – Вып. 1: Введение. Приморская область. – СПб., 1911. – С. 126–128.

До Октябрьской революции на Уссурийской железной дороге для связи между станциями использовались телеграфные аппараты Морзе. Диспетчерская поездная связь была лишь на участке Владивосток–Уссурийск. Из сигнализационных устройств имелась только жезловая сигнализация английской фирмы «Веб-Томсон». Сигнальные устройства были представлены однокрыльми семафорами фирмы «Макс Юдель» и одנותягловыми семафорами уссурийского типа. Селекторная телефонная связь была установлена американскими специалистами только в 1915 г. на участке Владивосток–Уссурийск⁷.

Сооружение Уссурийской магистрали положило начало гигантскому железнодорожному строительству на дальневосточных окраинах России. Рассматривалось два варианта прокладки железнодорожного полотна на Восток. Первый – по русской территории от Сретенска до Хабаровска параллельно р. Амур (Амурская железная дорога). Второй – по иностранной территории кратчайшим путем на соединение Забайкалья с Приморьем. Правительство Российской империи выбрало второй вариант. В 1896 г. оно добилось от китайских властей разрешения на строительство по территории Северной Маньчжурии железной дороги, получившей название Китайско-Восточная.

Изыскание трассы будущей КВЖД началось в 1897 г. В августе того же года со стороны УсЖД на ст. Полтавская (на границе с Китаем) состоялось официальное открытие строительства КВЖД. Укладка стального полотна дороги была закончена в 1902 г. С 1903 г. начинается ее эксплуатация. Еще раньше, в 1900 г., вступает в строй Забайкальская железная дорога. Таким образом, был проложен стальной путь на всем протяжении от Челябинска до Владивостока. Длина основной линии КВЖД от ст. Маньчжурия до ст. Пограничная составляла 1507,4 км. Основная линия дороги делилась на восточную (к востоку от Харбина) и западную (к западу от Харбина) части. От Харбина в направлении Порт-Артура и Дальнего на юг отходила ветка протяженностью 950,4 км. К КВЖД по русской территории примыкали со стороны Забайкальской железной дороги ветка Карымская–Маньчжурия

(366 км), а со стороны Уссурийской – Уссурийск–Пограничная (118 км). В 1903 г. общая протяженность российских железных дорог на Дальнем Востоке составила 4857,8 км⁸.

После Русско-японской войны правительство вернулось к проекту Амурской железной дороги. В 1906 г. возобновились изыскательские работы по трассе, которые вели инженеры Ф. Д. Дроздов, Е. Ю. Прудницкий, Б. У. Савримович. В июне 1907 г. Государственный совет принял решение о начале строительства первого участка Амурской магистрали от ст. Куэнга Забайкальской железной дороги до ст. Урюм протяженностью 193 км. На него из казны планировалось истратить 169,9 млн. рублей⁹.

В 1909–1913 гг. ведется строительство Западно-Амурского участка магистрали от ст. Урюм до ст. Керак (636 км). Работы возглавил инженер Е. Ю. Прудницкий. От ст. Керак в 1911 г. начинается строительство Средне-Амурской железной дороги, конечным пунктом которой была ст. Бурея. От ст. Бочкарева (г. Белогорск) шла ветка к Благовещенску-на-Амуре. Средне-Амурская дорога вместе с Благовещенской веткой были переданы Управлению временной эксплуатации Амурской железной дороги в 1915 г. В 1912 г. инженер А. В. Ливеровский приступил к строительству Восточного участка от ст. Бурея до г. Хабаровска. В 1915 г. и этот участок Амурской магистрали был сдан во временную эксплуатацию¹⁰.

Накануне Первой мировой войны началось строительство моста через р. Амур. Это выдающееся для своего времени искусственное сооружение длиной 2,5 км проектировали русские ученые-инженеры А. В. Ливеровский, Г. П. Передерий и Л. Д. Проскураков. Мостовые фермы изготовлялись в Варшаве и доставлялись в Одессу по железной дороге. Затем их морем через Суэцкий канал везли во Владивосток, где они вновь перегружались на железнодорожные платформы и отправлялись в Хабаровск. Одно судно, перевозившее две мостовые фермы во время войны, было потоплено. Тем не менее в октябре 1916 г. мост через р. Амур был сдан в эксплуатацию¹¹.

Строители Амурской железной дороги столкнулись с множеством трудностей. Трасса шла по

⁷ Дальневосточная магистраль к 40-летию Великого Октября. – Хабаровск, 1957. – С. 97, 101, 102.

⁸ Вестник путей сообщения. – 1904. – № 41. – С. 652.

⁹ Указатель правительственных распоряжений по Министерству путей сообщения. – 1908. – № 25. – С. 221.

¹⁰ ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 10. Л. 2.; Паталеев, А. В. История строительства Великого Сибирского железнодорожного пути (К 60-летию начала строительства и 35-летию завершения) / А. В. Паталеев. – Хабаровск, 1951. – С. 16–17.

¹¹ Паталеев, А. В. История строительства Великого Сибирского железнодорожного пути (К 60-летию начала строительства и 35-летию завершения) / А. В. Паталеев. – Хабаровск, 1951. – С. 18.

бездорожью, марям, топям и безлюдной местности. Серьезной проблемой была вечная мерзлота, которая шла сплошь по трассе. До этого она лишь отдельными участками залегала в Забайкалье. При преодолении трудностей строительства было найдено много оригинальных и интересных инженерных решений¹². Завершение работ совпало с началом Первой мировой войны, когда средств на сооружение железнодорожного пути выделялось все меньше и меньше. По этой причине ремонтные предприятия, технические сооружения оставались к революции не достроенными, примерно 170 км земляного полотна отсыпано с одним слоем балласта, а 60 км – совсем без него. Общая сумма недоделок оценивалась в 50 млн. рублей. Даже с недоделками Амурская железная дорога была одной из самых дорогих в России по стоимости сооружения. Один километр пути на Уссурийской, Забайкальской и Китайско-Восточной железных дорогах обходился казне от 60,5 до 106,1 тыс. рублей. На Центральном и Восточном участках Амурской магистрали – 657,5 тыс. рублей¹³. Здесь укладывались более тяжелые, чем на Уссурийской, рельсы весом 30,89 кг на один погонный метр. Пропускная способность Амурской железной дороги оценивалась в девять пар поездов в сутки, а при строительстве дополнительных развязок – до 20 пар¹⁴.

В 1908 г. правительство Российской империи приняло указ «Об устройстве второго пути на Сибирской железной дороге и об определении стоимости первоочередных работ»¹⁵. К 1913 г. укладываются вторые пути по всей длине Транссибирской магистрали вплоть до ст. Карымская Забайкальской железной дороги. Для усиления пропускной способности на трассе КВЖД проводится замена легких рельс на тяжелые, наращивается длина подъездных и станционных путей. Но дорога оставалась однопутной, хотя была уже способна пропускать до 16 пар поездов в сутки (в 1903 г. – семь пар). В 1907 г. после передачи УсЖД в аренду КВЖД возник вопрос о

расширении пропускной способности первой до норм второй. Для этого на УсЖД планировалось пробить новые тоннели, «облегчить» профиль пути на перевалах, укрупнить станции и развязки, заменить легкие рельсы на тяжелые. Однако до 1917 г. удалось лишь расширить ст. Владивосток, смягчить профиль пути между станциями Владивосток и I Речка. От Владивостока до Уссурийска были уложены вторые пути, легкие рельсы заменены на тяжелые. Накануне Первой мировой войны началось строительство тоннеля на перевале Кипарисово¹⁶.

Растет подвижной парк железных дорог. Например, в 1894 г. для временной эксплуатации на Южно-Уссурийскую дорогу было завезено из европейской части России 27 паровозов и 534 вагона¹⁷. В 1913 г. на УсЖД работало 182 паровоза и более 4 тыс. вагонов. Большинство паровозов – отечественного производства¹⁸.

В годы Первой мировой войны Министерство путей сообщения рассчитывало наполовину ускорить продвижение грузов по железным дорогам Сибири и Дальнего Востока за счет увеличения вагонного парка и более мощных паровозов, закупленных за рубежом. В июне 1815 г. представители министерства заключили договоры с рядом канадских и американских компаний на поставку 400 машин, из которых 250 – локомотивы типа «Декапод», отличавшиеся очень высокими техническими и эксплуатационными характеристиками. Стоимость каждого составляла 23 тыс. долларов. Их комплектацию намечалось производить в харбинских железнодорожных мастерских¹⁹. В 1915 г. приступили к сборке вагонов иностранного производства во владивостокских временных вагонноборочных мастерских. Предприятие было оснащено закупленным в США оборудованием. В 1916 г. мастерские закончили сборку первой партии вагонов (13 тыс. единиц) из комплектующих деталей, доставленных из-за границы. Стоял вопрос о закупках еще десятков тысяч вагонов²⁰.

¹² Зензинов, Н. А. *От Петербург-Московской до Байкало-Амурской* / Н. А. Зензинов. – М. : Транспорт, 1986. – С. 76.

¹³ Паталеев, А. В. *История строительства Великого Сибирского железнодорожного пути (К 60-летию начала строительства и 35-летию завершения)* / А. В. Паталеев. – Хабаровск, 1951. – С. 16–17.

¹⁴ ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 10. Л. 2–3.

¹⁵ *Указатель правительственных распоряжений по Министерству путей сообщения.* – 1908. – № 28. – С. 245.

¹⁶ Паталеев, А. В. *История строительства Великого Сибирского железнодорожного пути (К 60-летию начала строительства и 35-летию завершения)* / А. В. Паталеев. – Хабаровск, 1951. – С. 20.

¹⁷ *Приложение к отчету о постройке Южно-Уссурийской железной дороги. 1891–1894.* – СПб., 1900. – С. 297.

¹⁸ Целищев, М. И. *Экономические очерки Дальнего Востока* / М. И. Целищев. – Владивосток : Кн. дело, 1925. – С. 117, 187.

¹⁹ *Вестник путей сообщения.* – 1916. – № 4. – С. 96.

²⁰ Ковальчук, М. А. *Владивостокские временные мастерские (1915–1921 гг.). Из истории трудового сотрудничества* / М. А. Ковальчук // *Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность.* – Иркутск, 1997. – С. 222–226.

Революции, Гражданская война и интервенция наносят огромный урон развитию железнодорожного транспорта Дальнего Востока России.

Надежды на дальнейшую техническую модернизацию дальневосточных магистралей были сорваны.

*Каминага Эйсуке,
Ph. D., Ниигатский университет международной
культуры и информации, Япония*

САХАЛИНСКАЯ МОРСКАЯ КАПУСТА И КУПЕЦ Я. Л. СЕМЁНОВ: ИЗ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ МОРСКОЙ КАПУСТОЙ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (КОНЕЦ XIX–СЕРЕДИНА XX в.)

Введение

Мы хотели бы понять, как экономические и политические условия переформировали экономико-политическое пространство на острове Сахалине в конце XIX и начале XX века. В конце XIX века остров являлся территорией Российской империи, но каждый год более тысячи японцев посещали остров, добывали рыбу и экспортировали морскую продукцию в Японию¹. Остров был под управлением администрации острова Сахалина или приамурского генерал-губернатора, но одновременно он находился под влиянием рынка морепродуктов в Японии. В действительности экономика острова была связана также и с Китаем. Эта связь – торговля морской капустой.

В то время задачей рыбного промысла на Дальнем Востоке России была его национализация². Если можно так сказать, генерал-губернатор хотел и старался соединить оба эти пространства – экономическое и политическое. Торговля морской капустой может служить хорошим примером. Тогда морскую капусту продавали по всей северо-восточной Азии, а, следовательно, и в Японии, и в Корее, и в Китае. Центром этой огромной сферы торговли был город Шанхай³. Промысел морской капусты на Сахалине зависел от различных условий в Шанхае. Одно время он зависел также от условий в Японии, где добывали большую долю морской капусты в северо-восточной Азии. В

этом смысле морская капуста была международным товаром.

Промысел ее на Сахалине имел две типичных проблемы. Первая – огромное расстояние от рынка сбыта, а вторая – нехватка рабочей силы. Предприниматели, занимающиеся промыслом и торговлей морской капустой на Сахалине, успешно решили эти сложные проблемы.

1. Я. Л. Семёнов и остров Сахалин

Натуральная пищевая морская капуста (*Laminaria japonica*) растет в холодном море северо-восточной Азии, например, в Приморье, Корее, на Сахалине, на острове Хоккайдо. Но в середине XX века китайский известный специалист по водорослям Зон Чонг Куй (*Zeng Cheng-Kui*, С. К. Tseng, 1909–2005) изобрел новый способ разведения морской капусты. После этого в Китае ее начали разводить даже в южных морских районах⁴. Сейчас в Китае ее производят больше, чем во всем остальном мире⁵. Конечно, речь идет только о натуральной морской капусте. В прошлом и сейчас китайцы ели и едят морскую капусту больше всех народов мира вместе взятых, но в прибрежных районах Китая ее росло мало. Поэтому Китай издавна импортировал капусту из соседних стран, в частности, из Японии⁶. Во второй половине XIX века и в пер-

¹ Каминига, Э. *Хиракарэта уми но томи то рукэй сёкуминти (Освоенное морское богатство и ссыльная колония) / Э. Каминига // Нитиро сэно то сахаринто (Русско-японская война и остров Сахалин) / под ред. Хара Тэруюки. – Саппоро, 2011. – С. 68.*

² *Kaminaga Eisuke, "Maritime History and Imperiology: Japan's Northern Fisheries and Priamur Governor-Generalship," in Kimitaka Matsuzato, ed., Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire, Slavic Eurasian Studies, no. 13 (Sapporo: Slavic Research Center, 2007). – P. 271–273.*

³ *Хакодатэ Сёгё кайгисё (Хакодатская торговая палата). Син Кан Ро Бёэки Сусацу Хококу (Отчет командировки по Китаю, Корее и России). – Хакодатэ, 1904. – С. 45–46; China. The maritime customs, "Returns of trade and trade reports, 1916. Part 2. Port trade statistics and reports. – Vol. 3. Central ports (Shanghai to Wenchow.)" Statistical series; no. 3-5. – Shanghai: Statistical Department of the Inspectorate General of Customs, 1917. – P. 802–803.*

⁴ *Tien-Hsi Cheng, "Production of kelp – A major aspect of China's exploitation of the sea," Economic Botany. – № 23. – 1969. – P. 221.*

⁵ *2009 FAO Yearbook: Fishery and Aquaculture Statistics. Capture production. p.15. [http://www.fao.org/docrep/015/ba0058t/ba0058t.pdf] (дата обращения: 27 июня 2012 года).*

⁶ *Frederick J. Simoons, Food in China: A cultural and historical Inquiry (Boca Raton, Florida: CRC Press). – 1991. – P. 181.*

вой половине XX века импорт из Японии резко увеличился. Объем импортированной морской капусты (сушеной) составлял приблизительно 30 тысяч тонн⁷.

Тогда в Приморье и на Сахалине торговлей морской капустой занимался Яков Лазаревич Семёнов (1831–1913), который известен как первый гражданский житель Владивостока. Семёнов начал промысел морской капусты недалеко от Владивостока в 1864 году⁸. В 1878⁹ (1877?¹⁰) году он организовал ее промысел и на Сахалине. Его база промысла находилась в населенном пункте Маука на юго-западном побережье Сахалина, в нынешнем Холмске. И сейчас на взморье от Холмска до мыса Крильона (в юго-западной части Сахалина) растет качественная морская капуста¹¹.

Семенов говорил по-китайски и знал специфику выращивания морской капусты. Например, он разбирался в ее классификации и условиях потребительского рынка Китая¹². Он разместил свою базу в Мауке по разным причинам, в том числе из-за портовых условий, фрахта судов для вывоза и пляжа для сушения морской капусты. Торговая фирма Семёнова экспортировала в Китай почти всю морскую капусту, которую добывала¹³. Каждый год ее вес составлял приблизительно не менее 200 тысяч пудов, то есть почти 3 тысячи тонн, в том числе 40–60 тысяч пудов сахалинской морской капусты¹⁴.

2. С Сахалина до Китая

В южном Приморье морскую капусту промышляли и китайцы. Они доставляли морскую капусту своими джонками прямо в Хуньчунь Гиринской провинции, недалеко от Владивостока¹⁵. Поэтому, как говорил сам Семёнов, трудно посчитать всю тогдашнюю сумму добычи морской капусты в Приморье. Кроме того, в тогдашних статистических таблицах добыча морской капусты помещалась по статье «прочее», в общей сумме. Сам объем ее добычи был неизвестен¹⁶. Конечно, мы можем оценить ее приблизительно, по сумме налогов, заплаченных в Приамурское управление государственного имущества. По моим расчетам, добыча морской капусты в 1890-х годах в Приморье, то есть в Приморье и на Сахалине, составляла 6–12 тысяч тонн за год¹⁷. Можно сказать, что добыча Семёнова была равной добыче всех китайцев, которые промышляли морскую капусту в Приморье.

Несмотря на небольшую долю, сахалинская морская капуста имела определенное значение на рынках Китая. В Китае морская капуста из Японии ценилась выше всего, а второе место занимала сахалинская¹⁸. Цены на потребительских рынках зависели от разных условий: места произрастания, сезона добычи, сроков выращивания, степени сухости, расходов на перевозку и т. п. Сахалинская

⁷ Найкаку Токэй Кёку (Управление по статистике при кабинете министров) ; Нихон Тэйкоку Токэй Нэнкан (Ежегодный сборник статистики империи Японии). – Токио, 1996–2000 (перепечатка). – Т. 17. – С. 562 ; Т. 22. – С. 629 ; Т. 26. – С. 437 ; Т. 29. – С. 268 ; Т. 32. – С. 226 ; Т. 35. – С. 212 ; Т. 38. – С. 154 ; Т. 41. – С. 158 ; Т. 44 ; С. 162. – Т. 48 ; Найкаку Токэй Кёку (Управление по статистике при кабинете министров). Нихон Тэйкоку Токэй Нэнкан (Ежегодный сборник статистики империи Японии). – Токио, 1929–1936. – Т. 48. – С. 167 ; Т. 51. – С. 171 ; Т. 55. – С. 183.

⁸ Шмидт, П. Ю. Морские промыслы острова Сахалина: Отчет министру земледелия и государственных имуществ о научно-промысловых результатах Корейско-Сахалинской экспедиции Императорского русского географического общества 1900–1901 гг. / П. Ю. Шмидт. – СПб., 1905. – С. 341.

⁹ Там же. – С. 341.

¹⁰ Высоков, М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» / М. С. Высоков. – Владивосток, 2010. – С. 621 ; Семенов, Я. Л. Сообщение о морской капусте / Я. Л. Семенов // Владивосток : общественно-литературная и морская газета. – № 47 и 48. – 1885.

¹¹ D. Galanin, L. Balkonskaya and N. Prokhorova, "Resources of Laminaria (Saccharina) japonica on the southwestern coast of Sakhalin island in recent years," Suisan sogo kenkyu senta kenkyu hokoku (Bulletin of Fisheries Research Agency). – № 32 (2010). – P. 43–44.

¹² Высоков, М. С. Указ. соч. – С. 620–624.

¹³ Каминага, Э. Комбу но мити (Остров Сахалин и Китай в международной торговле морской капустой во второй половине 19-го века) / Э. Каминага // Россия си кэнкю (История России). – 2011. – № 88. – С. 70.

¹⁴ Там же. – С. 110.

¹⁵ Высоков, М. С. Указ. соч. – С. 623–624, 626.

¹⁶ Высоков, М. С. Указ. соч. – С. 629.

¹⁷ Каминага, Э. Указ. соч. – С. 70 ; Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского 1893, 1894, 1895 гг. – СПб., 1895. – С. 93 ; Надаров, И. Второй съезд губернаторов и других представителей в городе Хабаровске / И. Надаров. – Владивосток, 1886. – С. 54–55 ; Записка купца Я. Л. Семёнова о морской капусте (Приложение XVIII) // Труды III Хабаровского съезда. – Хабаровск, 1893. – С. 125 ; Кириллов, Н. В. Морские промыслы южного Сахалина. Отчет общества Амурского края за 1898 год / Н. В. Кириллов. – Владивосток, 1899. – С. 11 ; Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора с 1886 г. по 1891 г. / Министрство внутренних дел. – С. 30 ; Сахалинский календарь на 1899 г. – Пост Александровский, 1899. – С. 127.

¹⁸ Высоков, М. С. Указ. соч. – С. 620 ; Шмидт, П. Ю. Указ. соч. – С. 348.

морская капуста могла конкурировать с японской. По сравнению с сахалинской, приморская морская капуста была менее качественной, что делало ее дешевле на китайском рынке. Но это и обеспечивало ей популярность¹⁹. Конечно, нужно иметь в виду и стоимость транспортировки. Сахалин дальше от Китая, чем любое другое место ее произрастания. И Приморье, и Хоккайдо ближе к Китаю. Кроме того, там были регулярные морские маршруты для перевозки в Китай, а на Сахалине их было очень мало. Поэтому купец Семёнов фрахтовал шхуны или пароходы для перевозки морской капусты во Владивосток или прямо в Китай²⁰. В результате поставки с Сахалина стоили дороже. Если бы сахалинская морская капуста была плохого качества, она не была бы конкурентоспособной в Китае. Японская морская капуста стоила немного дороже, чем приморская или сахалинская, но отличалась более высоким качеством.

3. Российская морская капуста и японская в Китае

Важно иметь в виду, что морская капуста была и сейчас остается пищей не для богатых гурманов, а для простого народа. Не только дешевую российскую морскую капусту, но и более дорогую японскую покупали простые люди. В этом отношении можно сказать, что купец Семёнов обеспечил спрос на российскую морскую капусту в Китае.

Экспорт этого продукта из Японии в то время быстро увеличивался. В 1860-х годах правительство Японии открыло несколько портов для иностранцев, что привлекло китайских купцов для торговли в Японии морепродуктами. Их основными товарами были сушеные кальмар и морская капуста. Ки-

тайцы сразу создали свою базу в портовом городе Хакодате на Хоккайдо и в других местах. Они начали экспортировать морскую капусту высшего качества в Китай, прежде всего, в Шанхай и Гонконг. Несомненно, что вплоть до Второй мировой войны экспорт морской капусты из Японии в Китай только увеличивался. В 1870–1880 годах он составлял 10–20 тысяч тонн за год²¹, а в 1910–1930 годах – почти 30 тысяч тонн²². До середины 1910-х годов морская капуста являлась одним из основных предметов экспорта. Несмотря на невысокую цену, большой объем морской капусты принес развивающейся Японии много валюты, необходимой для индустриализации страны. В 1880-х годах правительство Японии само даже покупало морскую капусту за валютные резервы и выгодно продавало ее в Шанхае²³.

Российская морская капуста конкурировала с японской в Китае до начала Русско-японской войны. Большая часть японской морской капусты была сосредоточена в Шанхае, а потом она вывозилась в другие китайские порты, особенно в районы бассейна реки Янцзы²⁴. Дело в том, что тогда простые люди, проживающие в удаленных районах от моря, любили морскую капусту больше всех в Китае. Больше всего они ели ее зимой, когда не хватало овощей, а иногда использовали ее как лекарство²⁵. Российской морской капусты, в том числе сахалинской, в северном Китае продавалось столько же, сколько японской. В частности, так было в провинции Шаньдун. По докладу японских купцов, посетивших город-порт Чифу (нынешний Яньтай), в Шаньдуне в 1903 году китайский импорт российской морской капусты составлял около 2,8 тысячи тонн – это больше, чем японской²⁶.

Купец Семёнов успешно продавал капусту в Тяньцзинь, Чифу и Шанхае перед Русско-

¹⁹ Хоккайдо комбу сина боэки тэса (отчет о торговле хоккайдской морской капустой в Китае) / под ред. Касима Мамбэй. – 1890 (рукопись). База исторических данных о северных пределах Японии в Хоккайдском государственном университете [<http://www.lib.hokudai.ac.jp/horrod/46/76>] (дата обращения : 30 июня 2012 г.) / под ред. Носёмусё (Министерство сельского хозяйства и торговли) Носёко кохо. («Вестник сельского хозяйства, торговли и промышленности»). – 15 марта 1887 г. – № 25. – С. 972.

²⁰ Хисамутдинов, А. Жизнь замечательных людей Владивостока. 1860–2010 / А. Хисамутдинов. – Владивосток, 2010. – С. 280 ; Даттан, А. В. Исторический очерк развития приамурской торговли / А. В. Даттан. – 1897. – С. 164 ; Морской отдел. Навигация 1897 года // Владивосток. – № 22. – 31 мая. – 1897 ; № 23. – 7 июня. – 1897 ; № 24. – 14 июня. – 1897. Касима. Хоккайдо комбу.

²¹ Найкаку Токэй Кёку. Нихон Тэйкоку Токэй Нэнкан (перепечатка). – Т. 1. – С. 300 ; Т. 5. – С. 246 ; Т. 9. – С. 202 ; Т. 14. – С. 499.

²² Там же. – Т. 17. – С. 562 ; Т. 22. – С. 629 ; Т. 26. – С. 437 ; Т. 29. – С. 268 ; Т. 32. – С. 226 ; Т. 35. – С. 212 ; Т. 38. – С. 154 ; Т. 41. – С. 158 ; Т. 44. – С. 162 ; Т. 48. – С. 167 ; Т. 51. – С. 171 ; Т. 55. – С. 183 ; Норинсё ногё сого кэнкюдзё (Генеральный институт сельского хозяйства при Министерстве сельского хозяйства) ; Норинсуйсанхин юсюцу токэй (Статистика экспорта сельскохозяйственных товаров). – Токио, 1949. – С. 34.

²³ Окурасё (Министерство финансов). Дзюмбикин симацу (отчет о резервных фондах). – Токио, 1890. – С. 156.

²⁴ Хакодате Сёгёкайгисё. Син Кан Ро Боэки Сисацу Хококу. – С. 45–46, 93.

²⁵ Токио кото сёгё гакко (Токийский высший коммерческий институт). Хоккайдо юсюцу комбу тэса хококусё (отчет экспорта морской капусты с о. Хоккайдо в Китай). – Токио, 1906. – С. 88–91 ; Синдзин комбу рёри хо (Кули-нария китайцами морской капусты) // Сёкумин кохо (Вестник заселения Хоккайдо). – 1912. – № 64. – С. 88.

²⁶ Хакодате Сёгё кайгисё. Син Кан Ро Боэки Сисацу Хококу. – С. 105–106.

японской войной²⁷. Иностранцам было трудно работать в Китае из-за сложности китайских торговых обычаев (система маклерства и комиссионных выплат). Кроме того, в разных районах Китая денежные и весовые единицы могли сильно различаться²⁸. Эти трудности в равной мере касались и японцев, и русских торговцев. Несмотря на это, Семёнов достиг успеха в торговле.

Заключение

Экспорт морской капусты из Японии внес большой вклад в промышленное развитие данной страны. Поэтому я считаю, что добыча морской капусты на Сахалине таким же образом могла бы способствовать развитию этого острова в конце

XIX века. На третьем Хабаровском съезде губернаторов и представителей в 1893 году Я. Л. Семёнов ознакомил участников съезда с возможностями промысла морской капусты²⁹. Но последователей у него не оказалось, и большого содействия от генерал-губернатора он не получил. Возможно, многие тогдашние дальневосточники не могли представить, что их азиатские соседи потребляют так много морской капусты.

В июне 1905 года японская армия оккупировала остров Сахалин, и Я. Семёнов потерял свои рыболовные участки, а также базу для промысла морской капусты на Сахалине. Российский купец получил компенсацию от правительства Японии, но, несомненно, что он потерпел большие убытки³⁰.

---

²⁷ Хакодатэ Сёгё кайгисё. Син Кан Ро Бозки Сисацу Хококу. – С. 125–126 ; Хисамутдинов, А. Указ. соч. – С. 280.

²⁸ Ямамото Ёсиката. Синкоку суйсан бэнкай. Фу: Ниссин бозки дзидзё (Обзор рыбного промысла в Китае. Приложение: Обзор торговли между Японией и Китаем). – Токио, 1886. – С. 133, 135. – URL : <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/992580>

²⁹ Записки купца Я. Л. Семенова. – С. 125.

³⁰ Каминига. Хиракарэта уми но томи то рукэйсёкуминти. – С. 89.

*А. П. Коняхина,
младший научный сотрудник, Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС НА САХАЛИНЕ В КОНЦЕ 1980-х – НАЧАЛЕ 1990-х гг.: ОТ ПРЯМЫХ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Западной социологией и политологией накоплен значительный багаж объяснительных моделей, в центре внимания которых находятся общественные движения. Это теории структурного функционализма (Т. Парсонс, Р. Мертон), мобилизации ресурсов (М. Залд, Дж. Макарти), теории политического процесса и структуры политических возможностей (Ч. Тилли, С. Тэрроу), новых социальных движений (А. Мелуччи, А. Турен, Хабермас), относительной депривации (Дж. Дэвис). На российском материале исследования проводили: В. Ядов, Ю. Левада, В. Костюшев, О. Яницкий, Л. Гордон, Э. Клопов, М. Назаров, А. Кинсбургский, А. Кацва, В. Сафронов и другие.

Представитель деятельности-активистского подхода польский социолог П. Штомпка дал определение социальному движению как «свободно организованному коллективу, действующему совместно в неинституционализированной форме для того, чтобы произвести изменения в обществе»¹. Движение появляется как реакция на имеющийся в среде конфликт, напряжение и несет на себе отпечаток предшествующих социальных практик.

Следует исходить из того, что социальные проблемы не сама по себе ситуация, а деятельность индивидов и групп, выдвигающих утверждения и требования². Выразителями общественных настроений, чье мнение не было «санкционировано» сверху, стали в этот период новые социальные движения. На Сахалине переход политической инициативы к «низам», активизация сил, выступавших за демократизацию всех сфер жизни общества, произошли раньше, чем в других регионах страны. В то время, когда партия только декларировала «необходимость формирования нового общественного мнения» и «освоения сознанием

сути наступивших и грядущих перемен»³, в обществе уже был накоплен необходимый для перехода к решительным действиям потенциал. По данным социологического опроса, проведенного ИСИ АН СССР в 1987 г., лишь 16 % респондентов считали, что перестройка идет успешно, 31,4 – что медленно и с большими трудностями, что совсем не ощущается – 32,3, с ответами затруднились или не ответили 20,3 %⁴.

События мая 1988 г. в Южно-Сахалинске, последствием которых стала фактическая отставка первого секретаря обкома КПСС П. И. Третьякова, были охарактеризованы как первая в Союзе демократическая революция. Стихийный митинг 21 мая, поводом к которому явилось обсуждение несправедливых безальтернативных выборов делегатов на XIX Всесоюзную партконференцию, стал открытой трибуной для выражения населением своего недовольства, отказа в доверии областному руководству. По словам А. Г. Романова, первого секретаря Долинского ГК КПСС, «группа [неформалов] своими действиями впервые заставила нас вплотную заняться политической работой...»⁵. Неспособность представителей власти адекватно реагировать на общественные запросы и критически оценивать собственную деятельность подтверждают результаты анкетирования, проведенного на Сахалине в том же году: слабую связь обкома с населением области отметил 41 % опрошенных⁶.

Из письма жителя области: «За неделю работы [инициативная] группа сделала больше всех известных “официальных” формирований, так что спасибо ей (не знаю только чем это для нее обернется)...»⁷. Но срочное решение обкома передать Южно-Сахалинскому горисполкому гостиницу и здание больницы, а облсовпрофу – пансионат было воспри-

¹ Штомпка, П. Социология социальных изменений : пер. с англ. / П. Штомпка. – М., 1996. – С. 340.

² Цит. по: Климов, А. И. Протестное движение в России: взаимная обусловленность стратегий сторон / А. И. Климов // Полис. – 1999. – № 1.

³ Паникин, И. Перестройка и идеологическая работа / И. Паникин // Блокнот агитатора. – 1987. – № 6. – С. 16.

⁴ Судьбы реформ и реформаторов в России. – М., 1996. – С. 359.

⁵ Сахалинский Центр документации новейшей истории (СЦДНИ). Ф. П-4. Оп. 150. Д. 7. Л. 21–22.

⁶ СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 159. Д. 78. Л. 2.

⁷ Шаров, В. На острове – нормальная погода / В. Шаров // Молодой дальневосточник. – 1989. – 5 авг. – С. 11.

нято многими жителями скорее как уступка властей из-за страха перед народным возмущением.

Последовавший на втором митинге (собравшем по разным оценкам до 5 тыс. участников) призыв к организационному оформлению стихийной инициативы привел к созданию политической организации общественности г. Южно-Сахалинска «Демократическое движение за перестройку» (ДДП), костяк которой составила уже проявившая себя инициативная группа из восьми человек. Резолюция митинга была отправлена генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву, а уже 18 июня 1988 г. состоялось учредительное собрание, утвержден устав и избран Координационный совет в составе 43 человек.

Итак, новым явлением стала мобилизация, основанная не на принадлежности к какой-то традиционной (конфессиональной, профессиональной) группе, а исходя из общности осознаваемых всеми активными участниками движения интересов. Раньше, не являясь полноценным и полноправным субъектом политики, индивид мог адресовать свои запросы к власти через подконтрольные ей институты-посредники. Прямое же участие, не связанное с формальным членством в организации, приводило не только к росту политической самоидентификации, но и сокращало дистанцию, преодолевал в определенной степени взаимную отчужденность власти и общества. «Было чувство мучительного восстановления обратной связи, механизм которой был основательно разрушен...»⁸.

Основной целью ДДП провозглашалось восстановление ленинских принципов социализма и создание подлинного народовластия⁹. Первоначально движение взяло на себя роль активного помощника перестройки, предлагая свое содействие и поддержку горкому КПСС в налаживании диалога между населением и властью, в борьбе с бюрократизмом и номенклатурными привилегиями. Формы работы включали в себя: собственные расследования фактов социальной несправедливости, сбор, в том числе через обращения граждан, и доведение актуальной информации до населения, разработка различных предложений и рекомендаций для государственных, хозяйственных и партийных органов. Занимались проведением тематических митингов, городских собраний и регулярных «гайд-парков» (правовая неопределенность такого «уличного парламента»¹⁰ позволила властям вскоре их запретить), налаживанием сотрудничества с заинтересо-

ванными группами (молодежными, экологическими), обращениями в СМИ, ЦК КПСС.

Первым изданием ДДП была стенгазета «Гласность», которую вывешивали, перемещая, на предприятиях Южно-Сахалинска. С 1989 г. от имени Сахалинского демократического регионального пресс-центра (СДР-ПП) начал выходить самиздатский информационный бюллетень Сахалинского демократического движения за перестройку (Южно-Сахалинск, ред. – В. Подошвин, Н. Мун), впоследствии выросший в газету «Айну» (официальный орган Сахалинского народного фронта с тиражом до 1500 экз.). Эти издания вызывали повышенный общественный интерес, прежде всего как альтернативный источник информации, устранивший монополию государства на истину.

Достижение необратимости демократических преобразований, по мнению участников ДДП, было возможно через создание механизмов непосредственной демократии, многообразие политических форм активности граждан, обеспечения прямого участия широких масс в решении ключевых вопросов жизни страны через общенародные обсуждения и референдумы¹¹. Содействие реализации этих задач наряду с обеспечением интересов и защитой прав и достоинства людей труда, проведением в жизнь принципа гласности и доступности информации избраны основными направлениями деятельности организации.

Вообще, выбор стратегии поведения любого социального движения определяется, прежде всего, структурой политических возможностей в данном обществе. Основное внимание, согласно теории, следует обратить на взаимодействие неинституциональных и институциональных факторов и, в частности, на такие характеристики последних, как степень открытости политической системы, стабильность элитных групп, терпимость элиты к протесту, а также территориальная децентрализация¹². Общий контекст включает в себя и нормы политической культуры, систему традиционных ценностей и идеологии. До конца 80-х годов в государстве социальные конфликты разворачивались лишь в латентной форме, их наличие отрицалось или замалчивалось. Индивидуальный протест мог расцениваться как акт гражданского неповиновения. Как писал Ю. Левада, «скрытое несогласие в советский период уходило в “двоемыслие”, прикрывалось показной лояльностью по отношению к власти (другая сторона

⁸ Шаров, В. На острове – нормальная погода / В. Шаров // Молодой дальневосточник. – 1989. – 5 авг. – С. 11.

⁹ СЦДНИ. Ф. П-4679. Оп. 1. Д. 1.

¹⁰ Шубин, А. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989) / А. Шубин. – М.: Европа, 2006. – С. 196.

¹¹ СЦДНИ. Ф. П-4679. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–13.

¹² Павлова, Т. В. Социальные движения как фактор трансформации институциональной среды: проблемы теории / Т. В. Павлова. – URL : http://www.civisbook.ru/files/File/Pavlova_5_08.pdf (дата обращения : 5.10.2012).

того же явления – показная забота власть имущих о народе)»¹³.

Отношение к инициативам ДДП со стороны областного комитета КПСС было противоречивым. Игнорировать стихийный протест ответственности представлялось невозможным: для организации было выделено помещение в Доме политического просвещения обкома, с участием «восьмерки» в мае 1988 г. прошли партийно-хозяйственные активы, на которых обкому КПСС пришлось отчитываться по проблемам развития социальной сферы, вопросам злоупотреблений руководства области¹⁴, начались проверки по фактам нарушений в сфере жилищного, экологического законодательства. Но вскоре растерянность партийных работников сменилась их уверенностью в организационной и идейной слабости новообразованного движения. «Деятельность этого объединения пока, кроме пустопорожней говорильни и утверждения собственных амбиций, никакой пользы перестройке не приносит», – говорилось в информации, направленной в Президиум Верховного Совета РСФСР в сентябре 1988 г.¹⁵

В стране отсутствовало и законодательство, регулирующее разрешение трудовых конфликтов и деятельность общественных объединений. Так, до вступления в силу Закона СССР «Об общественных объединениях» ДДП четырежды получало отказ в регистрации. Деятельность его формально могла осуществляться только в соответствии с Положением о добровольных обществах и союзах областного значения, утвержденным Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10.07.1932 г.¹⁶ Принятые Постановлением ВС СССР Указы № 504 и 505 «О порядке проведения и организации собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций» и «Об обязанностях и правах внутренних войск МВД» и внесение изменений в УК РСФСР (введенные в конце 80-х гг. ст. 70.1, 200.1) также накладывали ограничения на возможность открытого выражения своих интересов населением.

Обкомом КПСС использовались различные методы дезорганизации ДДП: от запрета на проведение мероприятий, увольнения активистов с места работы до банального игнорирования тре-

бований. Движение в отсутствие единства стало восприниматься как «пятое колесо в бюрократической телеге»¹⁷, «вспомогательная служба горкомхоза».

Осознав необходимость самостоятельного участия во власти, организация все больше политизировалась. Движение также вышло за рамки Южно-Сахалинска, аналогичные группы стали возникать и в других городах области. ДДП включилось в широкую сеть информационных каналов. Были установлены связи с Демократическим союзом, Московским народным фронтом¹⁸, Дальневосточным народным фронтом, владивостокским политическим клубом «Демократ» и многими другими.

Нараставшие разногласия и противостояние в движении и специализация его отдельных направлений послужили выделению из его состава уже в качестве самостоятельных нескольких групп, на основе которых были впоследствии созданы новые общественно-политические движения и партии. Аналогичные тенденции наблюдались и в масштабах страны: достаточно вспомнить участников московского семинара «Демократия и социализм» во главе с Новодворской и клуб «Демократическая перестройка», возглавившего процесс создания социал-демократической партии¹⁹.

Первые неформальные демократические объединения на Сахалине испытывали на себе все недостатки самоорганизации «снизу»: немногочисленность активных членов, трудности дальнейшей мобилизации и расширения социальной базы, нехватка собственных финансовых и административных ресурсов. Сахалинский народный фронт, созданный весной 1989 г. прежде всего для увеличения сторонников демдвижения в преддверии выборов в Советы народных депутатов области, просуществовал чуть более года. Его идеологическим организационным ядром являлся пресс-центр, аккумулировавший информацию о происходящих в пределах области и вне ее социально-политических процессах и распространявший ее посредством листовок и газеты для всех жителей Сахалина.

Параллельно в сентябре 1989 г. начал работу

¹³ Левада, Ю. А. Сочинения: проблема человека / Ю. А. Левада. – М. : Издатель Карпов Е. В., 2011. – С. 312.

¹⁴ Буянов, Е. В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 80-х – 90-е годы XX в.) : дис. на соиск. уч. степ. д. и. н. / Е. В. Буянов. – Благовещенск, 2003. – С. 121.

¹⁵ Государственный архив Сахалинской области (ГАСО). Ф. 53. Оп. 1. Д. 2858. Л. 197.

¹⁶ ГАСО. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 32. Л. 259.

¹⁷ СЦДНИ. Ф. П-4679. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

¹⁸ Подошвин, В. Борьба идеологий в общественно-политическом движении на Сахалине / В. Подошвин // СИАА. – 1996. – № 1(7). – С.14.

¹⁹ Игрунов, В. О неформальных политических клубах Москвы / В. Игрунов // Проблемы Восточной Европы. – 1989. – № 27–28. – URL : http://www.igrunov.ru/cv/vchh-cv-chosenpubl/vchh-cv-chosenpubl-inform_clubs.html (дата обращения : 20.04.2010).

комитет «Демократические выборы», который в 1990 г. активно участвовал в борьбе за места в Советах народных депутатов всех уровней. Наладить плодотворное сотрудничество между СНФ и «ДВ» не удалось в силу идеологических разногласий и соперничества на выборах в Верховный Совет РСФСР. Тем не менее общая главная цель – победа кандидатов от демократов – была ими успешно реализована (избранный народным депутатом РСФСР В. Федоров стал впоследствии первым губернатором области).

Перспективы «Демократического движения за перестройку» были обозначены его организаторами еще в проекте программы: «...в условиях развивающегося демократического общества народное движение, основанное на гражданской инициативе, может потерять свое значение и место в политической системе. В этом случае Движение может... передать свои полномочия другим общественным институтам»²⁰. Так и произошло, прямое участие граждан уступило место институциональной политике.

Успешность действий ДДП на начальном этапе, обусловленная главным образом массовой (активной либо пассивной) поддержкой общественности Южно-Сахалинска, базировалась, прежде всего, на уверенности его участников в возможности реализации своего неотъемлемого права быть услышанными властью. Вопросы, актуализированные в ходе майских митингов, явились, по сути, теми политическими требованиями, выражающими общие интересы (на всех уровнях: от решения социально-бытовых вопросов до требований демократизации жизни и экономической самостоятельности Сахалина и Курил), игнорирование которых в дальнейшем привело к слому прежней системы управления. В рамках существовавших политических возможностей организованное «Демократическим движением за перестройку» и подхваченное другими самостоятельными общественными организациями региона давление на власть посредством прямого участия положило начало формированию и публичной политики, и гражданского общества на российском Дальнем Востоке.

---

²⁰ СЦДНИ. Ф. П-4679. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

*Д. А. Кузнецов,
старший преподаватель кафедры теории права и государственно-
правовых дисциплин Юридического института СахГУ*

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ И ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ МИЛИЦИИ НА САХАЛИНЕ В КОНЦЕ 1930-х – СЕРЕДИНЕ 1940-х гг.

Успешная деятельность сотрудников органов внутренних дел по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в значительной степени зависит не только от высокого уровня их общей и профессиональной подготовки, но и от качества их обучения и воспитания.

Воспитательная работа в системе органов НКВД СССР являлась важнейшей составной частью государственной кадровой политики, целенаправленной деятельностью руководителей, командиров, кадровых и воспитательных аппаратов по формированию у сотрудников милиции профессиональных качеств, необходимых для эффективного выполнения ими должностных функций. Главная цель этой работы заключалась в формировании всесторонне развитой, профессионально подготовленной, морально и психологически устойчивой личности сотрудника милиции.

С начала 1930-х годов эта работа получила обозначение «политико-воспитательной»¹. Она осуществлялась целой системой политических органов милиции и велась в рамках партийно-политической работы. Активными ее проводниками выступали политсостав, партийные ячейки, комсомольские и профсоюзные организации работников милиции.

Важнейшим партийно-политическим органом НКВД СССР стал созданный в 1939 г. по решению ЦК ВКП (б) Политический отдел Главного управления милиции (ГУМ НКВД СССР). Им осуществлялось руководство партийными органами милиции на местах. В его ведении находилась вся политическая, культурно-просветительная и партийно-воспитательная работа, осуществлялось укрепление партийных и комсомольских организаций, а также повышение политико-морального состояния милиции. Одновременно усилилась деятельность, направленная на правовое регулирование партийно-политической работы, повышение ее содержательности, оперативности, приспособленности к изменяющейся обстановке. Был установлен порядок, в соответствии с которым политические отделы управлений милиции областей, крупных городов, учебных заведений,

политруки, партийные и комсомольские организации работали в тесном контакте с территориальными партийными органами. Поэтому деятельность сахалинской милиции в рассматриваемый исторический период проходила также под непосредственным контролем областных и районных партийных органов, Сахалинского областного и местных Советов депутатов трудящихся.

Общее руководство политико-воспитательной работой сахалинской милиции осуществляла политическая часть (именуемая в некоторых документах политотделом) при областном управлении милиции в г. Александровске-Сахалинском во главе с начальником. В начале 1940-х годов в ее штат входили старший политический инструктор и политрук. Аналогичные подразделения были созданы в отделах милиции: Александровском, Охинском, Дуйском городских, Рыбновском, Широкопадинском, Кировском, Восточно-Сахалинском районных². Там же действовали партийные и комсомольские организации, возглавляемые секретарями и их заместителями.

В числе первоочередных задач, поставленных политчастью Сахалинского областного управления милиции в процессе организации воспитательной работы, были следующие: 1) укрепление дисциплины и законности среди личного состава и на этой основе совершенствование оперативно-служебной деятельности подразделений милиции и уголовного розыска; 2) обеспечение сознательного и добросовестного отношения к службе; 3) повышение общеобразовательного и культурного уровня сотрудников.

В районных и городских подразделениях милиции применялись следующие формы политико-воспитательной работы: проведение не реже двух раз в неделю политических занятий с рядовым и младшим начальствующим составом, специальных занятий по разъяснению указов Президиума Верховного Совета СССР, занятий по марксистско-ленинской подготовке для среднего, старшего и высшего начсостава милиции (пропуск которых расценивался как нарушение служебной дисциплины, а к виновным применялись различные

¹ Мулукаев, Р. С. История советской милиции : в 2 т. / Р. С. Мулукаев, А. Т. Скилягин. – Т. 2 – М., 1977. – С. 56.

² Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф. П-35. Оп. 1. Д. 312. Л. 733.

меры воздействия в соответствии с Дисциплинарным уставом), чтение лекций, выпуск стенных газет, проведение тематических бесед, просмотры кинофильмов и т. д.

В результате тесного взаимодействия с областными и районными партийными органами к началу 1940-х гг. удалось практически полностью укомплектовать районные отделы милиции кадрами и увеличить численность всего личного состава со 150 (в 1938 г.) до 280 человек (к 1940 г.)³. Пополнение личного состава шло в основном за счет красноармейцев, уволенных в запас. Укомплектование штатов в конце 1930-х гг. позволило увеличить партийно-комсомольскую прослойку в подразделениях милиции.

Но, несмотря на количественный рост, общеобразовательный и профессиональный уровень новых сотрудников был низким. В этих условиях воспитание сотрудников, организация партийной учебы, подготовка квалифицированных кадров становились одними из главных в повседневной деятельности органов милиции.

С этой целью при Сахалинском областном управлении милиции была организована специальная подготовка всего личного состава. Во всех районных отделах милиции были созданы группы партийного просвещения, слушатели которых изучали краткий курс истории ВКП (б) и политграмоту. Наряду с изучением основ марксизма-ленинизма и специальной милицейской подготовкой при областном управлении милиции были созданы три группы по повышению общеобразовательного уровня. По договоренности с ГОРОНО занятия в них проводили учителя городских школ. В 1940 г. в г. Александровске-Сахалинском при областном управлении милиции был создан клуб, в котором проводились политические, культурные и общественные мероприятия для самих сотрудников милиции и членов их семей. В двухэтажном здании клуба разместились зрительный зал на 200 мест, комната для проведения политической учебы, библиотека массового пользования и комната отдыха для милицейских работников⁴.

Одной из важных составляющих политико-воспитательной работы, проводимой политчастью областного управления милиции, было укрепление служебной дисциплины в рядах сахалинской милиции.

Начало Великой Отечественной войны заставило всех сотрудников милиции области перестроить свою работу в соответствии с военной обстановкой. Новые чрезвычайно сложные и ответственные задачи, поставленные перед мили-

цией в годы войны, требовали от ее сотрудников высочайшей организованности, исполнительности и дисциплинированности. В связи с уходом в действующую армию многих милиционеров по призыву и добровольно значительно увеличился некомплект милиции. В начале 1942 г. первая группа милиционеров-сахалинцев в количестве 50 человек по их настоятельной просьбе была отправлена на фронт. В июне–июле 1942 г. из органов сахалинской милиции в Красную армию убыло 43,6 % личного состава. Всего в годы Великой Отечественной войны 325 сотрудников милиции Сахалинской области было отправлено на фронт⁵. На смену опытным сотрудникам, ушедшим на фронт, пришли рабочие районных промышленных предприятий, которые по возрасту были освобождены от службы в армии, а также большая группа женщин. Число женщин, пришедших на службу в городские и районные отделения милиции, по разным данным, составляло от 42,5 до 20 %. Увеличивался некомплект милиции.

В перестройке деятельности милиции на военный лад очень многое было сделано Главным управлением милиции НКВД СССР. Его решением сотрудники наружной службы милиции были переведены на работу в две смены, на время войны отменялись отпуска. Значительно повысились требования к организованности, исполнительности и дисциплинированности личного состава.

Документальные материалы, сохранившиеся в архивных фондах Хабаровского краевого комитета партии, политической части Управления милиции МВД по Хабаровскому краю, свидетельствуют о том, что большинство сотрудников милиции на Сахалине и их руководителей старались добросовестно выполнять возложенные на них обязанности, с честью нести свою нелегкую службу. Однако имели место и существенные недостатки в организации службы, нередки были и нарушения дисциплины, отступления от требований приказов и инструкций. Проверки некоторых районных и городских отделений милиции, проведенные в течение 1942 г., свидетельствовали о вопиющих случаях беспечности, задержек с возбуждением уголовных дел, о нарушениях служебной дисциплины. Увеличилось количество нарушений дисциплины, в том числе таких, как самовольные отлучки и пьянство.

Анализ этих документов позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, подчеркивается, что к политико-воспитательной работе в условиях войны предъявлялись новые повышенные требования. Во-вторых, уделяется внимание по-

³ Сахалинская милиция: история, даты, лица. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 25–26.

⁴ Над памятью не властно время... Милицейская летопись Сахалина. – Кн. 1. – Южно-Сахалинск, 2009. – С. 14.

⁵ Там же. – С. 15.

литической составляющей милицейской дисциплины, повышению идеологического уровня руководителей и, прежде всего, политработников, призванных осуществлять руководство политико-воспитательной работой и строго проводить в жизнь политический курс. В-третьих, четко определялась вина каждого из руководителей, за что они были подвергнуты наказаниям. В-четвертых, дисциплинарные взыскания были наложены на всех лиц, виновных в отмеченных недостатках, в точном соответствии с требованиями Дисциплинарного устава. В-пятых, в немалой степени росту нарушений способствовали низкий уровень профессиональной подготовки вновь принятых сотрудников, отсутствие практического опыта несения службы в условиях войны.

В 1942 г. было зарегистрировано 215 случаев антиморальных проявлений и служебных проступков, что составляло тогда в целом 58,8 % к общему составу работников милиции Сахалинской области. Из этого числа – 41 случай антиморальных проявлений (морально-бытовое разложение, пьянство в неслужебное время и дискредитация органов милиции, появление в нетрезвом виде на службе), 172 случая совершения служебных проступков (сон на посту, уход с поста, нарушение правил конвоирования, небрежное содержание оружия, халатное отношение к службе, присвоение штрафных сумм, грубое и невнимательное отношение к гражданам). Также было зарегистрировано две попытки совершить самоубийство. В 55 случаях непосредственными виновниками выступали члены ВКП (б) и ВЛКСМ, что составляло 45 % к общему числу всех антиморальных проявлений и служебных проступков, совершенных сотрудниками милиции в 1942 г., или 25,5 % от общего состава всей партийно-комсомольской организации областной милиции⁶.

Как показала практика, партийные организации и коммунисты милиции оказали большое влияние на укрепление дисциплины в милиции. Если в конце 1942 г. численность членов ВКП (б) в сахалинской милиции составляла 33 %, то к концу 1943 г. она возросла до 37 %⁷.

Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны позволил уделить больше внимания органам милиции, усилить партийно-политическую и воспитательную работу с личным составом, наметить меры по дальнейшему укреплению дисциплины. Если в 1941–1942 гг. отчетность о деятельности милиции была крайне отрывочной и нерегулярной, то в 1943 г. в Главное управление милиции НКВД СССР регулярно поступали от-

четы «О политико-моральном состоянии, служебной дисциплине и о партийно-политической работе в органах милиции». Они позволяли главному управлению милиции иметь достаточно полные сведения о состоянии дисциплины в органах милиции, информировать руководство НКВД СССР о кадровых проблемах, принимать адекватные меры. Сведения о состоянии сахалинской милиции передавались по территориальной подчиненности в Управление НКВД Хабаровского края, где формировался сводный доклад по всем краевым подразделениям милиции, который, подписанный начальником Политотдела Управления милиции УНКВД, отправлялся в Главное управление милиции НКВД СССР.

В 1943 г. особое внимание политорганов, партийных и комсомольских организаций подразделений милиции Сахалинской области по-прежнему уделялось работе по укреплению дисциплины. Если нарушения служебной дисциплины среди лиц начальствующего состава допустили в 1940 г. 18,4 %, а рядовой и младший начальствующий состав – 30,4, то в 1943 г. они составляли соответственно 16,9 и 19,2 %⁸.

Грубыми и наиболее распространенными правонарушениями в 1943 г. были пьянство, допущение побегов арестованных, сон на посту и уходы с поста, неисполнение приказов, взяточничество и злоупотребление служебным положением.

Наблюдавшийся в 1943–1944 гг. небольшой рост преступлений и дисциплинарных нарушений, допущенный личным составом милиции, объяснялся рядом причин. В их числе можно назвать ослабление воспитательной работы, явившееся следствием упразднения в частях и органах милиции в декабре 1943 г. должностей заместителей начальников районных и городских отделов по политической части. Большинство правонарушений было совершено сотрудниками милиции, принятыми в ее ряды в военные годы и не имевшими достаточного профессионального опыта и милицейской закалки. Определенное влияние на рост нарушений и преступлений среди личного состава милиции оказывали и серьезные бытовые и продовольственные трудности, недостатки в организации материально-технического и вещевого снабжения.

Тем не менее, надо признать, что основная часть сотрудников сахалинской милиции добросовестно относилась к своим обязанностям. Нередко с риском для жизни они задерживали вооруженных преступников, пресекали и раскрывали тяжкие и особо тяжкие преступления. В 1944 г. за образ-

⁶ ГАХК. Ф. П-513. Он. 5. Д. 5. Л. 9.

⁷ ГАХК. Ф. П-513. Он. 1. Д. 33. Л. 2.

⁸ ГАХК. Ф. П-35. Он. 1. Д. 556. Л. 45.

цовое выполнение служебного долга по линии Сахалинского областного управления милиции были поощрены 40 сотрудников, в том числе 14 лиц среднего и старшего начальствующего состава. Среди представленных к поощрению 12 сотрудников являлись членами ВКП(б), а еще 20 – членами ВЛКСМ⁹.

Большое значение для закрепления кадров в милиции и укрепления дисциплины имело распространение на начальствующий состав милиции Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1944 г. о награждении орденами и медалями СССР генералов, адмиралов, офицеров, а также сержантов и старшин сверхсрочной службы за выслугу лет. В соответствии с Указом эти категории офицерского и начальствующего состава награждались медалью «За боевые заслуги» за 10 лет службы, орденом Красной Звезды за 15 лет службы, орденом Красного Знамени за 20 лет службы и орденом Ленина за 25 лет службы. За 30 лет службы сотрудники награждались вторым орденом Красного Знамени. Это решение свидетельствовало о признании деятельности сотрудников милиции как одного из важнейших направлений в борьбе за укрепление

тыла действующей армии и их вкладе в победу над врагом, стимулировало длительную службу и имело большое моральное значение, поднимало престиж милицейской службы¹⁰.

Таким образом, Конституция СССР 1936 г. закрепила основные принципы руководства административным аппаратом, следовательно, коммунистическая партия играла главную роль в формировании кадрового состава милиции. Внутри органов милиции идеологическое и политиковоспитательное воздействие партии осуществлялось через политорганы, различные партийные и комсомольские организации. На основе Конституции был принят ряд нормативных правовых актов, направленных на обеспечение общественного порядка и государственной безопасности, на укрепление дисциплины и правопорядка во всех звеньях государственного управления, в том числе и органах милиции. Реализация заложенных в них норм способствовала укреплению дисциплины и организованности в органах милиции, усилению борьбы с нарушителями законности, более тщательному подходу к отбору кадров и в конечном итоге повышению эффективности борьбы с преступностью.

⁹ ГАХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 10. Л. 66.

¹⁰ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1944. – № 33.

*О. Ю. Кузнецова,
старший преподаватель кафедры российской и всеобщей истории
Института истории, социологии и управления СахГУ*

**ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ НА САХАЛИНЕ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ САХАЛИНСКИХ ВРАЧЕЙ)**

В 1875 г. был подписан Санкт-Петербургский договор с Японией, по условиям которого Сахалин входил в состав России. К тому времени уже шел процесс заселения острова, и с 1869 г. на его территории существовала каторга. В 1884 г. были приняты штаты управления островом, по которым для оказания медицинской помощи шеститысячному населению полагалось пять врачей, двенадцать фельдшеров и две акушерки [1, л. 37]. Сахалинские медики были одной из образованнейших категорий населения региона. Благодаря их деятельности Россия получила многочисленные сведения о коренных жителях, их обычаях и культуре, а также о флоре и фауне острова. Естественно, что и вопросы медицинского характера не оставались вне сферы их интересов. Одним из таких вопросов был сбор и анализ статистических данных о рождаемости и смертности островного населения. Основными источниками, содержащими такие сведения, были ежегодно составлявшиеся отчеты заведующих медицинской частью острова. Кроме отчетов источниками для написания статьи послужили материалы, подготовленные врачами Ф. Августиновичем, Н. С. Лобасом, Л. В. Поддубским.

Согласно вышеперечисленным источникам, рождаемость на Сахалине в указанный период была очень низкой. Так, в 1889 г. родилось 314, в 1897 г. – 521, в 1898 г. – 478 чел. [1, л. 39; 16, л. 122; 2, л. 3]. Наиболее подробный анализ низкой рождаемости был сделан Л. В. Поддубским, который с 1892 г. на Сахалине исполнял обязанности заведующего медицинской частью острова, старшего врача Александровской окружной лечебницы и заведующего метеорологическими станциями. В 1899 г. он принял участие в заседании «Общества попечения о семьях ссыльнокаторжных», где сделал доклад «Сахалинские дети» [10, с. 141–143]. В данном докладе врач осветил причины низкой рождаемости на острове. «Деторождение на Сахалине среди ссыльных женщин и женщин свободного состояния, пришедших за каторжными мужьями, не велико: среднее за пятилетие 1892–897 гг. – 1,9 % на 100, тогда как в Европейской России и Сибири оно колеблется от 4,3–4,8 %. Кроме указанной относительной слабости деторождения на Сахалине, оно абсолютно значительно меньше:

на Сахалине 12 только из 100 взрослых женщин рожают, в России же 19 из 100 взрослых женщин. Да и само количество женщин на Сахалине незначительно; оно в среднем составляет 22,3 % всего числа наличного взрослого населения, или одна приходится на 4,47 мужчины. Все вышесказанное относится исключительно к ссыльному населению Сахалина: ссыльнокаторжным мужчинам и женщинам, поселенцам и поселенкам, крестьянам и крестьянкам из ссыльных, к числу которых мною отнесены и женщины свободного состояния с их детьми, пришедшие за своими каторжными мужьями, т. к. условия их ничем не отличаются от жизни ссыльнокаторжных женщин и поселенков, а благодаря многосемейности первых они находятся в еще более затруднительных условиях, чем малосемейные каторжные поселенки. Население же свободное, как то чиновники, войска и надзиратели, живущие совершенно безбедно и в сравнительно хороших санитарных условиях, не идут в расчет; деторождаемость их равна рождаемости в России и в 2–2,5 раза превышает рождаемость среди ссыльных женщин и женщин свободного состояния. Причина малой рождаемости среди ссыльных заключается: 1) в неблагоприятных почти нищенских и всегда антигигиенических и антисанитарных условиях их жизни; 2) в сильно развитом почти поголовном разврате среди ссыльных женщин, а также свободного состояния жен ссыльных и их дочерей, благодаря чему около половины женщин, ведя беспорядочную полиандрическую половую жизнь, почти вовсе не рожают, имея препятствием многочисленные и разнообразные женские болезни, зависящие исключительно от излишества половых отправления и их ненормальности; 3) сверх того, присутствие в числе ссыльных слишком молодых и очень старых женщин также понижает рождаемость» [13, с. 159–160]. В Сахалинском календаре незначительная рождаемость на Сахалине сравнительно с другими регионами России объяснялась рядом устойчивых факторов, характерных для ссыльнокаторжной колонии. Таковыми факторами сахалинские медики считали: «малое количество женщин, сравнительно пожилой возраст, в котором они являются на Сахалин, господствующая на Сахалине полиандрия, раннее начало половой

жизни (с одиннадцатилетнего возраста благодаря развращающей среде) и, наконец, общее ослабление мужчин и женщин благодаря неблагоприятным условиям жизни и их ненормальное нервное возбуждение при бесправном их состоянии, с которым ни примириться, ни сжиться невозможно» [15, с. 122].

Родовспомогательных заведений в конце XIX в. на острове не было. Нуждающиеся в акушерской помощи или приглашали акушерку на дом, или же помещались в женском отделении лечебницы. В 1889 г. из 314 в медицинских учреждениях на свет появились только 85 чел. [1, л. 39], в 1898 г. из 478 только 77 родильниц находились в медицинских учреждениях и только у 24-х на родах присутствовали врачи [2, л. 3].

Смертность на острове в конце XIX в., как и рождаемость, была невысокой и значительно ниже, чем в России, и составляла 1,8 %. В России же смертность равнялась 3,4 %, в Сибири – 3,3 %. В 1888 г. смертность населения Сахалина составляла 12,5 на 1000 чел. [11, с. 315]. Число больных на острове Сахалин, обращавшихся за медицинской помощью в течение 1889 г., равнялось 18500 чел., из которых 5050 лечились в лазаретах, а 13450 амбулаторно и на дому. Смертность среди первых составила 147, среди вторых 13 чел. [1, л. 39]. В 1896 г. на Сахалине всего болело 38175 чел., из них медицинскую помощь в больницах получали 4101, умерло в указанном году 229, из них в больницах – 213 чел. [5, л. 6].

Малую смертность на Сахалине тот же Л. В. Поддубский объяснял: «1) малым количеством детей; они составляют только 12 % на 100, тогда как, по вычислению профессора Чупрова, в начале 70-х гг. детей до 15-летнего возраста – 3,8 % в России; 2) отсутствие эпидемий на Сахалине вообще и в частности детских эпидемий; 3) и, самое главное, выездом поселенцев и в особенности крестьян из ссыльных, которые ежегодно покидают Сахалин несмотря на истощение, малосилие и другие недуги, и переселяются на материк, где складывают свои кости, уменьшая как число старых людей на острове, так и процент смертности на виновном Сахалине и увеличивая ее в приамурских областях; 4) хорошо организованной медицинской помощью: на Сахалине на одного врача приходится 2,5 тыс. – тогда как в русских земских губерниях на одного врача приходится 15–30 тыс., и отсутствие предубеждения ссыльного населения против медицинской помощи; 5) чистотой девственной сахалинской природы, отсутствием городских центров и происходящих отсюда скученности населения и значительного загрязнения воды и почвы; отсутствием фабрик, заводов и т. п. факторов, что в свою очередь также понижает процент смертности на Сахалине. Нельзя не отметить, что самый большой процент смертности из общего числа умерших на острове дают мужчины

ссыльнокаторжные, из-за исключительно тяжелых условий тюремной каторжной жизни, хотя по возрасту они должны были составлять гораздо более зрелый и крепкий элемент, чем, например, отбывшие каторгу – поселенцы и крестьяне» [13, с. 159]. А. А. Панов в своей работе «Сахалин, как колония» небольшой процент смертности на острове объяснял «отсутствием на Сахалине эпидемий, а также значительной эмиграцией ссыльных, путем легального перевода на материк и побегов. Наибольшей смертностью отмечается рабочий возраст от 20 до 50 лет, на который приходилось 69,8 % всех смертей, за ним следовали дети и юноши – 19,3 % и старики – 10,9 % от общей смертности» [12, с. 108]. Высокую смертность работоспособного населения объясняли тем, что организм к этому возрасту уже был истощен однообразием пищи, авитаминозом, экстремальными бытовыми условиями [8, с. 10]. За период с 1890 по 1893 г. смертность на тысячу составила для каторжан – 26–37 чел., для поселенцев – 19–25 чел., для свободного населения – 2 чел. на тысячу [12, с. 108]. В 1895–1900 гг. средний показатель был еще меньше и составлял 11,9 чел. на 1000 населения. Низкие цифры объяснялись отчасти и тем, что не учитывалось население, проживавшее в местах, где отсутствовали больницы, где не обращались за помощью, а также тем, что на Сахалине было мало детей и стариков – самых болезненных категорий населения, а также не учитывались коренное население и бежавшие, находившиеся в розыске ссыльнокаторжные, погибавшие при побеге [6, с. 176–177].

Заметный рост смертности островного населения был отмечен после окончания Русско-японской войны, на Сахалине резко ухудшились условия жизни и увеличилась заболеваемость населения и, как следствие, смертность, которая в последние довоенные годы была 3–7 чел. на 1000 в год [7, с. 65], а в конце 1906 г. достигла 18 чел. на 1000 жителей. Тем не менее она была ниже, чем в целом по Дальнему Востоку, там показатель – 25–30 %, в Амурской обл. – 34,4 % [4, л. 12].

Смертность новорожденных на Дальнем Востоке была ужасающей. В 1894 г. во Владивостоке родилось 462 ребенка, из которых умерли 415. В Южно-Уссурийском округе родились 3622, а умерли 1373 ребенка. В Уссурийском казачьем округе было рождено 296, умерло 215 детей. В Хабаровске родилось 386 детей, а умерло 229. Процент смертности детей составлял соответственно 89,8; 37,9; 72,6 и 59,3 [17, с. 42]. Высокие показатели детской смертности отмечались и в амурских селах. Если в европейской России она была равна 60 %, то здесь доходила до 74 %. Роды в деревнях, как правило, принимали повитухи, только около 12 % всех родов принимали повивальные бабки. Многие женщины-роженицы страдали потом послеродовыми заболеваниями. Так, 1360 жен-

щин из 9781 больной страдали от послеродовых осложнений [9, с. 22, 24].

В целях недопущения развития эпидемий сахалинские врачи совершали санитарные осмотры и составляли по их итогам рапорты, свидетельствующие в том числе и о причинах заболеваний грудного возраста. Истощение детей происходило от недостатка молока у матерей, а коровьего молока за неимением средств для этой цели они приобрести не могли. Кормового довольствия от казны они не получали, так как дети их не достигли возраста одного года [3, л. 57–58].

Не удивительно, что при высокой рождаемости естественный прирост населения был замедленным. Естественный прирост населения очень мал, в среднем за то же пятилетие 1892–1897 гг. по 5 чел. в год на все наличное ссыльное население, что не может идти в расчет даже при незначительном числе жителей на Сахалине. Если ссыльное население острова в указанный период увеличилось в 1,5 раза, то это зависело от ежегодной присылки арестантов (1500–2000 чел.) и от приезда семейств свободного состояния к каторжным мужьям и отцам [13, с. 159]. В 1897 г. население Сахалина составило 31482 жителя, что по сравнению с 1896 г. больше на 3681 чел. Родилось в 1897 г. 521 чел., умерло 457. Следовательно, естественный прирост составил всего 64 чел., или 20 новорожденных на 1 тыс. жителей [16, с. 122]. В 1898 г. на острове проживало 31479 чел., что даже меньше предыдущего года. Родилось 478, умерло 516 чел. Естественный прирост был в минусе – 38 чел. [2, л. 3].

Следует отметить, что по сравнению с другими регионами России на Сахалине в конце 90-х гг. XIX в. значительно снизилась как общая, так и в особенности детская смертность. Так, в 1897 г. детей в возрасте до года умерло 29 чел., что составляло 6,3 %, в возрасте от года до пяти лет – 20 чел. (4,3 %). Самый высокий показатель смертности был в возрастной группе 30–40 лет, в 1897 г. таких людей умерло 143 чел. (34,2 %) [16, с. 123–124].

Таким образом, в рассматриваемый период и рождаемость, и смертность островного населения были невысоки. Существенно данные показатели отличались для разных категорий населения: относительно высокая рождаемость и низкая смертность наблюдались у свободных и низкая рождаемость и высокая смертность – у ссыльно-каторжных. По всем категориям населения снижение смертности было отмечено в 90-х гг. XIX в., рост же данного процесса был зафиксирован в

первые годы после поражения в Русско-японской войне. Рождаемость после указанной войны, наоборот, пошла на спад. Причинами обоих процессов стали и сокращение численности населения, и увеличение заболеваемости, и практически полное отсутствие медицинской помощи на острове в конце первого десятилетия XX в.

Литература

1. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 1191.
2. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 2806.
3. ГИА СО. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 15.
4. ГИА СО. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 34.
5. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 140.
6. Гридяева, М. В. Демографические процессы, административное развитие и становление социальной сферы на о. Сахалин в середине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук / М. В. Гридяева. – Южно-Сахалинск, 2007. – 264 с.
7. Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск: архивный отдел администрации Сахалинской области. – Государственный архив Сахалинской области, 2000. – 392 с.
8. Димитриев, А. Д. Экологические аспекты здоровья населения острова Сахалин / А. Д. Димитриев, Н. М. Рогачева. – Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1986. – 100 с.
9. Исаков, А. В. Развитие здравоохранения в Амурской области / А. В. Исаков. – Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1967. – 88 с.
10. Латышев, В. М. Поддубский и его записки о Сахалинской каторге / В. М. Латышев, Л. В. Врач // Вестник Сахалинского музея. – № 11. – 2004. – С. 141–143.
11. Отчет Главного тюремного управления за 1888 год. – СПб., 1890.
12. Панов, А. А. Сахалин, как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина / А. А. Панов. – М. : Типография товарищества И. Д. Сытина, 1905. – 236 с.
13. Поддубский, Л. В. Сахалинские дети / Л. В. Поддубский // Вестник Сахалинского музея. – № 11. – 2004. – С. 159–169.
14. Приамурье. Факты, цифры, наблюдения. – М. : Городская типография, 1909. – 924 с.
15. Сахалинский календарь на 1898 год. Пост Александровский, 1898.
16. Сахалинский календарь на 1899 год. Пост Александровский, 1899.
17. Шашков, Н. И. Приморье в конце двух веков / Н. И. Шашков. – Владивосток : изд-во Дальневост. ун-та, 1996. – 114 с.

Е. Н. Лисицына,
кандидат исторических наук, профессор кафедры российской
и всеобщей истории Института истории, социологии и управления СахГУ

КИТАЙЦЫ НА САХАЛИНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX–XX ВЕК)

Среди народов, проживающих в настоящее время на Сахалине, китайцы почти не заметны. По данным переписи 2010 года, в области их насчитывалось всего 76 человек [5]. Однако представители этой нации постоянно проживают на Сахалине на протяжении вот уже полутора века.

На разных этапах истории России китайское присутствие воспринималось у нас и как серьезная проблема, и как важный фактор внутреннего развития и внешнеполитического положения государства. Полтора века дискуссий вокруг «китайского вопроса» в итоге привели к созданию целостной картины такого явления, как китайцы в Приморье и Приамурье [2; 3; 8; 11; 12]. В то же время тема китайского пребывания на Сахалине остается одной из самых малоизученных. На сегодняшний день не только в общероссийской, но даже в региональной историографии не появилось ни одной монографии или значительной статьи, специально посвященной данной проблеме. Нами предпринята попытка на основе архивных данных, а также материалов открытой печати дать общий обзор присутствия китайского населения на острове и их участия в социально-экономическом развитии острова на протяжении второй половины XIX–XX века.

Появление китайского населения на Сахалине в середине XIX века связано, с одной стороны, с указом императора Канси 1860 года о предоставлении права китайским подданным выезда за границу, с другой – началом развития на Дальнем Востоке промысловой деятельности. Десятки китайцев из северо-восточных провинций своей страны, главным образом мужчин без семей, устремились на российский Дальний Восток, в том числе и Сахалин, на заработки. Именно сезонные работы явились их главной целью пребывания на острове. Доля тех, кто стремился обзавестись семьей и начать вести оседлый образ жизни, была крайне мала, поскольку китайские власти запрещали своим гражданам, временно проживающим на российской территории, жениться на инородцах [16].

Самыми доходными, а потому многочисленными на Сахалине были промыслы по добыче рыбы и морепродуктов (морской капусты и трепанга). Именно на них китайцы устраивались работать в первую очередь. Первоначально численность работников на возникавших промыслах (а, соответственно, и доля китайцев) была невелика. Однако

уже с 60-х годов XIX века в связи с возникновением на острове крупных рыбопромышленных предприятий и появлением первых дальневосточных рыбопромышленников численное присутствие китайцев на Сахалине стало расти. На промыслах, принадлежавших рыбопромышленникам Биричу, Плетневу, Никоненко, Суконкову, Крамаренко, трудились от 120 до 300 рабочих [10; 34], большой процент среди которых составляли китайцы. Так, на сахалинских промыслах одной из крупнейших на Дальнем Востоке рыбопромысловых фирм «Семенов, Демби и К°» из 600 рабочих китайцы составляли 160 человек [1; 96].

Кроме рыбных промыслов труд китайцев активно использовался в развитии на острове горного дела, в первую очередь, угольной промышленности, которая во второй половине XIX века заняла ведущую позицию в экономике Сахалина. По данным А. Осташева, и иностранные фирмы («Олифант и К°», «Август Герд и К°»), и частные предприниматели (американцы Д. Кроули и Байков, прусский подданный Лонкер) охотно набирали китайцев для работы на рудниках [13].

Быстрый рост численности китайцев на Дальнем Востоке, их предприимчивость, готовность браться за любую работу были предметом беспокойства для российских властей. Это привело к попытке перехода со стороны государства к ограничительным мерам в отношении этой категории населения: в 1886 году китайцам запретили селиться на приграничных территориях [8; 38], в 1892 году – приобретать там земли (*в Амурской и Приморской областях. – Курсив наш*) [21; 18]. Однако на практике запретительная политика успеха не имела. Ограничение использования китайского труда оборачивалось для российских предпринимателей большим экономическим ущербом, что вело к поощрению нелегальной китайской миграции с их стороны. Так, один из участников Амурской экспедиции статский советник Романов в ноябре 1911 года писал Н. Л. Гондатти, что видел как «с парохода “Батрак” (*капитаном парохода являлся Г. И. Зотов, ставший позднее первым сахалинским нефтепромышленником. – Курсив автора*) высаживались массы китайцев близ Осиповского затона, направившиеся пешком в Хабаровск...» [17; 28].

Что касается Сахалина, то в 1872 году на острове запретили деятельность каких-либо иностранных компаний. Одна из основных отраслей

экономики (угледобыча) была поставлена под контроль государства, а на северсахалинских угольных месторождениях стал использоваться труд каторжников. Большая часть китайцев, лишившись работы, вынуждена была покинуть остров. Однако небольшая их часть все же закрепилась на Сахалине, составив, по данным первой Всероссийской переписи 1897 года, 148 человек [4; 3].

С внедрением в экономику острова каторжного труда влияние китайцев на экономическое развитие Сахалина уменьшилось, но не исчезло совсем. Это было обусловлено тем, что среди каторжан присутствовали представители китайской национальности, так называемые хунхузы. Эту категорию осужденных упоминает в своем произведении «Остров Сахалин» А. П. Чехов [24; 489]. Хунхузничество представляло собой специфический вид китайской преступности, характерный только для Дальневосточного региона. Оно было опасно своей военной организацией, жесткой дисциплиной и хорошим вооружением. Хунхузы занимались контрабандой, грабежом, рэкетом. Не останавливались и перед убийствами, вырезая за неповиновение целые селения. Особенно страдало от разбоя хунхузов Приморье, которое и стало главным поставщиком осужденных хунхузов на Сахалинскую каторгу [25, 433; 23].

Кроме хунхузов, еще одним специфическим источником попадания китайцев на Сахалин стало Ихэтуаньское (боксерское) восстание 1899–1901 годов в Китае. В его разгроме наряду с другими европейскими державами принимала участие и Россия. Чтобы восставшие не мешали иностранным державам открыто грабить древнюю столицу, участников восстания как военнопленных отправили в лагерь. Одна такая группа военнопленных, как их тогда называли «комбатанты», под охраной Сахалинского военного отряда дислоцировалась в Александровске [7]. Труд китайских военнопленных и осужденных хунхузов, как и труд остальных каторжников, внес определенную лепту в экономическое развитие острова.

Русско-японская война 1905–1907 годов разделила остров на две части. Последовавшая вскоре после подписания Портсмутского договора отмена каторги сразу же лишила промышленные предприятия северной части Сахалина, оставшейся за Россией, подневольной рабочей силы. В результате в 1909 году Александровский рудник был закрыт и государственная разработка каменного угля на Северном Сахалине была полностью прекращена.

Единственным действующим предприятием в этой части острова оставалось частное русское горнодобывающее товарищество «И. О. Маковский и К^о», державшее в аренде Дуйские каменноугольные копи. Предприятие использовало вольнонаемный труд, основу которого составили

китайские рабочие. Так, в 1907 г. на шахте «Воевода», принадлежавшей товариществу, работало 157 человек, из которых китайцев было 82 человека, русских – 31, корейцев – 44 [18; 4].

Несмотря на ежегодное увеличение добычи угля и рост доходности предприятия, условия труда на производстве были крайне неблагоприятные. Как свидетельствуют данные *таблицы 1* [14], положение иностранных рабочих было хуже самого плохого положения русских.

Таблица 1

Состояние условий труда на шахтах Сибири, Дальнего Востока и Сахалина в начале XX века

	Сибирь и Дальний Восток	Сахалин	
		в среднем по отрасли	иностран-ные рабочие (китайцы, корейцы и т. д.)
Продолжительность рабочего дня	9,3 часа (не более 10 часов)	Не менее 11 часов	12 часов
Заработная плата	37,3 руб.	0,9–1,10 руб.	Штрафы, высокая стоимость услуг (постельное белье, спецодежда и т. п.)

Несколько иначе обстояло дело в нефтяной промышленности. Во-первых, труд в этой отрасли требовал определенных технических знаний. Во-вторых, сама нефтяная промышленность находилась в тот период в стадии проведения разведочных работ, поэтому использование низкоквалифицированной и сезонной китайской рабочей силы не носило в этой отрасли масштабного характера. Так, в нефтяных разведочных работах Ф. Клейе участвовало 96 рабочих. Половина из них (49 человек) были русские, вторую половину составляли китайцы и корейцы. В 1913 году на нефтяных разведках острова было задействовано 48 рабочих, из которых китайцев было всего два человека [19; 221].

Однако, по мнению И. А. Сенченко, из-за недостатков статистики тех лет приведенные цифры о количестве китайских и корейских рабочих на предприятиях нельзя считать точными. Имена китайских и японских рабочих из-за крайне трудной транскрипции часто не соответствовали их именам, обозначенным в паспортах, что чрезвычайно затрудняло учет. Кроме того, как отмечалось в «Сведениях о положении горного дела в Восточно-Сибирской горной области за 1912 год», «...ино-

странные рабочие постоянно кочуют с места на место, то оставляют, то вновь приходят на работы, а регистрации не поддаются, поэтому учесть количество рабочих возможно только приблизительно». Следовательно, делает вывод И. А. Сенченко, «в действительности рабочих на острове было больше, чем указывают отчеты» [19; 222].

Анализируя причины предпочтения китайского труда труду русских рабочих, И. А. Сенченко указывал следующие:

– простота найма китайской рабочей силы. Администрация предприятия, как правило, имела дело с китайцами-подрядчиками, которые, получив задаток, сами организовывали привоз рабочей силы в любое время и в любом количестве;

– простота денежных расчетов. Полученные деньги между работниками распределял подрядчик;

– практически полное отсутствие столкновений китайских рабочих с хозяином предприятия или органами власти. Возникавшие недоразумения разрешались «по китайскому обычному праву», «по-семейному и редко доходили до администрации, а тем более, горного надзора»;

– возможность минимизировать ответственность предпринимателя перед рабочими. Так, из-за «невозможности иметь благонадежных, хорошо знающих язык лиц для ведения табелей» учет работы китайцев осуществлялся путем простого подсчета вагонеток с углем;

– предприниматель почти не нес материальной ответственности за несчастные случаи и смерть рабочих-китайцев, особенно перед оставшимися на родине семьями, поскольку из-за того, что «процедура взыскания вознаграждения слишком сложна...», претензии на это китайцами почти не предъявлялись [19; 225].

В то же время было бы неправильно думать, что китайские рабочие полностью безропотно сносили тяжелейшие условия труда и жизни. В отчете исполняющего обязанности горного инженера Владимирского за 1907 год отмечаются отрицательные для предпринимателя стороны применения труда китайцев, такие, как: «манкировка рабочим временем (отказ рабочих выйти на работу в знак протеста против каких-либо беззаконий администрации), значительная зависимость администрации от подрядчиков, могущих в любой момент и по любому поводу устроить картель (то есть объединиться для стачки и выдвижения определенных требований)» [19; 226]. Так, в январе 1910 года из-за задержки в течение трех месяцев заработной платы 170 рабочих подрядчика Чу-ви-жу на Дуйском руднике объявили забастовку, в которой участвовали китайцы и русские. Всего в забастовке шахтеров приняли участие более 200 из 500 рабочих всех Дуйских рудников. Забастовка продолжалась в течение двух месяцев и была подавлена воинской командой. Забастовка

дуйских горняков имела огромное значение, так как дала начало стачечному движению на острове в 1910–1912 гг. [6; 3].

Во время стачек китайцы проявляли себя как весьма сплоченная сила, что не нравилось как администрации горного округа, так и владельцам предприятий. Поэтому они всячески стремились внести рознь в отношения между русскими, китайскими и корейскими рабочими. В частности, совещание сахалинских углепромышленников в апреле 1916 года, рассмотрев специальный «рабочий вопрос», просило разрешения применять труд корейцев в больших масштабах, чем это разрешалось [20], чтобы противопоставить их «сплоченности китайской» [19; 226].

Во время Первой мировой войны в российской политике произошел серьезный поворот – китайцев стали вербовать для работы на промышленных предприятиях. Этим шагом власти пытались восполнить недостаток рабочих рук не только на Дальнем Востоке, но и по всей стране. Подавляющее большинство китайцев затем так и остались в России, в том числе и после Октябрьского переворота.

Несмотря на революционные события, охватившие страну в 1917 году, и связанную с ними разруху, количество угольных предприятий и разрабатываемых нефтяных отводов на Сахалине увеличивалось, что продолжало расширять применение труда китайских рабочих.

Новый виток в жизни китайцев на Сахалине наступил в 1920 году, когда вся территория острова была оккупирована Японией. Озабоченные быстрым освоением природных богатств, японцы стали активно заселять север жителями метрополии и выходцами из подвластных колоний. По данным японского исследователя Т. Манабу, число китайцев, приехавших на Северный Сахалин в первые годы японской оккупации, стало быстро расти.

Таблица 2

	1921	%	1922	%	1923	%	1924	%
Прибывшие	529	4,8	664	9,7	360	12,6	420	17,4
Убывшие	104	1,6	300	6,7	259	9,4	813	20,6

Данные таблицы 2 свидетельствуют, что если в 1921 году китайцы составляли 4,8 % переехавшего в Александровск-Сахалинский населения, то в 1922 году эта цифра увеличилась до 9,7 %, достигнув в 1923 году 12,6 % [9; 128].

При японцах условия труда китайских рабочих не улучшились. Без особой надобности техническими усовершенствованиями японцы производство не оснащали. Работы производились

в высшей степени примитивно, исключительно мускульным трудом рабочих.

Что касается оплаты труда, то многие японские фирмы (особенно угольные) предпочитали вообще ничего не платить своим рабочим, организуя на предприятиях Южного Сахалина так называемые «такобэя» – насильственно созданную кабальную форму общежития рабочих, находившихся на положении заключенных, которых называли «тако». По данным А. Осташева, такобэя существовали на шахтах Каваками, Амбэцу, Найхоро, Чиннай, Касихо, Торо, Сираура, Тэннай, Эсутору [13]. Организаторами «такобэя» являлись частные подрядчики японских фирм. Внешне вербовка «тако» мало отличалась от обычного оргнабора. Завербованному «тако» выдавали «подъемные» или аванс, которые, как потом оказывалось, надо вернуть. Пока рабочий не вернул затраченные на него средства, он находился на предприятии фактически на положении раба. Вследствие крайнего обесценивания японцами труда «тако» последние всегда оставались «должниками» предприятия, что являлось причиной их пожизненного пребывания в «такобэя». Таким рабочим запрещалось разговаривать между собой, на них надевали наручники, нарушители порядка и дисциплины подвергались жестокому палочному избиению, нередко кончавшемуся смертью.

С 1924 года на севере острова начался обратный миграционный процесс: отток китайского населения из Александровска, который вскоре начал превышать число приехавших. Данные *таблицы 3* свидетельствуют, что уехавшие из Александровска китайские мигранты стали перемещаться сначала на юг северной части острова (Рыковское, Дербинское) [9; 126], а оттуда в среднюю часть острова – Углегорск и Макаров, в которых составили основу трудовых ресурсов на предприятиях по производству целлюлозы.

Таблица 3

Китайское население основных населенных пунктов Северного Сахалина

	Год	Количество	% от общего населения
Северный Сахалин	1923	1,836	10,2
	1925	1,233	9,3
Александровский район	1923	1,745	13,5
	1925	1,057	13,0
Александровск-Сахалинский	1923	1,169	14,0
	1925	450	12,5
Михайловский	1923	169	3,4
	1925	176	3,5
Рыковское	1923	34	3,2
	1925	63	5,8
Дербинское	1923	35	5,2
	1925	51	5,4

В 1925 году японские войска были эвакуированы с территории Сахалина, а в 1926 году была проведена перепись населения советской части острова. Она показала, что на 1 января 1926 года в Сахалинском округе проживало 10,630 человека. Из них китайцев было 757 человек [22; 146]. Почти все они (717 человек) работали на предприятиях угольной отрасли, составляя в ней абсолютное большинство (717 из 889 человек, работающих на шахтах) [16].

Однако постепенно соотношение в трудовых ресурсах на предприятиях острова начало меняться. По-прежнему составляя значительную часть рабочей силы, китайцы, тем не менее, уступили первенство русским рабочим. Так, в 1928 году на угольной концессии «Кита Карафуту Когио Кабусики Кайся» работало 1030 человек. Из них русские составляли уже 41,36 %, китайцы (вторые по численности) – всего 23,4 % [13].

В первые послеоккупационные годы советская власть относилась к китайцам, как и к другим национальным меньшинствам, заботливо. Многие делались для обучения их грамоте, приобщения к русской культуре. Определенное внимание уделяли развитию их национальной культуры. На предприятиях китайских рабочих широко вовлекали в профсоюз. Вопросы состояния работы с ними находились в повестке дня комиссий по работе среди восточных рабочих. Часть китайцев обращалась к властям с ходатайством о принятии их в советское гражданство. Просьбы некоторых из них были удовлетворены. С этого момента советские китайцы могли вступить в КПСС, быть избраны в советские органы власти.

Однако в 30-е годы под влиянием напряженной политической ситуации на восточной границе СССР отношение власти к китайцам изменилось. Принятые против них меры были очень жесткими. Часть китайцев в 1937 году насильственно была выдворена обратно в Китай. Другая часть наряду с советскими людьми подверглась репрессиям и физическому уничтожению. По данным М. В. Тетюевой, за период 1937–1939 годов репрессиям только на шахтах Александровского района подверглись 278 человек. Из них 68 китайцев и семь корейцев. Из этих 76 репрессированных иностранных работников 75 были приговорены к высшей мере наказания по обвинению в пособничестве японской разведке и антисоветской агитации [22; 162]. Аналогичная ситуация существовала и в нефтяной промышленности.

Во время и после Второй мировой войны о китайской иммиграции в СССР не могло быть и речи. Правда, в период хрущевской оттепели во второй половине 50-х годов двери СССР были приоткрыты для китайских студентов и аспирантов. Но затем, во время советско-китайского противостояния, они снова плотно захлопнулись. Начиная с этого времени, в средствах массовой

информации, особенно на Дальнем Востоке, велась антикитайская кампания. Хотя число китайских жителей, проживавших в это время в Сахалинской области, составляло мизерную часть: 43 человека в 1979 году и 34 человека в 1989-м [15], у населения сформировался устойчивый антикитайский синдром.

В начале XXI столетия Сахалинская область стала более открытой для иностранцев. В результате, как показывают данные *таблицы 4*, численность китайцев на острове начала постепенно расти.

Таблица 4

Численность официально зарегистрированной иностранной рабочей силы в Сахалинской области

Зарегистрировано китайских граждан			
на 01.01.00	на 01.01.01	на 01.01.02	на 01.01.03
174	262	278	566

Примечание: таблица составлена автором на основании данных Федерального статистического наблюдения в 2000–2002 годах.

Их участие в экономике острова изменилось. Они стали заниматься сезонным сельским хозяйством, а также торгово-предпринимательской деятельностью. Однако в целом их доля в экономике Сахалина в настоящее время остается незначительной.

Литература

1. Алексеев, А. И. Морские промыслы Дальнего Востока / А. И. Алексеев, Б. Н. Морозов // История СССР. – № 5. – 1985.
2. Арсеньев, В. К. Китайцы в Уссурийском крае. Избран. произв. : в 2 т. / В. К. Арсеньев. – Хабаровск, 1997.
3. Гельбрас, В. Мигранты из Китая и становление китайского землячества в России / В. Гельбрас // Проблема незаконной миграции в России: реалии и поиск решений. – М., 2004.
4. Государственный исторический архив Сахалинской области. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 26.
5. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения-2010 [Эл. ресурс]. – Режим доступа : [gks.ru>free_doc/new_site/perepis2010/perepis...](http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis...)
6. Календарь знаменательных и памятных дат по Сахалинской области на 2010 год. – Южно-Сахалинск : Лукоморье, 2009.
7. Китайцы в посту Александровском [Эл. ресурс]. – Режим доступа : [aleksandrovsk-sakh.ru>node/3084](http://aleksandrovsk-sakh.ru/node/3084)
8. Ларин, А. Г. Китайские мигранты в России.

История и современность / А. Г. Ларин. – М. : Восточная книга, 2009.

9. Манабу, Т. Действия японцев на Северном Сахалине в период японской оккупации / Т. Манабу // А. П. Чехов и Сахалин: взгляд из XXI столетия : материалы междунауч. научно-практ. конф. – Южно-Сахалинск, 2011.

10. Мандрик, А. Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока (50-е годы XVII – 20-е годы XX века) / А. Т. Мандрик. – Владивосток : Дальнаука, 1994.

11. Мотрич, Е. Л. Присутствие китайцев в России / Е. Л. Мотрич // Проблемы Дальнего Востока. – № 6. – 2001.

12. Окул, И. И. Политика заселения Дальнего Востока и миграционное движение его населения (история вопроса) / И. И. Окул // Демографическое развитие Дальнего Востока и формирование его трудового потенциала. – Владивосток, 1991.

13. Осташев, А. Е. Сахалинский уголь: очерки истории островной угольной промышленности в середине XIX – начале XXI в. [Эл. ресурс] / А. Е. Осташев. – Режим доступа : <http://alexsakh.narod.ru/fr.html>

14. Осташев, А. Е. Угольная промышленность Северного Сахалина в годы революции, гражданской войны и японской оккупации (1917–1925 гг.) [Эл. ресурс] / А. Е. Осташев. – Режим доступа : miningexpo.ru

15. Всесоюзная перепись населения 1979, 1989 годов. Национальный состав населения по регионам России: Сахалинская область [Эл. ресурс]. – Режим доступа : [demoscope.ru>weekly/app/](http://demoscope.ru/weekly/app/)

16. Регионоведение Дальнего Востока. Материалы для подготовки к экзамену [Эл. ресурс]. – Режим доступа : [09403.khstu.ru>studentsbooks/region/regucheб/...](http://09403.khstu.ru>studentsbooks/region/regucheб/)

17. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 2372.

18. РГИА ДВ. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 10.

19. Сенченко, И. А. История Сахалина и Курильских островов. К проблеме русско-японских отношений в XVII–XX веках / И. А. Сенченко. – М. : Экслибрис-Пресс, 2005.

20. Собрание узаконений и распоряжений Правительства Российской империи. – СПб. : гос. типография, 1910. – № 1290.

21. Смирнов, С. А. Правовое регулирование иностранного предпринимательства в России во второй половине XIX – начале XX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. А. Смирнов. – Волгоград, 2002.

22. Тетюева, М. В. История формирования и развития угольной промышленности на Сахалине (середина XIX в. – 1945 г.) : дис. ... канд. ист. наук / М. В. Тетюева. – Южно-Сахалинск, 2003.

23. Хунхузов ссылали на Сахалин. – Владиво-

сток. – 9 декабря. – 2012.

24. Чехов, А. П. Остров Сахалин / А. П. Чехов. – Репринт. – Южно-Сахалинск, 1995.

25. Шабельникова, Н. А. Роль иностранного фактора в формировании преступного мира на

Дальнем Востоке России в 1920-е годы / Н. А. Шабельникова // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, экономика, культура. – Владивосток : Дальнаука, 2006.

*И. Г. Минервин,
кандидат физико-математических наук, доцент,
первый проректор СахГУ*

ОХРАНА БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ МОРЕЙ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1945–1991 гг.)

История охраны живых морских ресурсов морей российского Дальнего Востока неразрывно связана с историей приобретения и освоения этих районов русскими людьми, которые, двигаясь «встречь солнцу», достигли эти замечательные берега, покорили и оживили их своим присутствием. Начало современной истории нашего региона на памяти старшего поколения островитян¹. В послевоенные годы было немало сделано не только для охраны морских котиков, других ластоногих и китообразных, но и для сохранения запасов рыбы, крабов, моллюсков и т. д. После возвращения Японией в 1945 г. Южного Сахалина и передачи Курильских островов СССР проблема охраны и воспроизводства этих ресурсов приобрела новое содержание². Дело в том, что органы рыбоохраны, на которых был возложен контроль за использованием и воспроизводством продуктов моря, не обладали на тот момент необходимой материальной базой для осуществления своей деятельности. Так, например, в 1948 г. в распоряжении «Сахалинрыбвода» находился один катер типа «Ж» с мощностью судового двигателя 85 л. с. Этот «корабль» обслуживал водную акваторию Холмского, Невельского и Корсаковского районов Сахалинской области³. Лишь в 1951 г. в распоряжении «Сахалинрыбвода» оказалось четыре катера⁴.

Еще труднее было заполнить штаты этих катеров, ибо ставки заработной платы для плавсостава «Сахалинрыбвода» были в два раза ниже, чем на судах добывающего флота⁵. 10 мая 1955 г. в акте проверки «Сахалинрыбвода», проведенной Министерством государственного контроля, отмечалось, что «Сахалинское управление рыбоох-

раны и рыбоводства Главрыбвода Министерства рыбной промышленности СССР неудовлетворительно осуществляет охрану рыбных запасов в водоемах Сахалина и Курильских островов»⁶. В акте также отмечалось, что регулировать и охранять рыбные запасы надзорный состав продолжает с берега, из-за отсутствия морских плавсредств⁷. Острой проблемой оставалась подготовка надзорного состава, так как основная масса работников «Сахалинрыбвода» имела крайне низкий общеобразовательный уровень⁸. Рыбоохране сильно мешала подчиненность «Сахалинрыбвода» рыбному ведомству. Так, например, в 1951 г. руководство Главсахалинрыбпрома (Джапаридзе и Шонкин) дало распоряжение рыбакам и рыбокомбинатам игнорировать указания рыбнадзора⁹. Все это вело к беспредельной текучке кадров рыбоохраны. Например, на Курильских островах в 1951 г. в штат рыбоохраны был зачислен 41 работник, а уволились по разным причинам 38 человек¹⁰.

9 февраля 1957 г. в Вашингтоне представители СССР, США, Канады и Японии подписали временную конвенцию о сохранении морских котиков северной части Тихого океана. Подобно конвенции 1911 г. этот документ своим главным принципом провозгласил запрет морского промысла котиков, за исключением добычи для научно-исследовательских целей. Стороны согласились на установление квот добычи котиков в море для исследовательских целей с указанием районов и количества для каждой страны в отдельности. Кроме того, конвенцией было предусмотрено решение следующих вопросов: размер и возрастно-половой состав каждого стада; естественная

¹ Минервин, И. Г. Исторический аспект социоэкономической системы Сахалинской области за 65 лет и новая парадигма управления в современной России / И. Г. Минервин // Ученые записки СахГУ. – № 9. – 2012. – С. 17.

² Тварковский, Л. С. Охрана живых морских ресурсов российского Дальнего Востока (вторая половина XIX–XX в.) / Л. С. Тварковский, И. Г. Минервин. – М. ; Н. Новгород : изд-во Волго-Вят. акад. госслужбы, 2002. – 152 с.

³ ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 15. Л. 118.

⁴ Там же. – Д. 46. Л. 78.

⁵ Там же. – Д. 40. Л. 71.

⁶ Там же. – Д. 92. Л. 1.

⁷ Там же. – Д. 92. Л. 17.

⁸ Там же. – Д. 49. Л. 24.

⁹ Там же. – Л. 29.

¹⁰ Там же. – Л. 72.

смертность и пополнение стада на современном и последующих уровнях численности, влияние колебаний в размерном возрастном-половом составе на пополнение, пути миграции котиков и районы их зимовки; количество, возраст и пол котиков каждого стада, встречаемого на путях миграции и в районе их зимовки; влияние питания котиков на промысловые уловы рыбы и ущерб, который котики наносят рыболовным снастям. Кроме того, конвенцией была предусмотрена возможность сокращения (или прекращения) морской добычи котиков для научной цели, если численность котиков на лежбищах Командорских островов станет менее 50 тыс. голов (такое же положение было предусмотрено для котикового стада острова Тюлений). Как и в конвенции 1911 г., в новом документе было предусмотрено разрешение на морской промысел котиков для коренного населения северотихоокеанского побережья (индейцев, айнов, алеутов и эскимосов), причем предусмотрены особые условия их охоты на морских котиков. Во избежание браконьерского промысла и сбыта продукции этого промысла стороны согласились на запрещение использования портов в любой части их территорий, предусматривающих нарушение запрета на морской промысел котиков. Запрещены также были ввоз на их территории и торговля в пределах этих территорий шкурками котиков, добытых незаконным способом.

Для осуществления целей конвенции была учреждена комиссия по котикам северной части Тихого океана, в которую вошли представители от каждой страны-участницы конвенции¹¹.

На основании конвенции 1957 г. Совет министров СССР 6 января 1958 г. принял постановление о мерах по улучшению ведения котикового хозяйства и по охране запасов котиков и морских бобров. Наряду с положениями, вытекающими из Временной конвенции, правительство СССР поручило Министерству обороны осуществлять в необходимых случаях патрулирование путей миграции морских котиков, сроки и порядок патрулирования устанавливать ежегодно с Госпланом СССР. К защите природных богатств были привлечены и органы Государственной безопасности СССР, которые вместе с Главрыбводом РСФСР обязывались нести охрану лежбищ морских котиков¹².

Запретными зонами для промысла морских котиков были объявлены острова Беринга и Медный из группы Командорских островов, остров Тюлений у восточного побережья острова Сахалина,

острова Ушишир, Онекотан и Анциферова из группы Курильских островов, острова Ловушки и скала Котиковая в проливе Крузенштерна, мыс Васильева в юго-восточной части острова Парамушир из группы Курильских островов, мыс Вандер-Линда и залив Шренка на острове Уруп, береговая линия между мысами Де Фриза и Тигровый хвост в северо-восточной части острова Итуруп из группы Курильских островов.

В указанных районах были запрещены плавание любых судов без разрешения органов рыбоохраны (за исключением кораблей погранохраны и ВМФ), подача гудков и сигналов судами, полеты на самолетах ниже 4000 м¹³.

Таким образом, страны, ведущие промысел морского зверя в северной части Тихого океана, выработали ряд взаимовыгодных подходов, позволяющих обеспечить охрану от браконьерского промысла морских котиков, их воспроизводство. В последующие годы были отмечены лишь единичные случаи нарушения правовых актов, принятых в середине 50-х гг., наблюдались случаи гибели морских котиков, других морских животных на путях их миграции в результате попадания в рыболовные сети.

В 1965 г. для увеличения площади лежбищ на острове Тюлений было благоустроено каменное плато размером 300 на 80 метров. Для того чтобы молодняк ластоногих не срывался с него вниз, рукотворное лежбище обнесли. Эту территорию хорошо освоили не менее 20 тыс. морских котиков¹⁴.

Большой проблемой для рыбоохраны в конце 40-х – начале 50-х гг. оставалось массовое браконьерство населения и воинских частей, последние отправлялись на браконьерский лов рыбы, в первую очередь лососевой, как на боевую операцию и даже выставляли вооруженное сторожевое охранение¹⁵.

Однако эти местные и довольно мелкие неприятности происходили на фоне крупных, прежде всего связанных с непрекращающимся браконьерским ловом рыбы и других морепродуктов японскими рыбопромышленниками. Например, по данным, приведенным в докладе начальника «Сахалинрыбвода» С. Угрюмова на секции рыбной промышленности регионального совещания по развитию производительных сил Дальнего Востока, проходившего в Южно-Сахалинске в апреле 1962 г., отмечалось, что в результате неправильно использованной сырьевой базы в 50-е гг. наметилось резкое падение добычи промысловых рыб в водах, непосредственно прилегающих к Сахалину и Курильским островам. Если в 1942–1947 гг.

¹¹ Федоров, С. Г. Конвенционные принципы регулирования промысла котиков в северной части Тихого океана / С. Г. Федоров // *Морские котики Дальнего Востока*. – М., 1964. – С. 16.

¹² ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 123. Л. 2.

¹³ ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 123. Л. 3.

¹⁴ Вишеров, П. Сигнал бедствия над островами Тюлений / П. Вишеров // *Советский Сахалин*. – 1996. – 27 мая.

¹⁵ ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 40. Л. 56–57.

только в водах Южного Сахалина добывалось 3–5 млн. ц рыбы, то в конце 50-х – начале 60-х гг. в два раза меньше по всему бассейну, включая и вновь освоенные отдаленные районы промысла. Особенно сильно упали запасы основных промысловых рыб: сельди, камбалы, горбуши и кеты.

Одной из основных причин снижения запасов промысловых рыб, по мнению авторов доклада, явилась необоснованность существующих правил рыболовства, и прежде всего с биологической точки зрения¹⁶.

Вторая не менее важная причина – необоснованно большой вылов рыбы японскими рыбопромышленными судами. Так, японские рыбаки добывали в водах, прилегающих к Сахалину и Курильским островам, в два-три раза больше сельди, чем советские. Резко упали запасы лососевых (горбуши и кеты) в связи с тем, что японские рыбопромышленники осуществляли активный морской промысел в местах нагула и на путях их нерестовых миграций. Если в 1960 г. вся советская рыбодобывающая промышленность добывала 695 тыс. ц лосося, то рыбопромышленный флот Японии – 1391 тыс. ц, то есть почти в два раза больше. Во-вторых, японские промысловики наносили огромный ущерб запасам лосося, перекрывая подходы к местам нереста и вылавливая недопустимое количество красной рыбы на путях миграции лососевых. В-третьих, не меньший ущерб запасам ценной рыбы наносили в результате ее травмирования орудиями лова¹⁷.

В 1956 г. между СССР и Японией были подписаны конвенция о рыболовстве и Соглашение об оказании помощи людям, терпящим бедствие на море. В рыболовной конвенции указывалось на общую заинтересованность сторон в развитии рыболовства на рациональной основе, а также на их взаимную ответственность за состояние запасов рыбы и морских животных. Стороны согласились координировать научные исследования с целью поддержания запасов рыбы. Была создана советско-японская рыболовная комиссия (СЯРК), на которую была возложена обязанность ежегодно определять общий размер вылова обеих стран в конвенционном районе¹⁸.

Предусматривались также порядок наблюдения за выполнением условий конвенции, формы и порядок наказания за ее нарушения.

Из доклада С. Угрюмова на сессии рыбной промышленности видно, что японские рыбопромышленники осуществляли лов рыбы в нарушение достигнутых соглашений в конвенции.

Так, в 1958 г. команды 134 японских судов были привлечены к ответственности за нарушение правил лова, вытекающих из конвенции. Это составило более 25 % рыболовных судов Японии, оперировавших в конвенционных водах, и вдвое превышало число нарушений, допущенных в 1957 г.¹⁹.

В середине 50-х гг. было отмечено депрессивное состояние камчатского краба, добываемого у западного побережья Сахалина, оно было обусловлено прежде всего японским промыслом. Несмотря на то, что японской стороне были известны выводы советских ученых в отношении запасов западно-сахалинского стада камчатского краба, однако японские промысловики продолжали наращивать его вылов. Так, например, в период с 1960 по 1962 г. японцами ежегодно вылавливалось более одного миллиона штук краба (около 30 тыс. ц), в 1963 г. вылов сократился почти наполовину, а в 1964 г. составил всего 181 тыс. шт. (4,3 тыс. ц)²⁰.

Следует также отметить, что подписание конвенции несколько не уменьшило давление японской рыбопромышленности на рыбные запасы. В 1961 г. общий объем вылова рыбы японскими рыбопромышленными судами составил рекордную цифру – 6,71 млн. т²¹.

В 1962 г. на заседании советско-японской комиссии по рыболовству (СЯРК) был одобрен протокол, которым устанавливались более строгие взаимоприемлемые правила рыболовства и контроля за ним²². На сессии было отмечено нарушение правил лова большим числом японских судов. Исследования советских специалистов показали, что число лососей, возвращающихся на нерест в реку Большую, впадающую в Анадырский залив, а также в реку Камчатку, неуклонно сокращается²³.

Один из важных моментов, который оказывал решающее влияние на состояние запасов дальневосточных лососей, состоял в том, что при разработке положений советско-японской рыболовной конвенции в нее не были включены воды северо-западной части Тихого океана к югу от 48 ° с. ш. А поскольку этот район является основным местом нагула горбуши, то японцы производили ничем не ограниченный промысел горбуши и других видов

¹⁶ ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 3. Л. 62.

¹⁷ Там же. – Л. 85.

¹⁸ Тварковский, Л. С. Военно-морские силы России на охране природных богатств морей российского Дальнего Востока: история и современность / Л. С. Тварковский // Краеведческий бюллетень. – 1996. – № 3. – С. 16.

¹⁹ Кутаков, Л. И. Внешняя политика и дипломатия Японии / Л. И. Кутаков. – М., 1964. – С. 123.

²⁰ ГАСО. Ф. 1069. Оп. 1. Д. 120. Л. 19.

²¹ Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. – Т. 2. – М., 1978. – С. 123.

²² Сборник основных документов по вопросам советско-японских отношений (1954–1972). – М., 1973. – С. 14.

²³ СССР и Япония. – М., 1978. – С. 293.

лососей, причем в этом районе вылавливалось больше, чем в конвенционных водах, которые подвергались регулированию в соответствии с установленными квотами²⁴. Комиссия рекомендовала правительствам обеих стран принять более эффективные меры для выполнения правил рыболовства. Были детализированы запрещения, налагаемые на японских рыбопромышленников в части районов, объектов, периодов промысла и объемов уловов. Обе стороны договорились о проведении координированных научных исследований, направленных на поддержание максимальной устойчивой рыбопродуктивности в северо-западной части Тихого океана.

Во время работы СЯРК, особенно когда возникали разногласия между советской и японской сторонами в отношении квоты вылова рыбы, японские средства массовой информации, инспирируемые официальными кругами, предпринимали попытки оказывать давление на СССР, особенно по вопросам «безопасного рыболовства», в районах, которые принадлежали СССР. Японская сторона таким образом пыталась узаконить хищнический и браконьерский лов в советских территориальных водах и в связи с этим еще в 1957 г. предложила начать переговоры с СССР о «безопасном рыболовстве» с намерением выторговать ряд льгот для японских рыбаков, ведущих лов вблизи советских территориальных вод. Более того, как выяснилось в ходе дальнейших консультаций, японские правящие круги стремились под предлогом обеспечения «безопасного рыболовства» установить свой фактический контроль над частью советских территориальных вод в русле идеи «северных территорий Японии»²⁵.

Вместе с тем забота о сохранении неприкосновенности советских территорий и незыблемости границ сопровождалась поисками в направлении добрососедства и сотрудничества в отношении соседнего государства и его населения. Об этом свидетельствует акт доброй воли советского правительства, предоставившего рыбакам, проживающим на острове Хоккайдо (полуостров Немуро), право заниматься промыслом морской капусты в районе острова Сигнальный²⁶.

Несмотря на меры регулирования добычи лососевых, японская сторона продолжала добывать их в количествах, явно нарушающих достигнутых в соглашении. Например, в 1969 г. для района Б в конвенционных водах была установлена норма вылова для японских судов – 55 250 т, а

фактический вылов, по неполным данным, составил 94 000 т²⁷.

Таким образом, практика осуществления советско-японской конвенции о рыболовстве свидетельствовала о том, что ее условия были более благоприятны для Японии, чем для СССР, и не обеспечивали возможность прогрессивного развития лососевого стада в Тихом океане²⁸.

Большие опасения вызывало и состояние популяции крабов в районе Курильской гряды. До 1969 г. по условиям советско-японской конвенции о рыболовстве регулировался вылов только камчатского краба у западного побережья Камчатки. Промысел остальных видов краба – стригуна, волосатого, синего, колючего, равношипного – никакими двусторонними соглашениями не регулировался, поэтому японские промысловики вели добычу этих видов без каких-либо ограничений. В Сахалино-Курильском бассейне промысел крабов японскими судами велся в следующих районах: волосатого краба – в районе Камня Опасности, к югу от мыса Крильон; краба-стригуна и синего краба – у восточного побережья Сахалина, включая залив Терпения; колючего и волосатого краба – в районах, прилегающих к островам Итуруп, Кунашир и Шикотан.

Кроме того, у восточного побережья Сахалина и в районе Южных Курил японские промысловики вели добычу камчатского краба, поскольку масштабы этого промысла и уловов были значительно ниже, чем у побережья Камчатки, ежегодный орган Конвенции (СЯРК) не считал необходимым вводить какие-либо ограничения этого промысла²⁹. Такое положение существовало до 1968 г.

В 1968 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О континентальном шельфе СССР», и все виды крабов как обитатели континентального шельфа были отнесены к национальному достоянию СССР.

Практически все районы близ побережья Камчатки, Сахалина и Южных Курильских островов, где японцы вели промысел краба, подпали под действие названного Указа. В 1969 г. японцам в виде исключения в последний раз было разрешено вести промысел краба в рамках советско-японской Конвенции о рыболовстве 1956 г.

С 1969 г. промысел всех видов краба определялся особым соглашением между правительствами СССР и Японии. По условиям соглашения 1969 г. японские промысловики получили право

²⁴ ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 3. Л. 85.

²⁵ СССР и Япония. – М., 1978. – С. 293–294.

²⁶ Русские Курилы: История и современность. – М., 1995. – С. 141–142.

²⁷ ГАСО. Ф. 176. Оп. 2. Д. 36. Л. 51.

²⁸ Там же. – Л. 52.

²⁹ Там же. – Л. 53.

на вылов крабов на советском шельфе в следующих районах: у восточного побережья Сахалина, включая залив Терпения, – камчатского краба – 600 тыс. шт. и синего краба – 600 тыс. шт., краба-стригуна – 19 млн. шт.; у Камня Опасности (близ мыса Крильон) – волосатого краба – 1 млн. 300 тыс. шт.; у острова Итуруп, Кунашир и Шикотан – камчатского краба – 600 тыс. шт., волосатого – 1 млн. 300 тыс. шт., колючего – 900 тыс. шт.³⁰

Общее количество судов, которое японцы могли выставить на лов крабов в указанных районах, составляло 90 единиц, продолжительность промысла – шесть месяцев (апрель–сентябрь)³¹.

Следует иметь в виду, что в 1958 г. была заключена международная Конвенция о континентальном шельфе, согласно которой прибрежное государство осуществляет над континентальным шельфом суверенные права в целях разведки и разработки его естественных богатств. Живые и минеральные ресурсы шельфа являются собственностью прибрежного государства³².

Однако следует отметить, что в течение десяти лет СССР не пользовался своим суверенным правом в отношении континентального шельфа и только в 1968 г. сделал то, что в соответствии с международным морским правом мог сделать уже давно.

Вместе с тем следует отметить, что и после, и до достигнутых договоренностей оставалось немало проблем в области рыболовства, которые требовали решения ради сохранения морских живых ресурсов, обитающих у побережья Сахалина и Курильских островов. Например, правилами рыболовства в водоемах Дальнего Востока, в территориальных водах СССР, Восточно-Сибирского, Чукотского, Берингова, Охотского, Японского морей и северной части Тихого океана, действие которых Министерство рыбного хозяйства СССР (приказ № 461 от 31 декабря 1969 г.) распространило на открытые воды всех морей, строго регулировался вылов таких объектов морского промысла, как треска, минтай, терпуг, краб, шримс (креветка), лососевые. Указанными правилами был установлен минимальный промысловый размер этих объектов лова с учетом того, что они могут изыматься промыслом не раньше того, как они раз в своей жизни отнерестятся. Был установлен размер ячеек в орудиях лова с тем, чтобы избежать вылова неполовозрелых особей, еще не отнерестившихся. Был запрещен вылов краба в течение года. Вылов камбалы и лососевых дополнительно лимитировался приказами министра рыбного хозяйства СССР. Но указанные объекты промысла,

в течение года мигрирующие в открытые воды, отлавливались многочисленным флотом японских рыбаков. Наблюдения инспекторских служб краевых и областных управлений Главрыбвода показывали, что вылов указанных объектов производится, как правило, мелкочейными орудиями лова, что приводило к добыче большого количества молоди. Сетками вылавливались и крабы.

Интенсивный, ничем не регулируемый вылов этих объектов морского промысла японскими рыболовными судами привел к тому, что вылов камбалы нашими рыбаками сократился за 1960–1970 гг. в шесть раз. Если в 1956 г. в водах Сахалино-Курильского бассейна было выловлено 30 400 т камбалы, что в 1960 г. только 5 100 т. Значительно изменился и ее средний размерный состав: с 29,6 см в 1955 г. до 22 см в 1969 г. Уловы минтая сократились с 3 440 т в 1963 г. до 1 300 т в 1969 г. Аналогичное положение отмечалось и с другими объектами морского промысла, которые облавливались японскими рыбаками в открытых водах. Все это вело к подрыву сырьевой базы отечественной рыбной промышленности и, если смотреть дальше, становилось неоплаченным займом у будущих поколений России³³.

Несмотря на согласованные ограничения в области добычи крабов, японские суда продолжали вести браконьерский лов крабов у наших берегов. Так, в 1974 г. за незаконный промысел равношипного краба на шельфе острова Итуруп рыбинспекцией было взыскано с трех японских судов 108690 иен штрафа и конфисковано 5,5 т краба.

Эта мера оказалась смехотворно мягкой, и те же суда в 1975 г. продолжали лов в том же объеме, но экипажи японских рыболовных шхун изменили тактику по отношению к судам рыбоохраны, стали выходить на лов в туманную погоду и при появлении советских рыбоохранных судов, используя большую мощность двигателей и маневренности, уходили от преследования, не допуская рыбоохранные корабли на близкое расстояние и не подчиняясь требованиям об остановке.

За восемь дней в июне и июле 1975 г. на шельфе острова Уруп рыбохозяйственные суда «Диана» и «Нельма» подняли из воды и конфисковали 6062 корзины-ловушки. Однако их потеря не могла остановить японских браконьеров, так как выгода от промысла многократно перекрывала все издержки от встреч с рыбоохранными судами. За месяц японские краболовы добывали у острова Уруп около тысячи тонн равношипного краба. Самое неприятное состояло в том, что до 65 % улова

³⁰ ГАСО. Ф. 176. Оп. 2. Д. 56. Л. 47–48.

³¹ Там же. – Д. 45. Л. 84.

³² Бекашев, К. А. Охрана природы и рыбохозяйственное законодательство / К. А. Бекашев. – М., 1984. – С. 72.

³³ Тварковский, Л. С. Военно-морские силы России на охране природных богатств российского Дальнего Востока: история и современность / Л. С. Тварковский // Краеведческий бюллетень. – 1996. – № 3. – С. 20–21.

составляли самки, что вело к прямому подрыву сырьевой базы³⁴. Кроме того, промысел в районе острова Уруп угрожал сохранности ценного морского зверя – калана.

Важной вехой в развитии дальнейших отношений между двумя соседними странами явился официальный визит в СССР премьер-министра Японии К. Танака, который состоялся 7–10 октября 1973 г. В соответствии с достигнутыми в ходе переговоров на высшем уровне договоренностями о принятии сторонами дополнительных мер в целях обеспечения долговременного и стабильного промысла в северной части Тихого океана уже через несколько недель после московской встречи состоялись консультации между министрами обеих стран, ведавшими вопросами рыболовства. В ходе их обе стороны выразили удовлетворение укреплением советско-японского сотрудничества в области рыболовства и признали необходимым прилагать усилия для еще большего его развития, исходя из перспективных возможностей не только рационального использования, но и планомерно-восполнения биологических ресурсов северной части Тихого океана. Был принят ряд решений по совершенствованию деятельности СЯРК. Серьезное внимание на консультациях было уделено вопросу об осуществлении ряда совместных крупномасштабных мероприятий по естественному и искусственному воспроизводству одной из наиболее ценных пород рыб – лосося. Разработка и реализация этих мероприятий рассматривались не только с точки зрения увеличения промысловых запасов лосося и их стабилизации, но и как важный шаг в укреплении сотрудничества обеих стран в области рыболовства. 17 мая 1974 г. было достигнуто соглашение о промысле моллюска цубо в северо-западной части Тихого океана. Японцы получили возможность вести его лов в районах у восточной части Сахалина и северной части Охотского моря. Соглашение предусматривало ограничение сроков и объемов вылова, определяло порядок контроля советской стороной за действиями японских рыбаков. В 1975 г. было заключено советско-японское соглашение, регулирующее промысловые операции у северо-восточного побережья Японии³⁵.

С 1976 г. некоторые прибрежные государства стали вводить у своих берегов 200-мильные экономические или рыболовные зоны. Данная проблема рассматривалась на конференции ООН по морскому праву, которая должна была разработать проект о международно-правовом регулировании использования Мирового океана международным

сообществом в новых исторических условиях. Советский Союз не выступал против установления прибрежными государствами 200-мильных зон, но вместе с тем исходил из того, что прибрежное государство должно разрешать иностранным рыболовным судам добывать в его 200-мильной зоне ту часть рыбных ресурсов, вылов которой допустим с научной точки зрения, но самим прибрежным государством не используется.

10 декабря 1976 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О временных мерах по сохранению живых ресурсов и регулированию в морских районах, прилегающих к побережью СССР»³⁶.

Этот Указ вместе с Положением об использовании морских ресурсов экономической зоны СССР и рядом других документов, которые вышли в течение 20 лет после выхода названного Указа, сыграл важную роль в охране гидробионтов морей, омывающих берега российского Дальнего Востока.

В связи с принятием названного Указа рыболовная проблема в советско-японских отношениях резко обострилась. Введение СССР зоны исключительных экономических интересов сказалось на советско-японских переговорах, проходивших в Москве в марте 1977 г. Советская сторона, исходя из стремления установить добрососедские отношения с Японией, пошла на значительные уступки, разрешив японским рыбакам продолжить лов рыбы до 1 апреля 1977 г. на прежних основаниях, имея в виду, что за апрель будет выработано временное соглашение на период до 1 января 1978 г., когда завершится подготовка постоянного соглашения. Советские представители настаивали также на том, чтобы японские суда имели специальные разрешения на лов рыбы в пределах советской 200-мильной зоны, а советские суда имели специальное разрешение на лов рыбы в 200-мильной зоне Японии.

Законные требования советской стороны вызвали неадекватную реакцию Токио. Вновь усиленно начал муссироваться вопрос о «северных территориях Японии». Переговоры были прерваны по вине японской стороны, что ударило прежде всего по интересам японских рыбаков. Только 27 мая 1977 г. было подписано временное соглашение, до конца 1977 г. регулирующее правила промысла рыбы в советской 200-мильной зоне. 4 августа того же года было подписано еще одно соглашение, тоже временное, о правилах промысла для советских рыбаков, работающих в японской 200-мильной зоне. Была достигнута также договорен-

³⁴ ГАСО. Ф. 176. Оп. 2. Д. 45. Л. 84.

³⁵ СССР и Япония. – М., 1978. – С. 346.

³⁶ Там же. – С. 356.

ность продолжить переговоры для заключения постоянного соглашения³⁷.

Следует отметить, что попытки японской стороны увязать переговоры со своими территориальными притязаниями потерпели полный провал. Японцы отказались предоставить СССР на основе взаимности возможность продолжить добычу некоторых промысловых объектов в расширенных японских территориальных водах, в ответ не было продлено соглашение о добыче японцами морской капусты, на основе которого они осуществляли промысел в советских территориальных водах с 1964 г.

После долгих и трудных переговоров 21 апреля 1978 г. в Москве были подписаны соглашения о сотрудничестве в области рыбного хозяйства и протокол о порядке и условиях ведения промысла лососей в северо-западной части Тихого океана. В соглашении была зафиксирована договоренность в деле сохранения и рационального использования рыбных ресурсов за пределами 200-мильной зоны. В этих целях была создана советско-японская комиссия по рыболовству, призванная составлять и рекомендовать для осуществления план сотрудничества в области рыбного хозяйства, проводить консультации в отношении сохранения и рационального использования рыбных ресурсов и рассматривать целесообразность осуществления совместных мероприятий в области рыбного хозяйства.

Срок действия соглашения был определен до 31 декабря 1982 г. с возможной пролонгацией на очередной годичный период, если за шесть месяцев до истечения действия соглашения ни одна из договаривающихся сторон не сообщит другой о своем намерении прекратить его действие.

В соответствии с этим соглашением был подписан протокол о порядке и условиях промысла лососей в северо-западной части Тихого океана в 1978 г. С тех пор протоколы о порядке и условиях промысла лосося в северо-западной части Тихого океана стали осуществляться на ежегодной основе.

Таким образом, в 1977–1978 гг. была проведена серьезная перестройка советско-японских отношений в области рыболовства³⁸.

Введение 200-мильной экономической зоны оказало важное воздействие на процесс сохранения живых морских ресурсов в северной части Тихого океана. В богатых разнообразными живыми ресурсами морских районах до появления Указа о введении 200-мильной зоны работало около 10000 промысловых судов различных классов, принадлежащих Японии, КНДР, Южной Корее. Только Японией в так называемых «северных водах» добывалось 1,5 млн. т рыбы и морепродуктов

стоимостью около 250 млрд. иен. Серьезную промысловую силу представляли южно-корейские супертраулеры, поднимавшие только за одно траление до 1000–1500 ц минтая.

Контролю подвергалось лишь незначительное число промысловых судов, работающих на континентальном шельфе России в соответствии с соглашениями. Деятельность инспекторов рыбоохраны сводилась, по сути, к роли регистраторов многочисленных нарушений, допускаемых командами этих судов. По инициативе рыбоохраны вводились некоторые меры по профилактике правонарушений. Например, «Сахалинрыбвод» с целью оперативного уведомления японской стороны за незаконный вылов запрещенных объектов шельфа на капитанов и заведующих ловом накладывал штраф в административном порядке до 100 руб. (1974 г.), конфисковывались браконьерские орудия лова. Но эти меры не могли оказать какого-либо воздействия. Получая наши акты, японская сторона, как правило, не обращала на них никакого внимания, ибо выгоды от браконьерского вылова объектов шельфа были неизмеримо выше случайных сторублевых штрафов, а на конфискацию орудий лова японцы ответили более изощренными методами их маскировки, вплоть до таких новейших, как применение автоматических подводных радиобуев.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1976 г. вместе с документами, конкретизирующими его выполнение, по сути дела, стал целым комплексом профилактических мер по предотвращению истребления живых ресурсов моря. В результате были устранены наиболее грубые, хищнические явления в иностранном рыболовстве у наших берегов. Был ограничен видовой состав промысла, сокращено число районов, разрешенных для промысла, что имеет особо важное значение для побережья Камчатки, где интенсивный промысел траловым способом приносил огромный ущерб запасам краба, а также для акваторий Татарского пролива, заливов Анива и Терпения с их основательно подорванными ресурсами шельфа.

Намного сократилось количество допускаемых в экономическую зону судов, полностью был вытеснен флот Южной Кореи, в целом вылов объектов промысла иностранными судами сократился более чем вдвое. В период после введения экономической зоны закончился безразборный промысел. Большую роль сыграло запрещение на промысел японскими судами, ведущими лов дрейфтерным и ярусоловным способами, благодаря чему в уловах курильских рыбаков сократи-

³⁷ ГАСО. Ф. 176. Оп. 2. Д. 56. Л. 47–49.

³⁸ СССР и Япония. – М., 1978. – С. 356–361.

лось количество рыб, травмированных сетями и крючковой снастью, несколько улучшились подходы лососевых к устьям нерестовых рек.

Таким образом, положительные сдвиги обозначились довольно быстро и в то же время выявились новые проблемы, требующие решения. В связи с ограничением районов, предназначенных для японского промысла, интенсивность промысла на открытых участках резко возросла. На акватории Курильских островов в самый активный период (июль–сентябрь) промысел вели около 1500 японских судов, сотни их работали у побережья Сахалина. Следует отметить, что разрешение на промысел в экономической зоне России кроме 70 траулеров КНДР получили 6500 промысловых и 166 плавбаз, принадлежащих японским рыбопромышленникам.

Вторая проблема – перелов установленных квот добычи промысловых объектов. В районах, контролируемых «Сахалинрыбводом», они составляли для Японии – 570 тыс. т, для КНДР – 200 тыс. т, что было почти равно всему допустимому лимиту вылова, который по расчетам «Сахалинрыбвода» составлял в 1978 г., не считая ракушку леду и морскую капусту, не более 800 тыс. т. Но в этом же районе вел промысел советский рыболовный флот, в составе которого одни лишь сахалинцы добыли в 1977 г. 762 тыс. т.

Учитывая столь высокую интенсивность промысла, получение оперативных данных о вылове уже в первый год контроля над экономической зоной приобрело первостепенное значение – как главное звено профилактической работы, направленной на недопущение перелова. С этой целью в море одновременно находилось восемь–десять рыбоохранных судов, в составе которых были принадлежащие «Сахалинрыбпрому», а также боевые корабли Тихоокеанского пограничного округа. В 1977 г. в пределах только что установленной экономической зоны рыбоохранными судами было проверено сравнительно небольшое количество иностранных судов – 383. В 1978 г. было уже проверено 1515, за полгода 1979-го – около 900 судов.

В 1979 г. в целом в морских районах для сбора сведений и контроля за промыслом было отработано 3263 судосутки, однако значительная часть времени была использована не по назначению. Погранкорабли часто выполняли работы, не связанные с рыбоохранной деятельностью. Большие проблемы возникали из-за нехватки плавсостава, невозможности своевременно запастись топливом для судовых двигателей, забункероваться водой, получить продукты и т. д. Все это вело к непроизводительным простоям рыбоохранных судов «Сахалинрыбвода», которые составляли 15 % выделенного времени. До 30 % составляли простои на судах, выделенных «Сахалинрыбводу» из состава промысловых судов «Сахалинрыбпрома».

Третья проблема состояла в том, что рыбоохранные суда, в том числе и вновь принятые

на вооружение, подобно «Диане», представляли из себя рыболовецкие суда типа СРТМ, которые были слабо приспособлены для рыбоохранной деятельности, так как по скорости и маневренности уступали японским рыболовным шхунам, которые давали ход в 15–14 узлов, тогда как рыбоохранные суда – 1–12 узлов. Исключение составляли пограничные сторожевые корабли, однако они отвлекались на выполнение задач, относящихся к их непосредственным функциям.

Задолго до второй половины 70-х гг. назрела необходимость поставки рыбоохранным органам современных, специализированных кораблей охраны, пока таких судов промышленность СССР не производила, можно было воспользоваться судами-китобойцами, развивающими скорость до 16–17 узлов.

Проблемой оставалась и такая важная вещь, как снабжение судов рыбоохраны необходимой спецодеждой, приспособленной к работе на иностранных судах и сохраняющей пристойный вид даже после работы в рыбном трюме. Традиционная русская телогрейка явно не была приспособлена к подобному применению.

Деятельность охраны после установления 200-мильной зоны показала, что опыт рыбинспекторов, полученный ранее, пригодился и в новых условиях работы с иностранными судами, особенно японскими, которые и в условиях экономзоны пытались с помощью усовершенствования технологии и повышения качественной оснащенности рыбодобывающего флота обходить существующие правила рыболовства. Правда, следует отметить, что введение 200-мильной экономической зоны привело к ликвидации традиционных нарушений, таких, как незаконный вылов объектов шельфа, в том числе неполовозрелых маломерных крабов, промысел крабов неразрешенных видов и др. Такие нарушения остались уделом только бесшабашных авантюрных браконьеров, готовых идти на любой риск ради получения максимальной прибыли. Появился новый ряд характерных нарушений, таких, как: промысел за пределами разрешенных районов; неправильное оформление промысловых журналов; применение запрещенных орудий лова; превышение норм вылова и занижение данных о вылове; неподчинение сигналам об остановке судна и т. д. За 1978 г. инспектора «Сахалинрыбвода» вскрыли 98 нарушений Временных правил рыболовства и условий советско-японского соглашения, было взыскано штрафов и возмещений за нанесенный ущерб на общую сумму около 625 тысяч инвалютных рублей. За шесть месяцев 1979 г. было обнаружено 33 нарушения со стороны японских рыбаков, а сумма штрафов о возмещении за нанесенный ущерб составила около 147 тыс. инвалютных рублей, или более 45 миллионов иен.

Введение 200-мильной зоны потребовало использовать новые формы контроля, такие, как по-

леты в контролируемые районы и за их пределы, с этой целью органы рыбвода арендовали самолеты гражданской авиации и те, которые используются гидрометеослужбой. Часть вылетов проводилась авиацией погранвойск. В 1979 г. за шесть месяцев было выполнено 65 самолетовылетов, в воздухе авианаблюдатели провели 538 часов. В результате ужесточения контроля заметно уменьшилось количество случаев промысла иностранных судов в территориальных водах СССР. В 1977 г. таких нарушений было обнаружено 15, в 1978 г. – шесть, в 1979 г. за полгода два нарушения. С помощью наблюдения и аэрофотосъемки были обнаружены шесть судов-нарушителей в феврале и марте 1978 г. в районе Северных Курил. Нарушители были вынуждены оплатить штраф и возмещение нанесенного ущерба в общей сумме 150 тыс. инвалютных рублей. Большое внимание было уделено подготовке инспекторов, в том числе из офицеров-пограничников.

Важной проблемой после введения 200-мильной зоны оставалась всеохватность контроля со стороны рыбоохраны. Например, в 1978 г. в самый активный период работало у Курильских островов, по данным японской стороны, 1882 промысловых судна, а рыбоохрана всеми средствами контроля обнаружила лишь 582, то есть 31 %. Опыт свидетельствует о том, что рыбоохрана своими средствами не могла обнаружить всех промысловых судов, в этом деле нельзя было особенно положиться и на японскую сторону, так как из 3,5 тыс. шхун и траулеров Японии, работавших у Сахалина и Курильских островов, только 35 траулеров класса 350 рег. т давали информацию о заходе и выходе в зону, остальные держали свой промысел в тайне. Что касается малотоннажных судов, то с этим приходилось мириться, другие же суда тоннажем свыше 30 т вели практически экспедиционный лов, находясь в экономической зоне от нескольких суток до одной-двух недель. Отсутствие данных об этих судах позволяло японцам вести промысел фактически бесконтрольно. Поэтому следовало добиться такого положения, когда кроме информации о входе в зону и выходе из нее японские суда должны были сообщать и предполагаемые координаты, в которых собираются вести промысел.

Отсутствие необходимых средств контроля за ходом изъятия запасов в соответствии с квотами давало возможность браконьерам фальсифицировать записи в промжурнале, а следовательно, осуществлять значительный перелов квоты, ведущий к сокращению запасов.

Почти трехлетняя практика контроля в морских районах СССР в 1979 г. показала, что в тексте советско-японского Соглашения и во Вре-

менных правилах имелось немало неточностей и неясных мест, которые требовали конкретизации или доработки. Из них работники «Сахалинрыбвода» отмечали следующие:

1. Обусловлена маркировка только краболовных порядков. Сотни судов, работающих другими орудиями лова – донными сетями, ярусами, избавлены от этой несложной, но очень важной, с точки зрения рыбоохраны, обязанности.

2. Было бы правильно, чтобы номер судна кроме бортов наносился на крыше ходовой рубки, что бы облегчило работу авианаблюдателей.

3. Необходимо установить максимальный размер ячеек в сетке, обтягивающей корзину-ловушку для крабов и моллюсков цубо, ибо дели с крупной ячейей увеличивают промысловую емкость ловушки.

4. Необходимо ограничить возможность установления дополнительных ловушек, что увеличивает изъятие крабов, однако трудно выявляется в результате проверок.

5. Необходимо запретить вылов крабов с мягкими панцирями и самок крабов, особенно это касается волосатого и равношипного крабов.

6. Необходимо запретить применение двойной или тройной дели, превращающей кутец в чуть ли не сплошной мешок. В Правилах рыболовства в 200-мильной зоне США сказано: «Никакое рыболовное судно не должно использовать любое приспособление или методы, которые бы уменьшали размер ячеи»³⁹.

Таким образом, опыт, накопленный в ходе осуществления рыбоохранной деятельности в экономической зоне СССР, безусловно, был очень важен и должен был способствовать дальнейшему ограничению хищнических и браконьерских действий.

Осенью 1982 г. на секции рыбной промышленности в г. Южно-Сахалинске отмечалось, что до введения 200-мильной зоны не представлялось возможным регулировать промысел, что привело к нерациональной эксплуатации таких видов, как лосось, сельдь, камбала, в пределах акватории, прилегающей к Дальнему Востоку. «С установлением экономической зоны в водах, прилегающих к территории СССР, создалась благоприятная ситуация для восстановления запасов этих ценных и массовых видов рыб и для рационального ведения рыбного хозяйства в перспективе. В настоящее время осуществляется регулирование иностранного промысла (Японии и КНДР) на основе Соглашений между этими странами и СССР в северо-западной части Тихого океана, при которых учитываются современное состояние объектов промысла и интересы отечественной дальневосточной рыбной промышленности. Реализация комплексных целевых программ: “Лосось”, “Вос-

³⁹ ГАСО. Ф. 176. Оп. 2. Д. 401. Л. 191–206.

ток”, “Кальмар” и “Пелагиаль”, разработанных ТИПРО совместно с другими организациями, позволяет надеяться, что в экономической зоне СССР к 1990 г. произойдет восстановление запасов традиционных промысловых видов, также будут освоены новые районы и объекты, которые в настоящее время слабо или вообще не используются нашим промыслом»⁴⁰.

«Возможный вылов рыб, беспозвоночных и водорослей может составить 6,5–7 млн. т в 1991 г. Доминирующую роль будут играть минтай, сельдь, камбалы, лососи, а при освоении проектов – треска, терпуг, мойва, кальмар, различные виды крабов, креветок, моллюсков и других беспозвоночных и водорослей». На совещании отмечалась необходимость возрождения прибрежного рыболовства. «К числу объектов прибрежного рыболовства, исходя из принципа обитания их в 12-мильной зоне, доступной для работы малотоннажного флота, можно отнести 11 видов рыб: горбуша, кета, сельдь, камбала, треска, навага, терпуг, песчанка, мойва, бычки, корюшка. К объектам прибрежного рыболовства можно отнести также большинство беспозвоночных животных и морские водоросли»⁴¹.

В ходе работы секции рыбного хозяйства отмечалось, что под международным контролем в области охраны морских биоресурсов понимается совокупность согласованных между государствами мер по проверке соблюдения гражданами и юридическими лицами этих стран положения договора по охране живых ресурсов. Главное отличие его от национального – осуществление в морских пространствах, на которые не распространяется юрисдикция прибрежных государств в области рыболовства. Таким образом, контроль за промыслом японскими судами лососевых, нерестящихся в реках СССР, но мигрирующих за пределами 200-мильной советской зоны, можно отнести к международному, так как он осуществляется вне зоны на основании положений двусторонних соглашений – Соглашения между СССР и Японией о сотрудничестве в области рыбного хозяйства 1978 г. и межправительственного протокола о порядке и условиях японского промысла лососей в северо-западной части Тихого океана. Существенной особенностью такого контроля является и то, что правом судебного разбирательства и наложения наказания на виновных обладают только власти государства, к которому принадлежит судно.

Указанные особенности, а также удаленность районов промысла от советского побережья не позволяли эффективно осуществлять контроль име-

ющимися средствами. По данным японской печати и советских органов рыбоохраны, квота вылова на судно иногда превышалась в несколько раз. Даже при 100 % осмотре судов (сейчас проверяется примерно 20 %) у японских рыбаков оставалась возможность сокрытия нарушения, а также превышения квоты при выходе из района и возвращения в порт. Гораздо легче фиксировать нарушения, связанные с промыслом в запретных районах или в запретные сроки. В 1980–1981 гг. они составили большую часть зафиксированных нарушений. Так, 8 июля 1981 г. советским патрульным самолетом были обнаружены и сфотографированы 27 японских судов, ведущих дрейфтерный промысел лососей в запретном районе. Сообщение советской стороны подтвердилось при досмотре возвращающихся в порты судов. Ущерб, нанесенный при этом запасам лососевых, оценивался примерно в 7,75 млн. руб. (2,3 млрд. иен), что составляло 57,5 % всей компенсации, выплаченной Японией в 1981 г. Советская сторона не могла потребовать компенсации этого ущерба, так как это не было предусмотрено ни советско-японским протоколом, ни Указом 1976 г., то есть суверенные права СССР в отношении лососей за пределами 200-мильной зоны не были обеспечены реальными мерами принуждения. Департамент рыболовства решил в качестве меры наказания задержать суда в порту на определенный срок, а также провести ряд административных мер по предупреждению подобных нарушений.

Следует иметь в виду и то, что японские рыбаки шли на самые разнообразные ухищрения, чтобы повысить прибыльность промысла лососей. По сообщению японской прессы, после установления 200-мильных зон японскими рыбаками была разработана и внедрена в практику система обмена шифрованными радиограммами. В них, в частности, сообщалось о передвижении инспекторского судна с указанием курса и скорости, передавались сведения о перелове, давались указания, сколько штук и какой рыбы нужно выложить на палубу для проверки и т. д. «Нетрудно понять, что в таких условиях японскому судну было легко уклониться от встречи с инспекторским судном или скрыть нарушение при осмотре. Кроме того, при промысле лососей с базированием на плавбазу существует практика постановки так называемых “вторых сетей”, которые тайно привозятся транспортными судами. Они длиннее сетей, устанавливаемых в соответствии с соглашением, размещаются между ними и оборудованы буями со специальным устройством для предотвращения их обнаружения инспекторским судном. Никто не

⁴⁰ Проблемы комплексного развития Сахалинской области. Материалы II научно-практической конференции 19–21 октября 1982 г. – С. 157–158.

⁴¹ Там же. – С. 160.

может гарантировать, что указанные нарушения не существуют в настоящее время.

Уменьшение вредного воздействия японского морского промысла на состояние запасов является одним из условий успешного выполнения комплексной целевой программы «Лосось» Министерства рыбного хозяйства СССР. Для совершенствования контроля за этим видом промысла, в частности, предлагается:

1) более четко определить в советско-японском протоколе понятие «мелкие нарушения», за которые японские рыбаки не несут ответственности;

2) разработать более четкую систему мер ответственности по отдельным видам нарушений, в зависимости от степени ущерба, нанесенного запасам лососей, и внести ее на очередные переговоры;

3) добиваться согласия японской стороны на проведение совместного контроля в основных японских портах выгрузки лососевых;

4) постоянно обобщать результаты ведения контроля и использовать полученные выводы для совершенствования как самой системы контроля, так и для обеспечения интересов СССР на переговорах с Японией по промыслу лососей⁴².

Кроме того, охранные органы Японии порою сами координировали деятельность браконьеров в целях предотвращения их задержки советскими властями. Японские суда, осуществляющие промысел в запретной зоне в запретное время, имели значительно более высокую скорость и маневренность, чем рыбоохранные суда типа СРТМ, которые порой уступали в скорости даже мало- и среднетоннажным японским судам (до 100 регистровых т).

Следует также отметить, что и после принятия Указа о 200-мильной зоне интенсивность иностранного рыболовства в оставшихся открытыми районах не снизилась. Квоты вылова у побережья Сахалина для Японии и КНДР превышали рекомендованный СахТинро общий лимит. Для оперативного сбора данных о вылове в морских районах использовались восемь-десять рыбоохранных судов и пограничных кораблей с инспекторами «Сахалинрыбвода» на борту, однако это не мешало японским рыбопромысловикам осуществлять высокотехнологический и хищнический, по существу, вылов ценных пород рыб. Допускаемые иностранными рыбаками нарушения приобретали лишь специфический характер. Это заставило инспекторов рыбоохраны искать новые, более изощренные методы контроля⁴³.

Суда рыбоохраны уже в 80-е гг. имели большой моральный и технический износ, в то время

как японские промысловые суда эксплуатировались не более десяти лет и были оснащены самым совершенным радионавигационным оборудованием, в отличие от советских рыбоохранных судов, имевших в своем распоряжении радионавигационное оборудование устаревших типов (один локатор, начавший выпускаться советской промышленностью еще в начале 50-х гг., радиопеленгатор, с трудом контактирующий с радиомаяками на удалении 50–100 миль). Используемый на судах рыбоохраны радиопеленгатор «Рыбка» был совершенно непригоден для поиска радиобуев на японских орудиях лова, переносные радиостанции типа «Причал» для связи рыбинспекторов при высадке на иностранное промысловое судно не справлялись с установлением такой связи. Как уже отмечалось выше, органы рыбоохраны неоднократно ставили вопрос об использовании в целях рыбоохраны быстроходных и маневренных судов (типа китобойцев), однако вопрос этот в советское время так и не был решен⁴⁴.

После введения 200-мильной зоны потребовалось значительно больше сил и средств различных ведомств для того, чтобы обеспечить реальное выполнение задач охраны ресурсов в экономической зоне. На состоявшемся во Владивостоке 14 августа 1979 г. заседании объединенного штаба по координации действий сил и средств погранвойск, органов рыбоохраны и других ведомств по охране живых морских ресурсов в морских районах СССР, участие в котором приняли все заинтересованные лица и ведомства, отмечалось, что за первое полугодие 1979 г. в 200-мильной зоне было обнаружено 5531 промысловое судно под иностранными флагами, в том числе судами рыбоохраны – 1656, погранкораблями – 1368, самолетами Тихоокеанского пограничного округа – 858, судами Министерства морского флота – 229, судами «Дальрыбы» – 108. Из этого количества обнаруженных судов было проверено 1826 единиц, что на 549 проверок больше, чем за соответствующий период 1978 г. В ходе проверок было вскрыто 89 нарушений правил ведения лова в морских районах СССР, в том числе как с борта рыбоохранных судов, так и с борта погранкораблей. Было также вскрыто три случая грубых нарушений ведения промысла в Японском море без разрешения.

Нарушители были задержаны инспекторами «Приморрыбвода» с помощью кораблей пограничников. Материалы по всем трем нарушениям были переданы в суд, на нарушителей был наложен

⁴² *Проблемы комплексного развития Сахалинской области : материалы II научно-практической конференции 19–21 октября 1982 г. – С. 220–223.*

⁴³ ГАСО. Ф. 176. Оп. 2. Д. 401. Л. 45–46.

⁴⁴ Тварковский, Л. С. *Охрана живых природных ресурсов морей российского Дальнего Востока после установлений экономической зоны / Л. С. Тварковский // Доклад на XXXI научно-методической конференции преподавателей ЮСПИИ. – С. 200–207.*

штраф в размере 1 300 тыс. руб., и они должны были еще возместить ущерб на сумму 477 тыс. руб. Все-го же по всем нарушениям были наложены штрафы (вместе с возмещением ущерба) на сумму 82345 инвалютных рублей, что было вдвое больше, чем в 1978 г. В первом полугодии 1979 г. было привлечено к охране живых морских ресурсов до 30 % корабельного состава Краснознаменного Тихоокеанского пограничного округа, находящегося в строю⁴⁵.

Следует констатировать, что в начале 80-х гг., несмотря на продолжение незаконного лова в экономической зоне СССР, на общее ухудшение советско-японских отношений во всех областях, советско-японские отношения в области рыболовства продолжали развиваться на стабильной основе. Без каких-либо осложнений ежегодно продлевались заключенные в 1977 г. Соглашение между правительствами СССР и Японии о рыболовстве у побережья СССР в северо-западной части Тихого океана и Соглашение между правительствами СССР и Японии о рыболовстве у побережья Японии. В 1977–1983 гг. объем советского вылова у побережья Японии определялся в размере 650 тыс. т, объем японского вылова у побережья СССР (речь идет о 200-мильной зоне в том и другом случае) – в размере 750 тыс. т, на 1984 г. японские и советские квоты были несколько сокращены – соответственно до 640 и 700 тыс. т. В ходе переговоров, состоявшихся в Москве в ноябре–декабре 1983 г., японская сторона впервые согласилась удовлетворить просьбу советской стороны и разрешить заходы рыболовных судов СССР, ведущих промысел в японской зоне, в порт Онагами на тихоокеанском побережье Японии для снабжения питьевой водой, продуктами питания и для отдыха экипажей. Советская сторона на основе взаимности разрешила японским судам, ведущим промысел в советской зоне, использовать в аналогичных целях порт Находка.

Несмотря на наличие сложностей в советско-японских отношениях того времени, советская сторона пошла на важный шаг добрососедства, вновь разрешив японским рыбакам из Хоккадской ассоциации рыбопромышленников промышленать морскую капусту в районе острова Сигнальный с компенсацией советской стороне в японской валюте⁴⁶.

Начиная с 1979 г. с рядом японских фирм и организаций ежегодно подписывались контракты о совместном промысле отдельных видов крабов и креветки в отдельных морских районах, прилегающих к дальневосточному побережью СССР за пределами советских территориальных вод. В 1982 г. число промысловых объектов по этим кон-

трактам было расширено за счет некоторых новых морских продуктов.

Об уровне советско-японского сотрудничества в области рыболовства говорили и визиты в Японию в феврале 1983 г. и ноябре 1985 г. по приглашению японского правительства министра рыбного хозяйства СССР В. М. Каменцева. В ходе их проводился обмен мнениями по установлению стабильных и долгосрочных рыболовных отношений между обеими странами, активизации советско-японского сотрудничества в области рыбного хозяйства, повышению эффективности работы советско-японской комиссии по рыболовству, по вопросу ремонта советских рыболовных судов в портах Японии и другим проблемам в отношениях между обеими странами в этой области.

В связи с принятием в конце 1982 г. Конвенции по морскому праву и международно-правовому режиму морского рыболовства произошли определенные изменения, включая вопросы сохранения и использования анадромных рыб, в том числе лососевых. В полном соответствии с положениями указанной Конвенции 28 февраля 1984 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об экономической зоне СССР». Как это и было предусмотрено Соглашением о сотрудничестве в области рыбного хозяйства от 21 апреля 1978 г. о возможности его пересмотра в случае принятия многосторонней Конвенции ООН. Решение прекратить с 1985 г. действие соглашения одновременно предполагало провести переговоры с целью заключения нового соглашения, которое бы учитывало положения Конвенции по морскому праву и национальное законодательство.

В результате состоявшихся переговоров были разработаны и заключены межправительственные соглашения: Соглашение в области рыболовства у побережий обеих стран (7 декабря 1984 г.) и Соглашение о сотрудничестве в области рыбного хозяйства (12 мая 1985 г.).

Второе соглашение предусматривало развитие взаимовыгодного сотрудничества в области рыбного хозяйства, включая сотрудничество в сохранении и воспроизводстве, оптимальном использовании и управлении живыми ресурсами в северо-западной части Тихого океана. Советский Союз путем консультаций с японской стороной определял порядок и условия промысла японскими рыбаками лосося, нерестящегося в реках СССР, а Япония участвовала в покрытии расходов на цели возобновления запасов этих лососевых. На 1985 г. квота вылова лососевых за пределами 200-мильной зоны СССР была установлена для

⁴⁵ Тварковский, Л. С. Военно-морские силы России на охране природных богатств российского Дальнего Востока: история и современность // Л. С. Тварковский // Краеведческий бюллетень. – 1996. – № 3. – С. 23–24.

⁴⁶ Русские Курилы. История и современность. – М., 1995. – С. 143–145.

японской стороны в размере 37,6 тыс. т при выплате компенсации Японией в объеме 4,25 млрд. йен, которая была использована для покупки соответствующих машин и оборудования; на 1986 г. квота добычи лососевых для японской стороны была определена в объеме 24,5 тыс. т.

По соглашению СССР и Япония должны были осуществлять сотрудничество в области проведения научных исследований, в совершенствовании техники и методов рыбного промысла, разведения и выращивания, способов и методов обработки и хранения, транспортировки живых ресурсов в морских и пресных водах.

Это соглашение действовало до 31 декабря 1987 г. и автоматически продлялось на очередные годовые периоды.

Таким образом, период между 1946 г., когда произошло расширение морской акватории Дальнего Востока за счет морей, прилегающих к Южному Сахалину и Курильским островам, и развалом СССР

отмечается весьма напряженной работой рыбоохранных органов и органов власти в деле сохранения и воспроизводства богатейших живых морских ресурсов морей, омывающих берега и острова Дальнего Востока. Напряженная работа позволила не только сохранить живые морские ресурсы для нынешних и будущих поколений, но и в некоторых случаях нарастить их. В этот период были подписаны важные межправительственные соглашения с Японией и другими дальневосточными соседями, которые позволили в определенной степени не только ограничить хищническое и браконьерское использование живых морских ресурсов, но и выйти на определенный уровень сотрудничества с другими странами, в первую очередь с Японией, в процессе сохранения и воспроизводства гидробионтов. Конечно, далеко не все проблемы в этом отношении были решены в положительном плане, но был сделан определенный задел, который можно использовать и в настоящее время, и в будущем.

*Е. А. Пашенцева,
младший научный сотрудник
ГБУК «Сахалинский областной краеведческий музей»*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЛЬЕМ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ЮЖНОМ САХАЛИНЕ В КОНЦЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х ГОДОВ

2 сентября 1945 года закончилась Вторая мировая война. Южная часть острова Сахалин и Курильские острова вошли в состав Советского Союза. Эти земли стали развиваться по единой политической и экономической системе, характерной для всего СССР.

Для управления Южно-Сахалинской областью, включавшей Южный Сахалин и Курильские острова, было создано Южно-Сахалинское областное управление по гражданским делам. В число задач управления входило развитие промышленности, сельского хозяйства, торговли, инфраструктуры, а также обеспечение мер социальной защиты граждан.

В 1946 году при управлении по гражданским делам создан переселенческий отдел со штатом в 29 человек¹. Ведение работ по строительству производственных построек и жилых домов для колхозников-переселенцев осуществляла организованная областная строительная контора, включавшая девять строительных участков². В то же время Постановлением Совета министров СССР от 27 июня 1947 года местным органам власти рекомендовалось оставленные японцами дома и жилые постройки бесплатно передавать во владение колхозников-переселенцев а хозяйственные строения ставить на баланс переселенческих колхозов.

Первые партии переселенцев для работы в сельскохозяйственных и рыболовецких колхозах прибыли на Сахалин в июне 1946 года, всего до конца года приехало 17 364 человека (4 009 семей). 1 009 семей были направлены на работу в 24 созданных переселенческих сельскохозяйственных колхоза, 3 000 семей устроены в рыболовецких колхозах³.

В 1946 году на Южном Сахалине строительной конторой было заложено 420 домов, из них к 1947 году закончено строительство 66. В 1947 году по плану должно было быть введено в эксплуатацию 1 000 домов, однако ввели только 103 и начали строительство еще 250 домов. Таким образом, строительство нового жилья велось довольно медленными темпами и потребность в улучшении жилищных условий среди переселенцев оставалась достаточно высокой.

К началу 1947 года на баланс колхозов поставлено 1 245 домов, из которых, как уже отмечено выше, 66 новой постройки. Капитальный ремонт и переустройство на русский лад произведены в 362 домах (затраты составили 1 896 тысяч рублей), в 1 162 домах произведен текущий ремонт (затраты составили 1 150 тысяч рублей)⁴.

Столь медленные темпы жилищного строительства отчасти объяснялись незначительным количеством и качественным составом рабочих, занятых в строительстве. В 1946 году на строительстве жилых домов для переселенцев работало 495 человек, из них 401 японский крестьянин и 94 советских колхозника⁵. Из-за нехватки новых домов расселение колхозников-переселенцев производилось в жилые дома к японским семьям, дома репатриированных японцев⁶ или в каркасно-засыпные японские дома барачного типа для рабочих заводов и фабрик⁷. Такие дома после войны зачастую требовали капитального ремонта: восстановления крыш, окон, установления русских печей и т. д. Строительная контора помимо строительства нового жилья должна была заниматься восстановлением и капитальным ремонтом разрушенных войной японских домов, подготавливая

¹ Исторические чтения. Труды Государственного архива Сахалинской области № 2. «Южный Сахалин и Курильские острова в 1945–1947 гг.». – Южно-Сахалинск : Сахалинская областная типография, 1996–1997. – С. 107.

² ГИА СО. Ф. 522. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

³ Щеглов, В. В. Население Сахалинской области в XX веке / В. В. Щеглов. – Южно-Сахалинск : изд-во ИСИЭПИ, 2002. – С. 69.

⁴ ГИА СО. Ф. 522. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

⁵ ГИА СО. Ф. 522. Оп. 1. Д. 2. Л. 24–25.

⁶ ГИА СО. Ф. 522. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

⁷ НА СОКМ. Оп. 1. Д. 700. Л. 12.

их к вселению людей. Текущий ремонт и окончательное переустройство квартир и домов, оставшихся от японцев, производили уже сами переселенцы (колхозники и рабочие).

На Южном Сахалине в первой половине XX века наблюдалось динамичное развитие капиталистического производства, которое сопровождалось активным строительством фабрик, заводов, шахт и электростанций. Количественный рост числа рабочих вызвал необходимость строительства большого количества дешевых жилых домов, занимающих относительно небольшую площадь в условиях ограниченности пространства узких речных долин Южного Сахалина. Таким образом, возле каждого предприятия вырастал рабочий поселок, образованный ровными рядами общежитий для рабочих. Такие общежития барачного типа назывались «*пагауа*» – «длинные дома». На Южном Сахалине «длинные дома» имели по четыре, шесть и восемь квартир⁸.

В конце 1940-х – начале 1950-х годов подобные общежития-бараки использовались для размещения переселенцев, направленных для работы в промышленности⁹. Так, в отчете Долинского бумажного комбината за 1947–1948 годы сообщается, что все рабочие комбината обеспечены жилплощадью, но она вся японского типа, требующая утепления. В 1947 году построен один жилой дом русского типа, проведен капитальный ремонт 197 квартир, текущий ремонт с переоборудованием окон и дверей 180 квартир, сложено 189 печей, на русский лад переоборудована баня¹⁰.

В городе Долинске в районе так называемого «итеэровского» поселка сохранились «длинные дома», имеющие по четыре квартиры, в них жили специалисты и рабочие целлюлозно-бумажного комбината Отиай (Долинск). Основу японского барака-общежития представляет собой каркасно-насыпная конструкция. Внешняя и внутренняя стены дощатые. В качестве наполнителя каркасной конструкции использована смесь из шлака и опилок. Квартиры барака разделены дощатыми перегородками. Во внутренней полости перегородок помещен каркас из переплетенных стеблей бамбука, обмазанных глиной. Кровля двускатная и имеет следующую конструкцию. Чердачные пе-

рекрития представлены поперечными балками из неоструганной ели. К затесам балок замковым соединением крепятся вертикальные опорные стойки. На каждую балку приходится пять опорных стоек, поддерживающих горизонтальные прогоны. Центральная – самая длинная стойка – поддерживает коньковый прогон. К прогонам крепятся наклонные стропила, обрешеченные поперечными рядами досок. Поверх досок уложены листы тонкой фанеры. Сверху кровля обшита ромбовидными листами железа¹¹.

За более чем полувековое существование барака в типовую японскую конструкцию русскими внесены изменения. Как уже указывалось ранее, ремонт и обустройство квартир в бараке производились самими переселенцами. Так, в центре квартир выкладывались печи русского типа. Стены поверх досок оббивались ДВП (древесноволокнистая плита) и окрашивались масляной краской или белились известью. Дома оборудовались двухрамными окнами и снаружи защищались клеенкой. На крыше поверх листов железа набивался рубероид, а в некоторых квартирах (одного и того же барака) кровля перекрывалась и вместо железа и фанеры сразу поверх досок укладывался рубероид. Позже в дома проводился водопровод, в некоторых квартирах оборудовались санузлы¹².

В конце 1940-х годов – начале 1950-х годов в Сахалинской области было налажено строительство стандартных жилых домов¹³. Переселенцев из японских домов и бараков стали переселять в типовые многоквартирные дома. По свидетельствам старожилов-переселенцев, в первое время покидать свои обжитые квартиры в японских бараках рабочие бумкомбината не спешили: благоустроенные дома строились намного дальше от предприятия, рейсовых автобусов в городе не было и приходилось на работу и с работы долго идти пешком¹⁴. Построенные еще в первой половине XX века японские «длинные дома» используются по настоящее время¹⁵.

В середине 1950-х годов обстановка с обеспечением жилья улучшилась. Увеличилось и количество сдаваемого в эксплуатацию жилья. В 1954 году было сдано в эксплуатацию 1 518 домов, что в 23 раза больше по сравнению с 1946 годом¹⁶.

⁸ Самарин, И. А. Жилые дома на Южном Сахалине периода Карафута (1905–1945 годы) / И. А. Самарин // Краеведческий бюллетень. – № 1. – 2003. – С. 59.

⁹ НА СОКМ. Оп. 1. Д. 700. Л. 43.

¹⁰ ГИА СО. Ф. 378. Оп. 1. Д. 22. Л. 50.

¹¹ НА СОКМ. Оп. 1. Д. 700. Л. 12.

¹² НА СОКМ. Оп. 1. Д. 700. Л. 43.

¹³ ГИА СО. Ф. 938. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

¹⁴ НА СОКМ. Оп. 1. Д. 700. Л. 13.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГИА СО. Ф. 522. Оп. 1. Д. 36. Л. 20.

В течение пятилетнего послевоенного периода население островов выросло почти на 500 тысяч советских граждан. Если в 1946 году в Южно-Сахалинской и Сахалинской областях проживало 170,7 тысячи человек, то в 1950 году в объединенной Сахалинской области – 657,1 тысячи человек¹⁷.

Таким образом, за короткий промежуток времени сахалинские органы власти не могли рас-

селить прибывших переселенцев в новые дома. Поэтому приходилось использовать жилой фонд, оставшийся после репатриации японского населения, который, несмотря на то, что требовал ремонта и переобустройства, представлял большую ценность для развертывания работ по освоению новых земель и переселению советских граждан в Сахалинскую область.

---

¹⁷ Щеглов, В. В. *Переселенческий аспект в становлении и развитии хозяйства Сахалинской области (1945–1980-е гг.)* / В. В. Щеглов // *Сахалин и Курилы: на рубеже веков. – Южно-Сахалинск : Управление по делам архивов, 2002. – С. 45.*

*А. М. Пашков,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
заслуженный работник культуры Республики Калмыкия*

ИМЕННЫЕ ПРИРОДНЫЕ И РУКОТВОРНЫЕ ПАМЯТНИКИ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В ходе многолетних исследований впервые удалось установить, что на территории Сахалинской области имеется около 1400 фамильных природных и рукотворных памятников.

Такое обилие фамильных объектов свидетельствует о том, что Сахалин и Курильские острова – это не только экзотические, но и острова, пропитанные смелыми замыслами, отвагой и мужеством, огромным трудолюбием многих поколений людей. Причем среди них немало русских и иностранных исследователей, мореходов-первооткрывателей, отважных воинов, русских и советских писателей, художников, ученых и других людей, чьи добрые деяния сегодня составляют историко-культурное и мемориальное наследие нашего островного края.

Для лучшего восприятия результатов исследования все фамильные природные и рукотворные объекты представим по следующим группам:

1. Ойконимы и дромонимы (фамильные – именные названия населенных пунктов и железнодорожных станций) Сахалинской области включают в себя 59 персоналий, именами которых названы: 3 города, 46 сел, 2 поселка, 8 железнодорожных станций.

2. Гидронимы (названия водных объектов) Сахалинской области представляют 247 фамильных объектов. В том числе: 126 рек, 32 бухты, 23 залива, 22 пролива, 18 ручьев, 13 озер, 4 перешейка, 3 отмели, 1 водопад, 1 приток, 2 ключа, 1 гавань, 1 желоб.

3. Топонимы и оронимы (названия географических объектов и элементов рельефа местности) Сахалинской области включают в себя 526 именных географических и рельефных объектов. Среди них: 238 гор, 148 мысов, 32 вулкана, 19 островов, 16 подводных вулканов, 17 перевалов, 15 хребтов, 13 полуостровов, 6 падей, 2 кратера вулканов, 2 маара, 4 скалы, 2 камня, 2 маяка, 4 пика, 2 плато, 2 сопки, 2 урочища.

4. Урбонимы (названия внутригородских объектов) Сахалинской области представлены 178 объектами. В их числе: 34 бюста, 61 мемориальная доска, 16 памятников, 18 фамильных предприятий (учреждений), 14 скверов, 4 библиотеки, 5 памятных знаков, 2 морских судна, 2 парка культуры и отдыха, 7 площадей, 1 театр, 1 порт, 3 мурзель, 1 тоннель, 9 угольных разрезов.

5. Годонимы (названия улиц и других дорожно-транспортных объектов) Сахалинской области представлены 374 объектами. В том числе: 349 фамильных улиц, 1 проспект, 21 переулок, 1 проезд, 2 жилых квартала.

6. Природные памятники, являющиеся поистине жемчужинами Сахалинской области, включают в себя 12 объектов. Среди них: вулкан Менделеева, высокогорье, названное в честь А. П. Чехова, лагуна оз. Буссе, мыс Кузнецова, мыс Слепиковского, остров Врангеля, остров Моне-рон, хребет Жданко и другие.

Все вышеназванные объекты, а также сотни других объектов, названных по местным приметам, составляют среду нашего обитания, в которой мы живем, которыми пользуемся, нередко восторгаемся, в меру своих возможностей и государственной поддержки бережем для будущих поколений.

Одной из задач данного исследования автор видит в том, чтобы привлечь внимание руководителей вузов (филиалов), работников образовательных учреждений области к ономастике Сахалинской области – многоотраслевой науке о происхождении личных имен, которая базируется на знании нескольких наук: истории, этнографии, археологии, лингвистики, географии и геологии.

Возможно, по примеру МГУ им. М. В. Ломоносова, Вологодского, Пермского, Тамбовского, Тюменского, Удмуртского и ряда других университетов в наших островных вузах и филиалах образуются специальные лаборатории (научные центры) по проблемам антропонимики и ономастики, появятся квалифицированные профильные специалисты, в студенческую среду начнут внедряться новые элективные курсы, для выпускников и аспирантов расширится тематика выпускных квалификационных и диссертационных работ, появятся интересные публикации не только для науки, но и для органов управления Сахалинской области.

Суммируя статистические данные исследования, отметим, что более 300 антропонимов Сахалинской области носят имена русских и зарубежных землепроходцев, кругосветных и дальневосточных путешественников-мореплавателей, ученых-картогра-

фов. Правда, следует отметить, что ни все землепроходцы, мореплаватели и другие исторические личности в равной степени отмечены вниманием современников. Так, например, в честь И. М. Антипина названо 5 объектов, Д. Я. Анцифорова – 4, В. В. Атласова – 5, Н. К. Бошняка – 8, Н. В. Буссе – 4, В. М. Головина – 8, С. И. Дежнева – 3, И. Н. Изильметьева – 4, И. П. Козыревского – 4, М. С. Корсакова – 9, И. Ф. Крузенштерна – 7, Ж. Ф. Лаперуза – 5, С. О. Макарова – 16, Н. Н. Муравьева-Амурского – 6, Г. И. Невельского – 28, В. Д. Пояркова – 4, Н. В. Рудановского – 9, Ф. Ф. Ушакова – 6, Г. В. Шебунина – 7, М. П. Шпанберга – 5, Л. Я. Штенберга – 5.

Продолжая статистику исследования, отметим, что более 220 объектов Сахалинской области носят имена защитников Отечества, 6 объектов названы в честь святых Русской православной церкви, около 200 объектов – в честь писателей, поэтов, художников, 120 объектов – в честь партийных и государственных деятелей, более 150 – исторических личностей и столько же носят имена ученых разных отраслей наук, многие из которых являются докторами наук, профессорами, членами-корреспондентами, действительными членами Российской и других академий наук, более 60 объектов названы в память наших земляков, отличившихся на военной службе, в труде по развитию экономики, культуры, образования и здравоохранения Сахалинской области.

105 объектов Сахалина и Курильских островов носят имена Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда. Среди них есть люди, удостоенные звания Героя дважды (К. Е. Ворошилов, В. М. Комаров, Н. И. Крылов, П. Р. Попович), трижды (А. Д. Сахаров) и четырежды (Г. К. Жуков), лауреаты Государственной и Ленинской премий, а всемирно известный ядерщик и правозащитник А. Д. Сахаров, имя которого носит одна из улиц города Южно-Сахалинска, и писатель М. А. Шолохов, имя которого увековечено в названии реки на территории Томаринского муниципального образования, являются лауреатами международной Нобелевской премии Мира. Даже один перечень фамильных объектов Сахалинской области, значительно пополняющий ономастику Российской Федерации и являющийся неотъемлемой и составной частью историко-культурного и мемориального наследия Сахалинской области, позволяет оценить, какие огромные воспитательные возможности он в себе содержит при изучении истории, литературы, географии и других предметов школьной программы.

Остановимся фрагментарно на некоторых, как нам представляется, «болевых точках» ономастики Сахалинской области.

По неполным данным, с 1962 по 1989 г. в нашей области упразднено более 570 населенных пунктов. Многие угасшие поселки (Алехино, Анучи-

но, Бабушкино, Белкино, Брусиллово, Брюханово, Вальтоново, Волково, Володино, Гаврилово, Давыдово, Евстафьево, Поярково, Рогачево и многие другие) носили имена наших соотечественников. По нашему мнению, было бы правильно отвоевать у безвестности имена забытых людей и событийные названия – Сентябрьское, Возвращение, Непокоренное, Партизанское и другие.

Большой интерес и в то же время определенную озабоченность вызывают антропонимы, связанные с именами известных писателей, видных деятелей партии и советского государства. Впервые за всю историю нам удалось с помощью работников администраций муниципальных образований собрать и представить читателям обобщенный материал. Так, имя великих русских, советских писателей и поэтов в настоящее время носят разные природные и рукотворные объекты: В. Г. Белинского – 7, Н. В. Гоголя – 10, М. Ю. Лермонтова – 8, А. С. Пушкина – 14, А. П. Чехова – 44; Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда: А. Е. Буюклы – 8, Н. А. Вилкова – 5, Ю. А. Гагарина – 11, П. И. Ильичева – 5, А. М. Матросова – 17, Л. В. Смирных – 10, В. П. Чкалова – 13, В. В. Вахрушева – 6, М. И. Калинин – 13; видных деятелей партии и государства: В. И. Ульянова (Ленин) – 44, А. М. Горького – 12, Ф. Э. Дзержинского – 7, С. М. Кирова – 19, В. В. Куйбышева – 9; ученых: М. В. Ломоносова – 9, И. В. Мичурин – 11; участников Гражданской войны: С. Г. Лазо – 8, В. И. Чапаева – 11 и другие.

По нашему мнению, в островной области должен быть не только действующий уполномоченный орган, который бы координировал эту сферу деятельности, заботливо относился к сохранению историко-культурного и мемориального наследия, но и в установленном порядке вносил предложения по совершенствованию законодательной базы. Давно назрела необходимость иметь на территории области единую политику в области наименования как географических, так историко-культурных объектов. В этом плане мы значительно отстаем от ряда субъектов Российской Федерации.

Полагаем, что материалы данного исследования могут служить ориентиром для общественности, членов комиссий по наименованию (переименованию) улиц, площадей и увековечению памяти известных людей на территории Сахалинской области. Это поможет исключить повторы и разнообразить антропонимику островного края, уберечь от необдуманных, скоротечных действий некоторых инициаторов по увековечению памяти, демонтажу памятников и переименованию улиц.

Более того, материалы исследования могут оказаться полезными для специалистов, которые отслеживают процессы увековечения памяти первопроходцев, мореплавателей, защитников Отечества, партийных и государственных деятелей,

писателей, космонавтов и других известных людей на всей территории Российской Федерации. Многие читатели по прочтении этого справочника впервые узнают и приятно удивятся тому, что имя великого русского писателя А. П. Чехова, побывавшего на Сахалине в 1890 году, в настоящее время носят не три-четыре объекта, как указано в ряде всероссийских источников, а 44 объекта природы и культуры. Это в полной мере относится и к другим персоналиям. С нашей точки зрения, такое увековечение даже широко известных людей нельзя признать нормальным. Процесс увековечения должен быть управляемым.

Серьезной «болевой точкой» для нашего островного края является вопрос сохранения памятников истории, культуры, природы, других видов мемориального наследия, а также обозначения на местности памятных мест. Так, в числе топонимов (названия улиц и других дорожно-транспортных объектов) Сахалинской области насчитывается 349 фамильных улиц. По существующей традиции в Российской Федерации на первом здании (жилом доме) улицы, носящей имя известного человека, как правило, устанавливается либо мемориальная доска, либо памятная (информационная) табличка. В нашей области насчитывается всего около восьми таких указателей. Например, в областном центре – городе Южно-Сахалинске из

20 именных улиц это сделано только по отношению к А. П. Чехову. Остается надеяться, возможно, в обозримом времени появятся мемориальные доски (таблички, указатели) на фасадах зданий, посвященных всем известным людям.

Вызывает определенное огорчение тот факт, что мы недооцениваем воспитательные аспекты ранее проживавших среди нас, а теперь уже, к сожалению, ушедших в небытие Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда, кавалеров трех степеней Славы.

По данным на 1972 год, на территории области проживало около 50 героев. Многие помнят, какую огромную трудовую и общественно-воспитательную работу они проводили среди населения и особенно молодежи. Это касается многих первых организаторов колхозов, предприятий, особенно первых директоров общеобразовательных школ. По нашему глубокому убеждению, все герои и состоявшиеся организаторы производственных и образовательных коллективов заслуживают вхождение в бессмертие. На фасадах домов, в которых проживали, на производственных зданиях, где работали эти люди, должны быть соответствующие мемориальные указатели.

Все это есть тот пласт культуры, который характеризует уровень исторической памяти, историю Сахалинской области в лицах.

*Е. Г. Перекрестова,
старший преподаватель кафедры российской и всеобщей
истории Института истории, социологии и управления СахГУ*

РАЗВИТИЕ БУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 70-е ГОДЫ

Одной из ведущих отраслей в экономике Сахалина 60-х гг. была лесная промышленность. Правительство СССР сделало большие капиталовложения в механизацию лесного комплекса Сахалина. Отрасль получила новое оборудование, которое требовало изменений в организации труда. Все предприятия перешли на работу малыми комплексными бригадами. Применение бригадной оплаты заинтересовало рабочих в лучших результатах своего труда. Выработка в 1960 г. составила 267 кубических метров на одного рабочего, что в два раза превысило показатели 1950 г. Развитие лесного комплекса требовало изменения в целлюлозно-бумажной промышленности, которая объединяла технологические процессы получения целлюлозы, бумаги, картона и бумажно-картонных изделий (писчей, книжной и газетной бумаги, технического картона). Технологический цикл отрасли четко подразделялся на два процесса – получение целлюлозы и производство бумаги. Перспективы развития целлюлозно-бумажной промышленности были связаны с совершенствованием технологического процесса и использованием лесных ресурсов. В 60-е гг. на всех целлюлозно-бумажных заводах была произведена реконструкция бумагоделательных машин, установлено новое оборудование. В результате выросло производство целлюлозы – до 224,7 тыс. тонн, бумаги – 210,6 тыс. тонн, картона – 23,2 тыс. тонн. Можно отметить, что целлюлозно-бумажная промышленность превратилась из отсталой в одну из передовых отраслей народного хозяйства, ее продукция составляла восьмую часть всего промышленного производства. Производительность труда повысилась в два раза.

Дальнейшее развитие целлюлозно-бумажная промышленность получила в семидесятые годы. На всех предприятиях осуществлялся комплекс мер по совершенствованию производства, внедрению достижений технического прогресса, повышению производительности труда. В соответствии с комплексным планом технического перевооружения производства при участии рационализаторов только в 1972 г. на предприятиях объединения «Сахалинбумпром» проводился ряд крупнейших мероприятий. К ним относились: реконструкция бумагоделательной машины № 7 на Углегорском целлюлозно-бумажном комбинате, подогрев кислоты на Поронайском целлюлозно-

бумажном комбинате, внедрение производительных циркулярных устройств, что позволило выработку самой высокой целлюлозы, идущей на экспорт (на Томаринском целлюлозно-бумажном комбинате), освоение поточных полуавтоматических линий по производству картонных ящиков на Корсаковской фабрике.

За четыре года девятой пятилетки значительно выросла индустриальная мощь СССР. Досрочное выполнение плана по всем показателям и социалистических обязательств в основном достигалось за счет реконструкции предприятий, замены и модернизации морально устаревшего и физически изношенного технологического и энергетического оборудования, совершенствования технологических процессов производства целлюлозы и бумаги. За счет лучшего использования календарного времени работы бумагоделательных машин и увеличения их часовой выработки дополнительно выработано более 5,0 тыс. тонн бумаги и картона.

За 1973 г. был проведен ряд мероприятий, которые позволили не только досрочно выполнить план и социалистические обязательства, но и создать необходимые условия для выполнения плана 1975 г. – завершающего года пятилетки.

Высокими темпами осуществлялось техническое перевооружение бумажных фабрик. Модернизировано 16 бумагоделательных и картоноделательных машин. В 1976 г. были сданы в эксплуатацию новые бумагоделательные машины отечественного производства на Долинском и Углегорском заводах. Вступили в строй две автоматические линии по производству картонных ящиков на Корсаковской фабрике, а на Поронайском заводе – две автоматические линии по изготовлению бумажных мешков. На Долинском ЦБК был построен и пущен в эксплуатацию цех каустизации и регенерации извести, что позволяло комбинату значительно увеличить варку целлюлозы, снизить расход химикатов и увеличить производительность труда. На этом же предприятии установлен и введен в эксплуатацию фильтр с волокнистым подслоем для улавливания волокна из оборотных вод. Если в 1973 г. простои составили 38 % и комбинат перерасходовал 1500 тонн волокна, то в 1974 г. простои составили 1,49 % и достигнута экономия волокна 17,4 тонны.

На Томаринском ЦБК переведена под варку целлюлозы регенерационная биметаллическая

цистерна, что позволило увеличить выработку целлюлозы более чем на 3,0 тыс. т/в год. На Холмском бумкомбинате проведены экспериментальные работы по совершенствованию технологического режима регенерации кислоты и варки целлюлозы. За годы пятилетки на предприятиях объединения «Сахалинбумпром» было введено в эксплуатацию 3706 единиц нового оборудования на сумму 13,1 млн. руб., это больше, чем за всю предыдущую пятилетку, – 276 единиц на сумму 1,2 млн. руб.

Нельзя не отметить, что предприятиями объединения «Сахалинбумпром» уделялось особое внимание повышению эффективности производства. Основой для повышения эффективности на большинстве предприятий являлись тематические планы, направленные на решение производственных вопросов, которые позволяли видеть ожидаемую экономическую эффективность. Анализ выполнения таких планов за первые два года показал, что экономическая эффективность повысилась на 30–40 %. Предприятиями «Сахалинбумпрома» только в 1972 г. были проведены 15 тематических конкурсов на лучшие рационализаторские предложения по решению наиболее актуальных и узких мест на производстве. Среди них:

- на лучшее предложение, направленное на повышение качества химикатов, а также энергоносителей (Макаровский ЦБК);
- на лучшее предложение, направленное на ускорение освоения новых мощностей (Чеховский ЦБК);
- на лучшее предложение, направленное на повышение качества вырабатываемой бумаги (Холмский ЦБК).

Важным в работе по привлечению рационализаторов и изобретателей к решению вопросов повышения эффективности производства являлась организация социалистических соревнований. В 1971 г. в целом по объединению при обязательном добиться экономии от внедрения рационализаторских предложений в сумме 730 тыс. руб. сэкономлено 933 тыс. руб., в 1972 г. при обязательном внести в фонд 740 тыс. руб. сэкономлено 839 тыс. руб.

Помимо рационализаторских предложений внимание на предприятиях объединения «Сахалинбумпром» уделялось информационной работе. На основании Постановления Совета министров СССР от 19 июля 1971 г. за № 496 «О дальнейшем совершенствовании государственной системы научно-технической информации в 1971–1972 гг.» и указаний Министерства целлюлозно-бумажной промышленности СССР в объединении «Сахалинбумпром» был создан сектор информации, который тесно сотрудничал с центральными отраслевыми институтами технической информации. В течение 1971–1973 гг. на предприятиях объединения с помощью такого сектора внедрялись новые

изобретения, такие, как: сепаратор целлюлозы, станок для контроля гильз на Углегорском ЦБК, промывка прессовых сукон слабой соляной кислотой на Холмском, Углегорском, Томаринском ЦБК, станок для резки металла любого профиля на Томаринском ЦБК.

Для решения вопросов совершенствования оборудования и технологии на предприятиях объединения было создано 63 творческих бригады, которые объединяли 200 новаторов. Внедрение в производство организационно-технических мероприятий и научно-технических достижений на предприятиях бумажной промышленности области позволило за три года девятой пятилетки снизить численность работников промышленно-производственного персонала на 515 человек при одновременном увеличении производительности труда на 6,25 % сверх плановых показателей.

Таким образом, в период с 1970 по 1977 г. на лесных биржах целлюлозно-бумажных заводов внедрено 185 мероприятий по механизации производственных процессов. Все это позволило значительно поднять производительность труда на окорке древесины, облегчить труд рабочих. На Углегорском и Долинском заводах применение грейдеров полностью исключило ручной труд при разгрузке вагонов и автолесовозов, а также при подаче балансов в производство. Важные мероприятия осуществлялись в целлюлозном производстве. Во всех целлюлозных цехах внедрена горячая регенерация варочной кислоты, что позволило ускорить процесс варки щепы. В очистных отделах устанавливалось высокопроизводительное размалывающее и сортировочное оборудование, внедрялись современные центробежные очистители. На ряде заводов устанавливались новые варочные котлы, автоматизировался процесс варки целлюлозы.

Помимо вышесказанного нужно отметить, что на предприятиях объединения «Сахалинбумпром» активно велась экономическая работа, которая предусматривала мероприятия по экономии сырья, материалов, топлива, электроэнергии, а также мероприятия по техническому совершенствованию.

В 1974 г. по предприятиям насчитывалось 16 общественных бюро и групп экономического анализа с численностью 221 человек. В состав бюро входили передовые рабочие, новаторы производства, рационализаторы. Члены общественного бюро экономического анализа вели большую работу по повышению экономических знаний рабочих цехов и отделов. Группа экономического анализа ТЭЦ Углегорского целлюлозно-бумажного комбината занималась подготовкой материала для пересмотра хозяйственных положений и предложила расчетные данные на поддержание предельного вакуума на выхлопном патрубке

турбины на 1 %, что давало экономию на 1,5 %. Общественное бюро экономического анализа Чеховского ЦБК состояло из девяти человек, которые в своей работе обращали внимание на выявление резервов производства, на снижение себестоимости продукции, увеличение прибыли, сокращение непроизводительных расходов. В работе общественного бюро экономического анализа Макаровского бумкомбината особое внимание уделялось пропаганде экономических знаний. Члены бюро, имеющие экономическую подготовку, являлись руководителями и пропагандистами экономических школ. В помощь пропагандистам и руководителям подразделений на комбинате ежеквартально выпускался экономический бюллетень. Такой вид работы повлиял не только на развитие производства, но и на сокращение затрат на него и значительную экономию сырья.

Масштабные мероприятия по модернизации производства в бумажной промышленности не могли не затронуть и кадровые изменения. Росли опытные, высококвалифицированные рабочие. Проводилось обучение рабочих смежным профессиям. Были разработаны мероприятия по сокращению потерь рабочего времени, а также положения о премировании, стимулирующие улучшение качества продукции. За пять лет прошли школу профессионального обучения 3815 человек, повысили квалификацию 15 тыс. работников, при этом смежные профессии освоили 674 человека. Переподготовку в отраслевых институтах прошли 780 инженеров и техников. В среднем ежегодно около 250 работников целлюлозно-бумажной промышленности учились в заочных вузах и техникумах. Велась большая социальная работа по закреплению кадров, обеспечивались полноценные условия для работы и отдыха трудящихся.

Целлюлозно-бумажная промышленность в период 70–80-х гг., как и лесная отрасль, достигла пика своего развития. Однако она так и не смогла выйти на показатели, определенные для нее советским руководством в 1964 г. (производство целлюлозы – 500–600 тысяч тонн, бумаги – 250–300 тысяч тонн). Это было связано с тем, что целлюлозно-

бумажная промышленность ориентировалась на использование ели, и пихты, а именно эти породы деревьев пострадали от интенсивных вырубок больше всего. Поэтому уже в 70-е годы рассматривался вопрос о начале работ по варке целлюлозы из лиственницы.

Таким образом, с 1976 по 1980-е гг. наблюдался рост мероприятий, направленных на повышение качества продукции и эффективности труда. Велась большая социальная работа по закреплению кадров, обеспечивались полноценные условия для работы и отдыха трудящихся. Но темпы производства снижались по причинам, не зависящим от деятельности фабрик. Главным препятствием для развития производства явились перебои с поставкой сырья.

Продукция целлюлозно-бумажной промышленности в период 70-х годов была необходима народному хозяйству. Без нее невозможно было расширить выпуск товаров народного потребления, добиться существенного повышения благосостояния трудящихся, обеспечить успешное развитие культуры.

Решение данных вопросов и дальнейшее развитие целлюлозно-бумажной промышленности получила в 80-е годы.

Литература

1. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия : учебное пособие для студентов учебных заведений / М. С. Высоков, А. А. Василевский, А. И. Костанов и др. ; ответственный редактор д. и. н. М. С. Высоков. – Южно-Сахалинск : Южно-Сахалинское изд-во, 2008. – 487 с.
2. Леонов, П. А. Область на островах. Краткий очерк истории развития экономики и культуры, деятельности партийной организации Сахалинской области / П. А. Леонов, И. В. Панькин, И. Е. Белоусов // Индустрия бумаги. – М. : Мысль, 1979. – С. 113–115.
3. ГИА СО. Ф. 735. Оп. 2. Д. 96.
4. ГИА СО. Ф. 735. Оп. 2. Д. 99.

*Н. В. Попова,
кандидат исторических наук, доцент кафедры российской и всеобщей истории
Института истории, социологии и управления СахГУ*

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО И СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ (ЕВАНГЕЛЬСКО-БАПТИСТСКОЕ СООБЩЕСТВО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ЖЕРНОВАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, 1920–1930-е гг.)

Для Российского государства конфессиональные вопросы всегда были связаны с проблемами сохранения национальной идентичности, обеспечения государственной безопасности. Православие в течение многих столетий было и краеугольным камнем традиционного российского геополитического видения мира, именно с ним связана отечественная мессианская идея¹. В этих условиях деятельность протестантских течений, появившихся во второй половине XIX в. на территории Российского государства, рассматривалась как нарушение порядка и угроза национальной безопасности. Особенно остро вопрос этот вставал на Дальнем Востоке – пограничном регионе, где российские цивилизационные основы и без того слабы в силу объективных исторических причин. Уже в период Российской империи определились те аспекты деятельности евангельских христиан и баптистов, которые не устраивали государство, и те пункты, по которым можно было обвинять последователей этих религиозных течений: эти направления христианства были привнесены на российскую почву зарубежными миссионерами; буквальное понимание заповеди «не убий» вело к отказу от воинской службы, что расценивалось как антигосударственное деяние; тесные контакты с представителями мирового евангельско-христианского сообщества, с зарубежными миссионерскими центрами приводили к обвинениям в шпионаже; активная евангелизационная деятельность, ставка на прозелитизм делали процесс распространения этих вероучений не подконтрольным государству, наносили урон

РПЦ. Пункты обвинений были сформулированы противосектантскими православными миссионерами. В годы Первой мировой войны создавался миф о германской угрозе, исходящей от сектантов, за которым следовали репрессии со стороны государства. «Секта баптистов, – писал И. Айвазов, – лишь для вида выступает в религиозном одеянии, а по существу – просто орудие германизации»². Мифотворческая деятельность миссионеров от РПЦ имела целью прежде всего формирование негативного образа «врага-сектанта» в обществе³. Постереволуционная марксистская историография, несмотря на то, что она зародилась в недрах до-революционного либерально-буржуазного направления в исследованиях сектантства, отстаивавшего принципы свободы совести и поэтому выступавшего против позиции православных авторов⁴, в 1920–30-е гг. с успехом пользовалась арсеналом, наработанным православными миссионерами в борьбе с идеологическими конкурентами. Советские историки – «воинствующие атеисты» использовали обличительную стилистику, терминологию, «разоблачающие» штампы, в том числе обвинения в иноземном происхождении, в связях с «заграницей» и пр.⁵. С помощью пропаганды теперь уже в атеистическом варианте, через призму классового подхода и позднее – тезиса об усилении классовой борьбы по мере продвижения к социализму умело конструировался миф об опасности этих течений теперь уже для социалистического государства.

Оценки деятельности исследуемых конфессий связаны с геополитической парадигмой, которая

¹ Например, претензии на положение Третьего Рима. См.: Сургуладзе, В. Ш. Грани российского самосознания. Империя, национальное сознание, мессианизм и византизм России / В. Ш. Сургуладзе. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2010; Бачинин, В. А. Византизм и евангелизм: генеалогия русского протестантизма: очерки исторической социологии религиозно-гражданской жизни / В. А. Бачинин. – СПб., 2003.

² Азовский, И. Пангерманизм и баптизм. – Пг., 1915. – С. 3; Об этом же: Восторгов, И. И. Вражеский духовный авангард / И. И. Восторгов // «Немецкая вера». К вопросу о сущности русского сектантства. – М., 1914. – С. 16.

³ Митрохин, Л. Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки) / Л. Н. Митрохин. – СПб.: РХГИ, 1997. – С. 29.

⁴ С. П. Мельгунов, А. С. Пругавин, В. И. Ясевич-Бородаевская, основоположник марксисткой историографии темы.

⁵ Митрохин, Л. Н. Указ. соч. – С. 29.

превалировала в умах руководителей советского государства на каждом конкретном историческом этапе. На смену лояльного и даже доброжелательного отношения к сектантам как недавним противникам деспотизма самодержавия, характерного для первых двух-трех лет советской власти⁶, приходит осознание, что сектанты, как любые сторонники иной, некоммунистической, идеологии, – внутренние враги. Особенно явным стало несоответствие геополитических взглядов большевиков и идеи «христианской глобализации», предлагаемой исследуемыми деноминациями после провала идеи «мировой революции», когда была сформулирована новая геополитическая концепция – выживания в отдельно взятой стране (социалистической) в условиях вражеского окружения (капиталистического). Территория российского Дальнего Востока в этот период стала «контактной зоной», «геополитическим полем», на котором мы видим попытки реализации трех типов мессианских (глобалистских) идей: 1) религиозной, протестантской, проводимой усилиями дальневосточных верующих при материальной и миссионерской поддержке от единоверцев из США (в силу обстоятельств военного времени эти усилия не могли быть поддержаны из центральной России); 2) американской (империалистической) и 3) пролетарской (социалистической). В этом смысле политизированная советская историческая наука по-своему была права, рассматривая христианскую миссию как враждебную. Работа идейных конкурентов на геополитическом поле советской власти, не предполагавшей идеологического плюрализма, требовала нейтрализации.

Дальневосточных евангельских христиан и баптистов уже в период Гражданской войны стали подозревать в неблагонадежности, обвинять в шпионаже. Сам факт существования и роста общин на территории несоветских правительств в условиях интервенции был компрометирующим. Уже в начале 20-х гг. в документах советской власти и публикациях в прессе развивается мысль, подхваченная затем антирелигиозниками⁷, об ангажированности этих конфессий американским или японским капиталом⁸. Пожалуй, впервые идея геополитической враждебности дальневосточных евангельских христиан и баптистов в связи с работой здесь миссионеров из США официально была сформулирована М. И. Калининым в речи в г. Владивостоке 10 августа 1923 г.: «Несомненно, американское правительство... искало здесь моральных завоеваний, оно приобретало здесь связи, организовывало ячейки собственного влияния... американский капитал оказался в высшей степени религиозным: он на занятую территорию привез евангелие, собственных проповедников, как баптистов, методистов и тому подобное...»⁹. Для советской исторической науки основные положения этой речи стали отправными для оценки деятельности исследуемых конфессий на Дальнем Востоке.

Во второй половине 20-х – начале 30-х гг. появляется масса публикаций безбожников, ставших первым блоком советской литературы по истории сектантства, заложивших методологические основы советского «сектоведения», – книги и статьи Ф. Путинцева, Б. Кандидова, А. Клибанова, И. Элиашевича, Б. Тихомирова, А. Ярцева¹⁰. Среди массы антирелигиозных пу-

⁶ Такая позиция отстаивалась известным «сектоведом», соратником В. И. Ленина, играющим роль в формулировании советской религиозной политики в первые годы после революции, В. Д. Бонч-Бруевичем.

⁷ Безбожник. Сектанты в Дальне-Восточном крае // *Антирелигиозник*. – 1927. – № 8. – С. 27; Урсынович, С. Религиозные и антирелигиозные движения на Советском Сахалине / С. Урсынович // *Антирелигиозник*. – 1931. – № 11. – С. 15; Кандидов, Б. Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция / Б. Кандидов. – М., 1930. – С. 73–74; Кандидов, Б. Японская интервенция в Сибири и церковь / Б. Кандидов. – М., 1932. – С. 44.

⁸ *Атеист*. – 1922. – № 1. – С. 9–10.

⁹ Речь М. И. Калинина на Дальнем Востоке. – Чита, 1958. – С. 118.

¹⁰ Путинцев, Ф. Кабальное братство сектантов / Ф. Путинцев. – М.; Л., 1927; Путинцев, Ф. Районы распространения сектантства прежде и теперь / Ф. Путинцев // *Антирелигиозник*. – 1927. – № 1. – С. 3–7; Путинцев, Ф. М. Современное сектантство / Ф. М. Путинцев // *Антирелигиозник*. – 1926. – № 4. – С. 16; Путинцев, Ф. М. Рост и сужение в росте сектантства / Ф. М. Путинцев // *Антирелигиозник*. – 1926. – № 6. – С. 15–20; Путинцев, Ф. Классовая сущность сектантских теорий и практики / Ф. Путинцев // *Антирелигиозник*. – 1926. – № 1. – С. 3–7; Путинцев, Ф. М. Сектантство и антирелигиозная пропаганда: методическое пособие / Ф. М. Путинцев; под ред. К. А. Попова. – М., 1928; *Вопросник и методические указания по собиранию сведений о сектах* / сост. Ф. М. Путинцев // *Антирелигиозник*. – 1927. – № 6. – С. 18–20; Путинцев, Ф. Сущность сектантского социализма, или Что такое царство божие на земле / Ф. Путинцев // *Безбожник*. – 1929. – Май. – № 9. – С. 1; Путинцев, Ф. Ленин и сектанты / Ф. Путинцев // *Антирелигиозник*. – 1934. – № 3. – С. 10–15; Путинцев, Ф. Сектанты в годы мировой войны / Ф. Путинцев // *Антирелигиозник*. – 1934. – № 4. – С. 5–9; Путинцев, Ф. М. Политическая роль и тактика сект / Ф. М. Путинцев; под ред. П. Красикова. – М., 1935; Кандидов, Б. Транспортирование заграничной религиозной литературы в РСФСР в годы Гражданской войны / Б. Кандидов // *Атеист*. – 1930. – № 49. – С. 1–9; Кандидов, Б. Сектантство и мировая война / Б. Кандидов // *Атеист*. – 1930. – № 51. – С. 1–44; Кандидов, Б. Вредительство, интервенция и церковь / Б. Кандидов. – М., 1931; Кандидов, Б. Японский империализм

бликаций обращает на себя внимание комплекс работ, посвященных непосредственно Дальнему Востоку¹¹. Историки-антирелигиозники выполняли ту же функцию, что и антисектантские миссионеры РПЦ, – «разоблачали» и «обличали» с целью формирования негативного образа сектантов в обществе. Для этого использовался и метод дискредитации сектантов¹². А. Савин выделяет восемь направлений, по которым шла дискредитация членов евангельских церквей в советской литературе (классовый враг; совратитель молодежи; вредитель и убийца; развратник, пьяница и сифилитик; мракобес и фанатик; прокаженный (не в прямом смысле, а в том, что они выставались социально опасными, вокруг них возводились барьеры, отгораживающие от нормального здорового общества); вездесущий враг; молитвенные дома – штаб-квартиры контрреволюции)¹³.

Обращая пристальное внимание на международные аспекты деятельности, советские антирелигиозники давали геополитические оценки деятельности сектантства, отмечая, что сектанты выступали агентами империализма¹⁴. Не забывали советские антирелигиозники упомянуть о связи сектантов с капиталистическими политиками, президентами¹⁵, с американскими миллионерами,

отмечая, однако, при этом, что «установить прямую связь русских сектантов с Рокфеллером трудно, сказать, сколько перепало русским сектантам от Рокфеллера, невозможно, так как все делалось и делается шито-крыто, но что русские сектанты получали и получают из-за границы деньги, и в том числе деньги из пожертвований капиталистов, доказать это легко»¹⁶.

Этапы эволюции контрреволюционности сектантов и выявляющаяся на этом фоне их ориентация на враждебную «заграницу» выглядели так:

Первый этап. Сектанты с восторгом приняли Февральскую революцию и не желали развития революционного процесса далее, стало быть, их идеалы буржуазные и по отношению к большевикам настроены они контрреволюционно. Обращалось внимание и на восприятие ими США как страны, в которой реализован протестантский идеал демократии и свободы совести¹⁷.

Второй этап. В период Гражданской войны и интервенции особенно ярко их контрреволюционная сущность проявилась на Дальнем Востоке. Б. Кандидов утверждал, правда, не затрудняя себя приведением доказательств: «Прикрываясь лицемерными речами, используя всяческие тексты из “Священного писания”, болтая о “справедливости”,

---

лизм и православная церковь (Провокационное выступление японских интервентов 4–5 апреля 1920 г. на Дальнем Востоке и роль духовенства) / Б. Кандидов // *Безбожник*. – М., 1932. – № 11–12. – С. 11–12; *Выступления сектантов против революции и диктатуры пролетариата. По материалам сектантских журналов за 1917–1920 гг.* // *Антирелигиозник*. – 1934. – № 2. – С. 10; Кандидов, Б. Японская интервенция в Сибири и церковь / Б. Кандидов. – М., 1932; Кандидов, Б. Сектантская контрреволюция и шпионаж / Б. Кандидов // *Безбожник*. – 1937. – Сентябрь. – № 9. – С. 3–4; Клибанов, А. Классовое лицо современного сектантства / А. Клибанов. – Л., 1928; Элиашевич, И. Я. Религия в борьбе за рабочую молодежь / И. Я. Элиашевич. – Л., 1928; Элиашевич, И. Война и религия / И. Элиашевич, Н. Л. Бойцов. – 1930; Ярцев, А. Секта евангельских христиан / А. Ярцев. – М., 1928; Тихомиров, Б. Баптизм и его политическая роль / Б. Тихомиров. – М.–Л., 1929.

¹¹ *Безбожник*. Сектанты в Дальне-Восточном крае // *Антирелигиозник*. – 1927. – № 8. – С. 18–29; Урсынович, С. Религиозные и антирелигиозные движения на Советском Сахалине / С. Урсынович // *Антирелигиозник*. – 1931. – № 11. – С. 14–27; Вайнштейн, С. Сектантское движение в городе Владивостоке / С. Вайнштейн // *Антирелигиозник*. – 1932. – № 7–8. – С. 37; Запорожченко, И. Сектантское мракобесие на Дальнем Востоке / И. Запорожченко // *Безбожник*. – 1933. – № 12. – С. 14–15; Кандидов, Б. Интервенция на Дальнем Востоке и роль сектантства (1918–1922 гг.) / Б. Кандидов // *Безбожник*. – 1932. – № 13–14. – С. 8–9; Кандидов, Б. Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция / Б. Кандидов. – М., 1930; Кандидов, Б. Японская интервенция в Сибири и церковь / Б. Кандидов. – М., 1932; Долотов, А. Церковь и сектантство в Сибири / А. Долотов. – Иркутск, 1929; Узков, И. Против религии за воинствующее безбожие / И. Узков. – Владивосток, 1930.

¹² Путинцев, Ф. Политическая роль сектантства / Ф. Путинцев; под ред. К. А. Попова. – М., 1928. – С. 111; Путинцев, Ф. Кабальное братство сектантов / Ф. Путинцев. – М.; Л., 1931. – С. 29 и др.

¹³ *Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы / сост., вступ. ст. и комм. А. И. Савина*. – Новосибирск, 2004. – С. 46.

¹⁴ Путинцев, Ф. Политическая роль сектантства / Ф. Путинцев; под ред. К. А. Попова. – М., 1928. – С. 82; Путинцев, Ф. М. Политическая роль и тактика сект / Ф. Путинцев; под ред. П. Красикова. – М., 1935. – С. 3–5, 340, 343–344; Клибанов, А. Классовое лицо современного сектантства / А. Клибанов. – Л., 1928. – С. 85.

¹⁵ Путинцев, Ф. Политическая роль сектантства / Ф. Путинцев; под ред. К. А. Попова. – М., 1928. – С. 8–9, 92–93; Клибанов, А. Классовое лицо современного сектантства / А. Клибанов. – Л., 1928. – С. 69–71; Путинцев, Ф. Политическая роль и тактика сект / Ф. Путинцев; под ред. П. Красикова. – М., 1935. – С. 3–5.

¹⁶ Путинцев, Ф. Кабальное братство сектантов / Ф. Путинцев. – М.; Л., 1931. – С. 50.

¹⁷ Клибанов, А. Классовое лицо современного сектантства / А. Клибанов. – Л., 1928. – С. 33; *Выступления сектантов против революции и диктатуры пролетариата (По материалам сектантских журналов за 1917–1920 гг.)* // *Антирелигиозник*. – 1934. – № 2. – С. 13; Путинцев, Ф. Политическая роль и тактика сект // Ф. Путинцев; под ред. П. Красикова. – М., 1935. – С. 150, 162.

“великих религиозных идеях”, и всем прочем, очень удобном для обмана масс, сектантские организации в истории империалистической интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке последовательно выполняли свое дело: помогали душителям пролетарской революции. В этом направлении их деятельность была разнообразна: призывали интервентов, старались “поднять дух” империалистических войск и белогвардейских шаек, шпионили, доносили, выпускали контрреволюционную литературу, клеветали по адресу советской власти, а когда было нужно, и сами орудовали винтовкой»¹⁸. А. Клибанов констатировал: «Шпионаж и антисоветская агитация сделали настоящей профессией сектантов»¹⁹. Особенно наглядно антисоветская контрреволюционная сущность проявилась в вопросе антимилитаризма и связях с американскими единоверцами. По мнению Б. Кандидова, «первым корнем баптистского дерева» в Приморье были антимилитаризм и отрицательное отношение к большевикам как к «богохульникам», «если проследить внимательно за вторым корнем этого сектантского дерева, то он уведет нас в штабы американских империалистов...: всякому грамотному человеку известно, что Америка уже давно и усердно пытается насадить “евангельское вероучение” в близлежащих к ней полуколониальных странах, в особенности, в Китае и на русском Дальнем Востоке»²⁰. Появление сектантов на Сахалине приходилось на годы японской интервенции, что также было доказательством их вредности для советского государства и общества²¹.

Среди множества мифов, направленных на «разоблачение» деятельности сектантов в период Гражданской войны, сконструированных советской исторической наукой на основе «наработок» первых историков-антирелигиозников, добросовестно и бездоказательно переписывающихся из работы в работу, отметим лишь некоторые:

1. О контрреволюционной деятельности верующих на Дальнем Востоке и сотрудничестве с интервентами. Советские исследователи, заявляя о контрреволюционности дальневосточных бап-

тистов и евангельских христиан и их содействии интервентам, прежде всего, имели в виду их антимилитаристскую и аполитичную позицию либо сугубо религиозную деятельность верующих (создание воскресных школ, миссионерство и т. п.)²².

2. О систематическом финансировании дальневосточных баптистов из США. Мы пока не смогли найти документального подтверждения информации, переписывающейся из работы в работу, о деньгах, систематически и в больших количествах получавшихся баптистами Дальнего Востока от «империалистов» через Чоссен-банк²³.

3. О том, что Дальний Восток был в годы интервенции наводнен иностранными миссионерами и развитие баптизма и евангельского христианства здесь связано исключительно с деятельностью зарубежных миссионеров. Стоит отметить, что даже при финансовой поддержке из США, от эмигрантов-верующих из России и Украины руководителями дальневосточного баптизма были не иностранные миссионеры, а видные деятели российского баптизма (Я. Я. Винс, Р. А. Фетлер, Н. И. Пейсти), вынужденные опираться не на российские центры, связи с которыми нарушились, а сотрудничать с американскими единоверцами.

4. О том, что дальневосточные баптистские, евангельские объединения до 1925 г. «подчинялись непосредственно своим всемирным центрам через Харбин». Игнорируется тот факт, что евангельские христиане Дальнего Востока с 1920 г. составляли дальневосточный отдел ВСЕХ (Всероссийский союз евангельских христиан). Амурские баптисты в рамках Дальневосточного отдела ВСБ, а затем с 1921 г. – Дальневосточного Союза баптистов и приморские баптисты, оказавшиеся за рамками последнего, безусловно, так же, как и евангельские христиане, имели контакты с единоверцами за границей. Но нет никаких доказательств того, что ими «руководили» (что вообще весьма сомнительно, если учитывать баптистский принцип автономии поместных церквей).

¹⁸ Кандидов, Б. *Интервенция на Дальнем Востоке и роль сектантства (1918–1922 гг.)* / Б. Кандидов // *Безбожник*. – 1932. – № 13–14. – С. 9; *Об этом же: Клибанов, А. Классовое лицо современного сектантства* / А. Клибанов. – Л., 1928. – С. 39.

¹⁹ Клибанов, А. *Классовое лицо современного сектантства* / А. Клибанов. – Л., 1928. – С. 39.

²⁰ Кандидов, Б. *Японская интервенция в Сибири и церковь* / Б. Кандидов. – М., 1932. – С. 44; Ильюхов, Н. *Партизанское движение в Приморье. 1918–1920 гг.* / Н. Ильюхов, М. Титов. – Л., 1928. – С. 153–154.

²¹ Урсынович, С. *Религиозные и антирелигиозные движения на Советском Сахалине* / С. Урсынович // *Антирелигиозник*. – 1931. – № 11. – С. 14–27, 15.

²² Кандидов, Б. *Интервенция на Дальнем Востоке и роль сектантства (1918–1922 гг.)* / Б. Кандидов // *Безбожник*. – 1932. – № 13–14. – С. 8–9. *Стоит заметить, что антирелигиозники одинаково бичевали и милитаризм, и антимилитаризм религиозных организаций. См., например: Элиашевич, И. Религия и война* / И. Элиашевич, Н. Бойцов. – Л., 1930; Клибанов, А. *Классовое лицо современного сектантства* / А. Клибанов. – Л., 1928. – С. 36; Запороженченко, И. *Сектантское мракобесие на Дальнем Востоке* / И. Запороженченко // *Безбожник*. – 1933. – № 12. – С. 14–15.

²³ *Безбожник. Сектанты в Дальне-Восточном крае* // *Антирелигиозник*. – 1927. – № 8. – С. 27; Тихомиров, Б. *Баптизм и его политическая роль* / Б. Тихомиров. – М.; Л., 1929. – С. 15; Путинцев, Ф. *Кабальное братство сектантов* / Ф. Путинцев. – М.; Л., 1931.

Третий этап. В 1920–30-е гг. отечественные сектанты, заявляя о своей лояльности советской власти, поддерживают с западными единоверцами (в основном эмигрантами из России и Украины) тесные связи: продолжают получать литературу из США, Германии, выезжают к единоверцам за границу, принимают иностранных гостей^{24,25}. А. Клибанов писал: «...Мы можем сейчас с достоверностью сказать, что сектанты СССР состоят в самом “братском” союзе с западными сектантами и не только с сектантами, но и с капиталистами непосредственно. На международном съезде баптистов... баптисты не моргнув глазом сидели рядом с баптистами-белоэмигрантами...»²⁶. В 1930-е гг., когда нарастает угроза фашизма, историки вновь вспомнили и о «японской», и о «германской» опасности баптистов и евангельских христиан, посыпались обвинения в связях с теперь уже фашистской Германией и Японией²⁷. Б. Кандидов в этот период писал, что «религиозные организации на Дальнем Востоке оказывали и оказывают всяческое сопротивление мероприятиям советской власти... Церковники агитируют, что скоро будет война с Японией и призывают крестьян выписываться из колхозов... в среде духовенства и сектантских вожаков японские вербовщики-шпионы встречают благоприятную обстановку»²⁸.

Рассуждая об ответственности историка за тот материал, который он преподносит обществу, Б. Н. Миронов пишет: «Историки в значительной мере создают как историю страны, так и нацию. Именно они формируют понимание прошлого, заставляют людей забывать одни события и хорошо запоминать другие, воспитывают морально-культурные традиции, национальное самосознание и национальное достоинство»²⁹. Историки также конструируют в сознании читателей и ту современную им реальность, в которой они живут, этим и опасно социально-политическое мифотворчество. Акцентируя внимание исключительно на политическом и геополитическом аспектах деятельности указанных течений, умело создавая в угоду идеологическим установкам образ врага, нагнетая общественную истерию по отношению к тем элементам, существование которых было признано нежелатель-

ным, подводя «научную» основу под политические цели, историки-антирелигиозники в 1920–30-х гг. в какой-то мере влияли и на судьбы верующих. Их геополитические оценки нашли свое продолжение не только в историографии последующих лет советской власти, но и в обвинительных приговорах периода массовых репрессий.

Пик репрессий среди верующих евангельских христиан и баптистов на Дальнем Востоке пришелся на 1937–38-е гг. Из справки УГБ УНКВД по ДВК о контрреволюционной деятельности церковнослужителей и верующих за 1937 г. явствует, что «церковники и сектанты за последнее время распространяют злостные контрреволюционные, провокационные слухи... Ведут усиленную агитацию за отказ от службы в Красной Армии... Церковники и сектанты поддерживают организационные связи с зарубежными контрреволюционными бело-эмигрантскими организациями, под влиянием которых и иностранных разведок, проводят на территории ДВК антисоветскую деятельность и распространяют японофильские настроения»³⁰. Итак, основные пункты, по которым можно выносить обвинительный приговор, были сформулированы как молодой историко-политической наукой, так и органами власти. Среди них один из важнейших – «зарубежные связи» верующих. Подсчитать количество приверженцев евангельского христианства и баптизма, репрессированных за свои религиозные убеждения, непросто, так как не во всех приговорах отмечался религиозный аспект деятельности фигурантов дел. Только ознакомление с архивно-следственными делами репрессированных позволяет выявить подлинную картину трагедии.

Руководитель Дальневосточного союза баптистов П. Я. Винс, приехавший из США на Дальний Восток (Благовещенск) в 1926 г., отказавшийся от американского гражданства, ставший гражданином СССР, в 1930 г. был приговорен к трем годам лишения свободы по ст. 58-10 УК. Он был обвинен, кроме прочего, и в том, что он «поддерживал регулярную связь с заграничными сектантскими кругами, и, в частности, со своим отцом, не возвратившимся в СССР после поездки на международный

²⁴ Кандидов, Б. *Транспорт заграничной религиозной литературы в РСФСР в годы Гражданской войны* / Б. Кандидов // *Атеист*. – 1930. – № 49. – С. 8–9.

²⁵ Ярцев, А. *Секта евангельских христиан* / А. Ярцев. – М., 1928. – С. 48; Путинцев, Ф. *Кабальное братство сектантов* / Ф. Путинцев. – М.; Л., 1931. – С. 7–8.

²⁶ Клибанов, А. *Классовое лицо современного сектантства* / А. Клибанов. – Л., 1928. – С. 76–77.

²⁷ Кандидов, Б. *Сектантская контрреволюция и шпионаж* / Б. Кандидов // *Безбожник*. – 1937. – № 9. – Сентябрь. – С. 3–4; Кандидов, Б. *Религиозные организации как агентура японского империализма* / Б. Кандидов // *Антирелигиозник*. – 1937. – № 7. – С. 34–35.

²⁸ Кандидов, Б. *Религиозные организации как агентура японского империализма* / Б. Кандидов // *Антирелигиозник*. – 1937. – № 7. – С. 34.

²⁹ Миронов, Б. Н. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*: в 2 т. / Б. Н. Миронов. – Т. 1. – СПб., 2003. – С. 15.

³⁰ *Религия и власть на Дальнем Востоке России: сборник документов Государственного архива Хабаровского края*. – Хабаровск, 2001. – С. 200–201; ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 10. Д. 253. Л. 104–107.

баптистский конгресс в 1928 г.»³¹. Второй раз он был арестован в 1936 г. К материалам следственного дела была приобщена следующая «изобличающая» информация: «Винс П. Я. прибыл в СССР в 1926 г. как посланец Германо-Американского баптистского миссионерского общества и содержался в ДВК на средства этого общества. В 1918 г. белогвардейскими организациями в Америке были организованы специальные русские библейские курсы для подготовки проповедников для СССР. Винс на этих курсах учился в 1918–1919 гг., после чего окончил в Америке высшую богословскую школу и для практики руководил русскими белогвардейскими сектами баптистов в Детройте и Питсбурге в Америке. В пути из Америки Винс останавливался в Японии и пробыл месяц в Харбине (Манчжурия), где связался с белогвардейскими руководителями баптистов за границей – Осиповым и др.». Не забыли составители этого следственного дела и упомянуть о том, что «отец Винса Петра, Яков Яковлевич Винс, в 1919 г. прибыл из Америки на Дальний Восток одновременно с американскими оккупационными войсками, где руководил дальневосточным Союзом баптистов до освобождения Дальнего Востока от интервентов, после чего уехал в Харбин. Спустя три года Винс Я. Я. вернулся снова в СССР и руководил ДВ баптистским союзом до 1928 г., после чего выбыл в Америку, передав руководство союзом своему сыну Петру Винсу»³². П. Винс был обвинен в том, что «по прибытии в Омск с июня 1935 г. возглавил руководство по организации контрреволюционных кадров баптистов на борьбу с Советской властью и помощи интервентам на случай войны. С этой целью совместно со своими единомышленниками, также активными деятелями, прибывшими из ДВК: Мартыненко, Клименко и др., систематически в течение 1935–36 гг. вел контррев. пораженческую пропаганду среди баптистов»³³. По групповому делу вместе с Винсом проходили еще десять человек верующих, в материалах обязательно отмечалось, если они имели родственников за границей³⁴. Два фигуранта, П. Я. Винс и А. П. Мартыненко, были приговорены в августе 1937 г. к высшей мере наказания, остальные – к десяти годам лишения свободы³⁵. Петр Михайлович Жариков, один из деятелей

Благовещенской общины баптистов, был арестован и приговорен тройкой УНКВД по ДВК в октябре 1938 г. к «расстрелу с конфискацией лично ему принадлежащего имущества за то, что являлся активным участником контрреволюционной сектантской организации и занимался шпионажем в пользу немецкой и японской разведок»³⁶. Из 15 служителей Дальневосточного союза ЕХБ (на 1927 г.) репрессии пережили только трое, один из них – уехавший из СССР Я. Я. Винс³⁷. В разгар репрессий хабаровский «Пропагандист-агитатор» в 1938 г. сообщал: «У нас на ДВК во Владивостоке слушалось дело Владивостокской общины евангелистов, причем, было установлено, что председатель дальневосточного отделения евангелистов и его заместитель имели связь с японскими разведчиками в Харбине, передавали “руководителю” харбинской общины евангелистов сведения об СССР...»³⁸.

В 1937–38 гг. сектанты Сахалина в основном проходили по групповым делам, приговаривались к высшей мере наказания либо к десяти годам лишения свободы. Накануне Второй мировой войны просто «японофильская агитация» трансформируется в «контрреволюционную пораженческую агитацию». Из обвинительного заключения по делу И. Г. Тимочкина, И. Ф. Миронова, А. Л. Юртаева за подписью комбрига Дрекова в марте 1938 г.: «...Рассмотрев материалы следственного дела ... установил, что Тимочкин И. Г. происходил из семьи кулаков, Миронов И. Ф. происходит из семьи служителя культа, Юртаев А. Л. в прошлом был за границей – в Германии. Проживая в Пильво, указанные выше лица организовали секту евангелистов, занимались контрреволюционной, пораженческой и антисоветской агитацией, направленной против мероприятий партии и правительства»³⁹. Свидетельские показания, приобщенные к данному делу, отмечали: «Тимочкин говорил, что ... весной придет в Пильво японец... установит нам власть такую, которая нам нужна, при которой мы будем жить, а не мучиться, как мы мучаемся в этой советской власти. Тимочкин говорил, что у нас люди ходят холодные и голодные, наша техника никуда не годная...»⁴⁰; «Тимочкин И. говорил, что Советская власть для нас не нужна, эта

³¹ Из материалов дела Р-33960. Заключение // Винс Г. Тропою верности. – 3-е изд. – СПб., 1997. – С. 277.

³² Обвинительное заключение // Винс Г. Тропою верности. – 3-е изд. – СПб., 1997. – С. 280–281.

³³ Там же. – С. 284–285.

³⁴ Там же. – С. 287.

³⁵ Протест (в порядке надзора). По делу Винс П. Я., Мартыненко А. П., Масленок П. И. // Винс Г. Тропою верности. – 3-е изд. – СПб., 1997. – С. 291.

³⁶ Ответ Федеральной службы безопасности на имя Базанян (Жариковой) Виргинии Петровны // Винс Г. Тропою верности. – 3-е изд. – СПб., 1997. – С. 293–294.

³⁷ Подсчитано по: Винс, Г. Тропою верности. – 3-е изд. – СПб., 1997. – С. 301.

³⁸ Чуткерашвили, Е. Церковники и сектанты на службе иностранных разведок / Е. Чуткерашвили // Пропагандист-агитатор. – Хабаровск, 1938. – № 1. – С. 40–45.

³⁹ Государственный исторический архив Сахалинской области (ГИАСО). Ф. 1174. Оп. 2. Д. 1938. Л. 31.

⁴⁰ ГИАСО. Ф. 1174. Оп. 2. Д. 1938. Л. 2.

власть нужна для коммунистов, нам нужна другая власть, при которой мы лучше жили б. Вот раньше мы жили, у нас все было и всего хватало. И дольше говорит: вот братья и сестры, весной придет японец... и будет выгонять коммунистов, а мы японцам должны помогать и завоевать себе другую власть»⁴¹. Согласно постановлению тройки УНКВД от 16 марта 1938 г., «за организацию секты евангелистов и пораженческую контрреволюционную агитацию» они были приговорены к расстрелу, а имущество, лично им принадлежащее, должно было быть конфисковано⁴².

В деле по обвинению Д. В. Овчарова, Н. М. Сухоруковой, Е. И. Никитиной, П. Ф. Хаценко, В. М. Авериной имелись такие свидетельские показания: «Овчаров читает библию и... систематически проводит антисоветскую агитацию. Как-то в июне 1937 г. на собрании баптистов в пос. Дамир Овчаров агитировал баптистов не подписываться на заем, так как эти деньги пойдут на зарплату антихристам (подразумевал коммунистов), тут же восхвалял фашистскую Германию, говоря вот я был в плену в Германии и знаю, что там крестьянам живется лучше, чем в СССР, там нет никаких колхозов, каждый сам себе хозяин что хочет, то делает»⁴³. О контрреволюционной пораженческой агитации Овчарова свидетели сообщали: «В январе м-це 1938 г. число точно не помню у меня на квартире в беседе с Овчаровым последний мне сказал, что сейчас Германия заключила договор с Японией о совместной борьбе против С. Союза и скоро пойдет войной на СССР и победит, потому что такие страны как Германия и Япония самые сильные в военном отношении не то, что СССР»⁴⁴. Абсолютно такие же свидетельские показания были подготовлены и в отношении других верующих-фигурантов по этому делу. Тройка УНКВД по ДВК от 31 марта 1938 г. постановила всех фигурантов дела «расстрелять, имущество, лично принадлежащее осужденному, конфисковать»⁴⁵.

Показательным было дело по обвинению немцев-меннонитов⁴⁶ Ф. Ф. Валл, Г. Б. Фризен и др. в количестве 23 человек. В 1938 г. Сахалинским областным управлением НКВД в порядке операции по немцам была «вскрыта контрреволюционная шпионско-диверсионно-повстанческая организация, ставившая своей целью шпионаж в пользу

Японии, распространение среди населения пораженческих настроений в предвоенный период, диверсионные акты на промышленных предприятиях острова, а в момент возникновения войны Японии с СССР – вооруженное восстание с целью оказания помощи японцам в захвате советского Сахалина»⁴⁷. Немцы (из Сибири и Дальнего Востока) приехали на Сахалин на рубеже 20–30-х гг., по версии следственных органов, вслед за неудачной попыткой перейти границу в Амурской области, где они обосновались за несколько лет до этого. «Немцы, имея цель перебраться в Америку, оседали по границам СССР, одним из таких пунктов была Амурская область и Сахалин»⁴⁸. «Проживая в Арково немецменнонит Валл в 1932 г. по заданию японской разведки... создал из числа немцев ШДПО»⁴⁹. Все 23 человека были приговорены к десяти годам лишения свободы, четверо – к расстрелу⁵⁰.

Итак, марксистская методология, исключительный приоритет теории об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму привели к тому, что в советский период создаются исторические работы скорее политического, чем научного, характера. Повышенная эмоциональность, суровые оценочные суждения в работах антирелигиозников того периода объяснялись и тем, что писались они по следам исторических событий, потрясавших страну, в условиях чрезвычайно политизированного общества, в геополитических условиях необходимости выживания советской страны в условиях капиталистического окружения. Следствием того, что история стала служебной наукой, стало мифотворчество первых советских исследователей религии. Значительная часть этих мифов была связана именно с геополитическим аспектом деятельности евангельских христиан и баптистов, что особенно актуальным было на отдаленном и пограничном Дальнем Востоке. Создавая «научную» основу для борьбы с религией в целом и сектантством в частности, советская историческая наука тем самым объясняла, оправдывала и легитимировала репрессии, развернувшиеся в 30-е гг., жертвами которых стали тысячи верующих, несмотря на провозглашенную свободу совести и на то, что советское уголовное право никогда не предусматривало ответственности за религиозные убеждения.

⁴¹ ГИА СО. Ф. 1174. Оп. 2. Д. 1938. Л 3 (об).

⁴² ГИА СО. Ф. 1174. Оп. 2. Д. 1938. Л. 35–40.

⁴³ ГИА СО. Ф. 1174. Оп. 2. Д. 2331. Л. 4–5.

⁴⁴ ГИА СО. Ф. 1174. Оп. 2. Д. 2331. Л. 7.

⁴⁵ ГИА СО. Ф. 1174. Оп. 2. Д. 2331. Л. 55–64.

⁴⁶ *Этноконфессиональное евангельское течение.*

⁴⁷ ГИА СО. Ф. 1174. Оп. 2. Д. 2425. Л. 1.

⁴⁸ ГИА СО. Ф. 1174. Оп. 2. Д. 2425. Л. 47.

⁴⁹ ГИА СО. Ф. 1174. Оп. 2. Д. 2425. Л. 2.

⁵⁰ ГИА СО. Ф. 1174. Оп. 2. Д. 2425. Л. 32–43, 154.

Н. В. Попова,
кандидат исторических наук, доцент кафедры российской и всеобщей истории
Института истории, социологии и управления СахГУ,
М. В. Кузмищева,
кандидат исторических наук, доцент кафедры российской и всеобщей истории
Института истории, социологии и управления СахГУ

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НА САХАЛИНЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (40–60-е гг. XX в.)

В настоящее время сахалинская энергосистема включает в себя Центральный энергорайон и два изолированных энергоузла – Охинский на севере области и Новиковский на юге. В составе Центрального энергорайона работают генерирующие мощности ОАО «Сахалинэнерго».

«Сахалинэнерго» – дочернее зависимое общество «РАО ЭС Востока» и крупнейший поставщик электрической энергии в Сахалинской области. В настоящее время «Сахалинэнерго» осуществляет централизованное электроснабжение 18 из 23 административных образований Сахалинской области, а также теплоснабжение г. Южно-Сахалинска и п. Восток. Общество объединяет в себя пять структурных подразделений с количеством работающего персонала более 3,5 тыс. чел., что составляет 8 % от общего числа работающих в промышленности острова и более половины занятых в энергетике. Основными генерирующими источниками являются две теплоэлектростанции – Сахалинская ГРЭС (установленная мощность – 300 МВт) и Южно-Сахалинская ТЭЦ-1 (установленная мощность – 225 МВт). Обе станции работают на угле, Южно-Сахалинская ТЭЦ-1 частично переведена на газ. Кроме того, в Центральном энергорайоне функционируют Ногликская ГТЭС с установленной мощностью 48 МВт и ряд малых блок-станций. На севере острова автономно функционирует Охинская ТЭЦ. До 2007 г. она являлась дочерним акционерным обществом ОАО «Сахалинэнерго», сейчас принадлежит ОАО «НК Роснефть». Это пока единственная электростанция, работающая полностью на газе. На юге энергоснабжение изолированного Новиковского района осуществляет Новиковская ДЭС с установленной мощностью 4 МВт.

Транспортировку электро- и теплоэнергии осуществляют филиал «Распределительные сети» и ОП «Тепловые сети», энергосбытовой деятельностью занимается ОП «Энергосбыт».

История сахалинской энергетики берет свое начало в 1946 г., когда был образован трест «Сахалинэлектросеть» при областном коммунальном отделе, который объединил в себя все функционировавшие электросети области. В первые послевоенные месяцы Гражданское управление острова приступило к восстановлению хозяйства, разрушенного войной. Энергоснабжение предприятий и населения осуществлялось уцелевшими электростанциями, расположенными в основном на целлюлозно-бумажных заводах юга острова, а также энергоустановках, обеспечивавших работу шахт. Как следует из справки начальника Гражданского управления Южного Сахалина Д. Крюкова, в конце 1945 г. на территории бывшего Карафута функционировало 24 средних и мелких электростанций общей мощностью 118052 кВт¹. Данные экономического обзора районов Южного Сахалина, составленного на 1 ноября 1945 г., позволяют говорить о деятельности следующих предприятий, производивших электроэнергию: две электростанции мощностью 4120 кВт были расположены в Тойохаре, три мощностью 9000 кВт – в г. Отиай, две мощностью 9800 кВт – в г. Сиритору, две мощностью 8200 кВт – в г. Сикука, одна мощностью 2500 кВт – в г. Хонто, две электростанции мощностью 5800 кВт – в г. Маока, одна мощностью 4500 кВт – в г. Томариору, пять электростанций мощностью 2000 кВт – в г. Эсутору². В течение второй половины 1945-го – начале 1946-го г. в рамках тотальной национализации предприятий бывшего Карафута на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 февраля 1946 г. было объявлено «национализированным все электрохозяйство Южного Сахалина, ранее принадлежавшее японскому Акционерному Обществу “Электрокомпания Южного Сахалина” и включавшее 24 станции, 281 км электропередач и 993 км высоко- и низковольтных электролиний»³. Тогда же был образован трест «Сахалинэлектросеть».

¹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1854. Л. 12–16.

² ГИАССО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–10.

³ ГИАССО. Ф. 171. Оп. 3. Д. 3. Л. 109.

Постепенно начинается восстановление работы старых электростанций, а также ведется прокладка линий электропередачи от Южно-Сахалинска в ближайшие города и поселки – Корсаков, Долинск, Ново-Александровск⁴. К концу 1946 г. в энергетическом хозяйстве Южного Сахалина действовало 26 энергопредприятий суммарной мощностью 60000 кВт, что составляло не более 50 % от их установленной мощности. Работа по налаживанию энергоснабжения предприятий и населения острова проходила крайне медленно и затруднялась дефицитом финансов, квалифицированных кадров и необходимого технического оборудования.

Из справки о состоянии энергохозяйства и энергоснабжения Сахалина, составленной 30 сентября 1946 г. инженером Гражданского управления П. Ермаковым, следует, что основное энергетическое оборудование (паротурбины и паровые котлы), «несмотря на год работы советских хозяйственников, угольщиков и бумажников, не приведены в порядок. Электростанции бумкомбинатов и шахт не укомплектованы советскими руководящими кадрами и техническим персоналом»⁵. Он также отмечает острый дефицит электроэнергии в центральной части острова – Поронайске и Макарове, где электростанции значительно пострадали от военных действий, но так и не были восстановлены.

Деятельность сахалинской администрации по восстановлению энергоснабжения острова ведется в нескольких направлениях: привлечение в электроэнергетику острова мобилизованных кадров, решение проблемы дефицита топлива путем увеличения добычи угля на сахалинских шахтах, а также активное привлечение к восстановительным работам военнослужащих Дальневосточного военного округа. При активном участии военных инженеров и солдат ДВО в течение 1947 г. ведутся работы по прокладке линий электропередачи – прорубаются просеки, идет установка опор, монтаж оборудования⁶.

Дефицит электроэнергии на острове неуклонно возрастал и к концу 40-х гг. составлял не менее 40000 кВт. Как следует из переписки исполкома Сахалинского областного совета депутатов и трудящихся с Совмином РСФСР, Госпланом и министерствами, «очевидно, что на прежних мощностях об экономическом развитии острова не

может быть и речи ввиду постоянного дефицита электроэнергии. Спасти ситуацию может только создание нового энергетического объекта»⁷. Поэтому в начале 50-х гг. по настоятельной просьбе руководства Сахалинской области советским правительством принимается решение о начале работы по строительству новой электростанции на острове. Реализация этого проекта должна была решить две основные проблемы: во-первых, устранить дефицит электроэнергии, во-вторых, создать на Сахалине единую энергетическую систему для стабильного развития области. На основании принятых решений в период 1950–1956 гг. в южной и центральной частях острова были проведены подробные исследования с целью выбора площадки под строительство будущей станции. Все изыскательские и расчетные работы проводились специалистами Новосибирского отделения Всесоюзного государственного института промышленного проектирования⁸. Было обследовано несколько вероятных площадок для строительства энергообъекта:

- долина рек Нетуй, Горянка и побережье близ п. Лермонтовка;
- долина реки Найба в районе п. Быков;
- район п. Взморье и прилегающее побережье.

Исследовательские работы проводились по изучению следующих показателей: температура воды, плотность, соленость, химический состав; ледовый режим побережья; уровень осадков; ветровой режим; изменение уровня воды в реках; промерзание почвы⁹.

Спустя два года после завершения изыскательских работ, в июле 1958 г. сотрудниками Института промышленного проектирования начинается работа по разработке проектной документации для строительства станции, которая была завершена к декабрю того же года. Местом строительства была выбрана площадка в районе п. Лермонтовка. Общая стоимость проекта строительства ГРЭС составила 7 млн. 150 тыс. руб.¹⁰. Проектная мощность составляла 300 тыс. кВт с установкой шести турбогенераторов по 50 тыс. кВт и шести котлов¹¹. В качестве топлива для ГРЭС были приняты бурые угли Лермонтовского месторождения, где с целью удешевления топлива предполагалось создание угольного разреза, а также рассматривалась возможность сжигания

⁴ ГИА СО. Ф. 628. Оп. 1. Д. 4. Л. 27–30.

⁵ ГИА СО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 32. Л. 10–11.

⁶ ГИА СО. Ф. 628. Оп. 1. Д. 4. Л. 140–150.

⁷ ГИА СО. Ф. 53. Оп. 7. Д. 141. Л. 6.

⁸ ГИА СО. Ф. 53. Оп. 7. Д. 198. Л. 1–3.

⁹ Там же. – Л. 4.

¹⁰ ГИА СО. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

¹¹ Там же. – Л. 2.

угольной мелочи с обогатительных фабрик шахт «Долинская» и «Южно-Сахалинская». Срок строительства ГРЭС был определен в шесть лет. Предполагалось, что мощности новой электростанции обеспечат не только покрытие дефицита энергии, но и покрытие всех промышленных и бытовых энергонагрузок до 1970 г.¹² В том же году была сделана смета на строительство жилого поселка для проживания сотрудников станции и их семей, полная стоимость которого составила 14 млн. руб.¹³

Руководство Сахалинской области связывало с реализацией данного проекта большие надежды и ожидало скорейшего начала строительства ГРЭС. Однако вопреки ожиданиям сахалинцев средства на строительство станции начинают выделяться только в 1961 г. Объяснение этому находится в письме Председателя Совмина СССР Н. С. Хрущева на имя Первого секретаря областного комитета партии Ф. Козлова о том, что «проектно-сметная документация нуждается в серьезной доработке»¹⁴. В то же время ситуация на предприятиях треста «Сахалинэлектросеть» на протяжении 50-х гг. только ухудшалась, что было связано прежде всего с износом оборудования и невозможностью его реконструкции (в подавляющем большинстве это были японские котлоагрегаты). Дефицит электроэнергии возрастал с каждым годом. Не помогало и «латание дыр» – частичная замена оборудования на предприятиях треста. Так, на Корсаковской ГЭС в 1956–1958 гг. обновили три паровых котла, приняв на вооружение отечественное оборудование производства Брянского машиностроительного завода, а также произвели замену одного электрогенерирующего агрегата производства Калужского турбинного завода¹⁵.

Как следует из годовых отчетов треста, к концу 50-х гг. в его составе насчитывалось 13 объектов энергетики. На предприятиях использовались морально устаревшие и имевшие большой физический износ котлоагрегаты японской фирмы «Асикава-Дзима» 1935 года постройки, а также английского производства – фирмы «Томсон-Таусдон» 1911 года выпуска и немецкой «Вестенгард» 1898 года¹⁶. Численность персонала треста составляла около 500 чел. По-прежнему в его составе находились электростанции, расположен-

ные на территории целлюлозно-бумажных комбинатов и принадлежавшие тресту «Упрбумпром» (таковых насчитывалось девять), а также электростанции, находящиеся в ведении комбината «Сахалинуголь», «Сахалиннефть», «Сахалинское морское пароходство». Мощность электростанций колебалась от 3 до 20 тыс. кВт. Эти предприятия давали до 96 % производимой электроэнергии. Остальная часть производилась мелкими электростанциями, где энергия вырабатывалась дизель-генераторами и локомотивами¹⁷. Кроме того, электроснабжение предприятий и населенных пунктов острова осуществляли энергопоезда, расположенные в Корсакове, Александровске и Тымовске¹⁸. Единая энергосистема отсутствовала. Себестоимость электроэнергии на Сахалине была в среднем в семь раз выше, а топлива на ее производство расходовалось в три раза больше, чем в СССР. В конце 50-х гг. на севере острова началось строительство Охинской ТЭЦ – самой крупной электростанции Северного Сахалина, работающей на газе. В 1961 г. начал работать ее первый турбогенератор мощностью 6 тыс. кВт. Два года спустя, мощность Охинской ТЭЦ достигла 18 тыс. кВт. Но это не поменяло ситуацию.

В начале 1961 г. на организацию работ по строительству ГРЭС начинают поступать на остров первые деньги. В этой связи 1 января того же года организуется строительное управление Южно-Сахалинской ГРЭС треста «Дальэнергострой», которое осуществляет основные работы. Также на работах по строительству пускового комплекса принимали участие субподрядные организации: Вахрушевский монтажный участок монтажного управления «Дальэнергомонтаж» и специализированный монтажный участок управления «Дальспецэнергомонтаж»¹⁹. В феврале того же года начинаются работы по строительству первого блока электростанции²⁰. Для рабочих и сотрудников возводимой станции начинается строительство жилья: в 1962–1964 гг. построено 22 двухэтажных деревянных восьмиквартирных дома барачного типа без водопровода и канализации с печным отоплением, 18 трехэтажных тридцатиквартирных благоустроенных домов и шесть общежитий. Также возводятся столовая на 100 мест, пекарня, баня, прачечная, больница, клуб, школа на

¹² ГИА СО. Ф. 53 «С». Оп. 7. Д. 141. Л. 16.

¹³ ГИА СО. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 2. Л. 74.

¹⁴ ГИА СО. Ф. 53 «С». Оп. 7. Д. 141. Л. 19.

¹⁵ ГИА СО. Ф. 628. Оп. 1. Д. 4. Л. 49–50.

¹⁶ ГИА СО. Ф. 628. Оп. 1. Д. 23. Л. 33–35.

¹⁷ ГИА СО. Ф. 628. Оп. 1. Д. 251. Л. 12.

¹⁸ Там же. – Л. 24.

¹⁹ ГИА СО. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 24. Л. 2–3.

²⁰ ГИА СО. Ф. 628. Оп. 1. Д. 263. Л. 22.

520 мест и сад-ясли на 140 мест²¹. В 1965 г. в долине р. Горянка в пяти километрах от ГРЭС начинается возведение пионерского лагеря «Юный энергетик»²².

Тем временем произошли некоторые изменения в системе управления сахалинской энергетикой. В 1962 г. районное управление «Сахалинэлектро» было переименовано в районное энергетическое управление «Сахалинэнерго» и передано из управления Сахалинского совнархоза в ведение Министерства энергетики и электрификации РСФСР²³. В процессе передачи предприятий нового управления возникли проблемы, связанные с невозможностью переподчинения некоторых из них новой структуре. Так, Сахалинский совнархоз мог передать в ведение РЭУ «Сахалинэнерго» только предприятия, не связанные с технологией и производством. Это означало, что крупные электростанции, работающие при целлюлозно-бумажных комбинатах, а также Охинская ТЭЦ не могли выйти из подчинения совнархоза. В итоге в состав «Сахалинэнерго» вошли 13 предприятий, суммарная производственная мощность которых составляла не более 47 тыс. кВт (в то время, как мощность одной Охинской ТЭЦ была более 18 тыс. кВт)²⁴. Это фактически обескровило энергетическую отрасль Сахалина. Ситуация начала меняться, когда в 1964 г. принимается решение о передаче в ведение «Сахалинэнерго» всех предприятий, ранее находившихся в подчинении бумажной промышленности Дальневосточного совнархоза, а также электростанций и сетей, прежде находившихся в управлении комбината «Сахалинуголь»²⁵.

Строительство Сахалинской ГРЭС было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Для сахалинцев возведение энергообъекта такой мощности представлялось первоочередным делом. Все ресурсы области были направлены на реализацию этой задачи. На региональном совещании по развитию производительных сил Дальнего Востока, состоявшемся в апреле 1962 г., первый секретарь обкома КПСС П. А. Леонов в своем докладе указал на необходимость создания единой энергетической системы Сахалина, которая должна стать залогом для развития всех отраслей островной экономики. При этом он отметил, что

«значительные финансовые затраты, предусмотренные для этой цели, окупятся менее чем за три года, а себестоимость электроэнергии снизится примерно в восемь раз»²⁶.

Руководство области внимательно следило за ходом выполнения работ на важнейшем энергетическом объекте семилетия, постоянно подгоняя строителей. В постановлении бюро Сахалинского обкома партии «О вводе в действие первого турбоагрегата Южно-Сахалинской ГРЭС» от 15 июля 1965 г. указывалось, «считать важнейшей задачей партийных организаций, руководителей и коллективов строительных и монтажных управлений области безусловное выполнение задачи ввода в действие в 1965 г. первого турбоагрегата ГРЭС, линий электропередачи ГРЭС – Южно-Сахалинск и ГРЭС – Поронайск и обеспечения передачи электроэнергии в города Поронайск и Южно-Сахалинск»²⁷.

Первый ток на Сахалинской ГРЭС был получен 28 декабря 1965 г., а 8 февраля 1966 г. заместитель министра по энергетике и электрификации СССР К. Лаврененко подписал акт приема в эксплуатацию пускового комплекса энергоблока № 1 Сахалинской ГРЭС, мощность которого составила 50 тыс. кВт²⁸. В июне 1965 г. началось строительство энергоблока № 2, который был сдан в эксплуатацию 30 ноября 1966 г. В октябре 1966 г. началось строительство третьего энергоблока, акт о его приеме в эксплуатацию был подписан в сентябре 1967 г.²⁹. Установленная мощность ГРЭС в 1967 г. составила 158 тыс. кВт. Численность персонала насчитывала почти 680 чел.³⁰. Однако спешка, с которой осуществлялось строительство станции, негативно сказалась на качестве возводимого объекта. Так, в пояснительной записке к годовому отчету за 1966 г. директор Сахалинской ГРЭС Г. Г. Пасечников отмечал «существенные недостатки и упущения вследствие некачественного выполнения строительных и монтажных работ, упущений в проекте и неправильной эксплуатации оборудования»³¹. Замечания другого плана есть в заключении технического инспектора Облсовпрофа Г. Г. Топольского, прилагаемого к Акту приема энергоблока № 2. Он, в частности, отмечал «низкий уровень обеспеченности эксплу-

²¹ ГИА СО. Ф. 628. Оп. 1. Д. 354. Л. 256.

²² Там же. – Л. 283.

²³ Там же. – Оп. 1. Д. 257. Л. 10.

²⁴ ГИА СО. Ф. 628. Оп. 1. Д. 257. Л. 92.

²⁵ Там же. – Д. 301. Л. 122–158.

²⁶ ГИА СО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–21.

²⁷ ГИА СО. Ф. 4. Оп. 84. Д. 52. Л. 17.

²⁸ ГИА СО. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

²⁹ ГИА СО. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.

³⁰ Там же. – Д. 13. Л. 205–214.

³¹ Там же. – Л. 276.

атационного персонала ГРЭС, который составлял не более 30 % от нормы, а также острый дефицит жилья и объектов инфраструктуры. Степень готовности таких важных объектов, как больница, детский сад, не превышала 50 %³².

С 1968 г. электроэнергия, произведенная на ГРЭС, начинает поступать через трансформаторы по установленным линиям электропередачи в Поронайск, Гастелло, Южно-Сахалинск. Тепловая энергия, вырабатываемая на станции, была направлена на обеспечение п. Восток (для этих целей был протянут трубопровод длиной в два километра до поселка, все здания и сооружения были переведены на паровое отопление)³³. Основным видом топлива, потребляемым котлоагрегатами ГРЭС, был уголь Вахрушевского месторождения, ежегодный расход которого достигал 275 тыс. тонн. В гораздо меньших объемах использовался уголь, добываемый на предприятиях Приморья (около 8 тыс. тонн)³⁴. Численность работающих на станции составляла 755 чел. Если сравнить по основным технико-

экономическим показателям Сахалинскую ГРЭС с другими электростанциями Дальнего Востока, Забайкалья и Крайнего Севера, действовавших в конце 60-х гг., то по объемам выработки электроэнергии ведущие позиции занимали предприятия, входившие в состав «Дальэнерго»: Артемовская ГРЭС (2.039.000 кВт/ч), Сучанская ГРЭС (1.311.000 кВт/ч). Замыкала тройку крупнейших предприятий Хабаровская ТЭЦ-1, входившая в состав «Хабаровскэнерго» (1.308.000 кВт/ч). Сахалинская ГРЭС по основным показателям значительно уступала крупнейшим энергопроизводителям (345.000 кВт/ч), но при этом входила в пятерку крупнейших предприятий Дальнего Востока³⁵.

Таким образом, к концу 60-х гг. на Сахалине удалось решить одну из важнейших экономических задач – ликвидацию дефицита электроэнергии, а строительство и начало ввода в действие первых мощностей Сахалинской ГРЭС стали прочной основой для создания единой островной энергетической системы.

³² ГИА СО. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 25. Л. 15.

³³ ГИА СО. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 31. Л. 8.

³⁴ Там же. – Д. 13. Л. 139.

³⁵ ГИА СО. Ф. 628. Оп. 1. Д. 459. Л. 81.

Т. П. Роон,
кандидат исторических наук,
директор Сахалинского областного краеведческого музея

МУЗЕЙНЫЙ МИР САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ: ИДЕНТИЧНОСТЬ И НОВЫЕ КОНЦЕПТЫ

Подчиняясь объективным общественно-политическим законам, музеи зеркально отражают состояние общества, повторяют неравномерность его развития. Как любое общественное явление, музей подвержен новациям и трансформациям. Демократизация общественной жизни, отказ от «идеологических штампов», бурное развитие региональных научных знаний позволили работникам сахалинских музеев выехать за пределы региона, оглядеться и увидеть новые концептуальные подходы в деятельности музеев в других регионах и странах. Более того, знакомство с опытом работы музеев других стран стало отправным в сравнительном анализе деятельности государственных и муниципальных музеев Сахалинской области.

В настоящее время в нашей стране происходят значительные структурные и функциональные изменения деятельности музеев. В стране наблюдается рост музеев, которые становятся центрами коммуникации разной аудитории, зачинателями культурно-образовательного движения и площадками для внедрения инновационных технологий в свою практику.

Состояние музеев в Сахалинской области

Несмотря на административную реформу, экономика и менеджмент отечественных музеев функционируют в прежнем режиме государственных дотаций. Отчасти эта модель «модернизированной» госзадачей. Некоторые общественные и частные фонды финансируют программы и музейные проекты. В настоящее время формируется Программа развития культуры Сахалинской области до 2018 года.

Музейный мир островного края в том виде, в котором мы его сегодня воспринимаем, отражает время советского и постсоветского периодов. В Сахалинской области 18 музеев, из них четыре государственных в ведении Министерства культуры Сахалинской области и 14 муниципальных. В учреждениях общего и профессионального образования имеется 54 музея (музейные комнаты), в учреждениях разной ведомственной принадлежности – семь музеев ограниченного доступа, а также частные коллекции – галерея художника Гиви Манткава, «Музей медведя» в г. Южно-Сахалинске. Тематика островных музеев по

большей мере однообразна: 15 краеведческой направленности, один военно-исторический музей (боевой славы) в п. Смирных, один государственный художественный, два государственных литературных, посвященных поездке А. П. Чехова на Сахалин.

В 2002 году по приказу начальника департамента образования, культуры и спорта Сахалинской области семь филиалов Сахалинского областного краеведческого музея утратили этот статус и стали самостоятельными районными музеями. За десятилетие самостоятельной деятельности практически все муниципальные музеи стали тематически однообразными, то есть краеведческими. Так, реконструкции «комнаты переселенца 1950-х годов», появившейся когда-то в областном краеведческом музее, или «русское чаепитие» сегодня можно увидеть почти во всех муниципальных музеях. Был хороший музей «Фауны моря» в Холмске – сегодня не осталось даже названия «музей», а только культурный центр. Большинство районных музеев размещаются в приспособленных зданиях, в подвальных помещениях с устаревшим оборудованием. Поверхностные и оформленные подручными средствами экспозиции свидетельствуют о том, что роль музеев в культурной жизни районов незначительна, они не востребованы населением, не интересны местному сообществу и местному самоуправлению.

Карта музейного мира Сахалинской области демонстрирует инфраструктурную неразвитость, тематическое однообразие, технологическую и кадровую отсталость, несформированную музейную среду, которая в существующем виде абсолютно неинтересна жителям Сахалинской области.

Весь клубок затяжного кризиса музейной сферы перешел в наследство из прежних лет, когда отсутствовал системный подход к развитию музеев и над деятельностью давила идеологическая советская доктрина. До настоящего времени музеи не привлекательны для работы талантливой молодежи в силу разницы между высокоинтеллектуальным трудом и низкой его оплатой. В музейной сфере Сахалинской области работают чуть более 150 человек, из них всего 30 % работников с высшим образованием и еще меньше со специальными научными знаниями, всего два специалиста с ученой степенью кандидата историче-

ских наук. Некомпетентность кадров порождает тематическое однообразие экспозиций, выставок, мероприятий. Поэтому некоторые библиотеки выполняют роль районных лидеров, которые часто берут на себя и несвойственные им музейные функции, устраивая выставки старинных предметов и фотографий, принесенных читателями. Тем самым библиотекари привлекают школьников и местное население.

Музеи и идентичности Сахалинской области

В сложившихся условиях одна из важных задач музеев, особенно муниципальных, – неповторимыми образами сформировать музейную среду в первую очередь для жителей Сахалинской области, найти свое особое место в культурной сфере района, осознать свою идентичность в разноплановых особенностях Сахалинской области.

В различных уголках Сахалина и Курильских островов существуют свои особенные черты в природных ресурсах, в исторических аспектах и культурных достопримечательностях. Музей с его уникальными подлинными источниками – коллекциями может стать отражением таких неповторимых черт территории, знаковой системой для распознавания характерных образов. В современных условиях для каждого музея важно обрести свою неповторимую идентичность и не быть похожим на другие музеи и учреждения островного региона ни экспозиционно, ни культурными мероприятиями. Важно, чтобы музеи стали тематически разнообразными, как разные пазлы, составляющие в итоге общую картину уникальностей нашего края.

Сахалинским музеям необходима модернизация – обновление внешнее и внутреннее с известной долей специализации. Музейный мир Сахалинской области должен обрести новые формы представления естественно-исторических процессов природы и общества.

Например, Сахалинский областной краеведческий музей начал свою модернизацию в 2005 году. Этому предшествовала напряженная работа по определению вектора развития и новых концептов, отличных от областных музеев Дальневосточного региона. Тогда впервые была разработана долгосрочная программа развития музея. Опираясь на мировой опыт, в музее была разработана новая модель развития и интерпретации музейного пространства. Она сочетает в себе многокомпонентную структуру: подлинные коллекции музейного фонда в залах, экспонирование крупных предметов разных исторических эпох в «музее под открытым небом» на прилегающей территории и представление главного экспоната – здания музея – уникального архитектурного памятника, демонстрирующего особенную исто-

рическую эпоху Сахалина – период японского губернаторства в первой половине XX века.

Программа модернизации комплексная и охватывает разные виды и этапы работ: 1) реставрация и консервация самого здания – памятника архитектуры и градостроительства; 2) реконструкция элементов историко-культурного ландшафта вокруг здания и создание музея под открытым небом; 3) создание новой музейной экспозиции, освещающей основные этапы развития природы и общества. В последней применили естественнонаучный подход, более распространенный в западных странах. В основу «экспозиции» положена географическая особенность – острова Сахалинской области и Охотоморье – как особенная часть из общей истории планеты Земля во времени и пространстве. Концепция «Естественная история Сахалина и Курильских островов и историко-культурное наследие народов региона» состоит из нескольких важнейших доминантных тем. Активно внедряются инновации – новые мультимедийные технологии.

Начав претворять в жизнь долгосрочную программу развития, музею пришлось пересмотреть в корне экономику и организацию учреждения. В тесном сотрудничестве с дизайнерами проекта было решено полностью реструктурировать имеющееся пространство здания, а именно, вывести хранилища, кабинеты и хозяйственные службы, в освободившихся залах цокольного этажа создать экспозицию с новой тематикой по древнейшей геологической истории, а также о морях и обитателях морских глубин.

Одновременно приходилось решать административные задачи – оптимизировать структуру музея, добыть дополнительные площади для организации хранения коллекций, обновить сильно устаревшую материальную базу не только в экспозиционных залах, но и в хранилищах, полностью компьютеризировать процесс учета музейных фондов и всего рабочего процесса. По сути, это реконструкция всего музея. Предпринятые мероприятия уже преобразили образ музея. Открыты историко-культурные экспозиции в нескольких залах музея, активно формируется музей под открытым небом и ведется кропотливая работа по созданию новых экспозиций.

Осуществление этих больших мероприятий происходит одновременно с экскурсионным и культурным обслуживанием посетителей, с текущей работой учреждения. Мировая практика не богата таким опытом: большинство музеев, занимаясь подобными масштабными проектами, полностью закрываются для посетителей на много лет и занимаются только реконструкцией. Все это требует больших усилий коллектива, пересмотра работы научных сотрудников и деятельности музея. Одновременно с продолжающимися научно-исследовательскими проектами велась

подготовка научных концепций по каждому экспозиционному разделу, тематических планов, отбор музейных предметов, проведение срочной консервации и реставрации отобранных предметов. Такая масштабная работа полностью переворачивает устоявшееся мировоззрение научного работника. Не все готовы к такому напряжению сил. За это время обновился научный коллектив: пришли новые молодые кадры, готовые стать специалистами-музейщиками. Тем не менее музею нужны квалифицированные специалисты, способные творчески реализовать новые вызовы общества.

Проведенные мероприятия позволили изменить негативную тенденцию развития музея, начавшуюся в 1990-е годы. Сразу увеличилась посещаемость (более 80 тыс. в год) и популярность музея в Сахалинской области и за его пределами. Приятно осознавать, что музей движется в русле новых мировых тенденций. Работа по обновлению музея не закончилась. Сегодня музею передано здание бывшего японского банка в г. Корсакове. Каким будет этот музей – покажет время.

Возможности музеев в развитии региона

Для формирования инфраструктуры музейной среды Сахалинской области необходимы новые подходы: развитие детских и молодежных центров, культурно-образовательных программ для жителей и мигрантов. Важно в партнерстве с министерствами и ведомствами Сахалинской области внедрить музейное образование, основанное на подлинных источниках, в школьную и студенческую образовательную среду. Музеи могут предложить для сахалинцев и курильчан разные программы: «Популярное краеведение для школьников», «История искусств», «Естественная история Сахалина и Курильских островов» и другие.

В год 65-летия Сахалинской области открытие нового здания музея книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» является замечательным знаковым событием в современной истории области. Это третье здание, специально выстроенное для музея за всю историю освоения острова, и первое в современной истории.

В развитии музейного пространства Сахалинской области новые идентичности и концепты позволяют перепрофилировать некоторые действующие музеи. Например, возрождение на более высоком качественном уровне естественнонаучного музея «Фауны моря» в Холмске. В фокусе музея показ биоразнообразия омывающих Сахалин и Курильские острова морей Тихого океана и аквапарк морских рыб.

На базе муниципального краеведческого музея в п. Ноглики можно открыть музей современной культуры народов Севера с областным этнокультурным центром, интернет-ресурсом, центром изучения и распространения национальных языков и культур коренных народов.

В 1980-е годы была разработана идея создания музея-реконструкции «Муравьевский пост» в Корсакове, первого русского военного поста на юге Сахалина 1853 года. Это популяризация особенностей исторического процесса вхождения Приамурья и Сахалина в состав Российской империи, раскрытие величия подвигов русских морских офицеров в освоении дальневосточного края.

Сахалинская область – нефтегазовый регион, в этом еще одна специфика. Музей нефти в Охе может познакомить с историей добычи и использования природных углеводородов в современной жизни.

Детский музей можно создать на основе существующего частного музея медведя в Южно-Сахалинске. Разработка детских культурно-образовательных и семейных досуговых программ для детской и смешанной аудитории по различной тематике.

Культурологический музей японской культуры первой половины XX века (губернаторства Карафуту) – характеристика одного из характерных периодов истории островного региона.

Музей истории и культуры сахалинских корейцев поможет отразить еще одну особенность Сахалина XX столетия – формирование современного населения области, его связи в Азиатско-Тихоокеанском регионе, напоминание об агрессивности политики в недалеком прошлом.

Вышеперечисленные меры будут способствовать большому социальному эффекту, а не только развитию культурной жизни и туризма. Партнерство с частным бизнесом, предоставление новых образовательных услуг молодежи, новых возможностей проведения досуга и отдыха для семей жителей области. Ожидаемо увеличение доли косвенной прибыли от музейной деятельности в экономике муниципальных образований и Сахалинской области. Через идентичности и разнообразие музеев все они мозаично будут ретранслировать уникальность и особенность единственного островного региона страны – Сахалинской области.

Изменение музейной среды и наполнение ее новым содержанием – это веление времени. Активизация общественной жизни на островах будет способствовать формированию положительного имиджа Сахалинской области как привлекательного региона, и в первую очередь у самих жителей.

*И. Р. Скоробач,
кандидат педагогических наук, зав. кафедрой гуманитарного
образования ГБОУ ДПО ИРОСО*

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА САХАЛИНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВЕКА)

Настоящее время для системы образования страны очень непростое. Динамичность глобального и внутригосударственного положения осложняет реформирование всех сфер жизнедеятельности человека и отражается на одной из самых важных отраслей – социально-экономической, а именно на образовании. Но если бы не было проблем, их следовало бы выдумать, так как без них нет поступательного развития общества.

Школа – своеобразное зеркало разных проекций, отражающее общество во всем многообразии. Это одна система, истинные масштабы которой нами пока не осознаны сполна. Любые сколько-нибудь глобальные проблемы, с которыми сталкивается общество, цивилизация, неизбежно отражаются на состоянии сферы образования.

Островная школа, особенно в ее имманентном состоянии, представляла некий феномен. Появление ее носило стохастический характер. В силу этого изучение вопросов зарождения и становления школы на Сахалине не возможно без установления фактов, событий и процессов, их описания и интерпретации.

Положение Сахалина второй половины XIX – первой четверти XX века нельзя отождествлять ни с положением развивающихся районов России, ни с их промышленными окраинами. Остров Сахалин – это место, которое во все времена воспринималось народом и правительством как чрезвычайно непривлекательное и необычное, где вместе с богатством природных ресурсов уживалась нищета, с красотой ландшафта – убогость его обитателей. «Русское общество привыкло смотреть на Сахалин, как на гиблое место, дикое, неприступное, мрачное как по своей природе, так еще более по своему назначению – служить последним этапом на длинном пути из человеческого общества в среду отверженных изгнанников». Так отзывался русский писатель и публицист А. А. Панов о каторжном Сахалине в начале XX века.

Проблемы, с которыми столкнулось сахалинское образование в период его становления, в первую очередь объясняются наличием определенных факторов или условий, сложившихся на острове. Их можно представить двумя группами: объективные и субъективные.

География острова, его климат, природные условия, национальный состав населения составляют объективную группу факторов. Огром-

ные сухопутное и морское расстояния отделяют Сахалин от центра страны. Сахалин – не просто окраина, а окраина, оторванная от континента. Остров – это довольно узкая полоска суши, растянувшаяся на сотни километров, что в далеком прошлом серьезно осложняло коммуникации населения. Доставка почты, грузов, продовольствия было делом долгим и дорогим. Поэтому туда в первую очередь доставлялось все необходимое для устройства сначала военных постов, а затем и тюрем. Строительство школ в течение нескольких десятилетий в планы правительства не входило.

«Неприветливый, суровый климат острова, отсутствие на нем земель, пригодных для культуры в более или менее значительном количестве, и крайняя отдаленность его делали Сахалин совсем не интересным в колонизационном отношении...» – такой отзыв получил Сахалин в журнале «Русский вестник» за 1897 год. Это создавало огромные трудности для поселенцев и переселенцев, которые часто становились решающими в судьбе первых сахалинцев.

Мешала организации школ и малочисленность населенных пунктов, некоторые из них насчитывали не более десятка людей, и их разбросанность, отдаленность друг от друга, отсутствие дорог. Где строить школу, чтобы она была доступна для учащихся? Так стоял вопрос.

На территории острова до появления здесь русских и японцев проживали представители трех народов: нивхи, айны, ульга. Численность их была невелика. Каждая этническая группа говорила на своем языке, не имела письменности. Разноязычие, неидентичность в традициях, нравах, обычаях, хозяйственной деятельности, различия культурного плана, разобщенность, территориальная рассредоточенность являлись преградой в организации школ или школ-интернатов.

Осложняла организацию школьного дела и многоликость пришлого населения: выходцы южных губерний России, Кавказа, Украины, Крыма, Прибалтики, Польши, Молдавии и прочие.

Доминирующей группой факторов, тормозящих и осложняющих процесс становления школы на острове, являются субъективные факторы.

Одним из них является позднее заселение острова русскими людьми, а также временность проживания. Изначально колонизация Сахалина планировалась как освоение и заселение терри-

тории людьми, которые непременно станут постоянными ее жителями. Действительно, на что было рассчитывать освобожденным от тюрьмы каторжникам на своей родной земле, откуда они были высланы на каторгу, что могло их там ждать? Где было взять деньги на обратный путь домой? Поэтому для них было придумано поселение, которое поощрялось через определенные льготы, такие, как выделение поселенцам земельного надела, обеспечение в некоторой степени орудиями труда и средствами для обзаведения хозяйством. Но все эти меры не давали должного результата.

В первой половине XIX века на Сахалине с ревизией побывал помощник генерал-губернатора Приамурского края генерал-лейтенант Николай Иванович Гродеков. Сообщая о результатах проведенной ревизии на острове, он констатировал следующее: «...поселенцы, из отбывших каторгу, только и мечтают о переселении на материк, остаться заявили единицы».

Переселенческая политика правительства на Сахалине также не удалась. Переселенцы, как правило, не выдерживали условий сахалинского климата и жестокости нравов каторги, вскоре возвращались в родные места на материк. Такое положение не стимулировало организацию и строительство школ. Население в большей степени было безучастно к проблемам образования, не проявляло желания к устройству училищ для своих детей, так как надеялось все-таки вернуться на материк.

Проблему в школьном деле составляла и специфичность населения. Первоначально, в 50-х годах XIX века, оно было представлено военными и коренными жителями. 60-е годы характеризовались тем, что на Сахалине появилась еще одна категория жителей – ссыльнокаторжные. Помимо того, к далекой окраине России тянулись купцы, промышленники, знавшие о природных богатствах острова и желавшие обогатиться за счет грабежа туземного населения. Российское правительство стремилось заселить и освоить сахалинскую землю, разработать ее природные ресурсы, поэтому им была сделана попытка переселить с материка на остров крестьянские семьи. Незначительное число крестьян, перебравшихся на Сахалин с материка, не могли разрешить вопрос о разработке местных богатств, сделать остров сельскохозяйственной колонией.

Российское правительство и сибирская администрация в течение десяти лет рассматривали вопрос о том, по какому пути должен развиваться Сахалин – по принудительному или вольному. При этом учитывались очень многие моменты: географическое положение острова, внешнеполитические условия, состояние мест каторги и ссылки в стране. Судьба Сахалина была решена Указом государя императора от 1869 года, где остров был объявлен местом каторги и ссылки.

В 80-х годах XIX века численность населения Сахалина резко возросла. По своему составу оно тоже изменилось. Если раньше преобладающей категорией жителей были в основном полноправные лица (военные, чиновники и их семьи; крестьяне-переселенцы с семьями; родственники каторжников), то в 80-х годах неполноправное население стало доминирующим (ссыльнокаторжные и ссыльнопоселенцы). Большая часть населения – это те люди, которые прибыли на Сахалин по долгу службы или поневоле (по решению суда). Следовательно, их пребывание на острове имело временные рамки или сроки. Да и те, кто добровольно переселился, надеясь обустроить свою жизнь здесь, прочно укрепиться в хозяйственном отношении, столкнулись с огромными трудностями суровой и мрачной местности, подумывали о возвращении к родственникам и близким, а многие вскоре по приезду уезжали с Сахалина, напуганные трудностями экономического плана и преступным окружением, которое доставляло своими грабежами и в целом непристойным поведением немало хлопот. «На Сахалине спокойно спят только живущие в тюрьмах, остальное население каждую минуту боится за жизнь».

Экономика Сахалина зиждилась на плодах труда ссыльных, ссыльнокаторжных и за счет средств государственной казны, выделяемых на содержание войск и тюрем. Финансирование образования не планировалось изначально. Поэтому основным источником средств для организации школ и их содержания были вольные пожертвования. В конце XIX века правительство стало отпускать мизерные суммы на сахалинские школы. В этот период страна сама захлебывалась от нехватки финансов (страшный неурожай, следствием которого стал голод; самая тяжелая и затяжная в мировой истории экономическая депрессия; Первая мировая война).

Под натиском либерально-демократического движения и земств государство предпринимало незначительные шаги, идя на уступки просвещению, но это касалось центральных губерний. Сахалинскому образованию доставались лишь крохи, которые выражались в сумме 4000 рублей. Поэтому школы на острове при нехватке средств и финансовой поддержки правительства не могли должным образом развиваться.

Одной из самых насущных проблем школьного дела страны была нехватка учительских кадров. На Сахалине она стояла еще более остро. Летом 1894 года на острове находился начальник Главного тюремного управления России М. Н. Галкин-Враской. Анализируя состояние школьного образования на Сахалине, он дал следующую оценку положения кадрового состава учителей: «Начальные училища ни по числу, ни по обстановке, ни тем более по учебному персоналу из отбывающих наказание и из ссыльно-поселенцев не отвечают

своему назначению». Среди учителей были образованные люди, но они составляли большую редкость. Положение их было крайне незавидным: плохо устроенный быт, низкая зарплата, сложности, связанные с неустойчивостью учебного процесса. Учителями становились в основном бывшие каторжники и не по призванию и соответствующей подготовке, а по воле тюремного начальства, как правило, совмещая учительскую деятельность с какой-либо другой обязанностью, например, писаря в канцелярии, телеграфиста и пр. Чаще всего к учительской деятельности привлекались политические ссыльные, так как являлись наиболее образованной частью ссыльнокаторжных, хотя это считалось незаконным. Но местное начальство, не имея никакого другого выхода, шло в обход запретам и на свой страх и риск вынуждено было привлекать к работе в школе политических заключенных.

Жизнь каторжника-учителя налагала свой отпечаток на его учительскую деятельность. Были случаи, когда учитель вел уроки в кандалах.

Не менее важной проблемой в организации школьного дела на острове было и отношение самих родителей к нему. Как правило, взрослые больше заботились о быте, хозяйстве, о возвращении на материк. Воспитание, образование детей их менее всего беспокоило. Кроме того, каторга наложила свой порочный отпечаток на все стороны жизни островитян. Бездуховность и безнравственность окружения каторжного населения формировали свои патологические направления воспитания. Аморальное поведение родителей: пьянство, разврат, ругань, общее бескультурье и необразованность, тяжкие наказания, применяемые в семьях и со стороны тюремщиков, – вот та атмосфера, которая являлась основой для развития в детях более изощренных проявлений безнравственности и преступности. Для большинства родителей гораздо важнее было любыми путями добыть деньги на водку или на то, чтобы в очередной раз испытать судьбу, играя в карты. Для этих целей любые средства были хороши. В то время, когда дети должны были постигать азы науки и грамоты, по указанию родителей они отправлялись ради денег на дорогу преступлений. Непростойно вела себя и интеллигенция, как пишет А. П. Чехов: «Если судить по официальным отчетам и корреспонденции, то в шестидесятых и семидесятых годах сахалинская интеллигенция отличалась полнейшим нравственным ничтожеством».

Церковь на острове не могла решить этих вопросов. Число церквей на Сахалине было незначительным. Разбросанность селений, малочисленность жителей в них не позволяли священникам регулярно и систематически выполнять воспитательные функции. Население в буквальном смысле было порабощено ненормальными условиями.

Как уже было сказано, правительство Российской империи не вникало в проблемы и нужды островитян, изначально постановив, что Сахалин – это место для отверженных, пенитенциарная колония. Этим все и было сказано. «Сельское население не может смотреть на Сахалин иначе, как на каторгу, если даже начальство усвоило себе взгляд на остров, как одну естественную тюрьму», – писал Н. Новомбергский.

Если в центральных губерниях России, начиная с 60-х годов XIX века, ширилось движение интеллигенции и прогрессивных слоев общества за распространение знаний среди народных масс, благодаря которому создавались различные учреждения просвещения, возникали народные библиотеки и читальни (общедоступные библиотеки для трудящихся), издавались лучшие произведения русских и зарубежных писателей, составлялись каталоги лучших книг для простого народа, то в этом отношении Сахалин был обойден в полном смысле слова.

Образованная часть сахалинцев (военные, чиновники, политические ссыльные) в силу своего статуса не могли принимать участие в организации каких-либо общественных, а тем более политических, организаций.

В центре России в деле просвещения народа огромную роль играли земства. Они создавали доступную для народа школу, распространяли новые технологии обучения. На Сахалине же земства отсутствовали вплоть до лета 1917 года.

Отрицательно сказывались на процессе становления школы на острове и постоянные изменения административно-территориального устройства Сахалина, многократная смена власти и режимов, подведомственность тюрем, смена начальства.

Нельзя не отметить и наличие фактора внешнеполитической нестабильности региона. Это объяснялось приграничным положением острова, близостью к Японии, притязаниями этой страны на Сахалин и Курильские острова и недальновидной политикой царского правительства. В связи с этим юг острова развивался менее интенсивно, чем север, несмотря на более приемлемые климатические условия. В соответствии с Портсмутским договором 1905 года южная часть Сахалина отошла Японии. Приток русского населения на Сахалин прекратился, и начался его отток, численность населения резко сократилась. На юге японцы ликвидировали русские школы и открыли свои. Северяне жили в постоянном страхе от близости японцев и от возможности захвата ими оставшейся за Россией части острова. Еще более ухудшилось дело с образованием в период японской оккупации Северного Сахалина (1920–1925 гг.), когда большинство русских школ было разрушено, а в сохранившихся начали действовать новые японские порядки.

Таким образом, обозначенные проблемы, характерные для Сахалина периода каторги, явились для зарождающегося островного образования серьезным препятствием, раскрылись как факторы, повлиявшие на своеобразие сахалинской школы, как социокультурный феномен.

Литература

1. Высоков, М. С. К проблеме преподавания в школе языков аборигенов Сахалина / М. С. Высоков // Краеведческий бюллетень. – 1995. – № 1.

2. История Сахалинской области с древнейших времен до наших дней : учебное пособие / под ред.: М. С. Высокова, А. И. Костанова и др. –

Южно-Сахалинск : СЦДНИ, 1995.

3. Костанов, А. И. Освоение Сахалина русскими людьми / А. И. Костанов. – Южно-Сахалинск, 1991.

4. Новомбергский, Н. Остров Сахалин / Н. Новомбергский. – СПб., 1903.

5. Панов, А. А. Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного положения / А. А. Панов. – М. : Типография т-ва И. Д. Сытина, 1905.

6. Пикуль, В. Каторга / В. Пикуль. – М. : Современник, 1988.

7. Сенченко, И. А. Очерки истории Сахалина / И. А. Сенченко. – Южно-Сахалинск, 1957.

8. Чехов, А. П. Полн. собр. соч. : в 30 т. / А. П. Чехов. – Т. 15. – М., 1978.

О. В. Хон,

преподаватель кафедры общественно-политических дисциплин
Южно-Сахалинского педагогического колледжа СахГУ

РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ФАКТОР СОЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА (НА ПРИМЕРАХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛЕТОПИСАНИЯ: ВОСПРИЯТИЕ И ОПИСАНИЕ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ)

Для качественного решения любой проблемы необходим анализ исторического опыта. Но описание события зависит от его восприятия, что приводит к новой проблеме – различие мировоззрения автора и современного человека¹.

Мнения о роли религии могут быть полярны, но высказывания о главных причинах возникновения единогласны: это всевозможные бедствия и страхи перед ними из-за «незнания связей вещей»². Возможно ли подтвердить зависимость прочности религиозного самосознания от количества негативных факторов на примерах из отечественной истории? Русское крестьянство (основная часть населения) в полной мере испытывало на себе удары природной стихии: к примеру, в XI столетии случилось восемь засух; XV в. называют «малым ледниковым периодом», с летними снегопадами – сорок голодных лет. В XVII в. – период Смуты – на страну обрушились летние дожди и сентябрьские снегопады, гражданская война и польско-шведская интервенция (1605–1618 гг.), а после началось становление новой династии Романовых, то есть жесткая централизация власти, ведущая к бунтам, и новые войны³.

Конечно, наша история знала и «положитель-

ные истоки» религиозного мировоззрения: восхищение жизнью аскетов, чудеса исцеления и т. д. Но негативные факторы все же преобладали. Таким образом, постоянная угроза стихийного бедствия, вражеского нашествия, беззащитность перед властью имущими порождали ощущение уязвимости; это приводило к единственному утешению – к религии, что наложило сильнейший отпечаток на развитие летописания.

Значителен вклад в анализ русского летописания, сделанный Д. С. Лихачевым: он подчеркнул, к примеру, что переписчик мог изменить образы для сравнения: монголо-татарское нашествие, вполне сопоставимое с космической катастрофой, сравнивалось: «*излиянная на христиан чаша пельни (попыни) Божия суда*»⁴, «*придоша, яко прузы*»⁵ (саранча), «*пришед Враг рода человеческого*», «*полчища царя-мучителя*»⁶ и т. д. Все упомянутые образы имеют аналогии в священных текстах⁷.

Д. С. Лихачева поддерживает И. Н. Данилевский, кроме того, он ставит вопрос о том, что: «... современные ассоциативные ряды уводят нас совсем не в ту сторону, в какую хотел повести нас летописец»⁸. Он продолжил изучать проблему сти-

¹ Дружинин, В. Ф. Мотивация деятельности в чрезвычайных ситуациях / В. Ф. Дружинин. – М. : Прогресс, 1996. – С. 214–216 ; Будовниц, И. У. Общественно-политическая мысль Руси (XII–XIV вв.) / И. У. Будовниц. – М. : Наука, 1998. – С. 9–12 ; Голд, Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии / Дж. Голд. – М., 1990. – С. 9 ; Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада / Жак Ле Гофф ; пер. с фр. ; под общ. ред. В. А. Бабинцева ; послесл. А. Я. Гуревича. – Екатеринбург : Фактория, 2005. – С. 18.

² Дружинин, В. Ф. Мотивация деятельности в чрезвычайных ситуациях / В. Ф. Дружинин. – М. : Прогресс, 1996. – С. 11–13 ; Гуревич, А. Избранные труды : в 2 т. / А. Гуревич. – Т. 2 : Средневековый мир. – М. : Университетская книга, 1999. – С. 15–18 ; Бэкон, Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Соч. : в 2 т. – Т. 1. – М. : Наука, 1997. – С. 28–30 ; Гоббс, Т. О человеке // Гоббс Т. Соч. : в 2 т. – Т. 1. – СПб. : Оникс, 2002. – С. 43 ; Гольбах, П. Система природы // Гольбах П. Избр. произв. : в 2 т. – Т. 1. – М., 1993. – С. 118 ; Юм, Д. Естественная история религии // Юм Д. Соч. : в 2 т. – Т. 2. – М. : Наука, 2001. – 396 с.

³ Милоков, П. Н. Очерки о российской культуре (XVII–XIX вв.) / П. Н. Милоков. – СПб. : Кристалл, 1995. – С. 11–17.

⁴ Там же. – С. 265 ; Насонов, А. Н. Монголы и Русь / А. Н. Насонов. – М. : Прогресс, 1990. – С. 45–48.

⁵ Там же. – С. 59–62.

⁶ Лихачев, Д. С. Поэтика летописей / Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1975. – С. 216.

⁷ Лихачев, Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1947. – 426 с. ; Лихачев, Д. С. Поэтика летописей / Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1975. – 328 с.

⁸ Данилевский, И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) : курс лекций / И. Н. Данилевский. – М. : Аспект Пресс, 1998. – С. 7–15.

лизации русских летописей в подражание святым текстам, тесно связанную с проблемой компиляции: «...начитанный книжник подбирает из множества произведений “куски драгоценной смальты”, по определению Д. С. Лихачева, которые складывает в единое полотно»⁹. Действительно, сегодня философия и история науки подчеркивают: одно из требований, предъявляемых к автору в обществе с религиозным мировоззрением, – это ссылка на прецедент, как правило, на священный текст¹⁰.

В этой же области работает А. В. Лаушкин: «Провиденциализм – особый подход к осмыслению действительности; предполагал поиск исторических (желательно из Библии) аналогий. Считалось, что события, описанные в священных текстах, имеют универсальную значимость и впоследствии повторяются. Библия выступала моделью восприятия мира»¹¹.

Таким образом, для автора в религиозном обществе была обязательна ссылка на прецедент и подражание религиозным образцам – возможно, в ущерб точности.

Кроме того, следует отметить вариативность восприятия стихийных бедствий. Чаще всего всевозможные страдания оценивались как наказание за грехи. Но, к примеру, А. В. Лаушкин подчеркивает: с другой стороны, это испытание, то есть знак заботы со стороны Господа, возможность искупления при жизни, чтобы не гореть в аду после смерти¹².

Е. Л. Конявская обращает внимание на различия восприятия природного бедствия в зависимости от его силы: событие, нанесшее не очень значительный ущерб, может рассматриваться как предупреждение к последующему, более страшному, причем как природному, так и социальному¹³. Например: «Летописец сообщает о землетрясении, которое, видимо, не нанесло сильного вреда, т. к. в тексте только упоминание “земля тряслась”... поэтому летописец склонен воспри-

нимать это скорее как знамение, а не как бедствие, и рассуждает, предостерегая соотечественников: “То, братья, ко злу, а не к добру, по грехам нашим Бог знамения кажет, чтобы покаяться”. Но к указанию Бога не прислушались, и “...весной прииде дождь, снег и смерть”, как наказание за то, что “знак мы видели, но не покаяться”. После другого знамения – “солнце померце” (затмение) – пришла не природная, а социальная беда – бунт против посадника (поджог, грабежи, убийства. Бунт, в свою очередь, был покаран (ибо всякая власть от Бога) природными бедствиями и наступившим голодом»¹⁴.

Именно в восприятии стихийных бедствий влияние религии проявляется особенно отчетливо. Летописцы рассматривают природу как инструмент в руках Бога, он дает то «изобилие плодов всяческих», то страшные беды: «В те же времена (1092 г.) было знамение в небе – точно круг посреди неба превеликий: в тот же год засуха была, так что изгорала земля, и многие леса возгорались сами и болота. Есмь казнь нам за грехи наши»¹⁵.

Таким образом, летописец ни в коем случае не «беспристрастный старец»¹⁶. Одна из ключевых функций летописания – назидание, что, несомненно, отражается на изложении текста; а система ценностей автора на тот момент определялась именно религиозным мировоззрением¹⁷.

Все исследователи, упомянутые в данной работе, единогласно подчеркивают: изучение особенностей мировоззрения автора и реципиента – очень юная область знания, и вопросов в ней гораздо больше, чем ответов¹⁸. Мнение И. Н. Данилевского: «Это несколько напоминает тот самый “порочный круг”. Мы не сможем определить объективность автора, а, следовательно, и достоверность информации, если не знаем целей и условий создания документа. А цели автора мы не сможем определить без знания особенностей его системы

⁹ Данилевский, И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): курс лекций / И. Н. Данилевский. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 12.

¹⁰ Кохановский, В. П. Философия науки в вопросах и ответах / В. П. Кохановский, Т. Г. Лешкевич. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – С. 61–70.

¹¹ Там же; Лаушкин, А. В. Провиденциализм как система мышления древнерусских летописцев (XI–XIII вв.) / А. В. Лаушкин. – М.: Астрель, 2002. – С. 34–36; Топоров, В. Н. Святые и святость в русской духовной культуре / В. Н. Топоров. – М.: Прогресс, 1998. – С. 14–18.

¹² Там же. – С. 56.

¹³ Там же.

¹⁴ Конявская, Е. Л. Проблема авторского самосознания в летописи / Е. Л. Конявская. – М.: Прогресс, 2004. – С. 25.

¹⁵ Голубинский, Е. Е. История русской церкви / Е. Е. Голубинский. – Т. 2. – М.: Наука, 1998. – С. 214; Шахматов, А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. / А. А. Шахматов. – М.: Наука, 1938. – С. 143; Рыбаков, Б. А. Русские летописцы / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1972. – С. 137–139.

¹⁶ Шахматов, А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. / А. А. Шахматов. – М.: Наука, 1938. – С. 154.

¹⁷ Панченко, А. М. О русской истории и культуре / А. М. Панченко. – СПб.: Кристалл, 2000. – С. 235.

¹⁸ Февр, Л. Бои за историю / Л. Февр. – М.: Наука, 1995. – С. 9–14.

ценностей, его самосознания... Иначе говоря, нам необходимо знать условия жизни. А их мы можем узнать из летописей, но опять же остается открытым вопрос об объективности»¹⁹. Единственный выход – это системный комплексный анализ, взаимная проверка источников и сотрудничество самых разнообразных наук.

В период создания летописных сводов наши предки не обладали такой высокоразвитой материально-технической базой, как современное человеческое общество, но уже тогда постоянно подчеркивали: природные бедствия – кара за жадность и безответственность. В этом позиции летописцев и современных ученых совпадают: рост технико-научных возможностей человека означает соответственный рост его ответственности как перед современниками, так и перед потомками²⁰.

Литература

1. Агаджанян, Н. А. Интегральная антропология и экология человека: взаимодействия / Н. А. Агаджанян. – М. : Аспект, 1995. – 345 с.
2. Будовниц, И. У. Общественно-политическая мысль Руси (XII–XIV вв.) / И. У. Будовниц. – М. : Наука, 1998. – 247 с.
3. Бэкон, Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Соч. : в 2 т. – Т. 1. – М. : Наука, 1997. – 354 с.
4. Гоббс, Т. О человеке // Гоббс Т. Соч. : в 2 т. – Т. 1. – СПб. : Оникс, 2002. – 357 с.
5. Голд, Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии / Дж. Голд. – М., 1990. – 214 с.
6. Голубинский, Е. Е. История русской Церкви : в 2 т. / Е. Е. Голубинский. – Т. 2. – М. : Наука, 1998. – 437 с.
7. Гольбах, П. Система природы // Гольбах П. Избр. произв. : в 2 т. – Т. 1. – М., 1993. – 380 с.
8. Гуревич, А. Избранные труды : в 2 т. / А. Гуревич. – Т. 2 : Средневековый мир. – М. : Университетская книга, 1999. – 560 с.
9. Данилевский, И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) : курс лекций / И. Н. Данилевский. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 399 с.
10. Дружинин, В. Ф. Мотивация деятельности в чрезвычайных ситуациях / В. Ф. Дружинин. – М. : Прогресс, 1996. – 342 с.
11. Конявская, Е. Л. Проблема авторского самосознания в летописи / Е. Л. Конявская. – М. : Прогресс, 2004. – 215 с.
12. Кохановский, В. П. Философия науки в вопросах и ответах / В. П. Кохановский, Т. Г. Лешкевич. – Ростов н/Д. : Феникс, 2006. – 352 с.
13. Лаушкин, А. В. Провиденциализм как система мышления древнерусских летописцев (XI–XIII вв.) / А. В. Лаушкин. – М. : Астрель, 2002. – 188 с.
14. Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада / Жак Ле Гофф ; пер. с фр. ; под общ. ред. В. А. Бабинцева ; послесл. А. Я. Гуревича. – Екатеринбург : Фактория, 2005. – 568 с.
15. Лихачев, Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1947. – 426 с.
16. Лихачев, Д. С. Поэтика летописей / Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1975. – 328 с.
17. Лосев, К. С. Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать / К. С. Лосев. – М. : Наука, 1997. – 256 с.
18. Милюков, П. Н. Очерки о российской культуре (XVII–XIX вв.) / П. Н. Милюков. – СПб. : Кристалл, 1995. – 426 с.
19. Насонов, А. Н. Монголы и Русь / А. Н. Насонов. – М. : Прогресс, 1990. – 312 с.
20. Панченко, А. М. О русской истории и культуре / А. М. Панченко. – СПб. : Кристалл, 2000. – 412 с.
21. Рыбаков, Б. А. Русские летописцы / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1972. – 265 с.
22. Топоров, В. Н. Святые и святость в русской духовной культуре / В. Н. Топоров. – М. : Прогресс, 1998. – 287 с.
23. Февр, Л. Бои за историю / Л. Февр. – М. : Наука, 1995. – 357 с.
24. Шахматов, А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. / А. А. Шахматов. – М. : Наука, 1938. – 327 с.
25. Юм, Д. Естественная история религии // Юм Д. Соч. : в 2 т. – Т. 2. – М. : Наука, 2001. – 396 с.

¹⁹ Данилевский, И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) : курс лекций / И. Н. Данилевский. – М. : Аспект Пресс, 1998. – С. 7–8.

²⁰ Агаджанян, Н. А. Интегральная антропология и экология человека: взаимодействия / Н. А. Агаджанян. – М. : Аспект, 1995. – 345 с. ; Лосев, К. С. Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать / К. С. Лосев. – М. : Наука, 1997. – 256 с.

*Т. П. Чайченко,
заведующая отделом Сахалинского областного краеведческого музея,
аспирант кафедры российской и всеобщей истории
Института истории, социологии и управления СахГУ*

ОБ ОДНОМ ИЗ БЕЛЫХ ПЯТЕН В ИСТОРИЧЕСКОМ КРАЕВЕДЕНИИ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Тема конференции «Сахалинская область – история, современность, перспективы» дает возможность оценить полноту изучения истории своего региона в настоящий период и продумать планы на будущее. Насколько же изучена история единственной островной области Российской Федерации? Существуют ли белые пятна в историческом краеведении Сахалинской области? На этот вопрос, пожалуй, полный ответ смог бы дать выпуск библиографического каталога краеведческих изданий и публикаций, разделенного по темам. Каталог мог бы подсказать темы, которые еще нуждаются в исследовании, и оказать влияние на качественный уровень краеведческой деятельности. К примеру, среди малоизученных тем – история рыбной отрасли, городов-портов, тружеников моря.

Нельзя сказать, что эти темы полностью игнорировались: в Сахалинском областном краеведческом музее, в экспозиции, посвященной послевоенному развитию Сахалинской области, есть упоминания о создании Сахалинского государственного морского пароходства, открытии паромной переправы Ванино–Холмск и о рыбохозяйственной деятельности, но они ограничиваются преимущественно предметами и документами 1950–70-х гг. Несомненно, что представленного в музеях материала для освещения столь объемной темы недостаточно, но исследовательская деятельность в этом направлении практически не ведется.

В настоящее время в Сахалинской области работают четыре музея областного значения (три в Южно-Сахалинске, один в Александровске-Сахалинском) и 14 музеев муниципального значения: в Курильске, Охе, Ногликах, Южно-Курильске, Поронайске, Северо-Курильске, Корсакове, Невельске, Углегорске, Тымовском, Макарове, Синегорске, Томари. Фауне моря был посвящен небольшой музей в одном из портовых городов области – Холмске. Отмечу, что до настоящего времени в области нет музеев, освещающих историю мореплавания, рыболовства и морского промысла, добычи биологических и минеральных ресурсов морей, морских научных исследований.

Необходимо, чтобы островные музеи продолжили сбор коллекций по одной из ярких для региона страниц истории, ведь в России именно провинциальные музеи всегда были центрами

научно-исторических исследований и несли ответственность перед обществом и государством не только за сохранение исторических ценностей, но и местной истории [1, с. 56]. В несомненном приоритете выступают Сахалинский областной краеведческий музей и музеи портовых городов: Корсакова, Невельска и Холмска, коллекции которых могли бы лечь в основу создания нового музея – музея моря.

Создание музея моря в одном из портовых городов единственной островной области России представляется естественным и логичным. Музей моря – масштабный проект не на один год, начиная от концепции по результатам анализа уже сложившихся коллекций до строительства нового специализированного здания. Но часть проекта возможно осуществить уже сейчас. В 2011 году ГБУК «Сахалинский областной краеведческий музей» передано бывшее здание Банка Карафута, построенное в 1929 г. В 1999 году здание было объявлено объектом культурного наследия Сахалинской области. Вопрос о назначении и названии нового музейного здания остается открытым. В здании недостаточно места для создания полной экспозиции музея моря. Его можно посвятить истории морских портов Сахалинской области, людям морских профессий.

В России насчитывается 45 городов-портов, восемь из них – в Сахалинской области: Пригородное, Корсаков, Холмск, Шахтерск, Невельск, Поронайск, Александровск-Сахалинский, Москальво. Кроме того, имеется 11 морских терминалов: Набиль, Углегорск, Бошняково, Красногорск, Яблочное, Правда, Южно-Курильск, Малокурильск, Крабозаводское, Курильск, Северо-Курильск.

Причины, по которым музей моря может быть открыт в Корсакове, следующие. Корсаковский морской порт – один из четырех незамерзающих портов Сахалинской области, его по праву называют «южными воротами Сахалина». Именно здесь в 1853 г. основано старейшее русское поселение острова – Муравьевский пост. В 2009 году рядом с Корсаковым начал функционировать морской порт Пригородное, который построен для единственного в стране завода по переработке сжиженного природного газа, производящего пять процентов мирового СПГ. Транспортировка СПГ стала новым сегментом российского судоходного рынка, а новый порт – местом традиционного посещения

туристами и гостями области. В городе проживает много людей морских профессий, в том числе и пенсионного возраста, которые могут стать консультантами или сотрудниками музея. Кто лучше поможет в разработке образовательных программ, расскажет о кораблях, покажет и научит завязывать морские узлы?

Портовые города, прежде всего, города морских профессий. Журнал «Морской флот» № 1 за 2009 год опубликовал результаты IX Международного семинара «Качественное судоходство: стандарт XXI века. Морская профессия: факторы престижности», который ежегодно организует Российский морской регистр судоходства. Участники семинара единодушно выразили крайнюю озабоченность проблемой: кто поведет суда в море и будет управлять сложнейшей техникой, если морская профессия теряет свою престижность? [3, с. 28] Кому как не музею помогать в сложившейся ситуации своей области, стране? Музеи могут быть активными помощниками в повышении статуса морских профессий, морских училищ, в которых каждый год отмечается недобор курсантов, заинтересовать молодежь не покидать свою малую родину. Ведь, несмотря на наличие внушительной конкуренции, музеи продолжают оставаться культурными центрами, которые не только хранят, но и активно просвещают.

Музей моря подчеркнет и дополнит особенности Корсакова и Сахалинской области в целом. При правильном подходе развлекательно-рекреационные услуги музея моря способны превратить его в яркое культурно-образовательное учреждение, а также место семейного отдыха, привлекающее не только жителей Корсакова, но и всей Сахалинской области, а также гостей, что разнообразит туристскую привлекательность региона.

Предлагаю руководящие идеи проекта «Музей моря»:

- сделать здание музея моря с его внешним обликом и внутренним наполнением современным культурным объектом мирового класса;
- познакомить жителей и гостей Сахалинской области с географическими особенностями, фауной, флорой и ресурсами Охотского и Японского морей;
- осветить историю Сахалинского морского пароходства (в 2015 году область будет отмечать 70-летие Сахалинского морского пароходства);
- показать основные виды деятельности морских портов Сахалинской области;
- раскрыть особенности рыбохозяйственной отрасли;
- представить людей разных профессий, связанных с морем;
- поднять статус учебных заведений, готовящих специалистов морских профессий.

Для реализации нового проекта «Музей моря» предлагаю:

- создать межведомственную творческую группу, состоящую из архитекторов, историков, дизайнеров, технологов, музейных педагогов, ученых Русского географического общества, Сахалинского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, Института морской геологии и геофизики ДВО РАН, научные центры океанологов, гидрографов, ТИПРО, ТГЭУ и пр. для разработки новой экспозиции в целях достижения эффективности музея в интересах исторического просвещения и образования нового поколения горожан, их патриотического и нравственного воспитания;

- пригласить к сотрудничеству органы исполнительной власти Сахалинской области и территориальные органы федеральных органов исполнительной власти по Сахалинской области: Министерство транспорта и дорожного хозяйства, агентство по рыболовству, Сахалино-Курильское территориальное управление федерального агентства по рыболовству, Сахалинское пограничное управление береговой охраны ФСБ России, администрации морских портов и портовых городов для помощи в собрании источников разных типов по исследуемым темам;

- ориентировать на сбор коллекций сотрудников экспозиционно-исследовательского отдела Сахалинского областного краеведческого музея. Пригласить подключиться к этой деятельности сотрудников муниципальных и ведомственных музеев;

- поставить в экспозиционном зале «Фауна и флора Сахалинской области» большой аквариум для содержания представителей морской фауны и флоры, оказывавших влияние на жизнь островитян с древних времен (подобный аквариум для обитателей Амура находится в Хабаровском краеведческом музее им. Н. И. Гродекова);

- создать в музее центральную зону массовых мероприятий и интерактивную детскую зону с имитацией корабля с мачтами, парусами и др.;

- разработать систему комфортной навигации и стратегию брендинга музея моря;

- использовать новейшие музейные технологии экспозиционного показа;

- создать в историческом пространстве динамичную, живую, привлекательную атмосферу, современную инфраструктуру и сервис для посетителей;

- разработать программу массовых мероприятий и событий, соответствующую направлению музея и ориентированную на различные категории посетителей;

- продлить часы работы музея моря для привлечения различных категорий посетителей.

Российская Федерация – это морская держава, но музеев такой направленности немного, тем ценнее рассмотреть некоторые положительные примеры. В Вене после войны осталось несколько

45-метровых башен ПВО, которые не стали разрушать. В одной из таких разместился музей «Дом моря» с множеством аквариумов, террариумов и даже уголком тропиков. В 1985 году открыл свои двери для публики Музей Эгейского моря. Миссия музея – сохранение, демонстрация и изучение истории и традиций греческого мореходства, в особенности – истории развития торгового флота Эгейского моря.

На территории в 15 га у берега реки Мистик в городе Мистик (Коннектикут) расположился музей под открытым небом «Морской порт Мистик: музей Америки и моря». Музей представляет собой макет американской портовой деревни XIX века с 60 зданиями, многие из которых были перевезены из других уголков США и реставрированы ремесленными приспособлениями, макетами парусных кораблей. Помимо реконструированного порта, музей включает в себя обширную библиотеку и здания, в которых каждый июнь проходит музыкальный фестиваль. Ежегодно музей посещает до 400 тысяч туристов.

В историческом краеведении Сахалинской области не должно быть белых пятен среди тем, представляющих уникальность и своеобразие своего края. Их необходимо выявлять и изучать должным образом. Благодаря раскрытию таких пятен должны реализовываться новые культурные и образовательные проекты, одним из которых может стать «Музей моря». В результате го-

род получит новейший центр истории, культуры и туризма. Новый музей Сахалинской области не должен быть похож на десяток других, ему необходимо стать новой достопримечательностью мирового класса на карте России, ярким центром современной динамичной жизни, показывающим местное своеобразие и колорит, местом встреч, популярным среди местных жителей, российских и иностранных туристов, местом, где обязательно хочется побывать.

Литература

1. Музееведение. Музеи исторического профиля / под ред.: К. Г. Левыкина и В. Хербста. – М. : Высшая школа, 1988.
2. Латышев, В. М. Основные направления научно-исследовательской работы областного краеведческого музея / В. М. Латышев // Тезисы докладов и сообщений, прочитанных на заседании Сибирского филиала научно-методического Совета по работе музеев Министерства культуры РСФСР. – Южно-Сахалинск, 1988.
3. Международный семинар «Качественное судоходство: стандарт XXI века. Морская профессия: факторы престижности» // Морской флот. – № 1. – 2009. – 28 с.
4. Вестник Сахалинского музея : ежегодник ГБУК «Сахалинский областной краеведческий музей». – № 1–19. – Южно-Сахалинск.

*Г. А. Шалкус,
кандидат исторических наук, доцент кафедры российской
и всеобщей истории Института истории, социологии и управления СахГУ*

СЕВЕРНЫЙ САХАЛИН И САХАЛИНСКАЯ НЕФТЬ В СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1918–1925 гг.)

В начале XX века российские промышленники не имели достаточных средств для освоения о. Сахалина, поэтому для хозяйственного развития столь отдаленного региона предполагалось широко привлекать иностранный капитал. На территории Северного Сахалина уже были обнаружены крупные нефтяные месторождения, в связи с чем остров стал объектом пристального внимания и соперничества международного капитала. Особый интерес к сахалинской нефти проявляла Япония, остро нуждавшаяся в нефтепродуктах для своего военно-морского флота. Однако российское правительство, опасаясь экспансии со стороны Японии, предпочло вести переговоры относительно сахалинских месторождений с британскими компаниями, такими, как фирмы У. Пирсона, Виккерса, позже с американской компанией Г. Синклера.

Неудачи концессионных переговоров с англо-американскими компаниями объясняются сложившейся в России кризисной ситуацией, возникшей вследствие начавшейся Первой мировой войны. Этим поспешила воспользоваться Япония, попытавшаяся установить свой контроль над сахалинской нефтью. В 1918 г. японцы начали вести разведывательные работы, когда на Сахалине, по существу, было безвластие. Фирма Кухара заключила соглашение с товариществом «Ив. Стахеев и К^о» и оформила 500 заявок на сахалинские нефтяные участки. В то же время японцы отправили на восточное побережье Сахалина две геологические партии: на нефтяное месторождение Нутово – геолога Икегами Такаша и на месторождение Боатасино – геолога Кусакабе. Фирма Кухара и товарищество Стахеева поставили заявочные столбы в двух районах – между Боатасином и Пильтуном, а также между Ногликами и Катангли¹.

Японские фирмы «Кухара», «Мицубиси», «Ниппон ойл», «Такадаойл» и «Окура», входившие в состав образованного в 1919 г. консорциума «Хокусинкай» («Полярная звезда»), выступили организаторами в проведении геолого-разведочных

изысканий на Северном Сахалине. Летом 1919 г. в северной части острова работала большая экспедиция, состоявшая из четырех отрядов под руководством известного геолога, вице-президента Японского геологического комитета, профессора Гиичиро Кобаяси. Японцы исследовали четыре района – Охинский, Боатасинский, Ногликский и Набильский². В том же году в западной части острова в районе р. Лянгры находилась партия геолога Такамацу, которая на средства японских промышленников проводила разведочные работы. Эти работы велись под эгидой японского морского министерства, которое в течение первых двух лет вело подробную геологическую разведку под общим руководством вице-президента Японского геологического комитета геолога Г. Кобаяси. В результате проведенных работ им был обнаружен нефтяной пласт протяженностью 320–360 км³.

21 апреля 1920 г. на рейде Александровска встал японский крейсер «Мисима». С него на берег был высажен десант – 2 тыс. солдат. Воспользовавшись тяжелым положением России, правящие круги Японии осуществили акт агрессии и оккупировали северную часть Сахалина, которая по Портсмутскому договору оставалась в российском владении. Причины захвата Северного Сахалина состояли в том, что, во-первых, японцы стремились овладеть северосахалинскими нефтяными богатствами, необходимыми для того, чтобы обеспечить флот и промышленность энергетическими ресурсами; во-вторых, их беспокоила конкуренция со стороны американцев, способных более эффективно использовать сахалинские ресурсы. Совершив оккупацию Северного Сахалина, Япония приступила к его экономическому освоению. Общество «Хокусинкай» возобновило работы в Охинском районе, на проведение которых военно-морской штаб выделил значительные средства. Согласно данным Д. Стефана, только на проведение бурильных работ потребовалась сумма в 1,4 млн. йен⁴.

¹ Дербер, П. Я. *Очерки хозяйственной жизни Дальнего Востока* / П. Я. Дербер, М. Л. Шер. – М., 1927. – С. 191.

² Государственный исторический архив Сахалинской области (далее – ГИАСО). Ф. П-210. Оп. 3. Д. 5. Л. 71.

³ ГИАСО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 5. Л. 71.

⁴ Стефан, Д. *История. Сахалин* / Д. Стефан // *Краеведческий бюллетень*. – 1992. – № 3. – С. 81.

Работы на нефтеносных участках производились в строгом секрете, под защитой специальных военных отрядов. Военно-морское ведомство установило полный контроль над разведкой и добычей нефти. Используя разработки русских исследователей (Л. Ф. Бацевича, Э. Э. Анерта, П. И. Полевого и др.) о геологическом строении нефтяных месторождений восточного побережья Сахалина и об условиях залегания нефти, японские нефтяники начали бурение скважин на Охинском месторождении, и уже в 1921 г. один из участков стал давать нефть⁵.

В оккупационный период японцы не утруждали себя глубокой разведкой, эксплуатируя только верхние нефтяные пласты. Они, по всей видимости, осознавали, что их присутствие на острове не продлится долго, к тому же начавшиеся переговоры с правительством СССР о возвращении Северного Сахалина приостановили буровые работы.

Из Гражданской войны на Дальнем Востоке Россия вышла экономически слабой, и для Японии на данном этапе развития такое государство не являлось ни политически, ни экономически серьезным конкурентом на Тихом океане. Промышленность Японии полностью строилась на нефти и угле. Концессии имели большое значение для японской экономики, смягчая большой дефицит нефти в Японии. В этих условиях японское правительство изменило тактику по отношению к России: «От военной оккупации русского Дальнего Востока Япония переходит к политике мирного экономического внедрения в хозяйство региона»⁶.

Первые попытки Японии нормализовать отношения с Советской Россией делались еще в начале 20-х годов. Японским официальным лицам приходилось считаться с тем, что продолжающаяся оккупация Северного Сахалина наносила большой вред Японии на международной арене, в частности препятствовала улучшению отношений с Россией и Китаем. Лидер либеральной партии Юсукэ Тсуруми в 1924 г. заявил: «Действительное значение сближения между Россией и Японией заключается не в том, как это думают некоторые, что Япония входит в новую группировку мировых держав, а в том, что этим определяется ее отношение к Китаю. Китай важнее всего для японской иностранной политики. Русская политика для Японии имеет значение постольку, поскольку Россия влияет на Китай»⁷.

На начальном этапе развития взаимоотношений с Японией состоялись встречи с представителями Дальневосточной республики в Дайрене (июль 1921 – апрель 1922 г.), на конференции в Чаньчуне (сентябрь 1922 г.). На Чаньчунской конференции советская делегация заявила, что Советская Россия искренне стремится к миру, который может быть достигнут только при условии, если Япония полностью откажется от насильственного захвата чужих территорий. Представители японского правительства отказались вести переговоры и заключать какие-либо соглашения с РСФСР на этой основе. Японская делегация предложила взять за основу для переговоров и заключения соглашения так называемый «Дайренский проект», суть которого сводилась к предоставлению японским монополистическим объединениям больших экономических выгод на Дальнем Востоке, но в котором не затрагивался бы вопрос об эвакуации японских войск с Северного Сахалина.

Полномочный представитель советского правительства в Китае А. А. Иоффе, возглавлявший советскую делегацию на Чаньчунской конференции, 11 ноября 1922 г. направил японскому посланнику в Пекине ноту следующего содержания: «На Чаньчунской конференции соединенная делегация РСФСР и ДВР заявила самый решительный протест против продолжающейся оккупации северной части Сахалина японскими войсками. Отказ японского правительства назначить срок эвакуации этой территории привел к срыву Чаньчунской конференции...»⁸.

Однако, несмотря на то, что эта конференция была сорвана, японские государственные деятели понимали, что оставлять проблему Северного Сахалина нерешенной опасно, и поэтому шли на контакты с советскими представителями. На предварительной встрече перед переговорами Гото – Иоффе японский посланник Каваками Томицукэ выступил с предложением купить русскую часть острова за 150 млн. йен. А. А. Иоффе выступил с контрпредложением суммы в 1 млрд. золотых рублей, далее увеличенной до 1,5 млрд. Естественно, Иоффе, выступая с этим предложением, действовал не по своей инициативе, он опирался на инструкции Политбюро ЦК РКП(б), предписывавшие согласиться на продажу только при достаточно выгодной сумме. Япония не была готова потратить такую большую сумму, и переговоры

⁵ Смехов, Е. М. *Геологическое строение Сахалина и его газонефтеносность* / Е. М. Смехов. – Л., 1950. – С. 123.

⁶ Мандрик, А. Т. *История рыбной промышленности русского Дальнего Востока* / А. Т. Мандрик. – Владивосток, 1994. – С. 173.

⁷ Косторниченко, В. Н. *Концессионная политика советского руководства в нефтяной промышленности в 20–30-е гг. века* / В. Н. Косторниченко // *Нефть Страны Советов*. – М. – С. 307.

⁸ Леонов, П. А. *Область на островах* / П. А. Леонов, И. В. Панькин, И. Е. Белоусов. – М., 1979. – С. 61.

закончились ничем. После этого влиятельный политический деятель Японии Гото Сипэй часто встречался с советским послом в Китае Адольфом Иоффе. Однако все эти попытки не приблизили стороны к какому-нибудь соглашению.

Серьезные экономические и политические затруднения, возникшие внутри Японии к весне 1923 г., диктовали Японии настоятельную необходимость установления нормальных отношений с Советским Союзом. В марте 1923 г. в нижнюю палату японского парламента был внесен билль об ускорении японо-русских переговоров относительно заключения торгового договора с СССР. В сообщении японского агентства «Тохо» в связи с этим подчеркивалось, что вследствие прекращения японо-русской торговли Япония теряет в год минимум 300 млн. йен. «Отсутствие сношений с Россией, – указывалось в сообщении, – сказывается на лесной, рисовой, рыболовной и других отраслях промышленности. Если оставить в таком же положении взаимоотношения обеих держав, то это принесло бы весьма плохие результаты в политическом отношении. Положение советского правительства постепенно укрепляется, Англия, Франция и Америка готовы открыть торговые сношения с Россией. В том случае, если Япония опоздает заключить торговый договор с Россией, то она окажется на последнем месте в экономическом состязании государств»⁹.

Помимо экономических причин были еще и политические, заставляющие Японию умерить свои притязания на северную часть острова. Во-первых, Вашингтонская конференция (1921–1922 гг.) привела к разрыву англо-японского альянса, лишив тем самым Японию реальной и психологической поддержки; во-вторых, к 1924 г. Советский Союз значительно укрепил свои позиции на международной арене, восстановив дипломатические отношения с Англией, Норвегией, Австралией, Италией, Швецией и Францией; в-третьих, советско-китайский договор о дружбе (1924 г.) вызвал в Японии тревогу: под сомнение были поставлены ее интересы в Китае¹⁰. В мае 1924 г. в Японии состоялись парламентские выборы – к власти пришло правительство Т. Като, в котором пост министра иностранных дел занял К. Сидехара, понимавший необходимость нормализации отношений с Советским Союзом¹¹.

3 мая 1923 г. в Москве была создана специальная комиссия с целью определения экономической и стратегической ценности острова Сахалин. В состав комиссии вошли Г. В. Чичерин, Г. М. Кржижановский, Г. Я. Сокольников и др. Внимательно изучив сущность вопроса, комиссия пришла к выводу о целесообразности непродачи острова, а предоставления японцам долгосрочных концессий на эксплуатацию нефтяных, угольных и лесных богатств.

2 июня того же года Политбюро приняло решение о заключении экономических соглашений с Японией, которые бы представляли для японцев достаточный интерес, но при условии отсутствия их монополии и ограниченного срока концессий¹².

Первые предварительные беседы о нормализации взаимоотношений между СССР и Японией состоялись 24 февраля 1924 г. в Пекине при посещении японским послом в Китае К. Иосидзава советского полпреда Л. М. Карахана. Официальные переговоры начались 14 мая 1924 г. На следующий день Иосидзава передал Карахану японский проект соглашения о нормализации отношений между двумя странами. В нем речь шла также о концессиях на Северном Сахалине; в частности, о сдаче их японцам на 99 лет и о пятипроцентном долевом отчислении с валовой добычи нефти и угля.

Японские предложения предусматривали предоставление концессий, свободных от всяких стеснительных условий, на эксплуатацию нефтяных промыслов почти на всей территории Северного Сахалина, оговаривалось право полной хозяйственной деятельности, как то: рубить лес, строить портовые сооружения, железные дороги, проводить нефтепроводы, устраивать электрические коммуникации и т. д. Органы Советской власти не могли налагать никаких ограничений на наем рабочих, вмешиваться в контроль и организацию труда на японских предприятиях. Предусматривались также определенные льготы и освобождение от взимания местных налогов и сборов¹³.

Советская сторона отвергла этот проект, и тогда 29 июля японцы внесли новые предложения – срок сдачи концессий был уменьшен до 55 лет, при таком же пятипроцентном долевом отчислении. Советские представители также отвергли этот проект¹⁴.

Одновременно с переговорами в Пекине вопрос о концессиях решался и в Москве. Восстановление

⁹ Леонов, П. А. *Область на островах* / П. А. Леонов, И. В. Панькин, И. Е. Белоусов. – М., 1979. – С. 24.

¹⁰ Стефан, Д. *Сахалин. История* / Д. Стефан // *Краеведческий бюллетень*. – 1992. – № 3. – С. 87.

¹¹ *История внешней политики СССР 1917–1945*. – М., 1986. – С. 205.

¹² ВКП(б), *Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг.* – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 10, 23.

¹³ *Письмо полномочного представителя СССР в Китае народному комиссару иностранных дел СССР Г. В. Чичерину о советско-японских переговорах*.

¹⁴ ВКП(б), *Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг.* – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 23.

дипломатических отношений между СССР и Японией и подготовка на этой базе соглашений в области нефтяного дела опирались на опыт, который накопился в арсенале советского правительства. Концессионная политика основывалась на идее государственного капитализма в переходный период. Предложена она была В. И. Лениным, который во многих своих работах давал обоснование необходимости привлечения концессионных капиталов, разработал основы концессионной политики и осуществлял руководство ею в начальный период. Он признавал, что «концессии – это не мир, это тоже война, только в другой форме, более нам выгодной. Прежде война велась при помощи танков, пушек и т. п., которые мешали нам работать, теперь война пойдет на фронте хозяйственном. Концессии – это продолжение войны в хозяйственной плоскости, но здесь мы уже не разрушаем, а развиваем наши производительные силы»¹⁵.

Декреты СНК, определявшие направления концессионного дела, основывались не только на разработках Главного концессионного комитета. В них нашли отражение рекомендации дальневосточных концессионных и руководящих органов, а также учитывались местные условия: отдаленность края, слабая изученность территории, нехватка, а то и просто отсутствие кадров, недостаточное обеспечение финансами, отсутствие дорог и т. п. Декреты по горному делу предусматривали допуск иностранного капитала на основе концессионных договоров; предоставление продуктов переработки и добычи в полное распоряжение предпринимателя; определение сроков концессионных договоров до 49 лет; предоставление полных прав первооткрывателю месторождений; установление точных размеров государственных налогов¹⁶.

На этой основе и разрабатывались концессионные договоры СССР с Японией на разведку и эксплуатацию нефтяных месторождений на Северном Сахалине. Условия концессионных договоров опирались на «Кодекс горных законов», основу которого составляли статьи положений «О недрах и разработке залегающих в них полезных ископаемых» (1923), «О недрах земли и разработке их» (1923). Решающую роль в разработке концессионных договоров сыграли отдельные положения работ В. И. Ленина: «Доклад о концессии» (1920), «Заключительное слово по докладу о

замене разверстки натуральным налогом» (1921), «Доклад о продовольственном налоге» и др. Они носили пропагандистско-агитационный характер и преследовали единственную цель – убедить в целесообразности проведения концессионной политики, связываемой с возможностью получить дополнительные средства для подъема и развития экономики Советского государства¹⁷.

На X съезде РКП (б) отмечалось, что «объектами концессии могли стать те отрасли народного хозяйства, развитие которых явно поднимет уровень развития производительных сил России»¹⁸. 18 августа 1924 г. Политбюро приняло решение о сдаче японцам около 40 % выявленных ресурсов нефти на 50 лет. Предусматривалось, что разграничение будет производиться паритетной смешанной комиссией, обе стороны должны были сообщать друг другу все имеющиеся данные – геологические и по бурению. Долевые отчисления с валовой добычи нефти должны были составить 10 %, а при фонтанной нефти – 40 % валовой добычи. Получив решение Политбюро, Карахан несколько смягчил свои требования. Окрыленный этими уступками, Иосидзава поспешил сообщить в Токио, что с советским правительством вполне можно договориться¹⁹.

29 августа 1924 г. Иосидзава представил советскому правительству меморандум о производимых японцами работах по эксплуатации нефтяных и угольных месторождений на Северном Сахалине. В связи с тем, что советская делегация отказалась обсуждать неприемлемые японские требования в отношении концессий на Северном Сахалине, содержащиеся в проектах соглашения, врученных японцам в июне и августе, 28 сентября 1924 г. Иосидзава представил новый проект протокола «Б». Советскому правительству предлагалось сдать Японии в концессию сроком на 40–50 лет нефтяные месторождения общей площадью в 4 тыс. кв. верст. Плата за эксплуатацию Японией нефтяных месторождений устанавливалась в размере 20 % чистой прибыли, или от 5 до 15 % валовой добычи.

6 октября 1924 г. советская делегация представила свой проект протокола о концессиях. В нем указывалось, что советское правительство согласно сдать японским компаниям в концессию 40 % действующих нефтеносных районов. Сда-

¹⁵ Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Т. 42. – С. 45.

¹⁶ Марьясова, Н. В. Основные направления, принципы и методы концессионной политики в условиях Дальнего Востока России в 20–30-е годы / Н. В. Марьясова // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. – Владивосток, 1997. – С. 155.

¹⁷ Марьясова, Н. В. Концессионная политика Советского государства на Дальнем Востоке в 1920–1930-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. В. Марьясова. – Владивосток, 1992. – С. 6.

¹⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1954. – С. 566.

¹⁹ ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. – М. : РОССПЭН, 2001. – С. 24.

ваемые в концессию участки должны быть расположены в шахматном порядке и не должны соприкасаться друг с другом. Кроме того, советское правительство соглашалось предоставить Японии право разведки нефти на территории в 1 тыс. кв. верст восточного побережья Северного Сахалина сроком на пять лет. По истечении указанного периода в случае обнаружения в этом районе нефти японские компании, которые будут вести разведку, могут получить концессии на добычу нефти из расчета 40 % от каждого нефтеносного участка. Плата за эксплуатацию месторождений определялась в размере от 10 до 15 % валовой добычи нефти.

В советском проекте также указывалось, что до заключения концессионных договоров с японскими компаниями в течение шестимесячного переходного периода с момента заключения общего соглашения японцам разрешалось продолжать работы на действующих предприятиях при условии, что вся полученная в результате этих работ продукция не будет вывозиться за пределы Северного Сахалина.

По получении этого проекта Иосидзава заявил, что он не сможет дать на него ответ и запросит инструкции у своего правительства. В переговорах наступил перерыв, продолжавшийся до 24 октября. 27 октября 1924 г. Иосидзава внес новый проект протокола «Б». В нем японское правительство потребовало предоставления 60 % всей площади выявленных нефтеносных полей, а также 60 % всех тех полей, которые могут быть открыты японцами в будущем²⁰. 27 декабря Карахан заявил Иосидзава, что двусторонние переговоры между двумя государствами проходят успешно и появляется свет надежды на их успешное завершение.

3 января 1925 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) было принято решение согласиться с предложениями Наркомата иностранных дел об условиях сдачи японцам нефтяных концессий на Северном Сахалине. Карахану было рекомендовано отстаивать интересы советского государства, настаивать на том, чтобы размеры квадратов нефтяных участков были от 15–30 десятин каждый.

Советское правительство согласилось с формулировкой, предусматривавшей начало эвакуации японской армии с Сахалина не позднее середины апреля 1925 г. и ее окончание не позже июня с тем, чтобы советская администрация начала осуществление своей власти на Сахалине²¹. 15 января 1925 г. Политбюро ЦК ВКП (б) согласилось с предложением НКВД о продлении срока между

эвакуацией японских войск с территории Северного Сахалина и подписанием концессионного контракта до пяти месяцев²².

Таким образом, подписанию окончательного соглашения о выводе японских войск и подписанию концессионного договора предшествовали долгие и трудные предварительные переговоры.

20 января 1925 г. в Пекине была заключена советско-японская конвенция об основных принципах взаимоотношений. В ней предусматривалось восстановление дипломатических отношений между двумя государствами, а в связи с этим и пересмотр всех заключенных между царской Россией и Японией договоров, конвенций и соглашений, за исключением мирного Портсмутского договора. Последний оставался в силе, но Советское государство снимало с себя политическую ответственность за него особой нотой.

Оценивая этот договор, уместно привести слова американского историка Д. Стефана: «Если говорить о разрешении проблем Северного Сахалина – соглашение было блестящей победой советской дипломатии. Русские добились вывода японских войск с Северного Сахалина без применения силы, хотя еще в 1924 г. многие политики полагали, что Япония либо аннексирует, либо выкупит эту территорию. Более того, они официально подтвердили суверенное право СССР на эту часть острова. Этот шаг развеял надежду некоторых японских кругов, что когда-нибудь весь остров Сахалин подобно спелой хурме, упадет в корзину империи»²³.

Конвенция состояла из семи статей протокола «А» и из пяти статей протокола «Б» и краткой декларации. Вопросы, которые долгое время тормозили ход переговоров в Пекине (эвакуация японских войск с Северного Сахалина, концессии, долги), нашли свое отражение не в основной части конвенции, а в двух ее протоколах. В протоколе «А» в статье VI указывалось: «В интересах развития экономических отношений между обеими странами и принимая во внимание нужды Японии в отношении естественных богатств, правительство СССР готово предоставить японским подданным, компаниям и ассоциациям концессии на эксплуатацию минеральных, лесных и других естественных богатств на всей территории СССР»²⁴.

В протоколе «Б» нашли отражение все вопросы концессионных отношений двух сторон, которые должны разрешиться в течение пяти месяцев со дня полной эвакуации японских войск с Се-

²⁰ *Документы по истории сахалинских концессий // Краеведческий бюллетень. – 2000. – № 1. – С. 106.*

²¹ *ВКП (б), Коминтерн и Япония. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 24.*

²² *Там же. – С. 25.*

²³ *Стефан, Д. Сахалин. История / Д. Стефан // Краеведческий бюллетень. – 1992. – № 3. – С. 87.*

²⁴ *Документы по истории сахалинских концессий // Краеведческий бюллетень. – 2000. – № 1. – С. 16.*

верного Сахалина. Рекомендованные правительством Японии на Северном Сахалине японские концерны получали в концессию 50 % площадей каждого из нефтяных месторождений. Нефтяные месторождения должны были быть разделены на шахматные квадраты от 15 до 40 десятин каждый, причем 50 % из них предоставлялось японцам. Квадраты должны были быть не смежными, включающими все скважины, на которых до заключения договора велись буровые работы.

Что касается оставшихся 50 % не сданных в аренду участков, то советское правительство намеревалось предложить их полностью или частью в иностранную концессию, японцам так же, как и другим заинтересованным лицам, должны были предоставляться равные возможности. Японские концессионеры получили разрешение вести производство разведок нефтяных месторождений на восточном побережье Северного Сахалина на площади в 1000 квадратных верст на срок от пяти до десяти лет. В случае нахождения запасов нефти концессионер получал 50 % площади нефтяных месторождений. Протокол «Б» устанавливал срок концессии на эксплуатацию нефтяных месторождений от 40 до 50 лет.

Таким образом, деловые круги Японии получили право на нефтяные концессии на Северном Сахалине, но на срок и на условиях, которые в упорной борьбе отстояла советская делегация во главе с Л. М. Караханом. В качестве платы Советское государство должно было получать по нефтяным месторождениям от 5 до 15 % валовой добычи. В

случае фонтанирования плата повышалась до 45 % валовой добычи²⁵.

Японским концернам разрешалось рубить деревья, необходимые для нужд предприятий, сооружать различные установки для облегчения сообщений и перевозки материалов и продуктов. В некоторых статьях протокола «Б» говорилось о беспошлинном ввозе и вывозе всяких предметов, материалов или продуктов, необходимых для предприятий, о скользящей оплате от валовой добычи. Детали сотрудничества Советского государства и японских концессионеров оговаривались в концессионном договоре²⁶.

20 января 1925 г. уполномоченные СССР и Японии обменялись нотами в связи с подписанием конвенции. Л. М. Карахан передал согласие советского правительства на продолжение работ японцами на Северном Сахалине на нефтяных и угольных месторождениях до заключения концессионных контрактов. Однако нефть могла использоваться ими только для внутреннего потребления, исключался вывоз ее в Японию. Деловые круги Японии надеялись на установление экономического сотрудничества с СССР. Председатель Токийской торговой палаты Фудзияма заявил: «Заключение договора самым благоприятным образом отразится на будущем японской промышленности. Договор облегчает, между прочим, торговые сношения через Россию с Западной Европой. Сахалинская нефть много содействует разрешению японской топливной проблемы»²⁷.

²⁵ *Документы внешней политики СССР*. – С. 76.

²⁶ *СЦДНИ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 44. Л. 28.*

²⁷ *Лопачев, А. М. Освобождение Северного Сахалина / А. М. Лопачев. – Южно-Сахалинск, 1989. – С. 91.*

*И. Ю. Шашкова,**ведущий библиотекарь отдела краеведения СахОУНБ*

ВЫСТАВОЧНАЯ И ПОИСКОВАЯ РАБОТА ОТДЕЛА КРАЕВЕДЕНИЯ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Одно из важных направлений работы Сахалинской областной универсальной научной библиотеки – краеведение. А задача краеведения – предоставление информационных услуг пользователям на основе краеведческих фондов библиотеки, распространение краеведческих знаний, привлечение населения к чтению краеведческой литературы, к изучению истории своей малой родины.

Одна из наиболее эффективных форм информационного обслуживания – организация выставок краеведческих документов. Тематический план выставок отдела краеведения нашей библиотеки формируется на основе календарных памятных и знаменательных дат Сахалинской области, в том числе событий и фактов, связанных с историей, экономикой, культурой области, персонами людей, внесших вклад в историю развития нашей области. Так, в процессе подготовки к 60-летию юбилею Сахалинской области сотрудниками отдела краеведения была разработана программа выставочной работы под общим названием «Герои земли сахалинской», рассчитанная на три года (2007–2009). Программа состояла из нескольких циклов выставок, посвященных людям, жизнь которых так или иначе была связана с Сахалином и Курильскими островами.

Первый цикл был посвящен Героям Советского Союза, удостоенных этого звания за участие в боевых действиях по освобождению Южного Сахалина и Курильских островов от японских милитаристов. Известно, что их было 14 человек. В процессе подготовки экспозиции мы столкнулись с тем, что печатных источников о тех событиях и персонах крайне мало, они общеизвестны, часто цитируются или на них ссылаются практически в каждом новом издании. Новых сведений и материалов практически нет. И это при том, что оставшиеся в живых герои постоянно приезжали в нашу область, встречались с руководителями, школьниками, общественностью. А Герой Советского Сою-

за Василий Иванович Сигов с 1954 по 1963 год жил и работал в городе Долинске. Но почти в каждой заметке о нем написано: «Он был скромным человеком, и даже соседи не знали, что рядом с ними живет Герой Советского Союза». О найденных документах и выставках этого цикла я рассказывала ранее, материалы были опубликованы¹.

Второй цикл выставок был посвящен Героям Советского Союза, удостоенных этого звания за участие в боях на западных фронтах, которые уже после 1945 года приехали в нашу область, здесь жили и работали, а некоторые и закончили свой земной путь. На тот момент были известны имена семи героев: Федотова Михаила Алексеевича, Хасаншина Мансура Рахиповича, Валентеева Степана Елисеевича, Кайдалова Константина Потаповича, Никишова Владимира Владимировича, Спицына Ивана Яковлевича и Пермякова Владимира Васильевича. Десять фамилий в этот список добавили сотрудники Государственного исторического архива Сахалинской области. После показа по сахалинскому телевидению нескольких сюжетов, газетных публикаций в газетах «Восход» (г. Корсаков), «Губернские ведомости», «Советский Сахалин», «Южно-Сахалинск сегодня», в которых рассказывалось о нашей поисковой работе, в отдел стали звонить, писать сахалинцы и называть неизвестные нам ранее фамилии героев. Эти факты и подвигли библиотекарей на поисковую работу, которая продолжается и сегодня. Именно поисковая работа позволила найти архивные документы, новые сведения и имена людей, разыскать родственников, получить фотографии и документы из семейных архивов и на основе найденных материалов подготовить новые выставки, публикации в областной печати. На сегодняшний день нам известны фамилии 69 героев, проживавших в разные годы в нашей области. Материалы этого цикла выставок были опубликованы ранее².

¹ *Погибшим и живым героям слава! : сб. статей / авт. идеи Т. А. Чучинская ; авт. текстов И. Ю. Шашкова ; ред. Н. Н. Толстякова. – Южно-Сахалинск, 2010. – С. 44 : ил. ; Шашкова, И. 65 в 65-м / И. Шашкова // Особое мнение. – 2010. – № 68 (август–сентябрь). – С. 28–33 : фот.*

² *Шашкова, И. Ю. Неизвестные Герои Сахалинской области / И. Ю. Шашкова // IV Рыжковские чтения : материалы научно-практической конференции (Южно-Сахалинск, 7–8 октября 2008 г.) : сб. статей / Управление культуры Сахалинской области, Сахалинская областная универсальная научная библиотека, Сахалин. гос. ун-т ; сост. Г. М. Нефедова ; редкол.: М. С. Высоков, Г. М. Нефедова, В. Г. Борисова. – Южно-Сахалинск, 2009. – С. 232–239 ; Шашкова, И. Ю. О выставочной работе отдела краеведения Сахалинской областной универсальной научной*

Третий цикл выставок был посвящен полным кавалерам ордена Славы (это звание приравнивается к званию Героя Советского Союза), которые жили и работали в Сахалинской области. На момент начала сбора материалов у нас были сведения о семерых кавалерах, это Баранов Никита Григорьевич, Дёмин Иван Егорович, Закомолдин Иван Иванович, Килеев Илья Андреевич, Симоненко Николай Иванович, Торопов Николай Сергеевич, Чуриков Геннадий Петрович. На сегодняшний день нам известны фамилии еще пяти кавалеров. Материалы этого цикла вошли в сборник статей «V Рыжковские чтения», который до конца этого года выйдет из печати.

Часть найденных нами сведений о героях и кавалерах была размещена на сайте библиотеки в разделе «Острова утренней зари» в рубрике (папке) «Тематические выставки» на странице «Герои Сахалинской земли – Герои Советского Союза». Страница получилась неудобна для поиска: чтобы найти информацию на интересующего героя, надо просмотреть весь список фамилий, поэтому после доработки страницы нашими программистами мы разместим сведения об остальных героях и кавалерах (ил. сайт б-ки Герои).

Четвертый и пятый циклы выставок (2010–2011 гг.) должны были рассказывать читателям о сахалинцах Героях Социалистического Труда и полных кавалерах ордена Трудовой славы. Известно было о 55 героях, мы нашли 56 фамилий. Также в ходе сбора материалов о Героях Социалистического Труда мы нашли героиню, которая, имея это звание, после 1945 года приехала в нашу область, здесь жила и работала – Равкина Полина Ивановна, начальник производственного управления сельского хозяйства Невельского горисполкома. Сахалинский период жизни еще двоих героев (М. И. Бальзамова – лауреата Сталинской премии, главного геолога объединения «Дальнефть» и Г. Ламочкина – работал в строительной отрасли) предстоит восстановить.

В ходе сбора информации о героях нам попадаются интересные материалы о людях, не имеющих таких высоких наград, но чьи судьбы не менее интересны. Как было сказано ранее, мы обратились через газеты, телевидение, радио к сахалинцам с просьбой рассказать о своих родных и знакомых с интересной судьбой. Так к нам попали материалы о Федоре Николаевиче Стаднике и об Анатолии Николаевиче Ермакове.

Стадник Федор Николаевич. По материалам, предоставленными внуком Владимиром, Федор Николаевич родился 11 февраля 1918 года в небольшом украинском селе в крестьянской семье. Окончил сельскохозяйственную школу плодоовощеводства и получил профессию «агроном-плодоовощевод».

В 1939 году его призвали на срочную службу в рабоче-крестьянскую Красную армию (РККА), служил в городе Новосибирске. Здесь Федор Михайлович прошел обучение на курсах военной подготовки, после окончания учебы ему вручили лейтенантские погоны и направление в г. Владивосток на курсы подготовки военных переводчиков, где он изучал японский язык. После успешного окончания курсов был направлен в Хабаровск в разведывательный отдел штаба 2-го Дальневосточного фронта. В период прохождения службы в разведотделе имел псевдоним «Сабуров». В составе советской делегации Федор Михайлович присутствовал на американском линкоре «Миссури» при подписании представителями японской делегации акта о безоговорочной капитуляции. В 1946 году по распределению Ф. Н. Стадник был направлен в Южно-Сахалинск для работы в органах управления рыбной промышленностью. Работал «присяжным переводчиком» Госрыбтреста. Позже в Главсахалинрыбпроме (ГСРП) – инженером отдела добычи, старшим инженером отдела снабжения. Женился, в браке родились два сына. В 1984 году вышел на пенсию. Скончался 4 февраля 1999 года в городе Южно-Сахалинске, здесь же похоронен.

Был награжден орденами Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией», «Ветеран труда».

Ермаков Анатолий Николаевич (о нем рассказала дочь Светлана Анатольевна) родился 5 мая 1921 года в Москве. В июне 1940 года закончил 10 классов и поступил в машинно-строительный институт им. Баумана, а осенью этого же года его призвали на срочную службу в Красную армию. Служил в Приморье. Грамотного призывника направили на курсы младших командиров, окончив которые он продолжил службу в городе Имане ко-

мандиром отделения 105-й отдельной роты связи. В сентябре 1941 года по распоряжению особого отдела как лучшего командира Анатолию Николаевичу предложили продолжить учебу в институте иностранных языков на отделении японского языка. В 1943 году Ермаков оканчивает институт в звании лейтенанта и с квалификацией переводчика первого разряда отправляется служить в Хабаровск в 202-ю воздушно-десантную бригаду помощником начальника штаба разведки. Когда в августе 1944 года бригаду отправили на Западный фронт, Ермакова оставили на Дальнем Востоке, и он продолжил службу оперативным переводчиком во втором отдельном радиополку «Осназ».

В августе 1945 г. прибыл на Сахалин, месяц проработал в разведотделе, затем был переведен старшим переводчиком в гражданскую администрацию. В автобиографии Анатолий Николаевич так описал свою работу в то время: «Моя служба в качестве военного переводчика внесла свой вклад в урегулирование вопроса о возвращении Советскому Союзу его исконных земель – Южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов, а также островов Курильской гряды. Большое участие мне пришлось принять и в репатриации японского населения с Южного Сахалина, где проживало 415 тысяч японцев (по переписи 1944 г.)». И дальше он рассказал об одном «интересном случае» – именно под таким заголовком описано происшествие: «Разместив японцев в лагере для военнопленных, я ушел домой. Вскоре меня вызвали в штаб армии, и начальник (Ермаков, к сожалению, не написал его фамилии) сказал, что в лагере бунт и чтобы я с ротой автоматчиков упокоил своих японцев. Я ответил, что мне не нужна рота автоматчиков. Достал из кобуры свой пистолет и сказал: “Положите его в сейф. Я пойду к японцам один и без оружия”. В лагере выяснилось, что на обед привезли щи и кашу, а они это не едят. Ошибка была исправлена, конфликт улажен».

В 1946 году Ермаков демобилизовался, но остался на Сахалине, работал в советском аппарате председателем городской (Южно-Сахалинской) репатриационной комиссии, какое-то время работал секретарем горисполкома. В 1947 году был избран депутатом городского Совета. А через год назначен старшим цензором Сахалинского обллита, где отвечал за сохранение военных и государственных тайн в печати. Женился, вырастил двух дочерей.

В мае 1954 года Анатолий Николаевич был переведен на должность ответственного секретаря областного журнала «Блокнот агитатора», в этой должности он проработал до июля 1971 года. В этом году при Сахалинском облисполкоме создается Управление по охране государственной тайны в печати и его переводят на работу в Управление старшим редактором, где он проработал до

выхода на пенсию в июле 1980 года. Умер Анатолий Николаевич Ермаков 29 октября 2005 года.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Японией» и «Имени Жукова».

На сайте Сахалинской областной универсальной научной библиотеки в разделе «Острова утренней зари» в рубрике «Актуальная тема» мы открыли страницу «Внимание – поиск!», где поместили фотографию, на которой изображена группа военных. В центре второго ряда стоит А. Н. Ермаков, имена остальных мы не знали. На нашу просьбу помочь в восстановлении имен остальных откликнулась Людмила Александровна Касимова, которая сказала, что справа от Ермакова стоит ее отец Ощепков Александр Иванович 1920 года рождения. Он был призван в РККА из г. Новосибирска, воевал на Западном фронте, в армии служил до 1946 года. На Сахалине с 1945 года. Работал заведующим ЗАГСом (1950–1954 гг.).

Мы смотрим фильмы про войну, восхищаемся отвагой, находчивостью разведчиков. И не всегда задумываемся о том, что такие же солдаты жили среди нас, были нашими соседями, коллегами, знакомыми. И что благодаря их ратному подвигу мы можем радоваться, горевать, жить.

Когда узнаешь о судьбах таких людей, становится жалко, что мы так поздно занялись поисковой работой. Вы только представьте, сколько интересного могли рассказать Ермаков и Стадник, возможно, стоявшие у истоков составления, перевода и подписания документов о капитуляции Японии, но подписанная ими бумага «о неразглашении государственной тайны» не давала им возможности рассказывать о своей работе. Когда же в стране началась перестройка и гриф «секретно» был снят, их воспоминания стали никому не интересны. А ведь чем меньше именно таких людей остается в живых, тем громче раздаются голоса о пересмотре причин возникновения Второй мировой войны, о роли Советского Союза в этой войне, о целостности российских территорий.

В заключение хочется отметить, что звание Героя Советского Союза, к сожалению, посмертно было присвоено **единственному коренному сахалинцу** – Грищенко Николаю Даниловичу. Уроженцу села Андрее-Ивановское Кировского (ныне село Белое Тымовского) района, призванного осенью 1940 года Кировским военкоматом в рабоче-крестьянскую Красную армию для прохождения срочной службы. Служил в Приморье. На фронтах Великой Отечественной войны с мая 1942 года. Воевал на Брянском и Центральном фронтах. Служил в артиллерийской раз-

ведке. Осенью 1943 года вместе с бойцами 13-й армии Центрального фронта Николай Грищенко принял участие в форсировании Днепра, которое прошло успешно. Продвигаясь вглубь фронта и готовя плацдарм для высадки основных сил 13-й армии, десантники встретили яростное сопротивление превосходящих сил противника. Последний бой старшего сержанта Николая Даниловича Грищенко прошел 25 сентября 1943 года у деревни Заречье Брагинского района Гомельской области (Белоруссия). Стрелковой роте грозила опасность окружения, старший сержант Грищенко, вооружившись гранатами, выдвинулся вперед боевых порядков и начал расстреливать врага в упор. В этом неравном бою он уничтожил до 30 солдат и одну бронемашину. Оставшись без боеприпасов, тяжело раненный, последней гранатой взорвал себя и четверых окруживших его гитлеровцев. За это время десантники сумели пополнить боезапас, сменить местоположения и продолжить бой. Николай Грищенко был награжден орденами Ленина, Красной Звезды, медалями «Золотая Звезда», «За отвагу»³.

На встречах с читателями, школьниками я всегда задаю вопрос: «Знает ли кто-нибудь, что среди Героев Советского Союза есть коренной сахалинец?». В ответ – молчание. Складывается впечатление, что кроме тымовчан и историков о том, кто такой Грищенко, никто ничего не знает.

К сожалению, сведений о нашем земляке Николае Даниловиче Грищенко нет на официальных сайтах губернатора и правительства Сахалинской области, муниципального образования «Тымовский городской округ». Поэтому в апреле 2011 года коллектив библиотеки обратился к Правительству Сахалинской области и в администрацию г. Южно-Сахалинска с предложениями:

– разместить на сайте правительства биографическую справку о Грищенко;

– назвать одну из улиц областного центра именем Героя Советского Союза Николая Даниловича Грищенко и на площади Победы установить памятный знак, посвященный нашему земляку.

Ответа на наши письма-предложения мы до сегодняшнего дня не получили.

Расписывая газеты «Губернские ведомости» и «Южно-Сахалинск сегодня», сотрудникам отдела частенько попадают постановления органов власти разного уровня о проведении мероприятий по патриотическому воспитанию сахалинцев. Считаю, что увековечение памяти на сайте правительства и в областной столице единственного уроженца Сахалинской области, удостоенного звания Героя Советского Союза, послужит достойным вкладом в дело формирования исторического самосознания всех жителей и гостей островной области, будет способствовать дальнейшему укреплению патриотических чувств молодежи.

³ Шашкова, И. Ю. *Воспитание личности – воспитание патриота / И. Ю. Шашкова : сб. текстов // Итоги Второй мировой войны в судьбе России: работа библиотек по патриотическому воспитанию : материалы обл. научно-практ. конф. 12–13 мая 2010 г. // Агентство по культуре Сахалинской обл. ; Сахалин. обл. универс. науч. б-ка ; ред.-сост. Е. В. Лабазова ; редкол.: Т. Н. Арентова, Т. А. Козюра, В. А. Малышева. – Южно-Сахалинск, 2011. – С. 61–64 : фот.*

Е. В. Ясенева,
старший преподаватель кафедры российской и всеобщей истории
Института истории, социологии и управления СахГУ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ В ФОНДАХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ АРХИВОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

В 2011–2012 гг. автором статьи проводилась исследовательская работа по выявлению опубликованных и неопубликованных материалов по истории Курильских островов в центральных архивах Российской Федерации – Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) (г. Москва) и в Российском государственном историческом архиве (РГИА) (г. Санкт-Петербург). В ходе работы были выявлены следующие материалы.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

В фондах архива отложились ценные картографические материалы, позволяющие проследить историю изменения начертаний на картах XVIII–начала XIX в. Курильских островов и отражающие эволюцию представления о местонахождении данных островов в Тихом океане.

Один из основных фондов РГАДА – фонд кабинета Петра I (Ф. 9), содержит следующие материалы по истории Курильских островов: карту Якутского уезда, Камчатки и Курильских островов и пути на Камчатку и Курильские острова², «сказку» (копии) Я. Елчина о плавании в 1713 г. камчатских казаков Ивана и Петра Козыревских с товарищами на Курильские острова и о торговле курилов с японцами³.

В фондах картографического отдела библиотеки МГА МИД (Ф. 192) и графических материалов Сената (Ф. 248) представлены интересные картографические материалы по истории Курильских

островов: «Контурная карта Восточной Сибири (от устья р. Индигирки до р. Амур) с Курильскими островами и Северной Америкой, составленная по материалам экспедиции Беринга и Чирикова 1741 г., с указанием конечной границы предполагаемой экспедиции иркутского купца Ив. Бечевина в Тихом океане» (1759 г.)⁴, «Карта части Восточной Сибири с Камчаткой и Курильскими островами» (1759 г.)⁵, «Мнимое изображение 19 Курильских островов с записок Тюменского купца Ив. Никонина» (1773 г.)⁶, «Виды II-го Курильского острова до и после извержения вулкана (“прорыва” сопки)» (1781 г., октябрь)⁷, «Аккуратная карта части Камчатки с положением Охотского берега со всеми Курильскими островами и частью Японии, такою Северо-запад Америки, со всеми Алеутскими островами или Северным Архипелагом, против прежних описей выправлена в Иркутск» (1781 г.)⁸, «Генеральная географическая карта представляющая Иркутскую губернию разделенную на 15 уездов с населением Чукоцкой земли, Северовосточной Америки, Алеутскими и Курильскими островами, также и часть Китайского государства с стоящими по графнице крепостями и караулами. Собранная с разных описаний в Иркутске» (1797 г.)⁹, «Карта Курильских островов» (1805 г.)¹⁰, «Панорама гор. Сарычева (о. Рау-кок) и о-ва Матау (группа Курильских островов)» (н. XIX в.)¹¹.

Фонд барона Ф. Р. Остен-Сакена (Ф. 1385) содержит текст договора Японии и России о приобретении Россией части Сахалина взамен передаче Японии всех Курильских островов 25 апреля – 7 мая 1875 г. на русском и французском языках¹².

¹ Данная статья подготовлена в ходе исследований по НИР ГК № 14.740.11.0769 «История Курильского архипелага с древнейших времен до начала XXI столетия: создание высокотехнологичных ресурсов краеведческого образования» в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

² Ф. 9. Отд. II. Кн. 40–53. Л. 374.

³ Ф. 9. Отд. II. Кн. 40–53. Л. 375, 375 об., 376, 380, 380 об., 381, 381 об., 382, 382 об.

⁴ Ф. 248. О. 160. № 1912.

⁵ Ф. 248. О. 160. № 1913.

⁶ Ф. 192. О. 1. № 61.

⁷ Ф. 248. О. 160. № 1653.

⁸ Ф. 192. О. 1. № 88.

⁹ Ф. 192. О. 1. № 109. Ч. 2.

¹⁰ Ф. 192. О. 3. № 38.

¹¹ Ф. 192. О. 3. № 49.

¹² Ф. 1385. О. 1. Д. 927. Л. 1, 2, 2 об., 3, 3 об., 8, 8 об.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

В фондах ГАРФ были обнаружены интересные документы, освещающие историю Курильских островов во второй половине XX века. Данные материалы можно разделить на следующие группы: 1) документы по отдельным аспектам переселенческой политики СССР в послевоенные годы; 2) рассекреченные дела секретного архива Военного министерства СССР, связанные с проблемами снабжения топливом военных частей, расположенных на Курильских островах; 3) документы отраслевых фондов, в частности, фонда Министерства рыбной промышленности РСФСР, затрагивающие проблемы состояния и перспектив добычи рыбы и рыбообработки в районе Курильских островов, и 4) документы, освещающие территориальные аспекты российско-японских отношений в 1990-е гг.

В фонде Совета министров СССР (Ф. Р-5446) отложено дело о завозе в Сахалинскую, Камчатскую области, на Курильские острова и на Охотское побережье скота для выдачи переселенцам по обменным квитанциям и для продажи семьям-переселенцам, не имеющим коров (30 октября 1950 – 12 декабря 1951 г.)¹³. Дело об освобождении Военно-Морского министерства от перевозки нефтепродуктов на Курильские острова (21 июля 1952 – 23 августа 1952 г.)¹⁴ имеет гриф «*Совершенно секретно*» и ранее хранилось в секретном архиве (группа по Военному министерству СССР). Речь в деле идет о перевозке танкером «Ирбит» авиационного керосина для частей 29-й воздушной армии (военно-морские базы 7 ВМФ и 5 ВМФ) в связи с затянувшимся капитальным ремонтом танкера «Баргузин» (авиация с 28 июля 1952 г. вынуждена была прекратить полеты из-за отсутствия топлива). Дело о завозе топлива на остров Сахалин и Курильские острова (18 сентября 1952 – 20 сентября 1952 г.)¹⁵ также имеет гриф «*Совершенно секретно*» и ранее хранилось в секретном архиве (группа по Военному министерству СССР). Дело содержит материалы о том, что Министерство лесной промышленности СССР неудовлетворительно производит поставку дров для военных частей, расположенных на Чукотке, Курильских островах и на о. Сахалин, и данную

перевозку Совет министров СССР обязал осуществить судами Министерства морского флота.

Отдельные упоминания о Курильских островах отложились в документах отраслевого фонда Министерства рыбной промышленности РСФСР (Ф. А 32) – дело, содержащее тезисы докладов, сделанных на научно-технической конференции работников рыбной промышленности дальневосточных бассейнов (г. Хабаровск, 15–22 февраля 1947 г.)¹⁶, и в деле, содержащем уставы предприятий и организаций Главного управления рыбной промышленности Сахалина «Главсахалинрыбпром»¹⁷; в документах фонда Государственной плановой комиссии (Госплан) РСФСР (Ф. А262)¹⁸; в фонде Совета министров РСФСР (Совмин РСФСР) (Ф. А 259) отложилась переписка с Советом министров СССР, ведомствами СССР и РСФСР, Сахалинским облисполкомом об улучшении организации контейнерных перевозок в Камчатскую область и на Курильские острова Сахалинской области (14 мая 1984 – 14 мая 1985 г.)¹⁹. Интересные документы содержит фонд Съезда народных депутатов РФ, Верховного совета РФ и их органов (Ф. 10026), в частности, стенограмму пресс-конференции координаторов депутатской группы «Россия» С. Н. Бабурин и Н. А. Павлова с представителями прессы о результатах поездки на Курильские острова от 15 октября 1991 г.²⁰.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

В фондах данного архива были выявлены документы, освещающие историю Курильских островов в конце XVIII–XIX в. Материалы РГИА можно сгруппировать по следующим признакам: 1) документы, отражающие эволюцию российско-японских отношений в конце XVIII–XIX в.; 2) документы, затрагивающие различные аспекты хозяйственного освоения Курильских островов; 3) документы, освещающие жизнь и быт курильских айнов, и 4) документы, освещающие деятельность Русской православной церкви на Курильских островах.

Интересные документы отложились в фонде I Сибирского комитета (Ф. 1264) – записка надворного советника Лосева о посылке в 1775 и 1777 годах купцами Лебедевым-Ласточкиным и Шелиховым судов

¹³ Ф. Р-5446. О. 81. Д. 4323.

¹⁴ Ф. Р-5446. О. 86 а. Д. 313.

¹⁵ Ф. Р-5446. О. 86 а. Д. 331.

¹⁶ Ф. А 32. О. 1. Д. 176.

¹⁷ Ф. А 32. О. 1. Д. 599.

¹⁸ Ф. А 262. О. 7. Д. 257.

¹⁹ Ф. А 259. О. 48. Д. 8166.

²⁰ Ф. 10026. О. 1. Д. 2922.

к острову Магмаю и о торговых опытах с Японией, объявлении матмайского и нагасакского губернаторов о «разбойничьем» поведении на Японских островах экспедиции под командой лейтенанта Хвостова в 1806 г. и о нежелании Японии налаживать торговые связи с иностранными государствами; описание экспедиции адмирала П. И. Рикорда в 1813 г. для освобождения из плена захваченных японцами в Кунашире русских офицеров и нижних чинов, отправившихся в экспедицию в мае 1811 г. под командованием капитана В. М. Головнина для изучения и описания Южных Курильских островов²¹. Также в фонде Государственного совета (Ф. 1152) имеются материалы об ассигновании средств на организацию экспедиции П. И. Рикорда²².

В отдельную группу можно выделить материалы фондов департамента полиции исполнительной МВД (Ф. 1286),²³ департамента министра коммерции (Ф. 13)²⁴ и комитета министров (Ф. 1263)²⁵ разных лет, связанные с японцами, потерпевшими кораблекрушение у Курильских островов и спасенными местными жителями.

В составе фонда департамента мануфактур и внутренней торговли МФ (Ф. 18) и фонда главного правления Российско-Американской компании (Ф. 15) имеется ряд дел, освещающих деятельность Российско-Американской компании на Курильских островах: дело о доставлении остающихся после кораблекрушения на Курильском острове товаров, принадлежащих компании²⁶, документы о назначении 1-й кругосветной экспедиции²⁷ и обзор управления колониями Российско-Американской компании в 1854–1859 гг.²⁸, в которых упоминаются «мохнатые курильцы» – айны.

Особо следует выделить документы фонда канцелярии Синода (Ф. 796) – рапорты камчатского епископа Вениамина об отнесении Курильских и Командорских островов к вновь открытой Якутской епархии за июнь–ноябрь 1870 г.²⁹ и отчеты о состоянии Камчатской епархии за 1859 г.³⁰, 1868 г.³¹,

1870 г.³² и 1872 г.³³, на страницах которых имеются упоминания о Курильских островах. Также в фонде хозяйственного управления при Синоде (Ф. 799) отложились документы по представлению епископа Камчатского, о взятых князем Максютковым деньгах и шкурах из часовни на острове Шумшу на 8 тыс. рублей ассигнациями от 15 мая 1855 г.³⁴.

В фондах именных указов и высочайших повелений Сенату (Ф. 1329) и именных указов за январь и февраль 1876 г. (Ф. 1409) содержатся текст трактата между Россией и Японией об обмене части о. Сахалина на гряды Курильских островов и декларация к трактату³⁵. Фонд департамента полиции исполнительной МВД (Ф. 1286) в числе прочих документов содержит копии именного списка жителей островов Уруп, Шумшу, Онекотана и Шиашкотана, список островов Курильской гряды, уступленных японскому правительству по трактату, заключенному в 1875 г., ведомость припасам, состоявшим к 20 сентября 1875 г. в магазине надворного советника Филиппеуса на острове Шумшу, ведомость припасам, состоявшим к 10 сентября 1875 г. в магазине надворного советника Филиппеуса на острове Симусир, ведомость долгам, состоящим за курильцами надворному советнику Филиппеусу, список долгов за промышленниками на Курильских островах в 1875 г., капитал А. Ф. Филиппеуса на Курильских островах в 1875 г., ведомость принятым от японских комиссаров строениям, принадлежащим японскому правительству на о. Сахалине, и т. д.³⁶.

В фонде Мордвиновых (Ф. 994) имеются сведения об антияпонском выступлении жителей Курильских островов в 1790 г. и казни японцами участников выступления³⁷.

Таким образом, в фондах центральных архивов Российской Федерации представлен широкий спектр документальных источников, освещающих различные аспекты истории освоения и развития Курильских островов.

²¹ Ф. 1264. О. 1. Д. 577. Л. 15–23, 37–39 об.

²² Ф. 1152. О. 1. Д. 32.

²³ Ф. 1286. О. 1. Д. 217. Л. 204, 204 об., 205, 226, 226 об.

²⁴ Ф. 13. О. 2. Д. 1069.

²⁵ Ф. 1263. О. 1. Д. 79. 1815, 20 июля. Л. 443–449; Ф. 1263 О. 1. Д. 102. 1816, 23 декабря. Л. 808–813 об.

²⁶ Ф. 18. О. 5. Д. 1221; Ф. 18 О. 5. Д. 1223.

²⁷ Ф. 15. О. 1. Д. 2. Л. 8, 8 об., 9.

²⁸ Ф. 15. О. 1. Д. 14. Л. 6 об., 7, 7 об., 8, 14, 14 об., 15.

²⁹ Ф. 796. О. 445. Д. 180.

³⁰ Ф. 796. О. 442. Д. 29.

³¹ Ф. 796. О. 442. Д. 272.

³² Ф. 796. О. 442. Д. 372.

³³ Ф. 796. О. 442. Д. 473.

³⁴ Ф. 799. О. 13. Д. 126.

³⁵ Ф. 1329. О. 1. Д. 852; Ф. 1409. О. 3. Д. 8550(5).

³⁶ Ф. 1286. О. 53. Д. 246; Ф. 1286. О. 37. Д. 474.

³⁷ Ф. 994. О. 2. Д. 1620.

РАЗДЕЛ 2

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

*Г. В. Боровской,**доцент кафедры социологии Института истории, социологии и управления СахГУ*

ЭКСТРЕМИЗМ И ПРОБЛЕМА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ЮЖНО-САХАЛИНСКА)

Практика России и других стран показывает, что миграционные процессы в большинстве случаев проходят стихийно, никто ими не управляет. Благодаря миграции происходит этническая эрозия социума, оборотной стороной которой является возникающее напряжение между местным населением и мигрантами. Этническая принадлежность выступает ключевым маркером отношений «свой–чужой».

Несмотря на то, что привлечение иностранной рабочей силы стало необходимым условием для функционирования целого ряда видов экономической деятельности в области: строительство, торговля, ремонт автотранспортных средств, добыча полезных ископаемых, сельское и лесное хозяйство и т. д., Сахалинская область оказалась неготовой к такому повороту дел. Более того, в Сахалинской области не изучается потребность рынка труда в дополнительной рабочей силе. Поэтому неуправляемость и неконтролируемость этого процесса стала отрицательно сказываться на состоянии внутреннего рынка труда, привела к массовым нарушениям прав мигрантов, создала очаги социальной напряженности в местах их скопления, негативно повлияла на криминальную обстановку.

Социальная напряженность в области между мигрантами и местным населением стала проявляться в росте двух факторов: национальной нетерпимости и экстремизме. Причем следует отметить, что эти факторы характерны как для местного населения, так и для прибывших мигрантов.

Анализ трудоустройства мигрантов показал, что приезжие тяготеют к занятости в основном в рамках неформального рынка труда, обслуживающего сферу теневой экономики, которая, с одной стороны, не требует легализации их статуса, а с другой – предоставляет широкие возможности для быстрого достижения материального благополучия, так как позволяет уйти от уплаты налогов. Как следствие – растут потери для бюджета из-за недополучения платы за использование иностранной рабочей силы, уклонения от уплаты налогов и отчислений в

социальные фонды. Кроме того, иностранные рабочие, не имеющие определенного правового статуса, практически беспрепятственно занимают на рынке труда ряд сфер деятельности, в которых могли бы трудиться представители местного населения.

Прибывшие мигранты оказывают давление на занятость не только в теневом секторе, но и препятствуют здоровой рыночной конкуренции, способствуют наполнению рынка труда неквалифицированной рабочей силой. Создавая неконтролируемый рынок товаров и услуг, стимулируя развитие в нем теневых сегментов и искажая систему взаимоотношений между субъектами рынка и государством, нелегалы тормозят создание в области эффективного цивилизованного рынка труда.

Экспертный опрос (полиция, служащие миграционной системы, центра занятости), проведенный социологической лабораторией СахГУ в 2012 году, показал, что мигранты все труднее адаптируются к российским условиям и на рынке труда, и в быту. Такие мигранты (с низким образованием, приехавшие из отдаленных и сельских районов) вообще менее социально адаптивны, менее склонны пользоваться действующими социальными институтами и сервисами – правовыми, образовательными, медицинскими, национально-культурными и т. п. Большинство социальных акций они осуществляют через неформальные связи, в основном через родственников и друзей, а также через сложившийся теневой институт посредничества в сфере организации миграции и трудоустройства мигрантов¹.

Столкнувшись с несправедливостью и социальной несправедливостью, приезжие мигранты озлобляются и иногда сознательно идут на провоцирование конфликтов с местным населением.

Большую озабоченность вызывают учащиеся случаи совершения тяжких серийных преступлений представителями мигрантов, что вызывает значительный общественный резонанс и приводит к снижению уровня толерантности местного населения².

¹ *Экспертная оценка межнациональных отношений в Сахалинской области : экспертный опрос. – Южно-Сахалинск, 2012, n = 16.*

² *О влиянии миграционных процессов на криминогенную обстановку в Сахалинской области : справка Центра по противодействию экстремизму / УМВД России по Сахалинской области. – 2012.*

Анализ документов, полученных в УМВД по Сахалинской области, показывает, что наметилась устойчивая тенденция увеличения количества преступлений, совершаемых мигрантами.

Количество преступлений, совершенных мигрантами в Сахалинской области³

Страны прибытия мигрантов	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	Итого:
Узбекистан, Киргизия	15	20	31	29	26	121
Азербайджан	13	16	13	24	29	95
Китай	–	3	15	–	6	24
Другие	32	30	25	40	39	166
Итого:	60	69	84	93	100	406

Основная масса мигрантов, прибывших в область, не настроена на адаптацию к местным реалиям и зачастую игнорирует традиции и культуру принимающего населения, вызывая тем самым у части населения отторжение.

Следует отметить, что межэтнические конфликты не возникают неожиданно, а вызревают в течение длительного времени. Причины, ведущие к ним, многообразны. Их сочетание в каждом конкретном случае особое.

Опрос, проведенный среди мигрантов в 2012 году, показал, что только 42 % опрошенных мигрантов считает, что местное население к ним относится хорошо, 17 % отметили, что у них были конфликты с местным населением. Основные причины конфликтов: славянские национальности имеют неприязнь к представителям других наций; русские и азиаты взаимно не любят друг друга; озлобленность населения. 10 % отметили, что со стороны местного населения к ним были проявлены акты насилия, унижающие их достоинство, которые проявились в том, что: молодежь оскорбляет и подталкивает на конфликт, который затем перерастает в драки, хамское отношение, оскорбления; русские провоцируют конфликт, если они пьяные, и т. д.⁴

С другой стороны, согласно данным УМВД по Сахалинской области, гражданами Кыргызстана, прибывшими на работу в Сахалинскую область, предпринимались попытки в 2009 и 2010 годах создания ячейки международного религиозного объединения «Таблиги Джамаат», которое оппо-

зиционно настроено к традиционному исламу и враждебно ко всем остальным религиям, в том числе и православию. Представители этого религиозного объединения проповедуют полную исламизацию мира, создание исламского государства, основанного на принципах шариата. Эта установка является конечной провозглашаемой ими целью.

Мониторинг средств массовой информации, сети Интернет, итоги социологических исследований, проведенных СахГУ (2005, 2010, 2012 гг.), показывают растущее недовольство местного населения мигрантами, в том числе выходцами из Киргизии и Узбекистана. Основными причинами недовольства являются маргинальность данных диаспор, вызывающее поведение, неприятие местных традиций и обычаев, попытки навязывания местному населению своих жизненных укладов, совершение преступлений. Особенно процент недовольных высок в молодежной среде. Многие молодые люди воспринимают мигрантов – представителей нерусских и неславянских групп как конкурентов в социальной сфере, особенно на рынке жилья и труда, обвиняя их в ухудшении своего материального положения.

Исследование, проведенное по проблемам толерантности в молодежной среде (с августа по октябрь 2009 года УМВД по Сахалинской области; опрошено 700 респондентов в г. Южно-Сахалинске), показало, что 20,6 % опрошенных респондентов считают кровопролитные массовые столкновения на национальной почве возможными либо скорее возможными, чем нет⁵.

Фактором социальной напряженности является также рост так называемых «торговых меньшинств» – групп мигрантов, которые приспособляются к принимающему обществу путем специализации в области торговли и использования полукриминальных способов ведения розничного торгового бизнеса.

В последнее время складывается не совсем благоприятный социально-психологический фон межэтнических отношений в Сахалинской области. Его характеризует тенденция к росту этнических фобий.

Именно в сфере массовых настроений состояние межэтнических отношений в Южно-Сахалинске особенно далеко от стабильного.

В исследовании, проведенном социологической лабораторией СахГУ в 2010 году, большинство респондентов, отвечая на вопрос «что

³ Данная таблица составлена на основе анализа материалов, предоставленных Центром по борьбе с экстремизмом УМВД по Сахалинской области.

⁴ Проблемы трудовой миграции в Южно-Сахалинске : социологическое исследование, проведенное социологической лабораторией СахГУ. – Южно-Сахалинск, 2012, n = 383.

⁵ Справка о влиянии миграционных процессов на криминогенную обстановку в Сахалинской области Центром по борьбе с экстремизмом УМВД по Сахалинской области.

вызывает у вас отрицательное отношение к мигрантам?» назвали следующие причины:

– 63 % отмечают, что мигранты ведут себя вызывающе, хамски, агрессивно, нагло по отношению к местному населению;

– 59 % респондентов считают, что мигранты, не имея профессионального образования, устраиваются на работу за более низкую зарплату и тем самым становятся конкурентами для местных жителей;

– 54 % отмечают, что мигранты не знают русского языка и не собираются его изучать;

– 49 % указывают на то, что мигранты приносят с собой в область разновидности экстремистского ислама, происходит сращивание мигрантов и криминала;

– 44 % считают, что мигранты не знают и не уважают русскую культуру и обычаи, не принимают местные обычаи и традиции.

Особенно много опасений высказывается по поводу нелегальной трудовой миграции, способной в недалеком будущем приобрести достаточно острый характер.

Поэтому 51 % респондентов высказывали пожелания, чтобы власть ограничила въезд в область выходцев с Кавказа, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана. Значительная часть опрошенных респондентов (36 %) поддерживает лозунг «Россия для русских»; 59 % полагают, что уважение к России должно основываться на страхе. 44 % считают, что в Южно-Сахалинске существуют проблемы межнациональных отношений, но они пока латентны.

Опрос показал, что 11 % молодых людей имели стычки с мигрантами по поводу работы, негативного отношения к их виду и культуре⁶.

В условиях безработицы, социального неравенства и низкого уровня жизни населения, растущего противостояния между населением и представителями национальных мигрантов проблема распространения национализма и экстремизма становится актуальной и для Сахалинской области.

Согласно Федеральному закону, принятому Государственной Думой 25 июля 2002 года, № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»,⁷ экстремизм определяется следующим образом: это приверженность к крайним взглядам и мерам, направленным на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения.

Ключевыми элементами, раскрывающими содержание экстремизма, являются: противоправность деяний, их мотивация и насилие. Исходя из смысла ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», экстремизм включает в себя те или иные нарушения законодательства Российской Федерации, то есть противоправные деяния. К мотивам совершения соответствующих противоправных действий относятся религиозная, расовая, половая и иная социальная неприязнь, а также призывы к совершению таковых деяний.

Экстремизм как социальный и культурный феномен является сложным и неоднородным явлением. Ксенофобия выступает важнейшим источником экстремизма в двух отношениях: во-первых, из числа носителей ксенофобии формируются экстремистские организации. Во-вторых, стереотипы ксенофобии чаще всего служат сырьем для экстремистских идей.

В социологическом исследовании «Отношение населения города Южно-Сахалинска к проблеме межнациональных отношений», проведенном социологической лабораторией СахГУ в 2010 году⁸, помимо опроса молодых людей нами были проанализированы материалы по экстремизму, полученные в УВД Сахалинской области, а также обвинительное заключение и приговор городского суда Южно-Сахалинска в отношении руководителей экстремистской организации «Славянский Союз» от 26 июля 2010 года.

Анализ полученной информации показал, что наиболее подвержены экстремизму молодые люди. Распространение экстремизма в молодежной среде детерминировано взаимодействием

⁶ *Отношение населения города Южно-Сахалинска к проблеме межнациональных отношений : социологическое исследование. – Южно-Сахалинск, 2010, n = 383.*

⁷ *Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Принят Государственной Думой 27 июня 2002 года. – Режим доступа : www.rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html*

⁸ *Отношение населения города Южно-Сахалинска к проблеме межнациональных отношений : социологическое исследование. – Южно-Сахалинск, 2010, n = 383.*

негативных факторов социальной среды – экономическим неравенством и несправедливостью распределения собственности, высокой социальной напряженностью и конфликтностью общественных отношений, падением престижа политической власти, неуправляемостью процесса социализации, размыванием системы приоритетных духовных ценностей, ослаблением регулирующей роли государства и нарастанием криминогенности в обществе.

Характерными чертами проявлений экстремизма в молодежной среде являются протестный характер, преобладание групповых форм, политическая индифферентность, повышенная криминогенность, высокая неумеренность и эскалация насильственных форм, а также многообразие форм проявления.

Анализ информации показал, что 38 % молодежи придерживается экстремистских взглядов или сочувственно относится к ним.

Важным проявлением экстремизма как социокультурного феномена выступает нетерпимость. Экстремисты крайне бескомпромиссно проводят границы между «своими» и «чужими» в обществе. Они воинственно нетерпимы к членам общества, принадлежащим к «чуждым» национальным и социальным группам, исповедующим иные эстетические, моральные, религиозные идеи.

В основе экстремизма лежит триада – гнев, отвращение, презрение. Эти эмоции образуют несложный поведенческий комплекс, обусловленный личностным и коллективным уровнем тревожности и агрессии. Этот уровень подвергается измерению лабораторно (посредством направленного тестирования и данных социологических опросов) или аналитически (путем анализа публикаций СМИ, соответствующих документов и материалов).

Чем более высоки тревожность, обеспокоенность, раздражительность населения и его отдельных социальных групп на коллективном уровне, тем более тревога выливается в «поиск виноватых».

На этой основе формируется процесс образования националистических движений.

Привлекательность национализма для молодежи состоит в его способности превращать совершенно банальные, повседневные, с точки зрения постороннего человека, действия в источник национальной гордости, усматривать в них элементы проявления свободы и самовыражения.

По итогам исследования мы выделили следующие формы экстремизма, присущие части молодежи Южно-Сахалинска, – это национально-этнические формы; обыденные формы проявления экстремистских настроений (бытовые); социально-протестные формы.

Если 38 % респондентов, придерживающихся экстремистских взглядов, взять за 100 %, то национально-этнические формы экстремистских

настроений проявились в крайней форме неприязни по отношению к национальным группам, прибывшим с юга и юго-востока, а также как установка (одобрение) на крайнюю степень националистических проявлений у 26 %. Особенно эта форма экстремизма характерна для безработной молодежи, молодежи из «трудных семей», имеющих неполное среднее и среднее общее образование в возрасте от 15 до 29 лет.

Обыденные формы проявления экстремистских настроений (бытовые) проявлялись в сознании респондентов в необходимости совершать рискованные поступки в повседневной жизни, а также в наличии установок на групповые драки с прибывшими мигрантами – 43 %. Особенно эта форма проявления экстремизма характерна для молодых людей, имеющих среднее образование, рабочих, учащихся ПТУ, холостых в возрасте от 17 до 23 лет. В эту группу входят представители местного населения, принадлежащие к разным национальным группам, – русские, украинцы, корейцы и др.

Социально-протестные формы экстремистских настроений выражались в проявлении крайней степени идейной направленности сознания молодых людей на борьбу за справедливость, а также в их установках (готовности) принимать участие в акциях протеста (31 %). Эта форма экстремизма наиболее характерна для молодых людей в возрасте от 17 до 29 лет, имеющих неполное высшее или высшее образование, студентов вузов или служащих, холостых.

Одним из серьезных путей проникновения идей национализма в молодежную среду является Интернет. Именно он в большей степени оказывает влияние на формирование молодежного национализма и экстремизма.

Опрос студентов вузов и учащихся старших классов среднеобразовательных школ Южно-Сахалинска (2010 г.) показал, что посещают сайты националистов до 35 % опрошенных респондентов, так как считают, что там дается объективная информация по положению дел в России.

Интернет, блоги и социальные сети, в частности, – это хорошее средство коммуникации и координации действий между националистами. Кроме того, через Интернет проникает националистическая и нацистская литература. Через Интернет распространяются националистические призывы, инструкции и т. д.

В Сахалинской области именно на основе националистической информации, полученной из Интернета, создаются экстремистские, националистические группы молодежи.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Межнациональные отношения в Сахалинской области далеки от стабильности, что проявляется, с одной стороны, в негативном отношении части населения к мигрантам, а с другой сторо-

ны, – в росте отрицательного отношения мигрантов, особенно их отдельных групп, к местному населению. Пока это недовольство более или менее латентно, но при появлении провоцирующих факторов, при отсутствии специальных управленческих мер эти латентные формы недовольства могут привести к увеличению социальной напряженности и обострению межнациональных конфликтов, перерасти в экстремистские действия и открытую вражду.

2. Трудно прогнозировать в ближайшем будущем позитивную динамику общественного

настроения, так как сегодня основные и непосредственные угрозы стабильности в сфере межнациональных отношений в области связаны с ростом национализма и экстремизма. Проблема национализма и экстремизма среди жителей области, и особенно в молодежной среде, стоит достаточно остро, и если не усилить воспитательную работу среди различных социальных групп, не уничтожить условия, его порождающие, то эта проблема может перерасти в реальную угрозу межнациональной стабильности в области.

В. С. Бреднева,
кандидат юридических наук, и. о. зав. кафедрой теории права
и государственно-правовых дисциплин
Юридического института СахГУ

ПРАВОСОЗНАНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ОСТРОВНЫХ ОТДАЛЕННЫХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Правовое сознание влияет на сложный процесс регулирования всего многообразия процессов в обществе и государстве, способствует объединению различных социальных групп, поддержанию правопорядка в обществе.

Высокий уровень правосознания общества, уважение граждан к закону – фундамент целостности и единства государства, залог эффективного государственного и муниципального управления, результативного действия правовой системы. Юридические знания о правах и обязанностях человека, дозволения и запреты влияют на формирование мотивов и поведенческих установок человека. И лишь посредством регулирования правового поведения личности проявляется активная роль права, правосознания.

Правосознание – неизбежный спутник права¹. Это обусловлено тем, что функционирование права связано с волей и сознанием людей. Правила общественной жизни не могут отражаться в качестве юридических предписаний до тех пор, пока они не пройдут через волю и сознание правоприменителей. Этот сложный процесс активизирует комплекс правовых впечатлений, чувств, настроений, переживаний, взглядов.

Сформированное правосознание и правовая активность граждан являются основой верховенства права в цивилизованном обществе, базисом правового государства. Повышение уровня правосознания граждан – необходимая составная часть профилактики правонарушений, борьбы с преступностью.

Правосознание, функционируя в общественной жизни как единая динамичная система, имеет сложное строение².

В правосознании выделяют *рационально-идеологические компоненты* (правовые понятия, знания, идеи, конструкции, теории в системном научном выражении, составляющие правовую идеологию). Народу необходимо и достойно знать законы своей страны; это входит в состав правовой жизни. Право говорит на языке сознания и обращается к сознательным существам; оно утверждает и отрицает, оно формулирует и требует – для того, чтобы люди знали, что утверждено и что отринуто, и сознавали сформулированное требование. Самая сущность, самая природа права в том, что оно творится сознательными существами и для сознательных существ, мыслящими субъектами и для мыслящих субъектов³.

Социально-психологические компоненты правосознания – это правовые чувства, общественные и индивидуальные состояния, которые формируются на основе правовых знаний и представлений о нормах права, юридических правах и обязанностях, законности, других правовых явлений и связаны с их непосредственным восприятием и оценкой. Причем социально-психологические компоненты в решающей степени формирует национальная психология. Сложившиеся за многие столетия национальные привычки, обычаи, особенно на бытовом уровне, диктуют эмоциональное отношение у этносов к тем или иным правовым нововведениям, модернизациям⁴.

Поведенческие компоненты правосознания – это правовые установки, правовая интуиция, правовая сплоченность, готовность к деятельности в сфере правового регулирования, которые являются посредствующим звеном между сознанием и правовой деятельностью субъектов.

¹ Малько, А. В. *Теория государства и права : учебник* / А. В. Малько. – М. : Юрист, 2001. – 304 с.

² *Общая теория права : учебник для юридических вузов* / Ю. А. Дмитриев, И. Ф. Казьмин, В. В. Лазарев и др. ; под общ. ред. А. С. Пиголкина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1996. – 384 с. ; Венгерова, А. Б. *Теория государства и права : учебник для юридических вузов* / А. Б. Венгерова. – 3-е изд. – М. : Юриспруденция, 2000. – 528 с. ; Сапун, В. А. *Инструментальная теория права в юридической науке* / В. А. Сапун // *Современное государство и право. Вопросы теории и истории*. – Владивосток, 1992. – С. 17–22.

³ Ильин, И. А. *О сущности правосознания : сочинения в двух томах* / И. А. Ильин. – Т. 1. – М., 1993.

⁴ Венгерова, А. Б. *Теория государства и права : учебник для юридических вузов* / А. Б. Венгерова. – 3-е изд. – М. : Юриспруденция, 2000. – 528 с.

Антиправовая форма общественного правосознания порождает и соответствующее поведение в сфере права. Если противоправное поведение позволяет индивиду достичь его целей, то укрепляются антиправовые ориентации правосознания. Изменение деформированных элементов правосознания возможно направленностью непосредственной правореализующей деятельности не только на соблюдение обязанностей, но и преимущественно на осуществление прав. Побуждение граждан к активному пользованию своими правами способствует осознанию ими ценности права, пусть сначала и сугубо утилитарной⁵.

С другой стороны, развитие правосознания в определенной степени обусловлено действующим правом. Само право зависит от правосознания как на уровне правотворчества (принимая нормативные акты, законодатель должен учитывать уровень правосознания общества и отдельных групп населения), так и на уровне правореализации (правосознание обеспечивает добровольное соблюдение норм права и помогает правоприменению; оно необходимо для толкования правовых предписаний, для оценки доказательств, для преодоления пробелов). Правосознание наполняет правовые акты своим содержанием, стимулирует обновление законодательства в целях обеспечения поступательного развития общества. Следовательно, правосознание пронизывает всю правовую жизнь конкретного общества, предшествует изданию юридических норм и сопровождает на всем протяжении их действия.

Общественные отношения в отдаленных регионах формируются в особых условиях. Правовая культура Дальнего Востока представляет собой симбиоз западных и восточных ценностей, где коллективные начала борются с привнесенным иностранными инвесторами коммерческим индивидуализмом. Изучать специфику правового регулирования, особенности правового сознания в Сахалинской области крайне важно, и не только потому, что здесь начинается рассвет и, значит, начинается страна. Сахалин уже долгое время ощущает информационную и территориальную изолированность, ограниченный рынок товаров и услуг. Местное население оказалось абсолютно не готовым к массовому наплыву мигрантов, приезжающих на заработки в поисках лучшей жизни.

Уровень преступности по-прежнему высокий, а уровень потребительских цен по многим позициям обгоняет Москву. Такая сложная экономическая и социальная ситуация объясняет деформированность правового сознания граждан, низкий уровень правовой культуры и отчетливо демонстрируемый социологическими исследованиями правовой нигилизм.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 19.03.2002 г. № 169 «О Федеральной целевой программе “Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 года”» Сахалинская область является отдаленным регионом, и многие проблемы, препятствующие его полноценному развитию, формированию правовой культуры, в той или иной степени обозначены.

К числу проблем относится транспортное сообщение между островами. В Постановлении отмечается: «...требуется также обновление пассажирского флота для обслуживания жителей Сахалина, Курил, Камчатки, Чукотки, Республики Саха (Якутия)».

Жителям острова Сахалин крайне сложно из-за транспортной обстановки попасть на территорию Курильских островов, тем не менее исследование правовой культуры курильчан крайне важно для оценки перспектив и социальной привлекательности проживания в отдаленных регионах.

В Постановлении также отмечено, что «Дальний Восток и Забайкалье испытывают давление и негативных факторов. Это, прежде всего, сложные природно-климатические условия, слабая освоенность территории, низкая плотность населения, отдаленность региона от промышленных центров страны, труднодоступность большей части территории, отсутствие развитой сети дорог, отток населения». Все эти факторы влияют на уровень правовой культуры и уровень правосознания граждан.

Миграционное сальдо с 1990 года носит устойчивый отрицательный характер. Если в 1990 г. численность населения Сахалинской области составляла 718,1 тыс. чел.⁶, то в 2007 г. – уже 519,6 тыс. чел.⁷, а в 2010 г. – 509 тыс. чел.⁸.

То есть за 20 лет численность жителей Сахалинской области уменьшилась приблизительно на 209 тысяч человек, что равняется примерно 29 % от численности населения в 1990 г. На смену русско-

⁵ *Цивилизационный подход к концепции человека и проблема гуманизации общественных отношений / под ред. С. Э. Крапивенского. – Волгоград : ВолГУ, 1998. – 240 с.*

⁶ *Кузьмин, А. Г. Концептуальная программа развития человеческого потенциала в Сахалинской области в 2007–2030 гг. / А. Г. Кузьмин. – Режим доступа : http://www.sato.ru/kuzmin/collec7/index3_3_1.htm*

⁷ *Численность населения Сахалинской области продолжает снижаться // Интерфакс. – 12 ноября 2007 года. – Режим доступа : http://interfax.ru/r/B/uralFin/475.html?id_issue=1*

⁸ *В первом полугодии 2010 года население Сахалинской области сократилось почти на 2 тысячи человек // ИА SAKH.COM. – 2 августа 2010 г. – Режим доступа : <http://www.sakhalin.info/news/63479>*

говорящему населению на территории Сахалинской области все больше обосновываются представители азиатских стран.

Тревожным остается и тот факт, что уменьшается не только население Сахалинской области, но и в целом на Дальнем Востоке. За последние 15 лет численность населения Дальневосточного федерального округа сократилась на 1,5 млн. и составила на конец 2007 года чуть более 6,5 млн. человек⁹.

Почему люди покидают обжитые места и, обрекая себя на огромные трудности, устремляются в европейскую часть России?

По мнению А. Вишневого, доктора экономических наук, «главное притягательное ядро – это Москва и Московская область и в целом Центральный федеральный округ. В этой части образовалось что-то вроде такой воронки, которая стягивает к себе население российских окраин»¹⁰.

Получается, что население сдвигается с востока в европейскую часть в силу целого ряда причин, среди которых – более суровые климатические условия, недостаточно развитая экономическая, социальная инфраструктура, люди психологически чувствуют себя оторванными от «материка».

Таким образом, специфика правового сознания состоит в том, что оно воспринимает, а затем и воспроизводит жизненные реалии через призму справедливого, праведного, свободного. Оно требует установления общеобязательных норм поведения. Правосознание очерчивает границы правового и неправового, правомерного и противоправного. Оно требует юридических мер для обеспечения права. Правовое сознание оказывает воздействие на поведение людей вместе с нормами права, наряду с ними, а иногда и вопреки им.

---

⁹ Иван, Сас. Центральная Россия перетягивает население из отдаленных регионов // Независимая газета. – 13 мая 2008. – Режим доступа : http://www.ng.ru/society/2008-05-13/7_migranty.html

¹⁰ Там же.

*Н. В. Вечканова,
старший преподаватель кафедры управления и права
Института развития образования Сахалинской области*

ПРАВО РЕБЕНКА НА ОБРАЗОВАНИЕ В РАМКАХ ВНЕДРЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Право каждого человека на образование, закрепляемое ст. 43 Конституции РФ¹, возлагает на родителей обязанность обеспечить получение их детьми основного общего образования. Кроме того, в ст. 26 Конституции РФ гарантируется право на свободный выбор языка воспитания, обучения и творчества. Основопологающими принципами осуществления родителями родительских прав являются обеспечение прав и интересов детей и решение вопросов, касающихся воспитания и образования детей, по взаимному согласию родителей, исходя из их интересов и с учетом мнения детей.

Неотъемлемой составляющей процесса воспитания ребенка и формирования его как всесторонне развитой личности является образование. Конвенция ООН о правах ребенка предусматривает, что право каждого ребенка на образование достигается введением бесплатного и обязательного начального образования; поощрением развития различных форм среднего образования, обеспечением его доступности для всех детей; принятием мер по содействию регулярному посещению школ и снижению числа учащихся, покинувших школу.

Право на образование является одним из основных и неотъемлемых конституционных прав. Образование рассматривается как одно из фундаментальных естественных основных прав человека в таких значимых документах международного права, как Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенция о правах ребенка, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и увеличение уважения к правам человека и основным свободам.

В Российской Федерации государство гарантирует право на образование, общедоступность и бесплатность основного общего и среднего профессионального образования в го-

сударственных или муниципальных образовательных учреждениях.

Содержание образования должно быть направлено на развитие личности, талантов, умственных и физических способностей ребенка; воспитание уважения к правам человека и основным свободам; воспитание уважения к родителям, языку и ценностям страны, в которой ребенок проживает, страны его происхождения и цивилизации, отличной от его собственной; подготовку к сознательной жизни в духе взаимопонимания, мира, терпимости, равноправия мужчин и женщин и дружбы между народами, этническими и религиозными группами, а также лицами из числа коренного населения; бережное отношение к окружающей среде.

Права и обязанности родителей (лиц, их заменяющих: усыновителей, опекунов, попечителей, приемных родителей) в сфере образования несовершеннолетних детей определены ст. 52 Закона «Об образовании»² и включают в себя: выбор формы обучения; выбор образовательных учреждений; защиту законных прав и интересов ребенка; участие в управлении образовательным учреждением; выполнение устава образовательного учреждения.

Родители самостоятельно выбирают образовательное учреждение и формы обучения ребенка, учитывая при этом его мнение. Исходя из потребностей и возможностей ребенка, образовательные программы могут осваиваться в следующих формах: в образовательном учреждении – в форме очной, очно-заочной (вечерней), заочной; в форме семейного образования, самообразования, экстерната.

Российская система образования состоит из многих ее составляющих элементов, но главным ее стержнем становятся федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) и образовательные программы различных уровней, поскольку именно они определяют характер и сущность взаимосвязей всех частей российской системы образования между собой.

¹ Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – № 237.

² Закон РФ «Об образовании» № 3266-1 от 10.07.1992 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 150.

По своему юридическому статусу ФГОС общего образования представляют собой систему требований к результатам общего образования, его содержанию и условиям его осуществления на всей территории Российской Федерации, являясь, таким образом, механизмом реализации как конституционного права каждого ребенка на получение общего образования, так и ответственности всех субъектов национальной образовательной системы за соблюдением этого права. Одна из основных целей введения ФГОС – ориентация образования на достижение нового качества, адекватного современным и прогнозируемым потребностям личности и общества.

ФГОС общего образования разрабатывается поэтапно по ступеням обучения: для ступени начального общего образования, ступени основного общего образования и ступени среднего (полного) общего образования.

Обязательное введение ФГОС (1-й класс) во всех образовательных учреждениях Российской Федерации началось в 2011–2012 учебном году. Переход на ФГОС на ступени основного общего образования планируется на 2015–2016 учебный год, на ступени среднего (полного) общего образования – на 2020–2021 учебный год.

По мере утверждения соответствующих стандартов и готовности образовательных учреждений к их введению перейти на них школьники могут и раньше. Необязательно проходить все ступени обучения по ФГОС, можно завершить обучение на одной ступени общего образования по стандартам 2004 года и на следующей ступени начать обучение по ФГОС. ФГОС разрабатывается и утверждается государственными органами и становится обязательным документом (основным источником, руководством) для разработчика (то есть для администрации образовательного учреждения) при составлении им на его основе образовательной программы в конкретном образовательном учреждении.

Действующие с 2004 года образовательные стандарты являются прежде всего стандартами содержания образования, ФГОС же представляет совокупность требований, предъявляемых к структуре основной образовательной программы, к условиям ее реализации и результатам ее освоения. Образовательные результаты могут быть не только предметными, но и метапредметными, и

личностными, поскольку образование – это процесс не только обучения, но и воспитания.

Национально-региональный компонент права на образование обязательно должен учитывать интересы национальных культур и традиций, потребности личности любого человека в его национально-культурной самоидентификации и возможности вступать в равноправный диалог с представителями других культур и национальностей. Национальные компоненты не должны создавать препятствия для свободного перехода граждан и иных лиц из образовательного учреждения одного региона нашей страны в аналогичное образовательное учреждение, но уже в другом регионе (области, крае и т. п.) России.

Права и обязанности обучающихся и воспитанников образовательных учреждений в сфере образовательного процесса определены законодательными актами РФ и принятыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами.

Согласно ст. 50 Закона «Об образовании», все обучающиеся в образовательных учреждениях имеют право на получение образования в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами на бесплатное пользование библиотечно-информационными ресурсами библиотек, на получение дополнительных (в том числе платных) образовательных услуг, на участие в управлении образовательным учреждением, на уважение своего человеческого достоинства, свободу совести, информации, на свободное выражение собственных мнений и убеждений.

Закон «Об образовании» обязывает образовательные учреждения создать условия, гарантирующие охрану и укрепление здоровья обучающихся и воспитанников. Ответственность за создание необходимых условий для учебы, труда и отдыха обучающихся и воспитанников несут должностные лица образовательных учреждений в соответствии с законодательством РФ и уставом данного образовательного учреждения (ст. 51).

Таким образом, переход на ФГОС позволит обеспечить реализацию права на образование каждого посредством обеспечения комфортной образовательной среды, охраны и укрепления здоровья школьников (не только физического, но и психологического и социального), высокого качества образования, его доступности, открытости и привлекательности, а также духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся.

*Д. Н. Герасимчук,
аспирант третьего года обучения СахГУ*

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Устойчивая трудовая миграция за несколько последних десятилетий вызвала заметные структурные сдвиги в экономике индустриально развитых стран, существенно изменив сегментирование рынков труда. Обозначившееся разделение труда, в котором мигрантам, как правило, отводятся определенные виды работ, постепенно стало неотъемлемой частью мирового экономического порядка. Мигранты играют значительную роль в экономике большинства развитых стран.

Вопрос этнической трудовой миграции является актуальным для Сахалинской области на данный момент. По мнению представителей органов власти области, миграционная ситуация в регионе достаточно стабильная, однако поводов для беспокойства достаточно. Так, например, отмечается, что возрастает число мигрантов из Средней Азии и КНР, участились случаи использования гражданами Узбекистана, Таджикистана, КНР поддельных паспортов. Проблемой также является увеличение числа мигрантов, не знающих русский язык и не владеющих ни одной профессией. Согласно данным УФМС по Сахалинской области, в 2012 году было привлечено к труду 17 458 иностранных работников [6].

В данной работе автор делает попытку рассмотреть возможности изучения социального капитала этнических мигрантов, а также его влияние на рынок труда и экономику Сахалинской области в целом. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть применены для более рационального использования иностранной рабочей силы в экономике региона, регуляции процессов трудоустройства и занятости, решения проблем адаптации приезжих, а также снижения социальной и межэтнической напряженности.

В социологической науке существует ряд подходов к определению понятия «социальный капитал». Так, в одной из трактовок под социальным капиталом понимается совокупность таких ресурсов, которые связаны с «обладанием устойчивой сетью отношений взаимного знакомства и признания, то есть с членством в группах». Социальный капитал способен обеспечивать доступ индивидов к ресурсам и повышать эффективность их совместных действий. А. Портес дает следующее определение: «Социальный капитал – это способность индивидов распоряжаться ограниченными ресурсами

на основании своего членства в определенной социальной сети...» [1]. Кроме того, А. Портес отмечает, что способность к накоплению социального капитала – это не индивидуальная характеристика личности, а особенность сети отношений, которую выстраивает индивид.

Социальные сети можно определить как стабильные модели непосредственного взаимодействия между людьми [2]. Иными словами, социальные сети можно представить как систему социальных связей человека.

Под этнической миграцией мы будем понимать потоки мигрантов одной национальности. Сахалинская область является регионом, привлекательным для иностранной рабочей силы. По данным Управления Федеральной миграционной службы по Сахалинской области, за 2011 год 12 078 иностранных граждан получили разрешение на работу в Сахалинской области [6]. Среди иностранной рабочей силы, прибывшей в Сахалинскую область, преобладают мигранты из стран Азии, для которых характерно использование социальных сетей: это жители Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и КНР.

В ситуации социального вакуума и наличия различного рода барьеров (языкового, культурного и пр.) мигранты начинают активно выстраивать социальные сети, которые помогают им находить жилье, работу, устраивать детей в школы и пр. В экономической жизни социальные сети открывают мигрантам доступ к финансам, рабочим местам и информации.

Действие социальных сетей мы можем наблюдать, анализируя некоторые ниши экономики Сахалинской области, где заметно преобладание определенных этнических групп (пассажирские перевозки, розничная и оптовая торговля, отдельные виды предпринимательской деятельности и пр.). Такое проявление действия социальных сетей нередко вызывает негативную реакцию со стороны местного населения, усиливая тем самым социальную напряженность в обществе.

Использование социального капитала позволяет мигрантам повысить эффективность включения в экономическую жизнь принимающего региона. Представители этнического меньшинства имеют возможность объединиться на основе общей этничности и организовать свою жизнедеятельность.

Надо отметить, что доверие мигрантов строится не только и не столько на принадлежности к общей этнической группе. В этом случае этническая идентичность является базой для доверия, на основании которого индивиды формируют этнические социальные сети, сокращая, таким образом, возможные экономические, психологические и временные издержки, сопутствующие адаптации мигранта в новом обществе.

Для того чтобы использовать преимущества социального капитала, этнические мигранты должны сначала активизировать свои существующие социальные сети. Индивиды должны признать друг друга как часть той же самой этнической группы, определяя совместную принадлежность к ней. Основой для выстраивания этнической социальной сети могут стать такие характеристики, как принадлежность к землячеству, родство, общие друзья, язык, религия, членство в клубе или организации. Мигранты будут признавать других мигрантов как соплеменников только в случае их включения в социальную сеть.

Интересную особенность отмечают некоторые исследователи этнических социальных сетей: первоначальная неразвитость социального капитала подталкивает мигрантов к более активному, по сравнению с местным населением, освоению социальных сетей и созданию новых связей, что в конечном итоге становится социальным и экономическим преимуществом перед принимающим сообществом [3].

Социальные сети мигрантов способствуют заполнению ими некоторых экономических ниш. Условно можно выделить следующие типы ниш экономики, заполняемых этническими мигрантами.

Первая ниша – удовлетворение местных потребностей в разного рода товарах и услугах, необходимых потребителю в условиях переселения на постоянное место жительства. Многие этнические предприниматели разворачивают обширный бизнес, что свидетельствует об их прочном закреплении в России.

Вторая ниша – занятость в непрестижных сферах экономики, оставляемых коренными жителями достаточно охотно.

Третья ниша – деятельность в сфере криминальной экономики с целью удовлетворения узких корпоративных интересов определенных групп, в основном теневых структур. При многонациональном составе населения ряда регионов России и интенсивной миграции некоторые преступные группировки складываются на основе землячеств, а иногда и родственных связей и нередко имеют моноэтнический состав [4].

Легальные секторы экономики, представляющие интерес для населения принимающего региона, но по тем или иным причинам испытывающие дефицит предложения труда и капитала.

Представители этнических меньшинств, попадая в новую социокультурную среду, могут найти два основных способа адаптации при помощи социальных сетей: либо находить пути развития видов деятельности, традиционных для данного этноса (например, производство и реализация сельскохозяйственной продукции), либо освоение новых видов деятельности, выбор которых может быть обусловлен как случайными факторами, так и наличием некоторых начальных связей в соответствующей сфере деятельности. Высокая профессиональная мобильность этнических мигрантов может быть связана с социально-экономической маргинальностью этнических меньшинств. Для того чтобы преодолеть сложности социальной адаптации, этнические мигранты создают прочные сообщества, которые оказывают поддержку прибывшим, что способствует приобретению мигрантом квалификации и профессии, востребованной на данном рынке труда.

В целом социальные сети этнических мигрантов представляют собой достаточно эффективный механизм адаптации этнических меньшинств к новой социокультурной среде. Для принимающего сообщества данный механизм может носить как конструктивный характер, способствуя заполнению социально непрестижных сфер экономики и восполняя нехватку трудовых ресурсов, так и деструктивный характер, формируя условия для коррупции, организованной преступности и вытеснения местного населения из некоторых экономических ниш.

Изучение данной проблемы является актуальным направлением прикладных исследований в Сахалинской области. Анализ функционирования социальных сетей мигрантов и построение практико-ориентированной модели управления занятостью в Сахалинской области позволят оценить потенциал региона с точки зрения использования и привлечения трудовых ресурсов, а также возможные пути решения наметившихся проблем.

Актуальным направлением социологического анализа в условиях России и Сахалинской области в частности могут стать механизмы действия социальных сетей мигрантов, их способность обеспечивать доступ их владельцам к различного рода ресурсам и благам, их влияние на функционирование рынка труда Сахалинской области.

На основе результатов исследования возможно построение моделей управления занятостью в Сахалинской области, которые помогут более эффективно использовать ресурс приезжей рабочей силы, а также снизить социальную напряженность, вызванную активной трудовой миграцией.

Социологические исследования в данном направлении позволят понять закономерности фор-

мирования социальных сетей мигрантов, осмыслить их роль в трудовой миграции, оценить их значимость в социально-экономическом развитии Сахалинской области. С точки зрения прикладного использования изучение социального капитала этнических мигрантов позволит регулировать сферу трудовых отношений мигрантов и местного населения, улучшить социальный «климат» в области, предотвратить возможные проявления этнической преступности.

Литература

1. Portes, A. Social Capital: Its Origins and Application in Modern Sociology // *Annual Review of Sociology*. – 1998. – Vol. 24. – P. 1–24.
2. Бредникова, О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов / О. Бредникова. – URL : http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_bred.htm
3. Валитов, В. Н. Социальные сети российских иммигрантов и коренных жителей / В. Н. Валитов. – URL : <http://www.nir.ru/sj/sj/sj1-2-00valit.html>
4. Радаев, В. Этническое предпринимательство и Россия / В. Радаев // *Полис*. – 1993. – № 5. – С. 79–87.
5. Тюрюканова, Е. Россия будет все сильнее зависеть от труда мигрантов / Е. Тюрюканова. – URL : <http://www.strana-oz.ru/?numid=38article=1502>
6. Управление федеральной миграционной службы по Сахалинской области. – URL : www.sakhfms.ru

*Ю. Н. Ковалевская (Поповичева),
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института истории ДВО РАН, г. Владивосток*

ПОВСЕДНЕВНАЯ АДАПТАЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И ДИНАМИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ САХАЛИНСКИХ КОРЕЙЦЕВ (1945–2012 гг.)

Наблюдения, изложенные в статье, основаны на личном опыте автора, приобретенном за время совместного обучения и длительного общения с сахалинскими корейцами, а также на материалах корейского землячества острова и СМИ.

Задача исследования заключается в том, чтобы посмотреть, какие факторы и условия актуализируют национальное самосознание, почему отдельные элементы национальной идентичности выходят на первый план, а другие «забываются».

На Сахалине корейцы появились в 1870–80 гг. в качестве разнорабочих, шахтеров и др. В 1910 г. Корея была аннексирована Японией, и на остров хлынул первый поток беженцев. С 1938 по 1945 г. японцами на Сахалин было вывезено около 50 тысяч человек [3]. Тотальная мобилизация корейцев для работы на Карафуто началась с 1939 г. и осуществлялась в три этапа: 1) сентябрь 1939 – февраль 1942 г. – вербовка, на первый взгляд добровольная, но, по сути, не оставившая людям выбора; 2) февраль 1942 – сентябрь 1944 г. – государственный организованный набор, проводился насильственно либо обманным путем; 3) сентябрь 1944 – август 1945 г. – трудовая повинность, носила форму «охоты за корейцами»: военный отряд окружал деревню, выгонял всех мужчин и отбирал 20–40-летних. После окончания войны на Сахалине остались проживать 23498 корейцев, в 1950-е гг. их число выросло до 30183 человек за счет трудовой миграции из КНДР [2, с. 477].

После поражения Японии во Второй мировой войне корейская диаспора на Сахалине продолжала развиваться в условиях советского строя, складывались определенные социальные слои, жизнь упорядочивалась, и к настоящему времени численность корейского населения на Сахалине составляет примерно 37 тысяч человек, то есть 6,5 % всего населения Сахалина. Сахалинские корейцы составляют 9,3 % от общей численности корейской диаспоры в странах СНГ (460 тысяч человек) [3].

Наблюдения автора были сделаны в 1970–2010 гг. в городе Шахтерске Углегорского района. В моем школьном классе из тридцати учеников треть были корейцами. В соседних классах было несколько детей от смешанных браков. С точки зрения русского наблюдателя, к 1985 г. советские корейцы делились на три группы: **старшее**

поколение воспринималось как *традиционные корейцы* (стремление вернуться на историческую родину; использование в быту корейского языка, костюма, пищи, жилища; патриархальные семейные традиции, земледельческий образ жизни, стремление к компактному моноэтническому проживанию); **среднее поколение** – *советские корейцы* (некоторое знание разговорного языка; умение читать и писать по-корейски; городская профессия, но помощь в сельскохозяйственном труде родителям; умение готовить некоторые виды национальной пищи, в основном праздничной; сохранение отдельных элементов обрядности – во время свадьбы и похорон); **молодое поколение** – *современные русские корейцы* (ничем, кроме внешности, не отличались от русских: не знали корейского языка, употребляли только «обрусевшие» блюда корейской кухни – кимчи, хе, папоротник, рисовое печенье; дружили, конфликтовали и вступали в романтические отношения с ровесниками без различия национальности; уезжали на учебу, работу в разные города СССР).

Те же три поколения, три типа этничности выделяют и сами носители традиции. Так, неизвестный автор, разместивший материал на сайте Сахалинского корейского клуба, пишет:

«1 поколение (1910–1945) – (поколение) наших бабушек и дедушек, зачастую неграмотных, добровольно приехавших или насильственно депортированных. Они, можно сказать, “настоящие корейцы”, всей душой стремящиеся на родину». Почему? Автору трудно судить об этом, но, представляется, что их просто тянет на родину, и автору кажется, что это стремление вернуться в родную страну должно быть удовлетворено. Но тогда возникает вопрос о том, где эта страна: ведь уезжали они из одной страны, а возвращаются уже в одну из двух. Владеют они только корейским языком.

«2 поколение (1945–1960) – наши родители. Они обучались в корейской школе, общались на корейском языке, посещали корейский театр, читали корейскую газету и при этом активно строили новое социалистическое общество, вступая в ряды советских граждан и разговаривая уже на двух, а точнее, на двойном языке. Они хлебнули еще свою порцию унижений: были лишены некоторых прав и обязанностей (воинская повинность,

свобода перемещения, возможность выбора карьеры), но их родина уже – СССР».

«3 поколение (1960–2000) – это мы, дети России, более русские, нежели корейцы. Но именно на наших плечах лежит бремя ответственности за развитие национальной культуры в будущем, к нам переходит проблема сохранения национальных традиций, но для этого мы должны сначала определиться, кто мы. Посмотрите на эти данные (опрос был проведен среди корейской молодежи 17–23 лет (44 человека)) и вы поймете, что молодежь практически потеряла свое национальное лицо. На вопрос: “Человеком какой национальности Вы себя считаете?” – были получены следующие ответы:

- корейцем – 11 человек (25 %);
- русским – 4 человека (9 %);
- русским корейцем – 29 человек (65 %)».

Первое поколение сахалинских корейцев было озабочено императивами выживания. Трагический опыт депортаций, репрессий, раскола семей на этом этапе не выступал в качестве фактора групповой солидарности. Раны были слишком свежи, каждая семья скрывала свою боль и переживала ее в одиночку. Кроме того, сахалинские корейцы принадлежали к низшим слоям населения, большинство их было неграмотно, а интеллигенция получила японское образование и подверглась ассимиляции, даже носила японские имена. Все это не способствовало ярким проявлениям национального самосознания, развитию идеологии национализма.

Само советское государство взяло на себя в 1945–1963 гг. функцию развития корейской национальной культуры: ввело корейское школьное образование, допускало существование газет на корейском языке, с 1948 г. действовал корейский передвижной театр и т. д. Власти при этом добились «советизации» корейцев, распространения социалистических идей, пусть и на корейском языке. На этом этапе адаптация корейцев к советским реалиям носила групповой (диаспорный) характер. Характерно, что власти признавали, что даже преступность среди корейцев носит специфический характер [см., например, сообщение Л. А. Крушановой «Сравнительный анализ борьбы с наркоманией в Приморье и на Сахалине: исторический опыт и современность»].

В 1963 г. 32 корейские школы с 7239 учащимися перевели на обучение русскому языку, корейские газеты и театр были закрыты, корейское отделение педучилища упразднено. Власти перешли от политики советизации корейцев к политике их ассимиляции [2, с. 477]. Второе поколение корейцев было вынуждено перейти от практик групповой адаптации к индивидуальным стратегиям. Каждому конкретному корейцу приходилось в одиночку справляться с теми ограничениями на свободу передвижения, получение советского гражданства,

образования, работы, которые были наложены на группу в целом. Помочь им могли только личная энергия и тот факт, что многие советские дискриминационные практики не были подкреплены законом и не афишировались. А, следовательно, их можно было обойти с помощью личных связей, коррупции и т. п.

Для второго поколения сахалинских корейцев решение главной жизненной задачи – интеграция в современное городское сообщество (пусть и советского типа) – не было напрямую связано с национальной идентичностью. В таком же положении были все этносы Советского Союза, порвавшие с традицией и приобщившиеся к городской культуре. Более того, это мировой модернизационный тренд.

В то же время относительно благополучные потомки начинают интересоваться судьбой своих трагически погибших родственников, историей своего народа. Перестав быть фактом жизни, семейная и народная трагедия становится для выживших фактором формирования национальной идентичности. При этом для советских корейцев образ «чужого», врага олицетворяет японский империализм – синтез антикорейского и антисоветского. Историческая родина в этот период связана скорее с историческими корнями, чем с географическими коннотациями.

В 1990-е годы положение сахалинских корейцев резко изменилось. Распад советской социалистической идеологии актуализировал национализм как в форме возрождения традиций, так и в виде роста этнофобий, национальной нетерпимости и конфликтов. Резкое падение уровня жизни сахалинцев, разрыв связей с центральными регионами страны возродили интерес к исторической родине, то есть к Южной Корее. Большая часть молодых корейцев быстро выучила «второй родной» язык и стала выезжать на работу в Республику Корея, обычно на полгода. Там они были востребованы в своем «полурусском качестве» – для работы с русскими клиентами корейских фирм. Некоторые переехали на постоянное место жительства, обычно это престарелые члены семей либо корейянки, получившие гражданство через брак.

Об изменениях, произошедших в сознании сахалинских корейцев в 1990-е гг., свидетельствует такой пример. Нам известны несколько детей от смешанных браков, где один из родителей кореец (корейянка). В советское время такие дети носили обычно русскую фамилию и считались русскими. Например, папа – Цой, кореец; мама – Иванченко, украинка; дочь – Иванченко Лена, русская. Были и более курьезные случаи. Например, у моего одноклассника папа был осетин, мама – грузинка, а сам Коля был русским. И это соответствовало действительности, так как он родился и вырос на Сахалине и был гораздо ближе к своей соседке по парте Ха Наташе, чем каким-то грузинским и

осетинским детям. Но в девяностые годы дети из смешанных семей вдруг осознали свое отличие от русских и выбрали корейскую этничность. Мой однокурсник по университету Максим Сороквашин так прямо и говорил: «Раньше я думал, что я русский. Но теперь понял, что я южный кореец».

Сахалинским корейцам оказалось легче наладить связи с исторической родиной, так как они были потомками выходцев с юга и их родители владели сеульским диалектом корейского языка, что облегчило его изучение. Кроме того, они оказались гораздо ближе к Республике Корея, чем корейцы СНГ. Таким образом, третье поколение сахалинских корейцев может использовать такую форму адаптации, как трансграничная трудовая миграция.

Примером успешной адаптации сахалинского корейца и сохранения творческого, активного национального самосознания является жизненная история Со Дин Гир (в русском варианте – Владимира Петровича Со).

Со Дин Гир родился в г. Шахтерске Сахалинской области в 1944 г. в семье, где было восемь детей. Его отец был в числе тех трех тысяч корейцев, которых японцы во второй раз принудительно оторвали от семьи и увезли в Японию, на шахты острова Кюсю. Владимир Петрович никогда не видел отца и был воспитан отчимом. О судьбе своего отца он узнал уже после окончания школы, эта тема в советское время считалась опасной, и ее боялись обсуждать даже в кругу семьи.

С девяти лет он жил в поселке Краснополье (Углегорский район), учился в школе, работал на полях совхоза. Школа находилась в 10 километрах от поселка. Ходили пешком, и чтобы успеть на занятия, приходилось вставать в 6 утра. Обувки не хватало, поэтому до школы сапоги несли в руках, а на ноги обували самодельную соломенную обувку типа русских лаптей. С пятого класса обучался в школе-интернате, вне семьи.

После окончания школы В. П. Со хотел поступить в мореходное училище, но его не приняли из-за отсутствия советского гражданства. Ему пришлось проявить исключительную настойчивость, вплоть до обращения к Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу, прежде чем добиться своей цели. Помогло личное вмешательство первого секретаря Невельского горкома партии Полякова. Благодаря его вмешательству, в 1962 г. Со Дин Гир стал курсантом мореходного училища, а двумя годами позже получил советское гражданство. С этого момента у него началась полноценная жизнь советского человека, были сняты ограничения на передвижение не только по островной земле, но и на море.

В 1967 г., получив специальность судомеханика, был направлен в город Поронайск в рыболовецкий колхоз «Дружба». Там он проработал 48 лет, сделав блестящую карьеру – от моториста

до директора ООО «Поронай», дочерней фирмы предприятия.

Заочно окончил Дальрыбвтуз во Владивостоке, получил высшее образование.

В. П. Со – отец двоих детей, у него четверо внуков. Сын работает в Южно-Сахалинске, коммерсант, занимается благотворительностью. Дочь живет в Америке. Старший внук Лев Со увлечен каратэ. Он – чемпион Сахалинской области среди юношей по этому виду спорта, а также учится в музыкальной школе, играет на баяне, гитаре. Внучке Юле Со 15 лет. Как и брат, она тоже занимается каратэ. До этого ходила на бальные танцы. Внучке Мансур Хедай Ахмад, которая живет в Америке, – 9 лет. Она уже говорит на четырех языках – английском, арабском, корейском и русском. Это уже ребенок мира.

Со Дин Гир – почетный работник рыбного хозяйства РФ, заслуженный колхозник рыбколхоза «Дружба». В марте 2009 г. ему был вручен орденский знак «Звезда Славы Отечества» [1].

В 1974 г., после смерти матери, Со Дин Гир начал искать в архивах документы, связанные с сахалинскими корейцами-репатриантами. Он побывал в Японии, где попытался найти сведения об отце в архивах этой страны. Но все они были отмечены грифом секретности. Только с помощью местной ассоциации насильственно вывезенных корейцев, чьи потомки отстаивают свои права в Японии, а также наших помощников-японцев ему удалось найти шахту, где работал отец, предполагаемое место его захоронения в братской могиле.

В 2002 г. Со Дин Гир создал общественную организацию, цель которой – добиться справедливости по отношению к дважды репатрированным семьям шахтеров. В Шахтерске до сих пор живет много семей, чьи родители без вести пропали в 1940-х гг. Организации помогают некоторые японцы, особенно профессор Нагасава. Организация добивается от Японии признания вины в двойной репатриации сахалинских корейцев и денежной компенсации за причиненный моральный и материальный ущерб. Также потомки репатрированных требуют открыть архивы и рассекретить документы, опубликовать список сахалинских корейцев-репатриантов, найти их захоронения.

В 1990 г. Со Дин Гир впервые посетил Республику Корея. Он вспоминает, что это были незабываемые дни. Но, по его словам: «Я скучал по Сахалину, ведь на острове осталась моя семья, дети. Поэтому красоты и комфорт заграничной жизни не прельщали, очень хотелось как можно быстрее вернуться домой» [1].

4 июля 2007 г. возле Сахалинского корейского культурного центра в Южно-Сахалинске по инициативе В. П. Со был поставлен памятник его отцу и другим дважды репатрированным сахалинским корейцам.

Из Японии Со Дин Гир привез землю. Он взял ее у шахты, где работал его отец. Позже привез землю со своей исторической родины – из Республики Корея и смешал ее с сахалинской. Эту землю трех стран – Японии, Кореи и России прибывшие на Сахалин буддисты, совершая обряд поминаения, разбросали в Южно-Сахалинске, Корсакове, Шахтерске и Углегорске по могилам сахалинских корейцев, которые умерли, так и не повидав родные места [1].

На наш взгляд, процесс адаптации сахалинских корейцев к советским (российским) реалиям включал активные и пассивные практики, преобладавшие в разные периоды. Первое поколение сахалинских корейцев находилось в слишком сложном и невыгодном положении, чтобы иметь возможность использовать активные модели адаптации. Главной задачей было простое выживание семей.

Активное, творческое отношение к формированию нового варианта национальной идентичности выпало на долю второго поколения корейцев СССР. Они поднялись на новый уровень культурной компетенции и как корейцы (овладели письменным языком и культурой), и как граждане советского государства (освоили русский язык и культуру, большинство получили гражданство, овладели престижной профессией, добились материального благосостояния). Именно они осознали трагический опыт своего народа, выработали взвешенное отношение к Японии и СССР, стремились разыскать пропавших без вести родственников, наладить контакты с родиной.

Третье поколение корейцев в советский период могло пассивно пользоваться тем, что унаследовало от родителей, и шло по пути дальнейшей интеграции с русской культурой. Но кризис 1990-х гг. поставил молодых корейцев перед сложными вызовами современности, и именно в корейской этничности они смогли обрести дополнительный ресурс для вхождения в новые рыночные отноше-

ния. По мнению А. Ланькова, хотя национальный энтузиазм девяностых годов значительно уменьшился, он оставил за собой многочисленные национально-культурные структуры и, главное, заметно усилившееся чувство национальной идентичности. События 1988–2001 гг. не остановили языковой ассимиляции (она полностью завершилась), но привели к резкому подъему национального самосознания российских корейцев. Будучи русскими по языку и культуре, они ощущают себя корейцами; гордясь своими связями с родиной предков – Южной Кореей, они чувствуют себя там чужаками [3].

Таким образом, можно прийти к выводу, что идентичность советских/российских корейцев носила сложный, многослойный характер и собственно этническое самосознание актуализировалось в кризисной ситуации, когда оно стало ресурсом выживания или улучшения повседневной жизни.

Литература

1. Егорова, Т. Движение души к добру... / Т. Егорова // Сахалинские вести. – 11 июня 2009 : официальный сайт газеты «Сахалинские вести». – URL : <http://sakhvesti.ru/toprint.php?div=spec&id=1215> (дата обращения : 17.04.2012).

2. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. / История Дальнего Востока России. – Т. 3. – Кн. 4. – Владивосток : Дальнаука, 2009. – 696 с.

3. Ланьков, А. Корейцы СНГ, или Необыкновенные приключения конфуцианцев в России / А. Ланьков // Русский журнал. – 2002. – 9, 11 января. – URL : <http://old.russ.ru/politics/20020109-lan.html> (дата обращения : 5.05.2012).

4. Сахалинские корейцы – три шага в неизвестность // Официальный сайт Сахалинского корейского клуба. – URL : <http://ckk.sakh.com/interface.php?file=materials/3steps.php&heading=materials> (дата обращения : 16.04.2012).

А. Т. Коньков,

*доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии
Института истории, социологии и управления СахГУ*

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ В САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Миграция иностранных граждан на российский Дальний Восток в постсоветский период – сравнительно новое по историческим меркам явление, однако за последние 20 лет наметились определенные тенденции взаимодействия этнических мигрантов и принимающего общества. Происходящие процессы дают основания для теоретического анализа процесса интеграции различных групп мигрантов в российское общество.

Сегодня важно понять, какова этническая принадлежность основных миграционных потоков на российский Дальний Восток, какие стратегии и тактики поведения они реализуют, каким образом они интегрируются в российское общество. Также важно выявить реакции на их присутствие принимающего общества как на уровне общественных представлений (оценок, стереотипов сознания), так и на уровне повседневных контактов. В целом интеграция этнических мигрантов может быть определена как процесс адаптации мигрантов к условиям России и как адаптация принимающего общества к мигрантам.

Сегодня основную массу прибывающих мигрантов составляют выходцы из стран и регионов, существенно отличающихся от российского общества в культурном отношении, в уровне социального и экономического развития. Речь в первую очередь идет о выходцах из среднеазиатских стран СНГ, Китая, КНДР, многие из которых рассматривают российский Дальний Восток в качестве возможного места для постоянного проживания или места приложения своего труда на перспективу в несколько лет. Указанные обстоятельства, дополняемые хроническим миграционным оттоком коренного русскоязычного населения с Дальнего Востока, формируют сложную структуру межнационального взаимодействия местного населения и мигрантов. Особенную актуальность приобретает проблема культурной, экономической и социальной интеграции этнических мигрантов в российское общество, причем как тех, кто приезжает на время, так и тех, кто планирует закрепиться здесь на постоянное жительство.

Об актуальности проблематики этнической миграции в Дальневосточном регионе и в Сахалинской области в частности свидетельствуют

цифры, характеризующие миграционные процессы в регионе.

За период с 1991 по 2011 г. население Дальневосточного региона сократилось с 8064 тыс. чел. до 6284 тыс. чел. на начало 2011 года. Уменьшение численности населения составило 1780 тыс. человек, или 22,07 %. Основной вклад в уменьшение численности населения внесла миграция (около 80 % от суммарного объема потери населения за период с 1989 по 2010 г.); определенный вклад в депопуляцию региона также вносит устойчивое превышение смертности над числом родившихся. В отдельных краях и областях уменьшение численности населения происходило особенно стремительно даже по дальневосточным меркам. Так, население Чукотского автономного округа уменьшилось с 163,9 тыс. чел. в 1989 г. до 50,5 тыс. чел. в 2010 г. (снижение на 69,18 %); население Камчатского края за тот же период уменьшилось с 466,1 тыс. чел. до 321,7 тыс. человек (снижение на 30,97 %); население Сахалинской области снизилось с 719 тыс. чел. в 1992 г. до 498,0 тыс. чел. на начало 2011 г. (уменьшение на 30,74 %). Несколько лучше обстоит ситуация в Хабаровском крае, где за период с 1992 по 2012 г. численность населения снизилась с 1634,0 тыс. чел. до 1342,5 тыс. чел. (на 17,84 %). В Приморском крае и Амурской области уменьшение численности населения в период между переписями 1989 и 2010 г. составило, соответственно, 13,37 и 20,96 % [1].

Среди тех, кто покидает Дальний Восток, преобладают лица в трудоспособном возрасте (доля таких мигрантов составляла в разные годы от 64 до 67 %) [2] главным образом из числа русскоязычных граждан Российской Федерации.

Встречный поток прибывающих на Дальний Восток России представлен несколькими группами мигрантов:

- граждане стран СНГ, среди которых лидируют по абсолютным цифрам прибывших мигранты из трех среднеазиатских республик: Киргизстан, Таджикистан и Узбекистан; менее значительную подгруппу мигрантов составляют граждане стран Закавказья: Азербайджана, Армении и Грузии; вклад граждан других государств бывшего СССР

в миграционный поток прибывающих на российский Дальний Восток незначителен;

- граждане соседних для российского Дальнего Востока государств: Китая и КНДР, а также граждане Вьетнама;
- граждане других стран дальнего зарубежья: Турции, Афганистана и др.;
- российские граждане из региона Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия, Чеченская Республика, Кабардино-Балкария, Северная Осетия);
- трудовые мигранты и переселенцы из других регионов России с преобладанием русскоязычного населения.

Удельный вес каждой из перечисленных групп в общем миграционном потоке, прибывающем на Дальний Восток, менялся на протяжении последних двух десятилетий, однако основную часть прибывающих мигрантов составляли и продолжают составлять мигранты из Китая, Северной Кореи и Средней Азии. На протяжении последних полутора десятилетия доля выходцев из стран дальнего зарубежья в миграционном потоке на Дальний Восток выросла с 61,5 % в 1996 г. до 72,4 % в 2008 г. Большую часть мигрантов составили граждане Китая. Остальные мигранты представлены главным образом выходцами из государств СНГ. В общем числе прибывших из стран СНГ их доля была в 2007 г. 41,5 %, в 2008 г. – 44,6 %, а в миграционном приросте – соответственно 52,5 и 55,1 % [3].

Миграционная ситуация в Сахалинской области характеризуется преобладанием мигрантов из стран СНГ. За семь месяцев с начала 2012 г. количество поставленных на миграционный учет иностранцев составило 37 177 человек. Из них 42,5 процента (или более 15 тысяч человек) прибыли в визовом порядке, остальные приехали в порядке безвизового пересечения границы из стран СНГ, главным образом из Средней Азии. С 1.01.2012 по 30.06.12 г. в Сахалинской области было поставлено на миграционный учет 18110 иностранных граждан следующих стран СНГ: [4]

Узбекистан	– 7215 человек;
Кыргызстан	– 5553 человека;
Таджикистан	– 1843 человека;
Украина	– 1114 человек;
Армения	– 860 человек;
Азербайджан	– 603 человека;
Молдова	– 396 человек;
Казахстан	– 339 человек;
Беларусь	– 187 человек.

В условиях, когда массовый приток этнических мигрантов носит характер устойчивой тенденции, велика вероятность развития конфликтных отношений между мигрантами и принимающим обществом. При растущей интенсивности контактов принимающего общества и мигрантов формируются проблемные области противоречий и конфликтов. Напряжение нака-

пливается по линиям этнокультурных различий (язык, религия, нормы поведения), из-за контраста культуры города, преобладающей в Сахалинской области, и культуры деревни, носителями которой выступает большая часть мигрантов; контраста между современной российской индивидуалистической культурой и традиционалистской (общинной) культурой, преобладающей среди выходцев из стран Центральной Азии. В восприятии населения все эти противоречия вытекают одно из другого, представляются как проявление общей напряженности между мигрантами и местными жителями.

Для преодоления возникающих противоречий и предотвращения серьезных межэтнических конфликтов большое значение будут иметь эффективная интеграция этнических мигрантов и их адаптация в рамках полиэтнической культурной среды. Без этого мигранты не смогут реализовать свои миграционные ожидания, а принимающее общество не будет чувствовать себя в безопасности. В общем виде интеграция этнических мигрантов включает в себя следующие элементы:

- а) натурализацию, то есть приобретение мигрантами законного правового статуса;
- б) аккультурацию, или приобщение мигрантов к нормам и ценностям принимающего общества;
- в) привыкание принимающего общества к мигрантам, к культурному многообразию в качестве нормы.

Основными показателями успешной интеграции мигрантов в современном российском обществе можно считать выполнение следующих фундаментальных условий:

1. Легальный статус в стране пребывания, например, трудовая виза, вид на жительство или гражданство, наличие регистрации по месту пребывания или по месту жительства. Большое значение имеет наличие разрешения на работу (приглашение на работу или патент на занятие индивидуальной трудовой деятельностью).

2. Вовлеченность в социальное пространство принимающего общества (связи, знакомства; включенность в систему социальных сетей местного населения как внутри миграционного сообщества и особенно за его пределами).

3. Культурная адаптированность (владение языком принимающего общества в объеме, позволяющем реализовывать себя в трудовой сфере, повседневном взаимодействии с институтами общества и местным населением; знание и соблюдение общепринятых в принимающем обществе норм поведения).

4. Толерантное отношение к мигрантам со стороны принимающего населения. Ощущение безопасности, отсутствие угрозы жизни и благополучию в связи со своей этнической принадлежностью, сравнительно низкий уровень преступности в отношении мигрантов.

Следует подчеркнуть, что без удовлетворения перечисленных условий невозможна успешная интеграция мигрантов, стремящихся стать частью принимающего общества. Далеко не все мигранты, приезжающие в Сахалинскую область, намерены закрепиться в регионе на многие годы или постоянное место жительства. По данным выборочного исследования, выполненного кафедрой социологии в 2011 г. среди этнических мигрантов из стран СНГ (Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан, Армения), проживающих в Сахалинской области, более половины опрошенных (59,5 %) заявили, что они не планируют оставаться на постоянное жительство в Сахалинской области. Около 22 % респондентов заявили, что они хотели бы остаться в Сахалинской области, а 18,5 % респондентов затруднились ответить на соответствующий вопрос.

Как свидетельствует практика, сложившаяся на Сахалине, большинство легальных мигрантов приезжает в Сахалинскую область на основе трудовых приглашений, то есть легально присутствуют на территории области. В большинстве случаев это граждане стран Центральной Азии, а также выходцы из Азербайджана и Армении. Нелегальные мигранты представлены главным образом гражданами Китая и указанных выше стран СНГ, при этом нелегальный статус мигрантов обусловлен главным образом нарушением ими сроков пребывания на территории Российской Федерации после легального въезда на территорию страны.

Если принять в качестве ориентира полученное нами значение, согласно которому около одной пятой от общего числа этнических мигрантов в Сахалинской области желали бы остаться здесь на постоянное местожительство, можно говорить о существовании запроса на социально-экономическую и культурную интеграцию таких мигрантов. Следует, однако, оговориться, что полученные данные относятся к ограниченной выборке исследования, включавшей мигрантов из стран СНГ, вносящих наиболее заметный вклад в общий поток прибывающих этнических мигрантов. Данным исследованием не были охвачены мигранты из Китая, а также граждане Украины, доля которых среди этнических мигрантов на Сахалине существенна, хотя и уступает доле граждан республик Центральной Азии.

По данным некоторых исследований, выполненных в Дальневосточном регионе, подавляющее большинство мигрантов из Китая прибывают на российский Дальний Восток для заработка, то есть для временного пребывания, и не стремятся осесть здесь на постоянное место жительства. Согласно одному из исследований дальневосточных исследователей, срок пребывания в России у большинства китайских мигрантов составляет от одного до четырех лет, однако лишь 15 % из них имеют жилье

в России, а остальные проживают в общежитиях, приспособленных для этих целей помещениях или снимают жилье. При этом подавляющее большинство китайских мигрантов заработанные деньги тратят в Китае, куда уезжают на один-два месяца в год; там же остаются семьи у большинства китайских мигрантов, состоящих в браке [5].

Представляется, что в Сахалинской области ситуация с мигрантами из Китая имеет сходные черты, с той разницей, что удельный вес граждан Китая среди мигрантов на Сахалине ниже, чем в других краях и областях Дальнего Востока. Кроме того, транспортные и экономические издержки, возникающие у китайских мигрантов, желающих попасть на Сахалин, значительно выше, чем у их сограждан, приезжающих в Приморье, Хабаровский край или Амурскую область. Также важно, что Сахалинская область не входит в число приграничных областей России и Китая, между которыми существует упрощенный порядок пересечения границы. Все это в определенной степени ограничивает приток китайских граждан на Сахалин.

С учетом указанных обстоятельств можно предварительно констатировать, что проблема интеграции этнических мигрантов в условиях Сахалинской области связана, главным образом, с необходимостью найти адекватные меры государственного и общественного реагирования в отношении мигрантов из республик Центральной Азии, Закавказья и некоторых других регионов, желающих закрепиться на Сахалине.

Современное положение этнических мигрантов на Сахалине характеризуется тем, что по одним аспектам интеграция мигрантов происходит успешно, в то время, как другие механизмы интеграции мигрантов практически не действуют.

С точки зрения правового статуса большинство этнических мигрантов законно въезжают в область в рамках безвизового соглашения (граждане республик СНГ) или по официальным приглашениям компаний-работодателей. Основной проблемой является нарушение сроков пребывания граждан СНГ в Российской Федерации. Данное обстоятельство предопределяет двойственное правовое положение таких мигрантов: законно въехав на территорию России, многие из них впоследствии становятся нарушителями миграционного законодательства, превышая установленные сроки пребывания на территории России. Они становятся участниками нелегального рынка труда. Такие нарушения в большей степени характерны для выходцев из республик Центральной Азии и в меньшей степени для выходцев из Закавказья.

Значительная часть этнических мигрантов занята нелегально, а условия труда (даже в ситуациях легальной занятости) зачастую не соответствуют требованиям российского законодательства: отсутствуют трудовые контракты, прием мигран-

тов на работу не оформляется, заработная плата выплачивается наличными деньгами, без соблюдения требований налогового законодательства. Условия занятости также нередко нарушают элементарные требования гигиены и техники безопасности. Такие условия ставят этнических мигрантов в весьма уязвимое положение, поскольку контролирующие органы, обнаруживая нарушения, вправе задерживать мигрантов, налагать штрафы, депортировать мигрантов за пределы страны.

На легальном сегменте рынка труда у мигрантов есть возможность приобрести законный статус через получение патента на занятие трудовой деятельностью на территории Сахалинской области. В 2012 г. за семь месяцев с начала года количество иностранных граждан, получивших такие патенты, составило 4476 человек [6]. Правовой статус таких мигрантов является более защищенным, они лучше интегрированы в принимающее общество в социальном и экономическом отношении. Часто сферами занятости этой группы мигрантов становятся: общественный транспорт, сфера бытовых услуг, общественное питание, сельское хозяйство.

С точки зрения вовлеченности мигрантов в социальное и культурное пространство принимающего общества ситуация выглядит противоречивой. Мигранты, как правило в той или иной мере владеют русским языком. Уровень владения русским языком выше у граждан Армении, Азербайджана, Киргизии, сохранивших в той или иной степени преподавание русского языка в школе; он в целом ниже у граждан Узбекистана и Таджикистана.

В социально-культурном отношении степень интегрированности в российское общество неодинакова у мигрантов из разных стран и у групп мигрантов, отличающихся сроком проживания в Российской Федерации. Одним из показателей социальной адаптированности мигрантов является наличие у них устойчивых социальных связей за пределами собственного этнического сообщества. По данным упомянутого выше выборочного опроса, имели друзей среди местного населения не из числа представителей собственной этнической группы 46 % респондентов, в том числе 92 % опрошенных армян, 88 % азербайджанцев, 55 % киргизов, 40 % таджиков, 34 % узбеков. Степень включенности в социальные связи за пределами собственного этнического сообщества позитивно связана с двумя факторами: а) знанием русского языка и б) длительностью проживания на Сахалине.

Азербайджанская и армянская диаспоры на Сахалине являются относительно старыми, сформировавшимися еще в советское время; сегодня они пополняются главным образом за счет мигрантов, имеющих хороший уровень владения русским

языком. В противоположность этому миграция на Сахалин граждан государств Центральной Азии является сравнительно новым явлением, приобретшим массовый характер в начале XXI века. Как правило, мигранты из этих государств являются выходцами из сельской местности, они имеют низкий уровень образования, а также низкий уровень владения русским языком. В культурном отношении народы Средней Азии сильнее отличаются от доминирующего населения Сахалинской области по сравнению с выходцами из Армении и Азербайджана. Все эти обстоятельства делают интеграцию граждан государств Центральной Азии на Сахалине более проблематичной. Тем не менее часть прибывающих этнических мигрантов имеют выраженные установки на интеграцию в российское общество – стремятся получить вид на жительство или гражданство Российской Федерации, намерены остаться в России на постоянное жительство. В условиях Сахалинской области данная тенденция находит свое отражение в том, в 2010–2011 гг. ежегодно около одной тысячи граждан СНГ принимали российское гражданство (большую часть из них составляли граждане Киргизии, с которой у Российской Федерации действовало соглашение об упрощенном порядке принятия граждан этой республики в российское гражданство).

О степени толерантности принимающего общества в отношении мигрантов в условиях Сахалинской области можно судить по отсутствию выраженной межэтнической конфронтации, отсутствию у местного населения опыта насильственных межэтнических конфликтов. В целом население Сахалинской области отличается низкой степенью актуализации этнических предрасудков и национальной нетерпимости. Тем не менее некоторые группы мигрантов чаще, чем другие группы, сталкиваются с проявлениями нетерпимого отношения к себе со стороны представителей других национальностей. Согласно результатам выборочного социологического исследования, чаще других о таких фактах сообщали мигранты из Киргизии (12 %), Таджикистана (8 %), Узбекистана (6 %). Среди выходцев из Армении с подобными проявлениями сталкивались 2 % опрошенных, а среди выходцев из Азербайджана – 4 % респондентов. Со своей стороны осознание этническими мигрантами необходимости освоения культурных норм принимающего общества является одним из важных условий их полноценной интеграции. Отсутствие такого осознания или сознательное стремление к культурной сепарации нередко служит одним из факторов межэтнической напряженности и эскалации межнациональных конфликтов. В этой связи представляют интерес ответы этнических мигрантов на вопрос о том, как они оценивают свои знания культуры, правил и обычаев местного населения. Среди вы-

ходцев из Армении около 80 % респондентов ответили, что они «хорошо» знают правила и обычаи местного населения; среди выходцев из Азербайджана таких оказалось 72 %. По сравнению с указанными двумя группами лишь 20 % респондентов, прибывших из Таджикистана, считают, что они хорошо знакомы с правилами и обычаями местного населения. Среди выходцев из Узбекистана и Киргизии таких респондентов оказалось 26 и 32 % соответственно.

В целом необходимо отметить, что проблема интеграции этнических мигрантов на Сахалине в том виде, как она представлена в настоящее время, становится все более актуальной. По мере увеличения доли этнических мигрантов среди населения Сахалинской области создаются предпосылки для формирования в поселенческой структуре Сахалинской области этнических кластеров, сформированных по национальному и территориальному принципам. В настоящее время интенсивность миграции в Сахалинскую область выходцев из различных государств ближнего и дальнего зарубежья остается на уровне, поддающемся контролю и регуляции. Регулирование миграционных процессов в эпоху глобализации означает в первую очередь формулировку принимающим обществом четких принципов в отношении того, сколько и каких мигрантов может оно принять и на каких условиях. Решая указанную задачу, общество должно стремиться обеспечить условия для эффективной интеграции в него иммигрантов, которые отвечают предъявляемым требованиям и желают стать постоянными жителями на новой родине. В настоящее время данное направление

российской миграционной политики в целом и его реализация в условиях Дальнего Востока являются наименее разработанными. В этой связи исследование и осмысление проблем интеграции этнических мигрантов в специфических условиях российского Дальнего Востока остается важной теоретической и прикладной научной задачей.

Литература

1. Рассчитано на основе данных электронного ресурса: Портал Всероссийская перепись населения 2010 года. – <http://www.perepis-2010.ru> ; Мотрич, Е. Население Дальнего Востока и стран СВА: современное состояние и перспективы развития / Е. Мотрич // Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. – М., 1999.
2. Глебова, Инна. Власти пока бессильны остановить миграцию населения из округа / Инна Глебова, Ирина Дробышева // Российская газета. – № 5623. – 03.11.2011.
3. Мотрич, Е. Л. Трансформация миграционных связей Дальнего Востока России со странами ближнего и дальнего зарубежья / Е. Л. Мотрич // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 77.
4. УФМС: миграционная ситуация в области стабильна и контролируется (электронный ресурс). – Режим доступа : <http://www.sakhalin.info>, 15 августа 2012.
5. Загребнов, Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР / Е. Загребнов // Прогнозис. – 2007. – №1 (9). – С. 252–277.

*Л. А. Крушанова,
кандидат исторических наук ИИАЭ ДВО РАН*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БОРЬБЫ С НАРКОМАНИЕЙ НА САХАЛИНЕ И В ПРИМОРЬЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Проблема распространения наркомании на сегодня является одной из самых актуальных. Н. А. Романович и В. Б. Звоновский в статье «Общественное мнение о наркотизме: опыт региональных исследований» отмечают ее глобальный характер¹. Борьба с этим явлением в нашей стране официально началась в XIX в. В первые годы советской власти продажу наркотиков признали «самой отвратительной из всех видов спекуляций». Уголовная ответственность была введена в 1925 г.², поскольку в те годы руководство страны осознавало влияние наркомании на преступность.

Изучение наркомании в отечественной историографии получило освещение относительно недавно. Первые работы вышли в свет в 1980-х гг. В постсоветский период пристальное внимание стали уделять кроме юристов социологи, медики. При этом на региональном уровне это социально-криминальное явление изучено слабо.

Целью работы мы поставили проследить динамику распространения наркомании в двух дальневосточных субъектах – Приморье и Сахалине и выявить методы противодействия данному явлению, начиная с 1960-х гг. и заканчивая сегодняшним днем.

В 1945 г. Южный Сахалин вошел в состав СССР. На острове осталось 25 тыс. корейцев, вывезенных из Кореи в период японской оккупации, которых японские власти отказались репатриировать на родину. Советские органы власти стремились как можно быстрее интегрировать их в советскую повседневность. С этой целью было издано Постановление ЦК ВКП(б) «О политической и культурно-просветительской работе среди корейцев, занятых в промышленности Дальнего Востока» (14 апреля 1948 г.)³, согласно которому 74 советских корейца, депортированных в 1930-х гг. из Приморья, были направлены из Узбекистана и Ка-

захстана на работу в Хабаровский край, куда входил в те годы Сахалин.

Население Приморья постоянно росло во многом за счет мигрантов. В послевоенный период регионами-донорами были украинские области и области центральной России. С середины 1950-х гг., после разрешения депортированным народам возвращаться в места прежнего проживания, в край стали приезжать корейцы из Узбекистана и Казахстана.

После преодоления последствий войны и либерализации уголовного законодательства к концу 1950-х гг. в стране начинается рост потребителей наркотиков. Об этом писал в 1960 г. в Комиссию законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР прокурор Вычугского района Ивановской области А. Горбунов: «В городе Вычуге очень распространены факты морфинизма и главным образом среди молодежи в возрасте 19–30 лет, в основном это рабочие промышленных предприятий. Многие из них наркотики стали принимать, находясь в колонии, где отбывали наказания за совершенные преступления»⁴. На межведомственном совещании работников прокуратуры, суда, милиции и мест заключения Приморского края, которое состоялось во Владивостоке (9 сентября 1960 г.), начальник УВД Приморского края С. И. Затолокин сообщал, что среди заключенных, находившихся на общем режиме, широкое распространение получила наркомания⁵.

О последствиях наркомании прокурор Вычугского района Ивановской области А. Горбунов говорил следующее: «Находясь под одурманивающим действием наркотических веществ, они нарушают общественный порядок, отравляют жизнь близких людей, а нередко с целью удовлетворения потребности в морфии не останавливаются и перед совершением преступлений»⁶. Наи-

¹ Романович, Н. А. *Общественное мнение о наркотизме: опыт региональных исследований* / Н. А. Романович, В. Б. Звоновский. – URL : <http://ecsocman.hse.ru/data/740/928/1219/006.ROMANOVITSH.pdf> (дата обращения : 29 сентября 2012 г.).

² *История борьбы с наркотиками в России*. – URL : <http://www.68.fskn.gov.ru/2010-10-09-19-30-57/2010-10-09-19-52-59/89-2010-10-22-00-15-42> (дата обращения : 29 сентября 2012 г.).

³ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1547. Л. 5.

⁴ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 351. Л. 106.

⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 550. Л. 21.

⁶ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 351. Л. 106.

большее количество преступлений, связанных с наркотиками, на Дальнем Востоке регистрировалось на Сахалине (в 1961 г. – 22 случая, 1962 г. – 17, 1963 г. – 38, 1964 г. – 28 случаев). Пока нам удалось выявить только один документ, из которого вытекает, что основную массу из числа привлеченных к уголовной ответственности по статье «наркомания» составляли корейцы. Так, в ночь на 28 июня 1964 г. два наркомана Т. Б. Э. и Ч. Т. И. похитили из лечебницы с. Воскресеновка 15 ампул морфия и 4,8 кг настойки опия. Часть похищенного они передали другим наркоманам-корейцам⁷. Здесь следует пояснить, что наркомания у корейцев, как и у всех аборигенных дальневосточных народов, является элементом этнической культуры.

Это влияло на процесс борьбы с этим явлением. Будучи представителями восточнославянских народов, сахалинские сотрудники ОВД имели слабое представление о наркомании, что не позволяло на местном уровне быстро принимать те или иные меры. В справке отдела обобщения судебной практики отмечалось: «Неоперативность следствия и неудовлетворительная постановка оперативно-розыскных мероприятий позволяет некоторым преступникам длительное время заниматься сбытом и хранением ... наркотиков. ... В полной мере это относится к борьбе с посевами опийного мака, индийской и южной чуйской конопли... На сопках Сахалинской области изготовители разводят плантации опийного мака, однако следствием в большинстве случаев такие лица не устанавливаются и к уголовной ответственности не привлекаются»⁸. Возникает вопрос, каким образом чуйская конопля (место произрастания – Узбекистан) оказалась на Сахалине? Как мы предполагаем, что она попала на Сахалин вместе с теми 74 корейцами, прибывшими на остров в 1948 г.

Руководство страны на это отреагировало включением в УК 1960 г. статей за употребление, хранение, сбыт наркотиков и содержание притона (ст. 224–225), за что предусматривалось наказание в виде лишения свободы сроком от трех до десяти лет. Столь длительные сроки выступали не только актом устрашения. В случае лишения свободы – способом решения проблемы дефицита трудовых ресурсов в некоторых отраслях народного хозяйства. Наркомания наносила урон экономике. Наркоманы-потребители становились причинами высокого производственного травматизма, а в условиях нехватки кадров со временем

выпадали из системы производственных отношений. «Плантаторы»-наркоманы нигде не работали, являясь социальной «обузой» для государства и общества. В качестве примера можно привести жителя г. Корсаков, корейца Л. Д. С., который в течение шести лет нигде не работал, фактически жил за счет продажи опия⁹.

В Приморском крае количество зарегистрированных случаев наркомании составило: в 1961 г. – 2, 1962 г. – 8, 1963 г. – 2, 1964 г. – 3 случая¹⁰. Здесь кроме заключенных потребителями наркотиков были аборигенные народы – удэгейцы, нанайцы, орочи. Основным наркотиком были маньчжурская конопля, произрастающая в крае, и ее производные.

Наряду с уголовным преследованием в Уголовном кодексе предусматривалось принудительное лечение (ст. 62). В ряде случаев признавалось, что наркомания – это не только социальная проблема, но и заболевание. Прокурор Вычугского района Ивановской области А. Горбунов отмечал: «Действующее законодательство не предоставляет органам здравоохранения (права) принудительного лечения наркоманов, оно допускается по определению судебных органов, да и то лишь когда лицо, страдающее наркоманией, совершит преступление и экспертной комиссией будет признано невменяемым. Во всех остальных случаях лечение производится только с согласия больного, при этом часто желаемых результатов не достигается, так как потребность больного в наркотиках настолько велика, что как только его лишают их, он прекращает лечение. И совершенно правильно в нашей печати ставится вопрос о принудительном лечении наркоманов»¹¹. Однако понадобилось полтора десятилетия, чтобы государство прошло путь от идеи о принудительном лечении до ее реализации.

В период правления Л. И. Брежнева меры по борьбе с наркоманией были существенно ужесточены. В 1976 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по усилению борьбы с наркоманией» (от 13 июля 1976 г.), которое позволило выявить более или менее реальный масштаб этого бедствия, охватывая не только представителей аборигенных народов, но и русских. На примере Приморского края можно увидеть, с какой скоростью распространялась наркомания. Так, в 1971–1972 гг. в Приморье было привлечено к уголовной ответственности по одному чел., в 1973–1974 гг. – по три чел. С 1975 по 1986 г. рост

⁷ ГАРФ. Ф. 9474. Он. 16. Д. 850. Л. 2, 9.

⁸ ГАРФ. Ф. 9474. Он. 16. Д. 850. Л. 3.

⁹ ГАРФ. Ф. 9474. Он. 16. Д. 850. Л. 2, 9.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 9474. Он. 16. Д. 850. Л. 2, 9.

¹¹ ГАРФ. Ф. 7523. Он. 45. Д. 351. Л. 106.

составил с 16 до 1762 чел.¹². Наряду с уголовным преследованием обязательным стало принудительное лечение. После выхода в свет постановления правительства по борьбе с пьянством в 1972 г. наркологические учреждения стали расти повсеместно. В каждом городе и районе действовали специальные медучреждения, при каждом крупном предприятии находились наркологические кабинеты. Принцип лечения наркоманов был тот же, что и алкоголиков, – сочетание медикаментозного лечения и трудовой терапии.

Участие СССР в войне в Афганистане сыграло неоднозначную роль в противодействии распространению наркомании. С одной стороны, это затруднило проникновение тяжелых наркотиков (героина), с другой – все большее количество мужского населения молодого возраста знакоилось с «курительной» наркоманией. Показателем распространения наркомании стала продажа наркотиков. Например, в 1985 г. в Хабаровском крае было выявлено 32 факта сбыта наркотиков, в 1986 г. – 69¹³. Заготовка сырья шла в Приморье, Хабаровском крае и Амурской области. Стоимость спичечного коробка конопли («химки») в трех названных регионах в 1988–1989 гг. составляла 5 руб., коробок «пластилина» – 15 руб. Иногда сотрудники ОВД изымали маковую соломку, поступавшую в регион из западных районов страны. Но продажа этих наркотиков в те годы носила несистемный характер, что позволяло милиции быстро выявлять таких «наркодельцов».

Во второй половине 1980-х гг. сотрудники органов внутренних дел Приморья и Хабаровского края активно противодействовали проникновению наркотиков на Сахалин. В этот период существенно увеличился объем уничтожаемых наркосодержащих растений. В 1985 г. было изъято 900 кг наркотического сырья. В 1986 г. было выявлено культивирование конопли на площади 633 га, или в четыре раза больше, чем пятилеткой раньше. В 1986 г. изъяли 1744 кг заготовленной конопли, 69 кг соломки мака, почти 3 кг гашиша¹⁴.

В 1986 г. (30 января) ЦК КПСС принял постановление «О серьезных недостатках в организации борьбы с наркоманией», реализации которого было уделено более серьезное внимание как государственных органов, так и специальных медицинских учреждений. К концу советского периода в стране сложилась действенная взаимосвязанная система правовых мер борьбы с наркоманией: административная ответственность, уголовная нака-

зуемость, принудительные и добровольные меры медицинского характера. Завершающим актом стало создание в 1991 г. в системе ОВД самостоятельной службы противодействия незаконному обороту наркотиков¹⁵.

Возникает вопрос: почему так резко вырос спрос на наркотики? Мы считаем, что это стало «эхом» антиалкогольной кампании. С одной стороны, отсутствие алкоголя в свободной продаже, с другой стороны, наличие в регионе наркотиков, которые оказались для молодежи доступными с точки зрения финансовых и временных затрат, чем приобретение водки или самогона, что обусловило численный рост наркоманов. В рамках очередной либерализации уголовного законодательства их уже не сажали, а лишь привлекали к административной ответственности. К концу советского периода из-за увеличения преступности в целом противодействие наркомании отошло на второй план.

После распада СССР численность наркозависимых стала расти в геометрической прогрессии. Этому способствовал комплекс причин. Первая: отсутствие границ между теперь уже независимыми республиками на постсоветском пространстве облегчило проникновение наркотиков на Дальний Восток. Вторая: освободившаяся медицинская ниша. Экономический кризис и банкротство предприятий резко сократили финансирование наркологических кабинетов и диспансеров, в результате чего предприятия отказались от содержания своих кабинетов, а количество бюджетных специальных медучреждений было сведено к минимуму. Не было еще и частных наркодиспансеров. Третья: уход из органов внутренних дел сотрудников и выведение общественности из сложившейся системы противодействия наркомании существенно способствовали формированию сети наркоторговли. Четвертая – относится к духовным причинам. В 1990–1991 гг. ушла в прошлое советская идеология, а вместе с ней и уверенность в завтрашнем дне. Отсутствие перспектив, особенно в малых и средних городах, рост депрессивных территорий и кризис ценностей затронули учащихся и молодежь. Пятая: появление новых форм трудовой занятости – «челночество». После 1992 г. наряду с растительными наркотиками постепенно на Дальний Восток под видом лекарства для похудения из Китая проникает эфедрин (эфедрон) – наркотик для подростков. Печальным итогом стал рост зарегистрированных преступлений, связанных с

¹² ГАПК. Ф. 1210. Он. 2. Д. 1. Л. 2; д. 5, л. 25; д. 7, л. 3, д. 9, л. 1; д. 10, л. 4; д. 13, л. 1; д. 20, л. 19; д. 72, л. 10.

¹³ ГАХК. Ф. П-35. Он. 113. Д. 150. Л. 196.

¹⁴ ГАХК. Ф. П-35. Он. 113. Д. 150. Л. 195–196.

¹⁵ Официальный сайт МВД. – URL : http://www.mvd.ru/mvd/history/show_120/?-1760.7 (дата обращения : 7 сентября 2012 г.).

наркотиками. В 1990–1994 гг. в Приморье он составил 220 %, Сахалинской области – 550 %, в то время как в РФ – 460 %¹⁶. На смену «сезонности» приходит повседневность употребления наркосодержащих средств.

В 1996 г. был принят новый Уголовный кодекс, который заменил собой УК РСФСР 1960 г. В нем отменялось уголовное преследование за употребление наркосодержащих веществ. Таким образом, государство признавало наркоманов больными людьми, которые нуждаются в лекарстве, каковым выступали наркотики. Поэтому если у них находят до 6 г марихуаны и до 0,5 г героина, их наказывают только штрафом. Это развязало руки и более крупным наркоторговцам. В 1996 г. органы МВД изымали героин в 14 российских регионах, в 1998 г. – в 67, в том числе в Приморье и Хабаровском крае, а в 1999 г. – в более чем 70 различных регионах Российской Федерации¹⁷.

На Дальнем Востоке рост зарегистрированных преступлений, связанных с изготовлением и сбытом наркотиков, с 1995 по 2011 г. составил в Приморье 252 %¹⁸, на Сахалине (с 1995 по 1.10.2011 г.) – 1 656 %¹⁹. Одной из причин распространения наркомании является доступность наркотиков в связи с постоянно растущей торговой сетью и дешевизной разовой дозы (в г. Владивостоке – 100 руб. в 2000 г. и 300 руб. летом 2012 г., на Сахалине на 30–40 % дороже). Распространение наркотиков приобрело «этнический» характер, что обусловлено массовым прибытием в регион узбеков и таджиков. В Приморье с середины 1990-х гг. после того, как из традиционной своей ниши (мелкая спекуляция) цыган вытеснили «челноки», они были вынуждены осваивать незанятые рынки, каковым был наркорынок, который вскоре оказался освоен цыганами.

В начале 2000-х гг. появились синтетические наркотики – экстази и ЛСД – наркотики «золотой молодежи». Из группы синтетических наибольшую популярность приобрел дезоморфин – наркотик для бедных («крокодил»), который готовится из таблеток, продававшихся в аптеках до лета 2012 г.

без рецепта врача. В июне 2009 г. глава Госнарконтроля В. Иванов отмечал, что ежегодно умирают от наркотиков 30 тыс. наркоманов. В стране насчитывается от 2 до 2,5 млн. наркоманов, преимущественно в возрасте от 18 до 39 лет. Каждый год армия российских наркоманов пополняется 80 тысячами «новобранцев». За 1998–2008 гг. число наркоманов в России увеличилось в 10 раз²⁰.

Распространение наркомании имеет негативные последствия. С точки зрения резонанса менее ощутимыми стали демографические потери – от высокой смертности с диагнозами ВИЧ и гепатиты, снижение брачности и рост разводимости с лицами, употреблявшими наркотики. Наркомания имеет более опасные последствия – рост краж, грабежей, убийств и покушений на убийства, совершенных наркоманами. Кроме того, каждый наркоман вовлекает в употребление наркотиков семь-восемь человек, что приводит к дальнейшему росту преступности.

В последние два года стабилизировалась численность официально зарегистрированных наркоманов на уровне 500 тыс., по оценкам экспертов – 2,5–5 млн., так как наркомания – это явление, имеющее высокую латентность. На каждого выявленного приходится от пяти до десяти невыявленных наркоманов. Сложившуюся ситуацию эксперты считают близкой к катастрофической.

Сегодня руководство страны стало уделять пристальное внимание этой проблеме:

- ужесточили наказание наркоторговцам, вплоть до 20 лет лишения свободы, уничтожается имущество, приобретенное от продажи наркотиков;
- рост заработных плат сотрудников МВД способствует кадровому усилению структур, ведущих борьбу с распространителями и потребителями наркотиков; снижению коррумпированности в этих структурах;
- развивается сеть бесплатных муниципальных и частных медучреждений;
- активно ведется пропаганда здорового образа жизни, в том числе разрабатываются про-

¹⁶ Преступность и правонарушения (1990–1994). – С. 125–126.

¹⁷ Паоли, Л. Незаконная торговля наркотиками в России / Л. Паоли. – URL : <https://lirias.kuleuven.be/bitstream/123456789/202134/1/illegal+drug+trade+in+Russia-russian.DOC> (дата обращения : 29 сентября 2012 г.).

¹⁸ Об изменении уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Путь к свободе. Пенитенциарная газета. – 2012. – № 3. – URL : http://фсин.рф/territory/Primorsky/gazeta_put_k_sвободе/Gazeta%203%202012_3.pdf (дата обращения : 30 сентября 2012 г.); Преступность и правонарушения (1990 – 1994). – С. 125.

¹⁹ Официальный сайт управления Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков по Сахалинской области. – URL: http://www.sakh-police.ru/show_doc.php?id=452 (дата обращения : 30 сентября 2012 г.); Преступность и правонарушения (1990–1994). – С. 126.

²⁰ Реальная демография России – немного статистики... – URL : http://itogi-2012.ru/?page_id=389 (дата обращения : 30 сентября 2012 г.); Преступность и правонарушения (1990–1994) : статсборник. – М. : Информационный центр МВД РФ. – С. 124.

граммы «Нет наркотикам», «Город без наркотиков» и др.

В определенной степени это способствует снижению не только преступлений, связанных с наркотиками, но и преступности в целом. Правда, в общей структуре «наркомановая» преступность растет (с 2,8 % в 1994 г. до 8,9 % в 2011 г.). Дальний Восток находится в «лидерах» по количеству совершенных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в расчете на 100 тыс. чел. – 183. В Сахалинской области и Приморском крае эти показатели еще выше (от 201 до 233). Для сравнения: в Северо-Западном – 179, в Северо-Кавказском – 107 и Центральном – 108²¹. Превышение более чем в два раза показателей распространенности наркомании в регионе заставляет руководство страны и общественность искать новые пути борьбы с этим

явлением. Сегодня активно обсуждается вопрос о раннем выявлении наркоманов среди учащихся, применяя тестирование.

Подводя итог, отметим следующее. Выявление проблемы наркомании в 1960-х гг. позволило руководству страны затормозить распространение наркотиков в стране почти на десятилетие. К середине 1970-х гг. наркотизация населения стала приобретать угрожающие масштабы, в результате чего руководство страны разработало комплекс мер не только репрессивного и профилактического, но и медицинского характера. Период 1990–2000-х гг. можно назвать временем триумфа наркомании. К сожалению, нам остается констатировать, что на сегодня ни у государства, ни у общества не существует действенных мер по противодействию наркомании.

---

²¹ Преступность в России снижается пятый год подряд – в 2011 году было зарегистрировано 2,4 миллиона преступлений и 1,7 миллиона потерпевших в результате преступных посягательств ... – URL : <http://demoscope.ru/weekly/2012/0505/barom01.php> (дата обращения : 2 октября 2012 г.).

*Н. А. Литвинов,
старший преподаватель кафедры
воспитания, образования и социальности
ГБОУ ДПО «Институт развития образования
Сахалинской области»*

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ДЕТЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Переход России в третье тысячелетие стал периодом ломки старых, устоявшихся ценностей. Существенно поменялись социальные отношения в результате значительных преобразований самого общества и его социальных институтов. Этот процесс коснулся практически всех слоев общества, и в первую очередь несовершеннолетних. Это связано с тем, что молодежная, подростковая среда является наиболее чувствительной к происходящим изменениям.

Факторы риска, которые определяют состояние здоровья молодых людей, в том числе и здоровья психического, привлекают внимание специалистов различных направлений: психологов, педагогов, социологов, педиатров, детских психиатров. В результате различных исследований четко показано, что социализация ребенка и подростка в ведущих сферах жизнедеятельности часто протекает далеко не в оптимальных условиях психического развития. Дети и подростки, находящиеся в трудных жизненных обстоятельствах, развиваются в условиях жесткой и стойкой социально-средовой дезадаптации.

Прежде всего, следует выделить наиболее значимые социальные проблемы и соответствующие им социальные группы детей и подростков, находящихся в неоптимальных условиях возрастного развития. Часть из этих проблем имеет давнюю историю, часть связана с проблемами сегодняшнего дня.

Социальное сиротство. Представляет из себя оставление детей без необходимого им ухода и обеспечения значимых для них потребностей при живых родителях. Это явление существовало в стране практически всегда. В конце XX века оно сильно обострилось и к настоящему времени стало охватывать свыше 700 тысяч малолетних и несовершеннолетних детей.

Безнадзорность (беспризорность). Проблема комплексная, включающая в себя социальный, медицинский, психологический и правовой аспекты. Это связано с тем, что определяется социальный статус ребенка, оставшегося без попечения родителей. Возникающие вопросы лишения родительских прав, социального устройства ребенка требуют привлечения внимания людей самых

различных видов деятельности. Очень острой может быть проблема привыкания ребенка к такому социальному статусу и нежелания его менять. Именно в этой среде высок процент лиц, которые подверглись различным формам насилия. Наиболее острой данная проблема была в 20–30-е годы прошлого века, но стала актуальной на рубеже тысячелетий, в основном из-за кризиса семейных отношений.

Детская и подростковая преступность. В аспекте психического здоровья детей эта проблема интересна тем, что чем раньше ребенок или подросток вовлекается в криминальную среду, тем выше риск отклонений развития, поведенческих и личностных расстройств и тем больше вина и ответственность за это лежит на находящихся рядом взрослых. С правовой точки зрения этот вопрос необходимо рассматривать не только с позиции применения к подростку с криминальным поведением репрессивных мер воздействия, но и специальной психолого-психиатрической, социальной помощи.

Дети, оказавшиеся жертвами физического или сексуального насилия. Этот тип детей всегда вызывает широкий общественный резонанс, привлекая повышенное внимание. Именно этот тип детей имеет наибольшие в сравнении с другими нарушения психического здоровья, тяжелые и стойкие психологические последствия. В отношении этих детей всегда необходимы специальные меры медицинской и психологической помощи.

Дети, оказавшиеся в зависимости от ПАВ. Этот тип детей, безусловно, имеет пик своего возрастания, что связано со сменой устоявшихся ценностей и глобальной трансформацией в обществе. В настоящее время проблема вовлечения детей в употребление ПАВ, создания ситуации зависимости остра прежде всего с точки зрения отдаленных последствий.

Детский и подростковый суицид. Преимущественно социально-психологическая, отчасти социально-медицинская проблема, которая всегда была очень актуальной, но обострилась в последние годы. Наиболее острой является проблема постепенного снижения возраста суицида, и тем более остро стоит вопрос о причинах этого явления. Профилактика детского суицида требует создания

и введения новых форм психотерапевтического сопровождения и предупреждения такого поведения.

Дети, оказавшиеся потерпевшими от чрезвычайных ситуаций. Эта проблема больше имеет территориальное значение, но этот фактор не уменьшает значимости психологической работы с такими детьми. Важным специфичным фактором такой работы является создание условий для быстрой и неотложной помощи, в которой должны принимать участие специалисты самых различных направлений.

Дети из семей беженцев и вынужденных переселенцев. Это типично современная проблема, которая беспокоит все мировое сообщество. Это вопросы интеграции детей в новые социокультурные условия, преодоления проблем разноязычия, обучения в школе.

Дети, имеющие проблемы психического здоровья и новые формы психической зависимости (Интернет, геймерство, режимы питания, мобильный телефон и т. д.). Эта проблема связана с тем, что изменились ценности потребительского отношения к жизни. Это глубокий социальный вопрос, обращенный к личности подростка, требующий от него и самостоятельного принятия решения, и принятия внешней помощи. Это своеобразный вызов к личной зрелости молодого человека. Специфика этой проблемы состоит в том, что она охватывает наиболее широкие массы детской и молодежной среды, формируя многочисленные группы социального риска создания ситуации психической зависимости от тех или иных внешних факторов.

Все отмеченные социальные группы детей и подростков объединяются тем, что всем этим группам необходима психологическая, социальная, медицинская, часто психиатрическая помощь. Профилактическая, консультативная, реабилитационная работа должна проводиться в рамках особенностей самой ситуации с учетом индивидуальных черт и качеств ребенка или подростка.

Эта работа должна опираться на базовые, методические основания:

- подробный анализ социальной ситуации развития ребенка, то есть установление основных конфликтных сфер жизнедеятельности, вызвавших трудности или проблемы развития;

- определение на основании Положения Федерального закона социального статуса ребенка, правового поля, категории социально опасного положения («ребенок, находящийся в трудных жизненных обстоятельствах»);

- выделение групп детей с риском развития по указанным выше признакам. Например беспризорные дети, жертвы ЧС, лишенные родительского обеспечения, правонарушители и т. д.;

- использование различных способов диагностики при определении степени проблем развития и нарушений психического здоровья;

- определение уровня психического, личностного развития, психосоциального функционирования как важного показателя для организации последующей поддержки;

- оказание психолого-психиатрической, медицинской, социальной помощи по месту жизни ребенка;

- учет семейной помощи и межпрофессионального взаимодействия;

- оказание коррекционной, консультативной помощи со стороны всех специалистов (школьный психолог, социальный педагог, воспитатель);

- создание устойчивой «психотерапевтической среды», направленной на реабилитационное воздействие, на снижение или даже устранение воздействия негативных факторов;

- обеспечение приоритетности прав ребенка при оказании ему помощи и поддержки.

Ярким примером проявления психологической дезадаптации может быть ситуация влияния на ребенка полной или неполной семьи, его нахождения в специализированных детских учреждениях как одного из показателей неблагополучия. Многофакторный анализ ситуации, в котором мы сами принимали активное участие, показал следующие зависимости. В неполных семьях примерно в три раза выше риск включения ребенка в негативные обстоятельства и ситуации, формирования у него негативных форм поведения. К их числу можно отнести агрессивное поведение, школьные успехи, употребление ПАВ, вовлечение в детскую проституцию, попрошайничество, бродяжничество, общую криминализацию поведения. Аналогичная картина, только с меньшими пропорциями, наблюдается и при нахождении детей в интернатах, детских домах, приютах.

Для примера предлагаем вам сравнительный анализ различных психических параметров подростков из неполных и полных семей и детей, находящихся в детских домах и приютах.

В виде такого сравнительного анализа можно привести и качественные, и количественные показатели сравнения:

- неполная семья создает условия для проявления внесемейного насилия, раннего вовлечения подростков в криминальную деятельность, создание ситуации риска вовлечения в ПАВ, проявления социальной дезадаптации;

- алкоголизм родителей негативно влияет примерно одинаково как в полной, так и неполной семье, но может усиливать действия факторов из первой группы в семье неполной;

- в неполных семьях гораздо выше процент нарушений возрастного психического развития, которые могут превратить ребенка или подростка в объект психического насилия;

- нахождение несовершеннолетних в детских домах и приютах менее благоприятно, чем нахождение детей в приемных семьях.

Актуальной является ситуация получения ребенком или подростком повторной психической травмы. Это может происходить в виде сновидений, отражающих содержание самой травмы, посттравматических игр, отражающих характер травмы, флешбек-симптомов, то есть кратковременных, аффективных помрачений сознания, устрашающих галлюцинациях, дезориентировках во времени и пространстве. Часто встречаются нарушения сна или раннее пробуждение. Может происходить инверсия цикла сон–бодрствование, а у детей – исчезновение дневного сна или сокращение его продолжительности. Особенно часто посттравматические последствия проявляются у детей, переживших чрезвычайные ситуации, а также у жертв сексуального насилия. Из чрезвычайных ситуаций наиболее значимыми являются последствия террористической деятельности, сначала в виде тягостных воспоминаний самих событий, и особенно в виде фантазий на темы теракта. Последствия Беслана, Норд-Оста, Буденновска, Домодедовского аэропорта, других мест террористической деятельности могут говорить об этом более чем убедительно, хотя некоторые из них произошли уже достаточно давно. При таких переживаниях часто проявляются вегетативные

реакции (ощущение сердцебиения, боли в животе, жар, озноб и т. д.). Эти состояния могут часто возникать в темноте или как реакция на провоцирующий внешний раздражитель, например, громкий звук. У детей младшего детства пережитый страх практически сразу трансформируется в другие страхи (боятся других детей, животных и пр.). Особое место занимают случаи, когда человек, особенно ребенок, получает повторную травму психологического характера, аналогичную предыдущей. Такие ситуации встречаются нечасто, но их последствия могут иметь тяжелые и даже необратимые последствия.

Масштабы социально-психологической помощи, оказываемой населению в целом и детям в частности, к сожалению, пока еще малы. Ограниченное число специалистов не обеспечивает и сотой доли потребности в этом виде помощи. Адресность психотерапевтической помощи связана, прежде всего, с выделением групп детей и подростков по указанным признакам социально опасного положения. Необходимы учет биографических сведений о ребенке, проведение с ним диагностической работы и определение стиля, способов и приемов оказания психотерапевтической помощи. В этой работе нет и не может быть мелочей.

В. Г. Макаренко,

*кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток*

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В XXI ВЕКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

В долгосрочной комплексной программе «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» предусмотрено дальнейшее хозяйственное освоение данной территории, развитие экономической интеграции России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Планируется вместо бывшего «сырьевого придатка», каким долгое время являлся Дальний Восток для страны, создание в этой зоне промышленно развитого района на основе модернизации экономики, внедрения в производство достижений современной науки, новейших технологий, а также формирование оптимального уровня социально-бытовой инфраструктуры с целью привлечения и закрепления здесь населения.

В настоящее время в АТР сконцентрировано около половины людских и материальных ресурсов мира. Этот регион все более становится притягательным центром для развития взаимовыгодных политических и экономических отношений стран АТР, в том числе и тихоокеанской России. На брифинге (8 сентября 2012 г.) крупнейшего мирового форума – юбилейного XX саммита АТЭС во Владивостоке, где решались важнейшие вопросы межгосударственных взаимоотношений, обсуждались наиболее перспективные направления развития, министр по развитию Дальнего Востока, полномочный представитель президента России в Дальневосточном федеральном округе В. И. Ишаев отметил, что президентом В. В. Путиным поставлена задача вхождения России в двадцатку лидирующих экономик по объему

ВВП. Но для этого темпы экономического роста должны составлять 6–8 % в год; но их невозможно достичь, работая только с Европой. Сегодня основными потребителями российских ресурсов остаются Китай и США, поэтому присутствие России в АТР остро необходимо. В связи с этим на Дальнем Востоке планируется дальнейшее проведение модернизации хозяйственного комплекса, развитие обрабатывающего и перерабатывающего секторов (для выпуска продукции с более высокой добавленной стоимостью); реализация ряда крупных экономических проектов: по реконструкции Транссиба, строительству Транскорейской железнодорожной магистрали (до порта г. Пусан), сети опорных современных автомобильных дорог, нефтехимического (по сжижению газа) и нефтеперерабатывающего заводов на Сахалине; развитию Северного морского пути, созданию мощного судостроительного кластера. «Все это даст серьезнейший толчок Приморью и другим территориям Дальнего Востока»², который должен остаться экономическим форпостом России в АТР³. Но, по словам В. И. Ишаева, многие из представляемых сегодня проектов социально-экономического развития Дальнего Востока недостаточно проработаны. В связи с этим необходимо провести ревизию старой производственной базы и вместо десяти заводов с загрузкой на 15 % и устаревшими технологиями полностью загрузить только два, остальные перепрофилировать и закупить для них современное оборудование⁴.

Для реализации данных задач необходимо иметь значительный кадровый потенциал – высо-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Президиума РАН (грант № 12-1-П33-04 «Традиции и инновации в системе высшего образования на Дальнем Востоке в период социальных трансформаций в XX – начале XXI в. в свете историко-культурных ценностей России»).

² Ишаев, В. И. На Дальнем Востоке накоплен серьезный потенциал для развития региона / В. И. Ишаев. – Режим доступа : <http://news.mail.ru/inregions/foreast/25/economics/10174288/?frommail=1> (дата обращения : 09.09.2012).

³ Наздратенко, Евгений: Приморье – форпост России на все времена: бывший губернатор края – об уроках саммита, единороссах и коммунистах, следственном комитете и ответственности руководителей / Евгений Наздратенко. – Режим доступа : <http://primamedia.ru/news/politics/20.09.2012/229007/evgeniy-nazdratenko-primore-forpost-rossii-na-vse-vremena.html> (дата обращения : 15.10.2012).

⁴ Необходимо принять закон о развитии Дальнего Востока. Об этом шла речь на заседании межправительственной комиссии в Москве. – Режим доступа : <http://news.mail.ru/inregions/foreast/27/politics/10590443/?frommail=1> (дата обращения : 15.10.2012).

коквалифицированные трудовые ресурсы. Однако пока еще Дальний Восток не является регионом РФ, привлекательным и комфортным для их приезда, постоянного проживания и закрепления. В связи с этим объективно возрастает роль региональной системы образования и подготовки специалистов (особенно с высшим образованием) в успешной реализации намеченных планов, в развитии взаимовыгодного сотрудничества со странами АТР.

Другим немаловажным фактором для развития и совершенствования системы высшего образования на Дальнем Востоке являются углубляющиеся процессы современной глобализации. В совокупности это обусловило проведение реформирования и модернизации системы российского образования (в том числе и высшего), присоединение России к Болонской конвенции (2001 г.) и, как следствие, завершение в 2011 г. перехода всей высшей школы страны на двухуровневое образование, а также создание сети инновационных вузов.

Проведение саммита АТЭС 2012 г. способствовало повышению привлекательности г. Владивостока, Приморского края и Дальнего Востока в целом. Построены мосты через Золотой Рог, на о. Русский, новый терминал и современная взлетная полоса в аэропорту, дорогостоящие очистные сооружения. Однако по завершении саммита АТЭС остались проблемы: например, недостаточное качество строительства объектов ДВФУ, отсутствие водоснабжения студенческого кампуса на Русском острове, размытые после дождей и не обустроенные в соответствии с мировым уровнем дороги, неэффективно потраченные федеральные деньги, громадная коррупционная составляющая, вопросы принадлежности или собственности построенных объектов, сохранение безработицы, отсутствие надлежащего социального, в том числе и медицинского, обеспечения, невозможность для населения из-за дороговизны содержания послать своих детей учиться во вновь созданный федеральный университет. В ряде населенных пунктов Приморского края – в Арсеньеве, Находке,

Дальнегорске, Дальнереченске, Кавалерово и др. в упадке находится уникальная промышленность, в результате не имеют работы тысячи высококвалифицированных инженеров, молодых специалистов – выпускников вузов, рабочих, горняков, шахтеров, но на о. Русском работали гастарбайтеры⁵. Однако в 1991–2012 гг. в условиях перехода системы высшего образования России к «рынку», несмотря на долговременный системный кризис, тяжелые негативные последствия дефолта 1998 г. и, как следствие, обвальный рост цен, в том числе и на образование, высшая школа пережила «утечку умов» – квалифицированных преподавателей, талантливых аспирантов и студентов, потеряла часть основных фондов, уникального научно-учебного оборудования, ряд объектов социально-бытовой инфраструктуры, но сохранила уникальную способность к выживанию, самосохранению и самовоспроизводству. Это проявилось в резком увеличении спроса молодежи именно на высшее образование, в том числе и на Дальнем Востоке⁶.

Развитие высшей школы на Дальнем Востоке в исследуемый период осуществлялось в русле общероссийских тенденций, включая создание к 2012 г. 15 негосударственных вузов. В целом общая сеть вузов региона увеличилась в 1,4 раза, контингент студентов – в 2,2 раза, и это при уменьшении численности населения в 1,2 раза (при росте аналогичных показателей в целом по России в 2,6 и 1,6 раза соответственно)⁷. В 2011 г. в регионе функционировали 79 филиалов государственных и 25 филиалов негосударственных центральных и местных вузов⁸, а всего в 52 вузах (37 государственных, 276,0 тыс. студентов и 15 негосударственных, 28,6 тыс. студентов) региона обучалось 304,6 тыс. студентов. Однако, согласно международным рейтингам, лучшие российские вузы, в том числе и вузы региона – Дальневосточный государственный университет, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Дальневосточный государственный технический университет, Хабаровский государственный педагогический университет, Комсомольский-на-Амуре государственный технический универси-

⁵ Наздратенко, Евгений. *Приморье – форпост России на все времена: бывший губернатор края – об уроках саммита, единороссах и коммунистах, следственном комитете и ответственности руководителей* / Евгений Наздратенко. – Режим доступа : <http://primamedia.ru/news/politics/20.09.2012/229007/evgeniy-nazdratenko-primore-forpost-rossii-na-vse-vremena.html> (дата обращения : 15.10.2012).

⁶ Моисеев, Р. С. *О проблемах интеграции науки и образования в Дальневосточном федеральном округе (на примере Камчатской области)* // Моисеев Р. С. *Избранное : в 3 т. – Т. 2 : Развитие Дальнего Востока и Камчатки. Региональные проблемы.* – Петропавловск-Камчатский : изд-во КамГУ им. В. Беринга, 2007. – С. 77.

⁷ *Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия 2050 / под ред.: ак. П. А. Минакира, ак. В. И. Сергинко ; Рос. акад. наук : Дальневост. отделение ; Ин-т эконом. исследований.* – Владивосток : Дальнаука, 2011. – С. 216–217.

⁸ *Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф.1. Оп.1. Д. 668. Л. 3–5; Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия 2050 / под ред.: ак. П. А. Минакира, ак. В. И. Сергинко ; Рос. акад. наук : Дальневост. отделение ; Ин-т эконом. исследований.* – Владивосток : Дальнаука, 2011. – С. 217.

тет – в условиях развивающейся глобализации значительно отстают от современных международных стандартов и качества подготовки специалистов⁹. Основное противоречие современной системы российского высшего образования состоит в несоответствии количества, качества, уровня и содержания подготовки специалистов, особенно бакалавров, быстро меняющимся требованиям экономики, общества и личности. По мнению ректора Санкт-Петербургского государственного политехнического университета А. Рудского, в связи с этим в настоящее время «нужны всероссийские и региональные центры “вузовского превосходства”», т. к. всем очевидно, что качество подготовки наших специалистов падает. Если 10 лет назад в РФ было 630 вузов, то сегодня их 1115. За последние пять лет в ведущие (элитные. – В. М.) вузы вложили много средств. Но очень часто эффективность этих средств была минимальной. Они неправильно распределялись, не были развиты точки роста. Сейчас в России нет университетов – реальных мировых лидеров. Даже в вузах с лучшими лабораториями зачастую не хватает квалифицированных кадров для того, чтобы эти лаборатории обслуживать. Мы до сегодняшнего дня не подготовили конкурентоспособных учебных программ мирового уровня, не создали привлекательных условий для того, чтобы ведущие ученые ехали к нам работать, заинтересовавшись проводимыми исследованиями... Поэтому я считаю, что нужны всероссийские и региональные центры превосходства»¹⁰. По заключению дальневосточных экономистов, высшее образование в РФ и ее регионах пока еще не вносит ожидаемого реформаторами вклада в повышение производительности труда, экономического роста и общественного благосостояния, налицо нецелевое использование института высшей школы. Частные, «рыночные» интересы и стимулы, увеличение доступности и массовости высшего образования, рост конкуренции между вузами пока не дали ожидаемых результатов. При этом у администрации, преподавателей и студентов вузов нет надлежащей мотивации в поддержании высоких академических стандартов обучения. Вузы не испытывают предполагавшегося «рыночного давле-

ния» для поддержания качества подготовки специалистов, а существующая конкуренция между учебными заведениями способна «увести» высшую школу от выполнения своей ответственной миссии перед обществом¹¹. Таким образом, дальнейшее реформирование высшей школы РФ и ее регионов несомненно будет продолжаться, так как процессы глобализации формируют новые вызовы российскому обществу. По мнению специалистов, в соответствии с этими вызовами с 2006 г. в РФ и ее регионах целенаправленно осуществляется реструктуризация системы высшего образования (с момента образования Сибирского и Южного федеральных университетов). Накоплен определенный опыт, позволяющий констатировать, что для государства это долгосрочный тренд, обусловленный новой социально-экономической реальностью. Российский Совет ректоров в 2011 г. предложил объединить усилия ведомств, региональных властей, работодателей и профессионального сообщества в проведении дальнейшей реструктуризации системы образования и сформировать межведомственный координационный совет. Это предложение нашло активную поддержку союзов работодателей, торгово-промышленной палаты, представителей бизнеса¹².

Перспективы дальнейшей модернизации научно-технического и образовательного секторов РФ несомненно связаны с более тесной интеграцией высшего образования и науки как единого комплекса формирования и развития современного «человеческого капитала». Особое внимание уделяется созданию научно-образовательных комплексов мирового уровня, формированию конкурентной научной среды. В рамках реализации данной концепции в РФ на сегодняшний день создана сеть инновационных вузов: девяти федеральных и 28 исследовательских университетов, в том числе и на Дальнем Востоке – Северо-Восточный (СВФУ, в г. Якутске) и Дальневосточный федеральные университеты (ДВФУ, в г. Владивостоке), которые призваны не только обеспечивать сопровождение перспективной долговременной программы социально-экономического и культурного развития тихоокеанской России, но и продвигать

⁹ Архив ГБУН «Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН» (далее – Архив ИИАЭ ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 668. Л. 4; Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия 2050 / под ред.: ак. П. А. Минакира, ак. В. И. Сергинко; Рос. акад. наук: Дальневост. отделение; Ин-т эконом. исследований. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – С. 219.

¹⁰ Чернова, Т. Спор о мониторинге. Оценивать вузы нужно по обоснованным критериям / Т. Чернова. – Режим доступа: <http://www.poisiknews.ru/theme/edu/4061> // Поиск. – 2012. – № 38. – 21 сентября (дата обращения: 27.09.2012).

¹¹ Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия 2050 / под ред.: ак. П. А. Минакира, ак. В. И. Сергинко; Рос. акад. наук: Дальневост. отделение; Ин-т эконом. исследований. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – С. 554–555.

¹² Чернова, Т. Указ. соч.

российское высшее образование и науку в АТР. Так, например, для реализации этой цели Россия выступила с инициативой создания единого образовательного пространства в данной зоне, что является одним из важнейших факторов развития экономик стран АТР, преодоления современных кризисных явлений. С этой целью 14 октября 2012 г. во время встречи губернатора Приморского края В. В. Миклушевского с делегацией Ассоциации тихоокеанских университетов во главе с генеральным секретарем, доктором Кристофером Тремеваном принято решение о проведении конференции ректоров ассоциации во Владивостоке летом 2013 г. с 27 по 30 июня. Во встрече приняли участие проректоры по международным отношениям ведущих университетов Цинхуа (Китай), Киото (Япония) и Калифорнийского (Дэвис, США). Данное мероприятие с участием представителей приморского бизнеса, а также бизнесменов федерального и мирового масштаба в области энергетики, торговли, логистики призвано оценить роль и перспективы современного высшего образования, науки и инноваций, существенно повысить академическую мобильность, укрепить сотрудничество с ведущими исследовательскими университетами АТР, а также реализовать ряд высококачественных совместных магистерских программ¹³. Перспективным представляется опыт

департамента развития конкуренции Минэкономразвития РФ по оплате в 2012 г. обучения в зарубежных вузах 2000 российским студентам, поступившим туда самостоятельно. Единственное условие новой инициативы – возвращение выпускников на родину после окончания учебы. В противном случае они будут обязаны вернуть потраченные на них государственные деньги с учетом инфляции и, возможно, заплатить некую неустойку. Для начала в программе планируется задействовать около 2000 будущих студентов. В первый год на эти цели планируется потратить около 60 млн. долл. Стратегическая цель программы – выйти на 10 тыс. человек в год¹⁴.

Таким образом, на наш взгляд, в XXI в. в процессе развивающейся глобализации высшее образование в мире, России, в АТР и на Дальнем Востоке станет более динамичным, мобильным, технологичным, с элементами интеграции, интернационализации и ориентацией на мировой рынок труда. При этом в мировой и российской образовательных системах сохраняется ряд противоречий и проблем, требующих для их преодоления беспристрастного, объективного анализа и продолжения междисциплинарных научных исследований, что позволит выработать реальные и действенные практические рекомендации органам управления высшей школой.

¹³ Ректоры Ассоциации тихоокеанских университетов соберутся во Владивостоке летом 2013 года. – Режим доступа : <http://primamedia.ru/news/primorye/14.10.2012/233656/rektori-assotsiatsii-tihookeanskih-universitetov-soberutsya-vo-vladivostoke-etim-le.html> (дата обращения : 15. 10. 2012). Ассоциация тихоокеанских университетов была основана в 1997 году. Один из основателей – Дальневосточный государственный университет (ныне – ДВФУ). Сегодня она объединяет 42 ведущих исследовательских университета из стран АТР: США, Канады, Мексики, Чили, Австралии, Новой Зеландии, Сингапура, Индонезии, Малайзии, Филиппин, Таиланда, Кореи, Японии, Китая, Тайваня. ДВФУ является единственным представителем России в ассоциации. Одно из главных ежегодных мероприятий ассоциации – встреча президентов или ректоров университетов (июнь 2011 г. – США, Университет Орегона). Местом проведения встречи ректоров в июне 2013 г. станет ДВФУ.

¹⁴ Государство оплатит учебу за рубежом. – Режим доступа : <http://obrazovanie-zarubezhom.ru/news/gosudarstvo-oplatit-uchebu-za-rubezhom> (дата обращения : 14.10.2012).

*Е. Г. Ревякина, С. А. Цьока, Л. Г. Горяна,
Университет менеджмента образования, г. Киев, Украина*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЛИЧНОСТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТУДЕНТОВ

Сохранение здоровья учащейся молодежи как основного потенциала нации является приоритетной задачей учебного процесса. Измерение тревожности как свойства личности особенно важно, так как это свойство во многом обуславливает поведение субъекта. Определенный уровень тревожности – естественная и обязательная особенность активной деятельной личности. У каждого человека существует свой оптимальный, или желательный, уровень тревожности – это так называемая полезная тревожность, обуславливающая личную безопасность.

При оптимальном уровне тревожности организм адекватно реагирует отражением опасности и конструктивной регуляцией поведения с целью сохранения целостности и стабильности человека. Под отражением опасности в данном случае понимается определение ее степени, то есть квалификация. Регуляция поведения предполагает применение необходимых мер по устранению опасности или снижение ее до допустимого уровня.

Длительное состояние тревоги неблагоприятно сказывается на работе нервной системы. В результате этого со временем развивается астения, то есть состояние нервного истощения. При астении повышается как физическая, так и умственная утомляемость, снижается работоспособность, нарушается внимание, ослабляется память. При психастенической акцентуации затруднено принятие решений, так как человек слишком фиксируется на тех неблагоприятных последствиях, которые может повлечь за собой то или иное решение. Боясь ошибиться, тревожный человек постоянно пытается контролировать себя («тревожный гиперконтроль»). Из-за этого нарушается нормальное осуществление автоматизированных действий.

В процессе изменения авторитарной образовательной парадигмы на гуманистическую в современном украинском обществе появилась необходимость повысить эффективность образовательной системы и процесса обучения. Исходя из принципов, определяющих гуманистическую парадигму в образовании, основной задачей высшего образования является повышение эффективности учебного процесса при наименьших травмирующих воздействиях на личность и психику студента, тем более что в последнее время возросло количество стрессогенных факторов, которые негативно влияют на личность студента в процес-

се получения им высшего профессионального образования.

Для раскрытия сущности и психологических механизмов снижения тревожности студентов в процессе обучения мы обратились к имеющимся наработкам в психологии. Так, в психологии существует достаточно полное представление о психологических особенностях юношеского возраста. Это период наиболее активного развития нравственных и эстетических чувств, становления и стабилизации характера и, что особенно важно, овладения полным комплексом социальных ролей взрослого человека: гражданских, профессионально-трудовых и др. С этим периодом связано начало «экономической активности», под которой демографы понимают включение человека в самостоятельную производственную деятельность, начало трудовой биографии и создание собственной семьи. Преобразование мотивации всей системы ценностных ориентаций, с одной стороны, интенсивное формирование специальных способностей в связи с профессионализацией – с другой, выделяют этот возраст в качестве центрального периода становления характера и интеллекта. Это время спортивных рекордов, начало художественных, технических и научных достижений.

Студенческий возраст характерен и тем, что в этот период достигаются многие оптимумы развития интеллектуальных и физических сил. Но нередко одновременно проявляются «ножницы» между этими возможностями и их действительной реализацией. Непрерывно растущие творческие возможности, развитие интеллектуальных и физических сил таят в себе иллюзии, что это возрастание сил будет продолжаться «вечно», что все лучшее в жизни еще впереди, что всего задуманного можно легко достичь.

Вместе с тем специалисты в области возрастной психологии и физиологии отмечают, что способность человека к сознательной регуляции своего поведения в 17–19 лет развита не в полной мере. Нередки немотивированный риск, неумение предвидеть последствия своих поступков, в основе которых могут быть не всегда достойные мотивы. Так, В. Т. Лисовский отмечает, что 19–20 лет – это возраст бескорыстных жертв и полной самоотдачи, но и нередких отрицательных проявлений.

Юность – пора самоанализа и самооценок. Самооценка осуществляется путем сравнения иде-

ального «Я» с реальным. Но идеальное «Я» еще не выверено и может быть случайным, а реальное «Я» еще всесторонне не оценено самой личностью. Это объективное противоречие в развитии личности молодого человека может вызвать у него внутреннюю неуверенность в себе и сопровождается иногда внешней агрессивностью, развязностью или чувством того, что тебя не понимают.

Все вышеперечисленные особенности юношеского возраста делают молодых людей особенно чувствительными к фрустрирующему влиянию среды, «провоцируя» возникновение ситуаций повышенной тревожности. Если понимать «фрустрацию» как «разрушение опыта привычного контактирования и реагирования», то становится возможным определить период начала обучения в вузе как именно фрустрирующий период. Поступив в вуз, молодые люди оказываются в новой для себя учебной ситуации, к которой у них еще не появилось определенного отношения, не сложились когнитивные и эмоциональные связи, отсутствует субъективное представление о качественных характеристиках этой среды. Особую сложность представляет тот факт, что, с одной стороны, первокурсники получают большую свободу в различных сферах деятельности в вузе. Повседневный контроль за учебной деятельностью студента мягче, чем в школе. С другой – студент должен быть более самостоятельным, ему необходимо научиться самому контролировать и организовывать свой учебный процесс. Наказания за неуспеваемость более жесткие, чем в школе, вплоть до отчисления из института. Возникает ситуация, в которой востребован высокий уровень развитости «внутреннего цензора» – ответственности, которая у большей части студентов не столь высока, как это предусматривается. Такое противоречие неизбежно приводит к развитию негативных состояний у студентов, таких, как: стрессы, повышенная невротизация и высокая тревожность.

Повышенная личностная и ситуативная тревожность неизбежно приводит к росту так называемых «студенческих страхов»: боязнь преподавателя, боязнь экзаменов, страх плохой оценки и т. д. Кроме того, повышенная тревожность приводит к постоянному ощущению личностной подавленности.

Постоянный рост ситуативной тревожности неизбежно приводит к росту личностной тревожности, становится чертой личности. Человек постоянно находится в повышенном тревожном состоянии, становится неуверенным в себе и чаще негативно оценивает все, что происходит вокруг него, а это порождает нежелание пробовать себя в разных сферах деятельности, работе, творчестве и т. д. Это приводит к заниженному уровню самооценки и низкому уровню личностных притязаний.

Таким образом, снижение тревожности студентов в процессе обучения является важным фак-

тором их полноценного личностного роста и его личностного здоровья.

Решение указанной проблемы мы видим на пути всесторонней гуманизации образовательного процесса, основным проводником на котором есть личность педагога, способного принять идею человека как высшей ценности.

Сегодня существует много вариантов тестов, выявляющих тревожность, каждый из которых по-разному отражает вегетативные компоненты тревожного состояния. В одних шкалах учитываются только субъективные компоненты тревоги, в других – ее вегетативные проявления. К сожалению, в наиболее распространенных сегодня клинических тестах, определяющих уровень тревожности, не разделяются феномены, свойственные активации симпатической или парасимпатической нервной системы, что затрудняет поиск корреляций между показателями проявлений по этим шкалам тревожности с физиологическими проявлениями страха и тревоги. Например, шкала Гамильтона (Hamilton M., 1959) не разделяет симпатические и парасимпатические проявления тревоги: в ней рядом стоят такие противоположные по механизму явления, как «покраснение кожных покровов» и «бледность кожных покровов», «повышенный мышечный тонус» и «чувство удушья» и т. д. По шкале Цунга (Zung WWK, 1980), предназначенной для самооценки тревоги, одинаково высокий балл могут набрать субъекты с повышенной активностью обоих отделов вегетативной нервной системы, поскольку пункт «У меня бывает ощущение учащенного сердцебиения» (активация симпатической системы) стоит рядом с пунктами «У меня бывают приступы слабости» или «Частые позывы на мочеиспускание» (активация парасимпатической системы). Поэтому, чтобы исключить неоднозначно трактуемые вегетативные компоненты, мы в своем исследовании остановились на шкале Спилбергера, которая определяет уровень ситуативной тревожности, исходя из субъективного психологического состояния испытуемых.

В психологических исследованиях обычно применяются две разновидности шкалы тревожности Спилбергера: личностная и ситуативная (реактивная), каждая из которых имеет свои сферы применения. Последнее время принято различать понятия «эмоциональные реакции» и «эмоциональные состояния». Если эмоциональные реакции – это непосредственные ответы на какое-либо влияние или ситуацию, то под эмоциональным состоянием понимают более или менее устойчивый характер откликов на те или иные жизненные факты. В этом плане ситуативная тревожность у Спилбергера больше отражает эмоциональные реакции, в то время как личностная – преимущественно эмоциональное состояние. Для определения индивидуальных различий в способах реагирования

на стресс необходимо учитывать базисную, личностную тревожность студентов, поэтому данный раздел имеет смысл начать с анализа именно этого показателя.

Целью нашего исследования было изучение уровня тревожности у студентов-первокурсников. В эксперименте принимали участие студенты первых курсов специальностей «Психология», «Дизайн», «Охрана труда». Возраст испытуемых колебался от 17 до 19 лет. Всего было 89 студентов, из них 54 девушки и 35 юношей.

Среди обследованных студентов встречались люди как с высокой, так и с низкой личностной тревожностью. Если исходить из принятой сегодня трактовки разделения людей по уровням тревожности (В. Л. Марищук и соавт., 1984), выходит, что 17 % обследованных студентов имели пониженную личностную тревожность (менее 35 баллов), около 55 % высокую (выше 45 баллов), а почти 28 % студентов имели средние показатели личностной тревожности (от 35 до 45 баллов).

Уровень ситуативной тревожности среди обследованных студентов был низким у 12,5 % обследованных студентов, высоким – у 31 % испытуемых и почти 56,5 % студентов имели средние показатели личностной тревожности.

Между уровнем личностной тревожности и уровнем ситуативной тревожности, измеренной перед обычным учебным занятием, отмечалась определенная корреляция ($r = 0,76$, $p < 0,01$).

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости психологической помощи студентам-первокурсникам, поскольку снижение уровня тревожности является важным фактором безопасности молодежи в образовательной среде.

Литература

1. Аболин, Л. М. Эмоциональная устойчивость в напряженной деятельности, ее психологические механизмы и пути повышения : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Л. М. Аболин. – М., 1989.
2. Александер, Ф. Человек и его душа: Познание и врачевание от древности и до наших дней / Ф. Александер, Ш. Селесник. – М. : Прогресс-Культура, 1995.
3. Березин, Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф. Б. Березин. – Л. : Медицина, 1988.
4. Бороздина, Л. В. Увеличение индекса тревожности при расхождении самооценки и притязаний / Л. В. Бороздина, Е. А. Залученова // Вопросы психологии. – 1993. – № 1.
5. Василюк, Ф. Е. Психология переживания / Ф. Е. Василюк. – М. : изд-во Моск. ун-та, 1984.
6. Габдреева, Г. Ш. Формирование способности к самоуправлению психическим состоянием у студентов с высоким уровнем тревожности : дис. ... канд. психол. наук / Г. Ш. Габдреева. – М., 1990.
7. Гозман, Л. Я. Психология эмоциональных отношений / Л. Я. Гозман. – М. : изд-во Моск. ун-та, 1987.
8. Забродин, Ю. М. К методике оценки уровня тревожности по характеристике временной перцепции / Ю. М. Забродин, Л. В. Бороздина, И. А. Мусина // Психологический журнал. – 1989. – Т. 10. – № 5.
9. Залученова, Е. А. Соотношение самооценки и уровня тревожности и его влияние на личностные особенности : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е. А. Залученова. – М., 1995.
10. Захарова, Л. Н. Тревога, эмоциональная напряженность и стресс в профессиональной деятельности учителя / Л. Н. Захарова, П. И. Сергиюк, М. Л. Кузьмина // Психология человека в условиях социальной нестабильности. – М., 1994.
11. Левитов, Н. Д. Психическое состояние беспокойства, тревоги / Н. Д. Левитов // Вопросы психологии. – 1969. – № 1.
12. Морган, У. П. Ситуативная тревога и результативность деятельности / У. П. Морган, К. А. Эликсон // Вопросы психологии. – 1990. – № 3.
13. Мусина, И. А. Диагностика уровня тревожности по характеристикам восприятия времени : дис. ... канд. психол. наук / И. А. Мусина. – М., 1993.

К. М. Товбин,

кандидат философских наук, религиовед,
зав. кафедрой общих дисциплин филиала ДВФУ в г. Южно-Сахалинске,
член Российского философского общества,
член Российской ассоциации политической науки

РЕЛИГИОЗНАЯ СТОРОНА САХАЛИНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Религиозный компонент сахалинской ментальности является совершенно неразработанной темой¹. Как правило, исследования сегодняшней религиозной ситуации в Сахалинской области не выходят дальше статистических подсчетов и ангажированных, идеологических анти-сектантских программ и памфлетов². Тем не менее небывалый всплеск религиозности в 1990-х и переход сахалинских религиозных общин на местный культурообразующий уровень остались темными пятнами в гуманитарной сфере областных исследований. Влияние религиозного фактора на менталитет и мировоззрение не оспаривалось и не оспаривается даже убежденными атеистами и агностиками, и изучение его особо важно в нашем геополитически не уравновешенном регионе. Именно временнический характер сахалинской ментальности является центральной причиной грандиозных демографических подвижек в области с 1990 г. Цельное региональное самосознание, укорененное в традиционных ценностях, является, напротив, причиной стабильности и неподвижности ментальности, ее неподверженности сиюминутным влияниям, в основе которых – виртуальное формирование искусственных материальных потребностей.

Отталкиваясь от методологии традиционалистической школы³, все имеющиеся в области конфессии можно разделить на три разряда: (1) **традиционные**, (2) **стремящиеся к традиционности** и (3) **новаторские**. Оговоримся, мы отталкиваемся от философии традиционализма, а не от буквы современных правовых актов; с этой точки зрения традиционные конфессии своим мировоззренческим стержнем имеют **Традицию** – устоявшуюся цепь смыслопередач, действующую в аспекте *вертикальном* (ритуал, преемственность поколений, наличие жреческой касты) и *горизонтальном* (общинность, гендерное неравенство, иерархичность семьи и рода, кастово структурированное общество). В таком обществе Традиция – не система убеждений или стиль мироощущения, но *цельное умонастроение, тяготеющее к переустройству материального бытия под соответствие высшим принципам, пропитывающим бытие*. При таком настрое быт, поведение, распределение семейных, половых и возрастных мест в обществе не нацелены на приоритетное удовлетворение материальных потребностей, тем паче потребностей, искусственно сфабрикованных информационными инструментами. В таком сознании появляются фундаментальные основания, не поддающиеся

¹ Некоторое исключение составляют социологические исследования: Боровской, Г. В. Специфика проявления религиозности среди различных социальных групп населения Сахалинской области / Г. В. Боровской // Роль православия в возрождении духовного самосознания населения Дальневосточного региона : сб. матер. НПК. – Южно-Сахалинск : Сах. обл. типогр., 2004. – С. 59–60 ; Герасимчук, Д. Н. Включенное наблюдение как метод изучения религиозных организаций (на примере организации «Свидетели Иеговы») / Д. Н. Герасимчук // Сахалинская молодежь и наука : межвуз. сб. статей / сост. Л. Н. Конькова. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2009. – С. 186–189 ; Коньков, А. Т. Особенности современной религиозной ситуации в Сахалинской области / А. Т. Коньков // Роль православия в возрождении духовного самосознания населения Дальневосточного региона : сб. матер. НПК. – Южно-Сахалинск : Сах. обл. типогр., 2004. – С. 20–21.

² См., напр.: Горбач, В., прот. Опыт противостояния деструктивным сектам на Сахалине / В. Горбач // Сахалинские Кирило-Методиевские чтения-2010 : Материалы I РНПК / сост. А. Ю. Делова. – Южно-Сахалинск, 2011. – С. 34–38 ; Филарет (Пряниников), иером. Нужно ли говорить о сектах? Основные направления в предотвращении влияния тоталитарных сект на население // Роль православия в возрождении духовного самосознания населения Дальневосточного региона : сб. матер. НПК. – Южно-Сахалинск : Сах. обл. типогр., 2004. – С. 54–56.

³ Традиционалистическая школа отражена в системе учений Р. Генона, Ю. Эволя, М. Элиаде, Т. Буркхардта, Ф. Шуона, С. Х. Насра, А. Кумарасвами, Р. Кумарасвами, Ж. Борелля, В. Куинна, Дж. Катсингера, М. Али Лахани, М. Седжвика, А. Г. Дугина, Ю. Н. Стефанова, В. В. Аверьянова, а также близких этой школе А. Корбена, М. Легенгаузена, иером. Серафима (Роуза), прот. И. Мейендорфа, прот. А. Шмемана. Многие из произведений этих мыслителей можно найти на сайте К. М. Товбина, см.: <http://tovbin.ucoz.ru>.

цивилизационной, политэкономической и даже информационной ломке; обобщенно эти нарушимые онтологические и феноменологические параметры можно обобщить как *Дух* (система духовных и религиозных способов самообнаружения индивида), *Кровь* (ощущение продолжающейся связи с мифологическими и реальными прародителями и следами их активности) и *Почва* (трансцендентная привязка к территории обитания, получение от нее жизнеутверждающей и социально-конструктивной энергии).

Напротив, модернистское сознание лишено вышеименованных принципов. Модерн являлся целенаправленной и планомерной борьбой с Традицией, потому его основаниями стали мировоззренческие перевертыши, обратно пропорциональные принципам Традиции: антропоцентризм (вместо теоцентризма), эволюционизм (вместо перманентизма или креационизма), профанный сциентизм (вместо жреческой «священной науки»), прогрессизм (вместо циклизма или регрессизма), жажда нового (вместо тяги к укорененности и неподвижности), потребительское отношение к среде обитания (вместо трепета перед освященным присутствием Сакрального порядком вещей), индивидуализм (вместо общинности как коллективного появления Священного). Неверно думать, что эти принципы являются продуктом атеизма или «научности»: они лежат в протестантски понимаемой «религии» – системе принципов и норм, исходящих из индивидуального осознания возможностей общения с Богом, *отстраненным* от мира. По этой причине современные постпротестантские религиозные организации можно считать такими же рычагами уничтожения Традиции, как и массмедиа, капитализм и идеологию Просвещения.

Исходя из вышесказанной дихотомии, распределим религиозные организации Сахалинской области.

1. Безусловно **модернистскими**, антитрадиционными являются протестантские организации, использующие посткальвинистскую тему взаимосвязи земной успешности и священных принципов бытия. В 1990-е, в эпоху «первоначального накопления капитала», эти организации с легкой подачи иностранных миссионеров угнездились на Сахалине: пресвитериане, «адвентисты седьмого дня», «новые апостолы», баптисты. Для мышления этих организаций свойственно отрицание Традиции как «язычества», «бабьих басен», «очевидной глупости». Учитывая образцовое уничтожение религии в области в советское время⁴ и формирование вследствие этого самодостаточ-

ного секулярного мышления, вышеупомянутые организации легко заняли нишу в островном материалистическом менталитете, ищущем священной окраски как самоцели. В этом случае от верующего достаточно изменения образа жизни – отказа от наиболее вопиющих черт поведения, занятий и трудовой деятельности. Как только происходит выравнивание внешних параметров религиозности, в мышлении такого верующего формируется определенное *аксиологическое сито*, в просеивании которым вызовов внешнего мира и заключается вся духовная жизнь. В отношении Традиции в таком сознании выстраивается двойная цепь преград: к атеистической постсоветской инерции приплюсовывается свойственный всем «классическим» протестантам антиправославный антиязыческий пафос, приводящий к отрицанию или небрежности в отношении продуктов традиционного христианства: истории, книжности, иконописи, архитектуры.

Наиболее ярким примером этой ментальной группы являются «Свидетели Иеговы» – паракхристианское, идеологическое, материалистическое сообщество, требующее от своих адептов верности внешним параметрам вероучения, в свою очередь, отождествляющегося с самой «святой организацией», точнее, с ее руководством.

К разряду антитрадиционных религиозных организаций стоит отнести и **постмодернистские** религиозные движения и конфессии, борющиеся не только с Традицией, но и с пережитками Традиции в классическом протестантизме. Инструментом такой борьбы являются не обычный буквоедский рационализм, но ирония, пренебрежение и вседозволяющая коллажность. К этой группе относятся харизматические и неохаризматические организации типа «Благодати», «Сунбогым», «Часовни победы» и пр. В этих деноминациях верующий старается выстроить собственную, ситуативную и подвижную связь с тем, кого он считает Богом. От мышления такого верующего требуется не верность «аксиологическому ситу», но способность к интерпретации и игре, которые служат способами легализации адаптации неопротестанта к окружающему миру. Поскольку окружающему «миру» свойственны пластичные турбокапитализм, медиакратия, биополитика и информатизация, то текучесть и приспособленчество становятся отличительными ментальными чертами адепта вышеназванных конфессий.

К разряду постмодернистских религиозных движений, возвращающих в сознании своих адептов пластичность, вариативность и волюнтаристскую мозаичность, можно отнести и популярные

⁴ См.: Потапова, Н. В. Религиозная ситуация на Сахалине в годы советской власти (1925–1990) / Н. В. Потапова // Краеведческий бюллетень. – 2005. – № 3. – С. 43–60.

окультные движения «Сахаджа Йога», «Общество сознания Кришны», «Церковь Иисуса Христа святых последних дней» (мормоны), а также феерически возникающие и никак организационно не оформленные неоязыческие сообщества, грозящие перерасти в субкультуру.

Несомненно, при отсутствии Традиции как преграды за постмодернистскими религиозными организациями – будущее, поскольку они лишены параметров, цепляясь за которые в обществах модерна можно было затормозить их развитие: фиксированного членства, косной общинности, репрезентативности, иерархичности. Они построены на сиюминутном консенсусе между гуру и верующим, стремящемся не противопоставить «миру сему» некую систему вдохновляющих запретов (как в религии модерна), но, напротив, постверующий стремится обрести свое место в окружающей реальности через эксплуатацию того, что в традиционной и модернистской религии считалось дефектом: *телесности* (выражающейся в харизматических «глоссолалии» и «исцелениях»), *дискретности мышления* (проявляющейся в неоязыческой идеологической комбинаторике и в бытийственной комбинаторике харизматов), *принципиальной неукорененности мышления* (антитрадиционный пафос всех неопротестантов).

2. Религиозные организации, тяготеющие к Традиции. В Сахалинской области это в первую очередь РПЦ МП, в которой пафос верности Традиции зачастую стравливается политизацией⁵, сотрудничеством с органами власти в «охоте за ведьмами»⁶, внешней декларативностью⁷ и провальной кадровой политикой. Стремление к общинности, составляющей яркое звено право-

славного менталитета, на Сахалине не привело к обособлению православной части населения от «мира сего» ни на семиотическом, ни на бытовом и хозяйственном уровнях. Более того, само понятие «православный» в области чрезвычайно рыхлое, прерывистое, мозаичное. На феноменологическом уровне в сахалинском православном менталитете (как и в менталитете неоправославия вообще) наличествует серьезное влияние постмодернистской духовности, описанной выше.

Иных вариантов современного православия, являющихся в континентальной России альтернативой и в некотором роде примером (РПЦЗ, РПАЦ, ИПХ), в Сахалинской области нет ни в организационном, ни в социальном плане. Современное православие, как правило, ориентировано на миссионерство и позиционирование⁸.

Католическая община, также декларирующая верность Традиции (хотя после II Ватиканского собора такое декларирование сущностно профанируется), в Сахалинской области является малой, замкнутой и этнической, объединяющей представителей и потомков польской и корейской диаспор, с небольшим вкраплением неофитов. Какого-либо серьезного влияния на ментальность Сахалина эта община не оказывает.

Армянская апостольская церковь, представленная в области достаточно сплоченной армянской диаспорой, также достаточно замкнута и идейно деклассированна: она не имеет молитвенных помещений, регулярных богослужений, в ней не поставлено изучение армянской культуры и языка. В основном эта община объединена узкогенетическим фактором, не позволяющим тиражировать сохранившиеся отщепы Традиции (напри-

⁵ См.: Коришнуова, Н. Д. *Взаимодействие администрации области с православием* / Н. Д. Коришнуова // *Роль православия в возрождении духовного самосознания населения Дальневосточного региона : сб. матер. НПК. – Южно-Сахалинск : Сах. обл. типогр., 2004. – С. 57–59*; Серафим (Скибин), игумен. *Механизм взаимодействия власти и общества на опыте практической деятельности по духовно-нравственному образованию в рамках соглашения СахГУ МО РФ и Сахалинской епархии МП РПЦ* // *Роль православия в возрождении духовного самосознания населения Дальневосточного региона : сб. матер. НПК. – Южно-Сахалинск : Сах. обл. типогр., 2004. – С. 60–63.*

⁶ См.: Горбач, В., прот. *Опыт противостояния деструктивным сектам на Сахалине* / В. Горбач // *Сахалинские Кирило-Мефодиевские чтения-2010 : Материалы I РНПК / сост. А. Ю. Делова. – Южно-Сахалинск, 2011. – С. 34–38*; Юрина, Д. В. *Государство, православие, СМИ: нравственность как национальная политика* // *Роль православия в возрождении духовного самосознания населения Дальневосточного региона : сб. матер. НПК. – Южно-Сахалинск : Сах. обл. типогр., 2004. – С. 63–64.*

⁷ См.: Гимро, Я. В. *Планирование семьи как одна из причин демографического кризиса в России* / Я. В. Гимро // *Демографические и социально-экономические проблемы России и Сахалинской области : материалы НПК / сост. Т. М. Соловьева. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2009. – С. 14–16*; Родионов, А., иерей. *Роль православной семьи и воскресной школы в формировании христианских ценностей у детей и их родителей* // *Сахалинские Кирило-Мефодиевские чтения-2010 : материалы I РНПК / сост. А. Ю. Делова. – Южно-Сахалинск, 2011. – С. 61–65*; Юзеев, Д., иерей. *Духовные причины демографического кризиса* / Д. Юзеев // *Сахалинские Кирило-Мефодиевские чтения-2010 : материалы I РНПК / сост. А. Ю. Делова. – Южно-Сахалинск, 2011. – С. 23–25.*

⁸ См.: Горбач, В., прот. *Церкви жизненно необходимо заниматься миссией в социальных сетях* / Интерфакс-Религия. – М., 1991–2008. – Режим доступа : <http://www.interfax-religion.ru/print.php?act=interview&id=203>; Филонова, А. А. *Блоггерство как миссионерская деятельность* / А. А. Филонова // *Сахалинские Кирило-Мефодиевские чтения-2010 : материалы I РНПК / сост. А. Ю. Делова. – Южно-Сахалинск, 2011. – С. 42–43.*

мер, общинность) вовне. В связи с отмечаемым религиоведами и богословами принципиальным адогматизмом современного армянского монофизитского учения оно не может выстроить какие-то преграды Современности, использующей информационные и экономические рычаги уничтожения всякой традиционной ментальной привязки.

3. Осталось упомянуть сообщества, **сохранение Традиции** в которых является знаковой чертой и способом самоопределения верующих. Речь идет в первую очередь о православном старообрядчестве, традиционном исламе, ламаистском буддизме и традиционных языческих верованиях⁹. Ни одно из этих направлений духовности не представлено в области на достаточном организационном и социальном уровне. Некоторую поправку этому обобщению могут предоставить мусульмане, однако, формально зарегистрированная мусульманская община области, во-первых, до сих пор не имеет важнейшего знакового параметра идентичности – мечети (с регулярной молитвой); во-вторых, достаточно текуча в социальном плане – состоит из иммигрантов, сезонных рабочих,

лишь некоторые из которых рассматривают Сахалинскую область как место своего укоренения; в-третьих, приезжающие в область мусульмане достаточно деклассированны и индифферентны в религиозном плане и не могут составлять, несмотря на численность, солидной социальной опоры исламскому изложению Традиции.

Таким образом, в религиозной стороне сахалинской ментальности сегодня доминируют уходящие антитрадиционные модернистские и стремительно растущие антитрадиционные постмодернистские религиозные модели, исключаящие цивилизационную, культурную, историческую и собственно ментальную привязанность к духовным основаниям Российского государства. С геополитической точки зрения этот признак весьма драматичен: в отторгающейся от своих истоков стране, переходящей в виртуальное псевдобытие, продолжают оставаться локусы сопротивления Современности и сохранения Традиции; на Сахалине же нет ни таких тенденций, ни социальных сил, могущих эти тенденции осуществлять.

---

⁹ О кризисе сахалинского корейского менталитета в связи с утратой традиционной конфуцианской идентичности; см.: Пак Сын Ы. Проблемы сахалинской корейской семьи / Пак Сын Ы // Демографические и социально-экономические проблемы России и Сахалинской области : материалы НПК / сост. Т. М. Соловьева. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2009. – С. 43–46.

В. М. Швецова,

кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры управления и права Института развития образования Сахалинской области

НОВЫЙ ТИП ПРОФЕССИОНАЛИЗМА РУКОВОДИТЕЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ НОВОГО СТАНДАРТА

Проблема становления нового типа профессионализма руководителя образовательного учреждения связана с введением и реализацией нового стандарта образования, который меняет во многих аспектах содержание управленческой деятельности.

Если говорить о новом содержании управленческой деятельности руководителя [2], то целесообразно проанализировать это изменение

в структуре и содержании функций управления. Мы попытались это понять через основные критерии и понятия, задающие различие традиционного и инновационного (мыследеятельностного) подходов в организации образовательного процесса [1]. На наш взгляд, как раз эти различия задают иное содержание управленческой деятельности руководителя [3] с точки зрения их функций (см. табл. 1).

Таблица 1

Основные критерии и понятия, задающие различие традиционного и инновационного подходов в обучении

Параметры соотнесения	Традиционный подход	Инновационный (мыследеятельностный) подход	Новые управленческие задачи
1	2	3	4
Содержание	Предметное	Деятельностное. Мыследеятельностное. Метапредметное	Экспертиза учебного процесса с точки зрения методологических подходов: культурологического, антропологического, личностного, деятельностного, компетентностного. Экспертиза учебного процесса с точки зрения деятельности, мыследеятельности, метапредметности. Экспертиза учебного процесса с точки зрения сформированности УУД
Школа	Памяти	Способностей	Наличие списка способностей обучающихся по возрастам. Наличие диагностического пакета для отслеживания способностей обучающихся. Организация диагностического процесса для отслеживания способностей обучающихся
Материал	Дидактическое обеспечение – подпорка учебных материалов	Предметное знание: культурные образцы мышления и действия, представленные в текстах, предметах культуры, в продуктах деятельности	Организация работы педагогического коллектива в мыследеятельностной педагогике: мышлении, действии, коммуникации, понимании, рефлексии. Экспертиза результатов деятельности в двух аспектах: новообразованиях по возрастам и продуктах деятельности (культурных текстах, проектах и др.)
Последовательность курсов	Определяется последовательностью тем	Определяется формируемыми способами деятельности	Отслеживание сформированности у обучающихся способов учебной деятельности. Определение уровней развития УУД

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
Форма организации учебного процесса	Информационно-задачная	Задачно-целевая. Проблемно-ситуативная	Новое содержание внутришкольного контроля: наличие задачно-целевой, проблемно-ситуативной форм организации учебного процесса и др.
На основе чего создается учебная ситуация?	На основе ранее изученного, с учетом возрастных особенностей	Исходя из затруднений учащихся, ошибок, с учетом ранее продуманного плана работы и возрастных возможностей	Организация психолого-педагогического сопровождения учебного процесса для выявления затруднений, ошибок. Наличие рефлексивного фона образовательной среды. Наличие мотивационного пространства образовательной среды
С чем работает учитель?	Урок, план-конспект урока	Учебная ситуация. Сценарий учебной ситуации	Новое содержание контроля. Предмет контроля – учебная ситуация и способы ее разрешения
Что формирует?	Информированность, ЗУНы. Алгоритм действия	Способности: действия, коммуникации, мышления, понимания, рефлексии, воображения, различения	Умение видеть результаты обучения в новом содержании: мышлении, действии, коммуникации, понимании, рефлексии; сформированности УУД. Рефлексивное мышление. Рефлексия результатов

В ситуации обновления содержания управленческой деятельности большую роль начинает играть педагогическая экспертиза (см. табл. 1) как особый вид управленческой и исследовательской деятельности [2]. Для понима-

ния, что есть педагогическая экспертиза и чем она отличается от других форм оценки разных форм деятельности в образовании, мы предлагаем сравнить понятия «оценка» и «экспертиза» (см. табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ понятий «оценка» и «экспертиза»

Предмет анализа	Оценка	Экспертиза
1	2	3
Ситуация проведения	Необходимость установить соответствие результатов деятельности требуемой норме (эквиваленту), заданной извне	Ситуация (процесс) трактуется исходя из сформулированной концепции: заданных целей, задач, принципов и форм организации данного процесса
Цели	Определить соответствие продукта деятельности установленным требованиям	Критерии задаются изнутри ситуации в соответствии с заданной концепцией. Прояснить суть ситуации (анализ) в рамках концепции: заданных целей, задач, принципов и форм организации данного процесса; обнаружить и сформулировать проблемы, определить пути их решения (средства, способы, ресурсы, сроки и др.)
Методы	Сравнение с известной нормой; наличие эталона	Праксиметрические методы: анализ процессов и продуктов деятельности. Психометрические методы: опрос, тестирование, диагностирование. Игровые методы (ролевые, деловые, ОДИ). Герменевтический метод – анализ текстов: концепций, проектов, моделей, программ и др. Рефлексия как управленческий метод и как педагогическая технология, способная выявлять результаты деятельности, затруднения, проблемы и определять пути их решения

1	2	3
Объект	Технологии, программы, продукты деятельности	Модель выпускника образовательного учреждения (по ступеням обучения). Личностно-профессиональный образ учителя, руководителя, педагогического коллектива. Деятельность как процесс (от цели к результату). Продукты деятельности (тексты, проекты, модели и т. д.)
Результат	Соответствие норме; степень несоответствия или отклонения от нормы; коррекция. Рекомендации, в чем необходимо улучшение (но не как)	Новое понимание ситуации (источники развития находятся в самой исходной ситуации, которая схватывается сознанием). Выявление проблем, их истории и путей решения. Определение ресурсов (кадровых, материальных и др.) для решения проблем. Определение рисков, сильных и слабых сторон деятельности

Содержание таблицы 2 помогает выделить актуальные функции экспертизы в образовании: *аналитическую* – анализ ситуации относительно социокультурного пространства; *проектную* – разработка смыслов инновационного проекта и способов его воплощения; *развивающую* – выявление скрытых потенциальных возможностей субъектов образовательного процесса; *рефлексивную* – осмысление педагогическим коллективом концепции инновационного проекта и присвоение его ценностей [3].

В современный момент развития образования, как становится очевидно, возрастает наукоемкость управленческой деятельности, это объясняется уникальным предназначением управления как функции организованных систем, обеспечивающей их сохранение и развитие. И в этой ситуации управленцам необходимо уметь:

- создавать образовательную систему, которая должна быть представлена философской концепцией, психологическими основаниями, современными педагогическими технологиями;
- проектировать систему, в которой согласование, регулирование, развитие являются ее имманентными свойствами;
- понимать причины появления новых смыслов управленческой деятельности и возрастания объема ценностей (людских, материальных и др.), которые находятся в распоряжении управления;
- организовывать исследовательскую деятельность детского и взрослого коллективов, которая требует методологических знаний;
- создавать мотивационное и рефлексивное пространство как для обучающихся, так и для педагогического коллектива;
- осуществлять переход к индивидуализации образования, которое расширит возможности и интересы ребенка в разных областях культуры;
- осуществлять созидательный эффект управления, который требует образованности и высококультурной технологичности, самораз-

вития и самосовершенствования руководителя и т. д.

Особую актуальность приобретает для управленцев всех уровней педагогическое проектирование. Проектная культура руководителя – составная часть его профессионально-педагогической культуры и представляет совокупность «проектных» способов инновационного преобразования педагогической действительности на основе прогнозирования, планирования, конструирования и моделирования явлений, процессов и систем [2]. Как писал В. В. Давыдов, «проект – это всегда работа с будущим».

Мы приводим модель педагогического сопровождения учителя в условиях введения ФГОС (см. схема 1). Эта модель многомерной развивающей образовательной среды, которая предполагает процессы становления нового типа профессионализма учителя и управленца.

Первый год работы в условиях новых стандартов позволяет сделать некоторые выводы.

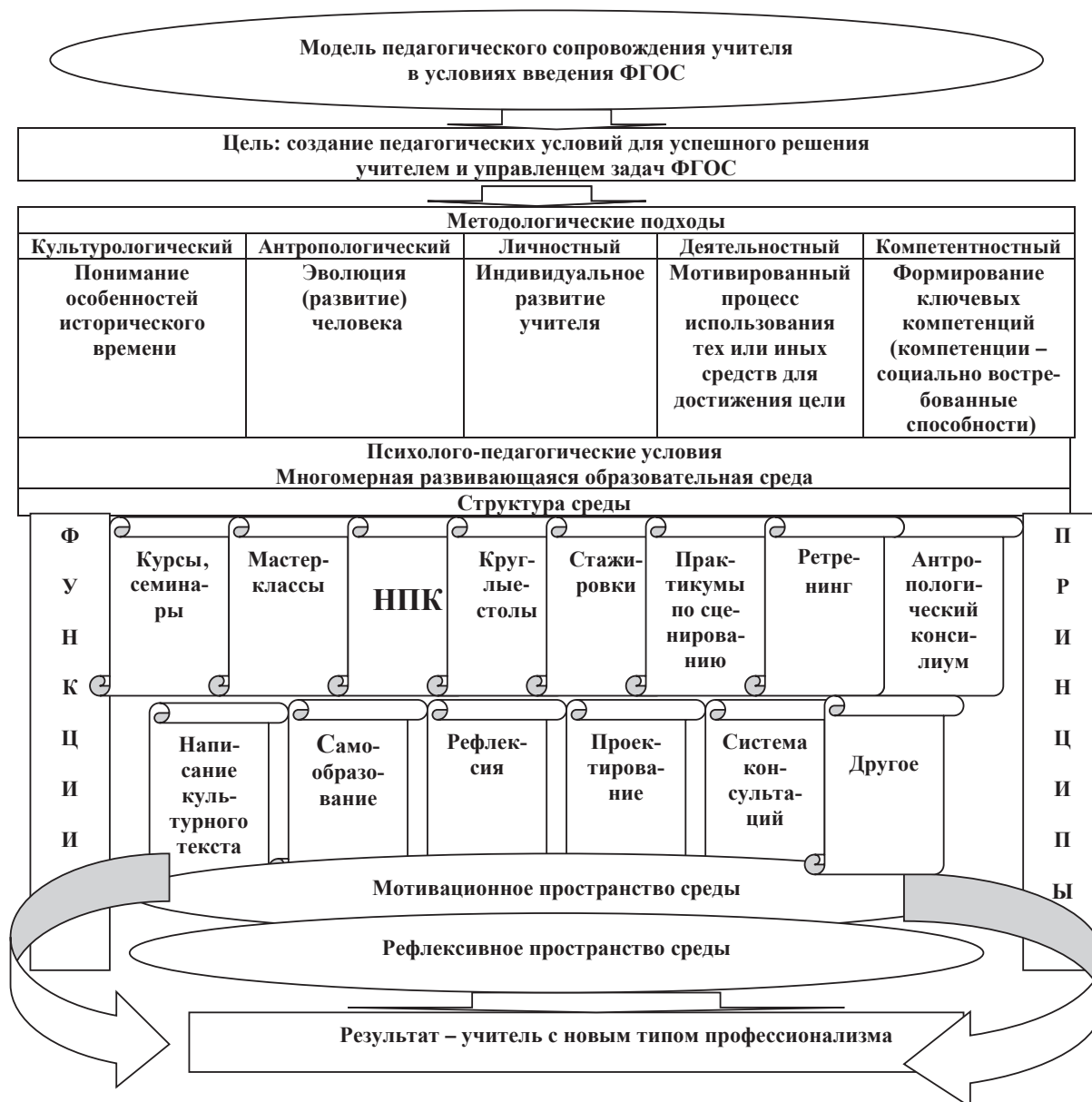
В период введения ФГОС главной задачей управления становится создание условий для выработки новой миссии школы, в которой отражаются новые требования к результатам образования.

Руководителям всех уровней необходимо осуществлять работу от перехода понимания ценности нового содержания образования к целевому действию по его созданию всем педагогическим коллективом.

Перед руководителями школы встает задача проектирования и внедрения в практику нового образа (многомерной развивающей образовательной среды) жизни и деятельности обучающихся, результатом которой будет развитие способностей и формирование универсальных учебных действий как нового образовательного результата.

Управленцами должна быть задана система контрольных показателей педагогической деятельности, обеспечивающей личностные, метапредметные и предметные результаты обучающихся.

Схема 1. Модель сопровождения учителя в условиях введения ФГОС

Школьное управление должно быть направлено на организацию условий для создания новых образцов педагогической деятельности, направленной на освоение инновационной деятельности.

Важным становится создание организационных условий (методической системы, коммуникативной среды, мотивационной, рефлексивной и др.) для развития педагогического коллектива и становления нового типа профессионализма, который определяется тремя позициями (дидактической, методической и диагностической).

С целью отслеживания происходящих изменений (и у детей, и у педагогов) необходима работа антропологического консилиума как новой управленческой структуры образовательного учреждения.

Итоговой задачей деятельности управленцев школы становится организация представления и оформления результатов образовательной деятельности педагогического коллектива в социуме (трансляция инновационного опыта в многообразных формах и на разных уровнях).

Литература

1. Из опыта освоения мышледеятельностной педагогики / под ред.: Л. Н. Алексеевой, А. А. Устиловской. – М. : МИОО, 2007. – 288 с.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. Утвержден приказом Минобрнауки от 6 октября 2009 года № 373.

3. Швецова, В. М. Педагогическое сопровождение развития готовности к управленческой деятельности руководителя образовательного учреждения : монография / В. М. Швецова. – Южно-Сахалинск : ИРОСО, 2010.

4. Швецова, В. М. Модель педагогического сопровождения учителя в условиях введения ФГОС начального общего образования / В. М. Швецова // Методист. – 2011. – № 7. – С. 11–15.

РАЗДЕЛ 3

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

С. В. Абрамова,

*кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой безопасности жизнедеятельности и
гражданской обороны Технологического института СахГУ,*

И. Г. Минервин,

*кандидат физико-математических наук, доцент,
первый проректор СахГУ*

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У ВЫПУСКНИКОВ ВУЗА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Несмотря на широкое толкование термина «устойчивое развитие», наиболее часто его понимают в соответствии с определением Комиссии Брунтланд: **«Это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»**. Другими словами, устойчивое развитие – это социально желательное, экономически жизнеспособное и экологически уравновешенное (сбалансированное) развитие общества.

В современном обществе образование стало одной из самых обширных сфер человеческой деятельности. В ней занято более миллиарда учащихся и почти 50 млн. педагогов. Заметно повысилась социальная роль образования: от его направленности и эффективности сегодня во многом зависят перспективы развития человечества. В последнее десятилетие мир изменяет свое отношение ко всем видам образования. Образование, особенно высшее, рассматривается как главный, ведущий фактор социального и экономического прогресса. Причина такого внимания заключается в понимании того, что наиважнейшей ценностью и основным капиталом современного общества является человек, способный к поиску и освоению новых знаний и принятию нестандартных решений [1].

Подготовка высококвалифицированных профессионалов всегда остается важнейшей задачей высшей школы. Однако в настоящее время данную задачу уже невозможно выполнять без фундаментализации образования. Это объясняется тем, что научно-технический прогресс превратил фундаментальные науки в непосредственную, постоянно действующую и наиболее эффективную движущую силу производства, что относится не только к новейшим наукоемким технологиям, но и к любому современному производству.

Образование, помимо приобретения знаний и навыков, способствует также формированию взглядов, позиций, ценностей, воспитанию человека и гражданина. Переориентация образования в интересах отказа от неустойчивых моделей производства и потребления, бережного отноше-

ния к окружающей среде, достижения взаимопонимания и социальной стабильности должна способствовать переходу человечества на путь устойчивого развития.

Главной целью образования как фактора устойчивого развития России в целом и ее регионов в частности должно стать воспитание новой личности, ориентированной на систему культурных, экологических и других ценностей, а не на ценности общества потребления. Только общество, состоящее из людей с новым мировоззрением, будет способно развиваться устойчиво. Поэтому образование призвано дать как инструмент, так и механизм перехода к устойчивому развитию [2].

Роль профессионального образования, кроме того, непосредственно связана с таким фактором, как востребованность на рынке труда специалиста определенного профиля. Ведь общеизвестно, что большие возможности получает тот, кто не только демонстрирует глубокие и прочные знания и специальные навыки в одной области деятельности, но и может применить свои знания и в другой. Иными словами, речь идет о многопрофильной подготовке специалистов, которая сейчас столь популярна в сфере профессионального образования. Возможность получить хорошую профессиональную подготовку сразу по нескольким направлениям в последнее время становится все более привлекательной.

Научное исследование комплекса факторов формирования и развития социальной группы предпринимателей приобретает на современном этапе модернизации российского общества особую актуальность. На государственном уровне малое и среднее предпринимательство осознано в качестве решающего фактора в формировании новой модели экономики, главной движущей силы научно-технического прогресса, конкуренции, развития рынка, главного работодателя на рынке труда. Его дальнейшее развитие призвано решить ряд социально-экономических проблем: создание условий для обеспечения политической стабильности в обществе, формирование рациональной структуры экономики, создание среднего клас-

са, смягчение безработицы, рост доходной части бюджетов всех уровней и другие.

Особенно это важно для регионального развития, так как регион, по мнению И. Р. Кормановской и Н. Н. Ренкас [3], является открытой сложной функционирующей социо-эколого-экономической системой, на которую влияют внутренние факторы, например, обусловленные местным самоуправлением, развитием образовательных учреждений, и внешние, например, обусловленные государственной экономической и социальной политикой.

Кроме этого, в настоящее время необходимо учитывать основные показатели устойчивого развития регионов, утвержденные в «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [4]. Одним из показателей устойчивого развития региона являются показатели качества жизни, к которым относятся: продолжительность жизни человека (ожидаемая при рождении и фактическая), состояние его здоровья, отклонение состояния окружающей среды от нормативов, уровень знаний или образовательных умений и навыков, доход (измеряемый валовым внутренним продуктом на душу населения), уровень занятости, степень реализации прав человека.

В течение предстоящих десяти лет развитие Сахалинской области будет иметь инвестиционно-индустриальный характер и основываться на наиболее полном использовании конкурентных преимуществ экономики региона, особенностей природно-ресурсного и транзитного потенциала территории, устойчивом наращивании экспорта производимой продукции. К 2025 году ведущими отраслями региональной экономики будут являться топливно-энергетический, рыбохозяйственный и лесопромышленный комплексы, устойчивое развитие получают строительный комплекс и индустрия производства стройматериалов, электроэнергетика, транспорт и сельское хозяйство, а также сфера потребительского рынка и услуг [5].

Сотрудничество (партнерское взаимодействие) высшего профессионального образования и бизнеса (малых предприятий, крупных промышленных комплексов и производств и др.) через прямые договорные отношения с работодателями было и остается одним из основных факторов развития кадрового потенциала России в целом и Сахалинской области в частности. Основными внешними потребителями услуг регионального университета являются работодатели (предприятия, организации, органы государственной власти и др.), которые принимают на работу наших выпускников и ожидают от них владения комплексом профессиональных компетенций [6], соответствующих требованиям развития инновационной модели экономики Сахалинской области.

Важнейшей задачей системы образования является содействие формированию инновацион-

ного пути развития отечественной экономики, определенного национальной стратегией развития Российской Федерации на период до 2020 года [7], в том числе посредством качественной подготовки и переподготовки профессиональных высококвалифицированных кадров. Для достижения данной цели необходимо совершенствовать систему управления образовательной деятельности вузов, ориентируя ее, прежде всего, на рынок и конечных потребителей предоставляемых образовательных услуг, которые также учитывают специфику определенного региона.

Проведенный анализ показывает, что современный выпускник школ Сахалинской области, особенно после введения ЕГЭ, стоит на пороге большого выбора своего дальнейшего индивидуального образовательного маршрута. Более 50 % выпускников покидают регион с целью получения высшего профессионального образования в вузах крупнейших наукоемких центров (г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Новосибирск и др.) и практически не возвращаются обратно (менее 1 %). Это приводит к оттоку населения и в конечном итоге к потере профессиональных кадров, что серьезно влияет на устойчивое развитие региона.

В связи с этим в условиях жесткой конкуренции основная миссия регионального университета заключается в подготовке и закреплении высококвалифицированных кадров на территории региона. Это достигается путем повышения роли и качества высшего профессионального образования в регионе и наличием взаимосвязи с потенциальными работодателями, обеспечивающими в дальнейшем трудоустройство выпускников университета.

В настоящее время главными направлениями работы нашего университета (СахГУ) являются: создание благоприятных условий для умственного, нравственного, эмоционального и культурного развития личности; помощь в раскрытии творческих способностей у выпускников. Основной задачей СахГУ в современных условиях является развитие личности в процессе подготовки по профессии и специальности (направления подготовки) в соответствии с ее интересами, способностями и социальными потребностями. Таким образом, высшее профессиональное образование является необходимым и важнейшим фактором динамично развивающегося региона.

Представленные направления и задачи соответствуют тому, что в системе высшего профессионального образования современной России утвердилась образовательная парадигма, нашедшая отражение в рамках ФГОС ВПО, основанного на компетентностном подходе, согласно которой качество образования определяется тем, насколько у выпускников вузов сформированы компетенции – способности выявлять связи между знаниями и ситуациями и применять усвоенные знания на практике, тем са-

мым нацеливая выпускников вуза на повышение мобильности и конкурентоспособности в рыночной среде. Также предполагает интенсификацию взаимодействия высшего учебного заведения с работодателями, закрепленного Федеральным законом от 01.12.2007 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предоставления объединениям работодателей права участвовать в разработке и реализации государственной политики в области профессионального образования» [8]. Таким образом, стратегией развития нашего университета в современных условиях является усиление его влияния на социально-экономическое развитие региона через участие в развитии экономики, в решении политических задач, социальных проблем региона, через участие в научно-техническом и инновационном, устойчивом развитии региона. Участие в каждом из этих направлений устойчивого развития региона требует от выпускника вуза сформированных профессиональных компетенций.

Профессиональная компетентность как категория результата образования служит для обозначения интегрированных характеристик качества подготовки выпускника вуза.

Профессиональная компетентность работника – это сформированная основа предметных знаний, навыков и умений фундаментального и специального («профильного») характера, а также сформированное творческое мышление.

Исходя из структуры требуемых качеств специалиста, его мышление опирается на высокоразвитое воображение и представляет собой совокупность логического, наглядного, творческого, теоретического, пространственного и технического мышления. В соответствии с принципами научности, системности, интегративности, мобильности, технологичности, вариантности, модульности, региональности осуществляется отбор содержания высшего профессионального образования для формирования профессиональной компетентности.

Наиболее важным признаком профессиональной компетентности, на наш взгляд, является деятельностный характер обобщенных умений в сочетании с предметными знаниями и умениями в конкретных областях наук. При этом профессиональная компетентность проявляется в умении осуществлять выбор исходя из адекватной оценки себя в конкретной ситуации [9].

В структуру профессиональной компетентности включены основные составляющие компоненты (мотивационный, когнитивный, коммуникативный, рефлексивный), становление которых связано с формированием их характеристик и свойств как части целостной системы. Каждый компонент профессиональной компетентности имеет свое содержание.

Мотивационный компонент включает мотивы, цели, потребности в профессиональных знаниях, самовоспитании, саморазвитии, овладении эффективными способами организации профессиональной деятельности и взаимодействия с отдельными личностями или учреждениями.

Когнитивный компонент представляет собой совокупность научно-теоретических знаний о профессиональной деятельности. Уровень развития когнитивного компонента профессиональной компетентности специалиста определяется полнотой, глубиной, системностью знаний в области профессионального общения.

Роль когнитивного компонента в профессиональной компетентности будущего специалиста позволяет в процессе профессиональной деятельности выстраивать алгоритм его развития: направление студентов на осознание цели работы в области профессиональной деятельности; осознание степени своей профессиональной подготовленности; осознание собственных ресурсов для достижения уровня профессиональной компетентности в своей области; умение оценивать значимость результатов работы. Реализуя когнитивный компонент профессиональной компетентности, специалист из отдельных единичных ситуативных образов формирует понятие о сущности работы. Когнитивный компонент профессиональной компетентности предполагает непрерывное движение специалиста от одного знания к другому, более полному усвоению сущности работы, ее углублению и расширению.

Коммуникативный компонент проявляется в умении устанавливать межличностные связи, согласовывать свои действия с действиями коллег, выбирать оптимальный стиль общения с окружающими в различных ситуациях, овладевать средствами вербального и невербального общения.

Коммуникативные способности проявляются в сотрудничестве и коллективной профессиональной деятельности. К коммуникативным способностям относятся: способность понимать взаимоотношения людей, адекватно воспринимать ситуацию общения, использовать опыт других; способность понимать партнеров по общению, их мотивы и цели; способность к сотрудничеству; способность знать и понимать самого себя, свои собственные мотивы и возможности в сфере профессиональной деятельности и общения, способность отстаивать свою точку зрения; способность прогнозировать межличностные события, знать основные приемы общения; способность избегать конфликтов в общении.

Рефлексивный компонент проявляется в умении сознательно контролировать результаты своей деятельности и уровень собственного развития, личностных достижений: сформированность таких важных качеств и свойств, как креативность, инициативность, нацеленность на сотрудниче-

ство, уверенность в себе, склонность к самоанализу, способность к импровизации, предвидению, инициативному, критическому и инновационному рефлексированию и прогнозированию результатов своей деятельности и отношений, творческому воображению, а также профессионально значимых знаний, умений, навыков.

Если профессиональная компетентность в настоящее время понимается как личностное новообразование, то ее измерение может осуществляться с помощью экспертных оценок и самооценок, тестирования, анкетирования, интерпретации результатов этапов формирования профессиональной компетентности.

Таким образом, формирование профессиональных компетенций у студентов по определенному направлению подготовки (специальности) осуществляется по основной образовательной программе (ООП), отвечающей требованиям ФГОС ВПО и удовлетворяющей потребностям рынка труда. Результатом освоения ООП при компетентностном подходе, где 1/3 содержания дисциплин ООП представляет собой вариативную часть, в конструировании которой может и должен принимать участие работодатель, является сформированный у выпускника вуза набор профессиональных компетенций с заявленным уровнем освоения.

Получение такого результата обучения возможно, если идеальной моделью взаимодействия регионального университета и потребителя образовательных услуг является целевая подготовка профессиональных кадров, которая финансируется непосредственно будущим работодателем. В этом случае работодатель и вуз совместно разрабатывают образовательные программы, нацеленные в приоритетном порядке на удовлетворение потребностей конкретного предприятия.

Среди направлений совместной деятельности представителей вузов и работодателей можно выделить:

- практическое обучение студентов на реальных рабочих местах;
- расширение спектра образовательных услуг вузов, востребованных на рынке труда;
- определение требований к качеству подготовки специалистов: в последнее время экспертиза ООП, разработанная структурными подразделениями университета в соответствии с требованиями ФГОС ВПО на предмет включения в перечень дополнительных компетенций, выполняется с учетом мнения ведущих региональных работодателей; кроме того, представители бизнес-сообщества принимают участие в разработке и рецензировании учебно-программной документации;
- проведение представителями работодателей (специалистами-практиками) учебных занятий для студентов, в том числе лекционных курсов,

семинаров, мастер-классов, деловых игр, практикумов и др.;

- участие работодателей в итоговой государственной аттестации выпускников;
- стажировка преподавателей на реальных рабочих местах;
- повышение квалификации представителей работодателей в вузе;
- участие работодателей в научно-практических конференциях, учебных проектах, научных сессиях, днях науки и т. д.;
- проектная интеграция (совместные научные исследования, открытие базовых кафедр вуза на предприятиях работодателей, создание совместных малых наукоемких компаний и др.);
- трудоустройство выпускников;
- организация и совместное участие в региональных консультативных советах и объединениях с целью совершенствования содержания профессионального образования с учетом потребностей региона и др.

Таким образом, объективное существование внешних вызовов и угроз современного общества повышает роль и значение регионального Сахалинского государственного университета как основного образовательного учреждения Сахалинской области, обеспечивающего подготовку и переподготовку кадров по широкому спектру образовательных программ, направленных на формирование профессиональных компетенций обучающихся. Профессиональные компетенции, входящие в содержание образовательных программ НПО – СПО – ВПО, имеют сквозной характер, распространяясь через систему непрерывного уровневого образования. Тем самым степень ориентированности таких образовательных программ на рынок труда становится ключевым показателем эффективности профессионального образования и качества подготовки выпускников, способных участвовать в устойчивом социально-экономическом развитии региона.

Литература

1. Буланова-Топоркова, М. В. Педагогика и психология высшей школы : учеб. пособие / М. В. Буланова-Топоркова. – Ростов н/Д. : Феникс, 2002. – 544 с.
2. Основные положения стратегии устойчивого развития России / под ред. А. М. Шелехова. – М., 2002. – 161 с.
3. Кормановская, И. Р. Оценка эффективности управления устойчивым развитием региона / И. Р. Кормановская и Н. Н. Ренкас. – Санкт-Петербург. гос. ун-т сервиса и экономики, 2009.
4. О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440.

5. Минервин, И. Г. Исторический аспект социально-экономической системы Сахалинской области за 65 лет и новая парадигма управления в современной России / И. Г. Минервин // Ученые записки Сахалинского государственного университета. – Вып. IX. – Южно-Сахалинск, 2011. – С. 17–24.

6. Минервин, И. Г. Концептуальный подход к построению компетентностной модели профессиональной деятельности современного педагога / И. Г. Минервин, Л. И. Рублева // Психология обучения. – 2011. – № 3. – С. 10–24.

7. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. –

Режим доступа : <http://mon.gov.ru>

8. Федеральный закон от 01.12.2007 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предоставления объединениям работодателей права участвовать в разработке и реализации государственной политики в области профессионального образования». – Режим доступа : <http://www.referent.ru>

9. Абрамова, С. В. Оценка сформированности профессиональных компетенций у студентов / С. В. Абрамова, Е. Н. Бояров // Психология обучения. – 2011. – № 3. – С. 68–78.

*Т. П. Белозерова,
аспирант кафедры управления СахГУ*

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ СИСТЕМЫ ИНДИКАТОРОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Идеология устойчивого развития предполагает оптимальное сочетание интересов населения, бизнеса и благополучное состояние окружающей среды. Как правило, люди разделяют эти понятия, рассматривая их независимо, в то время как целями устойчивого развития являются высокий уровень жизни, процветающая экономика и сохраняемая природа.

Программа действий по дальнейшему осуществлению повестки дня на XXI век, разработанная на основании принятой в июне 1992 года Рио-Де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию, определяет концепцию перехода к устойчивому развитию и считается международной программой устойчивого развития в XXI веке.

Йоханнесбургская декларация, принятая в сентябре 2002 года в Южной Африке на Всемирной встрече по устойчивому развитию, подтверждает реализацию целей устойчивого развития на местном, национальном, региональном и планетарном уровнях.

Контроль за достижением целей устойчивого развития и управление этим процессом требуют разработки соответствующих механизмов. В качестве измерителей и оценки социальных, экологических и экономических аспектов используются системы индикаторов устойчивого развития, разработанные ООН и другими международными организациями.

Индикаторы устойчивого развития – это показатели, которые характеризуют изменение состояния экономики, социальной сферы и окружающей среды во времени, они дают количественную и качественную характеристику проблемы, позволяют отследить изменение ситуации в положительную или отрицательную сторону, скорректировать социально-экономическое и экологическое развитие [1].

Основным критерием разработки системы индикаторов УР на местном уровне является возникающая целесообразность решения экономических и социальных проблем с учетом экологического аспекта развития муниципального образования. На сегодняшний день разработка индикаторов устойчивого развития на муниципальном уровне может выполняться только экспериментальным методом из-за трудностей адми-

нистративного и финансового характера. В связи с этим актуальны научные исследования, направленные на разработку методических подходов к формированию системы комплексной оценки и механизмов управления устойчивым развитием органами муниципального образования.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года включает стратегию по экологической безопасности экономики и экологии человека, которая должна учитываться при разработке программ субъектов Федерации [2].

Руководствуясь требованиями нормативных актов по обеспечению социально-экономического развития субъектов РФ, муниципальные образования (МО) на основе региональных методических рекомендаций выполняют разработку собственных стратегий и программ социально-экономического развития.

Данные стратегии разрабатываются как документ, определяющий долгосрочную политику деятельности органов местного самоуправления в экономической, социальной и иных сферах жизни муниципального образования, согласованную с интересами бизнес-сообщества, населения и стратегическими интересами региона. Изучение существующих стратегий развития северных МО Сахалинской области показывает, что, как правило, социально-экономическая оценка выполняется без учета экологического фактора, отображающего качественные стороны уровня жизни населения.

Основной проблемой при выполнении стратегического планирования развития муниципальных образований является недостаточность анализа состояния социо-эколого-экономических аспектов жизни из-за отсутствия системы комплексной оценки устойчивого развития МО.

Такая оценка может выполняться только на основе разработанной системы индикаторов устойчивого развития, которая состоит из социальных, экономических и экологических показателей, характеризующих развитие МО за определенный период времени.

Возможно ли сформировать систему комплексной оценки УР на местном уровне и какие методы и механизмы необходимо использовать?

Особенности разработки системы индикаторов УР для МО состоят в том, что система по-

казателей для муниципальных образований имеет детальный спектр разработки и должна учитывать не только специфику территории, но и ее зависимость от стратегических целей регионального уровня. Классификация и выбор основных показателей местного уровня могут совпадать с региональными, тогда как целевые ориентиры должны определяться только целями достижения устойчивого развития конкретного муниципального образования.

Необходимо учитывать основные факторы, влияющие на формирование комплексной оценки и правильный выбор показателей системы индикаторов УР, такие, как:

- объективность определения приоритетных проблем;
- дефицит данных по выбранным показателям;
- период времени, требуемый для разработки системы индикаторов;
- привлечение заинтересованных лиц;
- отсутствие профессиональной системы обработки информации;
- финансовое обеспечение процесса разработки индикаторов.

В рамках выполнения научной работы для исследования и разработки методического подхода к формированию системы комплексной оценки УР МО севера Сахалинской области был взят практический и теоретический опыт регионов РФ со схожими параметрами развития и которыми были разработаны на основе международных собственные системы индикаторов УР.

Специфика развития МО севера Сахалинской области характеризуется следующими особенностями:

- интенсивная разработка нефтяных и газовых месторождений;
- отдаленность от областного центра;
- территории традиционного проживания малочисленных народностей Севера;
- преобладание тундровых и заболоченных территорий;
- суровые климатические условия.

Выбор показателей УР МО севера, учитывая специфику развития, должен основываться на наиболее приоритетных проблемах срочного и долгосрочного характера, которые определяются методом опроса общественного мнения, анкетирования, статистического и экономического анализов. Дальнейшая практическая работа по разработке индикаторов выполняется с использованием методов системного подхода, сравнений, экспертных оценок, сценарного моделирования.

Руководствуясь системными принципами построения, нужно четко определить цели индикаторов, временные рамки оценки и выбрать наиболее подходящие типы индикаторов. Необходимо создать иерархическую структуру системы индикаторов, которая сделает возможным агрегирование результатов и получение индексов устойчивого развития территории.

Для классификации показателей УР МО городской округ «Охинский» можно использовать самые распространенные в практике подходы построения системы индикаторов. Наиболее целесообразно взять за основу экологическую модель ОЭСР «воздействие–состояние–отклик», PSR-Pressure, State, Response, которая применима ко всем аспектам развития МО. Она базируется на трех типах индикаторов:

- индикаторы воздействия, характеризующие воздействие на окружающую среду различных факторов и ее изменение под их влиянием;
- индикаторы состояния, характеризующие состояние различных элементов окружающей среды;
- индикаторы отклика, характеризующие меры по оздоровлению окружающей среды.

Структура PSR-индикаторов развивается на основе концепции причинности: влияние деятельности человека на окружающую среду – влияние на изменение качества окружающей среды и на количество природных ресурсов – отклик общества на эти изменения (через окружающую среду – на экономику и политику).

На основании разработанных систем индикаторов и статистических данных по МО формируется

Таблица одной из категорий экологических показателей

Категория	Местная повестка дня на XXI век	
	Показатели внешнего воздействия – состояния	Показатели реагирования – эффективности управления
1. Охрана и обеспечение пресноводных ресурсов	Ежегодный водозабор из природных водных объектов, тыс. куб. м. Химический и бактериологический состав воды в пресных водоемах. Химический состав очищенных сточных вод (среднегодовой показатель). Химический состав питьевой водопроводной воды.	Процент расходов на мониторинг подземных вод. Объем очищенных сточных вод, тыс. куб. м. Прогнозирование объема пресных вод.

Категория	Местная повестка дня на XXI век	
	Показатели внешнего воздействия – состояния	Показатели реагирования – эффективности управления
2. Охрана атмосферы	Выбросы в атмосферу от стационарных источников, тыс. тонн. Концентрация загрязняющих веществ в атмосфере города.	Количество уловленных и обезвреженных вредных веществ, тыс. тонн.
3. Земельные ресурсы	Нарушенные земли, % га, к общей площади земель МО. Площадь загрязненных земель, га. Площадь арендованных земель, га. Количество земель занятых под оленьи пастбища, га.	Площадь рекультивированных, возвращенных земель, га.
4. Недропользование	Добыто нефти, млн. куб. м. Добыто газа, млн. куб. м. Добыто нерудных строительных материалов, тыс. куб. м. Прогнозируемые запасы нефти и газа, млн. куб. м.	Доходы местного бюджета, полученные за пользование природными ресурсами, тыс. руб.
5. Борьба с обезлесением	Использование расчетной лесосеки, % Добыто деловой древесины, тыс. куб. м. Площадь лесов в процентном отношении к площади района. Площадь погибших насаждений, га.	Доля лесов, охваченных лесоустройством (лесовосстановление).
6. Твердые отходы	Объемы производственных и муниципальных отходов. Предприятия по сбору и переработке отходов.	Рециркуляция и повторное использование отходов. Расходы на управление отходами и удаление городских отходов.
7. Экосистемы и биологическое разнообразие	Количество голов оленей, разводимых малочисленными народностями. Процент исчезающих видов от общего числа местных видов. Изменение численности населения в прибрежных и сельских районах. Вылов рыбы в промышленных объемах, тонн.	Процент охраняемых заповедных территорий от всей территории МО. Расходы местного бюджета на развитие родовых общин КМНС. Количество выданных лицензий на отстрел охотничьих животных и перелетных птиц.
Доступность информации – Статистика, Администрация, Ведомства		
Интегральные показатели – индекс загрязнения окружающей среды, индекс природо-ресурсного капитала, индекс отходоёмкости производства		

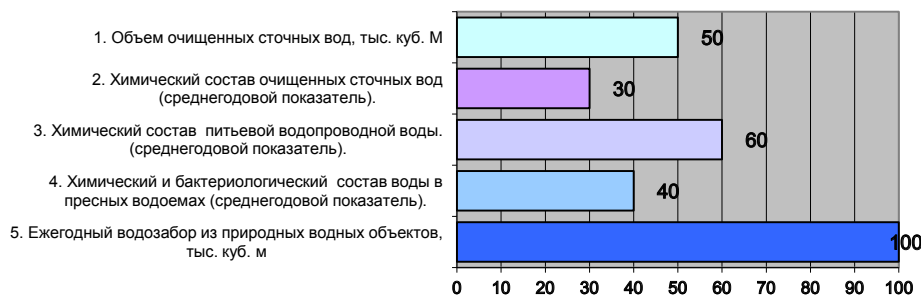
оптимальная таблица показателей. Были сформированы 22 экономических, 38 экологических и 66 социальных показателей, которые характеризуют уровень и качество жизни населения с учетом особенностей стратегического развития муниципального образования. Для оптимизации перечня показатели воздействия и состояния могут объединяться, а показатели реагирования могут включать показатели эффективности управления,

которые целесообразно агрегировать отдельно по объему затраченных средств.

В процессе агрегирования интегральные показатели могут быть определены методом обобщения всех частных показателей по каждой категории систем устойчивого развития и отображены графическим методом.

Пример агрегирования показателей по каждой категории см. ниже:

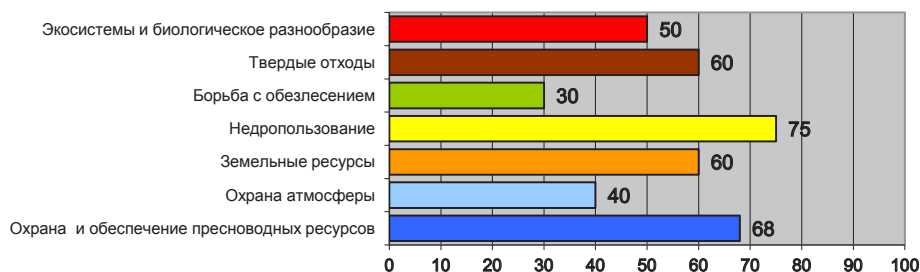
Система экологических показателей.
Получение индекса категории «Охрана и обеспечение пресноводных ресурсов»

Индекс состояния пресноводных ресурсов равен среднему значению всех показателей, деленному на 100.

На следующем этапе агрегирования полученные индексы категорий показателей обобщаются для получения индекса каждой системы УР, например:

Получение индекса системы «Экологические показатели»

Индекс экологического состояния равен среднему значению всех показателей, деленному на 100.

Разработка системы индикаторов УР МО относится к вопросам местного значения. В целях решения вопросов местного значения органы местного самоуправления поселений, муниципальных районов и городских округов обладают следующими полномочиями:

- принятие и организация выполнения планов и программ комплексного социально-экономического развития муниципального образования;
- организация сбора статистических показателей, характеризующих состояние экономики и социальной сферы муниципального образования;
- организация и осуществление экологического контроля объектов производственного и социального назначения на территории городского округа;
- формирование и утверждение структуры органов управления МО [3].

Механизм разработки системы индикаторов УР МО основывается на системном подходе и должен включать поэтапное выполнение работ, определяемых целями и задачами, поставленными инициативной группой и администрацией:

- организационный этап – создание рабочей группы и разработка планов;

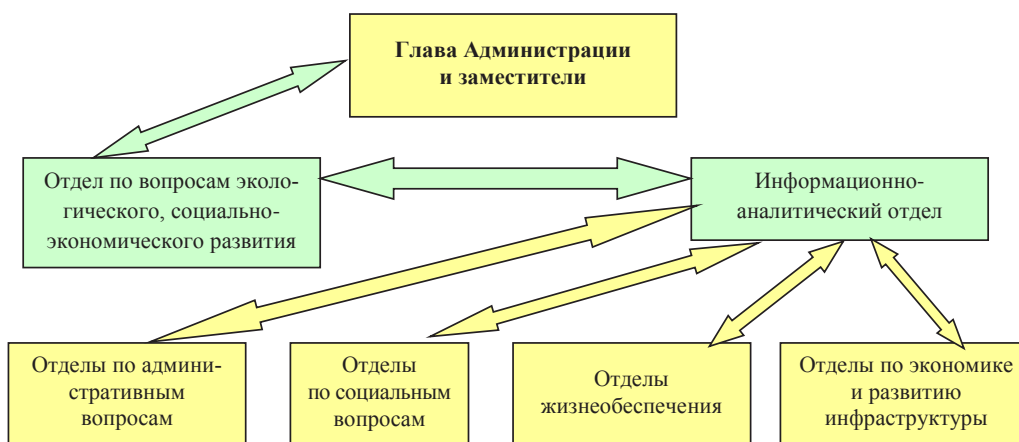
- этап определения перечня социально-экономических и экологических проблем (СэиЭП) – утверждение окончательного варианта перечня СэиЭП;

- этап разработки системы индикаторов УР (издание типографским способом перечня индикаторов УР МО);

- этап внедрения системы индикаторов УР в практику муниципального управления и планирования – издание нормативно-правового акта «Об утверждении и применении индикаторов устойчивого развития МО».

Внедрение устойчивого развития в реальную жизнь муниципальных образований подразумевает интегрирование принципов устойчивого развития в практику управления муниципальными образованиями (в проекты, планы и деятельность местных органов власти).

Реализация решений по формированию комплексной оценки УР потребует разработки новых коммуникативных связей и перестройки организационной структуры администрации МО. Вопрос получения и обработки ежегодной информации по показателям УР должен решаться органами самоуправления в соответствии с действующим законодательством РФ.

Предлагаемая новая коммуникативная структура управления МО

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что разработка системы индикаторов устойчивого развития МО является необходимой частью стратегического планирования и управления устойчивым развитием на муниципальном уровне.

Административно-правовые методы управления устойчивым развитием МО на основе системы индикаторов устойчивого развития включают:

– мониторинг социально-экономического развития, уровня жизни населения и состояния окружающей среды;

– планирование и прогнозирование социально-экономического развития и охраны окружающей среды;

– отчеты о социально-экономическом развитии и состоянии окружающей среды.

Внедрение системы индикаторов социально-эколого-экономического развития в практику

управления муниципальными образованиями является одним из действенных инструментов повышения результативности, влияющим на оценку эффективности самоуправления.

Литература

1. То Кен Сик. Системный подход к исследованию и управлению процессами устойчивого развития общества : монография / То Кен Сик. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2010. – 208 с.

2. Указ Президента Российской Федерации. «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» от 1 апреля 1996 г. № 440 // Собрание законодательства Российской Федерации.

3. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

В. Л. Белоусов,
кандидат экономических наук, доцент, кафедра управления
Института истории, социологии и управления СахГУ

УСЛОВИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Проблема эффективного использования основных средств является центральной в период развития рыночных отношений в России. Их постоянная модернизация – наиболее правильный путь повышения эффективности производства, роста производительности труда, дающих возможность получать преимущества в конкурентной борьбе за лучшие рынки сбыта, за большее число потребителей. Это требование закреплено в одном из частных законов организации, раскрывающем жизненную необходимость непрерывности, ритмичности в движении производственных фондов, подразумевающим непрерывность их использования, а также обновления.

При подготовке настоящей статьи были проанализированы статистические данные по 18 городским округам и одному муниципальному району Сахалинской области за период: 2008, 2009, 2010 годы.

В рассматриваемом периоде остаточная стоимость основных фондов коммерческих организаций была существенно уменьшена, что говорит о их значительном износе. Ежегодно снижались инвестиции в основной капитал организаций муниципальной формы собственности. Тенденция снижения коснулась и инвестиций в основной капитал, осуществляемых организациями, находящимися на территории муниципальных образований (без субъектов малого предпринимательства).

Анализ данных статистики заставляет более внимательно относиться к вопросам содержания и замены основных средств, так как они являются основой устойчивого развития организаций всех без исключения форм собственности. Однако при этом важно учитывать состояние спроса и изменения, происходящие на рынке, вызванные появлением принципиально новых товаров и их заменителей.

Модернизация на современном этапе эволюции организаций приобретает наибольшую значимость, так как позволяет усовершенствовать, обновлять имущество организаций, приносящее доходы, приводить его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества. При этом не требуется привлечения огромных заемных финансовых средств, так как часть их может быть заработана по результатам эволюционных, ежедневных изменений, происходящих порой незаметно, на основе использования текущих доходов, получаемых коммерческими ор-

ганизациями в процессе ведения производственно-хозяйственной деятельности.

С целью обеспечения устойчивого развития организации видится целесообразным проводить постоянные исследования внутренней и внешней среды и на основе этого формировать программы модернизации.

В ходе исследования следует должное внимание уделить следующим вопросам.

Выявить наличие объективных условий целесообразности проектирования и модернизации основных средств структурных подразделений организации, проанализировав при этом:

- наличие реальной сырьевой базы, подкрепленной разрешениями на добычу сырьевых ресурсов;
- существующий спрос рынка на продукты производства;
- объективно существующий спрос на продукцию со стороны покупателей в регионах и крупных городах РФ, формирующих масштабные рынки сбыта;
- наличие капитала для инвестирования в новые производства. Уровень затрат на проектирование и модернизацию в рассматриваемом регионе;
- степень сложности технологий, позволяющих в сжатые сроки изменить производства, применяющие проверенные технологии, заменив их на новые. Наличие рынка технологического оборудования, в том числе современного;
- исторически сложившуюся практику стабильно существующих производств, а также историю ранее существовавшего производства, наличие специальных основных средств, систем производственных и энергетических сетей, транспортных коммуникаций и т. п.;
- наличие местных кадров, также возможность подобрать и своевременно подготовить персонал, особенно мастеров, технологов, специалистов для нового производства. Набирать кадры по принципу постоянства занятости, а также учитывать сезонность работы, спрос на рынке труда;
- наличие определенной сложившейся социальной инфраструктуры;
- относительную благоприятность существующей системы налогообложения предприятий, позволяющей отнести производства как минимум к средней эффективности, осуществить возврат вложенных инвестиций за период до пяти лет.

При разработке мероприятий по модернизации целесообразно руководствоваться материалами исследований, включать их в общие планы «Организационного проектирования».

Предусматривать выход на новые сектора рынка по продажам продуктов, товаров либо расширять существующие.

В соответствии с ресурсным обеспечением рассчитывать максимумы производственных циклов, проводить расчеты направления в производство ежесуточного оптимального количества сырья. Рассчитывать годовой максимум производства в прямой зависимости от реализации.

Учитывать применяемую в соответствии с Налоговым кодексом РФ налоговую систему, создавать предпосылки относительной стабильности, получения прибыли и сохранения применимо к рассматриваемому отраслевому комплексу, среднему уровню рентабельности и выше. Рассматривать ситуацию в соответствии с динамичными изменениями, происходящими во внешней среде.

В ходе модернизации создавать современные производства, полностью отвечающие всем санитарным требованиям, выпускающим продукцию, соответствующую принятым российским и международным стандартам качества, системам менеджмента безопасности.

Учитывать производительность оборудования, выпускаемого в настоящее время отечественными и зарубежными производителями, что позволит создать высокоскоростное производство.

Технические условия на проектирование и модернизацию, к примеру, пищевых производств, выполнять в полном соответствии с санитарно-эпидемиологическими нормами и гигиеническими нормативами, установленными «СанПин». При модернизации зданий, сооружений обеспечивать выполнение всех требований СНиП.

На предварительном этапе проектирования предлагать несколько вариантов подбора технологического оборудования от разных производителей и альтернативные схемы его размещения. Также предлагать разные варианты модернизации санитарно-бытовых помещений. Составлять поэтажные планы модернизированных цехов.

При этом учитывать основную производственную площадь, полезный объем складов хранения сырья, вспомогательных материалов, комплектующих изделий. Рассчитывать объем складов хранения готовой продукции исходя из условий реализации.

Рассчитывать установленную мощность электрооборудования, предусматривать модернизацию внутренних электрических сетей организации, привязку систем водоснабжения, теплоснабжения и водоотведения к существующим системам с учетом их модернизации.

Проводить расчеты затрат на производство, показывающих целесообразность выпуска задан-

ного ассортимента продукции. В затратах на производство определять основные статьи расходов, приходящиеся на материальные расходы, расходы на оплату труда, суммы начисляемой амортизации, прочие расходы.

Рассчитывать ежегодную прибыль от продажи единицы продукции, ее рентабельность.

Рассчитывать общие затраты на модернизацию. Прогнозировать полный возврат вложенных инвестиций при условии стабильной работы и позитивного развития культуры организации.

Основываясь на результатах исследований, подписывать контракты с поставщиками оборудования и подрядчиками. Кроме этого, планировать работу по модернизации силами собственных строительных участков.

Рассчитывать и планировать количество новых рабочих мест, получаемых в ходе модернизации. Новые рабочие места создавать с учетом обеспеченности санитарно-бытовыми помещениями, офисами.

Планировать работу по накоплению средств для финансирования программ модернизации на основе расчетов. Так, например, модернизационный фонд может быть рассчитан по формуле:

$$МФ = ИМ_{вн} + ИМ_{соб},$$

где ИМ_{вн} – инвестиции в модернизацию внешние;

ИМ_{соб} – инвестиции в модернизацию собственные.

Под внешними инвестициями в данном случае следует понимать денежные средства, направленные на модернизацию основных средств организации со стороны инвесторов из внешней среды.

Под собственными инвестициями следует понимать денежные средства, накапливаемые организацией по результатам собственной коммерческой деятельности. Источником собственных инвестиций может служить часть прибыли.

С точки зрения распределения средств финансирования объектов модернизации фонд должен распределяться пропорционально между объектами производства и социальной сферы. При этом должна быть выдержана следующая пропорция:

$$ИМ_{пр} = ИМ_{соц\ сф},$$

где ИМ_{пр} – инвестиции в модернизацию производства;

ИМ_{соц сф} – инвестиции в модернизацию социальной сферы.

Внешние инвестиции не должны создавать постоянной зависимости от кредиторов, поэтому должны выдерживаться условия возврата инвестиций оптимально в течение не более

пяти лет. Целесообразно выдерживать пропорцию между инвестициями внешними и прибылью, получаемой организацией после ввода в эксплуатацию модернизированных основных фондов, а именно:

$$\text{ИМ вн} = (\text{Пр} - \text{СП ик}) \times \text{Кв},$$

в случае, если организация освобождена от обязанности по уплате налога на прибыль, где ИМ вн – сумма ежегодных внешних инвестиций, направляемых в модернизацию основных средств;

Пр – ежегодная прибыль организации;

СП ик – сумма процентов, ежегодно выплачиваемая по инвестиционному кредиту;

Кв – коэффициент возврата внешних инвестиций (от 0,33 до 1).

Предположим, что после модернизации основных средств организация за один год планирует получить 10 млн. рублей прибыли.

В первом случае сумма планируемого инвестиционного кредита:

$$\begin{aligned} (\text{СИК}) &= 30 \text{ млн. рублей;} \\ \text{ИМ вн} &= (10 - 30 \times 16\%) \times 0,85 = (10 - 4,8) \times \\ &\times 0,85 = 5,2 \times 0,85 = 4,4 \text{ млн. руб.} \end{aligned}$$

Расчетный срок возврата инвестиций в модернизацию (РС вим) внешних составит:

$$\text{РС вим} = 30 / 4,4 = 6,8 \text{ года.}$$

Во втором случае СИК = 20 млн. руб.:

$$\begin{aligned} \text{ИМ вн} &= (10 - 20 \times 16\%) \times 0,85 = (10 - 3,2) \times 0,85 = \\ &= 6,8 \times 0,85 = 5,8 \text{ млн. руб.} \\ \text{РС вим} &= 20 / 5,8 = 3,4 \text{ года.} \end{aligned}$$

В третьем случае СИК = 25 млн. руб.:

$$\begin{aligned} \text{ИМ вн} &= (10 - 25 \times 16\%) \times 0,85 = (10 - 4) \times 0,85 = \\ &= 6 \times 0,85 = 5,1 \text{ млн. руб.} \\ \text{РС вим} &= 25 / 5,1 = 4,9 \text{ года.} \end{aligned}$$

Исходя из приведенных расчетов, оптимальным периодом возврата внешних инвестиций является 4,9 года. С учетом периода цикла модернизаций для рассматриваемых производственных цехов организации, составляющих на практике в среднем 10 лет, можно остановиться на коэффициенте возврата равным 0,85 и увеличить сумму запрашиваемых внешних инвестиций до 25 млн. рублей.

В последующие пять лет эксплуатации модернизированных основных средств осуществлять накопление собственного капитала, аккумулиро-

вать его в специальном фонде и в дальнейшем направлять в производство в качестве собственных инвестиций в модернизацию.

ИМ соб могут быть рассчитаны по формуле:

$$\text{ИМ соб} = (\text{Пр} - \text{Нпр}) \times \text{Кв} \times \text{С нисоб},$$

где: Нпр – налог на прибыль в случае, если организация не освобождена от его уплаты;

С нисоб – срок накопления собственных инвестиций.

Формула расчета полного модернизационного цикла может быть следующей:

$$\text{Цм} = \text{РС вим} + \text{С нисоб},$$

где: РС вим – расчетный срок возврата внешних инвестиций, направленных в модернизацию;

С нисоб – срок накопления собственных инвестиций в модернизацию.

Таким образом, условиями устойчивого развития на современном этапе эволюции организации можно назвать:

- необходимость постоянных исследований путей модернизации производств на основе досконального изучения и совершенствования каждого элемента внутренней среды организации и особенно технологий, а также состояния и динамики внешней среды, тенденций развития рынков;
- аналитический подход при формировании источников финансирования процессов модернизации. Применение принципа сбалансированности при планировании расходов, идущих на содержание основных средств и их модернизацию;
- использование специальных расчетов инвестиций при формировании модернизационного фонда организации. Планирование инвестиций в модернизацию, как внешних, так и собственных;
- равнозначность приоритетов модернизации производств, технологий и социальной сферы;
- постоянное внимание вопросам модернизации производств на всех уровнях управления компанией;
- эффективность модернизационных мероприятий, рассчитываемых по принципу возврата вложенных внешних инвестиционных средств, в период не более пяти лет;
- создание собственного модернизационного фонда компании, накопление которого происходит за период около пяти лет, следующий за периодом полного возврата вложенных в производство внешних инвестиций;
- цикличность модернизаций производств и объектов социальной сферы, проводимых с периодичностью циклов около десяти лет.

*Д. Ю. Бирюков,
аспирант кафедры управления СахГУ*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГЕОЛОГО-РАЗВЕДОЧНОЙ ОТРАСЛЬЮ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Введение

В течение последних десяти лет экономика России и Сахалинской области в частности напрямую зависит от объемов добычи углеводородного сырья. По данным Правительства Сахалинской области, налоговые поступления в областной бюджет от нефтегазовой отрасли в 2011 году составили 22,8 млрд. рублей, или 48 % от всех доходов областной казны [1].

Геологическими и геофизическими исследованиями на шельфе Охотского моря России выявлены огромные потенциальные запасы нефти и газа. Ожидается, что к 2030 году на Сахалине объем добычи нефти составит 65 млн. тонн, газа – 70 млрд. м³ [2].

Очевидно, что дальнейшее социально-экономическое развитие региона будет зависеть от того, как эффективно компании нефтегазового комплекса организуют работы по поиску и разведке новых месторождений углеводородного сырья. При этом не стоит забывать о существующих проблемах, которые снижают эффективность геолого-разведочных работ и могут негативно повлиять на ожидаемые результаты. Эффективным инструментом решения этих проблем может стать аутсорсинг – современная форма ведения бизнеса, помогающая компаниям развиваться путем снижения издержек при сохранении высокого качества выпускаемой продукции и предоставляемых услуг. Вместе с тем в геолого-разведочной отрасли есть ряд ограничений, из-за которых невозможно воспользоваться преимуществами аутсорсинга в полном объеме.

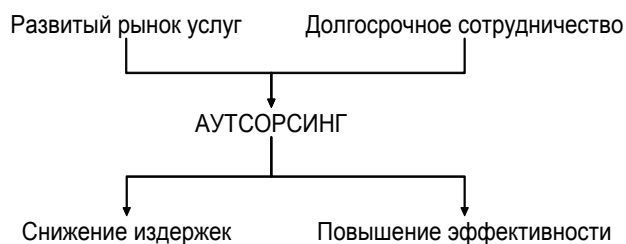
Сущность аутсорсинга

Современный бизнес невозможно представить без аутсорсинга. Для этого существуют минимум две причины:

1. Большинство современных компаний стремятся к использованию всех новейших достижений науки, техники и технологий, чтобы выпускать качественную и конкурентоспособную продукцию, наилучшим образом отвечающую потребностям покупателей.

2. Современные технологии, знания и опыт находятся, как правило, в руках специалистов, которые с выгодой для себя и клиента предоставляют необходимые услуги на условиях аутсорсинга. Это удобно для обеих сторон, так как каждая из них может сосредоточить собственные ресурсы на развитии своих перспективных направлений деятельности. Это приводит к существенному сокращению расходов на производство конечного продукта, так как каждая сторона выполняет именно ту работу, которую лучше всего умеет делать, не прикладывая дополнительных усилий и не вкладывая дополнительных средств в освоение новых видов деятельности. Наконец, это соответствует интересам потребителей, так как они получают продукт наилучшего качества по доступной цене [3].

Из понятия аутсорсинга следуют необходимые и достаточные условия для его реализации (развитый рынок услуг и долгосрочное сотрудничество) и основные выгоды от его применения для компании (снижение издержек и повышение эффективности деятельности) (рис. 1).

Рис. 1. Декомпозиция сущности аутсорсинга

Необходимость в аутсорсинге для геолого-разведочной отрасли

Анализ деятельности компаний, ведущих геолого-разведочные работы на шельфе Охотского моря, выявил основные проблемы повышения их эффективности:

- совершенствование методов разведки, их рациональное комбинирование;
- разработка и применение новой более производительной аппаратуры и оборудования;
- совершенствование организации проведения работ;
- сокращение различного вида простоев по организационно-техническим причинам.

Решение указанных проблем возможно, если пользоваться услугами специализированных сервисных компаний на принципах аутсорсинга, а не выполнять все работы собственными силами или с помощью подряда. Применение аутсорсинга позволит:

- обеспечить повышение достоверности результатов поисково-разведочных работ;
- сократить продолжительность геолого-разведочного цикла;
- снизить затраты на открытие и подготовку к разработке нефтяных и газовых месторождений.

Специфика проведения геолого-разведочных работ на шельфе ограничивает возможности геолого-разведочных компаний применять аутсорсинг в своей деятельности по следующим причинам:

1. Дефицит предложения на рынке услуг. В сложившихся условиях компания-подрядчик выбирается путем простого сравнения предложения двух ближайших сервисных компаний, название которых заканчивается на «геологоразведка», без учета конечного эффекта от проведения работ.

2. Сезонный характер геолого-разведочных работ не позволяет вести долгосрочное сотрудничество с сервисными компаниями. В основном геолого-разведочные компании прибегают к субпо-

дряду на определенный период, который часто составляет один полевой сезон.

Для снятия существующих ограничений необходима принципиально новая структура управления геолого-разведочными работами на шельфе на принципах аутсорсинга.

Система управления геолого-разведочной отраслью Сахалинской области

Именно длительное, основанное на стратегических приоритетах взаимодействие и неявная вовлеченность компании-аутсорсера в управленческую структуру предприятия-заказчика посредством функции контроля отличает аутсорсинг от других форм взаимодействия предприятий на рынке (субподряд и кооперация) [4].

Анализ теоретических подходов к исследованию процессов делегирования полномочий, задач и ответственности позволил обосновать выбор концепции, на которой будут базироваться процедуры управления процессами аутсорсинга – теория сетизации (создание сетевых структур).

Положительные моменты сетизации: получение конкурентных преимуществ через снижение издержек и повышение доходов, обеспечение быстрой реакции предприятий на изменение внешней среды. Стратегия сетизации сравнима с методами сужения собственной производственной деятельности, когда предприятие перестает заниматься какими-то видами производства и перепоручает их внешним исполнителям [5].

Создание системы управления геолого-разведочной отраслью на шельфе, построенной по аналогии с сетевой структурой, позволит:

- сформировать развитый рынок услуг;
- максимально нивелировать эффект сезонности.

Достижение поставленных целей необходимо для снятия ограничений использования аутсор-

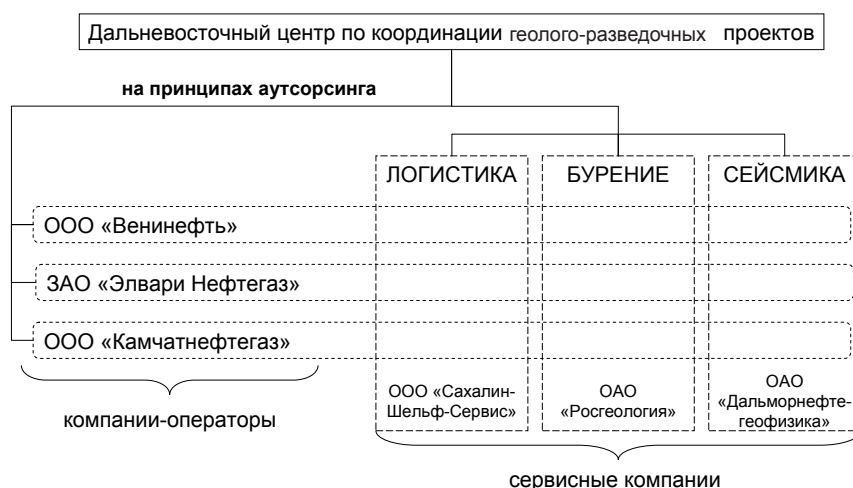

Рис. 2. Система управления геолого-разведочной отраслью

синга в геолого-разведочной отрасли. Для этого необходимо решить ряд задач:

1. На основе самостоятельных геолого-разведочных программ компаний-операторов сформировать единую программу для:

- оптимизации загрузки ресурсов (персонал, оборудование) сервисных компаний;
- сокращения сроков проведения геолого-разведочных работ.

2. Оптимизировать организационную структуру компаний-операторов для:

- улучшения управляемости;
- снижения издержек.

3. Сформировать единую базу данных поставщиков и подрядчиков для:

- сокращения издержек компаний-операторов на поиск подрядчиков;
- исключения возможности заключения договора с недобросовестным контрагентом и снизить риск неисполнения договорных обязательств.

Создание системы управления геолого-разведочной отраслью на шельфе обеспечит:

- повышение эффективности компаний-операторов;
- снижение стоимости геолого-разведочных работ.

Заключение

Аутсорсинг зарекомендовал себя как необходимый инструмент для повышения эффективности работы предприятий. Но в геолого-разведочной отрасли, с которой связаны перспективы развития всего нефтегазового комплекса России, существует ряд ограничений в применении

аутсорсинга. Выделяют следующие из них: неразвитость рынка сервисных услуг и сезонный характер геолого-разведочного процесса. Для устранения существующих ограничений необходимо создать принципиально новую структуру управления геолого-разведочными работами на шельфе на принципах аутсорсинга. Создание такой схемы повысит эффективность работы геолого-разведочных компаний и снизит стоимость поисково-разведочных работ.

Таким образом, аутсорсинг является эффективным инструментом для обеспечения устойчивого социально-экономического развития Сахалинской области.

Литература

1. Информационное агентство «РИА Новости» [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://dv.ria.ru/economy/20120227/82104751.html>
2. Энергетическая стратегия России на период до 2020 года.
3. Аутсорсинг: создание высокоэффективных и конкурентоспособных организаций : учеб. пособие / под ред. проф. Б. А. Аникина. – М. : Инфра-М, 2003.
4. Аникин, Б. А. Аутсорсинг и аутстаффинг: высокие технологии менеджмента : учеб. пособие / Б. А. Аникин, И. Л. Рудая. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2009.
5. Кастельс, М. Организация межфирменной сети / М. Кастельс // Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М. : ГУ-ВШЭ, 2000.

А. О. Виноградов,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН

МЕСТО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

О растущем значении региона АТР не только для России, но и для всего мира в целом Институт Дальнего Востока пишет уже достаточно давно и регулярно. В том числе о смещении именно сюда центра тяжести в международных отношениях, появлении здесь новых центров силы, росте регионального взаимодействия, о необходимости повышения внимания к развитию Дальневосточного региона со стороны Центра и т. д. Особенно активно нарастание политической и экономической активности в АТР происходит в последнее десятилетие. Здесь можно упомянуть и о стремительном возвышении Китая (вернее, его возвращении на те позиции, которые были им утрачены в XIX–XX столетиях), и о глубоком кризисе в Европе, и, разумеется, об определенном уменьшении влияния в мире США, не справившихся с бременем ответственности однополярного мира.

Увы, нельзя не признать, что руководство РФ не сразу среагировало на изменение соотношения сил в мире и смещение центра тяжести на Восток. В связи с чем продолжавшее не только в 90-е годы прошлого века, но и в первое десятилетие 2000-х недостаточное внимание к развитию восточных регионов России привело к усугублению уже имевшихся проблем и нарастанию новых, чреватых в конечном счете потерей для РФ жизненно важных для нее регионов. Кроме того, в результате недостаточно активной политики РФ по обеспечению участия страны в региональном сотрудничестве в АТР (особенно в сфере экономики) наша страна оказалась, по сути, выключенной из тех процессов, которые происходили в данном регионе.

В этом контексте предпринятые в последние два года шаги российского руководства по усилению российского присутствия в АТР и собственно присутствия Центра на российском Дальнем Востоке нельзя не оценить как исключительно положительные. При этом нельзя не отметить переход

от общих деклараций к конкретным шагам по решению тех или иных проблем (или попыток такого решения).

В ряду таких шагов можно перечислить совещания под руководством Путина и Медведева в Хабаровске (2009 и 2010 годы), визиты Медведева на Сахалин и Курилы (2009 и 2012 гг.), проведение недавно саммита АТЭС во Владивостоке и др. Подобные мероприятия, помимо знакомства с конкретной ситуацией на месте, имеют своей целью и просто обозначение присутствия и внимания Центра к местным проблемам.

Как знаковое событие можно также упомянуть создание федерального Министерства по развитию Дальнего Востока (во главе с Ишаевым) – мера, о необходимости которой Институт Дальнего Востока писал на протяжении почти 20 последних лет. По сути, это воссоздание той структуры, которая существовала еще в царской России и доказала свою необходимость (если есть спецпредставитель в ранге вице-преьера по Чечне, то тем более должна быть соответствующая структура по Дальнему Востоку).

Нельзя не упомянуть также о том, что новые приоритеты российской внешней политики были достаточно ясно сформулированы и в статье кандидата в президенты РФ Путина в газете «Московские новости» (март 2012 г.), и в президентском Указе по внешней политике (7 мая 2012 г.), а также в выступлении президента РФ на июльском совещании послов РФ. Несмотря на некоторую противоречивость в формулировках¹, смещение вектора российской внешней политики на Восток очевидно.

Правда, нельзя не отметить, что усиление внимания к Востоку со стороны руководства РФ и отход от идеологии европоцентричности – это и следствие обострения отношений с ЕС в середине 2000-х гг., и общее понимание бесперспективности мечтаний о вступлении РФ в эту организацию.

¹ Например, такой пассаж:

«Россия – неотъемлемая, органичная часть Большой Европы, широкой европейской цивилизации. Наши граждане ощущают себя европейцами.»

«Вот почему Россия предлагает двигаться к созданию от Атлантики до Тихого океана единого экономического и человеческого пространства – общности, называемой российскими экспертами “Союзом Европы”, который только укрепит возможности и позиции России в ее экономическом повороте к “новой Азии”».

Как и следствие тех проблем, которые переживают зона евро и ЕС в целом. Другими словами, европоцентризм у многих представителей российской элиты сохраняется, но теперь со знаком «минус». Необходимы переход от «мифологии европоцентризма» к пониманию евроазиатско-тихоокеанской идентичности России и укрепление этой идентичности как залога успешного развития России в будущем.

Тем не менее ситуация на российском Дальнем Востоке продолжает оставаться крайне напряженной – Центр пока лишь пытается наверстать упущенное, переломить сложившиеся тенденции крайне сложно (имеется в виду формирование экономики ДВ как сырьевого придатка соседних стран, отток высококвалифицированной рабочей силы уже не столько в центральные регионы, сколько в Китай, ухудшение демографической ситуации в целом в результате привлечения рабочей силы из-за рубежа и т. п.). В этом плане большие вопросы вызывает и так называемая «Программа соразвития пограничных районов», принятая совместно с китайской стороной. Нельзя не признать, что в том виде, в котором данная программа была подписана сторонами (президентом Медведевым и Генсеком КПК Ху Цзиньтао), она лишь консервирует существующие перекосы в российско-китайском экономическом сотрудничестве и выгодна прежде всего китайской стороне.

Для улучшения ситуации необходимо прежде всего навести порядок на таможне (именно это звено в первую очередь препятствует превращению территории РФ в основную транспортную артерию между Востоком и Западом²) и вложить деньги (прежде всего российские (как показывает опыт Китая), для того, чтобы привлечь иностранные инвестиции, нужно сначала

вложить собственные деньги) в инфраструктуру региона. В связи с чем нельзя не отметить, что в ходе саммита АТЭС во Владивостоке подтверждена важность совместных мер по улучшению транспортно-логистического обеспечения торговли, по устранению сохраняющихся здесь узких мест, которые сдерживают грузопотоки. Как подчеркнул В. В. Путин, «мы предлагаем использовать транзитный потенциал нашей страны, чтобы диверсифицировать региональные и глобальные логистические схемы и сформировать новые, более короткие и более выгодные маршруты между Азиатско-Тихоокеанским регионом и Европой, пролегающие как по континентальной части России, так и по Северному морскому пути».

Теперь о том, что касается отношений с Японией. Как отметил в интервью после саммита АТЭС президент Путин, «на встрече в Лос-Кабосе, в Мексике, в ходе “двадцатки” мы с Премьер-министром Японии договорились о том, что выйдем на подписание соглашения о борьбе с браконьерством. С удовлетворением отмечаю, что это соглашение в ходе саммита АТЭС подписано».

Кроме того, было подчеркнуто, что предоставление квот на вылов должно быть связано со строительством перерабатывающих мощностей на российской территории.

Кроме того, есть основания говорить и о некотором изменении позиции китайской стороны по вопросу о принадлежности Курил. По крайней мере, контакты представителей ИДВ с китайскими коллегами свидетельствуют о том, что в Китае готовы пересмотреть свое отношение и начать изображать Курилы на своих картах как российскую территорию (разумеется, в обмен на поддержку Россией Китая в споре за Дяоюйдао).

² «В 2009 году представители Министерства транспорта, а также российских экспертных структур признали, что Россия по индексу развития логистики занимает 94-е, а по уровню развития таможни – 115-е место в мире... Подготовка транспортных документов на экспорт или импорт товаров занимает в России 25 дней (в Сингапуре – 1 день), на прохождение таможенного контроля в РФ требуется 3–4 дня» и т. д. (цифры взяты из статьи заместителя директора ИДВ РАН С. Г. Лузянина «Измерения российско-китайских отношений в АТЭС. Региональные факторы влияния и взаимодействия» в сборнике «Китай в мировой и региональной политике». – Вып. 17. – М., 2012 г.).

*Д. В. Гордиенко,
доктор военных наук, профессор,
действительный член (академик) Академии военных наук*

УРОВЕНЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ И ЕГО ОЦЕНКА

В дополнение к общефедеральной ориентации в ряде регионов нашей страны одно из главных мест занимает локальная ориентация на отношения с приграничными государствами и их приграничными регионами. В этих условиях трансграничные регионы России, естественно, испытывают определенное влияние (а иногда и/или давление) соседних иностранных экономических систем в зависимости от уровня их социально-экономического развития и специализации.

В этих условиях особое место занимают Западная и Восточная Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток, которым выпал шанс реализовать «евразийскую миссию России». Эти регионы, в частности, тесно связаны с Северо-Восточными (Дунбэй), Северным (Хуабэй) и Северо-Западным (Сибэй) Китаем.

В этой связи становится актуальной задача сравнительной оценки уровня экономической безопасности восточных регионов нашей страны в целях выявления направлений повышения эффективности их социально-экономического развития и повышения уровня региональной экономической безопасности.

Российским правительством значительное внимание уделяется социально-экономическому развитию восточных регионов нашей страны: Западной и Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока. С этой целью на федеральном и региональном уровнях принят и/или разработан ряд концептуальных и программных документов, предусматривающих экономическое и социальное развитие как отдельных субъектов Федерации, так и перечисленных выше регионов в целом.

В частности, **стратегической целью развития Сибири** объявлено «обеспечение устойчивого повышения уровня и качества жизни населения на основе сбалансированной социально-экономической системы инновационного типа, гаран-

тирующей национальную безопасность, динамичное развитие экономики и реализацию стратегических интересов России в мировом сообществе»¹. При этом «основные показатели социально-экономического развития Сибири к концу 2020 года должны соответствовать средне-российским значениям. Для этого среднегодовой темп прироста суммарного валового регионального продукта, начиная с 2012 года, должен превышать среднероссийский показатель. Такой подход к формированию целей Стратегии определяется необходимостью преодоления отставания развития социального сектора и превращения регионов Сибири в территорию комфортного проживания и успешного ведения бизнеса»².

Стратегической целью развития Дальнего Востока и Байкальского региона объявлена «реализация геополитической задачи закрепления населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе за счет формирования развитой экономики и комфортной среды обитания человека в субъектах РФ, расположенных на этой территории, а также достижения среднероссийского уровня социально-экономического развития»³. Для достижения этой цели признано необходимым «обеспечить сопоставимое или опережающее по сравнению со среднероссийскими темпами социально-экономическое развитие субъектов РФ, расположенных на территории Дальнего Востока и Байкальского региона, и решить ряд задач»⁴.

В период мирового финансово-экономического кризиса, благодаря реализации антикризисных мер, российскому правительству и правительствам субъектов Федерации восточных регионов нашей страны удалось не допустить банковского кризиса, повальной безработицы и массового банкротства предприятий. Тем не менее финансово-экономический кризис, безуслов-

¹ Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 5 июля 2010 г. №1120-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года». – Режим доступа : <http://timich.ru/forum/55-1418-1>

² Там же.

³ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.12.2009 г. № 2094-р. – Режим доступа : http://gov.khabkrai.ru/invest2.nsf/General_ru/14FDCF99A4F6EEFACA25766B0024C2E5

⁴ Там же.

но, внес коррективы в перспективы экономического развития Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока, а также в изменение уровня экономической безопасности России в ближайшее десятилетие. Анализ же статистических данных по девяти показателям экономической безопасности позволил предположить, что уровень региональной безопасности хозяйств восточных регионов нашей страны в период кризиса понизился (табл. 1–9, рис. 1–5)⁵.

Несмотря на принятые меры, кризис существенно понизил общий уровень экономической безопасности Российской Федерации и восточных регионов нашей страны и оказал негативное влияние на динамику его повышения в ближайшие годы. В этой связи представляет интерес сравнительная оценка уровня экономической безопасности России и уровней региональной экономической безопасности Западной и Восточной Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока в период

⁵ О показателях экономической безопасности государства и правилах их нормирования, см., напр.: Гордиенко, Д. В. Проблемы интегральной оценки экономической безопасности государства / Д. В. Гордиенко // Труды международной научно-практической конференции «Математика, информатика, естествознание в экономике и в обществе». – М.: МФЮА, 2006. – С. 136–142; Гордиенко, Д. В. Интегральная оценка экономической безопасности развитых государств мира / Д. В. Гордиенко // Труды международной научно-практической конференции «Математика, информатика, естествознание в экономике и в обществе». – М.: МФЮА, 2007. – С. 129–133; Гордиенко, Д. В. Основы экономической безопасности государства: монография / Д. В. Гордиенко, В. В. Баскаков. – М.: Министерство обороны РФ. – 2-е изд., расшир. – 2007. – 164 с.; Гордиенко, Д. В. Военно-экономическая безопасность государства: монография / Д. В. Гордиенко, А. С. Хохлов. – М.: ВАГШ ВС РФ, 2008. – 297 с.; Гордиенко, Д. В. Основы экономической безопасности государства: курс лекций: учеб.-метод. пособие / Д. В. Гордиенко. – М.: Финансы и статистика: Инфра-М, 2009. – 224 с.: ил.

По мнению авторов («Экономическая безопасность России: Общий курс»: учебник / под ред. В. К. Сенчагова. – М.: Дело, 2005. – 896 с.), такими показателями-индикаторами экономической безопасности государства могут быть: 1) объем валового внутреннего продукта (ВВП); 2) валовой сбор зерновых, млн. т; 3) доля инвестиций в основной капитал (в % к ВВП); 4) доля затрат на «гражданскую» науку (в % к ВВП); 5) доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции (в %); 6) доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве (в %); 7) доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всей численности населения (в %); 8) децильный коэффициент дифференциации доходов населения; 9) уровень безработицы (в % к экономически активному населению) и др.

Соответственно показателями-индикаторами региональной экономической безопасности могут стать: 1) объем валового регионального продукта (ВРП); 2) валовой сбор зерновых, млн. т; 3) доля инвестиций в основной капитал (в % к ВВП); 4) доля внутренних текущих расходов на научные исследования и разработки (в % к ВРП); 5) доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции (в %); 6) доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве (в %); 7) доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всей численности населения (в %); 8) децильный коэффициент дифференциации доходов населения; 9) уровень безработицы (в % к экономически активному населению) и др.

Предполагается, что наименьшее возможное значение *i*-го нормированного частного показателя экономической безопасности государства (региональной экономической безопасности) $-\beta_{i,\min} = 0,01$ – соответствует наименьшему уровню экономической безопасности нашего государства при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. И, наоборот, наибольшее возможное значение *i*-го нормированного частного показателя $-\beta_{i,\max} = 100$ – соответствует наибольшему уровню безопасности национального хозяйства нашей страны также при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. Единичное значение *i*-го нормированного частного показателя $-\beta_i = 1$ – соответствует пороговому уровню экономической безопасности государства.

При этом пороговыми уровнями экономической безопасности России считаются: 1) для объема валового внутреннего продукта (ВВП) – 1 000 млрд. долл. (в ценах 2003 года); 2) для валового сбора зерновых – 60 млн. т (масса до обработки); 3) для доли инвестиций в основной капитал – 16 % к ВВП; 4) для доли затрат на «гражданскую» науку – 1,5 % к ВВП; 5) для доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции – 15 %; 6) для доли машиностроения и металлообработки в промышленном производстве – 25 %; 7) для доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всей численности населения – 7 % ко всему населению страны; 8) для децильного коэффициента дифференциации доходов населения – 8; 9) для уровня безработицы – 8 % к экономически активному населению.

При этом, например, для Западной Сибири пороговыми уровнями региональной экономической безопасности могут быть: 1) для объема валового регионального продукта – доля ВРП в суммарном ВРП по субъектам РФ 15,7 %; 2) для валового сбора зерновых – доля в валовом сборе зерновых РФ 11,5 %; 3) для доли инвестиций в основной капитал – доля инвестиций в суммарных инвестициях по субъектам РФ 18,1 %; 4) для доли внутренних текущих расходов на научные исследования и разработки – доля в общероссийских расходах на «гражданскую» науку 6,91 %; 5) для доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции – соотношение фактического и среднероссийского значений доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции 1,096; 6) для доли машиностроения и металлообработки в промышленном производстве – соотношение фактического и среднероссийского значений доли машиностроения и металлообработки в общем объеме

мирового финансово-экономического кризиса и посткризисный период.

Оценка *общего интегрального уровня* экономической безопасности России и других государств мира базируется на определении значений *общего нормированного показателя* безопасности национального хозяйства каждой страны, расчетная формула которого может в первом приближении иметь вид⁶:

$$Y_{ЭБ} = \prod_{i=1}^I \beta_i^{\alpha_i}, \prod_{i=1}^I \alpha_i = 1,$$

где $Y_{ЭБ}$ – общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства государства;

α_i – вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность государства;

β_i – значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность государства⁷.

промышленной продукции 0,4; 7) для доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всей численности населения – соотношение фактического и среднероссийского значений доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума 1,1; 8) для децильного коэффициента дифференциации доходов населения – соотношение фактического и среднероссийского значений децильного коэффициента дифференциации доходов населения 1,0; 9) для уровня безработицы – соотношение фактического и среднероссийского значений уровня безработицы 1,21.

Источники: Экономическая безопасность России: общий курс: учебник / под ред. В. К. Сенчагова. – М.: изд-во «Дело», 2005. – 806 с.; Экономическая и национальная безопасность: учебник / под ред. Е. А. Олейникова. – М.: изд-во «Экзамен», 2004. – 768 с.; Гордиенко, Д. В. Обеспечение экономической безопасности государства: монография / Д. В. Гордиенко. – М.: ВАГШ ВС РФ, 2009. – 301 с.; Гордиенко, Д. В. Основы экономической безопасности государства: монография / Д. В. Гордиенко, В. В. Баскаков. – М.: Министерство обороны РФ. – 2-е изд., расшир., 2007. – 164 с.; Гордиенко, Д. В. Военно-экономическая безопасность государства: монография / Д. В. Гордиенко, А. С. Хохлов. – М.: ВАГШ ВС РФ, 2008. – 297 с.

⁶ О подходе к оценке уровня экономической безопасности см., в частности: Гордиенко, Д. В. Перспективы повышения уровня экономической безопасности России / Д. В. Гордиенко // Национальные интересы. Приоритеты и безопасность. – 2010. – № 15 (72). – С. 42–43 (к сожалению, не обошлось без опечаток); Гордиенко, Д. В. Сравнительная оценка уровня экономической безопасности России / Д. В. Гордиенко // Имперское возрождение. – 2008. – № 1 (15). – С. 14–20; Гордиенко, Д. В. Перспективы экономического развития и повышения уровня экономической безопасности России / Д. В. Гордиенко // Имперское возрождение. – 2009. – № 3 (23). – С. 6–13.

⁷ При одинаковой значимости компонент безопасности национальных хозяйств развитых государств мира (т. е. при $\alpha_i = 1$) и $I = 9$ наименьшее возможное значение общего нормированного показателя экономической безопасности государства – $Y_{ЭБ, \min} = 10^{-18}$ – соответствует наименьшему уровню безопасности национального хозяйства страны. И, наоборот, наибольшее возможное значение этого показателя – $Y_{ЭБ, \max} = 10^{18}$ – соответствует наибольшему уровню экономической безопасности государства. Единичное значение общего (интегрального) нормированного показателя экономической безопасности государства – $Y_{ЭБ} = 1$ – соответствует критическому уровню безопасности национального хозяйства, понижение которого определяет опасность для экономики j -го государства. Это значение соответствует общему (интегральному) условному «порогу», который, тем не менее, дает представление о некоторой границе между состоянием защищенности и состоянием незащищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз.

Трудно искать какой-либо физический смысл в значениях общих (интегрированных) показателей экономической безопасности государства. Тем более нельзя абсолютизировать эти значения и применять к ним правила математического анализа. Однако полученные таким образом значения общих (интегрированных) показателей экономической безопасности государства позволяют судить о том, насколько уровень защищенности национального хозяйства страны поднялся (или опустился) относительно условно принятого порога и, следовательно, насколько этот уровень приблизился к уровню абсолютной защищенности (или абсолютной незащищенности) национального хозяйства. Для нашего случая (то есть случая одинаковой значимости компонент безопасности национального хозяйства и принятых правилах нормировки частных показателей экономической безопасности) уровень абсолютной экономической безопасности государства составляет 10^{18} , а уровень абсолютной незащищенности национального хозяйства страны – 10^{-18} . В общем случае компоненты безопасности национального хозяйства имеют разную значимость для общего (интегрированного) показателя (уровня) экономической безопасности государства. В частности, такая разнозначимость особенно проявляется для условий функционирования национального хозяйства в мирное время, в угрожаемый период и в военное время.

Источники: Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник / под ред. В. К. Сенчагова. – М.: изд-во «Дело», 2005. – 806 с.; Экономическая и национальная безопасность: учебник / под ред. Е. А. Олейникова. – М.: изд-во «Экзамен», 2004. – 768 с.; Гордиенко, Д. В. Обеспечение экономической безопасности государства: монография / Д. В. Гордиенко. – М.: ВАГШ ВС РФ, 2009. – 301 с.; Гордиенко, Д. В. Основы экономической безопасности государства: монография / Д. В. Гордиенко, В. В. Баскаков. – М.: Министерство обороны РФ. – 2-е изд., расшир. – 2007. – 164 с.; Гордиенко, Д. В. Военно-экономическая безопасность государства: монография / Д. В. Гордиенко, А. С. Хохлов. – М.: ВАГШ ВС РФ, 2008. – 297 с.

ОБЪЕМ ВАЛОВОГО

		Уровень порогового значения экономической безопасности	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации	в ценах и по паритету покупательной способности национальных валют 2003 г., млрд. долл.	1000	1100,0	909,0	558,0	564,0	573,0	580,0	590,0	620,0	696,0	891,0	999,6
	в текущих ценах, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб.		652,56	713,67	793,56	834,21	945,72	1 287,59	1 796,58	2 045,3	2 251,9	3 827,4	5 753,7
Значение нормированного показателя экономической безопасности Российской Федерации (общегосударственная составляющая)			1,1	0,91	0,56	0,56	0,57	0,58	0,59	0,62	0,70	0,89	1,00
Западная Сибирь	в текущих ценах, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб.		102,39	114,83	130,64	145,26	170,67	195,66	298,87	321,34	335,94	528,45	867,57
	Доля ВРП Западной Сибири в суммарном ВРП по субъектам РФ	15,70	15,69	16,09	16,46	17,41	18,05	15,20	16,64	15,71	14,92	13,81	15,08
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,02	1,05	1,11	1,15	0,97	1,06	1,00	0,95	0,88	0,96
Значение нормированного показателя экономической безопасности Западной Сибири			1,10	0,93	0,59	0,62	0,66	0,56	0,63	0,62	0,67	0,78	0,96
Восточная Сибирь	в текущих ценах, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб.		22,22	30,39	41,56	53,10	62,72	78,97	104,04	121,39	130,69	218,14	338,69
	Доля ВРП Восточной Сибири в суммарном ВРП по субъектам РФ	3,40	3,41	4,26	5,24	6,36	6,63	6,13	5,79	5,93	5,80	5,70	5,89
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,25	1,54	1,87	1,95	1,80	1,70	1,74	1,71	1,68	1,73
Значение нормированного показателя экономической безопасности Восточной Сибири			1,10	1,14	0,86	1,05	1,11	1,05	1,00	1,08	1,19	1,49	1,73
Забайкалье	в текущих ценах, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб.		10,90	11,99	13,25	14,14	15,88	17,36	20,96	23,50	24,00	36,97	51,60
	Доля ВРП Забайкалья в суммарном ВРП по субъектам РФ	1,67	1,67	1,68	1,67	1,70	1,68	1,35	1,17	1,15	1,07	0,97	0,90
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,01	1,00	1,02	1,01	0,81	0,70	0,69	0,64	0,58	0,54
Значение нормированного показателя экономической безопасности Забайкалья			1,10	0,92	0,56	0,57	0,57	0,47	0,41	0,43	0,45	0,52	0,54
Дальний Восток	в текущих ценах, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб.		30,00	33,58	37,90	45,08	62,06	78,69	115,92	125,82	144,17	234,93	308,80
	Доля ВРП Дальнего Востока в суммарном ВРП по субъектам РФ	4,60	4,60	4,71	4,78	5,40	6,56	6,11	6,45	6,15	6,40	6,14	5,37
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,02	1,04	1,17	1,43	1,33	1,40	1,34	1,39	1,33	1,17
Значение нормированного показателя экономической безопасности Дальнего Востока			1,10	0,93	0,58	0,66	0,81	0,77	0,83	0,83	0,97	1,19	1,17

Таблица 1

РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА

2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	Оценка		Прогноз				
								2009	2010	2011	2012	2013		
1066,7	1163,7	1420,0	1640,0	1740,0	1860,0	2008,8	2266,1	2041,6	2115,2	2122,6	2207,5	2306,8	в ценах и по паритету покупательной способности национальных валют 2003 г., млрд. долл.	Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации
7 170,9	8 741,2	10 742	13 964	18 034	22 492	27 964	34 320	39 101	40 860	42290	43 771	45 302	в текущих ценах, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб.	
1,07	1,16	1,42	1,64	1,74	1,86	2,01	2,27	2,04	2,12	2,12	2,21	2,31	Значение нормированного показателя экономической безопасности Российской Федерации (общегосударственная составляющая)	
1 147,2	1 404,6	1 743,9	2 421,7	3 271,1	3 826,4	4 311,3	5 071,9	5 601,4	5 704,7	5801,8	5 899,8	6 004,6	в текущих ценах, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб.	Западная Сибирь
16,00	16,07	16,23	17,34	18,14	17,01	15,42	14,78	13,43	13,30	13,30	13,30	13,30	Доля ВРП Западной Сибири в суммарном ВРП по субъектам РФ	
1,02	1,02	1,03	1,10	1,16	1,08	0,98	0,94	0,86	0,85	0,85	0,85	0,85	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
1,09	1,19	1,47	1,81	2,01	2,02	1,97	2,14	1,75	1,80	1,80	1,87	1,96	Значение нормированного показателя экономической безопасности Западной Сибири	
384,90	403,46	477,74	621,64	751,22	985,55	1 219,9	1 295,4	1 340,8	1 387,7	1436,3	1 486,5	1 538,6	в текущих ценах, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб.	Восточная Сибирь
5,37	4,62	4,45	4,45	4,17	4,38	4,36	3,77	3,43	3,40	3,40	3,40	3,40	Доля ВРП Восточной Сибири в суммарном ВРП по субъектам РФ	
1,58	1,36	1,31	1,31	1,23	1,29	1,28	1,11	1,01	1,00	1,00	1,00	1,00	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
1,69	1,58	1,86	2,15	2,13	2,40	2,58	2,52	2,06	2,12	2,12	2,21	2,31	Значение нормированного показателя экономической безопасности Восточной Сибири	
65,21	82,44	105,40	125,18	144,56	182,44	218,26	267,70	307,28	340,78	385,25	433,76	480,65	в текущих ценах, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб.	Забайкалье
0,91	0,94	0,98	0,90	0,80	0,81	0,78	0,78	0,79	0,83	0,91	0,99	1,06	Доля ВРП Забайкалья в суммарном ВРП по субъектам РФ	
0,54	0,56	0,59	0,54	0,48	0,49	0,47	0,47	0,47	0,50	0,54	0,59	0,63	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,58	0,65	0,83	0,88	0,83	0,90	0,94	1,06	0,97	1,05	1,16	1,31	1,47	Значение нормированного показателя экономической безопасности Забайкалья	
391,75	471,11	561,09	678,45	826,42	999,07	1 277,1	1 547,8	1 631,1	1 850,5	2060,0	1 775,7	2 397,1	в текущих ценах, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб.	Дальний Восток
5,46	5,39	5,22	4,86	4,58	4,44	4,57	4,51	4,17	4,53	4,87	5,06	5,29	Доля ВРП Дальнего Востока в суммарном ВРП по субъектам РФ	
1,19	1,17	1,13	1,06	1,00	0,97	0,99	0,98	0,91	0,98	1,06	1,10	1,15	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
1,27	1,36	1,61	1,73	1,73	1,80	2,00	2,23	1,85	2,09	2,24	2,43	2,66	Значение нормированного показателя экономической безопасности Дальнего Востока	

ВАЛОВОЙ СБОР

		Уровень порогового значения экономической безопасности	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Российская Федерация	в весе после доработки, млн. т	60	116,7	89,1	106,9	99,1	81,3	63,4	69,3	88,6	47,9	54,7	65,5
Значение нормированного показателя экономической безопасности Российской Федерации (общегосударственная составляющая)			1,95	1,49	1,78	1,65	1,36	1,06	1,16	1,48	0,80	0,91	1,09
Западная Сибирь	в весе после доработки, млн. т		10,74	10,29	12,13	11,57	8,403	11,18	9,060	9,181	8,039	7,872	11,23
	Доля валового сбора зерновых Западной Сибири в валовом сборе зерновых РФ	11,5	9,20	11,55	11,35	11,67	10,34	17,63	13,07	10,36	16,78	14,39	17,14
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		0,80	1,00	0,99	1,01	0,90	1,53	1,14	0,90	1,46	1,25	1,49
Значение нормированного показателя экономической безопасности Западной Сибири			1,56	1,49	1,76	1,68	1,22	1,62	1,31	1,33	1,17	1,14	1,62
Восточная Сибирь	в весе после доработки, млн. т		3,786	4,127	3,746	3,873	3,104	3,366	2,550	3,322	2,611	2,234	2,412
	Доля валового сбора зерновых Восточной Сибири в валовом сборе зерновых РФ	3,24	3,24	4,63	3,50	3,91	3,82	5,31	3,68	3,75	5,45	4,08	3,68
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,43	1,08	1,21	1,18	1,64	1,14	1,16	1,68	1,26	1,14
Значение нормированного показателя экономической безопасности Восточной Сибири			1,95	2,12	1,92	1,99	1,60	1,73	1,31	1,72	1,34	1,15	1,24
Забайкалье	в весе после доработки, млн. т		1,439	1,375	0,990	1,142	0,552	0,652	0,632	0,612	0,563	0,342	0,375
	Доля валового сбора зерновых Забайкалья в валовом сборе зерновых РФ	1,23	1,23	1,54	0,93	1,15	0,68	1,03	0,91	0,69	1,17	0,62	0,57
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,25	0,76	0,93	0,55	0,84	0,74	0,56	0,95	0,50	0,46
Значение нормированного показателя экономической безопасности Забайкалья			1,95	1,86	1,35	1,54	0,75	0,88	0,85	0,83	0,76	0,46	0,50
Дальний Восток	в весе после доработки, млн. т		1,312	1,141	1,210	0,940	0,681	0,488	0,572	0,567	0,568	0,417	0,311
	Доля валового сбора зерновых Дальнего Востока в валовом сборе зерновых РФ	1,125	1,125	1,280	1,132	0,948	0,838	0,770	0,826	0,640	1,186	0,762	0,475
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,14	1,01	0,84	0,74	0,68	0,73	0,57	1,05	0,68	0,42
Значение нормированного показателя экономической безопасности Дальнего Востока			1,95	1,69	1,79	1,39	1,01	0,72	0,85	0,84	0,84	0,62	0,46

Таблица 2

ЗЕРНОВЫХ

2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	Оценка		Прогноз			в весе после доработки, млн. т	Российская Федерация
								2009	2010	2011	2012	2013		
85,2	86,6	67,2	78,1	78,2	78,6	81,8	118,1	98,0	62,1	80,0	85,0	90,0		
1,42	1,44	1,12	1,30	1,30	1,31	1,36	1,97	1,63	1,04	1,33	1,42	1,50	Значение нормированного показателя экономической безопасности Российской Федерации (общегосударственная составляющая)	
14,98	12,29	9,827	11,43	10,34	10,96	13,41	13,63	13,53	13,51	13,56	13,6	13,63	в весе после доработки, млн. т	Западная Сибирь
17,58	14,19	14,62	14,63	13,22	13,94	16,40	11,55	13,80	21,76	16,95	16,00	15,15	Доля валового сбора зерновых Западной Сибири в валовом сборе зерновых РФ	
1,53	1,23	1,27	1,27	1,15	1,21	1,43	1,00	1,20	1,89	1,47	1,39	1,32	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
2,17	1,77	1,42	1,65	1,50	1,59	1,94	1,97	1,96	1,97	1,96	1,97	1,98	Значение нормированного показателя экономической безопасности Западной Сибири	
2,901	2,398	2,286	2,664	2,295	2,134	2,652	2,722	2,725	2,731	2,738	2,744	2,751	в весе после доработки, млн. т	Восточная Сибирь
3,40	2,77	3,40	3,41	2,93	2,72	3,24	2,30	2,78	4,40	3,42	3,23	3,06	Доля валового сбора зерновых Восточной Сибири в валовом сборе зерновых РФ	
1,05	0,85	1,05	1,05	0,90	0,84	1,00	0,71	0,86	1,36	1,06	1,00	0,94	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
1,49	1,22	1,18	1,37	1,17	1,10	1,36	1,40	1,40	1,41	1,41	1,42	1,41	Значение нормированного показателя экономической безопасности Восточной Сибири	
0,281	0,465	0,285	0,222	0,375	0,276	0,250	0,263	0,384	0,365	0,376	0,386	0,386	в весе после доработки, млн. т	Забайкалье
0,33	0,54	0,42	0,28	0,48	0,35	0,31	0,22	0,39	0,59	0,47	0,45	0,43	Доля валового сбора зерновых Забайкалья в валовом сборе зерновых РФ	
0,27	0,44	0,34	0,23	0,39	0,28	0,25	0,18	0,32	0,48	0,38	0,37	0,35	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,38	0,63	0,38	0,30	0,51	0,37	0,34	0,35	0,52	0,50	0,51	0,53	0,53	Значение нормированного показателя экономической безопасности Забайкалья	
0,398	0,577	0,324	0,269	0,385	0,434	0,563	0,622	0,601	0,614	0,621	0,630	0,637	в весе после доработки, млн. т	Дальний Восток
0,467	0,667	0,482	0,345	0,493	0,552	0,688	0,527	0,613	0,988	0,776	0,741	0,708	Доля валового сбора зерновых Дальнего Востока в валовом сборе зерновых РФ	
0,42	0,59	0,43	0,31	0,44	0,49	0,61	0,47	0,54	0,88	0,69	0,66	0,63	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,60	0,85	0,48	0,40	0,57	0,64	0,83	0,93	0,88	0,92	0,92	0,94	0,95	Значение нормированного показателя экономической безопасности Дальнего Востока	

ИНВЕСТИЦИИ В ОСНОВНОЙ

		Уровень порогового значения экономической безопасности	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Российская Федерация	млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб. (в фактически действовавших ценах)		0,2491	0,210	2,670	27,125	108,81	266,97	375,96	408,79	407,09	670,44	1165,2
	% от ВВП	16,0	0,04	0,03	0,34	3,25	11,51	20,73	20,93	20,0	18,1	17,5	20,3
Значение нормированного показателя экономической безопасности Российской Федерации (общегосударственная составляющая)			0,00	0,00	0,02	0,20	0,72	1,30	1,31	1,25	1,13	1,09	1,27
Западная Сибирь	млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб. (в фактически действовавших ценах)		0,0451	0,0386	0,6394	5,8165	19,443	52,756	80,372	91,259	73,409	117,54	250,06
	Доля инвестиций в основной капитал Западной Сибири в суммарных инвестициях по субъектам РФ	18,1	18,11	18,38	23,95	21,44	17,87	19,76	21,38	22,3	18,0	17,5	21,5
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,02	1,32	1,18	0,99	1,09	1,18	1,23	0,99	0,97	1,19
Значение нормированного показателя экономической безопасности Западной Сибири			0,00	0,00	0,03	0,24	0,71	1,42	1,55	1,54	1,12	1,06	1,51
Восточная Сибирь	млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб. (в фактически действовавших ценах)		0,014	0,0134	0,1656	1,2723	4,839	13,341	19,389	17,863	15,322	22,883	38,365
	Доля инвестиций в основной капитал Восточной Сибири в суммарных инвестициях по субъектам РФ	5,62	5,62	6,38	6,20	4,69	4,45	5,00	5,16	4,37	3,76	3,41	3,29
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,14	1,10	0,83	0,79	0,89	0,92	0,78	0,67	0,61	0,59
Значение нормированного показателя экономической безопасности Восточной Сибири			0,00	0,00	0,02	0,17	0,57	1,16	1,21	0,98	0,76	0,66	0,75
Забайкалье	млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб. (в фактически действовавших ценах)		0,0036	0,0031	0,0365	0,3369	1,214	2,808	3,764	3,913	3,733	5,762	10,287
	Доля инвестиций в основной капитал Забайкалья в суммарных инвестициях по субъектам РФ	1,45	1,45	1,48	1,37	1,24	1,12	1,05	1,00	0,96	0,92	0,86	0,88
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,02	0,94	0,86	0,77	0,72	0,69	0,66	0,63	0,59	0,61
Значение нормированного показателя экономической безопасности Забайкалья			0,00	0,00	0,02	0,17	0,55	0,94	0,90	0,83	0,71	0,64	0,77
Дальний Восток	млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб. (в фактически действовавших ценах)		0,0196	0,018	0,196	1,9076	6,466	13,96	19,129	20,553	20,794	40,62	53,589
	Доля инвестиций в основной капитал Дальнего Востока в суммарных инвестициях по субъектам РФ	7,87	7,87	8,57	7,34	7,03	5,94	5,23	5,09	5,03	5,11	6,06	4,60
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,09	0,93	0,89	0,75	0,66	0,65	0,64	0,65	0,77	0,58
Значение нормированного показателя экономической безопасности Дальнего Востока			0,00	0,00	0,02	0,18	0,54	0,86	0,85	0,80	0,73	0,84	0,74

Таблица 3

КАПИТАЛ

2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	Оценка		Прогноз				
								2009	2010	2011	2012	2013		
1504,7	1762,4	2186,4	2865,0	3611,1	4730,0	6626,8	5457,6	2784,7	5102,5	6943,9	7200,5	7890,9	млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб. (в фактически действовавших ценах)	Российская Федерация
21,0	20,2	20,4	20,5	20,0	21,0	23,7	15,9	7,1	12,5	16,4	16,5	17,4	% от ВВП	
1,31	1,26	1,27	1,28	1,25	1,31	1,48	0,99	0,45	0,78	1,03	1,03	1,09	Значение нормированного показателя экономической безопасности Российской Федерации (общегосударственная составляющая)	
335,68	389,27	457,53	542,46	620,29	825,51	1131,9	1025,1	494,89	1055,3	1311,9	1577,9	1716,9	млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб. (в фактически действовавших ценах)	Западная Сибирь
22,3	22,1	20,9	18,9	17,2	17,5	17,1	18,8	17,8	20,7	18,9	21,9	21,8	Доля инвестиций в основной капитал Западной Сибири в суммарных инвестициях по субъектам РФ	
1,23	1,22	1,15	1,04	0,95	0,97	0,94	1,04	0,98	1,14	1,04	1,21	1,20	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
1,61	1,54	1,46	1,33	1,19	1,27	1,39	1,03	0,44	0,89	1,07	1,25	1,31	Значение нормированного показателя экономической безопасности Западной Сибири	
52,22	52,473	64,23	82,378	119,68	184,75	259,23	248,85	140,21	252,88	284,82	314,73	341,94	млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб. (в фактически действовавших ценах)	Восточная Сибирь
3,47	2,98	2,94	2,88	3,31	3,91	3,91	4,56	5,04	4,96	4,10	4,37	4,33	Доля инвестиций в основной капитал Восточной Сибири в суммарных инвестициях по субъектам РФ	
0,62	0,53	0,52	0,51	0,59	0,70	0,70	0,81	0,90	0,88	0,73	0,78	0,77	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,81	0,67	0,66	0,65	0,74	0,92	1,04	0,80	0,41	0,69	0,75	0,80	0,84	Значение нормированного показателя экономической безопасности Восточной Сибири	
14,513	13,349	21,569	24,063	27,008	38,349	34,947	4,6503	4,0763	4,6919	6,2932	6,6295	11,617	млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб. (в фактически действовавших ценах)	Забайкалье
0,96	0,76	0,99	0,84	0,75	0,81	0,53	0,09	0,15	0,09	0,09	0,09	0,15	Доля инвестиций в основной капитал Забайкалья в суммарных инвестициях по субъектам РФ	
0,66	0,52	0,68	0,58	0,52	0,56	0,37	0,06	0,10	0,06	0,06	0,06	0,10	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,86	0,66	0,86	0,74	0,65	0,73	0,55	0,06	0,05	0,05	0,06	0,06	0,11	Значение нормированного показателя экономической безопасности Забайкалья	
85,743	113,78	135,72	216,74	276,29	330,82	363,92	35,216	183,12	324,94	399,07	205,63	207,98	млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб. (в фактически действовавших ценах)	Дальний Восток
5,70	6,46	6,21	7,57	7,65	6,99	5,49	0,65	6,58	6,37	5,75	2,86	2,64	Доля инвестиций в основной капитал Дальнего Востока в суммарных инвестициях по субъектам РФ	
0,72	0,82	0,79	0,96	0,97	0,89	0,70	0,08	0,84	0,81	0,73	0,36	0,34	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,94	1,03	1,00	1,23	1,21	1,17	1,04	0,08	0,38	0,63	0,75	0,37	0,37	Значение нормированного показателя экономической безопасности Дальнего Востока	

УРОВЕНЬ

		Уровень порогового значения экономической безопасности	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Российская Федерация	% к экономически активному населению	8,0	5,3	5,6	5,8	5,9	8,1	9,4	9,7	11,8	13,2	13,0	10,6
Значение нормированного показателя экономической безопасности Российской Федерации (общегосударственная составляющая)			1,51	1,43	1,38	1,36	0,99	0,85	0,82	0,68	0,61	0,62	0,75
Западная Сибирь	% к экономически активному населению		6,4	6,7	6,9	7,5	9,6	8,5	10,1	9,8	14,6	13,8	12,8
	Соотношение фактического и среднероссийского значения уровня безработицы	1,21	1,21	1,20	1,19	1,27	1,19	0,90	1,04	0,83	1,11	1,06	1,21
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,01	1,02	0,95	1,02	1,34	1,16	1,46	1,09	1,14	1,00
Значение нормированного показателя экономической безопасности Западной Сибири			1,51	1,44	1,40	1,29	1,00	1,14	0,96	0,99	0,66	0,71	0,75
Восточная Сибирь	% к экономически активному населению		4,3	4,5	4,7	5,9	9,1	13,5	13,7	15,8	15,7	17,2	17,4
	Соотношение фактического и среднероссийского значения уровня безработицы	0,81	0,81	0,80	0,81	1,00	1,12	1,44	1,41	1,34	1,19	1,32	1,64
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,01	1,00	0,81	0,72	0,56	0,57	0,60	0,68	0,61	0,49
Значение нормированного показателя экономической безопасности Восточной Сибири			1,51	1,45	1,38	1,10	0,71	0,48	0,47	0,41	0,41	0,38	0,37
Забайкалье	% к экономически активному населению		4,0	4,5	5,4	5,8	8,7	13,3	14,7	20,2	21,4	18,4	18,3
	Соотношение фактического и среднероссийского значения уровня безработицы	0,75	0,75	0,80	0,93	0,98	1,07	1,41	1,52	1,71	1,62	1,42	1,73
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	0,94	0,81	0,77	0,70	0,53	0,49	0,46	0,53	0,43	0,42
Значение нормированного показателя экономической безопасности Забайкалья			1,51	1,34	1,11	1,04	0,69	0,45	0,41	0,30	0,28	0,33	0,32
Дальний Восток	% к экономически активному населению		4,8	4,9	5,1	5,4	7,3	10,4	8,0	13,5	14,6	14,9	12,6
	Соотношение фактического и среднероссийского значения уровня безработицы	0,91	0,91	0,88	0,88	0,92	0,90	1,11	0,82	1,14	1,11	1,15	1,19
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,03	1,03	0,99	1,01	0,82	1,11	0,82	0,79	0,76	0,81
Значение нормированного показателя экономической безопасности Дальнего Востока			1,51	1,48	1,43	1,34	1,00	0,70	0,92	0,54	0,50	0,49	0,57

Таблица 4

БЕЗРАБОТИЦЫ

2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	Оценка		Прогноз				
								2009	2010	2011	2012	2013		
9,0	7,9	8,2	7,8	7,2	7,2	6,1	6,4	8,3	8,0	7,7	7,6	7,4	% к экономически активному населению	Российская Федерация
0,89	1,01	0,98	1,03	1,11	1,11	1,31	1,25	0,96	1,00	1,04	1,05	1,08	Значение нормированного показателя экономической безопасности Российской Федерации (общегосударственная составляющая)	
10,7	11,0	11,3	9,8	7,8	7,7	7,5	7,1	9,1	8,9	8,7	8,1	7,1	% к экономически активному населению	Западная Сибирь
1,19	1,39	1,38	1,26	1,08	1,07	1,23	1,11	1,10	1,11	1,13	1,07	0,96	Соотношение фактического и среднероссийского значения уровня безработицы	
1,02	0,87	0,88	0,96	1,12	1,13	0,98	1,09	1,10	1,09	1,07	1,13	1,26	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,91	0,88	0,86	0,99	1,24	1,25	1,28	1,36	1,06	1,09	1,11	1,19	1,36	Значение нормированного показателя экономической безопасности Западной Сибири	
16,5	15,8	14,9	15,1	14,9	12,7	11,8	10,6	10,7	10,7	10,6	10,5	9,2	% к экономически активному населению	Восточная Сибирь
1,83	2,00	1,82	1,94	2,07	1,76	1,93	1,66	1,29	1,34	1,38	1,38	1,24	Соотношение фактического и среднероссийского значения уровня безработицы	
0,44	0,41	0,45	0,42	0,39	0,46	0,42	0,49	0,63	0,60	0,59	0,59	0,65	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,39	0,41	0,44	0,43	0,43	0,51	0,55	0,61	0,60	0,60	0,61	0,62	0,70	Значение нормированного показателя экономической безопасности Восточной Сибири	
17,4	13,6	16,3	14	11,6	11,3	10,4	9,6	10,8	10,8	9,1	8,5	8,2	% к экономически активному населению	Забайкалье
1,93	1,72	1,99	1,79	1,61	1,57	1,70	1,50	1,30	1,35	1,18	1,12	1,11	Соотношение фактического и среднероссийского значения уровня безработицы	
0,39	0,44	0,38	0,42	0,47	0,48	0,44	0,50	0,58	0,56	0,64	0,67	0,68	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,35	0,44	0,37	0,43	0,52	0,53	0,58	0,63	0,56	0,56	0,67	0,70	0,73	Значение нормированного показателя экономической безопасности Забайкалья	
10,2	8,7	8,5	8,8	7,9	7,5	6,7	6,4	7,9	8,9	7,9	7,5	7,1	% к экономически активному населению	Дальний Восток
1,13	1,10	1,04	1,13	1,10	1,04	1,10	1,00	0,95	1,11	1,03	0,99	0,96	Соотношение фактического и среднероссийского значения уровня безработицы	
0,81	0,83	0,88	0,81	0,83	0,88	0,83	0,91	0,96	0,82	0,88	0,92	0,95	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,72	0,84	0,86	0,83	0,92	0,98	1,09	1,14	0,92	0,82	0,92	0,97	1,03	Значение нормированного показателя экономической безопасности Дальнего Востока	

РАСХОДЫ НА

		Уровень порогового значения экономической безопасности	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Российская Федерация	млн. рублей; до 1998 г. – млрд. руб.		5007	5008	5016	5027	5146	12149	19394	24449	25082	48050	76697
	% от ВВП	1,5	0,77	0,70	0,63	0,60	0,54	0,94	1,08	1,20	1,11	1,26	1,33
Значение нормированного показателя экономической безопасности Российской Федерации (общегосударственная составляющая)			0,51	0,47	0,42	0,40	0,36	0,63	0,72	0,80	0,74	0,84	0,89
Западная Сибирь	млн. рублей; до 1998 г. – млрд. руб.		346,13	346,95	348,17	349,49	350,64	759,41	1203,6	1572,5	1524,2	2616,4	4281,8
	Доля внутренних текущих расходов на научные исследования и разработки в общероссийских расходах на научные исследования и разработки, %	6,91	6,91	6,93	6,94	6,95	6,81	6,25	6,21	6,43	6,08	5,45	5,58
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,00	1,00	1,01	0,99	0,90	0,90	0,93	0,88	0,79	0,81
Значение нормированного показателя экономической безопасности Западной Сибири			0,51	0,47	0,42	0,40	0,36	0,57	0,65	0,74	0,65	0,66	0,72
Восточная Сибирь	млн. рублей; до 1998 г. – млрд. руб.		115,12	115,69	116,19	116,35	116,67	249,39	405,64	515,99	492,32	785,48	1285,9
	Доля внутренних текущих расходов на научные исследования и разработки в общероссийских расходах на научные исследования и разработки, %	2,30	2,30	2,31	2,32	2,31	2,27	2,05	2,09	2,11	1,96	1,63	1,68
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,00	1,01	1,01	0,99	0,89	0,91	0,92	0,85	0,71	0,73
Значение нормированного показателя экономической безопасности Восточной Сибири			0,51	0,47	0,42	0,40	0,36	0,56	0,65	0,74	0,63	0,60	0,65
Забайкалье	млн. рублей; до 1998 г. – млрд. руб.		7,365	7,380	7,486	7,541	7,669	17,716	28,152	40,256	35,67	72,498	121,79
	Доля внутренних текущих расходов на научные исследования и разработки в общероссийских расходах на научные исследования и разработки, %	0,15	0,15	0,15	0,15	0,15	0,15	0,15	0,15	0,16	0,14	0,15	0,16
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	0,98	0,99	1,00	0,99	0,97	0,97	1,07	0,93	1,00	1,07
Значение нормированного показателя экономической безопасности Забайкалья			0,51	0,46	0,42	0,40	0,36	0,61	0,70	0,86	0,69	0,84	0,95
Дальний Восток	млн. рублей; до 1998 г. – млрд. руб.		100,88	101,27	102,01	102,53	103,31	267,08	376,26	555,39	501,11	1053,2	1649,9
	Доля внутренних текущих расходов на научные исследования и разработки в общероссийских расходах на научные исследования и разработки, %	2,01	2,01	2,02	2,03	2,04	2,01	2,20	1,94	2,27	2,00	2,19	2,15
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,01	1,01	1,01	1,00	1,09	0,97	1,13	1,00	1,09	1,07
Значение нормированного показателя экономической безопасности Дальнего Востока			0,51	0,47	0,43	0,41	0,36	0,69	0,69	0,90	0,74	0,92	0,95

Таблица 5

«ГРАЖДАНСКУЮ» НАУКУ

2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	Оценка		Прогноз			м.лн. рублей; до 1998 г. – млрд. руб.	Российская Федерация
								2009	2010	2011	2012	2013		
105261	135004	169862	196039	230785	288805	371080	521093	692785	752988	902895	1073785	1330909	% от ВВП	
1,47	1,54	1,58	1,40	1,28	1,28	1,33	1,52	1,77	1,84	2,13	2,45	2,94		
0,98	1,03	1,05	0,93	0,85	0,85	0,89	1,01	1,18	1,23	1,42	1,63	1,96	Значение нормированного показателя экономической безопасности Российской Федерации (общегосударственная составляющая)	
6057,4	7894,6	10206	11755	13401	17215	21592	24779	39249	44484	53528	62626	79244	м.лн. рублей; до 1998 г. – млрд. руб.	Западная Сибирь
5,75	5,85	6,01	6,00	5,81	5,96	5,82	4,76	5,67	5,91	5,93	5,94	5,95	Доля внутренних текущих расходов на научные исследования и разработки в общероссийских расходах на научные исследования и разработки, %	
0,83	0,85	0,87	0,87	0,84	0,86	0,84	0,69	0,82	0,86	0,86	0,86	0,86	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,82	0,87	0,92	0,81	0,72	0,74	0,75	0,70	0,97	1,05	1,22	1,40	1,69	Значение нормированного показателя экономической безопасности Западной Сибири	
1858,4	2306,5	3013,9	3404,8	4025,5	4703,8	7582,4	10365	13387	16274	19402	22264	25257	м.лн. рублей; до 1998 г. – млрд. руб.	Восточная Сибирь
1,77	1,71	1,77	1,74	1,74	1,63	2,04	1,99	1,93	2,16	2,15	2,07	1,90	Доля внутренних текущих расходов на научные исследования и разработки в общероссийских расходах на научные исследования и разработки, %	
0,77	0,74	0,77	0,76	0,76	0,71	0,89	0,87	0,84	0,94	0,93	0,90	0,83	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,75	0,76	0,81	0,71	0,65	0,60	0,79	0,88	0,99	1,15	1,33	1,47	1,62	Значение нормированного показателя экономической безопасности Восточной Сибири	
171,30	204,41	240,35	278,78	301,36	368,74	452,15	532,91	613,23	687,59	777,98	917,89	1017,7	м.лн. рублей; до 1998 г. – млрд. руб.	Забайкалье
0,16	0,15	0,14	0,14	0,13	0,13	0,12	0,10	0,09	0,09	0,09	0,09	0,08	Доля внутренних текущих расходов на научные исследования и разработки в общероссийских расходах на научные исследования и разработки, %	
1,07	1,00	0,93	0,93	0,87	0,87	0,80	0,67	0,60	0,60	0,60	0,60	0,53	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
1,05	1,03	0,98	0,87	0,74	0,74	0,71	0,68	0,71	0,74	0,85	0,98	1,05	Значение нормированного показателя экономической безопасности Забайкалья	
2366,8	2972,9	3788,9	3923,3	4923,6	6326,6	7421,0	8616,3	9286,9	10637	11831	11911	14537	м.лн. рублей; до 1998 г. – млрд. руб.	Дальний Восток
2,25	2,20	2,23	2,00	2,13	2,19	2,00	1,65	1,34	1,41	1,31	1,11	1,09	Доля внутренних текущих расходов на научные исследования и разработки в общероссийских расходах на научные исследования и разработки, %	
1,12	1,09	1,11	1,00	1,06	1,09	1,00	0,82	0,67	0,70	0,65	0,55	0,54	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
1,10	1,12	1,17	0,93	0,90	0,93	0,88	0,83	0,79	0,86	0,93	0,90	1,06	Значение нормированного показателя экономической безопасности Дальнего Востока	

ИННОВАЦИОННАЯ

		Уровень порогового значения экономической безопасности	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Российская Федерация	Объем инновационной продукции, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах		0,010	0,021	0,269	1,694	5,407	17,002	25,792	42,288	29,865	84,725	154,68
	Доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства, %	15,0	1,69	1,69	1,45	1,31	1,41	1,53	1,76	2,60	1,75	2,69	3,25
Значение нормированного показателя экономической безопасности Российской Федерации (общегосударственная составляющая)			0,11	0,11	0,10	0,09	0,09	0,10	0,12	0,17	0,12	0,18	0,22
Западная Сибирь	Объем инновационной продукции, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах		0,001	0,002	0,049	0,214	0,659	1,474	2,279	2,472	2,201	3,835	8,912
	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли инновационной продукции в общем объеме промышленного производства	1,059	1,21	0,91	1,29	0,97	0,91	0,63	0,61	0,41	0,56	0,37	0,39
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,14	0,86	1,22	0,91	0,86	0,60	0,58	0,38	0,53	0,35	0,37
Значение нормированного показателя экономической безопасности Западной Сибири			0,13	0,10	0,12	0,08	0,08	0,06	0,07	0,07	0,06	0,06	0,08
Восточная Сибирь	Объем инновационной продукции, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах		0,001	0,002	0,030	0,222	0,887	2,225	3,248	3,274	5,220	8,600	0,783
	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли инновационной продукции в общем объеме промышленного производства	1,437	1,29	1,58	1,72	1,99	2,58	2,12	2,23	1,45	3,02	1,56	0,08
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		0,90	1,10	1,20	1,39	1,79	1,47	1,55	1,01	2,10	1,09	0,06
Значение нормированного показателя экономической безопасности Восточной Сибири			0,10	0,12	0,12	0,12	0,17	0,15	0,18	0,17	0,25	0,20	0,01
Забайкалье	Объем инновационной продукции, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах		0,000	0,000	0,002	0,013	0,043	0,080	0,103	0,115	0,096	0,085	0,690
	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли инновационной продукции в общем объеме промышленного производства	1,322	1,44	1,20	1,10	1,18	1,05	0,71	0,58	0,40	0,56	0,20	1,02
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,09	0,91	0,83	0,89	0,80	0,53	0,44	0,30	0,42	0,15	0,77
Значение нормированного показателя экономической безопасности Забайкалья			0,12	0,10	0,08	0,08	0,07	0,05	0,05	0,05	0,05	0,03	0,17
Дальний Восток	Объем инновационной продукции, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах		0,001	0,001	0,015	0,141	0,238	0,604	0,859	0,882	0,977	1,481	1,528
	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли инновационной продукции в общем объеме промышленного производства	1,113	1,06	1,16	1,13	1,47	0,79	0,77	0,70	0,47	0,67	0,35	0,20
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		0,95	1,05	1,01	1,32	0,71	0,69	0,63	0,42	0,60	0,32	0,18
Значение нормированного показателя экономической безопасности Дальнего Востока			0,10	0,12	0,10	0,12	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,06	0,04

Таблица 6

ПРОДУКЦИЯ

2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	Оценка		Прогноз				
								2009	2010	2011	2012	2013		
183,00	207,15	315,60	435,12	545,54	674,76	841,99	887,57	1245,9	1562,9	2537,0	2893,4	3474,5	Объем инновационной продукции, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах	Российская Федерация
3,66	3,49	4,29	3,88	3,07	3,66	4,18	4,16	4,68	5,07	8,00	9,00	9,50	Доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства, %	
0,24	0,23	0,29	0,26	0,20	0,24	0,28	0,28	0,31	0,34	0,53	0,60	0,63	Значение нормированного показателя экономической безопасности Российской Федерации (общегосударственная составляющая)	
7,773	38,537	53,974	78,881	15,676	25,635	43,031	53,164	81,552	132,60	217,00	325,65	478,25	Объем инновационной продукции, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах	Западная Сибирь
0,25	1,09	0,98	1,08	0,28	0,25	0,29	0,33	0,40	0,52	0,41	0,47	0,57	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли инновационной продукции в общем объеме промышленного производства	
0,24	1,03	0,92	1,02	0,26	0,23	0,27	0,31	0,38	0,49	0,39	0,45	0,54	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,06	0,24	0,26	0,26	0,05	0,06	0,08	0,09	0,12	0,17	0,21	0,27	0,34	Значение нормированного показателя экономической безопасности Западной Сибири	Восточная Сибирь
1,069	9,971	12,813	11,961	4,896	10,391	13,767	19,461	25,802	31,313	39,742	50,604	64,032	Объем инновационной продукции, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах	
0,09	0,87	0,76	0,60	0,33	0,47	0,46	0,52	0,53	0,51	0,37	0,38	0,41	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли инновационной продукции в общем объеме промышленного производства	
0,07	0,60	0,53	0,42	0,23	0,33	0,32	0,36	0,37	0,36	0,26	0,26	0,28	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	Забайкалье
0,02	0,14	0,15	0,11	0,05	0,08	0,09	0,10	0,11	0,12	0,14	0,16	0,18	Значение нормированного показателя экономической безопасности Восточной Сибири	
0,572	0,346	0,228	0,335	0,494	0,547	0,661	0,871	1,485	1,557	3,142	3,884	6,584	Объем инновационной продукции, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах	
0,56	0,28	0,12	0,18	0,27	0,23	0,29	0,35	0,36	0,34	0,32	0,32	0,46	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли инновационной продукции в общем объеме промышленного производства	Дальний Восток
0,42	0,21	0,09	0,13	0,21	0,17	0,22	0,26	0,27	0,25	0,24	0,25	0,35	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,10	0,05	0,03	0,03	0,04	0,04	0,06	0,07	0,08	0,09	0,13	0,15	0,22	Значение нормированного показателя экономической безопасности Забайкалья	
1,885	1,999	1,303	1,578	4,523	5,338	2,860	4,754	6,194	7,508	9,796	12,362	16,196	Объем инновационной продукции, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах	Дальний Восток
0,18	0,19	0,08	0,09	0,29	0,23	0,12	0,22	0,21	0,19	0,13	0,13	0,14	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли инновационной продукции в общем объеме промышленного производства	
0,22	0,20	0,20	0,09	0,11	0,32	0,25	0,13	0,24	0,22	0,21	0,14	0,14	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,05	0,04	0,05	0,02	0,02	0,07	0,06	0,03	0,07	0,07	0,10	0,08	0,08	Значение нормированного показателя экономической безопасности Дальнего Востока	

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ С ДЕНЕЖНЫМИ

		Уровень порогового значения экономической безопасности	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Российская Федерация	Доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня, % от общей численности населения	7,0	7,2	7,6	9,3	10,2	13,3	18,2	21,2	23,8	35,9	30,2	29,0
Значение нормированного показателя экономической безопасности Российской Федерации (общегосударственная составляющая)			0,97	0,92	0,75	0,69	0,53	0,38	0,33	0,29	0,19	0,23	0,24
Западная Сибирь	Доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня, % от общей численности населения		7,6	7,8	8,1	10	12,6	17,5	22,4	31,4	43,8	42,7	41,6
	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня	1,1	1,1	1,0	0,9	1,0	0,9	1,0	1,1	1,3	1,2	1,4	1,4
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,10	1,22	1,10	1,22	1,10	1,00	0,85	0,92	0,79	0,79
Значение нормированного показателя экономической безопасности Западной Сибири			0,97	1,01	0,92	0,76	0,65	0,42	0,33	0,25	0,17	0,18	0,19
Восточная Сибирь	Доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня, % от общей численности населения		7,6	7,8	8,1	14	16,6	27,5	32,4	41,4	53,8	52,7	47,6
	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня	1,1	1,1	1,0	0,9	1,4	1,2	1,5	1,5	1,7	1,5	1,7	1,6
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,10	1,22	0,79	0,92	0,73	0,73	0,65	0,73	0,65	0,69
Значение нормированного показателя экономической безопасности Восточной Сибири			0,97	1,01	0,92	0,55	0,49	0,28	0,24	0,19	0,14	0,15	0,17
Забайкалье	Доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня, % от общей численности населения		7,8	8,4	12,8	15,9	21,6	26,2	35,3	44,7	56,8	55,1	62,5
	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня	1,1	1,1	1,1	1,4	1,6	1,6	1,4	1,7	1,9	1,6	1,8	2,2
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,00	0,79	0,69	0,69	0,79	0,65	0,58	0,69	0,61	0,50
Значение нормированного показателя экономической безопасности Забайкалья			0,97	0,92	0,59	0,48	0,37	0,30	0,21	0,17	0,13	0,14	0,12
Дальний Восток	Доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня, % от общей численности населения		7,9	8,6	10,7	14,7	17,4	19,3	29,2	39,1	49,0	47,2	45,2
	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня	1,1	1,1	1,1	1,2	1,4	1,3	1,1	1,4	1,6	1,4	1,6	1,6
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		1,00	1,00	0,92	0,79	0,85	1,00	0,79	0,69	0,79	0,69	0,69
Значение нормированного показателя экономической безопасности Дальнего Востока			0,97	0,92	0,69	0,55	0,45	0,38	0,26	0,20	0,15	0,16	0,17

Таблица 7

ДОХОДАМИ НИЖЕ ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА

2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	Оценка		Прогноз				
								2009	2010	2011	2012	2013		
27,5	24,6	20,3	17,6	17,7	15,2	13,4	11,2	13,3	12,0	11,0	10,0	9,0	Доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня, % от общей численности населения	Российская Федерация
0,25	0,28	0,34	0,40	0,40	0,46	0,52	0,63	0,53	0,58	0,64	0,70	0,78	Значение нормированного показателя экономической безопасности Российской Федерации (общегосударственная составляющая)	
38,5	32,5	29,6	27,7	28,1	25,4	21,5	21,1	19,9	18,7	17,9	14,1	10,1	Доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня, % от общей численности населения	Западная Сибирь
1,4	1,3	1,5	1,6	1,6	1,7	1,6	1,9	1,5	1,6	1,6	1,4	1,1	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня	
0,79	0,85	0,73	0,69	0,69	0,65	0,69	0,58	0,73	0,69	0,69	0,79	1,00	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,20	0,24	0,25	0,27	0,27	0,30	0,36	0,36	0,39	0,40	0,44	0,55	0,78	Значение нормированного показателя экономической безопасности Западной Сибири	
42,5	37,5	36,6	37,7	34,1	29,4	27,5	25,1	21,9	19,7	16,9	14,1	10,1	Доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня, % от общей численности населения	Восточная Сибирь
1,5	1,5	1,8	2,1	1,9	1,9	2,1	2,2	1,6	1,6	1,5	1,4	1,1	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня	
0,73	0,73	0,61	0,52	0,58	0,58	0,52	0,50	0,69	0,69	0,73	0,79	1,00	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,19	0,21	0,21	0,21	0,23	0,27	0,27	0,31	0,36	0,40	0,47	0,55	0,78	Значение нормированного показателя экономической безопасности Восточной Сибири	
52,7	42,9	34,6	33,4	29,0	26,2	23,6	23,3	20,3	19,3	16,8	14,3	11,8	Доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня, % от общей численности населения	Забайкалье
1,9	1,7	1,7	1,9	1,6	1,7	1,8	2,1	1,5	1,6	1,5	1,4	1,3	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня	
0,57	0,63	0,65	0,58	0,67	0,64	0,62	0,53	0,72	0,68	0,72	0,77	0,84	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,15	0,18	0,22	0,23	0,27	0,29	0,33	0,33	0,38	0,40	0,46	0,54	0,65	Значение нормированного показателя экономической безопасности Забайкалья	
37,8	29,3	25,2	23,4	20,3	19,2	17,6	16,8	15,7	14,1	13,2	11,4	9,3	Доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня, % от общей численности населения	Дальний Восток
1,4	1,2	1,2	1,3	1,1	1,3	1,3	1,5	1,2	1,2	1,2	1,1	1,0	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня	
0,80	0,92	0,89	0,83	0,96	0,87	0,84	0,73	0,93	0,94	0,92	0,96	1,06	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,20	0,26	0,31	0,33	0,38	0,40	0,44	0,46	0,49	0,55	0,58	0,68	0,83	Значение нормированного показателя экономической безопасности Дальнего Востока	

ДЕЦИЛЬНЫЙ КОЭФФИЦИЕНТ

		Уровень порогового значения экономической безопасности	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Российская Федерация	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения	8,0	6,3	8,2	11,1	13,0	13,4	13,5	13,3	13,6	13,8	14,1	13,9
	Значение нормированного показателя экономической безопасности Российской Федерации (общегосударственная составляющая)		1,27	0,98	0,72	0,62	0,60	0,59	0,60	0,59	0,58	0,57	0,58
Западная Сибирь	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения		6,9	7,7	9,0	9,1	10,1	11,0	11,8	11,9	10,4	9,7	9,7
	Соотношение фактического и среднероссийского значения децильного коэффициента дифференциации доходов населения	1,0	1,1	0,9	0,8	0,7	0,8	0,8	0,9	0,9	0,8	0,7	0,7
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		0,91	1,11	1,25	1,43	1,25	1,25	1,11	1,11	1,25	1,43	1,43
Значение нормированного показателя экономической безопасности Западной Сибири			1,16	1,09	0,90	0,89	0,75	0,74	0,67	0,65	0,73	0,82	0,83
Восточная Сибирь	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения		7,6	8,0	9,1	10,3	13,3	19,3	12,0	12,2	12,3	12,1	12,0
	Соотношение фактического и среднероссийского значения децильного коэффициента дифференциации доходов населения	1,1	1,2	1,0	0,8	0,8	1,0	1,4	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		0,92	1,10	1,38	1,38	1,10	0,79	1,22	1,22	1,22	1,22	1,22
Значение нормированного показателя экономической безопасности Восточной Сибири			1,17	1,08	0,99	0,86	0,66	0,47	0,73	0,72	0,71	0,70	0,71
Забайкалье	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения		7,0	7,7	8,8	10,2	12,6	13,2	9,3	12,7	12,8	13,1	12,5
	Соотношение фактического и среднероссийского значения децильного коэффициента дифференциации доходов населения	1,0	1,1	0,9	0,8	0,8	0,9	1,0	0,7	0,9	0,9	0,9	0,9
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		0,91	1,11	1,25	1,25	1,11	1,00	1,43	1,11	1,11	1,11	1,11
Значение нормированного показателя экономической безопасности Забайкалья			1,16	1,09	0,90	0,78	0,67	0,59	0,86	0,65	0,64	0,63	0,64
Дальний Восток	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения		6,5	6,6	6,7	6,9	7,4	9,3	9,2	9,1	9,0	9,2	10,2
	Соотношение фактического и среднероссийского значения децильного коэффициента дифференциации доходов населения	0,9	1,0	0,8	0,6	0,5	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		0,90	1,13	1,50	1,80	1,50	1,29	1,29	1,29	1,29	1,29	1,29
Значение нормированного показателя экономической безопасности Дальнего Востока			1,14	1,11	1,08	1,12	0,90	0,76	0,77	0,76	0,75	0,74	0,75

Таблица 8

ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ

2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	Оценка		Прогноз				
								2009	2010	2011	2012	2013		
13,9	14,0	14,5	15,2	15,2	16,0	16,8	16,8	16,7	16,7	15,2	14,1	12,2	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения	Российская Федерация
0,58	0,57	0,55	0,53	0,53	0,50	0,48	0,48	0,48	0,48	0,53	0,57	0,66	Значение нормированного показателя экономической безопасности Российской Федерации (общегосударственная составляющая)	
10,2	11,0	11,8	12,5	12,7	14,1	14,2	14,1	13,2	12,4	10,5	9,5	8,5	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения	Западная Сибирь
0,7	0,8	0,8	0,8	0,8	0,9	0,8	0,8	0,8	0,7	0,7	0,7	0,7	Соотношение фактического и среднероссийского значения децильного коэффициента дифференциации доходов населения	
1,43	1,25	1,25	1,25	1,25	1,11	1,25	1,25	1,25	1,43	1,43	1,43	1,43	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,83	0,71	0,69	0,66	0,66	0,56	0,60	0,60	0,60	0,69	0,76	0,82	0,94	Значение нормированного показателя экономической безопасности Западной Сибири	
11,8	12,0	12,1	12,2	12,3	12,5	13,2	13,4	13,1	12,5	11,5	9,9	8,5	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения	Восточная Сибирь
0,8	0,9	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,7	0,8	0,7	0,7	Соотношение фактического и среднероссийского значения децильного коэффициента дифференциации доходов населения	
1,38	1,22	1,38	1,38	1,38	1,38	1,38	1,38	1,38	1,57	1,38	1,57	1,57	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,80	0,70	0,76	0,73	0,73	0,69	0,66	0,66	0,66	0,75	0,73	0,89	1,04	Значение нормированного показателя экономической безопасности Восточной Сибири	
12,7	12,9	12,6	12,4	13,0	13,2	13,6	14,1	14,2	13,1	11,9	10,5	9,1	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения	Забайкалье
0,9	0,9	0,9	0,8	0,9	0,8	0,8	0,8	0,9	0,8	0,8	0,7	0,7	Соотношение фактического и среднероссийского значения децильного коэффициента дифференциации доходов населения	
1,11	1,11	1,11	1,25	1,11	1,25	1,25	1,25	1,11	1,25	1,25	1,43	1,43	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,64	0,63	0,61	0,66	0,59	0,63	0,60	0,60	0,53	0,60	0,66	0,82	0,94	Значение нормированного показателя экономической безопасности Забайкалья	
10,8	11,3	12,2	12,4	12,3	13,2	13,6	13,8	13,7	12,1	11,2	10,4	9,2	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения	Дальний Восток
0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,7	0,7	0,7	0,8	Соотношение фактического и среднероссийского значения децильного коэффициента дифференциации доходов населения	
1,13	1,13	1,13	1,13	1,13	1,13	1,13	1,13	1,13	1,29	1,29	1,29	1,13	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,66	0,64	0,62	0,60	0,60	0,57	0,54	0,54	0,54	0,62	0,68	0,74	0,75	Значение нормированного показателя экономической безопасности Дальнего Востока	

МАШИНОСТРОЕНИЕ

		Уровень порогового значения экономической безопасности	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Российская Федерация	Объем машиностроения и металлообработки, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах		0,168	0,294	3,466	24,36	68,69	176,3	239,2	254,9	255,3	509,7	773,9
	Доля машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства, %	25,0	28,73	23,46	18,75	18,87	17,90	15,91	16,29	15,67	14,96	16,18	16,25
Значение нормированного показателя экономической безопасности Российской Федерации (общегосударственная составляющая)			1,15	0,94	0,75	0,75	0,72	0,64	0,65	0,63	0,60	0,65	0,65
Западная Сибирь	Объем машиностроения и металлообработки, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах		0,006	0,021	0,227	1,536	4,883	12,66	13,49	16,89	15,38	26,11	43,24
	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства	0,4	0,379	0,692	0,471	0,482	0,532	0,524	0,392	0,459	0,460	0,416	0,384
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		0,95	1,73	1,18	1,21	1,33	1,31	0,98	1,15	1,15	1,04	0,96
Значение нормированного показателя экономической безопасности Западной Сибири			1,09	1,63	0,89	0,91	0,96	0,84	0,64	0,72	0,69	0,68	0,62
Восточная Сибирь	Объем машиностроения и металлообработки, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах		0,002	0,004	0,087	0,593	1,742	4,626	2,728	7,010	5,368	15,25	18,03
	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства	0,35	0,191	0,241	0,383	0,370	0,398	0,425	0,202	0,515	0,363	0,461	0,367
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		0,55	0,69	1,09	1,06	1,14	1,21	0,58	1,47	1,04	1,32	1,05
Значение нормированного показателя экономической безопасности Восточной Сибири			0,63	0,65	0,82	0,80	0,82	0,77	0,38	0,93	0,62	0,86	0,68
Забайкалье	Объем машиностроения и металлообработки, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах		0,0004	0,002	0,018	0,134	0,333	1,111	1,146	1,255	0,837	1,573	2,988
	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства	0,8	0,309	0,650	0,845	0,870	0,637	0,951	0,697	0,722	0,569	0,618	0,880
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		0,39	0,81	1,06	1,09	0,80	1,19	0,87	0,90	0,71	0,77	1,10
Значение нормированного показателя экономической безопасности Забайкалья			0,45	0,76	0,80	0,82	0,58	0,76	0,57	0,57	0,43	0,50	0,72
Дальний Восток	Объем машиностроения и металлообработки, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах		0,002	0,004	0,093	0,559	2,210	4,346	1,563	4,995	7,688	10,31	39,04
	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства	0,5	0,250	0,245	0,533	0,405	0,578	0,533	0,139	0,437	0,617	0,410	1,025
	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)		0,50	0,49	1,07	0,81	1,16	1,07	0,28	0,87	1,23	0,82	2,05
Значение нормированного показателя экономической безопасности Дальнего Востока			0,58	0,46	0,80	0,61	0,84	0,68	0,18	0,55	0,74	0,53	1,33

Таблица 9

И МЕТАЛЛООБРАБОТКА

2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	Оценка		Прогноз				
								2009	2010	2011	2012	2013		
1006,3	1180,7	1471,5	1824,3	2397,9	2445,6	2678,9	2698,8	3243,4	3754,4	4074,5	4356,5	4678,0	Объем машиностроения и металлообработки, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах	Российская Федерация
20,10	19,90	20,04	16,28	13,48	13,27	13,29	12,64	12,19	12,17	12,85	13,55	12,79	Доля машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства, %	
0,80	0,80	0,80	0,65	0,54	0,53	0,53	0,51	0,49	0,49	0,51	0,54	0,51	Значение нормированного показателя экономической безопасности Российской Федерации (общегосударственная составляющая)	
58,573	65,077	87,686	114,55	130,14	160,20	204,33	239,08	274,11	312,95	349,84	391,86	439,26	Объем машиностроения и металлообработки, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах	Западная Сибирь
0,345	0,322	0,340	0,373	0,427	0,410	0,406	0,412	0,421	0,428	0,403	0,377	0,388	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства	
0,86	0,81	0,85	0,93	1,07	1,03	1,02	1,03	1,05	1,07	1,01	0,94	0,97	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,69	0,64	0,68	0,61	0,58	0,54	0,54	0,52	0,51	0,52	0,52	0,51	0,50	Значение нормированного показателя экономической безопасности Западной Сибири	
23,930	29,876	38,510	50,089	46,705	55,353	67,435	87,605	100,93	119,43	134,65	148,07	162,94	Объем машиностроения и металлообработки, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах	Восточная Сибирь
0,387	0,455	0,489	0,601	0,704	0,694	0,714	0,776	0,791	0,815	0,783	0,737	0,773	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства	
1,11	1,30	1,40	1,72	2,01	1,98	2,04	2,22	2,26	2,33	2,24	2,11	2,21	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,89	1,03	1,12	1,12	1,08	1,05	1,08	1,12	1,10	1,13	1,15	1,14	1,13	Значение нормированного показателя экономической безопасности Восточной Сибири	
5,263	7,234	11,074	11,509	11,910	12,407	12,973	13,531	14,698	15,835	17,100	18,400	20,000	Объем машиностроения и металлообработки, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах	Забайкалье
0,933	1,031	1,294	1,464	1,584	1,467	1,690	1,704	1,623	1,331	1,160	1,021	1,042	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства	
1,17	1,29	1,62	1,83	1,98	1,83	2,11	2,13	2,03	1,66	1,45	1,28	1,30	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
0,94	1,03	1,30	1,19	1,07	0,97	1,12	1,08	0,99	0,81	0,75	0,69	0,67	Значение нормированного показателя экономической безопасности Забайкалья	
40,437	41,911	49,156	39,316	60,235	72,503	35,967	55,494	64,375	72,619	81,733	92,399	104,11	Объем машиностроения и металлообработки, млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб., в фактических отпускных ценах	Дальний Восток
0,729	0,685	0,689	0,588	1,132	1,146	0,623	0,837	0,829	0,775	0,669	0,619	0,645	Соотношение фактического и среднероссийского значения доли машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства	
1,46	1,37	1,38	1,18	2,26	2,29	1,25	1,67	1,66	1,55	1,34	1,24	1,29	Значение нормированного показателя региональной экономической безопасности (региональная составляющая)	
1,17	1,09	1,10	0,77	1,22	1,22	0,66	0,85	0,81	0,75	0,69	0,67	0,66	Значение нормированного показателя экономической безопасности Дальнего Востока	

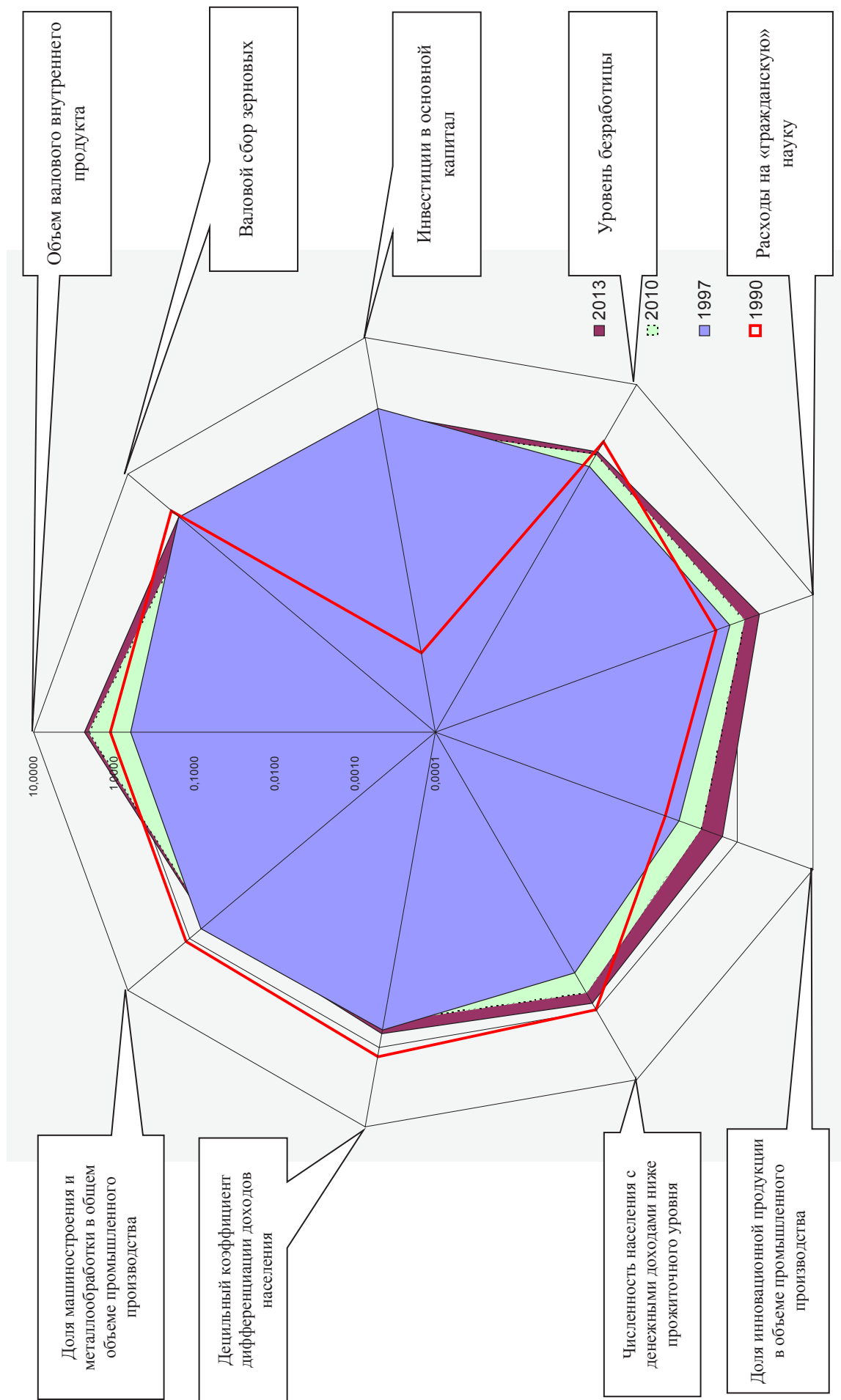

Рис. 1. Значения нормированных показателей экономической безопасности Российской Федерации

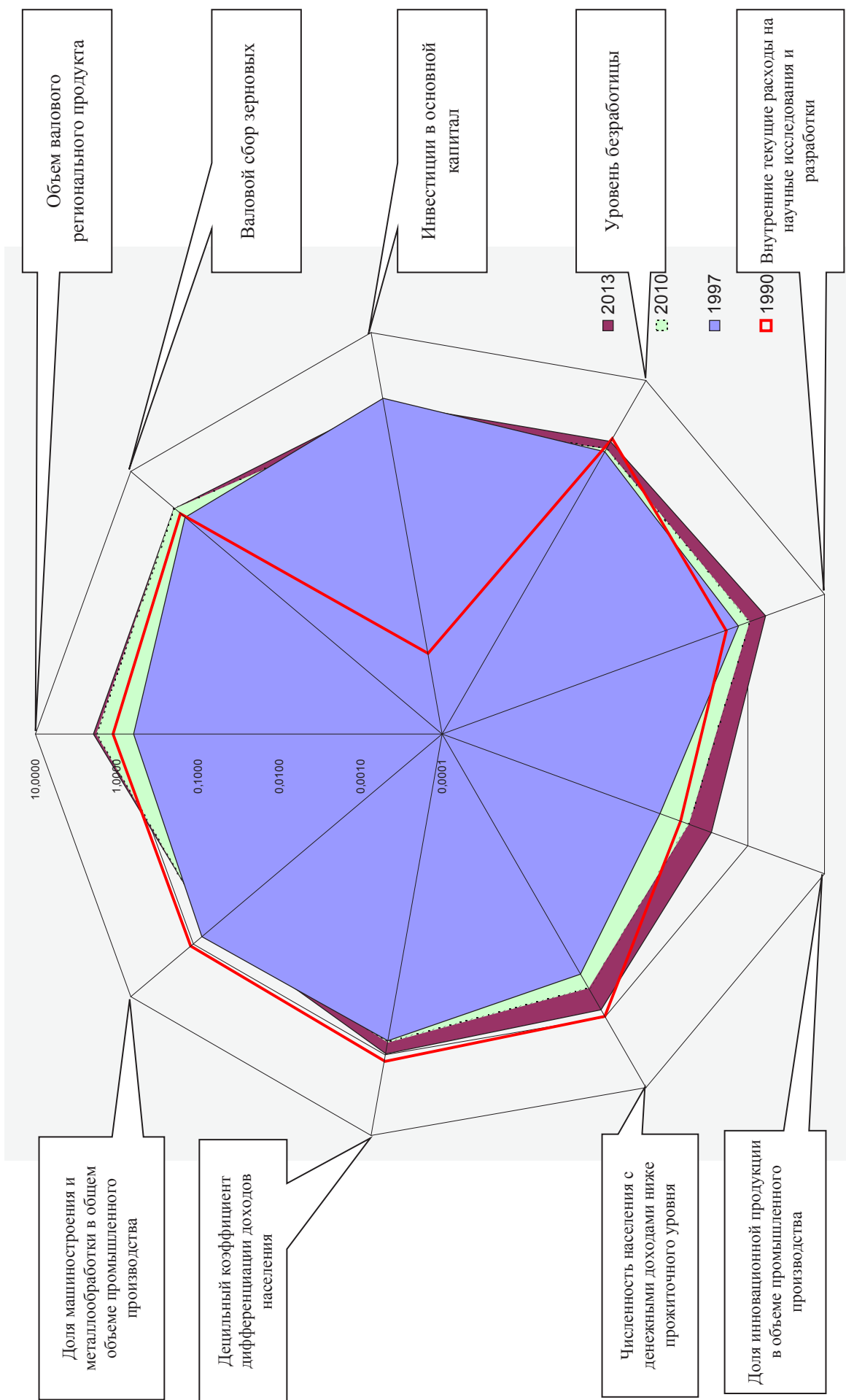

Рис. 2. Значения нормированных показателей региональной экономической безопасности Западной Сибири

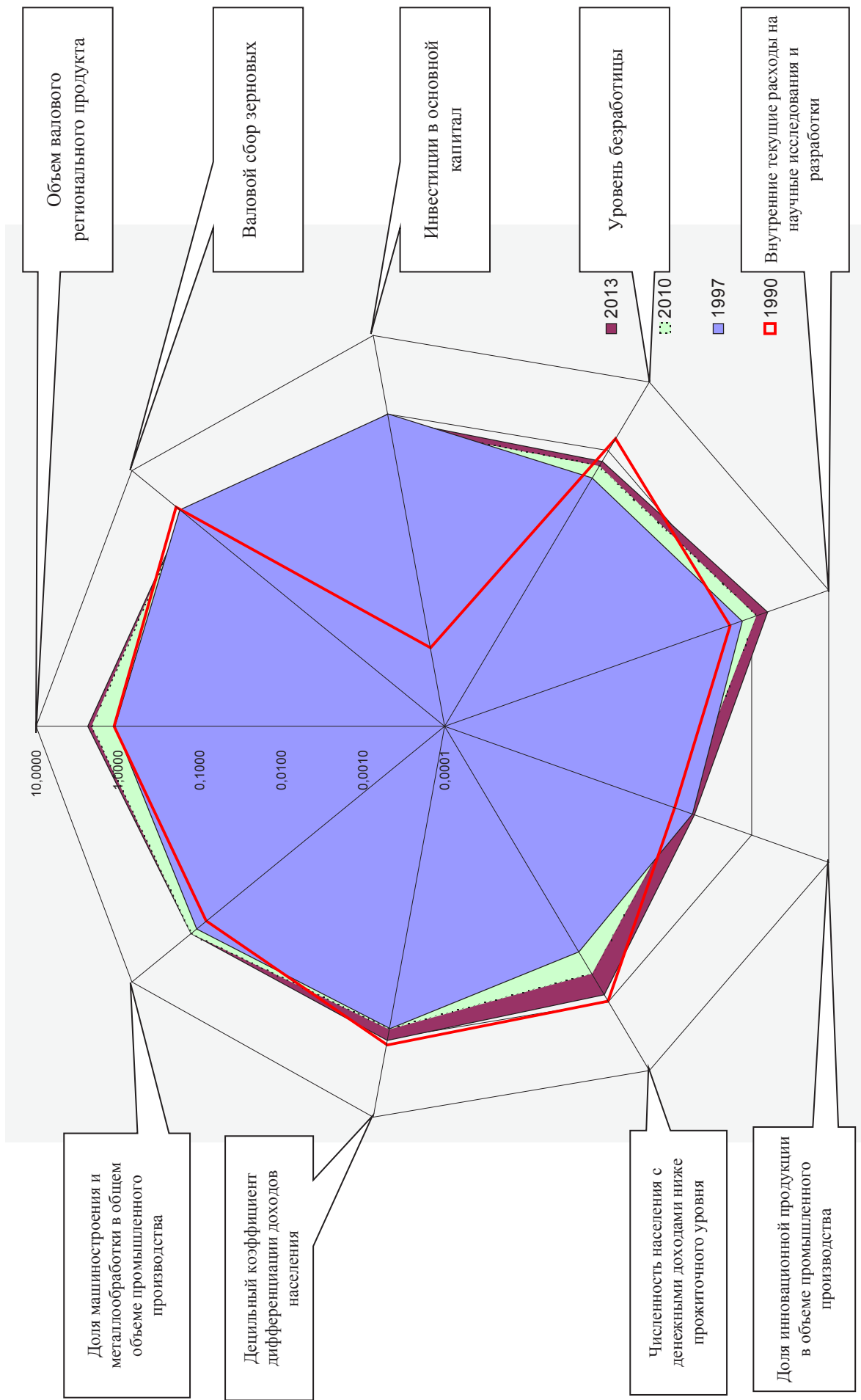

Рис. 3. Значения нормированных показателей региональной экономической безопасности Восточной Сибири

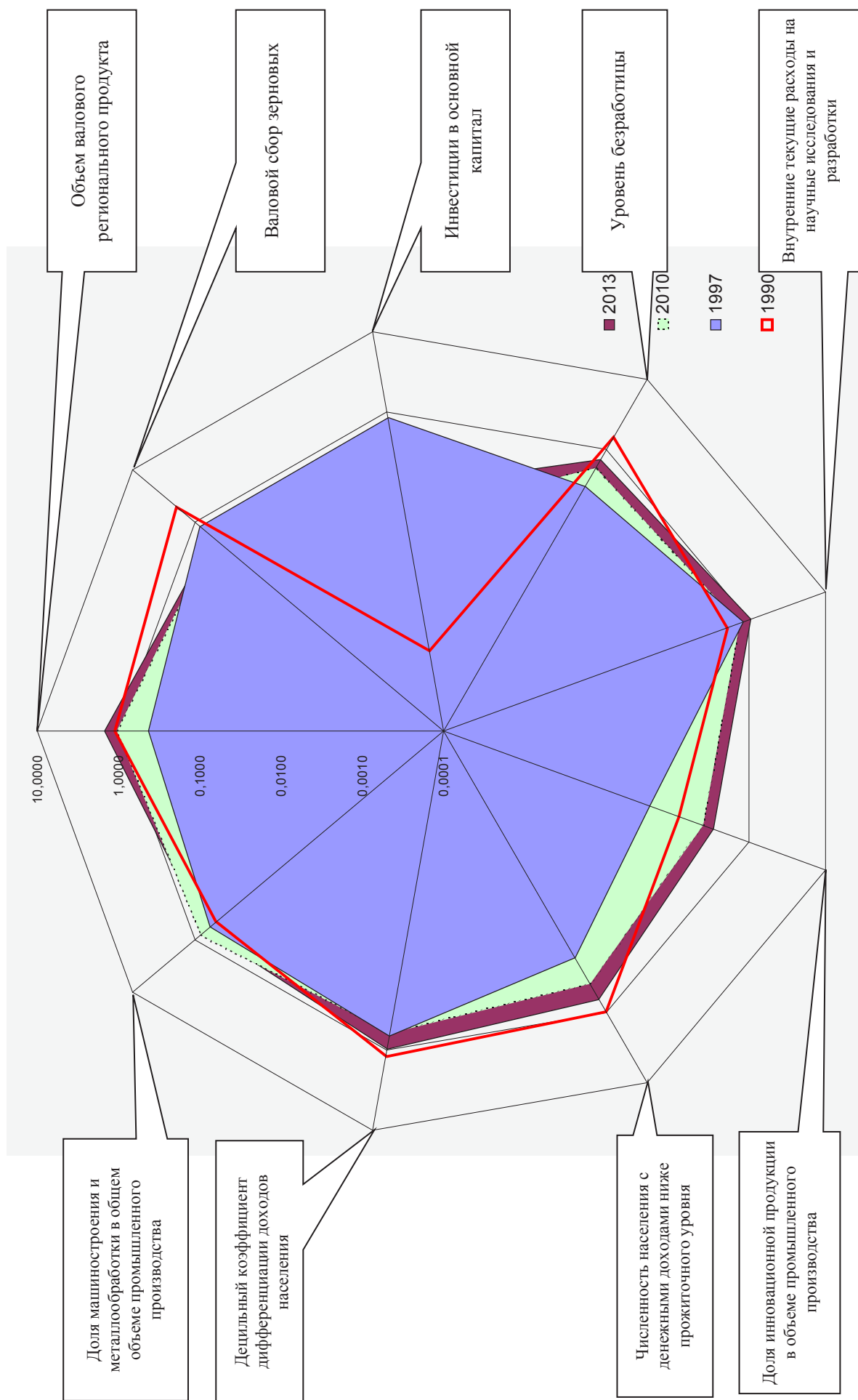

Рис. 4. Значения нормированных показателей региональной экономической безопасности Забайкалья

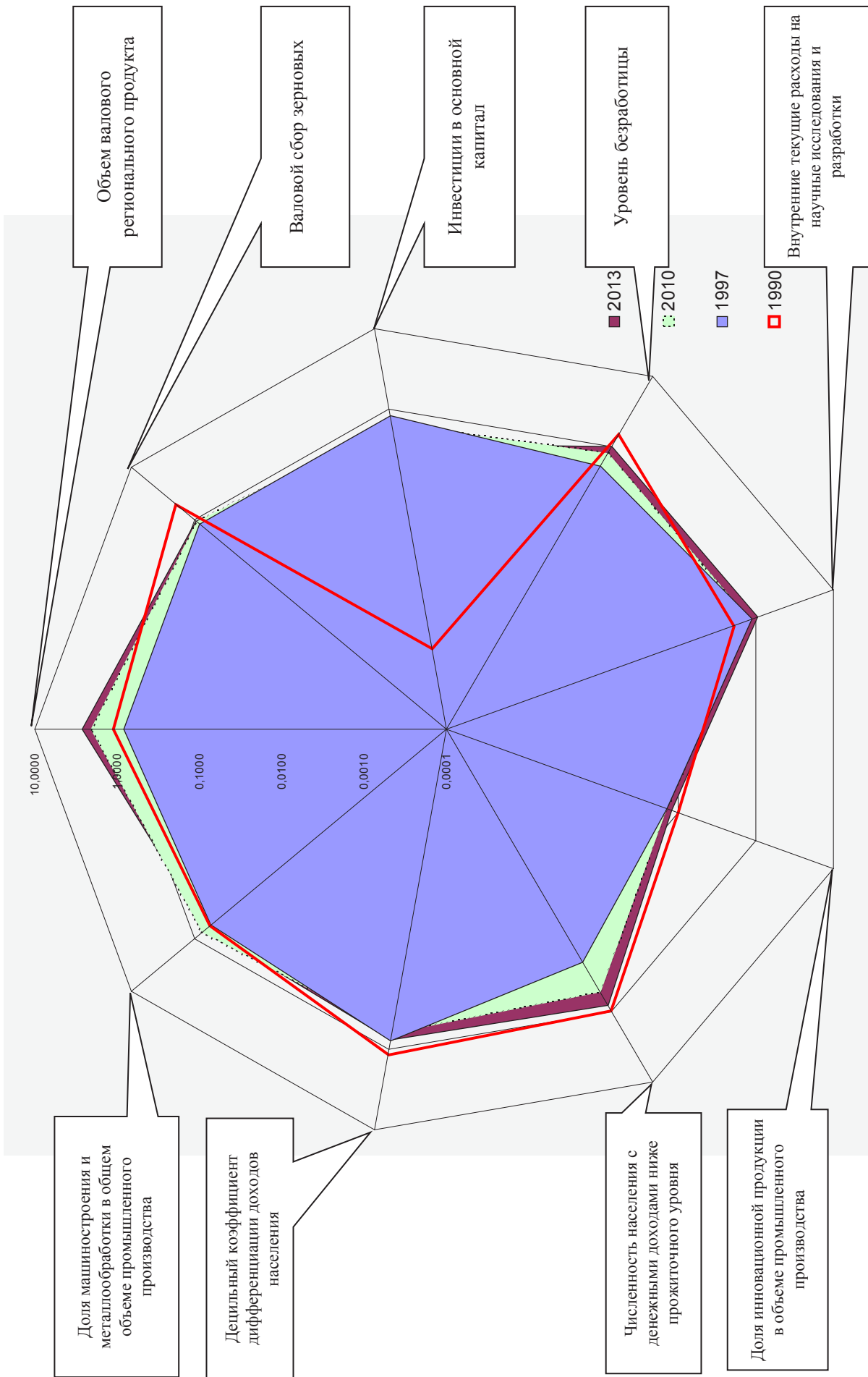

Рис. 5. Значения нормированных показателей региональной экономической безопасности Дальнего Востока

Аналогично оценка *общих интегральных уровней* экономической безопасности восточных регионов России может базироваться на определении значений *общих нормированных показателей* безопасности хозяйства каждого региона, расчетная формула которого может в первом приближении иметь вид:

$$U_{ЭБ,j} = \prod_{i=1}^I \beta_i^{\alpha_i} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}}, \prod_{i=1}^I \alpha_i = 1, \prod_{i=1}^I \alpha_{i,j} = 1,$$

где $U_{ЭБ,j}$ – общий нормированный показатель уровня безопасности экономики j -го региона;

α_i – вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего региональную экономическую безопасность j -го региона;

$\beta_{i,j}$ – значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего региональную экономическую безопасность j -го региона (региональную составляющую общего нормированного показателя уровня безопасности хозяйства j -го региона).

Результаты расчетов значений общих (интегральных) показателей экономической безопасности России, Западной и Восточной Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока в период 1997–2010 гг. и в перспективе до 2013 года представлены в табл. 10 и на рис. 6.

Таким образом становятся очевидными как влияние мирового финансово-экономического кризиса на уровень безопасности национального хозяйства Российской Федерации и ее восточных регионов, так и возможность повышения уровня экономической безопасности Западной и Восточной Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока в перспективе до 2013 года в случае реализации антикризисных планов экономического роста и социально-экономического развития нашей страны.

* * *

Рыночные преобразования в России укрепили ее связь с другими государствами, с национальными хозяйствами экономически развитых и развивающихся стран, превратив отечественную экономику в органичную часть мирового хозяйства. При этом хозяйства восточных регионов имеют потенциал более глубокой интеграции с северными

регионами Китая, а также регионами Японии и Республики Корея.

Экономические итоги и прогнозы представляют интерес не просто как дань академической науке. Они важны в первую очередь для оценки текущей экономической политики и ее влияния на использование потенциала экономики страны и хозяйств отдельных регионов, обеспечение экономической безопасности государства в целом и региональной экономической безопасности.

Мировой финансово-экономический кризис значительно повлиял на возможности нашей страны по повышению уровня своей экономической безопасности и уровней безопасности хозяйств наших восточных регионов, что обуславливает необходимость принятия и реализации не только дополнительных антикризисных мер, но и мер по ускорению технологического обновления экономики России, Западной и Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока.

Литература

1. Гордиенко, Д. В. Обеспечение экономической безопасности государства в условиях кризиса : учеб. пособие / Д. В. Гордиенко. – М. : «Дело» РАНХ и ГС, 2012. – 368 с. : ил.
2. Гордиенко, Д. В. Основы экономической безопасности государства : курс лекций : учебно-метод. пособие / Д. В. Гордиенко. – М. : Финансы и статистика : Инфра-М, 2009. – 224 с. : ил.
3. Гордиенко, Д. В. Обеспечение экономической безопасности государства : монография / Д. В. Гордиенко. – М. : ВАГШ ВС РФ, 2009. – 301 с. : ил.
4. Гордиенко, Д. В. Основы экономической безопасности государства : монография / Д. В. Гордиенко, В. В. Баскаков. – 2-е изд., расшир. – М. : Министерство обороны РФ, 2007. – 164 с.
5. Гордиенко, Д. В. Военно-экономическая безопасность государства : монография / Д. В. Гордиенко, А. С. Хохлов. – М. : ВАГШ ВС РФ, 2008. – 297 с.
6. Экономическая безопасность России : общий курс : учебник / под ред. В. К. Сенчагова. – М. : изд-во «Дело», 2005. – 806 с.
7. Экономическая и национальная безопасность : учебник / под ред. Е. А. Олейникова. – М. : изд-во «Экзамен», 2004. – 768 с.

ЗНАЧЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

	Значения нормированных показателей, характеризующих	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Российская Федерация	Объем валового внутреннего продукта	1,100	0,910	0,560	0,560	0,570	0,580	0,590	0,620	0,700	0,890	1,000
	Валовой сбор зерновых	1,950	1,490	1,780	1,650	1,360	1,060	1,160	1,480	0,800	0,910	1,090
	Инвестиции в основную капитал	0,001	0,001	0,020	0,200	0,720	1,300	1,310	1,250	1,130	1,090	1,270
	Уровень безработицы	1,510	1,430	1,380	1,360	0,990	0,850	0,820	0,680	0,610	0,620	0,750
	Расходы на «гражданскую науку»	0,510	0,470	0,420	0,400	0,360	0,630	0,720	0,800	0,740	0,840	0,890
	Долю инновационной продукции в объеме промышленного производства	0,110	0,110	0,100	0,090	0,090	0,100	0,120	0,170	0,120	0,180	0,220
	Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного уровня	0,970	0,920	0,750	0,690	0,530	0,380	0,330	0,290	0,190	0,230	0,240
	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения	1,270	0,980	0,720	0,620	0,600	0,590	0,600	0,590	0,580	0,570	0,580
	Долю машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства	1,150	0,940	0,750	0,750	0,720	0,640	0,650	0,630	0,600	0,650	0,650
Значение интегрального показателя экономической безопасности Российской Федерации	2,6E-4	8,5E-5	4,7E-4	2,9E-3	4,1E-3	6,1E-3	8,2E-3	1,1E-2	2,3E-3	7,1E-3	1,8E-2	

Таблица 10

БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	Оценка		Прогноз			Значения нормированных показателей, характеризующих
								2009	2010	2011	2012	2013	
1,070	1,160	1,420	1,640	1,740	1,860	2,010	2,270	2,040	2,120	2,120	2,210	2,310	Объем валового внутреннего продукта
1,420	1,440	1,120	1,300	1,300	1,310	1,360	1,970	1,630	1,040	1,330	1,420	1,500	Валовой сбор зерновых
1,310	1,260	1,270	1,280	1,250	1,310	1,480	0,990	0,450	0,780	1,030	1,030	1,090	Инвестиции в основной капитал
0,890	1,010	0,980	1,030	1,110	1,110	1,310	1,250	0,960	1,000	1,040	1,050	1,080	Уровень безработицы
0,980	1,030	1,050	0,930	0,850	0,850	0,890	1,010	1,180	1,230	1,420	1,630	1,960	Расходы на «гражданскую науку»
0,240	0,230	0,290	0,260	0,200	0,240	0,280	0,280	0,310	0,340	0,530	0,600	0,630	Долю инновационной продукции в объеме промышленного производства
0,250	0,280	0,340	0,400	0,400	0,460	0,520	0,630	0,530	0,580	0,640	0,700	0,780	Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного уровня
0,580	0,570	0,550	0,530	0,530	0,500	0,480	0,480	0,480	0,480	0,530	0,570	0,660	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения
0,800	0,800	0,800	0,650	0,540	0,530	0,530	0,510	0,490	0,490	0,510	0,540	0,510	Долю машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства
4,8E-2	6,4E-2	9,0E-2	9,4E-2	6,1E-2	8,8E-2	1,7E-1	2,4E-1	6,6E-2	9,8E-2	3,9E-1	7,2E-1	1,3	Значение интегрального показателя экономической безопасности Российской Федерации

ЗНАЧЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

	Значения нормированных показателей, характеризующих	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Западная Сибирь	Объем валового регионального продукта	1,100	0,930	0,590	0,620	0,660	0,560	0,630	0,620	0,670	0,780	0,960
	Валовой сбор зерновых	1,560	1,490	1,760	1,680	1,220	1,620	1,310	1,330	1,170	1,140	1,620
	Инвестиции в основной капитал	0,001	0,001	0,030	0,240	0,710	1,420	1,550	1,540	1,120	1,060	1,510
	Уровень безработицы	1,510	1,440	1,400	1,290	1,000	1,140	0,960	0,990	0,660	0,710	0,750
	Внутренние текущие расходы на научные исследования и разработки	0,510	0,470	0,420	0,400	0,360	0,570	0,650	0,740	0,650	0,660	0,720
	Долю инновационной продукции в объеме промышленного производства	0,130	0,100	0,120	0,080	0,080	0,060	0,070	0,070	0,060	0,060	0,080
	Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного уровня	0,970	1,010	0,920	0,760	0,650	0,420	0,330	0,250	0,180	0,180	0,190
	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения	1,160	1,090	0,900	0,890	0,750	0,740	0,670	0,650	0,730	0,820	0,830
	Долю машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства	1,090	1,630	0,890	0,910	0,960	0,840	0,640	0,720	0,690	0,670	0,620
Значение интегрального показателя экономической безопасности Западной Сибири	2,1E-4	1,7E-4	1,6E-3	6,4E-3	7,7E-3	1,3E-2	7,9E-3	7,6E-3	2,0E-3	2,6E-3	9,9E-3	

Таблица 11

БЕЗОПАСНОСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	Оценка		Прогноз			Значения нормированных показателей, характеризующих
								2009	2010	2011	2012	2013	
1,090	1,190	1,470	1,810	2,010	2,020	1,970	2,140	1,750	1,800	1,800	1,870	1,960	Объем валового регионального продукта
2,170	1,770	1,420	1,650	1,500	1,590	1,940	1,970	1,960	1,970	1,960	1,970	1,980	Валовой сбор зерновых
1,610	1,540	1,460	1,330	1,190	1,270	1,390	1,030	0,440	0,890	1,070	1,250	1,310	Инвестиции в основной капитал
0,910	0,880	0,860	0,990	1,240	1,250	1,280	1,360	1,060	1,090	1,110	1,190	1,360	Уровень безработицы
0,820	0,870	0,920	0,810	0,720	0,740	0,750	0,700	0,970	1,050	1,220	1,400	1,690	Внутренние текущие расходы на научные исследования и разработки
0,060	0,240	0,260	0,260	0,050	0,060	0,080	0,090	0,120	0,170	0,210	0,270	0,340	Долю инновационной продукции в объеме промышленного производства
0,200	0,240	0,250	0,270	0,270	0,300	0,360	0,360	0,390	0,400	0,440	0,550	0,780	Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного уровня
0,830	0,710	0,690	0,660	0,660	0,560	0,600	0,600	0,600	0,690	0,760	0,820	0,940	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения
0,690	0,640	0,680	0,610	0,580	0,540	0,540	0,520	0,510	0,520	0,520	0,510	0,500	Долю машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства
2,0E-2	6,5E-2	7,4E-2	9,0E-2	1,7E-2	2,1E-2	4,8E-2	4,2E-2	2,2E-2	8,8E-2	1,9E-1	4,8E-1	1,5	Значение интегрального показателя экономической безопасности Западной Сибири

ЗНАЧЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

	Значения нормированных показателей, характеризующих	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Восточная Сибирь	Объем валового регионального продукта	1,100	1,140	0,860	1,050	1,110	1,050	1,000	1,080	1,190	1,490	1,730
	Валовой сбор зерновых	1,950	2,120	1,920	1,990	1,600	1,730	1,310	1,720	1,340	1,150	1,240
	Инвестиции в основной капитал	0,001	0,001	0,020	0,170	0,570	1,160	1,210	0,980	0,760	0,660	0,750
	Уровень безработицы	1,510	1,450	1,380	1,100	0,710	0,480	0,470	0,410	0,410	0,380	0,370
	Внутренние текущие расходы на научные исследования и разработки	0,510	0,470	0,420	0,400	0,360	0,560	0,650	0,740	0,630	0,600	0,650
	Долю инновационной продукции в объеме промышленного производства	0,100	0,120	0,120	0,120	0,170	0,150	0,180	0,170	0,250	0,200	0,010
	Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного уровня	0,970	1,010	0,920	0,550	0,490	0,280	0,240	0,190	0,140	0,150	0,170
	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения	1,170	1,080	0,990	0,860	0,660	0,470	0,730	0,720	0,710	0,700	0,710
	Долю машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства	0,630	0,650	0,820	0,800	0,820	0,770	0,380	0,930	0,620	0,850	0,680
Значение интегрального показателя экономической безопасности Восточной Сибири	1,2E-4	1,4E-4	1,7E-3	7,1E-3	1,2E-2	8,6E-3	5,8E-3	1,2E-2	4,8E-3	4,6E-3	3,2E-4	

Таблица 12

БЕЗОПАСНОСТИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	Оценка		Прогноз			Значения нормированных показателей, характеризующих
								2009	2010	2011	2012	2013	
1,690	1,580	1,860	2,150	2,130	2,400	2,580	2,520	2,060	2,120	2,120	2,210	2,310	Объем валового регионального продукта
1,490	1,220	1,180	1,370	1,170	1,100	1,360	1,400	1,400	1,410	1,410	1,420	1,410	Валовой сбор зерновых
0,810	0,670	0,660	0,650	0,740	0,920	1,040	0,800	0,410	0,690	0,750	0,800	0,840	Инвестиции в основной капитал
0,390	0,410	0,440	0,430	0,430	0,510	0,550	0,610	0,600	0,600	0,610	0,620	0,700	Уровень безработицы
0,750	0,760	0,810	0,710	0,650	0,600	0,790	0,880	0,990	1,150	1,330	1,470	1,620	Внутренние текущие расходы на научные исследования и разработки
0,020	0,140	0,150	0,110	0,050	0,080	0,090	0,100	0,110	0,120	0,140	0,160	0,180	Долю инновационной продукции в объеме промышленного производства
0,190	0,210	0,210	0,210	0,230	0,270	0,270	0,310	0,360	0,400	0,470	0,550	0,780	Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного уровня
0,800	0,700	0,760	0,730	0,730	0,690	0,660	0,660	0,660	0,750	0,730	0,890	1,040	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения
0,890	1,030	1,120	1,120	1,080	1,050	1,080	1,120	1,100	1,130	1,150	1,140	1,130	Долю машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства
1,6E-3	8,5E-3	1,4E-2	1,1E-2	4,7E-3	1,2E-2	2,7E-2	3,5E-2	2,0E-2	5,8E-2	1,0E-1	2,0E-1	5,1E-1	Значение интегрального показателя экономической безопасности Восточной Сибири

ЗНАЧЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

	Значения нормированных показателей, характеризующих	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Забай- калье	Объем валового регионального продукта	1,100	0,920	0,560	0,570	0,570	0,470	0,410	0,430	0,450	0,520	0,540
	Валовой сбор зерновых	1,950	1,860	1,350	1,540	0,750	0,880	0,850	0,830	0,760	0,460	0,500
	Инвестиции в основной капитал	0,001	0,001	0,020	0,170	0,550	0,940	0,900	0,830	0,710	0,640	0,770
	Уровень безработицы	1,510	1,340	1,110	1,040	0,690	0,450	0,410	0,300	0,280	0,330	0,320
	Внутренние текущие расходы на научные исследования и разработки	0,510	0,460	0,420	0,400	0,360	0,610	0,700	0,860	0,690	0,840	0,950
	Долю инновационной продукции в объеме промышленного производства	0,120	0,100	0,080	0,080	0,070	0,050	0,050	0,050	0,050	0,030	0,170
	Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного уровня	0,970	0,920	0,590	0,480	0,370	0,300	0,210	0,170	0,130	0,140	0,120
	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения	1,160	1,090	0,900	0,780	0,670	0,590	0,860	0,650	0,640	0,630	0,640
	Долю машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства	0,450	0,760	0,800	0,820	0,580	0,760	0,570	0,570	0,430	0,500	0,720
Значение интегрального показателя экономической безопасности Забайкалья	1,0E-4	8,0E-5	2,4E-4	1,5E-3	5,9E-4	7,2E-4	4,6E-4	2,4E-4	8,4E-5	5,6E-5	5,9E-4	

Таблица 13

БЕЗОПАСНОСТИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	Оценка		Прогноз			Значения нормированных показателей, характеризующих
								2009	2010	2011	2012	2013	
0,580	0,650	0,830	0,880	0,830	0,900	0,940	1,060	0,970	1,050	1,160	1,310	1,470	Объем валового регионального продукта
0,380	0,630	0,380	0,300	0,510	0,370	0,340	0,350	0,520	0,500	0,510	0,530	0,530	Валовой сбор зерновых
0,860	0,660	0,860	0,740	0,650	0,730	0,550	0,060	0,050	0,050	0,060	0,060	0,110	Инвестиции в основной капитал
0,350	0,440	0,370	0,430	0,520	0,530	0,580	0,630	0,560	0,560	0,670	0,700	0,730	Уровень безработицы
1,050	1,030	0,980	0,870	0,740	0,740	0,710	0,680	0,710	0,740	0,850	0,980	1,050	Внутренние текущие расходы на научные исследования и разработки
0,420	0,210	0,090	0,130	0,210	0,170	0,220	0,260	0,270	0,250	0,240	0,250	0,350	Долю инновационной продукции в объеме промышленного производства
0,150	0,180	0,220	0,230	0,270	0,290	0,330	0,330	0,380	0,400	0,460	0,540	0,650	Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного уровня
0,640	0,630	0,610	0,660	0,590	0,630	0,600	0,600	0,530	0,600	0,660	0,820	0,940	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения
0,940	1,030	1,300	1,190	1,070	0,970	1,120	1,080	0,990	0,810	0,750	0,690	0,670	Долю машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства
2,6E-3	3,0E-3	1,5E-3	1,7E-3	3,8E-3	2,9E-3	3,5E-3	5,3E-4	5,4E-4	5,3E-4	1,1E-3	2,2E-3	9,4E-3	Значение интегрального показателя экономической безопасности Забайкалья

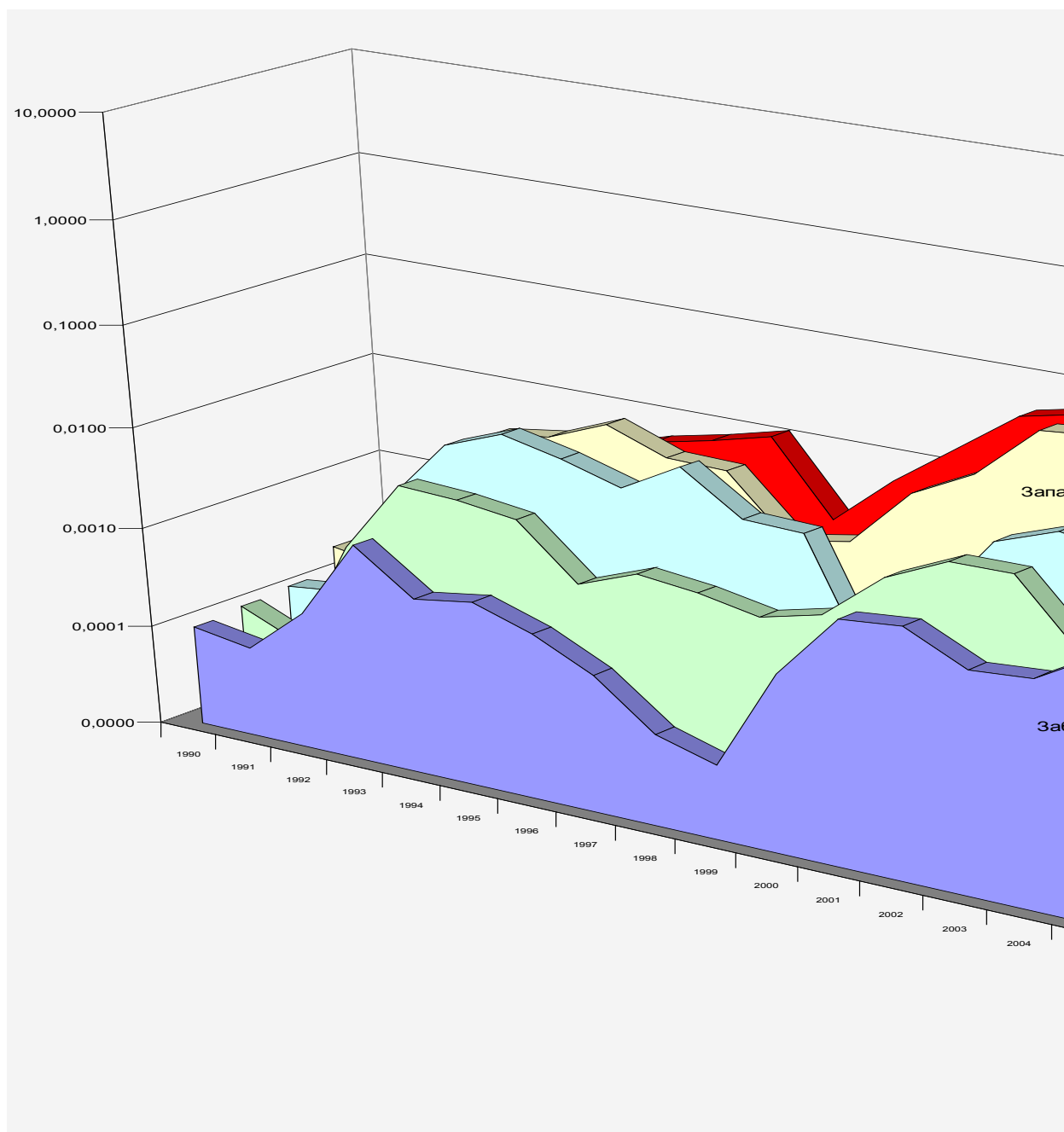
ЗНАЧЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

	Значения нормированных показателей, характеризующих	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Дальний Восток	Объем валового регионального продукта	1,100	0,930	0,580	0,660	0,810	0,770	0,830	0,830	0,970	1,190	1,170
	Валовой сбор зерновых	1,950	1,690	1,790	1,390	1,010	0,720	0,850	0,840	0,840	0,620	0,460
	Инвестиции в основной капитал	0,001	0,001	0,020	0,180	0,540	0,860	0,850	0,800	0,730	0,840	0,740
	Уровень безработицы	1,510	1,480	1,430	1,340	1,000	0,700	0,920	0,540	0,500	0,490	0,570
	Внутренние текущие расходы на научные исследования и разработки	0,510	0,470	0,430	0,410	0,360	0,690	0,690	0,900	0,740	0,920	0,950
	Долю инновационной продукции в объеме промышленного производства	0,100	0,120	0,100	0,120	0,070	0,070	0,070	0,070	0,070	0,060	0,040
	Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного уровня	0,970	0,920	0,690	0,550	0,450	0,380	0,260	0,200	0,160	0,160	0,170
	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения	1,140	1,110	1,080	1,120	0,900	0,760	0,770	0,760	0,750	0,740	0,750
	Долю машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства	0,580	0,460	0,800	0,610	0,840	0,680	0,180	0,550	0,740	0,530	1,330
Значение интегрального показателя экономической безопасности Дальнего Востока		1,1E-4	6,2E-5	7,6E-4	4,1E-3	3,8E-3	3,2E-3	9,6E-4	1,6E-3	1,4E-3	1,1E-3	1,5E-3

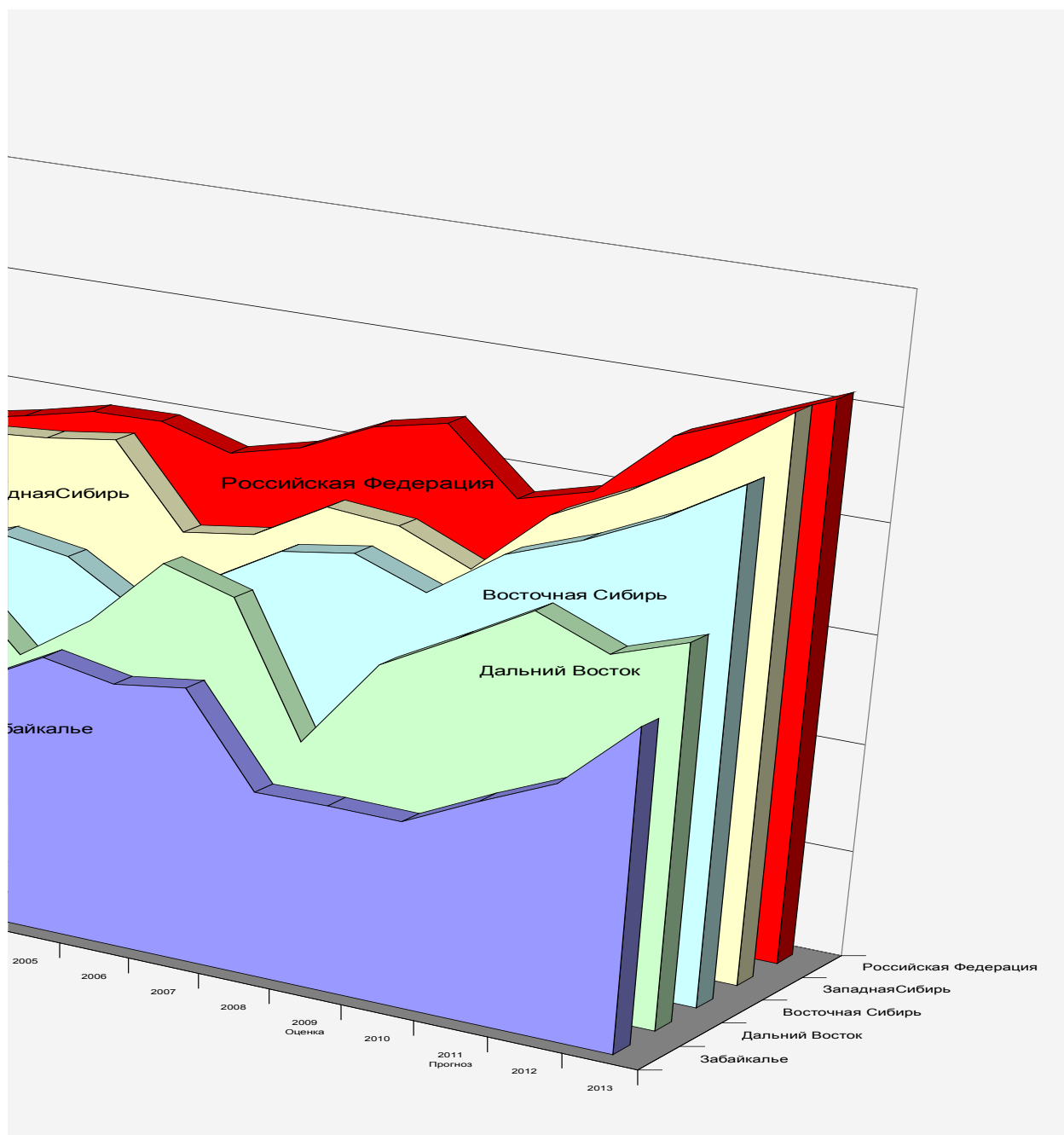
Таблица 14

БЕЗОПАСНОСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	Оценка		Прогноз			Значения нормированных показателей, характеризующих
								2009	2010	2011	2012	2013	
1,270	1,360	1,610	1,730	1,730	1,800	2,000	2,230	1,850	2,090	2,240	2,430	2,660	Объем валового регионального продукта
0,600	0,850	0,480	0,400	0,570	0,640	0,830	0,930	0,880	0,920	0,920	0,940	0,950	Валовой сбор зерновых
0,940	1,030	1,000	1,230	1,210	1,170	1,040	0,080	0,380	0,630	0,750	0,370	0,370	Инвестиции в основной капитал
0,720	0,840	0,860	0,830	0,920	0,980	1,090	1,140	0,920	0,820	0,920	0,970	1,030	Уровень безработицы
1,100	1,120	1,170	0,930	0,900	0,930	0,880	0,830	0,790	0,860	0,930	0,900	1,060	Внутренние текущие расходы на научные исследования и разработки
0,050	0,040	0,050	0,020	0,020	0,070	0,060	0,030	0,070	0,070	0,100	0,080	0,080	Долю инновационной продукции в объеме промышленного производства
0,200	0,260	0,310	0,330	0,380	0,400	0,440	0,460	0,490	0,550	0,580	0,680	0,830	Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного уровня
0,660	0,640	0,620	0,600	0,600	0,570	0,540	0,540	0,540	0,620	0,680	0,740	0,750	Децильный коэффициент дифференциации доходов населения
1,170	1,090	1,100	0,770	1,220	1,220	0,660	0,850	0,810	0,750	0,690	0,670	0,660	Долю машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства
4,4E-3	8,1E-3	8,2E-3	2,0E-3	5,5E-3	2,4E-2	1,6E-2	9,9E-4	6,7E-3	1,5E-2	3,6E-2	2,0E-2	3,4E-2	Значение интегрального показателя экономической безопасности Дальнего Востока

Рис. 6. Динамика изменений значений интегрированных показателей экономической безопасности Забайкалья, и

Российской Федерации и региональной экономической безопасности Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока

*Л. А. Животовский,
доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
лауреат Гос. премии в обл. науки и техники РФ,
лауреат премии РАН в обл. эволюционных исследований,
Институт общей генетики им. Н. И. Вавилова РАН (Москва)*

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЛОСОСЕВЫХ РЫБ САХАЛИНА И ЮЖНЫХ КУРИЛ

Цель статьи – представить информацию о многолетних ДНК-исследованиях лососевых рыб Сахалинской области, проводимых для изучения генетических ресурсов региона. ДНК-идентификация стад лососей чрезвычайно важна для экономической безопасности Российской Федерации в случае возникновения спорных проблем о стране и месте происхождения объектов промысла. ДНК-маркеры позволяют выделить популяционные компоненты стад в целях оптимального регулирования их запасов. ДНК-анализ оказывается важным для разработки стратегии воспроизводства рыбных запасов, сертификации промысла, оценки взаимодействия заводских и диких популяций лососей. В качестве основных примеров взяты: один из важнейших промысловых видов и объектов аквакультуры – кета, а также сахалинский таймень – биологический природоохранный символ Сахалина. Показано, что каждый из этих видов состоит из генетически различных популяций, обеспечивающих наследственное биоразнообразие и приспособленных к своему местообитанию. Поэтому необходимо создание популяционного кадастра этих видов, на основе которого должны строиться стратегия эксплуатации, воспроизводства и охрана биоресурсов. Для этого следует наладить регулярный эколого-генетический мониторинг стад лососевых рыб и анализ информации об их состоянии и динамике. В Сахалинской области необходимо развивать собственные ДНК-исследования не только по лососям, но и по другим животным, растениям, а также по человеку, чтобы в этой важной для практики области науки быть на уровне стран Тихоокеанского региона.

ВВЕДЕНИЕ

Запасы рыб являются стратегически важными биологическими ресурсами, которые, как нефть и газ, надо разведывать и описывать с тем, чтобы рационально использовать их. Передовые страны Тихоокеанского бассейна – США и Канада – давно уже внедрили в рыбохозяйственную практику регулярный биологический мониторинг популяций лососевых рыб: в каждом нерестовом бассейне, реке или озере, на лососевом рыболовном заводе

(ЛРЗ) каждый вид рыб характеризуется набором параметров. Наряду с экологическими данными о состоянии бассейна воспроизводства, численности рыб, вылове, заполнении нерестилищ производителями, плотности молоди в прибрежье и пр. каждая популяция лососевых рыб в данном бассейне обязательно описывается ее генетическим профилем, который определяется на основе ДНК-маркеров.

Изучение ДНК-маркеров стало необходимым по той причине, что только с их помощью можно с высокой надежностью выделить наследственно различные группировки стада лососей, определить уникальность популяций, выявить страну и место происхождения рыб в уловах, проверить генетические критерии согласно программам сертификации морского рыболовства, разработать стратегию охраны редких и исчезающих видов и др. Все это стало возможным лишь в последние 15 лет в связи с развитием молекулярно-биологических методов, а также разработкой компьютерных программ для анализа больших объемов информации.

Основная фундаментальная проблема, которую нужно решить и которая уже решается нами, – это ДНК-паспортизация всех основных стад лососевых рыб. Объекты ДНК-паспортизации – как промысловые виды лососевых, так и виды, требующие охраны. Принцип исследования – многолетние сборы материала, охватывающие весь ареал изучаемого вида. Это позволяет делать системные выводы в целом по Сахалинской области с учетом популяций лососей в остальных регионах Дальнего Востока России.

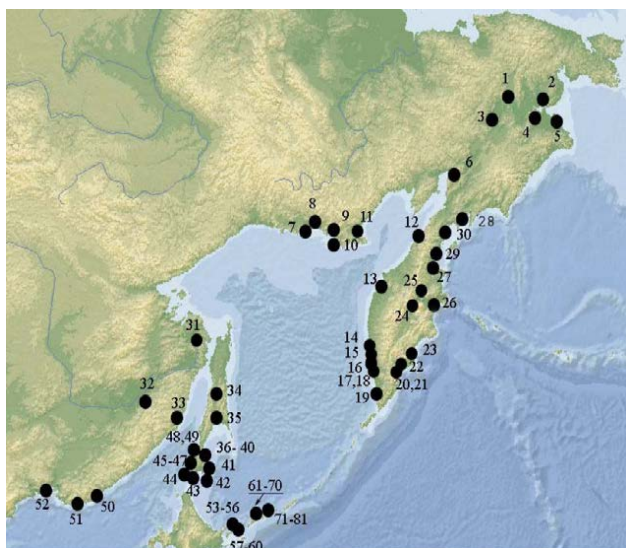
Мы выбрали два вида в качестве первых основных объектов исследования: из промысловых видов – кету, а из охраняемых видов – сахалинского тайменя как символа биоты Сахалина. Сейчас мы расширяем генетические исследования на другие виды лососевых рыб Сахалинской области.

КЕТА

В начале 2000-х наша исследовательская группа после вынужденного длительного перерыва в научных исследованиях вернулась к изучению ге-

нетики лососей Дальнего Востока, в первую очередь – Сахалинской области, и внедрила в практику недавно разработанные ДНК-методы, которые до того мы использовали в эволюционных исследованиях по человеку и в судебной генетике [1–4]. В первую очередь мы занялись исследованием кеты, которая уже тогда представлялась как вид более перспективный для масштабного искусственного разведения лососей, чем горбуша. Хорошо зная регион (работая на Сахалине и Итурупе с конца 1970-х по начало 1990-х), мы разработали стратегию исследования кеты, охватывающую как заводские стада Сахалина и Южных Курил, так и пока оставшиеся дикие популяции кеты – в первую очередь Итурупа и Кунашира. А поскольку невозможно судить о глобальной популяционной структуре вида не имея информации о других популяционных группировках, то мы расширили наши исследования на весь Дальний Восток России.

В настоящее время наши исследования за период с 2003 по 2012 г. охватили более 350 популяционных выборок азиатской кеты, каждая объемом в среднем от 30 до 50 рыб (всего более 15 тыс. рыб) из рек Сахалина, Итурупа, Кунашира, При-

Рис. 1. Общая схема собранных биологических образцов для базы ДНК-маркеров по кете российского Дальнего Востока (более 350 популяционных выборок, около 15 тыс. рыб) [9].

Регионы исследования: Чукотка (1–5), Магадан (7–11), Камчатка (6, 12–30), Хабаровский край (31–33), Сахалин (34–49), Приморье (50–52), о. Кунашир (53–60), о. Итуруп (61–81).

Каждый кружок указывает один или несколько соседних водоемов. Выборки собраны в период с 2003 по 2012 г. Многие водоемы представлены несколькими выборками, взятыми за несколько лет с ряда участков в течение нерестового хода.

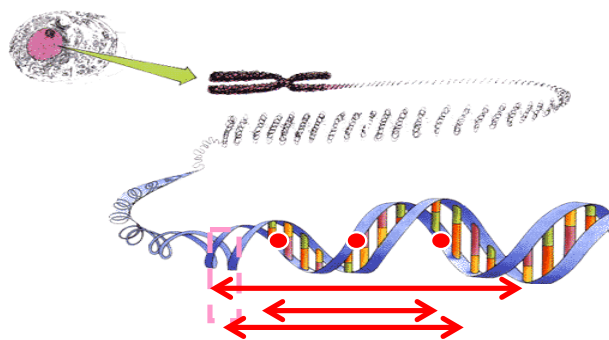
морья, Хабаровского края, Магаданской области, Камчатки и Чукотки (рис. 1), а также переданный американскими коллегами материал по кете Аляски, где расположены основные популяции кеты

Рис. 2. Взятие биологического образца для дальнейшего ДНК-анализа

Северной Америки. Очень важно отметить, что для ДНК-анализа достаточно малого биологического образца, например, небольшого кусочка плавника (рис. 2), который фиксируется в этаноле непосредственно после взятия.

Поэтому если не требуется стандартного биологического анализа, важного в рыболовной и ихтиологической практике (размеры, вес целой и поротой рыбы, вес гонад, плодовитость самок), то изъятие биологической пробы для ДНК-анализа не портит товарного вида рыбы и занимает мало вре-

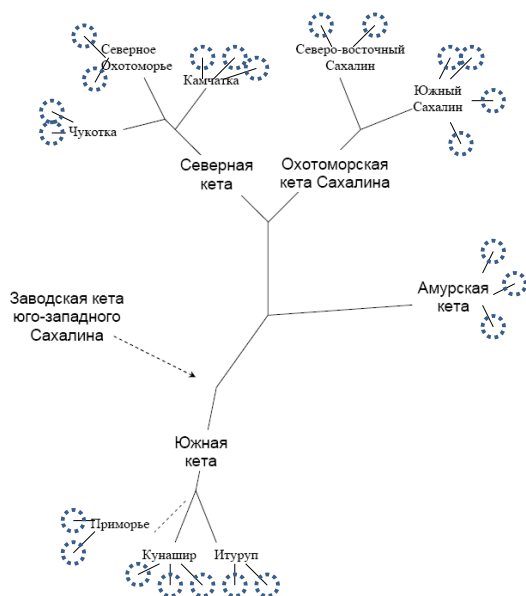
Рис. 3. Схема анализа ДНК-маркеров.

Пояснение: вначале из биологического образца выделяется вся клеточная ДНК. Затем с помощью т. н. полимеразной цепной реакции (ПЦР) вырезаются и многократно копируются такие фрагменты ДНК (штрихованный прямоугольник), по которым особи могут отличаться друг от друга. Эти различия могут затрагивать отдельные нуклеотиды (кружочки) либо размер фрагмента (стрелки). Состав фрагментов ДНК определяется на специальном приборе.

мени, а сам биологический образец хорошо хранится и легко транспортируется в небольшой пробирке. Затем проводится ДНК-анализ в специально оборудованной лаборатории, оснащенной необходимыми приборами и реактивами (рис. 3).

Результаты исследований по кете представлены в научных статьях и отчетах [5–15 и др.] и докладывались как на отечественных, так и международных конференциях и совещаниях, в том числе в Южно-Сахалинске. Кратко их можно суммировать так.

Крупномасштабная, глобальная популяционная структура кеты Дальнего Востока России – это широко разветвленная сеть значительно различающихся больших группировок, генетическим костяком которой является кета Сахалинской области (рис. 4). Особое положение последней связано с тем, что зоной рефугиума азиатской кеты, то есть места, где она переживала период

Рис. 4. Сеть популяций кеты Дальнего Востока по данным о ДНК-маркерах [9].

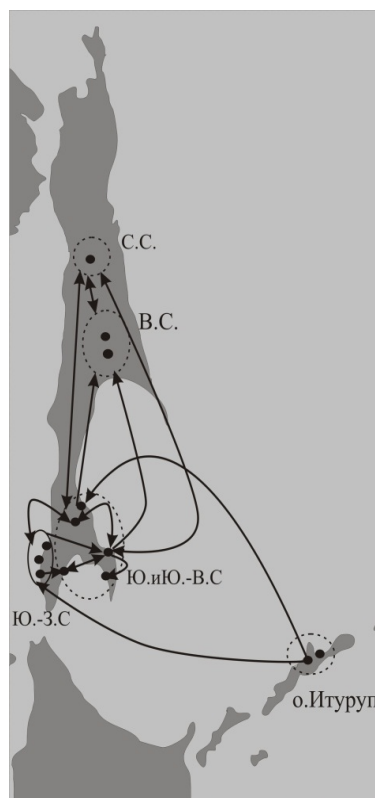
Популяционная структура кеты – это широко разветвленная сеть больших генетически различающихся группировок и локальных субгруппировок и популяций.

Пояснение: линии связывают генетически сходные группировки кеты. Характерно, что наиболее разнообразна кета Сахалинской области. Она состоит из четырех крупных группировок: кеты Южных Курил (входит в кластер южной кеты); двух ветвей охотоморской кеты: южного (юго-восток и зал. Анива) и северо-восточного Сахалина; особняком стоящей заводской кеты юго-западного Сахалина, происхождение которой неясно.

Короткими линиями по краям сети и штриховыми кружками схематически представлены генетически различающиеся субгруппировки и популяции кеты в пределах каждой большой группировки.

оледенения, являлась зона вокруг Южных Курил, Приморья, Хоккайдо, где сейчас обитает наиболее разнообразная южная группировка кеты и откуда после последнего оледенения азиатская кета стала распространяться в более высокие широты через Сахалин и Хабаровский край.

Сразу же напрашивающийся вывод из выявленных значительных генетических различий между крупными группировками кеты Сахалинской области – это запрет на перевозки оплодотворенной икры кеты между ЛРЗ из этих группировок. В лучшем случае такие перевозки могут быть неэффективными за счет элиминации привнесенных «чужих» генотипов. В худшем – приведут к перемешиванию генофондов, утере уникальных генотипов, приспособленных к локальным условиям регионов, и к деградации популяции-реципиента, то есть того стада кеты, в которое перевозят икру с благими намерениями

Рис. 5. Схема перевозок оплодотворенной икры кеты между ЛРЗ Сахалинской области за период 1960–2000 гг. [7].

Обозначения:

- С.С. – северный Сахалин («Адо-Тымовский» ЛРЗ);
- В.С. – восточный Сахалин («Побединский» и «Буюкловский» ЛРЗ);
- Ю.-З.С. – юго-западный Сахалин («Калининский», «Сокольниковский» и «Ясноморский» ЛРЗ);
- Ю. и Ю.-В.С. – южный (зал. Анива: ЛРЗ «Таранайский» и «Монетка») и юго-восточный Сахалин («Соколовский» и «Охотский» ЛРЗ);
- о. Итуруп («Курильский» и «Рейдовый» ЛРЗ).

быстро разогнать ее до большой численности. По поговорке «тише едешь – дальше будешь» лучше постепенно увеличивать размер заводского стада кеты на основе своих собственных производителей, чем пытаться это сделать немедленно за счет отдаленных перевозок «чуждой» рыбы. Рисунок 5 показывает, что еще сравнительно недавно практиковались подобные отдаленные перевозки кеты, что несомненно отрицательно сказалось на репродуктивных и приспособительных показателях затронутых стад кеты.

Надо сказать, что даже в пределах одного района перевозка икры кеты между ЛРЗ может быть принята только после доказательства генетико-экологической близости стада-донора и стада-реципиента или же если завоз необходим для реинтродукции или создания нового стада в тех местах, где кеты не было.

То, что даже географически близкие популяции кеты могут генетически заметно различаться, тем самым внося положительный вклад в общее биоразнообразие, продемонстрировали наши многолетние исследования кеты о. Итуруп (рис. 6). Было показано, что многие популяции кеты, как дикие, так и поддерживаемые на ЛРЗ, генетически отличаются друг от друга, что явилось теоретической основой для детального исследования в целях сертификации морского промысла кеты компанией «Гидрострой» [6]. Даже в соседние реки могут заходить

генетически сильно различающиеся стада кеты. Например, кета реки Курилки, включая заводское стадо ЛРЗ «Курильский», генетически резко отличается от кеты, нерестящейся в р. Рыбацкая, хотя они впадают в один и тот же залив и расстояние между устьями обеих рек менее четырех километров (точки 19 и 20 на рис. 6).

Таким образом, имеются генетические различия не только между указанными на рис. 4 четырьмя крупными группировками кеты Сахалино-Курильского региона – заметная генетическая подразделенность обнаружена также в пределах каждой из этих группировок, вплоть до кеты соседних водоемов. Знание такой дробной подразделенности вида в пределах небольшого района очень важно в целях оптимизации промысла (чтобы вылов приходился равномерно на генетически уникальные популяционные компоненты промыслового стада), искусственного воспроизводства (чтобы исключить наследственное перемешивание разных популяционных компонентов в процессе закладки икры), идентификации рыб в уловах (в местах, где во время анадромной миграции могут одновременно облавливаться разные стада), сохранения наследственного биоразнообразия.

Знание популяционно-генетических компонентов важно и для предотвращения возможных негативных последствий при взаимодействии за-

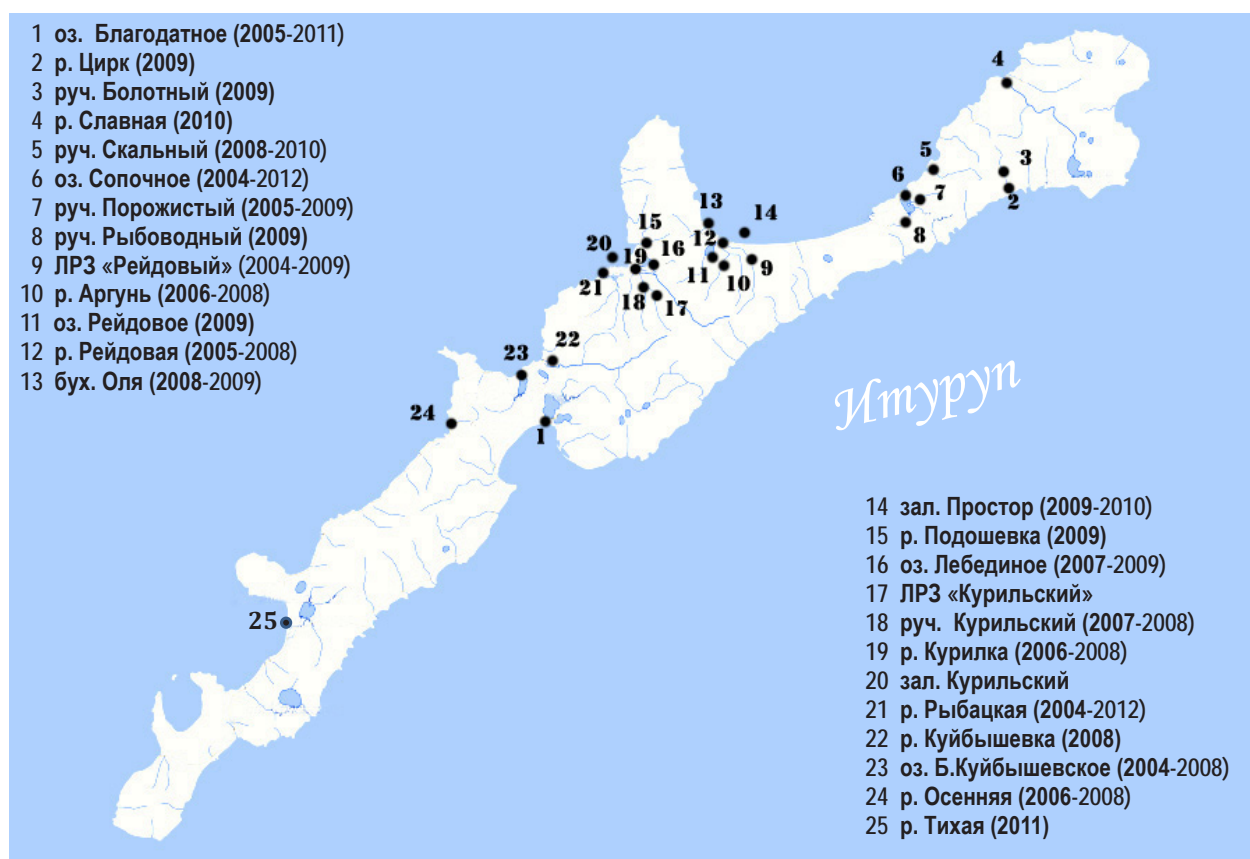

Рис. 6. Карта выборок кеты о. Итуруп

водских и диких популяций лососей. Действительно, любые плюсы неизбежно влекут минусы: большие выпуски заводской кеты увеличивают продуктивность данного стада, но они же одновременно из-за чрезмерной численности могут негативно повлиять на генофонды близко расположенных уникальных диких популяций кеты [12, 13]. Только регулярный мониторинг может вовремя зафиксировать начавшуюся генетическую эрозию популяций кеты с тем, чтобы принять меры по ее предотвращению.

Генетическая подразделенность кеты выражается также в наличии различных экологических форм. Одной из таких форм является уникальная озерная кета, которая в отличие от обычной речной формы нерестится на озерных нерестилищах в местах выхода грунтовых вод и имеется только на Южных Курилах – островах Итуруп и Кунашире. Поэтому в течение ряда лет мы совместно с ЗАО «Гидрострой», ФГУП «СахНИРО» и ФГБУ «Сахалинрыбвод» изучали озерную кету этих островов как важную часть наследственного разнообразия кеты Сахалинской области [14, 15]. По этой причине с 2009 г. мы начали подробно исследовать кету Кунашира (рис. 7). Это исследование представлялось нам тем более необходимым, что планируется построить на Кунашире ряд рыбозаводов по воспроизводству кеты, так что нами теперь получена

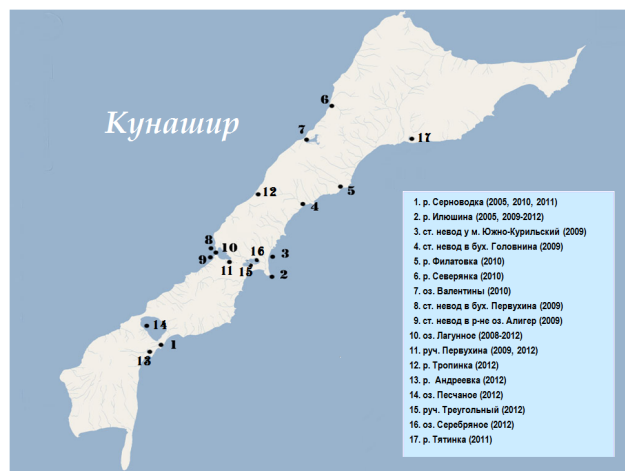

Рис. 7. Карта выборок кеты о. Кунашир

важная генетическая информация по еще диким популяциям кеты, часть из которых может в ближайшем будущем заместиться заводской кетой. Эту информацию можно использовать для оптимизации работы планируемых ЛРЗ как в целях определения популяционного состава разводимых стад кеты, так и оценки их взаимодействия с дикими популяциями этого вида.

Другой важной экологической формой является летняя кета, которая в Сахалинской области не-

рестится в бассейне р. Поронай. В последние десятилетия численность ее сильно упала, и теперь она встречается только как прилов в горбушевую путину. В то же время увеличение ее численности было бы хорошей прибавкой в суммарные уловы лососевых. Сейчас совместно с «Сахалинрыбводом» нами ведутся научные исследования по генетике и экологии летней расы кеты Поронай.

САХАЛИНСКИЙ ТАЙМЕНЬ

Наряду с созданием базы данных по кете и другим промысловым рыбам Сахалинской области нами было уделено внимание некоммерческим видам рыб в связи с проблемами охраны и реинтродукции редких видов и форм. Поэтому с 2009 г. в сотрудничестве с АНО СЛИ («Сахалинская лососевая инициатива»), а затем и с «Сахалинрыбводом» и СахНИРО нами были начаты исследования природного символа Сахалинской области – сахалинского тайменя, занесенного в Красную книгу РФ и указанного Международной комиссией по охране природы (IUCN) среди 100 видов, которым грозит вымирание.

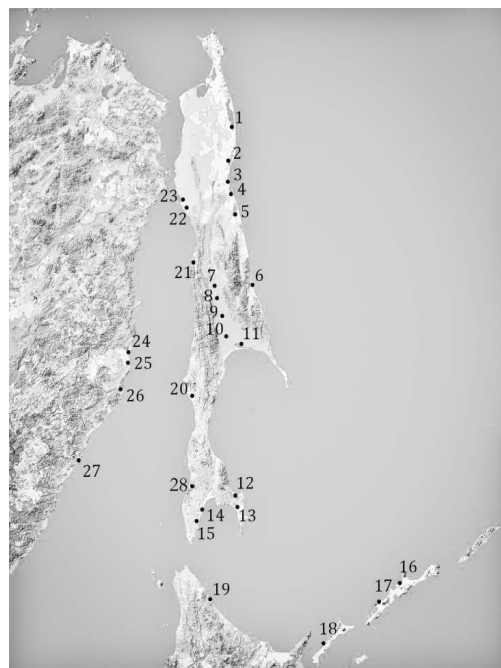

Рис. 8. Карта выборок сахалинского тайменя для базы данных по ДНК-маркерам.

Обозначения мест сбора:

1 – зал. Пильтун; 2 – р. Вал; 3 – р. Даги; 4 – р. Тымь; 5 – р. Набиль; 6 – р. Лангери; 7 – р. Поронай и ее притоки; 8 – реч. Онорка; 9 – руч. Брусничный и 10 – реч. Ельная; 11 – оз. Невское; 12 – оз. Тунайча; 13 – оз. Вавайское; 14 – р. Ульяновка; 15 – р. Могучи; 16 – оз. Лебедино; 17 – р. Куйбышевка; 18 – оз. Валентины; 19 – р. Сарафуцу; 20 – оз. Айнское; 21 – р. Агнево; 22 – река и залив Виахту; 23 – зал. Тык; 24 – р. Улика; 25 – р. Тумнин; 26 – р. Копти; 27 – р. Самарга; 28 – оз. Тайное (р. Тый).

В связи с резким усилением антропогенного воздействия и падения численности тайменя на Сахалине, особенно в южной части острова, встала задача разработки стратегии его охраны и восстановления путем выявления его базовых популяций. За указанное время нами были изучены ДНК-маркеры основных популяций сахалинского тайменя по всему его ареалу – рис. 8 (острова Сахалин, Итуруп и Кунашир, Приморский и Хабаровский края, о. Хоккайдо).

Основной биологический материал для ДНК-анализа (прижизненно взятый кусочек плавника) получали в совместных экспедициях Института общей генетики РАН и АНО СЛИ, проведенных в 2009–2012 гг., с официально полученным Институтом общей генетики разрешением от Росприроднадзора МПР РФ производить вылов по принципу «поймал–выпустил». Некоторые выборки были собраны другими нашими коллегами. Часть материала представлена образцами кожи из чешуйных книжек, переданных нам профессором С. Н. Сафроновым. Кроме того, были привлечены данные по экологии тайменя.

Совместный анализ ДНК-маркеров и экологических параметров позволил выделить два уровня базовых популяций тайменя. К первому уровню относятся крупные группировки: северо-восточного, северо-западного и Южного Сахалина, бассейна р. Поронай и некоторые промежуточные популяции. Ко второму уровню – популяции тайменя внутри этих группировок, различающиеся по ДНК-маркерам и по экологическим характеристикам. Сделан вывод, что базовые популяции сахалинского тайменя содержат уникальный генофонд и подлежат охране и что исчезающие популяции этого вида должны восстанавливаться только на основе собственного генофонда или из генетически и экологически сходных базовых популяций.

Результаты наших исследований были представлены на Международном конгрессе по природоохранной биологии (Окленд, Новая Зеландия) в декабре 2011 г. и на заседании рабочей группы по биоразнообразию при Экологическом совете Сахалинской области в мае 2012 г. Начата публикация результатов [16].

Наш подход к охране и восстановлению сахалинского тайменя уже использован ФГБУ «Сахалинрыбвод» весной 2012 г. для восстановления популяции сахалинского тайменя озера Тунайча (юго-восточный Сахалин).

ДРУГИЕ ГИДРОБИОНТЫ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящее время мы расширяем наши исследования на другие виды гидробионтов Дальнего Востока, в том числе Сахалинской области. Сейчас заканчивается работа по уникальной проходной нерке о. Итуруп, самой южной части ее

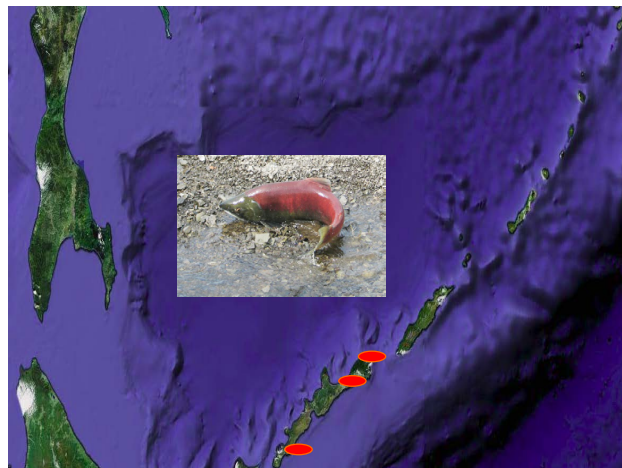

Рис. 9. Карта выборки нерки о. Итуруп

ареала (рис. 9). Как показывают предварительные ДНК-данные, каждая из трех имеющихся на Итурупе стад нерки имеет свой уникальный генетический портрет, позволяющий отличить стада друг от друга и от камчатской нерки. Учитывая резко усиливающееся антропогенное воздействие на природу Итурупа, этому виду тихоокеанских лососей следует уделить особое внимание в плане охраны и воспроизводства.

Нашим коллективом также уже проводится работа по кундже и мальме, а совместно с ФГУП «КамчатНИРО» – по горбуше; начаты исследования по другим группам рыб (тихоокеанской треске и сельди) и ластоногим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание глобальных баз ДНК-данных о стадах лососевых рыб и других гидробионтов позволяет оценить генетические ресурсы Сахалинской области и решать такие практические задачи, как:

- регулирование воспроизводства запасов лососей;
- экологическая сертификация морского промысла;
- идентификация рыб в уловах;
- анализ взаимодействия заводских и диких рыб;
- разработка стратегии сохранения редких видов и форм лососевых рыб.

Учитывая бурный рост важных практических приложений генетики, важно распространить ДНК-исследования на другие группы животных и растения, а также на популяции человека в связи с возникающими социальными задачами, вопросами истории, демографии и здоровья населения Сахалинской области.

Наше изучение лососевых рыб Сахалино-Курильского региона велось и ведется при под-

держке и в тесном взаимодействии с научными учреждениями и производственными компаниями Сахалинской области: ФГУП «СахНИРО», ФГБУ «Сахалинрыбвод», ЗАО «Гидрострой», АНО «СЛИ», районными отделами ихтиологии «Сахалинрыбвода» (Курильского, Южно-Курильского, Холмского, Анивского и др. районов), рыболовными заводами, среди которых в первую очередь хотелось бы отметить ЛРЗ «Курильский» и «Рейдовый» (о. Итуруп), заповедником «Курильский» (о. Кунашир), ООО БППР «Айленд Фиш Инвест» (о. Кунашир), ОТК «Остров» и другими организациями.

Все указанные научные исследования не смогли бы быть проведены без финансирования в первую очередь Российской академией наук – гранты программ научных исследований президиума РАН «Молекулярная и клеточная биология» и «Генофонды», а также благодаря договорам с рядом учреждений Сахалинской области.

Литература

- Афанасьев, П. К. 2011. Расширение набора микросателлитных маркеров с целью повышения точности идентификации кеты (*Oncorhynchus keta* Walbaum) / П. К. Афанасьев, Г. А. Рубцова, М. В. Шитова и др. // Генетика 47: 1473–1480.
- Афанасьев, К. И. 2011. Популяционная структура кеты *Oncorhynchus keta* российского Дальнего Востока, выявленная по микросателлитным маркерам / К. И. Афанасьев, Г. А. Рубцова, М. В. Шитова и др. // Биология моря. – № 1. – С. 39–47.
- Животовский, Л. А. 2006 (а). Микросателлитная изменчивость в популяциях человека и методы ее изучения / Л. А. Животовский // Информационный вестник ВОГиС. – Т. 10. – № 1. – С. 74–96.
- Животовский, Л. А. 2006 (б). Популяционные проблемы ДНК-идентификации / Л. А. Животовский // Генетика. – Т. 42. – № 10. – С. 1426–1436.
- Животовский, Л. А. 2008. О создании базы ДНК-данных для решения проблем воспроизводства, идентификации и сертификации популяций тихоокеанских лососей на примере кеты о. Итуруп / Л. А. Животовский, К. И. Афанасьев, Г. А. Рубцова и др. // Вопросы рыболовства. – Т. 9. – № 1 (33). – С. 96–109.
- Животовский, Л. А. 2009. Генетические принципы экологической сертификации промысла тихоокеанских лососей / Л. А. Животовский, Г. А. Рубцова, М. В. Шитова и др. // Реализация «Концепции дальневосточной бассейновой программы изучения тихоокеанских лососей» / ред. В. П. Шунтов. – Владивосток : ТИНРО-центр. – Бюл. № 4. – С. 117–125.
- Животовский, Л. А. 2010. Изменчивость цвета мяса у производителей заводской кеты о. Итуруп / Л. А. Животовский, Л. К. Федорова, М. В. Шитова и др. // Вопросы рыболовства. – Т. 11. – № 2. – С. 313–326.
- Животовский, Л. А. 2011. База микросателлитных ДНК-данных по кете Дальнего Востока России / Л. А. Животовский, Г. И. Рубцова, М. В. Шитова и др. // Реализация «Концепции дальневосточной бассейновой программы изучения тихоокеанских лососей» / ред. В. П. Шунтов. – Владивосток : ТИНРО-центр. – Бюл. № 5. – С. 53–63.
- Каев, А. М. 2008. О генетической дифференциации кеты речного и озерного экотипов на о. Итуруп (Курильские острова) / А. М. Каев, К. И. Афанасьев, Г. А. Рубцова и др. // Современное состояние водных биоресурсов. – Владивосток : ТИНРО-центр. – С. 372–374.
- Отчет-2009. Определение генетических характеристик популяций кеты рек, впадающих в заливы Курильский и Простор, о. Итуруп. Четвертый этап отчета Л. А. Животовского для ЗАО «Гидрострой». – 31 с.
- Отчет-2006. Генетическая организация и динамика численности кеты залива Простор о-ва Итуруп в связи с оптимизацией промысла и воспроизводства ее запасов в целях улучшения качества продукции. Первый этап отчета Л. А. Животовского для ЗАО «Гидрострой». – 47 с.
- Шитова, М. В. 2009. Микросателлитная изменчивость заводских популяций кеты (*Oncorhynchus keta* Walbaum) о. Сахалин / М. В. Шитова, К. И. Афанасьев, Г. А. Рубцова и др. // Вопросы рыболовства. – № 1. – С. 102–115.
- Шитова, М. В. 2012. Панель микросателлитных локусов для популяционных исследований сахалинского тайменя *Parahucho perryi* (Brevoort) / М. В. Шитова, А. А. Юрченко, Е. Г. Шайхаев и др. // Генетика 48: 976–982.
- Rosenberg, N. A., J. K. Pritchard, J. L. Weber, H. M. Cann, K. K. Kidd, L. A. Zhivotovsky, M. W. Feldman. 2002. Genetic structure of human populations. *Science* 298: 2381–2385.
- Zhivotovsky, L. A., N. A. Rosenberg, and M. W. Feldman. 2003. Features of evolution and expansion of modern humans inferred from genome-wide microsatellite markers. *Amer. J. Hum. Genet.* 72: 1171–1186.
- Zhivotovsky, L. A., L. K. Fedorova, G. A. Rubtsova, M. V. Shitova, T. A. Rakitskaya, V. D. Prokhorovskaya, B. P. Smirnov, A. M. Kaev, V. M. Chupakhin, V. G. Samarsky, V. P. Pogodin, S. I. Borzov, K. I. Afanasiev. 2012. Rapid expansion of an enhanced stock of chum salmon and its impacts on wild population components. // *Env. Biol. Fish.* (Springer Netherl.) 94: 249–258.

В. К. Заусаев,
*доктор экономических наук, профессор,
директор ФАУ «ДальНИИ рынка» при Минрегионе России,*
Н. А. Кручак,
*председатель совета молодых ученых, ведущий экономист
ФАУ «ДальНИИ рынка» при Минрегионе России,*
Е. Е. Шарко,
*кандидат экономических наук, заместитель директора по науке
ФАУ «ДальНИИ рынка» при Минрегионе России*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ: СЦЕНАРНЫЙ ПРОГНОЗ

Социально-экономическая система Сахалинской области стоит особняком в экономике Дальнего Востока. Объясняется это не только островным характером, но и существенным влиянием на ее развитие японского периода управления Южным Сахалином. Специфика формирования экономики острова японского периода состояла в расширении ее диверсификации. Активизировалось развитие лесной и рыбной отраслей. Хозяйственная деятельность перестала ориентироваться только на внутренние нужды, интенсификация ресурсодобывающих отраслей вкупе с развитием транспортной инфраструктуры обеспечила превышение вывоза продукции над ввозом более чем в два раза. Это говорило о самодостаточности местного хозяйства, что, однако, в значительной мере достигалось за счет экономии на социальной инфраструктуре.

Период советских социалистических преобразований внес новый вектор экономического развития Сахалина. Особенно это коснулось социальной сферы. Качественные преобразования произошли в здравоохранении, образовании, жилищном строительстве.

Либерализация экономических отношений, прошедшая в 1990-е гг., ознаменовалась для области существенным ростом нефтегазового комплекса. Произошло смещение хозяйственной системы в сторону сырьевой моноспециализации, сокращение потенциала других некогда крупных ресурсодобывающих отраслей, в первую очередь лесной и рыбной. Сдвиг экономики области в сторону модели экспортно-сырьевой специализации сделал ее зависимой от конъюнктуры мирового рынка на энергоносители. Снижение комплексности экономического развития, усиливающиеся риски обернулись оттоком населения, что для регионов пионерного освоения является особенно опасным.

Для сравнения Сахалинской области с другими субъектами Дальнего Востока – Республикой Саха

(Якутия), Амурской областью, Хабаровским, Приморским краями была проведена интегральная оценка по нескольким срезам, характеризующим их развитие. Для каждого среза был выбран ряд статистических показателей за 2000–2010 гг. Так, анализ инвестиционной активности Сахалинской области показал, что, начиная с 2002 г., область имеет наивысшие интегральные оценки, значительно опережая остальные субъекты Дальнего Востока. При этом динамика их положительная. В начале анализируемого периода конкурентом выступала Республика Саха (Якутия), но в последующем преимущество Сахалинской области стало подавляющим. Лидирующие позиции в 2010 г. область занимала по таким показателям, как объем промышленной продукции, состояние производственных фондов, среднегодовая численность занятых в экономике, среднедушевые денежные доходы, экспорт и импорт.

Оценки по предпринимательскому срезу показали, что, начиная с 2006 г., Сахалинская область занимает лидирующие позиции. Динамика интегральной оценки повышающаяся. Из более детального анализа по отдельным показателям с помощью ранговых оценок в 2010 г. из 16 показателей по 11 Сахалинская область имела высокие значения. Наивысший (первый) ранг она занимает по таким показателям, как объемы строительных работ, производства малого предпринимательства, платные и бытовые услуги населению, обороты розничной торговли и общественного питания. Подобные оценки были сделаны по инновационному и социально-экономическому развитию.

Сведение всех приведенных оценок по субъектам Дальнего Востока в обобщенный вид (рис. 1) показало, что Сахалинская область в 2000–2010 гг. имеет устойчивую положительную тенденцию, а начиная с 2006 г. – занимает лидирующую позицию.

Вместе с тем в силу своего островного положения на окраине России область проигрывает

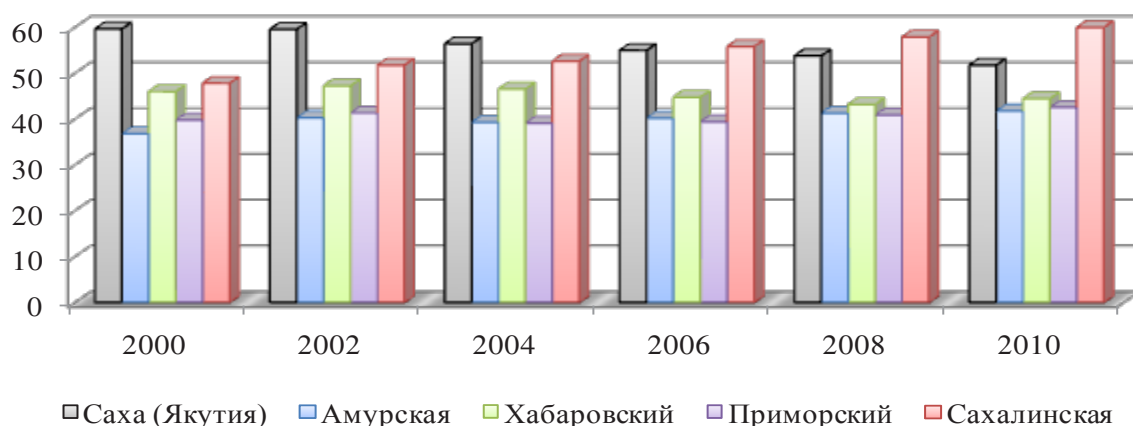

Рис. 1. Динамика обобщенной сравнительной оценки экономического развития субъектов Дальнего Востока, ед.

или имеет незначительное преимущество по показателям: численность выпускников средних специальных и высших учебных заведений, плотность автомобильных дорог с твердым покрытием, перевозки пассажиров автобусами общего пользования, естественный прирост населения, численность персонала, занятого исследованиями и разработками, удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, численность аспирантов и докторантов, количество выданных патентов, объем инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров.

Все это будет сказываться на привлекательности Сахалина по наиболее дефицитному экономическому ресурсу – трудовому. Последний, в свою очередь, является главным ограничителем формирования здесь устойчивой, диверсифицированной экономики. Основные показатели эффективности развития экономики Сахалинской области приведены в таблице 1.

Таблица 1

Среднегодовые темпы роста показателей эффективности развития субъектов Дальнего Востока за период 2000–2009 гг., %

Регион, республика, край, область, округ	Производительность труда	Инвестиции в основной капитал	Налоги	Денежные доходы	Интегральный темп роста
1	2	3	4	5	6
Саха (Якутия)	103,9	75,5	111,6	109,3	100,1
Камчатский	101,9	78,7	115,6	109,4	101,4

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6
Приморский	103,9	78,7	118,8	113,1	103,6
Хабаровский	103,7	83,3	110,8	110,3	102,0
Амурская	108,3	79,5	121,6	110,9	105,1
Магаданская	102,9	80,9	115,2	109,8	102,2
Сахалинская	107,9	97,6	119,7	111,9	109,3

На основе проведенного стратегического анализа, миссии, целей и возможностей социально-экономического развития Сахалинской области, ее позиции и включения во внешние производственные процессы разработаны инерционный – консервативно-сырьевой и либерально-сырьевой, патерналистский и инновационный сценарии. Составлен сценарный прогноз развития Сахалинской области до 2030 г.

Единым и фундаментальным «полюсом роста» для всех сценариев, несомненно, является ресурсно-энергетический потенциал острова. За счет него обеспечивается привлечение капитала в регион и его активное включение в экономику АТР, предоставляется возможность развернуть модернизацию социальной инфраструктуры, развивать образование и здравоохранение, улучшать экологию, создавать эффективное жилищно-коммунальное хозяйство и т. д. Вместе с тем по определению все сценарии имеют качественно различные траектории движения, использующие свои доминирующие факторы роста.

Так, инерционный консервативно-сырьевой сценарий, основными факторами роста которого являются внешние инвестиции и устойчивый внешний спрос, ориентирован на добычу природных ресурсов. Данный сценарий будет эффективен для перспективного развития области только при условии сохранения высоких цен на нефть и устойчивой конъюнктуры мирового рынка на

энергоносители. Но и в этом случае существенно сузятся возможности ускоренного развития нефтегазодобывающего сектора. Имеющиеся преимущества экономики области не будут реализованы в полной мере. Сократятся перспективы развития перерабатывающих производств в сторону сохранения модели экспортно-сырьевой специализации. Следующим шагом станет объективное отторжение комплексного развития области в целом в сторону усиливающейся дифференциации в развитии муниципальных образований.

Узкая направленность сфер эффективного приложения капитала приведет к ухудшению впоследствии инвестиционного климата, что сократит возможности технологической модернизации. Качественных преобразований в социально-экономической системе ожидать трудно. Главным направлением социальной политики станут попытки выравнивания экономической дифференциации населения в рамках проведения активной социальной политики и модернизации социальной сферы. Поэтому реально ухудшение динамики доходов населения и потребительского спроса, что отрицательно скажется на развитии здравоохранения, образования, сферы ЖКХ.

Сценарий сырьевой либерализации можно назвать броском в глобализацию, при котором за Сахалинской областью закрепляется статус сырьевого региона и топливно-энергетического центра Северо-Восточной Азии. Полностью отрицается возможность автономного развития региона за счет внутренних инвестиций и технического прогресса. Главной движущей силой станут крупные иностранные корпорации. Опережающее развитие получают наиболее конкурентоспособные нефте- и газодобывающие проекты, а также обеспечивающие их функционирование магистральные трубопроводы. Усилится истощительность природопользования. Социальная политика будет опираться на принцип «субсидиарного государства» с минимизацией социальных гарантий. Сохранится высокая экономическая дифференциация групп населения по доходам и качеству жизни. Реализация данного сценария усилит моноотраслевую специализацию региона.

Патерналистский сценарий основан на максимальном участии государства в развитии экономики Сахалинской области. Он лежит в контексте стратегических интересов России, требующих формирования на Дальнем Востоке крупного населенческого потенциала. Реализация его также возможна при сохранении высоких мировых цен на энергоносители, так как требует роста социальных обязательств государства при невысокой эффективности социальных расходов. Основным фактом здесь является выбор наиболее эффективных направлений государственной поддержки как по сферам экономики, так и территориям. В Са-

халинской области таким направлением должно стать формирование трудового потенциала нового качества, то есть развитие образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунальной инфраструктуры. Цель – создание интеллектуальной основы перехода в последующем на инновационный путь развития с опорой на собственный человеческий потенциал.

Инновационный сценарий, по сути, означает качественную модернизацию экономики острова. Развитие будет рассматриваться не только как количественный прирост, но и как качественное изменение в структуре промышленности и конкурентных преимуществах. Согласно данному сценарию, предполагается уход от сырьевой зависимости области в сторону индустриальной модернизации. В этой связи, прежде всего, потребуются восстановление и расширение научно-исследовательского и проектно-конструкторского потенциала. В целях создания комфортных условий проживания потребуется масштабное реформирование областной инфраструктуры: энергетики, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства.

Для количественного описания образа будущего развития Сахалинской области выбрана модель «производственной функции». Данная модель показывает наличие значимых связей между ростом ВРП, численностью занятых и объемом инвестиций в основной капитал. Для Сахалинской области коэффициент эластичности « α » равен 0,36. Это говорит о том, что хозяйственный комплекс субъекта относится к трудозатратным, а влияние инвестиций на рост ВРП и производительности труда незначительно.

Для выявления доли качественного фактора эффективности организации и управления в производстве возможно использование модифицированной производственной функции с целью обособления специального коэффициента эластичности, характеризующего влияние организационно-экономического фактора на экономический рост. На основе полученных анализом данных можно сделать вывод, что рост экономики Сахалинской области лишь на 1,9 % обеспечивается за счет организационно-управленческого фактора. На значимость труда и инвестиций приходится 98,1 %.

При рассмотрении и оценке сценариев и вытекающих из них траекторий развития Сахалинской области необходимо четко понимать, что в чистом виде они реализованы быть не могут. И для каждого из сценариев характерны свои преобладающие факторы роста. Поэтому для разработки прогноза социально-экономического развития области до 2030 г. рассмотренные сценарии были агрегированы в два базовых, вобравших в себя в разной степени взаимной увязки и влияния консервативно-сырьевой и либерально-

сырьевой (1), патерналистский и инновационный (2) сценарии.

Таким образом, первый сценарий базируется на основных инерционных тенденциях ретроспективного периода с достаточно высокой инвестиционной и инновационной активностью в нефтегазовом секторе. Учитывая складывающуюся в экономике страны и мира ситуацию, его можно рассматривать как реалистический вариант развития экономики Сахалинской области.

Прогноз основных макроэкономических показателей по данному сценарию основан на включении в модифицированную производственную

функцию организационно-управленческого фактора, а также прогнозных инвестиций и численности занятых. Прирост значения коэффициента «α» предполагался до 0,4. Для расчета влияния организационного фактора за основу брались среднегодовые темпы изменения ВРП, годового объема инвестиций и численности занятых в экономике области за 2000–2010 гг. Данные показатели составили 11,4; 22,6 и 0,8 % соответственно. Численность занятых и объемы инвестиций были определены с помощью линейного тренда. Основные прогнозные показатели инерционного сценария приведены в таблице 2.

Таблица 2

Базовые показатели социально-экономического развития Сахалинской области по инерционному сценарию, в ценах 2010 г.

Показатель	2010	Прогноз				2030 к 2010, %
		2015	2020	2025	2030	
ВРП, млрд. руб.	455,2	585,9	759,2	1147,7	1695,4	372,5
Инвестиции в основной капитал, млрд. руб.	130,6	256,0	321,3	386,6	451,9	346,0
Численность занятых, тыс. чел.	288,7	307,6	321,4	335,1	348,9	120,8
Производительность труда, тыс. руб./чел.	1576,7	1904,5	2362,3	3424,8	4860,0	308,2
Инвестиционная отдача, руб./руб.	3,5	2,3	2,4	3,0	3,8	107,2

Второй сценарий можно назвать оптимистическим. Сформированный на основе сочетания патерналистского и инновационного сценариев, он является моделью желательного развития Сахалина и отражает возможные качественные изменения социально-экономического роста. Он основан на повышении значимости организационно-управленческого фактора в росте экономики: 2015 г. – до 2 %, 2020 г. – 2,5 %, 2030 г. – 3 %. Прообразом развития социохозяй-

ственной системы Сахалина на период до 2030 г. по данному сценарию выступает Республика Башкортостан. Достижение этого варианта прогноза возможно при качественном изменении системы управления региональным хозяйством, расширении институциональных инструментов, формировании территориальных и отраслевых центров (кластеров) развития. Основные прогнозные показатели инерционного сценария приведены в таблице 3.

Таблица 3

Базовые показатели социально-экономического развития Сахалинской области по оптимистическому сценарию, в ценах 2010 г.

Показатель	2010	Прогноз				2030 к 2010, %
		2015	2020	2025	2030	
ВРП, млрд. руб.	455,2	594,0	947,7	1538,4	2615,1	574,5
Инвестиции в основной капитал, млрд. руб.	130,6	350,9	409,0	450,7	510,0	390,5
Численность занятых, тыс. чел.	288,7	319,6	426,2	466,0	494,0	171,1
Производительность труда, тыс. руб./чел.	1576,7	1858,6	2223,8	3301,2	5294,0	335,8
Инвестиционная отдача, руб./руб.	3,5	1,7	2,3	3,4	5,1	147,1

Прогноз населенческого потенциала территории также является одним из определяющих факторов социально-экономического развития. Про-

гнозные значения данного показателя приведены в таблице 4.

Положенные в основу сценариев прогноза

Таблица 4

Прогноз численности населения Сахалинской области, тыс. чел.

Сценарий	2010	Прогноз				2030 к 2010, %
		2015	2020	2025	2030	
Инерционный	510,8	495,3	472,6	453,4	437,2	85,6
Оптимистический		514,6	626,8	630,6	668,5	130,9

социально-экономического развития Сахалинской области до 2030 г. экономико-математические модели (модифицированная производственная функция) позволили получить значения основных макропараметров. Так, предполагалось, что реалистический сценарий продолжит сырьевую направленность экономики области с очаговыми включениями перерабатывающих производств. В оптимистическом акцент сделан на неистощительном использовании природных ресурсов, более интенсивном развитии перерабатывающих производств, производственной и социальной инфраструктуре. В этой связи производительность труда будет расти медленнее, чем по первому сценарию. Эффект инновационного развития может проявиться только к концу прогнозируемого периода, то есть к 2030 г., и существенно продолжится на перспективу. Предполагается, что в патерналистско-инновационный сценарий закладываются значительные федеральные инвестиции. Поэтому инвестиционная отдача здесь также будет отставать и опередит соответствующие параметры инерционного сценария только в конце прогнозного периода.

Динамика ВРП оптимистического сценария будет расти более ускоренно, что определяется структурными изменениями экономики, ростом масштабов производств с высокой добавленной стоимостью. Это же будет характерно и для численности занятых. Развитие перерабатывающих производств, социальной инфраструктуры (медицины, образования, жилищно-коммунального хозяйства и др.), обеспечивающих создание привлекательных

условий труда и комфортных условий жизни, обусловит спрос на высококвалифицированную рабочую силу. Это создаст предпосылки для формирования положительной для области миграции, роста рождаемости и снижения смертности, то есть укоренения населения.

По инерционному сценарию картина будет обратной. Здесь также будет востребована высокопрофессиональная рабочая сила, но преимущественно в ресурсодобывающих отраслях. Усиление имущественной дифференциации будет способствовать снижению численности населения. Дефицит трудовых ресурсов будет покрываться иностранной рабочей силой с использованием вахтовых и экспедиционных методов организации труда.

Таким образом, можно резюмировать, что в Сахалинской области на перспективу до 2030 г. будет происходить положительная динамика основных экономических показателей по обоим сценариям развития. По оптимистическому сценарию это будет происходить благодаря индустриальному рывку и созданию комфортных условий для проживания и улучшения качества жизни на острове, заложенных в сценарий. По реалистическому сценарию такая ситуация складывается вследствие опоры на ретроспективные показатели с высокой степенью инвестиционной активности, имеющие достаточно высокий уровень благодаря освоению нефтегазовых проектов «Сахалин-1, 2», и продолжения этих тенденций. Негативная динамика здесь проявляется только в демографических процессах и занятости местных жителей, так как по данному сценарию отсутствует приоритет, направленный на закрепление населения на территории региона.

Э. Г. Ким,
заведующий кафедрой управления и права ГБОУ ДПО «ИРОСО»,
Е. А. Краснобаева,
кандидат экономических наук, доцент филиала ДВФУ в г. Южно-Сахалинске

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ РЕГИОНА

Достижение стратегической цели государственной политики в области образования, заключающейся в повышении доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, требует решения ряда приоритетных задач, важнейшими из которых являются обеспечение инновационного характера базового образования и модернизация институтов российской образовательной системы. Одним из базовых условий модернизации национальной образовательной системы является совершенствование финансово-экономических механизмов управления образованием.

Сахалинская область в рейтинге социально-экономического положения субъектов РФ рейтингового агентства «РИА-Рейтинг», построенном на основе агрегирования ключевых показателей регионального развития, по итогам 2011 года по показателю интегрального рейтинга социально-экономического положения регионов заняла 16-е место. Сахалинская область является финансово независимым регионом, характеризующимся высоким уровнем обеспеченности собственными источниками доходной базы бюджета – доля собственных доходов составляет 85,35 % суммарных доходов консолидированного бюджета.

Наряду с Ненецким АО область является единственным в России регионом, реализующим высокотехнологичные инвестиционные проекты с участием иностранных компаний в рамках соглашений о разделе продукции. Соответственно формирование и развитие кадрового потенциала на региональном уровне является одной из ключевых задач управления.

В современных условиях система образования Сахалинской области становится одним из важнейших факторов, обеспечивающих положительную динамику социально-экономического развития и дальнейшее совершенствование институтов гражданского общества. Приоритетными направлениями образовательной политики области являются обеспечение инновационного развития экономики региона, доступности и качества образовательных услуг, а также повышение социального статуса работников образования. В связи с этим в процессе модернизации системы образования

Сахалинской области одной из наиболее важных задач является развитие самостоятельности образовательных учреждений и формирование эффективных финансово-экономических механизмов управления.

Новое качество образования невозможно обеспечить без трансформации механизмов финансирования образовательной системы. В бюджетном послании Президента РФ от 23.06.2008 г. Федеральному собранию были заданы соответствующие целевые установки и определена необходимость повысить эффективность расходования бюджетных средств за счет перехода к новому механизму финансового обеспечения государственных услуг на основе государственного задания и принципов нормативно-подушевого финансирования.

Для этого на федеральном уровне была сформирована нормативно-правовая основа изменения системы финансирования образования. Так, Федеральный закон от 08.05.2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» создал основу для расширения хозяйственной самостоятельности образовательных учреждений, а Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 годы предусматривала к 2012 году перевод всех учреждений общего образования на нормативное подушевое финансирование и введение новой системы оплаты труда педагогического и административно-управленческого персонала образовательных учреждений, учитывающей результативность и качество их деятельности.

В соответствии с Планом действий по модернизации общего образования на 2011–2015 годы, утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 07.09.2010 г. № 1507-р, в 2011–2012 годах был осуществлен переход от прямого финансирования образовательных учреждений к новому механизму финансового обеспечения деятельности бюджетных учреждений на основании бюджетных смет, а с 1 января 2012 года – предоставления субсидий на выполнение государственного (муници-

пального) задания, позволяющего планировать бюджетные расходы и конкретные результаты деятельности образовательных учреждений. Реализация данных мероприятий должна обеспечить к 2020 году доведение доли обучающихся в современных условиях от общего числа учащихся на всех уровнях образования до 100 % и увеличение среднемесячной заработной платы педагогических работников до уровня, превышающего среднемесячную заработную плату в экономике регионов. В 2011 году бюджетные расходы на модернизацию системы общего образования Сахалинской области составили 111,6 млн. рублей, в том числе 68 млн. рублей из средств областного бюджета. В 2012 году на финансирование модернизационных мероприятий предусмотрено 224,6 млн. рублей.

На сегодняшний день в Сахалинской области сформирован и действует достаточно эффективный механизм финансового обеспечения общеобразовательных учреждений на основе норматива подушевого финансирования и осуществлен переход на отраслевую систему оплаты труда, позволившие повысить качество оказываемых услуг и результативность деятельности областных и муниципальных образовательных учреждений, сократить неэффективные расходы бюджета. В соответствии с положениями ст. 29 и 31 Закона Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» финансовое обеспечение деятельности муниципальных общеобразовательных учреждений Сахалинской области осуществляется за счет средств областного бюджета на основе нормативов посредством выделения субвенций местным бюджетам на реализацию основных общеобразовательных программ в части финансирования расходов на оплату труда, расходов на учебники и учебные пособия, технические средства обучения, расходные материалы и хозяйственные нужды.

Данные нормативы определяются по каждому типу, виду и категории образовательного учреждения, уровню образовательных программ в расчете на одного обучающегося или воспитанника. За счет средств местных бюджетов осуществляется финансовое обеспечение содержания зданий и сооружений, коммунальных расходов и расходов по обустройству территорий муниципальных образовательных учреждений. Но, учитывая сокращение численности населения муниципальных образований, норматив финансирования не учитывает затраты на содержание малокомплектных городских школ, так как зависит от количества обучающихся.

Мероприятия по организации питания учащихся, внедрению инновационных образовательных программ и современных образовательных технологий, приобретению автобусов, оснащению автоматическими пожарными сигнализациями, системами оповещения и управления эвакуацией

при пожаре муниципальных общеобразовательных учреждений финансируются в рамках реализации федеральных и областных целевых программ, проектов развития образования Сахалинской области.

Повышение статуса работников образования также является одним из приоритетных направлений модернизации образовательной системы. В целях обеспечения повышения уровня реального содержания заработной платы работников государственных учреждений образования на областном уровне была сформирована правовая основа введения новой системы оплаты труда: Закон Сахалинской области от 20 февраля 2008 г. № 5-30 «Об оплате труда работников государственных учреждений Сахалинской области» и постановление администрации Сахалинской области от 22 июля 2009 г. № 283-па «О системе оплаты труда работников государственных учреждений образования Сахалинской области». Согласно данным правовым актам, должностные оклады, выплаты компенсационного и стимулирующего характера руководителям государственных (муниципальных) образовательных учреждений устанавливаются органами исполнительной власти Сахалинской области, в ведении которых находятся учреждения.

Переход государственных и муниципальных образовательных учреждений области на отраслевую систему оплаты труда позволил осуществлять стимулирование только при выполнении показателей, определенных на основании критериев оценки эффективности деятельности образовательного учреждения. Причем образовательные учреждения получили право формировать фонд оплаты труда работников из нескольких источников финансирования: субвенции областного бюджета, внебюджетные средства и средства от приносящей доход деятельности образовательного учреждения.

В рамках реализации комплекса мер по модернизации системы общего образования Сахалинской области в 2011 году средства из областного бюджета в объеме 62,150 млн. рублей были направлены на повышение заработной платы учителей. Как следствие, с 1 сентября 2011 года среднемесячная заработная плата учителей превысила средний уровень заработной платы, сложившейся в экономике Сахалинской области в первом квартале 2011 года. Однако до сих пор заработная плата у учителей не достигла среднего уровня заработной платы, сложившейся в экономике региона в 2012 году. Следует учитывать и то, что повышение зарплат в некоторых муниципальных образованиях сопровождается увеличением учебной нагрузки учителей. Так, среднемесячная нагрузка учителя с учетом внутреннего совместительства в общеобразовательных учреждениях области в январе–августе 2012 года увеличилась с 1,43 до 1,49 ставки.

Внедрение новых финансово-экономических механизмов управления областной образовательной системой позволило улучшить качество

Оплата труда работников образовательных учреждений Сахалинской области

Показатель	2011 г.		2012 г.		
	сентябрь	декабрь	январь	апрель	август
Среднемесячная начисленная заработная плата работников ОУ с начала года*	–	–	–	30,6	30,8
Среднемесячная начисленная заработная плата учителей*	36,7	44,4	39,8	39,0	38,9
Среднемесячная нагрузка учителя с учетом внутреннего совместительства, ставок*	1,41	1,42	1,43	1,46	1,49
Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций по экономике региона, тыс. рублей**	36,8	38,5	41,0	41,9	41,9

Примечание:* данные мониторинга региональных систем общего образования;

** данные Министерства финансов РФ.

оказываемых образовательных услуг и повысить эффективность расходования бюджетных средств на образование. Однако в целях дальнейшего совершенствования финансово-экономических механизмов управления образовательной системой Сахалинской области необходимо:

- продолжить работу по совершенствованию нормативно-правовой базы, обеспечивающей расширение правовой и экономической самостоятельности областных и муниципальных образовательных учреждений;
- довести в 2012 году среднюю заработную плату педагогических работников образовательных учреждений общего образования до уровня средней заработной платы в регионе;
- продолжить работу по дальнейшему совершенствованию системы оплаты труда всех категорий работников образования Сахалинской области, обусловив повышение оплаты труда достижением конкретных показателей качества и количества оказываемых образовательных услуг;
- внести изменения в отраслевой перечень муниципальных услуг, расширив перечень муниципальных услуг, оказываемых в сфере образования;
- обеспечить финансовые и мотивационные условия для повышения квалификации руководящих кадров и финансовых работников школ для работы в условиях финансово-хозяйственной самостоятельности.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (ред. 12.11.2012) // Кон-

сультант Плюс: справ. правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан. – М., 2012.

2. Закон РФ от 10.07.1992 г. № 3266-1 «Об образовании» (ред. от 01.04.2012) // Консультант Плюс: справ. правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан.– М., 2012.

3. Закон Сахалинской области от 20 февраля 2008 года № 5-ЗО «Об оплате труда работников государственных учреждений Сахалинской области» (ред. от 12.10.2012 г.) // Консультант Плюс: справ. правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан.– М., 2012.

4. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2011 года [Электронный ресурс]. – М. : РИА Рейтинг (Группа РИА Новости), 2012. – Режим доступа : http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2012.pdf (дата обращения : 11.10.2012).

5. Российский статистический ежегодник : стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 795 с.

6. Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2011 годах. – М. : Федеральная служба государственной статистики, 2012.

7. Мониторинг региональных систем общего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kpmo.ru/kpmo/statistic/monitor> (дата обращения : 11.10.2012).

8. Региональная экономика. Уровень жизни населения // Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работника [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://info.minfin.ru/monitoring_oper.php (дата обращения : 11.11.2012).

*А. Ф. Клименко,
генерал-лейтенант запаса, кандидат военных наук, зам. руководителя
Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН*

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АТР И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ

1. В последние десятилетия на фоне глубоких перемен в мире значительно возросли роль и значение **Азиатско-Тихоокеанского региона**. Представляя собой мощное сосредоточение мировых политических, экономических и людских ресурсов (свыше половины мирового ВВП и населения, более 40 % мировой торговли), АТР становится одним из главных полюсов нового многополярного миропорядка.

Быстрый рост глобальных и региональных центров силы, добивающихся лидирующих позиций в формирующейся региональной архитектуре, сопровождается интенсивным развитием экономической интеграции в АТР, поисками эффективной модели взаимодействия между странами региона. Появляются многочисленные структуры двустороннего, трехстороннего и многостороннего сотрудничества. В частности, все чаще со стороны Австралии и Японии выдвигается идея Восточноазиатского сообщества (АСЕАН+6), активно развивается Восточноазиатский саммит, который вполне может стать одной из ведущих диалоговых площадок в АТР. Существенное ускорение в развитии получила и военная составляющая региона.

В АТР расположена наиболее сильная военная группировка **США**: 250 тыс. личного состава, крупнейший американский флот, в который входит 180 кораблей, включая пять авианосных групп, семь из 14 стратегических ядерных подводных лодок с баллистическими ракетами на борту (ПЛАРБ), 1500 самолетов. Американские силы передового базирования дислоцированы на территории Японии, Южной Кореи, кораблях седьмого флота. Сформирована под эгидой США разветвленная сеть военных союзов, создана и постоянно совершенствуется направленная, в первую очередь, против Китая, России и КНДР мощная стратегическая и тактическая система ПРО, размещаемая на западном побережье США, Аляске, американских островных владениях, на кораблях ВМС США, на территории Японии, Южной Кореи, Австралии, Тайваня.

Беспокоящим фактором для России являются территориальные претензии **Японии** к нашей стране, приобретающие все более жесткий характер. Причем Токио встречает растущую поддержку в этом вопросе со стороны США и американских союзников. Да и на китайских картах

Южные Курилы закрашены в цвет японской территории. Необходимо также учитывать серьезный военный потенциал Японии, пытающейся окончательно сбросить наложенные на нее ограничения в развитии вооруженных сил.

Существенные риски исходят из **Корейского полуострова**, принимая во внимание отсутствие прогресса в решении ядерной проблемы этого региона, нестабильное положение в КНДР и в сфере межкорейских связей, напряженность в отношениях КНДР с США и Японией (вплоть до наличия у Вашингтона планов ликвидировать северокорейский режим – с поглощением КНДР Южной Кореей).

Не следует также сбрасывать со счетов имеющиеся в АТР **террористические угрозы**, затрагивающие не только Россию, но и другие страны региона и требующие совместных усилий для их преодоления.

Важным элементом нынешней расстановки сил в АТР является феномен **«возвышения КНР»**, в основе которого лежит стремительный рост комплексной мощи Китая. Пекин планомерно наращивает и свой военный потенциал – с проекцией на данном этапе на Восточную и Юго-Восточную Азию. Китайские вооруженные силы насчитывают 2,3 млн. человек, несколько миллионов человек резервистов. Укрепляются ядерные силы Китая, хотя на данный момент они несопоставимы с ядерным потенциалом США и России, наращиваются и модернизируются обычные вооружения, поставлена и реализуется задача выхода китайских ВМС в мировой океан.

В огромной степени возросли вес и влияние Китая в ключевых региональных организациях – АТЭС, АСЕАН, АРФ, ВАС. Образовались мини-группировки с сильным влиянием КНР и без участия США: АСЕАН+1 (Китай), АСЕАН+3 (Китай, Япония, Южная Корея), треугольник в Северо-Восточной Азии (Китай, Япония, Южная Корея). Китай занял место США в качестве главного торгового партнера Японии, Южной Кореи, многих стран АСЕАН, Тайваня, Индии. В целом Китай существенно потеснил США как одного из главных игроков АТР.

Все это заставило США пересмотреть свою региональную политику. В обнародованном не так давно «Обзоре оборонной стратегии США» отмечено, что экономические интересы США и

американская безопасность в значительной мере определяются ситуацией в АТР. Именно поэтому Белый дом намерен перенести свои усилия по поддержанию стабильной обстановки в эту часть планеты. В регионе будет размещено 60 % военного потенциала Америки. Второй путь осуществления планов Вашингтона – укрепление сотрудничества с расположенными здесь государствами.

Вашингтон намерен поддерживать стабильность на Корейском полуострове и вместе с другими странами противостоять возможным провокациям со стороны Северной Кореи, которая продолжает развивать свой ракетно-ядерный потенциал. Однако особое внимание в новой военной стратегии США уделяется Китаю, поскольку «усиление Китая... может оказать негативное влияние на экономические позиции Америки и на ее национальную безопасность»¹. Вместе с тем разработчики стратегии указывают, что Вашингтон намерен и дальше укреплять отношения с КНР, чтобы иметь свободный доступ на территории региона в соответствии с международным правом.

Однако при анализе новой стратегии Пентагона и практических действий по ее реализации нельзя не заметить, что США начинают рассматривать Китай как стратегического соперника, а его динамичное развитие – как вызов американскому влиянию в АТР. Об этом свидетельствует концентрация Вашингтоном вокруг Китая своих военных усилий. Активизируется взаимодействие США с традиционными союзниками – Японией, Южной Кореей и Тайванем, проводится настойчивая работа по привлечению новых партнеров в лице Вьетнама, Филиппин и Таиланда, которых также планируется привлечь для создания «оборонительного пояса» вокруг КНР. Между Вашингтоном и Канберрой достигнута договоренность о наращивании присутствия ВМС США у австралийских берегов. Создается пояс ПРО от Австралии через Филиппины, Ю. Корею и Японию до американского континента.

В СМИ появляется информация о намерении США арендовать у Вьетнама военно-морскую базу Камрань, которая уже использовалась в свое время США, а впоследствии – СССР и от которой затем отказалась Россия.

Большое значение в американской стратегии в плане привлечения к сдерживанию Китая уделяется Индии, которая, по мнению разработчиков стратегии, обладает необходимыми средствами, чтобы обеспечить соблюдение эконо-

мических интересов США в районах, прилегающих к Индийскому океану.

Индия ведет себя осторожно. Она, на наш взгляд, не желает обострять отношения с КНР, будучи наблюдателем при ШОС и поддерживая отношения с Китаем в таких неформальных международных организациях, как РИК и БРИКС.

Но «осторожность» со стороны Индии довольно неустойчива. Ее двусмысленное поведение объясняется давней историей конфликтов с Китаем. Руководители и военные Индии с опасениями смотрят на то, как Китай модернизирует армию и расширяет свое военное преимущество над Индией в граничащих с ней районах. Для некоторых в Индии противостояние Китаю имеет большее значение, чем давнему врагу Пакистану. Для противодействия Китаю Индия проводит модернизацию ВС и замену устаревшего оружия советского времени. Заказы на истребители, боевые корабли, вертолеты и оружие сделали Индию мировым лидером по объемам импорта оружия.

2. Как и следовало ожидать, реакция Пекина на новую военную стратегию Соединенных Штатов последовала незамедлительно. Китайское министерство обороны объявило, что сформулированные в ней положения «не имеют под собой никакой почвы и совершенно не обоснованы». Представители военного ведомства КНР подчеркнули, что они будут «внимательно отслеживать влияние, которое новые стратегические установки Белого дома окажут на ситуацию в АТР и в мире в целом»².

Вместе с тем, как отметил китайский эксперт Син Гуанчэн, «несмотря на непростую геополитическую ситуацию в АТР, например в акватории стратегически важного Южно-Китайского моря, правительство КНР... считает своей целью поддержание стабильности в регионе, особенно на Корейском полуострове»³. По его словам, Пекин стремится укреплять пояс стабильных отношений по всему периметру китайских границ, в том числе выстраивает отношения стратегического партнерства с Россией.

Однако наращивание группировки американских войск в регионе, а особенно размещение ее военных кораблей в Сингапуре, расценивается в Китае как прямая военная угроза. Это подтверждают слова Ху Цзиньтао, сказанные на совещании с высшим военным руководством страны: китайский военно-морской флот должен «готовиться к войне»⁴. Сей призыв председателя КНР к руководству ВМС вполне можно отнести к ответным мерам Пекина на американские планы⁵.

¹ Независимое военное обозрение. – 27.01.2012.

² http://nvo.ng.ru/forces/2012-01-27/14_usa.html

³ Красная звезда. – 21.01.2012.

⁴ http://nvo.ng.ru/forces/2012-01-27/14_usa.html

⁵ Там же.

Вместе с тем специалисты указывают на то, что и без США у КНР достаточно причин для активизации своих военно-морских сил. Прежде всего, это обострение отношений с соседями по вопросам спорных территорий. К ним относятся расположенные в Восточно-Китайском море о-ва Дяюйдао (японское название Сенкаку), Парасельские о-ва и архипелаг Спратли в Южно-Китайском море, на которые вместе с КНР претендуют еще Вьетнам, Малайзия и Индонезия. Накал спора подогревается расчетами на возможное наличие нефти на островном шельфе.

Кроме того, Китай во многом зависит от морских коммуникаций, на которые приходится значительный объем его грузооборота. Более 85 % нефти и нефтепродуктов доставляется в КНР из стран Персидского залива и Африки по Индийскому океану через узкий Малаккский пролив. Поэтому КНР наращивает усилия по реализации принятой в 1995 г. «Стратегии активной обороны», предусматривающей создание таких ВМС и поддерживающих их ВВС, которые были бы способны не только отразить агрессию с моря, но и активно оперировать на океанском театре военных действий⁶.

Наращение противоречий между США и Китаем объективно заставляет Пекин искать более тесные связи с Москвой. Китай заинтересован в широком доступе к новейшим российским технологиям и разработкам, включая морские, воздушные, ядерные, космические вооружения, системы ПРО; нуждается в доступе к российским природным ресурсам, особенно энергетическим. В обмен КНР может предоставить России кредиты, инвестиции, приобретенные на Западе технологии, а также рабочую силу для освоения Сибири и Дальнего Востока.

3. Основные направления политики России в отношении АТР. Значимость этого региона для нашей страны определена достаточно ясно. Однако реальное положение, которое указывает на ограничительные факторы и слабость российских военно-политических и особенно экономических позиций в регионе, вызывает серьезную озабоченность. О многом, в частности, говорит тот факт, что при разработке в АТР разного рода конфигураций ведущих сил и игроков, определяющих лицо региона, Россия даже в региональном измерении, как правило, в расчет не принимается. Причем это характерно не только для американских, японских, южнокорейских, но и в значительной мере для китайских исследователей. Между тем тихоокеанское направление несет для нас не меньшие вызовы, чем направление западное. Иными словами, задачи ускоренного развития сибирских и дальневосточных регио-

нов России, эффективные меры по укреплению наших восточных рубежей в военном отношении приобретают сейчас стратегический характер в условиях нарастающего в мире дефицита сырьевых, земельных, водных и продовольственных ресурсов, наличия в Северо-Восточной Азии сильных, густонаселенных и высокоразвитых стран-соседей.

В числе объективно благоприятных для РФ факторов можно отметить сохраняющуюся на данный момент заинтересованность обоих участников американо-китайского противостояния в привлечении России на свою сторону. В частности, Вашингтон всячески пытается убедить ее представителей, что главная угроза для России – Китай, а не НАТО. В исследованиях западных экспертов все чаще прослеживается тезис об общности интересов Запада и России перед лицом поднимающегося Китая.

Однако России нельзя допустить, чтобы ее втянули в стратегию сдерживания Китая. Сотрудничество с КНР сегодня – один из важнейших факторов успеха РФ на пути модернизации и укрепления ее суверенитета и роли в мире. Но при этом не менее важный фактор – сохранение самостоятельности России. Необходимо относиться к Китаю с позиций реализма, рассматривая его как страну, реально выдвигающуюся в число главных мировых держав. Осознание данного факта необходимо для определения стратегии развития РФ на ближайшее будущее. Не подлаживаясь под китайские попытки навязать России собственную позицию и собственные интересы, но и не конфронтируя с восточным соседом, России ни в коем случае не следует присоединяться к «политике окружения» и сдерживания Китая. Одновременно необходимо учитывать определенное изменение внешнеполитических концепций Китая, в частности, выдвижение в качестве официальной задачи «освоение внешнего пространства в интересах страны», а также возрастающий национализм в среде военной и политической элиты КНР.

В этой ситуации тот факт, что в российско-американском диалоге проблематика, связанная с АТР, сегодня фактически исчезла, вряд ли можно назвать положительным. Россия должна обсуждать проблемы региона, в частности, проблемы обеспечения безопасности в АТР, со всеми ведущими игроками, а не только с Китаем. При этом необходимо учитывать, что главными страновыми приоритетами КНР в АТР являются США, Япония и Южная Корея, то есть ведущие страны по торговому обороту и объему инвестиций. В этом списке Россия находится на 11-м месте, несмотря

⁶ Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – № 3. – С. 42–64.

на сходство стратегических интересов и энергетическую заинтересованность Китая в России.

Необходимо также усиливать сотрудничество по проблемам безопасности (так же, как и по другим проблемам) с Индией, Вьетнамом и странами АСЕАН, с которыми РФ имеет традиционные дружественные отношения и которые могут рассматриваться как фактор флангового влияния на политику Китая. В то же время нужно учитывать, что ни эти страны, ни Китай, ни Япония, ни тем более Южная Корея активную реальную помощь в продвижении российских интересов в АТР оказывать не будут. Однако и активного противодействия от них ждать не стоит.

Что же касается Японии, то, несмотря на усиление мирной риторики в российско-японских отношениях, перезагрузки во взаимодействии двух стран в ближайшее время ждать не следует, и не только по причине негибкости японской позиции по территориальному вопросу. Японское направление внешней политики РФ нельзя рассматривать отдельно, в отрыве от общей ситуации в АТР (как это делалось на протяжении первого постсоветского десятилетия) и от наличия военного союза Японии и США.

В целом же в условиях, когда жизненно важным для РФ становится осуществление «двойной интеграции»: ее восточной части – в общее экономическое пространство страны, а России в целом – в АТР, то чем больше будет у нее партнеров в этом регионе, тем выше станет вероятность решения этой задачи и укрепления ее экономического потенциала. Для России необходимо широкое экономическое сотрудничество не только с Китаем, но также с Тайванем, Южной Кореей, с западными штатами США – от Аляски до Калифорнии, с Канадой, Австралией и Новой Зеландией.

Важнейшим условием развития российских Сибири и Дальнего Востока является также надежное обеспечение безопасности страны на этом направлении. Для этой цели России необходимо укреплять политические отношения со всеми значимыми игроками, активно участвовать в многосторонней дипломатии в регионе, а также совершенствовать военный потенциал на востоке страны.

Некоторые выводы

1. В качестве **новых моментов в нынешнем развитии обстановки в АТР** следует отметить: динамику региональных процессов, новое «лицо» Китая в АТР; доктрину «возвращения США в Азию»; усиление китайско-американского противостояния в АТР (военно-политические и другие аспекты); рост национального самосознания и самостоятельности действий народов и государств Северо-Восточной Азии.

2. Новая военная стратегия США не способствует укреплению мира и стабильности в АТР. Она меняет суть стратегии «сдерживания Ки-

тая». Если прежде речь шла преимущественно о двустороннем американо-китайском соперничестве, то теперь ставка делается на подъем альтернативных Китаю центров влияния в Юго-Восточной Азии и в зоне Индийского океана. США готовы предоставить им определенные ресурсы для достижения статуса полноценных региональных держав.

3. Для России новая стратегия США несет в себе и позитивные, и негативные моменты. Интерес Вашингтона к российскому Дальнему Востоку может привлечь американские инвестиции в его экономику. Могут ускориться и выгодные для России общие экономические проекты в рамках АТЭС.

Но, с другой стороны, Россия имеет комплекс политических связей с КНР. Российско-китайский договор 2001 г. предусматривает широкий спектр взаимных обязательств. Втягивание в обновленную систему американского присутствия создаст в Пекине ощущение переориентации России на Запад.

4. Нарастание противоречий между США и Китаем заставляет Пекин искать более тесные связи с Россией, рассматривая ее как надежный тыловой район. В обмен на российские военные технологии и природные ресурсы КНР может предоставить России кредиты, инвестиции, а также рабочую силу.

5. В условиях, когда жизненно важным для РФ становится решение задачи осуществления «двойной интеграции»: ее восточной части – в общее экономическое пространство страны, а России в целом – в АТР, то чем больше будет у нее партнеров в этом регионе, тем выше станет вероятность укрепления ее экономического потенциала и возможность решения этой задачи.

6. Полностью осознавая значимость и приоритетность для нас дальнейшего упрочения отношений с Китаем, не лишне, тем не менее, подумать над тем, что означает для России возвышение Китая, выработать взвешенный курс, позволяющий сохранить и укрепить дружественные связи с КНР, и в то же время учесть возможность каких-либо нежелательных поворотов в политике Пекина в будущем. Особое место следует отвести стратегии соразвития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока с северо-восточными регионами Китая на базе взаимовыгодного сотрудничества и в то же время без ущерба долговременным национальным интересам РФ в регионе.

7. Важнейшим условием развития российских Сибири и Дальнего Востока является также надежное обеспечение мира и безопасности страны на этом направлении, для чего России необходимо укреплять политические отношения со всеми значимыми игроками, активно участвовать в многосторонней дипломатии в регионе, а также совершенствовать и укреплять военный потенциал на востоке страны.

Н. А. Кравченко,

*доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский государственный университет,*

Л. В. Мельникова,

*кандидат экономических наук, научный сотрудник,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский государственный университет*

СТРУКТУРА ИННОВАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ РЕГИОНА

В начале XXI века большинство развитых стран столкнулись с новыми вызовами национального развития, которые формируются изменчивой внешней средой, глобализацией мирового экономического пространства, переходом к «экономике знаний» и пр. Серьезным испытанием для разработанных подходов к региональному управлению стал кризис 2008–2010 гг., когда многие страны мира испытали влияние негативных факторов, воздействие которых на экономическое и социальное развитие оказалось непредсказуемым.

Фактически начался новый этап в развитии регионального стратегического управления, закономерности которого только формируются и в настоящее время не нашли достаточного отражения и интерпретации в исследовательской литературе. В то же время масштаб потенциального воздействия новых стратегических инициатив на экономику и общество и их долгосрочные последствия определяют высокую актуальность разработки методических подходов и инструментов обоснования выбора направлений развития и оценок результативности управления пространственным развитием.

Обобщающей характеристикой нового этапа является значительное усиление роли государственного регулирования и управления экономическими и социальными процессами, которое охватывает уже не только региональный и национальный, но и трансграничный уровни. Различные страны и регионы демонстрируют широкую гамму подходов, механизмов и инструментов, используемых для создания и реализации стратегических целей, однако на фоне увеличивающегося разнообразия можно выделить ряд общих направлений в области регионального стратегирования, в частности:

- ориентация на рост конкурентоспособности региона как доминанта стратегической цели развития;
- инновационное развитие как основа устойчивой конкурентоспособности;
- сотрудничество конкурентов (сплочение, cohesion);
- социальное партнерство и социальная интеграция в качестве базы для реализации стратегических целей и установок;

- интеграция ресурсов развития, объединение усилий государственного, частного и общественного секторов, «переход к широкой партнерской сети»;

- интеграция систем управления разного уровня и объектной направленности; поддержка «кластерной» политики;

- расширение региональных инициатив «снизу вверх»;

- формирование «мегарегиональных стратегий» (пример – Стратегия Европейского союза для региона Балтийского моря);

- создание, поддержание и продвижение региональной идентичности – «имиджа» региона и др.

Закономерно, что в последние несколько лет резко усилился интерес политиков, практиков и исследователей к разработке различных долгосрочных стратегических документов как на национальном, так и на транснациональном, и на региональном уровнях. Хотя такие документы разнообразны и отражают национальную специфику, в качестве стратегической цели развития, как правило, выступает рост конкурентоспособности страны или региона как основы устойчивого социально-экономического развития. Магистральным направлением увеличения конкурентоспособности наиболее часто служат формирование «экономики знаний», рост инновационной активности (в широком смысле – в экономике, политике, обществе), повышение результативности и эффективности инноваций. Создание, развитие и функционирование экономики знаний во многом определяются качеством инновационной системы на региональном и национальном уровнях. Соответственно, инновационная политика должна быть нацелена на формирование инновационной системы как совокупности субъектов и институтов, взаимодействия между которыми обеспечивают стимулы, устойчивость и эффективность инновационных процессов.

За последние несколько лет в большинстве субъектов Российской Федерации были разработаны стратегии долгосрочного развития. Разработка таких документов во многих случаях определялась инициативой «сверху» – требованиями Министерства регионального развития, вместе с

тем ряд регионов разработал стратегии до того, как была разработана Концепция долгосрочного развития РФ до 2020 г., которая, по идее, должна быть общей основой для региональных проекций развития.

Позиционирование инновационной стратегии по отношению к общей, глобальной стратегии развития в настоящее время определяется как отношение части к целому, то есть инновационная стратегия является средством достижения более общих целей социально-экономического развития. Хотя такая трактовка инновационной стратегии разделяется исследователями и практиками неединодушно, именно она принята руководящими структурами нашей страны, и в соответствии с ней должны разрабатываться стратегические документы регионального уровня.

С позиций теории регионального планирования инновационная стратегия должна соответствовать следующим общим требованиям.

Стратегия должна соответствовать основным рамочным документам по инновационному развитию, принятым в России, соответствовать приоритетам развития, учитывать бюджетные и ресурсные ограничения.

Сформированные цели и задачи, а также направления их достижения и решения должны иметь системный характер, отражать возможности и перспективы региональной инновационной системы, а также учитывать включение региона в национальную и международную инновационные системы.

Достижение поставленных целей должно опираться на выявление, развитие и использование конкурентных преимуществ региона, а также оценки потенциальной синергии от различных вариантов межрегиональной и международной интеграции.

Инновационная политика в отечественных условиях должна быть направлена как на стимулирование спроса на инновации, так и на формирование институциональной и инфраструктурной среды, благоприятной для инноваций и инвестиций. Так как в условиях ограниченных ресурсов это конфликтующие цели, необходимо достижение баланса или компромисса между ними на основе учета интересов множества участников, что определяет требование публичности инновационной политики.

Наиболее теоретически обоснованным представляется следующая структура инновационной стратегии развития региона:

- анализ текущего состояния и тенденций развития инновационной системы, который позволяет сформулировать ключевые проблемы развития, а также сильные и слабые стороны региональной экономики по сравнению с регионами-лидерами и общероссийским уровнем;
- стратегическая цель и задачи развития региональной инновационной системы, которые в

комплексе отражают направления решения существующих проблем;

- сценарии развития инновационной системы региона, которые предлагают возможные варианты развития на основе построения, расчетов и оценок результатов моделирования экономического и социального развития региона;

- условия и механизмы реализации инновационной стратегии, включающие развитие правовой и нормативной базы, формы поддержки и стимулирования инновационной деятельности предприятий и организаций, поддержку инновационного предпринимательства, поддержку и развитие науки и образования, формирование и развитие инновационной инфраструктуры с учетом накопленного потенциала и специфики региона;

- основные этапы реализации инновационной стратегии;

- индикаторы достижения целей инновационного развития (затраты – результаты), представленные в количественных, измеримых показателях;

- крупнейшие инновационные проекты и инновационные кластеры;

- ресурсное обеспечение стратегии;

- требования к формированию системы управления инновационной политикой.

Представленная структура может служить определенным эталоном, однако в реальности разработанные стратегии довольно разнообразны и часто расходятся с теоретическими представлениями.

Ниже в таблице 1 представлены инновационные элементы в стратегиях социально-экономического развития регионов – субъектов Сибирского федерального округа. В ячейках матрицы звездочкой отмечено присутствие отдельных элементов инновационной стратегии:

- 1) присутствие инновационной составляющей в видении будущего региона;

- 2) формулировка цели и/или задач инновационного развития;

- 3) выделение в качестве приоритетов развитие отраслей «новой экономики»;

- 4) разработка вариантных сценариев, среди которых явно выделяется вариант с акцентом на инновационное развитие;

- 5) включение в перечень мероприятий, необходимых для достижения общих стратегических целей, мероприятий, связанных со стимулированием инновационной активности на территории субъекта;

- 6) формирование самостоятельного инновационного раздела в составе долгосрочной стратегии социально-экономического развития региона.

Анализ долгосрочных стратегий развития субъектов Федерации Сибирского федерального округа показал, что в большинстве из них присутствует ориентация на будущее инновационное

Таблица 1

**Инновационные элементы в стратегических документах
социально-экономического развития субъектов Сибирского федерального округа**

Субъект СФО	Инновационные элементы в стратегии субъекта СФО					
	образ будущего	цели, задачи	отраслевой приоритет	инновационный вариант прогноза	инновационные мероприятия	инновационная стратегия как раздел
Республика Алтай						
Республика Бурятия	*		*		*	
Республика Тыва					*	
Республика Хакасия				*		
Алтайский край		*	*	*		
Забайкальский край						
Красноярский край				*	*	*
Иркутская область	*		*	*		
Кемеровская область					*	
Новосибирская область		*	*	*		*
Омская область	*	*	*			
Томская область		*			*	

развитие. В то же время в стратегиях субфедеральных образований инновационная направленность представлена не всегда достаточно полно, конкретно и системно. Безусловно, стартовые позиции и возможные ресурсы развития у регионов различны и их уровень инновационности отличается высокой степенью дифференциации. Лидерами инновационного развития в настоящее время являются и в прогнозный период с высокой долей вероятности могут быть Новосибирская область, Томская область, Красноярский край, далее следуют Кемеровская область, Алтайский край, Иркутская и Омская области.

В целом в документах стратегического характера сибирских регионов можно выделить следующие особенности, которые снижают качество регионального стратегического планирования:

- в стратегиях демонстрируется разное понимание иерархии и содержания стратегических целей, задач и приоритетов развития региона;
- сценарные расчеты в целом недостаточно обоснованы: например, в большинстве сценар-

ных расчетов прогнозируется рост ВРП на фоне ожидаемого снижения численности занятых, что противоречит экономической теории, истории и практике. Большинство региональных стратегий не содержит оценок потребностей в трудовых ресурсах и инвестициях, за счет которых должен быть обеспечен рост ВРП;

- все стратегии прогнозируют опережающий рост инвестиций в основной капитал по сравнению с ростом ВРП, при этом планируемые объемы инвестиций значительно превышают собственные ресурсы региона и не обоснованы со стороны источников этих инвестиций;

- долгосрочные прогнозы отдельных регионов, в том числе сопредельных, слабо совместимы друг с другом, что создает основу для межрегиональной конкуренции за ресурсы, прежде всего рабочую силу и инвестиции в крупные инфраструктурные проекты. Вопросы межрегионального сотрудничества и возникающие отсюда перспективы роста в большинстве стратегий разрабатываются недостаточно.

Необходимо подчеркнуть, что развитие региона в современной экономике не замыкается в административных границах, поэтому перспективен переход к различным формам межрегионального стратегического планирования, а налаживание процесса согласования региональных стратегий представляется необходимым условием повышения качества стратегического планирования.

В конце 2011 г. был принят основополагающий для региональной инновационной политики документ – Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, который определил национальные долгосрочные цели и приоритеты.

Целью Стратегии является перевод к 2020 году экономики России на инновационный путь развития, характеризующийся следующими значениями основных показателей:

- увеличение доли предприятий промышленного производства, осуществляющих технологические инновации, в общем количестве предприятий промышленного производства до 40–50 процентов к 2020 году (в 2009 году – 9,4 процента);

- увеличение доли России на мировых рынках высокотехнологичных товаров и услуг (атомная энергетика, авиатехника, космическая техника и услуги, специальное судостроение и др.) до пяти–десяти процентов в пяти-семи и более секторах экономики;

- увеличение доли экспорта российских высокотехнологичных товаров в общем мировом объеме экспорта высокотехнологичных товаров до двух процентов к 2020 году (в 2008 году – 0,25 процента);

- увеличение валовой добавленной стоимости инновационного сектора в валовом внутреннем продукте до 17–20 процентов к 2020 году (в 2009 году – 12,7 процента);

- увеличение доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции до 25–35 процентов к 2020 году (в 2010 году – 4,9 процента);

- повышение внутренних затрат на исследования и разработки до 2,5–3 процентов валового внутреннего продукта к 2020 году (в 2010 году – 1,3 процента), из них больше половины – за счет частного сектора;

- увеличение доли публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах до трех процентов к 2020 году (в 2010 году – 2,08 процента);

- увеличение количества цитирований в расчете на одну публикацию российских исследователей в научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки», до четырех ссылок к 2020 году (в 2010 году – 2,4 ссылки на статью);

- увеличение количества российских вузов, входящих в число 200 ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов, до четырех единиц (в 2010 году – один вуз);

- увеличение количества патентов, ежегодно регистрируемых российскими физическими и юридическими лицами в патентных ведомствах Европейского союза, Соединенных Штатов Америки и Японии, до 2,5–3 тыс. патентов к 2020 году (в 2009 году – 63 патента);

- увеличение доли средств, получаемых за счет выполнения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, в структуре средств, поступающих в ведущие российские университеты за счет всех источников финансирования, до 25 процентов.

Сравнительный анализ целевых индикаторов и показателей международных рейтингов показывает, что постулированные в Стратегии цели нельзя назвать слишком амбициозными – по значительной части показателей заявленные цели уже сейчас достигнуты многими странами, и трудно рассчитывать, что до 2020 г. эти страны будут стоять на месте. Вероятно, они также продвигнутся на пути инновационного развития.

Достижение национальных целей инновационного развития приведет к значительному росту/развитию отдельных элементов национальной инновационной системы: развитию информационных технологий, росту инновационной активности, увеличению затрат государства и бизнеса на исследования и разработки, на образование.

В то же время значительных изменений в факторах, препятствующих инновационной деятельности и ограничивающих конкурентоспособность России в мировом масштабе, в рамках сформированных целевых показателей не наблюдается – основные ограничения для повышения конкурентоспособности в мировом контексте находятся вне фокуса внимания Стратегии–2020. Напомним, что к таким факторам относятся прежде всего рыночные и государственные институты, которые в настоящее время в большей степени тормозят, нежели стимулируют инновационную активность людей и компаний. Для достижения устойчивых системных эффектов требуются дополнительные усилия, направленные на значительные изменения институциональной среды, а также на формирование позитивного отношения населения и предпринимателей к происходящим изменениям.

Заложенные в рамках Инновационной стратегии России-2020 целевые индикаторы могут служить бенчмаркингом для региональных стратегий – при этом региональные целевые показатели должны быть не ниже страновых, а по отдельным индикаторам, с учетом особенностей конкретного региона, выше.

Главными препятствиями на пути инновационного развития как основы долгосрочной конкурентоспособности выступают неразвитость институциональной среды, медленное формирование благоприятных условий для ведения бизнеса, архаичность российских компаний (низкая способность к освоению новых технологий и низ-

кая клиентоориентированность), слабая интегрированность отечественной науки и образования в мировое сообщество, высокие издержки государственного регулирования экономики. Большой нерешенной проблемой остается состояние среды для бизнеса – достаточно оптимистично ожидать высоких темпов роста от инновационного бизнеса, действующего так или иначе в рамках бизнес-среды низкого качества.

Достижение долгосрочных целей, которые выдвинуты в Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года и определены перечнем целевых показателей, безусловно, позитивно повлияет на место России в мировом сообществе, однако предполагаемая динамика изменений не имеет радикального характера. В настоящее время многие страны уже достигли или превзошли заложенные в Стратегии целевые показатели, а к 2020 г. они, скорее всего, продвинулись гораздо дальше и достигнут большего.

Поставленные в Стратегии «Инновационная Россия-2020» долгосрочные цели развития ориентированы на развитие отдельных элементов инновационной системы и не фокусируются на развитии устойчивых взаимосвязей между элементами системы. Целевые показатели Стратегии отражают в большей степени специфику переживаемого нашей страной периода и в меньшей степени ориентированы на накопленный мировой опыт построения экономики знаний.

Не существует простых рецептов роста конкурентоспособности. Создание экономики знаний является не только целью, но и средством повысить уровень и качество жизни, поэтому представляется необходимым не только дополнить целевые индикаторы показателями, отражающими изменения в системе норм и ценностей, культуре, ментальности и традициях населения России, но и разработать специальные программы, направленные на достижение целей социального инновационного развития.

С нашей точки зрения, разработка региональных стратегических документов, нацеленных на инновационное развитие, – это процесс, который не заканчивается утверждением собственно документа, а продолжается, так как реалии развития намного шире и богаче наших представлений о том, каким будет будущее и каковы способы достижения поставленных целей. Именно поэтому процесс регионального стратегического планирования должен быть непрерывным, не только формируя реакцию на возникновение новых проблем и возможностей для развития, но и создавая на территории региона активную среду для плодотворного обсуждения и согласования приоритетов и целей всех заинтересованных в инновационном развитии сторон: органов власти и управления, бизнеса, представителей науки и образования и широких кругов населения региона.

В. А. Матвеев,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН

ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

В настоящее время происходят глубокие изменения во всей системе международных отношений. Новой существенной чертой их становится глобализация.

Причем глобализация выступает внутренне противоречивым процессом. Она открывает новые возможности экономического развития регионов и государств, но в то же время обостряет существующие или порождает новые проблемы общего характера, которые собственно и являются вызовами. То есть это такие проблемы, связанные с появлением новых факторов в мировом развитии, которые ставят под вопрос возможность устойчивого развития регионов и стран.

При этом глобализация многофакторна, количество взаимосвязей и взаимозависимостей резко увеличивается. Очень подвижны вся мировая экономика, ее отдельные сферы и секторы. Положение в отдельных регионах, отдельных странах и группировках стран непрерывно изменяется, роль и место последних в мировом хозяйстве не раз и навсегда даны, зависят не только, а нередко и не столько от них самих.

У глобализации есть два главных последствия. Во-первых, это ускорение экономического роста активно участвующих в ней стран и регионов. Во-вторых, это усиление зависимости всех участников мирового хозяйства от этого хозяйства. Ускорение экономического роста у стран – активных участников глобализации происходит потому, что они активно используют свои преимущества на мировых рынках товаров, услуг, капитала, рабочей силы и знаний.

Это соответствует теории сравнительных преимуществ, рекомендующей странам специализироваться на выпуске тех товаров и услуг, которые они производят наиболее эффективно. В соответствии с выводами этой теории от глобализации больше всего выигрывают страны с наиболее открытой экономикой. Другим важным последствием глобализации является то, что она усиливает зависимость всех участников мирового хозяйства от этого хозяйства.

В конечном счете это ведет к разным последствиям. К позитивным эффектам глобализации нужно отнести рост доступности внешних рынков и внешних ресурсов. Так, большая, чем раньше, доступность внешних рынков помогает высококонкурентоспособным отраслям страны выйти

на рынки многих других стран. Например, для Сахалинской области такими высококонкурентоспособными отраслями являются нефтегазовая отрасль, рыбопереработка и биотехнологии. К негативным последствиям нужно прежде всего отнести рост зависимости национальных экономик от конъюнктуры мирового хозяйства.

Эти эффекты касаются не только стран, но и отдельных регионов как достаточно самостоятельных ячеек национального хозяйства.

Одним из главных вызовов глобализации для Сахалинской области является уровень образования и профессиональной подготовки молодежи.

И здесь позитивный пример активной работы в условиях глобализации показывают так называемые новые индустриальные страны (НИС) или страны, имеющие особо благоприятный режим экономического развития. К таким странам может быть отнесен ряд стран Юго-Восточной Азии (ЮВА), а также Латинской Америки и пр.

Еще в конце 50-х – начале 60-х гг. ряд стран Азиатско-Тихоокеанского региона выдвинул стратегическую цель перестройки от колониальной экономики к индустриальной с упором на новые технологические достижения. Все страны этого региона сразу выбрали японский путь развития. Здесь помогли активность японского капитала и распространение японских технологий. Был взят курс на создание отраслей высоких технологий, ориентированных преимущественно на внешний рынок. Этот курс отличался сравнительно высокой капиталоемкостью и предъявлял высокие требования к квалификации рабочей силы. Поэтому краеугольным камнем экономической стратегии этих стран была и остается ориентация и максимальное привлечение иностранного капитала.

Уже тогда эти страны поняли, что модернизация экономики – это не просто перестройка экономики, это в первую очередь упор на науку и технологии. Поэтому еще одним базовым элементом их стратегии стали приоритетность образования и ориентация уровня общей и профессиональной подготовки молодежи на мировые стандарты. Были сделаны значительные вложения финансовых средств в образование и профессиональную подготовку своих кадров. В итоге это привело к «образовательному взрыву», изменившему качество их трудовых ре-

сурсов. Тем самым страны ЮВА обеспечили свой прорыв к высоким международным позициям. И сейчас у них очень высокая доля НИОКР в бюджетах предприятий и очень высокий уровень подготовки кадров.

Подготовка национальных кадров – стратегическая функция государственной политики НИС. Важной функцией государственной научно-технической политики является создание развитой научно-технической инфраструктуры, включающей помимо собственной научно-исследовательской базы подготовку национальных кадров, создание широкой сети профессионально-технического обучения, проведение мероприятий по информированию о существующих видах технологий и оборудования, оказанию помощи в адаптации технологий.

В 90-х годах их также основательно потрянул мировой структурный и финансовый кризис. Следствием этого была корректировка экспортно-ориентированной стратегии экономического развития азиатских стран в направлении стимулирования роста внутреннего спроса. Также была признана необходимость координации, экономической и финансовой политики стран на межстрановом уровне. И сейчас идет пробный поиск вариантов углубления региональной интеграции в рамках группировки АСЕАН в направлении создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли. В конечном итоге в современном мировом хозяйстве эти страны заняли нишу крупнейших производителей и экспортеров автомобильной и бытовой техники, электроники, продукции судостроения и химической промышленности.

Конечно, экспорто-ориентированная экономика является ведущим фактором их развития. Экономика этих азиатских НИС функционирует на основе всемерного привлечения иностранного капитала и технологий, на использование зарубежных знаний и опыта в организации и управлении производством. Основными источниками заимствования и внедрения иностранной техники и технологий являются импорт производственного оборудования (сопровождаясь, как правило, приобретением прав на использование производственных процессов) и наукоемких товаров на обычных коммерческих условиях, закупка патентов и лицензий, получение технической помощи со стороны иностранных государств, прямые частные иностранные инвестиции в виде участия в совместных предприятиях, филиалах иностранных фирм, ТНК. Каждый из источников имеет свои преимущества. Если технология является принципиально новой, революционной для данной страны, то наиболее эффективной основой для ее внедрения обычно оказываются филиалы зарубежных фирм. Создание филиалов, а также закупка предприятий «под ключ» позволяют снять препятствия на пути внедрения новых

технологий, связанные с неподготовленностью национальных кадров, решить проблему их обучения, при этом также возрастает значение собственных технологических решений капитала имитационного характера. Этот позитивный опыт НИС вполне может быть рекомендован органам государственной и муниципальной власти Сахалинской области для изучения и адаптации к реальным условиям региона.

Вторым крупным вызовом для Сахалинской области является отсутствие адекватного мировым запросам инвестиционного законодательства. В условиях глобальной экономики в целях повышения инвестиционной привлекательности стран и регионов резко возрастает роль законодательства. При этом, согласно проводимым рейтинговым агентством «Эксперт РА» аналитическим исследованиям «Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России», направленным на сравнение преимуществ и недостатков инвестиционного климата субъектов Федерации, до недавнего времени Сахалинская область наряду с Камчатским краем и Чукотским автономным округом относилась к регионам со слаборазработанным инвестиционным законодательством.

К тому же в условиях практически полной отмены федеральных налоговых льгот резко повысилась значимость введения региональными и местными властями налоговых льгот. В условиях смены модели развития региона и поворота на инновационный путь стоит внимательно проанализировать состояние инвестиционного законодательства Сахалинской области в целях его реформирования.

Стоит заметить, что сейчас региональные власти Сахалина в условиях смены акцентов федерального законодательства все-таки занялись совершенствованием инвестиционного законодательства.

При этом важно учитывать тот факт, что федеральное инвестиционное и налоговое законодательство изменяется в сторону усреднения обеспечения гарантий защиты инвестиций и узаконенной возможности предоставления льгот инвесторам для всех инвесторов на территории РФ.

Региональные власти вынуждены элиминировать негативные для местного инвестиционного климата последствия изменения федерального законодательства. Поэтому естественно, что именно региональные законодательные условия стали наиболее важным фактором изменения инвестиционного климата. Активизировалась разработка региональных стратегий и программ, в том числе на муниципальном уровне, создаются новые инструменты и совершенствуются способы взаимодействия с инвесторами. Региональные власти используют возможности введения дополнительных льгот и иных механизмов для стимулирования реализации проектов, отнесенных к приоритетным.

В регулировании инвестиционной деятельности региональные власти используют собственные подходы, формируя экономическую политику, учитывая местные особенности.

Основным в региональном инвестиционном законодательстве, как правило, является постоянно обновляемый региональный закон о государственной поддержке инвестиционной деятельности. В последние редакции этих законов региональные законодатели вносят ряд новых норм – в частности, о приоритетных инвестиционных проектах и условиях для их реализации, о межмуниципальных проектах, о гарантиях прав инвесторов и условиях прекращения государственной поддержки инвесторов, о страховании рисков в агропромышленном производстве и т. п.

На наш взгляд, наличие такого основного регионального закона по инвестициям позволяет в одном законодательном акте системно предусмотреть:

- направления государственного регулирования инвестиционной деятельности;
- выделить перечень финансовых и нефинансовых форм государственного регулирования;
- методы государственной поддержки инвестиционной деятельности;
- перечень налоговых льгот субъектам инвестиционной деятельности;
- условия размещения бюджетных и иных средств;
- гарантии субъектам инвестиционной деятельности и формы контроля и пр.

Одной из существенных льгот является выплата субсидий из регионального бюджета на компенсацию выплат процентов по банковским кредитам, выделенным на инвестиционные проекты, а также субсидий на выпуск облигационных займов.

Можно отметить безуспешные попытки региональных властей Сахалина инициировать проект федерального закона «О создании особой экономической зоны в Сахалинской области». В России остались в действии два федеральных закона об таких зонах в Калининградской и Магаданской областях. Однако распространение действия такого рода федеральных законов на другие регионы проблематично ввиду появления определенных обязательств по условиям вхождения России в ВТО. Тем не менее законодательному зонированию отдельных территорий (муниципального формата) внутри субъектов Федерации никто не препятствует.

Поэтому весьма значимой, на наш взгляд, была бы разработка в Сахалинской области проекта закона о территориях (или зонах) приоритетного развития либо особых экономических зонах регионального уровня. Эти территории особого статуса могли бы позиционироваться как точки экономического роста. Аналогичные законы о региональных зонах (или территориях) приори-

тетного развития имеются у более десяти российских регионов. Финансирование создания и развития таких зон, в том числе их производственной, транспортной и иной инфраструктуры, должно осуществляться за счет средств участников зон и других источников, в том числе средств регионального бюджета. Для резидентов данных зон применяется льготный порядок налогообложения, действующий в рамках действующего налогового законодательства. Нормативный акт о территориях особого статуса должен определить правовые основы их создания и функционирования на территории одного или нескольких муниципальных образований региона, которые создаются в целях развития территорий региона, обрабатывающих отраслей экономики, производства новых видов продукции или туризма и рекреационной деятельности, внедрения наиболее прогрессивных технологий и производств, то есть тех сфер деятельности, которые создают высокую добавленную стоимость.

Еще одним вызовом для региона является отсутствие адекватного глобальным вызовам стратегического планирования развития Сахалина на среднесрочную перспективу. Конечно, в регионе разработана и реализуется Стратегия социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2025 года. Однако данная стратегия, как известно, создана достаточно традиционным способом, как и многие аналогичные стратегии иных регионов России. В настоящее время такой стратегический подход к развитию регионов явно устарел. В структуре такой стратегии сложно позиционировать элементы инвестиционно-инновационной стратегии.

Это должна быть отдельно разработанная прорывная стратегия, с иными подходами. В первом приближении в такой стратегии должен быть учтен четко просчитанный на среднесрочный период комплекс мер государственной поддержки из федерального бюджета. Такой комплекс мер должен включать систему особых преференций ценового, тарифного, таможенного и налогового характера для ускоренного развития экономики региона, а также мероприятия по закреплению и притоку трудовых ресурсов. Это крайне важно для территорий, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностей.

Поскольку регион является экспортно-ориентированным, то должны быть представлены варианты видения развития региона в страновом окружении и сделана оценка прогнозируемого спроса других стран в сахалинских ресурсах.

И в-третьих, это должна быть стратегия трудодефицитного региона, который без активного использования инновационных механизмов обречен в лучшем случае на стагнацию.

В-четвертых, в рамках региональной концепции инновационного развития должна быть сдела-

на ставка на стимулирование формирования определенных кластеров или их элементов в регионе. То есть должен быть сделан упор на поддержку структурных изменений экспорта в регионе, сконцентрированный в секторах экономики, обладающих реальной или потенциальной конкурентоспособностью, либо применена схема встройки в эффективные мировые производственные цепочки (кластеры) по таким важным для Сахалинской области направлениям, как биотехнология на основе морских биоресурсов, возобновляемая энергетика (ветровая и геотермальная), нефтегазовое оборудование для шельфовой добычи углеводородов.

Сейчас важно то, что основная ставка на развитие кластеров в России переориентирована на законодательство субъектов Федерации в рамках региональных концепций территорий инновационного развития.

В этом формате можно будет сочетать региональную политику федеральных властей и властей субъектов Федерации к стимулированию использования доступных ресурсов для экономического роста регионов, повышению требований к качеству управления и содействию формированию и развитию региональных экономических кластеров и инновационных центров.

*Л. А. Петренко,
заместитель руководителя агентства по информационным технологиям
и связи Сахалинской области*

РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Стратегия – ясное и разделяемое наиболее активной частью населения представление о будущем, а также план приоритетных действий региона, направленный на достижение поставленных стратегических целей посредством реализации существующего потенциала региона.

В Сахалинской области в июне 2006 года постановлением администрации № 140-па была утверждена Стратегия развития Сахалинской области на период до 2020 года, разработанная департаментом регионального развития представительства Сахалинской области в городе Москве.

Однако в дальнейшем в силу своей излишней академичности данный документ оказался нежизнеспособным, не адаптированным в социально-экономическую ситуацию Сахалинской области, другими словами, не носил прикладного характера. Возникла необходимость незамедлительной корректировки данного документа.

Постановлением администрации Сахалинской области от 11.07.2008 г. № 203-па была принята Стратегия социально-экономического развития на период до 2020 года (далее – Стратегия-2020).

Разработанный документ был представлен общественности, широко обсуждался, и в июне 2008 года состоялась научно-практическая конференция по теме «Основные направления и механизмы реализации Стратегии социально-экономического развития Сахалинской области: инвестиции в инфраструктуру и институты инновационного развития», которая дала в целом положительную оценку Стратегии-2020.

Стратегия-2020 существенно отличалась от предыдущей прежде всего объемом: 172 печатных страницы обновленного документа против 29 страниц прежнего варианта. Кроме этого, был сделан глубокий стратегический и социально-экономический анализ положения Сахалинской области, определены миссия, цели и задачи социально-экономического развития региона.

Впервые за долгие годы в Сахалинской области были определены четкие направления развития отраслей экономики и социальной сферы. Разработаны индикаторы и контрольные показатели, позволяющие управлять ходом реализации Стратегии. Суммарно Стратегией было предусмотрено решение 38 приоритетных задач социально-экономического развития. Назовем только несколько основных:

- создание условий для продолжительной и здоровой жизни населения области;
- строительство современного жилья с учетом перспектив пространственного развития области;
- институциональное закрепление центра ответственности за развитие инновационного сектора;
- создание единой связанной сети автодорог на территории области; подготовка инвестиционных проектов на территории области;
- сохранение уникальной природной экосистемы области;
- создание и внедрение системы проектного управления в областных органах исполнительной власти и т. д.

Все, что перечислено, это новые элементы, и Стратегия-2020, на мой взгляд, имела формат рабочего документа. Но в силу того, что этот документ был разработан и принят, когда на уровне Правительства Российской Федерации еще не были приняты основополагающие документы, такие, как: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р) и Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года (утвержденная распоряжением Правительства РФ от 28.12.2009 г. № 2094-р), имелся ряд нестыковок по векторам развития страны в целом и Сахалинской области в частности.

Исходя из этого, возникла необходимость актуализации Стратегии с учетом направлений, целей и задач, принятых на федеральном уровне. По моим подсчетам за период 2008–2012 гг. Президентом и Правительством Российской Федерации было утверждено порядка 35 стратегических планов, касающихся долгосрочного развития страны в различных сферах деятельности и примерно столько же стратегий, носящих ведомственный характер.

Все они были направлены на создание условий для модернизации и перехода к устойчивому росту национальной экономики, а также для обеспечения лидерства России в мировой экономической системе.

Исходя из этого, в марте 2011 года Правительством Сахалинской области была утверждена Стратегия социально-экономического развития

региона на период до 2025 года (далее – Стратегия-2025) (Постановление Правительства Сахалинской области от 28.03.2011 г. № 99), которая определила основные направления, механизмы и инструменты достижения стратегических целей развития Сахалинской области на более долгосрочный период – до 2025 года. Тем более что достигнутые областью в период 2008–2011 годы отдельные положительные результаты рассматривались как одно из условий для дальнейших позитивных изменений в регионе.

Стратегией-2025 определено, что:

– экономическое развитие региона должно основываться на максимальном использовании имеющегося в регионе потенциала путем высвобождения частной инициативы с параллельным усилением роли органов власти в обеспечении благоприятных условий хозяйствования;

– необходимо существенное повышение эффективности производства, ускорение структурных реформ.

В основе Стратегии-2020 и Стратегии-2025 заложена «вертикаль проектов», вытекающая из Посланий Президента Российской Федерации Федеральному собранию.

Приоритетными проектами в Сахалинской области являются те, которые имеют не отраслевой, а межрегиональный характер, те, которые завязывают в единое целое сразу несколько областей хозяйства и социальной жизни, определяют освоение территорий, развитие дорожной инфраструктуры, создание перспективных поселений, освоение Севера, строительство стратегически значимых объектов, привлечение соотечественников из-за рубежа, обеспечивают устойчивое развитие региона и динамичное развитие экономики в долгосрочной перспективе (2025).

Практически все из запланированных проектов вошли в Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р) и Стратегию социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года (распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 г. № 2094-р).

Вот основные из них:

1. Нефтегазовый комплекс (занимает ведущее место в экономике Сахалинской области, предопределяет ее экономический рост):

– разработка новых месторождений в рамках проекта «Сахалин-1»;

– перспективные проекты «Сахалин-3» – «Сахалин-5»;

– программа газификации Дальневосточного региона.

2. Рыбопромышленный комплекс (Сахалинская область занимает третье место по объемам вылова в стране и первое место по потенциалу

созданных береговых рыбоперерабатывающих предприятий):

– обновление добывающего флота;

– внедрение современных технологий для глубокой переработки морских ресурсов;

– увеличение ресурсной базы за счет создания сети рыбопроизводных заводов;

– открытие новых направлений бизнеса – аквакультуры и биофармацевтики.

3. Транспорт (является одним из важнейших условий устойчивого развития экономики Сахалинской области, опережающего развития транспортной инфраструктуры, способствующей росту товарооборота, повышению уровня производственной и социальной кооперации, эффективности использования производственных мощностей и ресурсов, оптимизации структуры экономики):

– реконструкция автомобильных дорог, в том числе Южно-Сахалинск – Оха;

– строительство железнодорожной линии Ильинск – Углегорск;

– завершение реконструкции Сахалинской железной дороги;

– реконструкция морских портов;

– реконструкция аэропортов.

4. Угольная промышленность (оказывает большое влияние на развитие других отраслей экономики Сахалинской области):

– создание топливно-энергетического комплекса на западном побережье о. Сахалин;

– привлечение иностранных инвестиций (КНР, Южная Корея).

5. Энергоснабжение (в целях повышения надежности энергоснабжения и замещения выбывающих мощностей):

– строительство энергоблока № 4 на Южно-Сахалинской ТЭЦ-1 и Сахалинской ГРЭС-2;

– введение в эксплуатацию высоковольтных линий электропередачи;

– осуществление газификации населенных пунктов Сахалинской области, в том числе населения, объектов энергетики и ЖКХ.

6. Строительство:

– мостовой переход с материка на Сахалин;

– обеспечение качества и конкурентоспособности продукции отрасли;

– развитие массового жилищного строительства для различных категорий граждан, удовлетворение социального спроса как по жилищной обеспеченности, так и по доступности жилья для граждан;

– создание условий для безопасной жизнедеятельности населения через реализацию мероприятий по сейсмоусилению объектов жизнеобеспечения;

– создание эффективной системы сохранения, развития и использования кадрового потенциала;

– обеспечение экономического роста с выходом на устойчивое развитие и инвестиционную привлекательность отрасли.

7. Реализация приоритетных инвестиционных проектов, реализуемых в социальной сфере и экономической.

Инвестиционный портфель приоритетных проектов в Сахалинской области составляет 28 объектов экономической и социальной сфер деятельности общей стоимостью 115 млрд. рублей. Реализация инвестиционного портфеля позволит создать дополнительно порядка 1 млн. рабочих мест и внести вклад в бюджетную систему более 5 млрд. рублей.

Учитывая успешное развитие этих проектов, можно определить **роль стратегического планирования в устойчивом развитии островного региона как:**

– результат политического процесса взаимодействия всех заинтересованных лиц;

– принятие на региональном уровне системы мер государственного управления, базирующейся на долгосрочных приоритетах региональной социально-экономической политики органов государственной власти;

– основу для разработки комплексной программы экономического и социального развития области и муниципальных образований, областных целевых программ, планов деятельности областных органов исполнительной власти, перспективных и краткосрочных прогнозов социально-экономического развития, бюджетов и среднесрочных финансовых планов, законодательных инициатив;

– обеспечение обратной связи между исполнителями (законодательная власть, органы исполнительной власти и местного самоуправления, население, представители бизнеса, общественных организаций, федеральных органов исполнительной власти) для решения вопросов социально-экономического развития Сахалинской области;

– видение процессов будущего развития региона;

– постоянный процесс не просто разработки стратегии, а и ее адаптация к особенностям региона и ее последующей поэтапной реализации.

Именно вертикаль проектов – от наиболее долгосрочных, наукоемких, прорывных до регионально-локальных – создает основу для устойчивого развития Сахалинской области.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

2. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 г. № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года».

3. Постановление Администрации Сахалинской области от 09.06.2006 г. № 140-па (ред. от 11.07.2008) «О Стратегии развития Сахалинской области на период до 2020 года».

4. Постановление Администрации Сахалинской области от 11.07.2008 г. № 203-па (ред. от 28.03.2011) «О Стратегии социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2020 года».

5. Постановление Правительства Сахалинской области от 28.03.2011 г. № 99 «О Стратегии социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2025 года».

6. То Кен Сик. Системный подход к исследованию и управлению процессами устойчивого развития общества : монография / То Кен Сик. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2011. – 208 с.

*А. А. Пискалов,
аспирант кафедры управления СахГУ*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Актуальность. Основными проблемами развития Сахалинской области являются: неразвитая транспортная и энергетическая инфраструктура; низкая степень переработки природных ресурсов и ресурсная зависимость экономики; сокращение численности населения [1]. Малая доля предприятий осуществляет наукоемкую и высокотехнологичную деятельность.

Предполагается решать эти проблемы посредством модернизации экономики области.

Для совершенствования этого процесса необходимо четко определить понятие модернизации экономики, оценить осуществляемую в настоящее время деятельность, производимую в данном направлении, а также выработать рекомендации по совершенствованию модернизации экономики Сахалинской области.

Трактовка модернизации. Термин «модернизация» имеет две основные трактовки:

1) общая (от греч. «*moderne*» – новейший) – усовершенствование, улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества [2];

2) с позиции теории модернизации – парадигма объяснения глобального процесса, в ходе которого традиционные общества достигают состояния модерна.

В зависимости от сферы общественной жизни классическая теория модернизации рассматривает следующие виды модернизации

1. Экономическая модернизация, отличная от индустриализации, связана с глубокими экономическими изменениями – растущим разделением труда, использованием методов менеджмента и усовершенствованной технологии, а также развитием благоприятных условий для коммерции.

2. Социальная модернизация предполагает рост грамотности, урбанизации и упадок традиционного авторитета. Все эти изменения рассматриваются с точки зрения растущей социальной и структурной дифференциации.

3. Культурная модернизация обычно выливается в секуляризацию и развитие националистических идеологий.

4. Политическая модернизация предполагает развитие определенных ключевых институтов – политических партий, парламента, избирательного права и тайного голосования – способству-

ющих принятию решений на основе участия населения [3].

Впоследствии под модернизацией начинают понимать явление цивилизационного масштаба, являющееся формой перехода от традиционной цивилизации к либеральной, от общества, нацеленного на воспроизводство на основе некоторого статичного идеала, к обществу, рассматривающему повышение эффективности форм деятельности, развитие способности личности к собственному саморазвитию как основу общественной динамики [4, с. 4].

В данной работе рассматривается экономическая модернизация – структурные, технологические и институциональные изменения в экономике, направленные на повышение ее конкурентоспособности [5, с. 40] и проводимые в определенном временном промежутке.

На основе определений модернизации можно сформулировать цель и задачи модернизации экономики региона.

Цель – развитие экономики региона и доведение ее конкурентоспособности до российского уровня.

Задачи:

1) финансирование развития социального сектора и создание условий для социализации населения;

2) создание механизма внедрения прогрессивных технологий;

3) изменение структуры экономики региона, направленное на развитие ее конкурентоспособности и повышение эффективности, снижение материало-, энерго- и фондоемкости;

4) повышение квалификационного уровня рабочей силы;

5) развитие инфраструктуры, направленное на устранение ограничений функционирования экономики.

Анализ состояния модернизации экономики в Сахалинской области. В Сахалинской области применяется программно-целевой подход к управлению. Соответственно, модернизация должна осуществляться посредством специализированной программы модернизации, либо мероприятия по модернизации экономики должны содержаться в других стратегиях и программах.

Специализированная программа модернизации отсутствует. Основные цели, задачи и направления развития региона содержатся в Стратегии

социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2025 года. Ряд задач Стратегии соответствует задачам модернизации экономики (например, «создание условий для развития перспективной экономической специализации Сахалинской области на основе природно-ресурсного, индустриального, кадрового и научного потенциала в рамках федеральных отраслевых стратегий развития, областных целевых программ области и муниципальных образований», «развитие кадрового потенциала Сахалинской области» [6]), хотя цель модернизации не заявлена.

Четко обозначенные цель и задачи модернизации появляются в Программе социально-экономического развития Сахалинской области на 2011–2015 годы и на период до 2018 года. В данном документе представлены результаты анализа базовых отраслей экономики области и указаны основные проблемы, цели, задачи и мероприятия, направленные как на поддержание функционирования данной отрасли, так и на модернизацию экономики региона. Задачи, направленные на достижение принципиально разных целей, не разделяются. Также к недостаткам можно отнести то, что не сформулировано определение модернизации, не указаны должностные лица, ответственные именно за модернизацию экономики.

Модернизация подразумевает в том числе реструктуризацию экономики для сокращения ее материало- и энергоемкости. В таблице 1 представлены некоторые количественные значения

индикаторов оценки результативности реализации Программы, по которым можно оценить предполагаемое изменение структуры экономики Сахалинской области.

К 2018 году доля платных услуг и сельского хозяйства даже снизится, туристических услуг останется практически неизменной. Сокращение удельного веса добычи полезных ископаемых в общем объеме отгруженных товаров собственного производства соответствует задачам модернизации, однако предполагается значительный рост экспорта угля. Строительный комплекс увеличит свою долю в ВРП на 1,4 %. Таким образом, изменение структуры экономики не предполагает отход от сырьевой ориентации. Развитие нефте-, газопереработки и газохимии не проработано.

Система индикаторов результативности реализации Программы не включает показатели оценки инновационной составляющей модернизации экономики, что говорит о недостаточной проработанности методики этой оценки.

Следующим уровнем в программно-целевом планировании являются долгосрочные и областные целевые программы, разработанные для различных отраслей экономики. В Стратегии социально-экономического развития выделено 15 базовых отраслей экономики. Из них: для девяти разработаны целевые программы, для трех – концепции целевых программ, для одной – стратегия развития. Информационно-коммуникационная инфраструктура, внешнеэко-

Таблица 1

Количественные значения индикаторов результативности

Индикаторы	2010 г., отчет	2010 г., доля в ВРП, %	2018 г., прогноз	2018 г., доля в ВРП, %	Изменение доли в ВРП, 2018 г. к 2010 г., %	Изменение, 2018 г. к 2010 г., %
Объем валового регионального продукта на душу населения, тыс. руб.	912,5		2321			+154,3 6
Постоянное население, тыс. чел.	501,2		488			-2,63
Объем валового регионального продукта, млрд. руб.	457,345	100,00	1132,648	100,00		+147,66
Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», млрд. руб.	52,2	11,41	145	12,80	1,39	+177,78
Объем продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий, млрд. руб.	6,7	1,46	10,9	0,96	-0,50	+62,69
Объем реализации платных услуг, млрд. руб.	35,3	7,72	75	6,62	-1,10	+112,46
Объем туристических услуг, млрд. руб.	0,3274	0,07	0,8	0,07	0,00	+144,35
Удельный вес в общем объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в общем объеме. Раздел С: Добыча полезных ископаемых, %	91,30		86,80 %			-4,50 %
Вывоз угля в другие регионы РФ и на экспорт, тыс. т	1185		4260			+259,49 %

номическая деятельность и приграничное сотрудничество таких программ не имеют. Упомянутые отраслевые документы приняты позже, чем Программа социально-экономического развития, то есть должны включать задачи и мероприятия, направленные на модернизацию экономики области.

Отраслевые целевые программы имеют идентичную структуру, так как их разработка регламентируется постановлением Правительства области «О долгосрочных и ведомственных целевых программах в Сахалинской области», которое устанавливает их структуру, порядок принятия, разработки и оценки результативности.

Программы различаются по уровню проработки и соответствию целям модернизации экономики. Для целей анализа можно выделить следующие группы программ.

1. Программы развития инфраструктуры. К ним можно отнести программы «Развитие электроэнергетики Сахалинской области до 2010 года и на перспективу до 2020 года», «Модернизация и развитие автомобильных дорог общего пользования Сахалинской области на период 2010–2013 годов, с прогнозом до 2020 года» и подпрограмму «Строительство инженерной и транспортной инфраструктуры», входящую в состав программы «Строительство жилья в Сахалинской области на 2010–2015 годы». Эти программы направлены на снятие ограничений развития экономики путем строительства новых объектов инфраструктуры. Внедрение качественных изменений отходит на второй план и менее проработано.

2. Программы и концепции программ экстенсивного развития отраслей экономики. К ним можно отнести концепции программ «Развитие прибрежного рыболовства и береговой инфраструктуры Сахалинской области на 2013–2018 годы» и «Развитие внутреннего и въездного туризма в Сахалинской области на 2013–2018 годы», программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Сахалинской области на 2009–2012 годы», «Строительство жилья в Сахалинской области на 2010–2015 годы» и «Отходы производства и потребления Сахалинской области (2009–2015)». В данных программах есть цели модернизации, но под модернизацией понимается техническое перевооружение предприятий. Также в целевые индикаторы этих программ не входят показатели, позволяющие оценить инновационную активность предприятий – один из основных элементов модернизации.

3. Наиболее проработанные программы, отвечающие целям модернизации. Это программы «Газификация Сахалинской области до 2010 года и на перспективу до 2020 года» и «Развитие угольной отрасли Сахалинской области на 2010–2015 годы», концепция программы «Разви-

тие пищевой и перерабатывающей промышленности Сахалинской области на 2013–2020 годы», а также «Стратегия развития лесопромышленного комплекса Сахалинской области на период до 2020 года». Эти программы предполагают значительное изменение структуры отраслей, переход к иной стратегии развития либо внедрение новых технологий.

Отдельно стоит отметить программы «Развитие инвестиционного потенциала Сахалинской области на 2011–2018 годы» и «Развитие малого и среднего предпринимательства в Сахалинской области на 2012–2015 годы и на период до 2018 года». Инструментами реализации данных программ являются возмещение отдельных видов затрат организаций и индивидуальных предпринимателей, государственная поддержка приоритетных инвестиционных проектов, совершенствование законодательства и развитие кадрового потенциала. Основное внимание уделяется субсидированию деятельности малых предпринимателей и организаций, то есть прямым финансовым вливаниям в экономику. В результате ожидается сокращение доли инвестиций в добычу топливно-энергетических ресурсов и рост значимости малых предприятий.

Следует отметить, что в целевые индикаторы подавляющего большинства программ не входят показатели, позволяющие оценить инновационную активность предприятий, применение новых технологий и эффективность использования ресурсов.

О состоянии модернизации экономики Сахалинской области можно сделать следующие выводы:

1) недостаточно проработана методология проведения модернизации экономики (отсутствует определение модернизации, иерархия целей и задач по отраслям, недостаточно проработаны показатели модернизации);

2) отсутствует разграничение между деятельностью по регулярному управлению экономикой и деятельностью, направленной на модернизацию экономики;

3) планируемая реструктуризация экономики отрасли не соответствует задачам модернизации.

Предложения по совершенствованию модернизации в Сахалинской области. Переход к достижению реальных целей модернизации требует изменения подхода к управлению модернизацией в регионе:

1) максимальное разделение регулярной деятельности по управлению регионом и деятельности по модернизации;

2) системный подход к модернизации:

а) разработка методологии модернизации в регионе (четкая трактовка модернизации, разработка иерархии целей и задач модернизации, в

том числе сформулированных для отраслей экономики, разработка системы показателей модернизации);

б) разработка программ модернизации в соответствии с методологией модернизации.

Литература

1. Закон Сахалинской области от 27.07.2011 г. № 85-ЗО «О Программе социально-экономического развития Сахалинской области на 2011–2015 годы и на период до 2018 года».

2. Кураков, Л. Экономика и право : словарь-справочник. – Режим доступа : <http://www.vocable.ru/dictionary/80/word/modernizacija>

3. Соколова, Г. Н. Экономическая социология :

курс лекций / Г. Н. Соколова. – 3-е изд., стереотип. – Мн. : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. – 188 с. – Режим доступа : <http://voluntary.ru/dictionary/963/word/modernizacija>

4. Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 3–39.

5. Белокрылова, О. С. Перспективы посткризисной модернизации экономики России / О. С. Белокрылова, А. А. Бочков // Экономический вестник Ростов. гос. ун-та. – 2008. – Т. 6. – № 4. – С. 36–44.

6. Постановление Правительства Сахалинской области от 28.03.2011 г. № 99 «О Стратегии социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2025 года».

*А. А. Самохина,
кандидат философских наук, доцент кафедры управления
Института истории, социологии и управления СахГУ*

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА КАК ФАКТОР УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Сегодня для мыслящего человека, не обязательно ученого или эксперта, который пытается осмыслить и спрогнозировать основные тенденции в развитии современного общества, государства и экономики, очевидность многих идей уже кажется бесспорной и не вызывает сомнения. Например, утверждение того, что сегодняшняя Россия должна переходить в качественно новое состояние – от стабилизации к развитию, причем как в экономическом, так и в социальном плане. Что в современном мире основой деятельности общества и государства стал человек, развитие его материальных, интеллектуальных и духовных возможностей. Что ускоренное развитие человеческого потенциала становится не только приоритетом социально-экономического развития, но и главной задачей, стоящей перед обществом и государством. Что экономический рост определяется не только масштабами и составом инвестиций в капитал, развитием технического прогресса, внедрением новой техники и технологии, организацией производства и т. д. А именно потенциал человеческой личности рассматривается в качестве главного фактора экономического и социального развития общества и государства.

В этом контексте внимание к проблематике устойчивого развития как среди теоретиков, так и практиков-управленцев представляется вполне логичным и объяснимым.

Причем кто-то связывает устойчивое развитие, прежде всего, с развитием концепции ноосферы В. И. Вернадского, идей П. Г. Кузнецова, с формированием нового мировоззрения и общей программой развития человечества. И в России уже появилась и плодотворно работает целая плеяда таких ученых-универсалов, разрабатывающих философские, методологические аспекты устойчивого развития глобальной системы «Природа – Общество – Человек» (Л. Ларуш, Б. Е. Большаков и О. Л. Кузнецов, Ю. В. Громько, С. П. Никаноров, А. А. Толстопятов), математические основы проектирования устойчивого развития (Л. Ларуш, А. Е. Петров, С. Э. Кочубей и В. В. Устюгов, А. А. Подосинников, А. Е. Арменский).

Вместе с тем для управленца любого уровня интересны, прежде всего, прагматическое осмысление достижений теории устойчивого развития и возможность практического применения ее постулатов (безусловно, при этом следует помнить, что любые

действия власти, тем более стратегические, опираются на определенную систему взглядов, систему ценностей, которые и есть проявления мировоззрения).

Вероятно, с этим и связано то обстоятельство, что за последние 10–15 лет в практике государственного и муниципального управления стали практически повсеместно использоваться технологии стратегического планирования, в частности, разработка стратегий устойчивого развития регионов и муниципальных образований. При этом во многих стратегиях зафиксированной генеральной целью устойчивого развития является улучшение качества жизни населения.

В связи с этим представляется весьма своевременным и важным более подробно остановиться на понятиях «качество жизни» и «устойчивое развитие». При этом нам не столько интересно, какие подходы к ним и их интерпретации имеют приоритет среди специалистов, сколько, какие из них берутся практиками в качестве основы для разработки управленческих решений в виде нормативно-правовых актов (законов, стратегий, программ).

Существуют различные подходы к трактовке понятия «качество жизни». В частности, Р. С. Пархоменко выделяет субъективистский, объективно-потребительский, количественно-потребительский, аксиологический, количественно-объективистский, субъективно-социодинамический, реляционистский подходы [1].

По определению А. И. Субетто, «качество жизни – это система духовных, материальных, социокультурных, экологических и демографических компонентов жизни» [2].

Существуют определения качества жизни, основанные на самооценке самих людей. Одним из наиболее известных определений является описание понятия «качество жизни», данное Всемирной организацией здравоохранения. Этой организацией качество жизни определяется как восприятие человеком своей позиции в жизни, в том числе физического, психического и социального благополучия, независимости, качества среды, в которой он живет, степени удовлетворенности конкретным уровнем жизни и другими составляющими психического комфорта в зависимости от культурных особенностей и системы ценностей [3].

Очевидно, что определение, данное Всемирной организацией здравоохранения, основано на

субъективной самооценке, по сути, на уровне удовлетворенности своей жизнью. А этот уровень во многом определяется ожиданиями каждого конкретного человека и стандартами, принятыми в социальной среде, с которой он себя ассоциирует. С этой точки зрения, под качеством жизни понимается уровень удовлетворенности человеком своей жизнью по его собственной субъективной самооценке.

В определениях качества жизни, основанных на внешней оценке, подразумевается «объективный» подход к определению качества жизни, при котором качество жизни оценивается не по субъективной удовлетворенности самим человеком, а по ряду объективных показателей другими людьми, имеющими для этого полную и достоверную информацию и необходимую квалификацию, то есть коллективом экспертов. С этой точки зрения, качество жизни является понятием, отражающим степень удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей человека, измеряемым компетентными и информированными специалистами по набору объективных показателей.

Кроме того, в понятии «качество жизни» обязательно должно учитываться удовлетворение потребностей в творчестве, саморазвитии и самореализации своих способностей [4].

Качество жизни определяется не только доходами и стоимостью жизни, но и состоянием всей инфраструктуры жизнеобеспечения и жизнедеятельности человека. Основными факторами качества жизни являются помимо доходов: экология (природа, чистый воздух, вода, земля, здоровая пища), здоровье, образование, жилищные условия, обеспеченность рабочими местами, развитость транспортных систем, личная безопасность, условия и возможности творческого труда.

Если ранее в контексте экономического развития основной акцент делался на материальном производстве, то сегодня он делается на производстве условий, обеспечивающих достойную жизнь, ее уровень и качество [5]. И, таким образом, основной целью социально-экономического развития большинства стран мира и их регионов становится улучшение качества жизни населения. А процесс социально-экономического развития оценивается по таким важнейшим составляющим, как повышение доходов, улучшение здоровья населения и повышение уровня его образования; создание условий, способствующих росту самоуважения людей в результате формирования социальной, политической, экономической и институциональной систем, ориентированных на уважение человеческого достоинства; увеличение степени свободы людей, в том числе экономической.

К сожалению, из текста новой редакции Стратегии социально-экономического развития Сахалинской области до 2025 года понятие «качество жизни» вообще исчезло, а появилось понятие

«благополучие граждан». Вполне возможно, что авторы новой редакции Стратегии считают, что понятие «благополучие граждан» является более адекватным, более уместным в таком документе, чем понятие «качество жизни». С другой стороны, это может свидетельствовать о смене методологического подхода к разработке стратегических документов развития области. Ведь благополучие в любой концепции следует рассматривать больше как экономическую категорию, чем социологическую. Благополучие подразумевает в первую очередь систему потребления, реализуемую через доходы и потребление, государственные гарантии и платные услуги, социальную защиту и социальное страхование.

В отличие от понятия «благополучие» понятие «качество жизни» дает объективную картину уровню человеческого потенциала. Кроме того, именно динамика качества жизни граждан рассматривается как основа для организации деятельности органов власти и управления и как оценка качества управления развитием территории.

При этом не вызывает сомнения и главная цель реализации любой Стратегии развития, любого стратегического документа – создание условий для самореализации и жизненного успеха каждого гражданина России, каждого жителя определенной территории – региона, муниципального образования, поселения, села. И именно качество жизни в этом контексте следует рассматривать интегральным показателем благополучия и благополучия человека.

Примером того, что понятие качества жизни можно рассматривать не только как абстрактную категорию, но вполне реальный критерий оценки деятельности органов государственного управления, служит деятельность органов власти Белгородской области. Руководство этого региона еще в 2003 году совместно с местными учеными, специалистами в области государственного и муниципального управления разработало Программу улучшения качества жизни населения Белгородской области, которая до сих пор является одним из самых главных стратегических документов и лежит в основе разработки и реализации еще 86 областных целевых программ. Кроме того, на основе указанной Программы уже в десятых годах XXI века разработаны Стратегия социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года, Концепция создания Белгородской интеллектуально-инновационной системы и Концепция программы «Формирование регионального солидарного общества». При этом руководители региона объективно считают, что положения программных документов области вполне соответствуют программным направлениям, определенным Президентом и Правительством Российской Федерации по модернизации страны.

Помимо всего для последующего распространения и популяризации передового практического опыта экономической, социальной и общественной деятельности по реализации Программы губернатором области 5 февраля 2007 года подписано постановление № 21 «Об областном конкурсе “За вклад в реализацию Программы улучшения качества жизни населения Белгородской области”». Этот областной конкурс стал ежегодным.

В муниципальных образованиях региона приняты стратегические планы деятельности органов местного самоуправления, направленные на реализацию указанной программы. Такая последовательность в деятельности областной власти, такая системность в реализации программных документов говорит о том, что белгородцы уверены, что улучшение качества жизни будет способствовать в конечном счете росту производительности труда, эффективности производства, повышению общего благосостояния, формированию зрелого гражданского общества, где главной ценностью является человек.

Для нас пример работы власти Белгородской области важен тем, что дает возможность увидеть, что если органы власти в своей практической работе на протяжении достаточно продолжительного времени придерживаются одного методологического подхода, одной методологии, не позволяя себе менять свои теоретические взгляды и, как следствие, собственные управленческие решения (в виде концепций, стратегий, программ), то и результаты в практической, повседневной деятельности будут постоянными и устойчивыми. Особенно это справедливо, если речь идет о стратегическом планировании и стратегическом управлении.

Кроме того, в Государственную думу недавно внесен проект Федерального закона «О государственном стратегическом планировании», и авторами в пояснительной записке прямо заявлено, что «основной идеей проекта федерального закона “О государственном стратегическом планировании”» является создание правовой основы для разработки, построения и функционирования комплексной системы государственного стратегического планирования социально-экономического развития Российской Федерации, позволяющей решать задачи повышения качества жизни населения, роста российской экономики и обеспечения безопасности страны» [6]. То есть улучшение качества жизни населения и в этом программном документе определено стратегической целью развития России по исполнению ст. 7 Конституции РФ, которая гласит: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

И если областные чиновники предпочитают очень последовательно опираться на методологию, предложенную федеральным центром, то одним

из основополагающих документов для региональных органов власти в деле дальнейшего совершенствования стратегического планирования должен также служить Указ Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440 «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». Вместе с тем при выстраивании областной системы стратегического планирования об этом Указе или о качестве жизни как стратегической цели социально-экономического развития региона вовсе не упоминается [7].

А ведь стратегическое управление давно уже рассматривается как инструмент устойчивого развития территорий, в том числе регионов, городов, муниципальных образований.

И если в Стратегии социально-экономического развития Сахалинской области до 2025 года заявлено о формировании на территории региона «зон опережающего экономического роста», более того, говорится об устойчивом развитии экономики Сахалина [8], то в связи с этим логично заявлять и о переходе к устойчивому развитию региона, к управлению устойчивым развитием.

Ведь именно управление устойчивым развитием предполагает использование в деятельности государственных и муниципальных органов современных управленческих технологий, конкретно – методов стратегического управления. Примечательно, что в России до сих пор можно найти немного регионов и муниципальных образований, в которых бы органы власти последовательно реализовывали идеи и принципы устойчивого развития, причем разрабатывая конкретные планы действий на основе долгосрочных стратегий.

Устойчивое развитие – это уже признанная современная технология, которая включает в себя систему определенных понятий (то есть системно выстроенный понятийно-категоральный аппарат) и принципов (как научных положений, обобщающих практическую деятельность).

При определении понятия устойчивого развития, которое целесообразно использовать при разработке документов соответствующих государственных органов, в отношении региона возможно применение следующей трактовки: под устойчивым развитием региона понимается его сбалансированное развитие в условиях согласования интересов различных социальных групп, субъектов управления и хозяйствования при соблюдении баланса триады «население – хозяйство – природа», что подразумевает сочетание принципов социальной справедливости, экономической эффективности и экологической безопасности для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений жителей региона.

Именно сбалансированность социального и экономического развития в сочетании с решением экологических задач и является сущностью устойчивого развития. При этом следует пони-

мать, что практически очень сложно достигнуть такое сбалансированное состояние и еще труднее его удерживать на протяжении долгого времени. Вместе с тем следует стремиться к такой сбалансированности в развитии трех сфер, превращая его в долговременный перманентный и планомерный процесс.

Очевидно, следует согласиться с В. Е. Шевченко, В. И. Белоусовым, А. В. Белоусовым, которые утверждают, что «современное понимание устойчивого территориального развития должно базироваться на способности территории не столько возвращаться в исходное состояние после возмущающих управленческих воздействий, сколько на приобретении другого свойства – на основе более эффективного использования собственных ресурсов переходить в новое качественное состояние, связанное, прежде всего, с неуклонным и стабильным повышением качества жизни граждан, проживающих на этой территории» [9].

Одним из инструментов обеспечения устойчивого развития является стратегическое планирование социально-экономического развития территорий. При реализации этой методологии одним из основных принципов стратегического планирования и управления является принцип ориентации на непрерывное отслеживание качества жизни граждан. Вследствие этого основным в анализе состояния экономики становится расчет значений ключевых показателей качества жизни населения, выявление их динамики с тем, чтобы в ходе реализации программ и проектов стратегического плана социально-экономического развития как региона, так и муниципальных образований своевременно выявлять, насколько результативно влияет на рост благосостояния граждан проводимая администрацией работа, насколько своевременно корректируется управление территорией на основе принятия соответствующих политических и экономических решений.

Поэтому качество жизни граждан является ключевым фактором, свидетельствующим об эффективности реализуемых проектов и программ экономического и социального развития. И, со-

ответственно, главным критерием оценки эффективности управления регионом становится положительная и достаточная динамика показателей качества жизни.

Литература

1. Качество жизни и экономическое развитие : монография / Р. С. Пархоменко, Е. А. Зубкова и др. ; под общ. ред. Р. С. Пархоменко. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2005. – С. 7.
2. Субетто, А. И. Управление качеством жизни и выживаемость человечества / А. И. Субетто // Власть. – 2004. – № 1. – С. 7.
3. Польшая, М. Ю. Оценка качества жизни / М. Ю. Польшая // Архив психиатрии. – 2002. – № 2. – С. 5.
4. Маликов, Н. С. К вопросу о содержании понятия «качество жизни» и его измерению / Н. С. Маликов // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – № 2. – С. 2.
5. Гаврилов, А. И. Региональная экономика и управление : учебное пособие для вузов / А. И. Гаврилов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – С. 56.
6. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 143912-6 «О государственном стратегическом планировании». – С. 1.
7. Постановление Правительства Сахалинской области от 8 апреля 2011 г. № 117 «О совершенствовании системы программно-целевого планирования в Сахалинской области», Постановление Правительства Сахалинской области от 29 апреля 2011 г. № 158 «О стратегическом планировании в Сахалинской области».
8. Стратегия социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2025 года. – Постановление Правительства Сахалинской области от 28 марта 2011 г. – № 99. – С. 12.
9. Шевченко, В. Е. Качество жизни сельских граждан и планирование устойчивого развития территорий Черноземья / В. Е. Шевченко, В. И. Белоусов, А. В. Белоусов. – Режим доступа : <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/177217/>

*Л. А. Слабнина,
кандидат исторических наук, ИИАЭ ДВО РАН*

МЕСТО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА В ОБЩЕРОССИЙСКОМ РЕЙТИНГЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

В российских регионах сложились за последние десятилетия качественно различные типы экономической и, следовательно, социальной ситуации, что оказывает влияние на процесс адаптации как региональных экономик к рынку в новых условиях, так и адаптации населения к новым рыночным отношениям. Это находит отражение и в объективном материальном положении населения, качестве жизненных стандартов и шансах людей, проживающих в разных регионах страны. Качество жизни – один из показателей стабильности и развития территории, главный рычаг регулирования экономической и социальной составляющей разных территорий. И если исходить из того, что качество жизни – это еще и совокупность природных и социально-экономических условий среды обитания, социального и материального благополучия (или неблагополучия) человека, проживающего в той или иной местности, то эта сумма слагаемых должна соответствовать в норме настоящим и будущим потребностям жизнедеятельности человека. Социально-экономические процессы, протекающие в регионах, на определенном этапе могут усиливать диспропорции, сложившиеся в уровнях социального развития. Существует и пространственное различие в условиях проживания и качестве жизни населения. Есть экономически активные зоны (страны, регионы, мегаполисы) и есть проблемные с так называемыми затухающими экономиками территории, с низким уровнем жизни населения, отсутствием показателей, характеризующих положительное качество жизни. И если в изучении российской региональной специфики еще пять-семь лет назад озвучивались идеи сравнительного анализа «с недавним советским периодом» истории, то в последние годы все более выдвигается в ряд актуальных исследовательских проблем изучение именно «горизонтального пространства» или сравнение показателей уровня жизни в различных регионах страны.

Ежегодно правительством Российской Федерации устанавливается величина прожиточного минимума. Это расчетный показатель, отражающий стоимость минимального набора продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для поддержания жизнедеятельности человека. Показатель служит для оценки уровня жизни населения, например, с целью ока-

зания малоимущим адресной помощи, а также нужен при разработке социальных программ, для формирования расходной части бюджета. Постановлением Правительства РФ была установлена величина прожиточного минимума в целом по стране за первый квартал 2011 г. на душу населения – 6473 руб., за год сумма выросла на 758 руб. Но... россияне с доходом ниже величины прожиточного минимума стало на 2,3 млн. чел. больше, количество бедных в России увеличилось до 22,9 млн. чел., по сравнению с 2010 годом малоимущих стало на 11,2 % больше. Отметим, что «бедными» или «живущими за чертой бедности» считаются люди с доходами ниже прожиточного минимума. Эксперты объясняют резкий скачок числа бедного населения в стране увеличением прожиточного минимума (рост цен на продукты, услуги ЖКХ), высокой инфляцией и низким ростом или его отсутствием заработной платы. В Приморском крае прожиточный минимум, установленный губернатором края за 2011 год, составлял в среднем 7,3 тыс. руб., для трудоспособного населения – 7,9 тыс. руб., пенсионеров – 5,8 тыс. руб., детей – 6,9 тыс. По данным сайта Пенсионного фонда РФ, этот показатель в Хабаровске составлял 6,9 тыс., Амурской области – 6,0 тыс., в Сахалинской и Магаданской областях – соответственно 7,7 и 7,8 тыс. руб. Средняя заработная плата в Приморье составляла 23,1 тыс. руб. за 2010 год.

Но вернемся к величине прожиточного минимума. Что средний россиянин (дальневосточник) может позволить себе на эти деньги? По мнению чиновников, россиянину в день необходимо 366 г хлеба или макарон, фруктов – 63 г и т. д. Для сравнения – в 1941 г. немецкий военнопленный мог рассчитывать на 600 г хлеба, в три раза больше немцы получали рыбы, в четыре – «сахара, специй и чая». Также их паек содержал муку, томат-пюре, горох и фасоль, сухофрукты, кофе, то есть то, что не включалось в потребительскую корзину россиянина с 2006 г. Вывод: рацион жителей России уступает пайку военнопленных (кроме мяса – москвичи получают его больше) [1, с. 3].

Обратимся к такому статистическому показателю, как доля расходов на питание в общей структуре расходов семьи. Этот показатель является одним из универсальных индикаторов, позволяющих сравнить уровень жизни населе-

ния и в целом по стране, и в мире.

Дальневосточники в среднем тратят на питание от 30,35 до 40 % в общих совокупных расходах, и зависит это в основном от цен на продукты. Рабочая группа Общественной палаты РФ в течение 2011 г. замеряла цены на простейший набор продовольствия: хлеб, сахар, мясо, яйца, картофель, молоко. Замеры производились в столицах федеральных округов – Москве, Санкт-Петербурге, Хабаровске и др. Продукты дорожали везде, в том числе и на Дальнем Востоке: овощи – на 15 %, подсолнечное масло – на 60, сахар – на 25, молоко – на 19 %. Для сравнения составили рейтинг разных стран по доле расходов на питание в структуре потребительских расходов. В России в среднем этот показатель – 28,8 %, на Украине – 50 (последнее место в рейтинге), в Белоруссии – 39,2 % и т. д. В Англии – не более 8 %. Если говорить о населении страны в целом и регионе как части России – то оно вынуждено проедать свои доходы едва ли не полностью.

По результатам исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения главным фактором ухудшения своего материального положения 82 % опрошенных назвали инфляцию. А с ростом цен связано увеличение расходов – на них ссылалось 53 % респондентов (в 2008 г. их было 43 %). Январское (2011 г.) резкое подорожание продуктов, неспособность правительства противодействовать этому привели к тому, что 43 % россиян считают, что именно это снизило их уровень жизни. Среди прочих «ухудшающих» факторов – необходимость выплаты процентов по кредиту, потеря дополнительной работы и т. д. В среднем по России уменьшилось число тех, кто связывает ухудшение материального положения с закрытием собственного бизнеса. В Приморье этот процент достаточно высок, в виду рухнувшего автомобильного бизнеса.

Но на втором месте после роста цен оказалось традиционное новогоднее увеличение тарифов ЖКХ. Именно ЖКХ – самая чувствительная статья расходов жителей Приморья. По данным Приморскстата, с января по июнь 2011 г. услуги отопления в Приморье выросли на 2,8 %, электричество – на 9,8, холодная вода – на 17,6 %. Возросли услуги почты, телеграфа, полет в самолете экономкласса – на 60 %, культурный досуг стал дороже – выросли цены на билеты в кино, автобусные экскурсии, детские развлечения.

В условиях роста цен и снижения доходов большинство дальневосточников вынуждены экономить. Меняется структура покупок, структура потребительского спроса: относительно дорогие и качественные продукты заменяются дешевыми, менее качественными. 32 % граждан вообще отказываются от некоторых продуктов питания (гречка), 40 % – от покупки бытовой тех-

ники, 35 % – одежды. Но наибольшую опасность падение уровня потребления представляет отказ части населения от ставших платными услуг образования и здравоохранения. И, как показывает история бывших колоний, ставших сегодня «несостоявшимися государствами», деградация населения после сокращения потребления услуг образования и здравоохранения идет быстрыми темпами.

В рейтинге лучших регионов для ведения бизнеса Приморье занимает 18-е место из 30 (среди регионов, а не городов). В список не вошли Московская и Ленинградская области из-за «очевидных преимуществ, которые дает этим регионам близость к столицам». Стоит отметить, что государственная политика «центр – регион, метрополия – колония», господствующая на протяжении столетий в России, не претерпела изменений. Зависимость (финансовая) Дальневосточного федерального округа не меняется, а лишь видоизменяется. Так, в отчете об исполнении краевого бюджета за 2010 г. депутаты законодательного собрания Приморского края отметили, что «бюджетные федеральные средства в силу ряда причин осваиваются слабо». И одна из причин – особенности российских межбюджетных отношений. Средства из федерального центра поступили в Приморье только в четвертом квартале, то есть в основном в декабре. Следовательно, основные распорядители бюджетных средств – дорожное хозяйство, градостроительство и т. д. не имеют возможности вовремя проводить конкурсы и использовать эти средства. Этот пример характерен не только для бюджета 2010 г., на протяжении десятков лет речь идет не только о суммах поступлений, выделяемых из бюджета страны для региона, но и тех же сроках... Но проблема не решается. Казалось бы, столь незначительная неувязка, а результат виден на состоянии всех бюджетных (зависимых) организаций и состоянии инфраструктуры в крае.

Справедливости ради отметим, что в 2010–2011 гг. по объему инвестиций в основной капитал Приморский край занимал первое место в ДВФО и 12-е в Российской Федерации. По информации Приморскстата, за четыре месяца 2011 г. объем инвестиций составил в 1,6 раза больше, чем за аналогичный период 2010 г. Однако это федеральные средства, и они «сиюминутны». Проекты масштабны, но точечны, ситуативны (стройки саммита) и не распространяют «оздоравливающего» эффекта на состояние экономики в целом. Приморский край занимает третье место в регионе по числу предприятий, ликвидированных из-за банкротства. Например, прекратило существование старейшее предприятие на Дальнем Востоке – Дальзавод. А это ведущее предприятие судоремонтной отрасли края, работу потеряли около 1200 чел. С 2005 г.

начался отток иностранного капитала из муниципалитетов края, где базировались предприятия легкой промышленности. Неблагоприятный инвестиционный климат, отсутствие условий для ведения малого и среднего бизнеса, административный прессинг, безработица, то есть отсутствие источника дохода, – все это снижает и без того невысокий рейтинг региона как привлекательного для жизни.

К сожалению, и решения правительства способствуют отрицательному имиджу края, как в случае с принятием запретительных пошлин против ввоза праворульных автомобилей.

На сайте Росстата был представлен список из 56 городов с наиболее благоприятной экологической обстановкой. Владивосток в этом списке занимает 25-е место, за 2010 г. столица Приморского края выбросила в атмосферу более 57 тонн загрязненных веществ, это больше, чем в 2009 г., на 3,5 тонны.

За шесть месяцев 2011 г. 14 801 приморец сменил место жительства как в пределах края, так и с помощью выезда в другие регионы. Это свидетельство естественной миграции в поисках лучших условий проживания.

Еще одна тенденция последнего десятилетия, которая нашла отражение в регионе. 40 тыс. российских пенсионеров получают социальные выплаты за пределами страны. И с каждым годом эта цифра увеличивается. Наши пенсионеры-дальневосточники не иммигрируют, но уезжают на проживание в Китай, Корею, Тайланд – туда, где жизнь дешевле и комфортнее. Как справедливо отмечают демографы, сегодня на территории ДВФО, равной по размерам двум третям территории соседнего Китая, населения меньше, чем в одном городе Москва. За последние 15 лет из округа уехало более полутора миллионов человек. Уезжают люди трудоспособного возраста, имеющие хорошие профподготовку и образование.

Все очевиднее старение остающегося населения. Так, в Приморье трудоспособного населения около миллиона человек, а, например, специалистов-строителей – 50 тыс. Безработных официально в Приморье на конец 2011 г. было около 22,5 тыс., или 7,4 % экономически активного населения. Живут они в основном на селе. Таким образом, огромным объемам инвестиций государства в развитие Дальнего Востока, Приморья, которые предполагается выделять и в дальнейшем, должно соответствовать количество и качество рабочих рук, которые эти программы будут реализовывать. Например, как показывает анализ, мигранты (узбеки, таджики, китайцы) не оказывают существенного влияния на рынок труда в том же Приморье. Они составляют только 4,6 % списочного состава приморских работников, для них привлекательность

региона оценивается только с точки зрения получения работы, накопления средств и возвращения домой.

Есть ли положительные примеры изменения в социальной сфере, способные хоть как-то изменить ситуацию? Например, это увеличение заработной платы учителям. Как известно, в апреле 2011 года правительством РФ было предложено главам регионов разработать проект модернизации региональных систем общего образования. В мае постановлением правительства были утверждены направления модернизации. Наряду с выделением субсидий из федерального бюджета на реализацию проекта была поставлена задача поднять уровень заработной платы учителям. Повышение оплаты труда и статуса педагогических работников стало одним из важнейших направлений программы модернизации образования в Приморском крае. Заработная плата была увеличена школьным учителям, педагогам краевых образовательных учреждений – коррекционных школ и школ-интернатов, преподавателям и мастерам производственного обучения в учреждениях начального и среднего профессионального образования; их зарплата увеличена до уровня средней по экономике региона. Кроме того, в 2011 году семь тысяч приморских учителей стали обладателями ноутбуков, планируется еще 5100 преподавателей общеобразовательных и коррекционных школ обеспечить ноутбуками. Таким образом, все учителя Приморского края смогут проводить уроки в соответствии с новыми образовательными стандартами.

К сожалению, разрыв между самыми успешными и самыми проблемными регионами страны продолжает расти (2011 г.), как следует из рейтинга качества жизни Института региональной информации. Рейтинг составлялся по следующим показателям: миграционная привлекательность, безопасность личности, развитость рынка услуг, доход граждан, доступность рабочих мест. Согласно этим базовым показателям, за пять лет (2006–2011 гг.) увеличился разрыв между некомфортными для проживания регионами и лидерами (Москва и Московская область, Санкт-Петербург). По Дальневосточному региону в лидеры по этим показателям вышли Сахалинская область – 7-е место, Камчатка – 10-е место, Магаданская область – 25-е, Якутия занимает в рейтинге 31-е место, Хабаровский край – 43-е, Приморье – 66-е и 78-е и 79-е места – Чукотка и Амурская область [2, с. 4].

Рейтинговые показатели качества жизни, количественные показатели уровня жизни носят резкую дифференциацию, имеющую полярный характер как внутри Дальневосточного региона, так и в сравнении с другими крупными регионами России. Социальное неравенство территорий продолжает расти, разделяя их на более благопо-

лучные и откровенно бедствующие. Тема истоков этого неравенства, социальных последствий существующего положения продолжает оставаться одной из актуальных в изучении региональных проблем. Экономическая и социальная стабильность страны напрямую зависит от эффективности локальных решений назревших социальных проблем в регионах.

Литература

1. Рацион россиян уступал пайку военнопленных // Владивосток. – Владивосток, 2011. – 22 июня. – С. 3.
2. Где на Руси жить хорошо // Дальневосточные ведомости. – Владивосток, 2010. – 4–11 августа. – С. 4.
3. Использованы материалы интернет-изданий: Росстат : ww/gks.ru и www.primstat.ru/default.aspx

*Д. И. Смирнов,
аспирант кафедры управления СахГУ*

ФОМИРОВАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ В САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В данной статье, рассматривая обширную тему развития конкурентной среды в Сахалинской области, предлагаются рекомендации к оценке состояния и развития конкурентной среды на товарных рынках в ней.

Выбор темы обусловлен следующими факторами, а именно – состояние конкуренции на постсоветском пространстве еще долгое время будет актуальным вопросом по причине того, что рыночные отношения на российских рынках находятся в стадии не то чтобы зарождения, но точно формирования и развития. К тому же региональный аспект данного вопроса играет немаловажную роль на фоне того, что государство все же стремится к децентрализации власти и, соответственно, управлению денежными потоками. С каждым годом субъектам Российской Федерации присваивается все большая самостоятельность и независимость, и как следствие – ответственность. Также хотелось бы процитировать выдержку из ежегодного Послания Президента Федеральному собранию Российской Федерации: «Обеспечение условий для развития конкуренции является одной из основных государственных задач». И еще слова, прозвучавшие на заседании Правительства Российской Федерации 13 сентября 2011 г.: «Вопрос о состоянии конкуренции является принципиально важным для правительства. Конкурентная среда задает тон экономике страны, формирует инвестиционный климат, для большинства отраслей служит главным внутренним стимулом развития. Анализ реального состояния конкуренции в стране является базой для принятия ответственных решений» (В. В. Путин в должности Председателя Правительства РФ).

В Сахалинской области отсутствует практика применения на областных товарных рынках методик оценки реального состояния конкурентной среды, следовательно, целью исследования является формулировка методических основ анализа региональной конкурентной среды.

Проблема была вывлена на основе анализа доклада о реализации программы по развитию конкуренции в Сахалинской области на 2009–2012 гг., утвержденной распоряжением администрации Сахалинской области от 15.12.2009 г. № 929-ра за 2011 год, что является наиболее актуальным документом по данной теме. Конечно же, практически любой анализ, и в особенности в экономике, начинается с абсолютных показателей – коих очень много в данном докладе, и результатом таких программ будет улучшение этих показателей,

что также здесь присутствует. Но в данном документе отсутствует какая-либо система качественных относительных показателей, следовательно, все решения и мероприятия основываются лишь на вышеуказанных статистических данных, без их углубленного анализа. Это также говорит о том, что невозможно проследить, в связи с чем происходят изменения – либо корреляция действительно связана с мероприятиями по улучшению конкурентной среды в регионе, либо это зависимость от каких-либо внешних неучтенных факторов. Так вот анализ региональной конкурентной среды с применением различных научных методик определения показателей состояния конкуренции, стоит отметить, использование которых уже испытано на федеральном уровне и в зарубежной практике, поможет решить данную проблему.

В современной экономической теории выделяются различные подходы к анализу конкурентной среды на рынках, поведения предприятий и факторов конкурентного успеха. Традиционно делается вывод о том, что структура рынка (отрасли) влияет на ее поведение и в конечном итоге на результаты ее деятельности.

Все исследования рынка с точки зрения его монополизации должны ответить на следующие вопросы:

- кого можно считать монополистом;
- какой долей на рынке обладает одна фирма или группа фирм;
- как и кто дисциплинирует поведение на рынке других фирм;
- имеются ли барьеры входа на рынок;
- существуют ли возможности потенциальной конкуренции;
- каковы показатели концентрации рынка.

Оценка состояния конкурентной среды на товарных рынках осуществляется на основе всей получаемой информации: от органов власти и управления, продавцов, покупателей, конкурентов, в том числе общественных, научных, коммерческих и некоммерческих организаций, экспертов.

При анализе состояния конкурентной среды на федеральных и региональных товарных рынках, определении количественных и качественных характеристик необходимо последовательное выполнение ряда операций.

Поэтапный алгоритм анализа конкурентной среды:

- определение источников информации;
- краткая характеристика товара;

- возможность взаимозаменяемости данного товара;
- определение товарных границ рынка;
- выявление субъектов товарного рынка (количества и состава продавцов и покупателей);
- определение географических границ рынка;
- вычисление объема товарного ресурса рынка;
- расчет доли хозяйствующего субъекта на рынке;
- расчет показателей концентрации рынка;
- определение степени открытости рынка;
- определение качественных показателей состояния рынка (барьеры входа на рынок);
- анализ рыночной власти и рыночного потенциала хозяйствующего субъекта;
- выводы о развитости или неразвитости конкуренции на товарном рынке и выработка предложений по регулированию рынка.

Здесь стоит обратить внимание на один важный пункт – расчет показателей концентрации рынка, который предстает в виде следующей системы показателей:

- коэффициент концентрации;
- коэффициент Герфиндаля–Гиршмана;
- коэффициент относительной концентрации;
- коэффициент энтропии;
- коэффициент дисперсии логарифмов рыночных долей фирм;
- коэффициент Джинни;
- коэффициент Холла–Тайдмана (коэффициент Розенблюта);
- коэффициент Лернера;
- индексы Линда, Бейна, Тобина.

Каждый из коэффициентов рассчитан на выявление определенной специфики концентрации, имеет свои плюсы и минусы при использовании.

В настоящее время при оценке экономической концентрации рынка в основном используют коэффициент концентрации (CR) и индекс рыночной концентрации Герфиндаля–Гиршмана (ННІ).

Задача расчета показателей рыночной концентрации (индекса Герфиндаля–Гиршмана и коэффициента концентрации CR-n) была поставлена федеральным антимонопольным органом перед государственной статистической службой (Госкомстатом России) еще в 1992 году. Методические основы расчетов коэффициентов концентрации в отсутствие национальных исследований такого рода были разработаны на основе зарубежных аналогов.

Коэффициент концентрации (CR) показывает аккумулярованные доли концентрации наиболее крупных единиц и определяется как сумма рыночных долей крупнейших продавцов рынка (может измеряться в долях или процентах). Рыночная доля продавца вычисляется не только как отношение объема продаж, но и как отношение численности занятых, величины активов или величины добавленной стоимости данной фирмы к суммарному значению данного показателя для рынка в целом.

Существенный недостаток показателя концентрации состоит в его нечувствительности к раз-

личным вариантам распределения долей между конкурентами. Например, для четырех предприятий будет одинаковым и равным 80 % в двух совершенно различных случаях: когда одно предприятие контролирует 77 % рынка, а остальные три – по 1 % или когда четыре равномогущих предприятия владеют по 20 % рынка каждый. Для решения этой проблемы вместе с коэффициентом концентрации рассчитывается индекс Герфиндаля–Гиршмана. Этот наиболее популярный обобщающий показатель учитывает как численность предприятий, так и неравенство их положения на рынке, характеризует уровень монополизации. Значение коэффициента снижается с увеличением числа предприятий при любом их количестве.

Коэффициент концентрации Герфиндаля–Гиршмана (ННІ) рассчитывается как сумма квадратов долей рынка коэффициент дает более высокий вес показателям крупных предприятий, чем мелких. Это означает, что если точные данные о долях рынка очень маленьких предприятий отсутствуют, то итоговая ошибка не будет велика.

В соответствии с различными значениями данных коэффициентов выделяются три типа рынка:

I тип – высококонцентрированные рынки;

II тип – умеренно-концентрированные рынки;

III тип – низкоконцентрированные рынки.

Разработаны многочисленные теории о том, когда концентрация становится опасной для конкуренции, какие рынки следует считать низкоконцентрированными, умеренно-концентрированными и высококонцентрированными. За рубежом данные теоретические проблемы широко освещались в работах Уилкокса, Стиглера, Натера, Байна. Согласно теории Уилкокса, если четыре фирмы обладают 50 % на рынке, то речь идет о высококонцентрированном рынке. Байн полагал, что отрасль олигополизирована при наличии хотя бы двух крупных продавцов, каждый из которых имеет в руках достаточно большую долю рынка, когда при пропорционально небольшом увеличении его продаж будет иметь место соответствующее сокращение продаж других продавцов.

Главная цель вышеуказанного анализа – это вывод о развитости или неразвитости конкуренции на товарном рынке, типе рыночной структуры, целесообразности и формах воздействия государственных органов на изменение ситуации. Необходимо отметить, что вывод можно сделать только на основе комплексного всестороннего изучения конкурентной среды товарного рынка, с использованием вышеперечисленных методов.

Системный подход в решении проблем по формированию инфраструктуры развития конкурентной среды в Сахалинской области позволит правительству региона проводить более эффективную политику в сфере конкурентных отношений и позволит предприятиям вести конкурентоспособную деятельность, что сказывается на таких показателях, как качество товара (услуг), стоимость и т. п.

Б. И. Ткаченко,

*кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН*

ЗНАЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЮЖНО-КУРИЛЬСКОГО СУБРЕГИОНА ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Экономическая оценка негативных последствий уступки Японии Южных Курильских островов с позиций национальной безопасности России в Азиатско-Тихоокеанском регионе весьма актуальна для России.

Главное богатство любой страны на все будущие века – это земля, поскольку численность мирового населения постоянно растет, а территориальные ресурсы Земли ограничены. Именно поэтому значение любой пригодной для проживания территории неуклонно возрастает. Общая же площадь Южных Курильских островов (Малой Курильской гряды, островов Кунашир и Итуруп) составляет более 8,6 тыс. кв. км (по другим данным – 5036 и 5174 кв. км). Это приблизительно соответствует площади Кипра, Ливана, Ямайки, немного меньше площади Израиля. Кроме того, территория Южных Курильских островов являет собой совершенно уникальное сочетание природных, рекреационных и территориальных ресурсов для России.

Экономический потенциал этих ресурсов колоссален. Курилы – это воистину кладовая различных полезных ископаемых.

По данным сахалинских геологов, благородные металлы на Курильских островах представлены серебросодержащими месторождениями рудного золота. Золотоносный потенциал Южных Курильских островов по рудному золоту не менее чем на порядок выше потенциала о. Сахалина. Заслуживающая внимания золоторудная минерализация уже установлена на островах Итуруп и Кунашир. В целом прогнозные ресурсы Большекурильской металлогенической зоны высоки – около 1900 тонн золота, серебра – 9300 тонн.

На Южных Курилах стоимостная оценка только разведанных запасов и прогнозных ресурсов золота составляет примерно 1,2 млрд. долларов, серебра – 3,4 млрд. долларов (по ценам мирового рынка на начало 1988 года).

По данным сахалинских геологов, на Южных Курилах имеются рудные зоны полиметаллов с содержанием цинка до 20 %, меди – до 12 %, свинца – до 15 %. Общая стоимостная оценка этих прогнозных ресурсов составляет 9,7 млрд. долларов.

Одним из значимых геологических событий за последние годы стало открытие российскими учеными на вулкане Кудрявом (о. Итуруп) сульфида

рения. Общие ресурсы рения в рудных залежах оценены в количестве 2,7 т. Кроме того, рений был обнаружен и в вулканических газах, а его вынос определен в количестве 2,3 т в год. По подсчетам специалистов, рениевые запасы всех известных месторождений мира оцениваются всего в одну тысячу тонн. Этот металл чрезвычайно рассеян в природе и не имеет собственных месторождений. Рений значительно дороже золота. Спрос на этот металл все время растет, особенно в последние годы. Рений идет на детали сверхзвуковых самолетов и ракет, защищает металл от коррозии и износа. Мировая добыча рения в 2000 году составляла около 30 тонн. Потребление рения в российской промышленности составляет около 2,5 тонны в год. В России другой минерально-сырьевой базы рения нет.

Основной объем ресурсов самородной серы на островах Большой Курильской гряды приходится на о. Итуруп. На о. Итуруп подготовлено к разработке крупное месторождение вулканической серы – Новое. Прогнозные запасы ресурсов серы на Южных Курилах составляют 316 млн. тонн. Это сырье одно из самых дефицитных в России. Стоимостная оценка всех ресурсов серы составляет около 5,6 млрд. долларов.

Общая оценка запасов минеральных ресурсов (золота, серебра, цинка, меди, свинца, железа, ванадия, агатов, серы), без запасов титаномагнетитов, по мировым ценам составляет здесь минимум 44 млрд. долларов США.

Главный минерально-сырьевой ресурс здешнего шельфа – титаномагнетитовые руды в виде россыпей с примесью редкоземельных элементов.

В процессе геолого-поисковых и геологосъемочных работ на Курильских островах выявлено более полутора десятков прибрежно-морских россыпей минералов – магнетита и ильменита, располагающихся по охотоморскому и тихоокеанскому побережьям. По данным сахалинских геологов, наиболее значимыми из них по общим запасам и содержанию железа и титана являются россыпные месторождения залива Простор, Ручарское, Рейдовское, Зеркальный пляж, россыпь залива Рока, находящиеся на о. Итуруп.

По количеству установленных объектов, объему заключенных в них песков и запасам железа и титана наиболее перспективным является

о. Итуруп. Для данного острова характерно наличие крупных заливов, бухт, по побережьям которых располагаются наиболее значительные залежи ильменит-магнетитовых песков, в которых сосредоточено до 80 % всех ресурсов железа и титана Курильских островов.

После соответствующего геологического и технологического доизучения курильские россыпи могут служить надежной минерально-сырьевой базой для черной металлургии – производства высококачественного ванадиевого чугуна.

Экономический потенциал запасов титаномагнетитовых руд характеризуется следующими прогнозными оценками.

По данным Института горного дела ДВО РАН, разведанные запасы титаномагнетитовых россыпей только в заливе Простор на острове Итуруп составляют 248,8 млн. тонн песка, в том числе 48,8 млн. тонн – на пляжевой части и не менее от 170 до 200 млн. тонн – в прибрежно-морской части этих россыпей. Причем этими запасами не исчерпываются все ресурсы титаномагнетитового песка не только на Южных Курильских островах, но даже и на острове Итуруп. Из этих разведанных запасов данного месторождения могут быть получены 37,31 млн. тонн рудного концентрата общей стоимостью 4477 млн. долларов США, в том числе 29,85 млн. тонн титаномагнетитового концентрата стоимостью 2985 млн. долларов США и 7,46 млн. тонн ильменитового концентрата стоимостью 1492 млн. долларов США по минимальным ценам мирового рынка 1992 года (соответственно 100–120 и 200–250 долларов за тонну).

С каждым очередным переделом горно-металлургического цикла стоимость продукции, получаемой из титанового сырья, многократно возрастает. После переработки рудного концентрата могут быть получены 17,91 млн. тонн железного порошка стоимостью 21,492 млрд. долларов США и 3,73 млн. тонн двуокиси титана рутиловой стоимостью 8,313 млрд. долларов США по ценам мирового рынка 1992 года (соответственно 1200 и 2230 долларов за тонну) общей стоимостью 29,81 млрд. долларов США.

В последней стадии переработки из титанового сырья только одного месторождения в заливе Простор на острове Итуруп могут быть получены 2,23 млн. тонн металлического титана стоимостью 2 трлн. 230 млрд. долларов США и 130,8 тыс. тонн пентаоксида ванадия, применяемой в качестве легирующей добавки в металлургической промышленности, стоимостью 785 млн. долларов США по ценам мирового рынка 1992 года (соответственно 1000 долларов за килограмм и 6000 долларов за тонну), а также около 70 млн. тонн строительного песка. Кроме того, из титанового сырья в конечной стадии переработки получают и весьма ценный металл цирконий из группы ред-

коземельных элементов, применяемый в атомной промышленности.

Таким образом, из титаномагнетитового сырья данного месторождения на острове Итуруп из группы Южных Курильских островов может быть получена конечная продукция только в виде металлического титана, железа-порошка и ванадия (без учета редкоземельных) общей стоимостью 2252,277 млрд. долларов США по ценам мирового рынка 1992 года.

Титан – металл XXI века. Именно поэтому вполне объясним как естественно-экономический интерес Японии, ее промышленников и бизнесменов сделать эти запасы титановых и других руд, биоресурсов своей национальной собственностью (через приобретение «спорных» островов), чтобы затем беспрепятственно и с минимальными издержками их эксплуатировать в интересах японской экономики.

Однако в настоящее время экономический потенциал субрегиона определяется уже не только собственно территорией, но и примыкающими морскими акваториями, включающими экономическую зону шириной 200 морских миль и континентальный шельф. А это уже совсем другие оценки: площадь 200-мильной экономической зоны вокруг Южных Курильских островов составляет около 210 тыс. кв. км, в том числе вокруг Малой Курильской гряды – около 100 тыс. кв. км, а вокруг островов Итуруп и Кунашир – примерно 110 тыс. кв. км. По тем же оценкам, площадь же экономической зоны вокруг Южного Сахалина и Курильских островов, отошедших к СССР (и России) в соответствии с Ялтинским соглашением трех великих держав по вопросам Дальнего Востока от 11 февраля 1945 года, составляет примерно 1 млн. кв. км.

В связи с разрушением СССР и общим развалом экономики страны роль дальневосточного бассейна для российского рыбопромыслового флота резко возросла. Россия в случае утраты Южных Курильских островов лишится общих запасов рыбы и морепродуктов в объеме более пяти млн. тонн, которые при комплексном изучении района могут возрасти как минимум в полтора раза. Следует также иметь в виду фактор постоянной потенциальной биопродуктивности этого бассейна, которая остается очень высокой.

Стоимость ресурсов биомассы шельфа Южных Курильских островов не поддается фиксированной оценке ввиду их практической неисчерпаемости во времени и высокой продуктивности биомассы здесь. Район между Малой Курильской грядой и островом Кунашир имеет особо благоприятные гидробиологические условия для воспроизводства рыбных ресурсов. Это уникальная территория, имеющая наиболее короткие нерестовые пути и интенсивную продуктивность наиболее ценных пород рыб

семейства лососевых, не используемая пока в полной мере. Но даже в 80-х годах XX века в 200-мильной экономической зоне южных островов Курильской гряды ежегодно добывалось до полутора миллионов тонн рыбы, причем особо ценных пород, а также беспозвоночных и морепродуктов: сайры, иваси, лососевых, крабов, кальмаров и других рыб. В мировых ценах стоимость одних только ежегодно изымаемых здесь ресурсов сырья для рыбной промышленности в тот период измерялась порядка 4 млрд. долларов США. Таким образом, это не только продукты питания для российского народа, но и источник получения валюты от экспорта.

На Южных Курилах были расположены крупнейшие рыбокомбинаты региона. К тому же район Южных Курильских островов имеет важное стратегическое значение в рыболовстве с учетом того обстоятельства, что одна часть его 200-мильной экономической зоны вклинивается в Охотское море, где значение рыбных и других ресурсов в нашей экономике еще более велико, поскольку сахалинское море – это регион наших рыбных ресурсов.

Перспективен этот район и для будущего занятия марикультурой, производства морской капусты, что может дать определенные экономические выгоды для нашей страны.

Здесь имеется богатейшее в мире месторождение красных водорослей, составляющее 89 % используемых для биотехнологии запасов всего Дальневосточного региона. По мнению специалистов, XXI век будет веком биотехнологий.

Шельф этих островов является потенциальным источником нефти и газа.

Согласно данным геологической службы Сахалинской области, на Курильских островах перспективы поисков углеводородного сырья связаны с шельфом между Большой Курильской и Малой Курильской грядами и с шельфовой зоной Южных Курильских островов. По данным сахалинских геологов, самым крупным и доступным для проведения работ в ближайшие годы является Срединно-Курильский прогиб, расположенный как раз на восток от Тихоокеанского побережья островов Итуруп и Кунашир. Сейчас суммарные прогнозные ресурсы Срединно-Курильского прогиба оцениваются в 386 млн. тонн условного топлива при средней плотности ресурсов 31 тыс. тонн на 1 кв. км.

Если же учесть возможность обнаружения в будущем и освоения других природных минеральных ресурсов на шельфе островов, становится ясным, что экономико-стратегическое значение островов немаловажно не только для Дальнего Востока, но и для России в целом.

По подсчетам администрации Сахалинской области, общие запасы минеральных ресурсов (без титаномагнетитов), рыбных и морских геологических ресурсов составляют более 87 млрд. долларов США.

Рекреационные ресурсы Южных Курильских островов уникальны. Здесь сохранилась практически нетронутая экология, имеются ценные минеральные воды и бальнеологические грязи, возможности проведения лечебно-оздоровительных мероприятий. Здесь имеются богатейшие возможности для организации туризма, отдыха и создания туристских комплексов для трудящихся Дальнего Востока, а также для эксплуатации их на валютной основе путем предоставления услуг иностранцам.

Среди других богатств Южных Курильских островов высокую хозяйственную ценность представляют лесные ресурсы, особенно на Кунашире, пригодные для использования в качестве строевой древесины, пушные звери, птицы, местные строительные материалы.

По данным сахалинских геологов, недра Курильских островов содержат огромнейшие, практически неисчерпаемые запасы магматических, метаморфических и осадочных пород, пригодных для использования в различных отраслях строительства.

Среди многообразия полезных ископаемых Южных Курильских островов подземные воды занимают особое место, поскольку являются самым доступным и востребованным сырьем как источник чистых питьевых вод и минеральных вод лечебного и столового назначения. Прогнозные запасы минеральных вод, пригодных для розлива и бальнеологических целей, оцениваются здесь в 44 тыс. куб. метров в сутки.

Наконец, в последние годы внимание специалистов привлекают термальные воды и парогидротермы как альтернативный источник тепла и электроэнергии.

На территории Южных Курил имеют широкое распространение лечебные грязи.

Кроме того, на Курильских островах (на Кунашире и Малой Курильской гряде) имеются запасы торфа-сырца общим объемом 51 млн. куб. метров.

Экономическую ценность всех этих ресурсов полностью и окончательно сейчас определить невозможно. Но, безусловно, по мере исчерпания мировых экономических ресурсов их ценность соответственно будет возрастать.

Если же передать Японии острова, а значит, и прилегающую к ним 200-мильную экономическую зону и шельф вокруг этих островов, страна лишится огромного богатства, включая значительные островные, морские биологические и минеральные ресурсы, стратегические проливы и часть ресурсов еще и Охотского моря. Более того, с переходом Южных Курильских островов под японскую юрисдикцию Япония вправе запретить добычу рыбы в районе Южных Курил, используя эти ресурсы для снабжения продуктами питания своего собственного населения. Если эти острова будут отданы, то российским рыбопромышленным компаниям (то есть России) придется платить в валюте японскому прави-

тельству за разрешение ловить рыбу в этом районе порядка миллиарда долларов в год. А это еще больше ухудшит наше экономическое положение и снабжение населения Дальнего Востока и России рыбными продуктами питания. Кроме того, российским судам придется платить за проход из Японского моря в Тихий океан через отошедшие к Японии проливы.

Приобретение Японией экономической зоны в результате передачи ей Россией южной группы Курильских островов позволит японским рыбопромышленным компаниям ежегодно добывать здесь не менее 2 млн. тонн рыбы и рыбопродуктов. Именно в этом заключается ближайший непосредственный экономический интерес Японии в ее претензиях на Южные Курилы. Современный годовой улов России в этом районе в мировых ценах составляет от 750 млн. до 2 млрд. долларов США, а при переработке рыбного сырья на базе современных технологий, применяемых в мире, стоимость производимой продукции может достигнуть 5–7 млрд. долларов ежегодно.

Стоимость морского района группы Южных Курильских островов, если оценивать его с применением методологии и методик, используемых в США при изъятии земель из хозяйственного оборота, составит только по морским биологическим ресурсам от 22–45 до 60–150 млрд. долларов США. Такова экспертная оценка наших будущих морских биоресурсных потерь в случае передачи островов.

Стратегическое, военное и экономическое значение этих островов колоссально. С учетом стоимости запасов биоресурсов, а также прогнозных запасов нефти, газа, железомарганцевых конкреций на дне океана в этих акваториях можно подсчитать вероятные убытки в настоящее время и в перспективе (когда разработка этих океанических ресурсов станет возможной и оправданной). По самым предварительным оценкам, весь комплекс природных ресурсов Южного Курильского субрегиона, даже без оценки стоимости земли, территории островов, ресурсов континентального шельфа, составляет не менее 2,5 триллиона долларов США. Эта оценка, опять же по мере истощения мировых ресурсов, будет соответственно возрастать.

Таким образом, очень легко сопоставить экономические потери России от передачи этих островов (потеря эксплуатируемых, разведанных и потенциальных запасов полезных ископаемых, биологических ресурсов на этих островах и на шельфе в пределах 200-мильной экономической зоны, а также ресурсов континентального шельфа, рекреационных ресурсов и стоимости собственно земли, территории островов, отчуждаемых в пользу Японии, и другие моменты, включая военные и морские транспортные) и ожидаемые экономические выгоды от этой акции (в виде возвратных кредитов, некоторой техно-

логической помощи и т. п.). Здесь есть над чем подумать.

Сиюминутные интересы и просто нелепый расчет на «выигрыш» от передачи островов японскому государству очень скоро обернутся гигантскими материальными и моральными потерями для России. Без Курил, без их рыбных и природных запасов мы станем значительно беднее.

Удовлетворение территориальных притязаний Японии в конечном итоге такой политики будет означать для России резкое ухудшение ее геостратегических и экономических позиций на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, имеющем важное значение для мирового развития в настоящее время и в обозримой перспективе. Передача Курил Японии окажет негативное воздействие и на внутреннее экономическое и социально-политическое положение в России.

Угрозы национальной безопасности и интересам Российской Федерации в связи с «Курильской проблемой» обусловлены следующими обстоятельствами.

В первую очередь речь идет об экономической экспансии Японии в приграничной сфере, ее претензиях на суверенитет над обширными районами российской исключительной экономической зоны и вслед за этим и на ресурсы континентального шельфа в морском районе, примыкающем к Южным Курильским островам. Япония с согласия российской стороны в соответствии с Соглашением между правительством Российской Федерации и правительством Японии о некоторых вопросах сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов с 1998 года добилась права фактически на бесконтрольный вылов рыбы и промысел других живых ресурсов японскими рыболовными судами в морском районе у островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, в котором японские рыбаки фактически занимаются браконьерством.

Во вторую очередь речь идет о претензиях Японии на территориальную экспансию в направлении Сахалинской области Российской Федерации и ее претензиях на богатейшие ресурсы суши этого региона путем ревизии итогов Второй мировой войны на Дальнем Востоке, достигаемой с помощью применения «мягкой силы», осуществления Японией политики своего рода «мирного реванша», государственно-дипломатического нажима и даже шантажа. При этом Япония настойчиво и целенаправленно стремится добиться достижения этих важных территориальных приобретений первоначально исключительно средствами дипломатии путем переговоров по так называемой «Курильской проблеме», не отвергая в принципе при определенных обстоятельствах и применение вооруженных сил.

*То Кен Сик,
доктор экономических наук, заведующий кафедрой управления
Института истории, социологии и управления*

МОДЕРНИЗАЦИЯ И/ЛИ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ?..

В современных условиях существенная роль отводится стратегическому планированию как на уровне организаций, так и страны, и регионов. В основе обоснования перспектив социально-экономического развития лежит концепция развития, которая опирается на ту или иную научную теорию. В настоящее время большое значение придается теории модернизации. «Модернизация стала сегодня ключевым термином дня, главным словом эпохи. Такую же примерно роль 20 лет назад играло слово “демократия”. Модернизация сейчас, как демократия тогда, должна, согласно распространенным представлениям, спасти страну, вывести ее к новым историческим рубежам и горизонтам развития» [5]. Но насколько теория модернизации может сегодня и особенно в будущем быть теоретической основой развития? Теория модернизации до середины XX века считалась универсальной теорией развития и перехода к развитому, современному обществу. Однако в конце 60–70-х годах идея модернизации подверглась серьезной критике как с эмпирической точки зрения, так и в теоретическом плане. Теория модернизации утратила свою универсальность, появились разные модели, признается возможность национальных проектов модернизации. Если раньше эффективность модернизации выводилась исключительно из экономического роста, то теперь признается важная роль ценностей, отношений, символических смыслов и культуры. В основе общества модерна лежит рыночная экономика, которая на сегодняшний день показала свою уязвимость. Хотя она дала определенные результаты в повышении жизненного уровня людей, негативные последствия функционирования этой системы значительны: это экологические проблемы (изменение климата, опустынивание, утрата биоразнообразия), истощение природного капитала, ширококомасштабная бедность, нехватка пресной воды, продовольствия, энергии, неравенство людей и стран. Все это создает угрозу для нынешнего и будущего поколений. Некоторые аспекты развития общества, которые сегодня стали весьма актуальными для человечества, например, экологические, не учитываются в теории модернизации. Исходя из вышеизложенных недостатков, которые стали выявляться в теории модернизации, в современных условиях появилась сложность в нахождении приемлемой идеологической опоры для целенаправленных усилий по модернизации.

Примерно в то же время, когда теория модернизации подверглась резкой критике, начала формироваться концепция устойчивого развития. В настоящее время существует не один десяток определений устойчивого развития, но чаще всего приводится первоначальное определение, сформулированное Комиссией Брундтланд: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворить свои собственные потребности» [3, с. 8]. Общество наряду с экономическими выгодами должно учитывать экологические и социальные последствия деятельности и думать как о кратковременных, так и долговременных последствиях принимаемых решений. Концепция устойчивого развития прошла определенный путь в своем развитии. Выделяются следующие основные этапы ее становления и развития:

1984–1987 гг. – Комиссия Брундтланд (доклад «Наше общее будущее»);

1992 г. – Конференция ООН по окружающей среде и развитию («Декларация Рио-де-Жанейро по проблемам окружающей среды и развитию», «Повестка дня на XXI век», «Местная Повестка дня на XXI век» и др.);

2002 г. – Конференция ООН по устойчивому развитию «Рио+10» («Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию», «Йоханнесбургский план выполнения решений»);

2012 г. – Конференция ООН по устойчивому развитию «Рио+20».

Как видно, данная концепция имеет не такую длительную историю, как теория модернизации, но в современных условиях играет важное значение как концептуальная основа развития мирового сообщества.

Конференция ООН по устойчивому развитию «Рио+20» прошла 20–22 июня 2012 г. в Рио-де-Жанейро. Результаты конференции отражены в документе под названием «Будущее, которое мы хотим». Это объемный документ, который содержит на английском языке 53 стр., а на русском – 66 стр. и включает 283 параграфа. На конференции было рассмотрено множество вопросов устойчивого развития человечества: искоренение нищеты, продовольственная безопасность, водоснабжение, энергетика, здравоохранение, образование, занятость, изменения климата, биоразнообразия, отходы, устойчивые города и населенные пункты, ра-

циональные модели потребления и производства и др. Подчеркивается роль органов власти всех уровней в обеспечении устойчивого развития, а также важность сотрудничества органов власти, бизнеса, общественности и других участников в этом процессе. Делается акцент на важности регионального аспекта устойчивого развития. Говорится о важной роли образования для устойчивого развития. Один из главных результатов состоит в том, что участники конференции, главы государств и правительств и высокопоставленные представители подтверждают приверженность курсу на устойчивое развитие [1].

Концепция устойчивого развития сложна и многогранна, включает экологические, социальные и экономические аспекты. Поэтому одним из основных вопросов, который рассматривался на конференции «Рио+20», был вопрос развития «зеленой экономики», «зеленого роста». Глобальный финансовый кризис, который показал неустойчивость финансово-экономической системы, с особой остротой поставил перед мировым сообществом задачу поиска новой модели достижения экономического роста с учетом экологических факторов. В этой связи концепция «зеленый рост», которая впервые была представлена в г. Сеуле на V Конференции министров охраны окружающей среды Азиатско-Тихоокеанского региона в 2005 году, является одним из подходов, обеспечивающих баланс эколого-экономического развития. «Зеленый рост» означает стимулирование экономического развития, обеспечивая при этом сохранность природных активов и постоянное предоставление ими ресурсов и экосистемных услуг. Для этого он должен капитализировать инвестиции и инновации, которые лягут в основу устойчивого роста и приведут к возникновению новых экономических возможностей. Для сохранения достигнутого прогресса в уровне жизни необходимо найти новые способы производства и потребления и, возможно, переосмыслить существующее представление о прогрессе и том, как его измерить. Концепция «зеленого роста», или «зеленой экономики», основывается на следующих принципах:

- принцип экоэффективности, предполагающий максимизацию полезных свойств товаров и услуг при одновременной минимизации воздействия на окружающую среду в течение всего жизненного цикла продукции;
- принцип ресурсосбережения предполагает принятие управленческих решений с учетом необходимости сохранения природных ресурсов;
- принцип единства предполагает согласованность действий всех субъектов национальной экономики, участвующих в процессе развития;
- принцип межсекторальности означает вовлеченность представителей различных секторов общества в процесс принятия решений.

Выделяют следующие механизмы интеграции данных принципов в процесс стратегического планирования развития национальных экономик:

- реформирование системы бюджетных отношений посредством введения экологических налогов;
- внедрение моделей устойчивого производства и потребления;
- развитие «зеленого бизнеса»;
- формирование устойчивой инфраструктуры.

Реформирование системы бюджетных отношений посредством введения экологических налогов позволяет перенести налоговую нагрузку с традиционных видов деятельности на производства, которые загрязняют окружающую среду. Основная задача введения эконалогов – перераспределение налогового бремени с социально значимой деятельности на деятельность, наносящую вред окружающей среде. Другой мерой по реформированию налоговой системы является перераспределение бюджетных средств на увеличение инвестиций в развитие экологически безопасных видов деятельности, например, в улучшение транспортной инфраструктуры и развитие общественного транспорта для снижения загрязнения воздушного бассейна городов. Цель реформирования состоит не в увеличении налогового бремени, а в принятии эффективных и действенных мер защиты окружающей среды и сохранении природного капитала для будущих поколений. Таким образом, внедрение эконалогов не увеличивает общее налоговое бремя, а способствует его перераспределению внутри общества и в то же время позволяет снизить экологический ущерб природе.

Формирование моделей устойчивого производства и потребления – следующий механизм внедрения принципов «зеленого роста». Методы производства и потребления являются основными двигателями экономики любого типа и, соответственно, определяют качество экономического роста. Повышение цен на сырьевые материалы, разработка регулирующих стандартов и рамок могут обусловить заинтересованность производителей в более чистом, экологически устойчивом процессе производства. Это направление «зеленого роста» включает в себя такие инструменты, как:

- экологически чистые государственные закупки;
- оценку жизненного цикла товаров;
- управление, основанное на спросе, учитывающем тенденции устойчивого потребления;
- стимулирование устойчивого использования ресурсов;
- повышение интереса к чистому производству посредством повторного использования и утилизации отходов.

С этим механизмом «зеленого роста» тесно связано развитие «зеленого бизнеса», которое ориентировано на:

- устойчивое использование возобновляемых природных ресурсов;
- выпуск экологически чистой продукции;
- использование малоотходных и ресурсосберегающих технологий.

Компании, реализующие политику «зеленого бизнеса», имеют положительный имидж на мировых рынках, их продукция отличается высокой инновационностью и, соответственно, конкурентоспособностью. Развитию «зеленого бизнеса» способствуют также различные формы государственно-частного партнерства, в том числе экологического партнерства. Развитие такого партнерства способствует не только снижению бедности, но и защите окружающей среды. Таким образом, ведение «зеленого бизнеса» – это успешная рыночная стратегия, позволяющая представителям такого бизнеса повышать свою конкурентоспособность. В целом «зеленый бизнес» и устойчивое потребление являются основополагающими элементами в повышении благосостояния населения и защиты окружающей среды.

Немаловажным инструментом «зеленого роста» является формирование устойчивой производственной и социальной инфраструктуры, позволяющей рационально использовать природные ресурсы для того, чтобы будущие поколения не испытывали недостатка в данном ресурсе. Так, процессы урбанизации не всегда сопровождаются развитием эффективной инфраструктуры, в то время как инвестиции в устойчивую инфраструктуру могут обеспечить сохранение природной среды и, как следствие, устойчивое развитие экономики. Мировой опыт свидетельствует, что экологически ориентированное строительство зданий позволяет снизить затраты энергетических и водных ресурсов более чем на 30 % за весь период функционирования данного объекта. Затраты на создание устойчивой инфраструктуры позволят повысить стратегическую конкурентоспособность страны в целом, сохраняя окружающую среду, здоровье населения и природные минерально-сырьевые ресурсы. Формирование устойчивой инфраструктуры позволяет минимизировать использование природных ресурсов, включая энергетические. А экономия ресурсов позволит обеспечить долгосрочный экономический рост, решать экологические проблемы, связанные с производством и предоставлением услуг инфраструктурных секторов экономики.

Таким образом, основной задачей внедрения политики «зеленого роста» является подготовка национальной экономики к переходу на траекторию устойчивого развития, достижение которого требует в современных условиях незамедлительного отказа от экстенсивного использования природных ресурсов и поиска более прогрессивных и инновационных моделей хозяйствования. Концепция «зеленый рост»

выступает в качестве первой стадии перехода к устойчивому развитию [6].

В целях подготовки к конференции по устойчивому развитию «Рио+20» в 2011 году по поручению Президента Российской Федерации Д. А. Медведева из представителей федеральных органов исполнительной власти, общественных организаций, высшей школы и Российской академии наук была сформирована межведомственная рабочая группа экспертов по обеспечению участия России в Конференции ООН по устойчивому развитию. Итогом работы группы стал «Доклад о реализации принципов устойчивого развития в РФ за последние 20 лет». В Докладе выделены основные пути и ответы на вызовы устойчивому развитию Российской Федерации.

Необходима новая концепция эколого-экономического развития, включая создание новых моделей производства и потребления, основанных на повышении энергоэффективности экономики и производительности труда без дополнительной нагрузки на природные ресурсы и климатическую систему.

Экономический рост связан с увеличением спроса на энергоресурсы. В основу концепции устойчивой энергетики должны вкладываться вопросы обеспечения доступа к современным видам энергии, переход на более чистые источники энергии.

Бережное, цивилизованное отношение к природе должно быть обязательным условием программ развития и реализации крупных инфраструктурных проектов. Качество окружающей среды становится одним из ключевых факторов конкурентоспособности экономики.

Концепция устойчивого развития воспринимается бизнес-сообществом в качестве одного из элементов конкуренции.

Устойчивое развитие должно способствовать участию всех слоев общества в экономической и политической жизни.

Устойчивое развитие должно поддерживать гармонизацию межнациональных отношений, а также обеспечивать сохранение исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей малочисленных народов, проживающих в Российской Федерации.

Устойчивое развитие предполагает создание системы безопасности также в отношении угроз природного и техногенного характера, включая опасные погодно-климатические явления.

Для мониторинга достижения целей устойчивого развития потребуются новые индикаторы развития, отражающие не только экономический рост, но и экологические и социальные аспекты развития, а также и связанные с экономическим ростом социальные и экологические издержки.

Устойчивое развитие предполагает также эффективное взаимодействие органов власти всех

уровней, профессионализм и компетентность лиц, принимающих решения по взаимосвязанным вопросам социально-экономического развития и охраны окружающей среды, а также участие гражданского общества в принятии политических решений.

Одно из важных мест в новой парадигме устойчивого развития должна занимать наука, обеспечивающая технологический прогресс во всех областях жизнедеятельности и научную обоснованность политических и экономических решений.

Образование играет ключевую роль в обеспечении устойчивого развития. Более образованные люди – это более рациональный выбор [2].

Таким образом, Россия, как и другие участники конференции по устойчивому развитию «Рио+20», подтверждает свою приверженность принципам устойчивого развития.

В Сахалинской области накоплен определенный потенциал для реализации принципов устойчивого развития. Есть специалисты, понимающие и разделяющие принципы устойчивого развития: ученые, представители региональных и муниципальных органов власти, бизнеса, общественности. Имеется богатый опыт образовательной деятельности в области устойчивого развития. В Сахалинском государственном университете создана кафедра устойчивого развития, сотрудниками которой на ряде факультетов читается спецкурс по основам устойчивого развития как для студентов, так и для аспирантов университета. В рамках партнерских отношений с фондом «Живая планета» (Великобритания) реализован ряд образовательных проектов: образовательная программа по устойчивому развитию для муниципальных служащих Сахалинской области (октябрь 2005 г. – июль 2006 г.); образовательная поездка в Великобританию для практического изучения опыта устойчивого развития (май 2007 г.); образовательная программа по устойчивому развитию для преподавателей Сахалинского государственного университета (сентябрь 2007 г.); образовательная программа по устойчивому развитию для Корсаковского района Сахалинской области (сентябрь 2007 г. – май 2009 г.). Проведен комплексный практикум по устойчивому развитию для студентов, аспирантов университета с участием представителей органов власти муниципального образования (декабрь 2011 г. – апрель 2012 г.).

Были организованы и проведены научно-практические конференции по устойчивому развитию: VI межвузовская научно-практическая конференция студентов и молодых ученых «Сахалинская молодежь и наука» (секция «Проблемы устойчивого развития») (2007 г.); межрегиональная научно-практическая конференция «Проблемы устойчивого развития региона на современном этапе» (2008 г.); международная научно-практическая

конференция «Устойчивое развитие территории: от теории к практике» (2010 г.).

В Сахалинской области реализованы и реализуются конкретные проекты устойчивого развития. Инициаторами таких проектов являются как органы власти, так и бизнеса, и общественных организаций. Так, в Корсаковском районе функционирует Корсаковский партнерский Совет по устойчивому развитию – открытая организационная структура, основанная на добровольном объединении представителей заинтересованных сторон (бизнеса, органов власти, общественности). Создан в 2004 году по инициативе компании «Сахалин Энерджи». Основной целью является рассмотрение на регулярной основе проектов устойчивого развития в Корсаковском городском округе в рамках Программы устойчивого развития и социальных инвестиций «Сахалин Энерджи» и возможное содействие в реализации этих проектов. Поддержано более 100 проектов по устойчивому развитию на территории Корсаковского городского округа. Организация деятельности Корсаковского партнерского Совета по устойчивому развитию осуществлялась в рамках договора о сотрудничестве между Программой ООН в Российской Федерации (ПРООН) и компанией «Сахалин Энерджи» для реализации прикладного проекта в целях содействия и экспертной поддержки со стороны ПРООН инициатив «Сахалин Энерджи» в области устойчивого развития (2010 г.) [4].

Сахалинский государственный университет сотрудничает в области устойчивого развития с различными образовательными и исследовательскими организациями в России и за рубежом: МГИМО, СПбГУ, Научный совет по проблемам экологического образования при Президиуме Российской академии образования, фонд «Живая планета» (Великобритания), международная организация «Зеленый крест», Университет Хоккайдо, Амур-Охотский консорциум и др.

Университет осуществляет исследования по различным проблемам устойчивого развития, в том числе по управлению муниципальным образованием на основе принципов устойчивого развития. В результате данного исследования разработан проект по управлению муниципальным образованием Сахалинской области на основе принципов устойчивого развития.

Теория модернизации, несомненно, играла и играет важную роль в развитии общества. Но, учитывая особенности современного развития общества, можно сделать вывод, что необходимо переходить на жизнедеятельность общества, в основе которой будет концепция устойчивого развития. Именно данная концепция учитывает все многообразие проблем развития человечества, как существующих, так и прогнозируемых в будущем, и предлагает адекватные направления их решения, которые соответствуют ожиданиям

большинства жителей нашей планеты. Устойчивое развитие – это концепция, на основе которой современный мир может строить новую жизнь. Это идеология будущего мира, в котором должны присутствовать экономическая стабильность, экологическое равновесие, социальное благополучие, международная солидарность. Это весьма актуально и для Сахалинской области. Исходя из вышеизложенного, в качестве теоретической основы обоснования перспектив развития нашего региона предлагается именно концепция устойчивого развития. Представляется целесообразным приступить в Сахалинской области к системным, целенаправленным действиям по переходу на жизнедеятельность на основе принципов устойчивого развития. Для этого требуются согласованные, совместные действия науки, органов власти, бизнеса, общественности. Переход к развитию общества на основе принципов устойчивого развития – сложная задача. Здесь требуются и воля, и мудрость политиков, сознательность бизнеса и высокий уровень развития самосознания общества. Важный фактор – это наличие инициатора процессов устойчивого развития, который бы понимал эти процессы, владел методологией и методикой, методами, средствами, инструментами реализации, имел глубокое убеждение в необходимости устойчивого развития. Такими участниками процессов устойчиво-

го развития могут и должны стать ученые, в том числе и ученые Сахалинского государственного университета.

Литература

1. Будущее, которого мы хотим // Конференция Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию «Рио+20». – Рио-де-Жанейро, Бразилия, 20–22 июня 2012.
2. Доклад о реализации принципов устойчивого развития в Российской Федерации. Российский взгляд на новую парадигму устойчивого развития. Подготовка к «Рио+20». – Москва, 2012.
3. Концепция устойчивого развития и местная повестка дня на XXI век : методическое пособие / под ред.: Д. А. Голубева, Н. Д. Сорокина. – СПб. : изд-во «Союз художников», 2003.
4. Корсаковский партнерский Совет по устойчивому развитию. – Режим доступа : www.korsakovsovet.ru
5. Модернизация России как построение нового государства. Независимый экспертный доклад / И. Пономарев, М. Ремизов, Р. Карев и др. – М., 2009. – Режим доступа : www.apm.ru/publications/article22100.htm
6. Национальный отчет по использованию инструментов «зеленого роста» в Республике Казахстан, 2012 г.

*И. Е. Урубкова,
ведущий экономист Министерства культуры Сахалинской области,
соискатель ученой степени кандидата экономических наук
кафедры управления СахГУ*

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Значение внешнеэкономической деятельности (ВЭД) регионов РФ заключается в воплощении стратегии России по интеграции в мировое экономическое пространство. На сегодняшний день одним из приоритетных направлений внешнеэкономической политики РФ является более глубокая интеграция в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Развитие Дальнего Востока [1] (ДВ) является одним из приоритетных направлений социально-экономической политики России. Это подразумевает совершенствование его инфраструктуры и развитие сотрудничества с соседними странами. Сахалинская область как приграничный регион имеет стратегическое значение для России.

Сахалинская область обладает значительным трансграничным потенциалом: богатые природные ресурсы в сочетании с удобным расположением относительно рынков соседних стран могли бы способствовать развитию сотрудничества и налаживанию производственных и технологических связей, преодолению существующих по обе стороны границы проблем. Сырьевая ориентация Сахалинской области с явно преобладающей долей ТЭК сочетается с развитостью машиностроительного и металлообрабатывающего комплексов Японии, Республики Корея (РК), США. Китай во многом обеспечивает потребность в продукции легкой и пищевой промышленности.

Сахалинская область имеет представителей в составе практически всех межправительственных комиссий, комитетов и рабочих групп, которые координируют вопросы сотрудничества РФ, ДВ со странами АТР. Участие области в формате всех уровней позволяет решать задачи комплексного развития через взаимодействие с правительственными структурами, отдельными территориями ДВ и зарубежными административно-территориальными образованиями, а также бизнес-структурами в России и за рубежом.

ВЭД Сахалинской области возникла как реакция на распад СССР. Первоначальные трудности объяснялись пробелами в законодательстве и отсутствием международного опыта. С 1993 г. на фоне положительной динамики внешней торговли и иностранных инвестиций внешнеэкономические связи стали приобретать более четкие направления, началось формирование рабочих органов

международного сотрудничества, развивалось федеральное и областное законодательство. 1996 год стал началом реализации проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2». Результатом этого явилось резкое увеличение общего объема иностранных инвестиций в экономику области. Регион, который до 90-х гг. не играл сколько-нибудь значительной роли на рынке топливных ресурсов, стал лидером по привлечению иностранных инвестиций не только в ДВФО, но и в целом по России, в том числе и на душу населения. С 1999 г., во время значительного роста российской экономики и укрепления государства, ВЭД стала для Сахалинской области одним из важнейших факторов, влияющих на социально-экономическую ситуацию региона. За счет ВЭД удается компенсировать отрицательные последствия удаленности от основных промышленных центров России, создавать дополнительные рабочие места, расширять рынки сбыта продукции, обеспечивать насыщение рынка товарами, пополнять региональный бюджет и др.

Сахалинская область добилась значительных успехов в экономическом развитии. Так, на протяжении ряда лет Сахалинская область оставалась лидером по привлечению иностранных инвестиций в ДВФО, занимала одну из лидирующих позиций в стране по объемам привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику региона. В 2009 г. был открыт и начал функционирование первый в России завод по сжижению природного газа (СПГ). В условиях мирового финансово-экономического кризиса Сахалинская область продемонстрировала показатели экономического роста (увеличение объема ВРП). Область представляет интерес для таких компаний, как Exxon, Mitsui, Mitsubishi и др. На территории Сахалинской области действует ряд российских компаний, имеющих возможность оказывать влияние на региональную политику, в том числе и в сфере ВЭД. В их числе ОАО «Газпром», «Роснефть», «РЖД».

Торговыми партнерами Сахалинской области к настоящему времени стали более 100 стран (включая СНГ), прежде всего страны АТР. Страновая структура внешних связей заметно различается по годам. В данной статье рассматриваются экономические связи области с Японией, РК, США и Китаем как с наиболее постоянными торговыми

партнерами. На протяжении ряда лет суммарная доля этих стран во внешнеторговом обороте области значительно превышала 50 %, в 2011 г. эта цифра составила 92,4 % [2].

С открытием в конце 2009 г. на Сахалине завода по сжижению природного газа именно газ стал составлять основу сахалинского экспорта в Японию, что соответствует государственной политике энергосбережения **Японии** и снижения ее зависимости от нефти. Япония занимает четвертое место в мире по объемам энергопотребления, при этом практически не обладает собственными энергоресурсами. Газ занимает третье место в структуре энергопотребления Японии, но его доля будет увеличиваться. Япония импортирует 100 % потребляемого газа в виде СПГ, занимая первое место в мире по его импорту.

Сравнительный анализ ВЭД показывает существенную активизацию торговли с **Республикой Корея**. За период с 1992 по 2011 г. внешнеторговый оборот увеличился в 101,1 раза [3]. В перспективе РК может стать источником крупных капиталовложений в экономику России, а также поставщиком на российский рынок, прежде всего в Дальневосточный регион, современной техники и технологий. В свою очередь, РК нуждается в получении из России сырья и полуфабрикатов, заинтересована в сотрудничестве в научно-технической сфере. Особое место в планах расширения российского экспорта в РК отводится поставкам природного газа.

Объемы внешнеторговых связей с **Китаем**, доля которого во внешнеторговом обороте в 2008 г. не достигла 3 %, являются необычно низкими для дальневосточных регионов. В 2011 г. эта цифра составила уже 7 % [3], но в целом можно отметить, что экономическое сотрудничество области с Китаем не отличается стабильностью. Основное препятствие для развития экономических взаимоотношений заключается в том, что Китай является на данный момент реципиентом капитала и природных ресурсов, а так как Сахалинская область (как и российский ДВ в целом) не является регионом с высокими инвестиционными возможностями, то и взаимоотношения ограничиваются лишь ресурсной составляющей.

Среди стран-импортеров в область преобладают **США**. Несмотря на постепенное снижение удельного веса импорта из США по сравнению с 90-ми гг., большая часть продовольственных товаров, машин и оборудования поступает в настоящее время в Сахалинскую область именно из этой страны. На всем протяжении 90-х гг. США оставались главным инвестором в экономику области. Подавляющая часть инвестиций поступала в рамках проекта «Сахалин-2». После 1999 г. в результате завершения установки основных сооружений последовало резкое падение американских инвестиций как в абсолютном, так и в относительном выражении. В результате неоднократной реорганизации консорциума по проекту «Сахалин-2»,

когда американская компания «Марафон» вышла из состава участников, акционерами компании Sakhalin Energy стали Shell, Mitsui и Mitsubishi, удельный вес инвестиций в Сахалинскую область из США в 2009 г. приблизился к нулю.

В настоящее время экономическую жизнь региона определяет **нефтегазовая отрасль**, предприятия которой оснащены современным высокотехнологичным оборудованием. Энергетической стратегией России на ДВ России в 2020 г. планируется добыча нефти – 31 млн тонн, природного газа – 54 млрд м³, 65 % объема приходится на Сахалинскую область. В соответствии с Восточной газовой программой добыча газа в Сахалинской области составит 59 млрд м³ к 2020 г., 70 млрд м³ – к 2030 г. Согласно Стратегии развития области до 2025 г., в рамках газохимического производства планируется строительство следующих объектов: завод по производству этилена и пропилена; завод по производству полиэтилена и полипропилена; завод по производству метанола. Спрос на полиэтилен как на внешнем, так и внутреннем рынке практически не ограничен, в связи с чем создание газохимического комплекса на Сахалине становится не только важным, но и актуальным. Согласно прогнозам, в ближайшие десятилетия спрос на нефть и газ в мире, в том числе в странах Северо-Восточной Азии (СВА), будет увеличиваться [4]. Развитие нефтегазовых проектов шельфа Сахалина имеет большое значение не только для развития производства на ДВ, но и для интеграции в АТР. Вместе с тем возможности сырьевой направленности развития экономики ограничены. Сахалинская область еще в недостаточной мере использует возможности высокотехнологичных стран и стран с высокой численностью населения.

Возобновляемые природные ресурсы (рыба, лес) должны играть особую роль в экономике Сахалинской области.

В дореформенный период **лесопромышленный комплекс** (ЛПК) занимал второе место в экономике области. В последние годы его доля составляет менее 1 % от объема промышленной продукции, иностранные инвестиции не направляются. С ликвидацией целлюлозно-бумажных предприятий основную долю (более 92 %) в общем объеме экспорта лесопродукции занимает деловая древесина. Производственные лесозаготовительные мощности оснащаются импортными машинами; производственные мощности по глубокой переработке древесины абсолютно не развиты. Лесопродукция области традиционно ориентирована на рынки Японии и РК.

ЛПК Японии является зависимым от импорта, который составляет 77 % (64,6 млн м³) предложения лесопромышленной продукции в Японии [5]. Япония при этом остается крупнейшим потребителем

лесопромышленной продукции Сахалинской области (538 тыс долл. и 2 тыс тонн в 2011 г.), импортируя 49 % физического объема (980,8 тонны) в виде древесной стружки и 83 % стоимостного объема в виде обработанных лесоматериалов [6]. Республика Корея ввозит более 90 % потребляемой древесины, в том числе 4,9 млн м³ круглого леса различных сортов и 1,1 млн м³ стружки. РК, как и Япония, столкнулась с повышением затрат на производство, что привело к снижению импорта круглого леса. Основную конкуренцию для экспорта хвойной древесины российского ДВ на японский рынок составляют поставки из США, Канады и Новой Зеландии. Однако японские потребители признают превосходство качества дальневосточной хвойной древесины над древесиной из других стран. На доставку лесопродукции с российского ДВ необходимо гораздо меньше времени. Корейские аналитики (так же, как и японские) отмечали, что древесина из российских естественных лесов предпочтительнее продукции новозеландских плантаций. Помимо этого, корейские импортеры менее требовательны к качеству в сравнении с японскими импортерами. С 1970-х гг. Япония и РК являлись крупнейшими импортерами круглого леса. Однако в 1998 г. Китай по импорту круглого леса обогнал РК (7,3 млн м³ и 4,4 млн м³ соответственно), а в 2001 г. и Японию (18,5 млн м³ и 13,9 млн м³ соответственно), превратившись в крупнейшего импортера на рынке круглой древесины. Китайским ЛПК в последние десятилетия продемонстрирован мощный рост. В условиях ограниченности собственных лесных ресурсов, невзирая на кризис 2008–2009 гг., Китай превратился в крупнейшего мирового импортера и одновременно значимого экспортера: около 70 % импортируемого сырья в дальнейшем экспортируется в виде готовой продукции [7].

Ненарушенных массивов коммерчески ценного леса на Сахалине практически не осталось. Таким образом, в настоящее время перед областью не стоит задача поднять заготовки леса до прежнего уровня. Сегодня внимание должно концентрироваться на проблемах привлечения дополнительных инвестиций для текущего обеспечения сбалансированности ресурсного потенциала, достижения оптимальных масштабов производства. Увеличение объема инвестиций в лесозаготовительную отрасль возможно на базе строительства новых крупных производств целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей отраслей на базе новейших технологий до уровня, соответствующего запросам мирового рынка.

Рыбная отрасль для экономики Сахалинской области является одной из приоритетных. Морепродукция в основном подвергается лишь первичной переработке и имеет низкую степень добавленной стоимости, качество рыбной продукции не всегда соответствует установленным стандартам. Инновационные возможности, передовое оборудование и технологии не вовлечены в рыбную от-

расль Сахалинской области, а ее экспортный потенциал реализуется в экстенсивном направлении наращивания вылова морских биоресурсов. В то же время ближайшими соседями области являются страны, в которых морепродукция пользуется повышенным спросом (Япония, РК, Китай). Импорт морепродуктов этими тремя странами в совокупности составляет около четверти мирового импорта морепродуктов в натуральном выражении и более 20 % – в стоимостном выражении. Если же в эту группу включить еще и США, то эти цифры составят 31 % в натуральном выражении и 34,5 % в стоимостном выражении мирового импорта [8]. Продукция рыбной отрасли Сахалинской области большей частью направляется в три страны: Японию, РК и Китай. Необходимо уделить внимание также торговле с США, потому как хотя их доля в областном рыбопромышленном экспорте невелика, в отдельные годы экспорт в США готовой продукции значительно превышал экспорт свежей рыбы.

Успешный опыт соседних стран – Японии, РК и Китая [9] – свидетельствует, что природно-климатические и гидрологические условия прибрежных акваторий на ДВ способствуют выращиванию водных биоресурсов.

На сегодняшний день спрос на рыбопродукты в мире продолжает расти, в условиях истощения биоресурсов источником производства становится аквакультура. На ее долю приходится 43 % потребляемой в мире рыбы (в 1980 г. – 9 %), а производство достигло 45,5 млн тонн (63 млрд долл.) [10]. Наиболее значительных успехов в области аквакультуры добились Китай, Норвегия, Япония, Индонезия, Индия, РК и КНДР. Уровень производства России в области аквакультуры (120 тыс тонн) не отвечает современным тенденциям. В России же в целом (и в Сахалинской области в частности) задачей является экстенсивное освоение больших запасов биоресурсов.

Экспертами выделяется ряд тенденций внешней торговли рыбными товарами [9]: повышение значимости и доходности внешней торговли живой и охлажденной рыбой; быстрый рост цен на готовые продукты (филе, балыки, пресервы); рост платежеспособного спроса на продукты из ракообразных и моллюсков в развитых странах мира; усиление взаимосвязей внешнего и внутреннего рынков.

Рыбное хозяйство Сахалинской области, так или иначе, все еще ориентируется на рост добычи морских биоресурсов преимущественно в сфере морского рыболовства. Существует альтернативная стратегия развития, характерная для ведущих рыболовных стран мира: развитие пресноводной и морской аквакультуры, функционирование которой строится на основе государственной поддержки; упор на использование достижений науки и техники, применение передовых промышленных технологий, рост производительности труда – все в пределах относительно невысокого прироста добычи.

Уголь является одним из важнейших ресурсов Сахалинской области. Угледобывающие предприятия региона осваивают лишь небольшую часть месторождений. Помимо неразвитости портовой инфраструктуры, низкой пропускной способности портов, изношенности основных фондов угольной отрасли и др. здесь следует отметить низкий уровень информированности зарубежных деловых кругов о составе, объемах и качестве сахалинских углей, о состоянии угольной промышленности в целом. Угольная отрасль области не владеет информацией, необходимой для ведения современного бизнеса. Предприятия не имеют необходимой для членов ВТО сертификации. При этом, согласно прогнозам специалистов до 2030 г., спрос на уголь в Китае и РК будет возрастать [4]. В основном импортером угля является Япония, на чью долю приходится большая часть импорта угля в мире. Цены на уголь меняются, но в последние годы наблюдается тенденция роста [11].

Сахалинская область по ряду показателей (общий объем иностранных инвестиций, иностранные инвестиции на душу населения, внешнеторговый оборот со странами АТР) вносит весомый вклад в совокупные экономические показатели РФ. Экономика Сахалинской области на современном этапе ориентирована на ресурсно-сырьевой экспорт и с конца 90-х гг. лидирует в этом направлении в ДВФО. Разработка нефтегазовых проектов вызывает большой приток иностранных инвестиций в экономику области, который способствует оживлению всей инфраструктуры в хозяйственной жизни области. Федеральное правительство сделало ставку на развитие ТЭК Дальневосточного региона, и в этой стратегии Сахалинской области отведено большое значение.

В результате экономического сотрудничества со странами АТР ведется, наращиваются объемы экспорта, привлекаются иностранные инвестиции. Но такие важнейшие для области и для России в целом задачи, как интеграция в мировое хозяйство и расширение экспорта товаров с большей степенью обработки, остаются не решенными вплоть до настоящего момента.

Преимущества приграничного положения не реализуются автоматически. Необходимо осознать возможные трудности в процессе международного сотрудничества, а затем извлечь максимальную выгоду из своего географического положения. С помощью комплекса мер региональной политики необходимо увязывать интересы иностранного и отечественного бизнеса с интересами региона и государства.

Литература

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации

на период до 2020 года (Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1662-р от 17 ноября 2008 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.consultant.ru (дата обращения : 14.10.2012).

2. Экономическое и социальное положение Сахалинской области за январь–декабрь 2011 года. – Южно-Сахалинск : Сахалинстат, 2012. – С. 97–98.

3. Рассчитано по: Сахалинская область на рубеже XXI века. – Южно-Сахалинск : Сахалинский облкомстат, 2001. – С. 311–313 ; Экономическое и социальное положение Сахалинской области за январь–декабрь 2011 года. – Южно-Сахалинск : Сахалинстат, 2012. – С. 97–98.

4. Подоба, З. С. Россия на рынках топливно-энергетических товаров стран Северо-Восточной Азии : дис. ... канд. экон. наук : защищена 18.02.2009 : утв. 00.00.2009 / З. С. Подоба. – СПб. : изд. центр эконом. фак-та СПбГУ, 2009. – С. 212.

5. Рассчитано по: Japan Statistical Yearbook 2012. Supply and Demand of Lumber [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/1431-07.htm> (дата обращения : 14.10.2012).

6. Рассчитано по: Статистические данные о внешней торговле Сахалинской области со странами: США, Япония, Китай, Республика Корея, Сингапур – в разрезе товарных групп за период с 1994 по 2011 год включительно // Текущий архив Сахалинской таможни. – № 070821. – 1689 л.

7. Рассчитано по: Food and Agriculture Organization of the United Nations. ForesSTAT. China [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://faostat.fao.org/site/626/DesktopDefault.aspx?PageID=626#ancor> (дата обращения : 14.10.2012).

8. Рассчитано по: FishStat Plus – Universal software for fishery statistical time series. Fisheries Commodities Production and Trade [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.fao.org/fishery/statistics/software/fishstat/en (дата обращения : 14.10.2012).

9. Бобылов, Ю. Россия в мировой рыбной внешнеторговой политике / Ю. Бобылов // Fishnews – Новости рыболовства [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.fishnews.ru/mag/articles/3202 (дата обращения : 11.08.2010).

10. О прогнозах мирового рыбного бизнеса. 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.taler-plus.ru/index.php/all-about-fish/analytic/68-analytic-1 (дата обращения : 11.08.2010).

11. BP Statistical Review of World Energy. June 2012. Coal. P. 30 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/globalbp/globalbp_uk_english/reports_and_publications/statistical_energy_review_2011/STAGING/local_assets/pdf/statistical_review_of_world_energy_full_report_2012.pdf (дата обращения : 14.10.2012).

S. V. Abramova,

*Ph. D in Pedagogy, Associate Professor
Head of Dept. Life Safety and Civil Defence*

I. G. Minervin,

*Ph. D. in Physics and Mathematics, Professor
First Vice Rector;*

Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia

SHAPING HIGH-SCHOOL GRADUATES PROFESSIONAL COMPETENCES AS KEY FACTOR IN REGION SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The interpretation of the term «sustainable development» is fairly broad and it is often the case, that the term is defined according to the Bruntland Commission guidelines, i.e. Sustainable Development is the kind of development that meets the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet their own needs; that is, socially desirable, economically viable and environmentally balanced type of development.

With more than a billion students, and approximately 50 million teachers, education has become one of the most extensive human activities in modern society. The social role of education has noticeably improved as the mankind development is largely dependent on the course and the efficiency of modern education. This last decade has seen a great change in attitude towards education. Presently, education, especially post-secondary education, is seen as a leading factor for social and economic development. The reason is the growing understanding of the fact that person capable of identifying and exploring new solutions, one who would be able to conduct non-standard decision making process is the most valuable asset, or core, as it were, of the modern society [1].

Training of highly skilled professionals has always been the primary goal of the post-secondary educational institutions. Presently, however, this goal is impossible to achieve without the profound understanding of the nature of education. The scientific and technological development assigns the fundamental science a new role, that of permanently changing and most effective driving force behind the production run of any modern manufacturing process, especially in the advanced field of high-end technology.

In addition to simple acquisition of knowledge and skills, education allows to shape opinions and points of view, establish values in development of a member of society. The modern education should concentrate on abandoning unsustainable production and consumption patterns, instil respect for our environment, mutual understanding and social stability, so it will be able to facilitate the mankind transition into the realm of sustainable development.

The main goal of education, as a sustainable development factor in Russia, as an entity, while specifically focusing on each and every territory of Russian Federation, is to establish new, personality-oriented system of cultural, environmental and other values, as opposed to the values of a consumer society. Society will be capable of further development only if its members will embrace new philosophy. Therefore, the education shall serve as both a tool and a mechanism in transformation into sustainable development. [2]

Furthermore, the role of vocational education is related directly to such influential factor, as fluctuation of demand in the specialist job market. After all, it is a well known fact, that a greater opportunity presents itself not only to those who are able to demonstrate profound and substantial knowledge and skills in any particular field of expertise, but are capable of practical application of such knowledge in other, related areas. We are talking about diversified training which is so popular nowadays in the field of vocational education. The opportunity to acquire an excellent training in several areas of expertise has become quite a popular idea in recent years.

The scientific study of the multitude of influences on the process of entrepreneurs or businessmen social group shaping and development has been treated with a special care during the current stage of Russian society modernization. On the nationwide level the development of Small and Medium Enterprises is perceived as a critical factor in new economic model formation, as a main driving force behind technological development, competition and market development, as a main source of recruitment in the job market. The further development of Small and Medium business is intended to address a number of social and economic challenges, namely: conditioning for political stability, formation of efficient economic structure, establishing of middle class, reducing unemployment, increasing the revenue on all levels and so on.

This is especially important for regional or territorial development. According to I.R. Kormanovsky and N.N. Renkas [3], the Russian Federation territories are fairly complicated open social, ecological and

economic systems whose operation is influenced by such internal factors as local government decision making abilities and development of educational institutions. Concurrently, such external influences as, for example, nationwide economic and social policies should also be considered.

Furthermore, it is necessary to take into consideration certain basic indicators of sustainable development of the Russian Federation territories as approved by "The Concept of Russian Federation transition to sustainable development". [4] One of the sustainable development indicators in any particular territory is the "quality of life" which include, among others, duration of a person's life (expectancy at birth and actual), person's health, level of deviation in the environmental conditions from the regulatory values, educational level or level of professional skills, income (measured by gross domestic product per capita), employment rate, scale of human liberties available to one.

Over the next ten years the development of the Sakhalin Region will be defined by local investment climate and industrial capabilities. It will be based upon effective use of the competitive advantages presented by the region's economy, natural resources availability and transit potential of the area and persistent growth of export. By 2025, the key industries of the regional economy will be the fuel and energy, fisheries and forest industry. The construction industry and construction materials manufacturing, power industry, transport and agriculture will also sustain development, as will the consumer market and consumer services [5].

Cooperation (partnership) between post-secondary educational institutions and business enterprises (ranging from small businesses to large industrial entities and key manufacturers) using contractual relationship with direct employers has always been and still remains one of the major factors in development of human resources potential in Russia as a whole and in Sakhalin Region in particular. Principal external consumers of the regional university services are the recruiters (private and national companies, public authorities, etc.) who employ our graduates while expecting them to have the working knowledge in the area of professional expertise [6], according to the requirements of the challenging economy model of the Sakhalin Region.

The primary goal of the educational system is to contribute to the establishment of the ground breaking ways in development of the national economy, as specified in the "National strategy of development of the Russian Federation for the period up to 2020" [7], including quality training and professional development of highly skilled workforce. In order to achieve this goal the improvement of the educational management system in post-secondary studies is imperative. The system should aim, first and foremost, to satisfy the demand of the market and end users of

educational services, while taking into consideration specific characteristics of a particular territory.

The analysis shows that the modern school graduate in the Sakhalin Region is presented with a fairly large selection of choices for the post-secondary education (especially after the Unified State Examination has been introduced recently). More than 50% of Sakhalin Region school graduates leave the island in order to obtain a university degree in one of the post-secondary institutions of the largest high-tech centres (such as Moscow, St. Petersburg, Novosibirsk, etc.) and rarely return to work (less than 1%) in the area. This leads to population migration and ultimately to the loss of professionally trained personnel, which has severe negative impact on the sustainable development of the region.

In this regard, the principal goal of the regional university in a competitive environment is to provide adequate training, and thus reason for highly qualified personnel to stay in the region. This will be achieved by enhancement of the role and improvement in quality of the third level education in the region, while preserving the relationship with potential recruiters to ensure the future employment of the university graduates.

Presently, the mainstream line of work in the Sakhalin State University (SSU) is concerned with creation of favourable conditions for the mental, moral, emotional, and cultural development of the individual, while trying to help to uncover the creative abilities of graduates. In modern conditions, the main objective of SSU is to develop in full one's abilities during professional training while taking into consideration individual interests, capabilities, and social requirements. We conclude that higher vocational education is a necessary and important attribute of people living in a dynamically developing region.

The abovementioned direction and goals are consistent with the fact that an educational paradigm has been established in the Russian post-secondary educational system. It is reflected in the Federal Educational Standard of Higher Vocational Education (FES HVE), and is based upon competent approach. According to the paradigm, the quality of education is determined by the extent of university graduates competence, i.e. the graduate's ability to determine the connection between theoretical training and real-life situations and to practice the acquired knowledge. This should help the graduates to focus on increase in mobility and competitiveness in the market environment and the stimulation of interaction between a higher education institution and an employers, as defined by the Federal Law № 307-FL "Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to provide employers' associations the rights to participate in the development and implementation of national policy in the field of professional education" dated 01.12.2007. [8] Thus, we have established a

development strategy for our University with regard to the present conditions, which includes the increase of impact on the social and economic development of the region, participation in political challenges and involvement into the solution of social problems of the region. In order to participate in each and every one of these areas of region sustainable development the graduates are required to have well formed professional competencies.

The level of professional competence acquired as a result of education is used to describe the integrated features of the quality of graduate's education.

Professional capacity is described as the accomplished basis of subject knowledge and fundamental and specialized skills, and well defined ability to think creatively.

The thinking process of a professional should be based on a highly developed imagination and comprises of a combination of logical, intuitive, creative, theoretical, technical and spatial thinking. The post-secondary education contents are selected to build professional competence according to the principles of scientificity, systematicity, integrity, mobility, performance, variability, modularity and regionality.

From our point of view, the most important feature of professional competence is the activity of the total of acquired skills in combination with subject knowledge and specific skills in particular area of expertise. The professional competence is manifested by the ability of one to make the choice based on an adequate assessment of one's abilities in any particular situation. [9]

The structure of professional competence includes main components (motivational, cognitive, communicative and reflective). The formation of said components is associated with the formation of the components' characteristics and properties, as a part of a complete system. Each component of professional competence has its own content.

Motivational component includes motives, goals, desire to acquire professional knowledge, self-education, self-development and understanding of ways to effectively develop professional activities and interactions with individuals or companies.

Cognitive component is a set of scientific and theoretical knowledge of the profession. The level of the cognitive component development of the professional competence of a professional is defined by fullness, depth, and systematicity of knowledge in the field of professional communication.

The cognitive component role in the professional competence development allows the professional to build an algorithm for the professionals-to-be development: recommendations for students to understand their purpose in the field of chosen profession, students awareness of the level of their professional training and their own resources to achieve the level of professional competence in

the chosen field, ability to analyze the significance of acquired results. Implementing the cognitive component of professional competence, a specialist unit of the individual images situational forms the essence of the concept of work. Cognitive component of professional competence presupposes a continuous professional's movement from one knowledge to the other, a thorough understanding of the essence of one's work and a constant expansion of such understanding.

Communicative component is demonstrated by the ability to establish interpersonal relationship, to coordinate one's own actions with those of colleagues, to choose the optimal way of communication in various situations, to acquire the means for verbal and non-verbal communication.

Communication skills are evident during cooperation and collective activities. Communication skills include the following abilities: to understand the relationship between people; to perceive adequately the ways of communication; to use the experience of others; to understand one's partners during communication, their motives and goals; to work as a team; to know and understand one's own actions, motives and opportunities in both professional and communication fields; to assert one's point of view; to predict interpersonal events; to be familiar with basic communication techniques; and to avoid controversies.

Reflective component is demonstrated by the ability to control consciously one's own performance and the self-development level and personal achievements, such as creativity, initiative, focus on cooperation and self-confidence, ability to critically evaluate oneself, improvise and foresee the results of one's own activities and relationship; imagination, as well as vocational and other relevant knowledge and skills.

Presently, the professional competence is regarded as a personal growth, so the measurement of professional competence may be carried out with the help of expert evaluation and self-evaluation, various tests and questionnaires, interpretation of the results from the various stages of professional competence development.

Thus, the development of professional competence in students according to the chosen professional field requirements is done by the guidelines, laid in the basic educational program (BEP), according to the requirements of the FES HVE and the needs of the job market. The result of the BEP implementation (if the approach was competent enough and as a result at least a third of BEP material is variative, with prospective employer involved in BEP contents planning) is a graduate of the university with a required level of professional skills deployment.

Such results of an educational process are possible to achieve in case the model of interaction between regional university and the prospective end-users of

educational services is ideal, i.e. consists of goal-oriented professional training funded directly by the prospective employer. In such case, the employer and the university collaborate during the development of educational programs oriented toward particular needs of a particular company.

Among the collaborative activities between representatives of universities and prospective employers we should note the following:

Practical training of students in real life work environment;

Expansion of the educational services range provided by post-secondary educational institutions according to the requirements of the job market;

Clear definition of the requirements for quality of training: recently, the BEP expert evaluation (developed by the University in accordance with FES HVE) has been applied with regard to the needs of the leading regional recruiters needs; furthermore, the business community is involved in the development and review of the training program documentation;

Inclusion of training sessions for students, such as lectures, workshops, master classes, simulation exercise, workshops, etc. led by prospective employer representatives (“factory floor hands”);

Prospective employers participation in the final certification of graduates;

Teachers practical training in real life work environment;

Prospective employers representatives advanced vocational training in the University;

Prospective employers participation in scientific conferences, educational projects, scientific sessions, days of science, etc.;

Project integration (collaborative research, direct representation of University on prospective employer site, small high-tech companies, etc.);

Employment of graduates;

Management and participation in the regional advisory councils and associations in order to improve the content of vocational education to better meet the needs of the region, etc.

In conclusion, the intrinsic factors of external threats and challenges enhance the role of Regional Sakhalin State University as a major educational institution in Sakhalin region. The University provides wide range of educational programs for training with regard

to the professional skills development in students. Professional competences included in primary – secondary – post-secondary vocational education programs are weaved through the continuous level-oriented education. Thus, the orientation of such educational programs on the demands of a job market is a key indicator of the effectiveness of professional education and quality of training of graduates, which are able to participate in the sustainable social and economic development of the region.

Bibliography

1. M. V. Bulanova-Toporkova. Pedagogy and Psychology of Post-secondary Education : Manual. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2002. – 544 p.

2. Fundamental Principles of the Strategy of Sustainable Development in Russia / Ed. A. M. Shelekhov. – M., 2002. – 161 p.

3. I. R. Kormanovskoy and N. Renkas. Evaluation of the Management of Sustainable Development in the Region // Saint-Petersburg State University of Service and Economics, 2009.

4. Presidential Decree № 440. “The Concept of Russian Federation’s Transition to Sustainable Development”, dated April 1, 1996.

5. I. G. Minervin “Historical Aspects of the Sakhalin Region Social and Economic System During Last 65 Years and the New Management Paradigm in Modern Russia // Proceedings of the Sakhalin State University. – Book IX.” – Yuzhno-Sakhalinsk, 2011. – P. 17–24/ – URL: <http://sakhgu.ru>

6. I. G. Minervin, L. I. Rublev. Conceptual Approach to the Professional Competence Model of the Modern Teacher // Educational Psychology. – 2011. – Number 3. – P. 10–24.

7. The Strategy of Ground-breaking Development of the Russian Federation for the Period up to 2020. – URL: <http://mon.gov.ru>.

8. Federal Law № 307-FE “Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Order to Provide Employers’ Associations to Participate in the Development and Implementation of State Policy in the Field of Vocational Education», dated 01.12.2007. – URL: <http://www.referent.ru>

9. S. Abramov, E. N. Boyarov, Estimation of Professional Competencies Development in Students // Educational Psychology. – 2011. – № 3. – P. 68–78.

KAMINAGA Eysuke,

Ph.D., Niigata University of International and Information Studies (Japan)

**SAKHALIN SEAWEED TRADE AND THE MERCHANT Y. L. SEMYONOV.
THE HISTORY OF INTERNATIONAL SEAWEED TRADE IN NORTH-EAST ASIA
(END OF XIX – MID XX CENTURIES)**

Introduction

Our principal goal is to understand how the economic and political conditions have influenced the socio-economical environment of the Sakhalin Island in the late XIX and early XX century. By the end of the XIX century the Island has been under the jurisdiction of the Russian Empire. However, every year more than a thousand Japanese would come to the Sakhalin to procure fish. They would export the marine produce to Japan¹. Formally, the Island affairs were managed by the Sakhalin administration or the authority of Governor-General of the Amur Region. At the same time the influence of a seafood market in Japan has been felt strongly. In reality, the economy of the Island was also inextricably linked with China. This link was kelp, or seaweed trade.

At the time the primary goal of fishing industry in the Russian Far East was the nationalization of the industry². In a manner of speaking, the Governor General desired and tried to combine the economical and political influences. The seaweed trade is a good example of such efforts. At that time, the seaweed has been sold throughout the North-East Asia, i. e. in Japan, Korea, and China. Shanghai was the centre of this highly profitable market³. The seaweed harvest on Sakhalin Island was dependant on various trade conditions in Shanghai. At one time the seaweed production also depended on the conditions in Japan, which produced the largest share of seaweed in the North-

East Asia. The seaweed has been an international commodity.

The seaweed harvest in Sakhalin had two typical problems. The first one was a vast distance between the harvest location and the market, and the second – the scarcity of labour force. The seaweed trade businessmen in Sakhalin have solved these complicated challenges successfully.

1, Y. I. Semyonov and the Sakhalin Island

Natural seaweed (a.k.a. kelp, or *Laminaria Japonica*) grows in the cold sea waters of the North-East Asia, i.e. in Primorye, Korea, Sakhalin, on the Hokkaido Island. By the mid XX century Zeng Cheng-Kui, (C. K. Tseng, 1909–2005), well-known Chinese expert on algae, has invented a new way of seaweed farming. So the seaweed is now farmed even in the southern sea regions of China⁴. Today, China has become the world leading producer of kelp⁵. Of course, we are talking only about the natural seaweed. The Chinese have been and still are consuming more seaweed than all other world nations combined. However, the quantities of seaweed grown in the coastal waters of China could not possibly supply the demand. China has been importing the seaweed from the neighbouring countries, especially from Japan⁶. In the latter half of the XIX century and the first half of the XX century, the import from Japan has increased sharply. The volume of dried seaweed export has

¹ Kaminaga E. *Hirakareta umi but Tom is rukey sekuminti (Development of the Marine Wealth and the Exile Colony) // Nichiren Senso to Saharinto (The Russian-Japanese War and the Island of Sakhalin) / Ed. Teruyuki Hara. – Sapporo, 2011. – P. 68.*

² Kaminaga Eysuke, "Maritime History and Imperiology: Japan's Northern Fisheries and Priamur Governor-Generalship," in Kimitaka Matsuzato, ed., *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire, Slavic Eurasian Studies, no. 13 (Sapporo: Slavic Research Center, 2007). – P. 271–273.*

³ Hakodate Szego Kaygise (*Hakodatskaya Chamber of Commerce*). *Hsing Kang Po Boeki Sisatsu Hokoku (Voyage to China, Korea and Russia Report). – Hakodate, 1904. – P. 45–46. China. The maritime customs, "Returns of trade and trade reports, 1916. Part 2. Port trade statistics and reports. vol. 3. Central ports (Shanghai to Wenchow.)» Statistical series; no. 3–5. Shanghai: Statistical Department of the Inspectorate General of Customs, 1917. – P. 802–803.*

⁴ Tien-Hsi Cheng, "Production of kelp – A Major Aspect of China's Exploitation of the Sea // *Economic Botany*. – No. 23. – 1969. – P. 221.

⁵ 2009 *FAO Yearbook: Fishery and Aquaculture Statistics. Capture production. – P. 15 [http://www.fao.org/docrep/015/ba0058t/ba0058t.pdf] (data from June 27, 2012)*

⁶ Frederick J. Simoons, *Food in China: A cultural and historical Inquiry (Boca Raton, Florida: CRC Press). – 1991. – P. 181.*

reached approximately 30,000 ton⁷.

The merchant Yakov Lazarevitch Semyonov (1831–1913), known as the first civilian resident of Vladivostok, has been engaged in seaweed trade operations in Primorye and Sakhalin Island. Semyonov has began the seaweed harvest near Vladivostok in 1864⁸ and in 1878⁹ (or 1877?¹⁰) he has expanded the harvest operations to Sakhalin. His warehouses and processing facilities were located in Mauka (now Kholmsk), the fishing village on the South-West coast of Sakhalin. The high quality seaweed is still available on the coastline all the way from Kholmsk down to the Cape Krillon (the cape in the South-West part of Sakhalin)¹¹.

Semyonov spoke fluent Chinese and he also knew the specifics of growing seaweed. He understood the principles of biological classification of seaweed and the conditions of the consumer market in China¹². He has chosen Mauka as the base for his operations for various reasons, including the availability of port facilities and freight vessels for export operations, and the good quality beach to dry the seaweed on. The Trading Company of Semyonov used to export almost the entire volume of harvested seaweed to China¹³. It means that every year at least 200,000 pood (pood ~ 16 kg, more than 3000 tons), including 40–60 thousand pood of seaweed harvested in Sakhalin waters¹⁴, were exported to China.

2, From Sakhalin to China

The Chinese also harvested the seaweed in the

southern Primorye region. They brought the harvest by junks straight to Hunchun in Jilin province, near Vladivostok¹⁵. Semyonov himself used to say that it would be difficult to calculate the total quantity of seaweed produced in Primorye region. Moreover, the statistical data of seaweed production were included in “Miscellaneous goods” as a part of the total. The real volume of seaweed production is unknown¹⁶. Of course, one may be able to evaluate the scope approximately by the amount of taxes paid to the Amur State Property Management. According to my calculations, the production of seaweed in the 1890s in the Amur Region, that is, in Primorye and in Sakhalin, varied from 6 to 12 tons per year¹⁷. It is safe to assume, that the outcome of Semyonov’s operations was at least equal to the total amount of the seaweed harvested by Chinese in Primorye region.

Despite of relatively small quantities supplied, the Sakhalin seaweed had been an important commodity on the Chinese market. The Chinese valued the seaweed from Japan above all else, and the second choice was the Sakhalin kelp¹⁸. The consumer prices were dependant on many different conditions: growing location, harvest season, cultivation conditions, dryness level, transportation costs, etc. Sakhalin seaweed was quite a good match to the Japanese produce. The kelp harvested in Primorye region had been of a lower quality, when compared to Sakhalin seaweed, and subsequently was cheaper when sold on Chinese market, hence

⁷ *Naykaku Toke Keku (Office of Statistics under the Cabinet of Ministers). Nihon Teykoku Toke Nenkan (Annual Statistics Collection; Empire of Japan). – Tokyo, 1996–2000 (reissue). – V. 17. – P. 562. – V. 22. – P. 629. – V. 26. – P. 437. V. 29. – P. 268. – V. 32. – P. 226. – V. 35. – P. 212. – V. 38. – P. 154. – V. 41. – P. 158. – V. 44. – P. 162. – V. 48. Naykaku Toke Keku (Office of Statistics under the Cabinet of Ministers). Nihon Teykoku Toke Nenkan (Annual Statistics Collection; Empire of Japan). – Tokyo, 1929–1936. – V. 48. – P. 167. – V. 51. – P. 171. – V. 55. – P. 183.*

⁸ *Schmidt P.Y. Marine industries. Sakhalin Island: report to the Minister of Agriculture and State Property regarding the results of the scientific and commercial expedition of the Imperial Russian Geographical Society 1900–1901 to the Korea and Sakhalin. – SPb., 1905. – P. 341.*

⁹ *Schmidt P. Y. Marine industries. – P. 341.*

¹⁰ *Vysokov M.S. Commentary to the AP Chekhov's «Sakhalin Island.» – Vladivostok, 2010. – P. 621. Semyonov Y. L. Seaweed. Report // Vladivostok socio-literary and maritime newspaper. – Issue 47 and issue 48. – 1885.*

¹¹ *Galanin D., Balkonskaya L. and Prokhorova N., “Resources of Laminaria (Saccharina) Japonica on the Southwestern Coast of Sakhalin Island in Recent Years,” Suisan Sogo Kenkyu Senta Kenkyu Hokoku (Bulletin of Fisheries Research Agency), no. 32 (2010). – P. 43–44.*

¹² *Vysokov M. S. Commentary to the AP Chekhov's «Sakhalin Island.» P. 620–624.*

¹³ *Kaminaga E. Kombu but michi (Sakhalin Island and China in International Seaweed Trade in the Latter Half of the XIX Century) // Rosia kenkyu B (History of Russia). – 2011. – № 88. – P. 70.*

¹⁴ *Kaminaga E. Kombu but michi, p.110.*

¹⁵ *Vysokov M. S. Commentary to the AP Chekhov's «Sakhalin Island.» – P. 623–624, 626.*

¹⁶ *Vysokov M.S. Commentary to the AP Chekhov's «Sakhalin Island.» – P. 629.*

¹⁷ *Kaminaga. Kombu but michi. p. 70. Humble report by Amur Governor-General Lieutenant General Dukhovskoi 1893, 1894, 1895. – SPb., 1895. – P. 93. Nadarov I. Second Congress of the governors and other representatives in Khabarovka. – Vladivostok, 1886. – P. 54–55. Notes of the Merchant Y.L. Semenov about Seaweed (Annex XVIII). Proceedings of the III Congress of Khabarovsk. Khabarovka, 1893. – P. 125. Kirrilov N.V. Marine Industries of Southern Sakhalin. Report of the Amur Region Company, 1898. – Vladivostok, 1899. – P. 11. Humble Report by Amur Governor-General, from 1886 to 1891, the Ministry of the Interior. – P. 30. Sakhalin calendar 1899 Post Aleksandrovsky, 1899. – P. 127.*

¹⁸ *Vysokov M.S. Commentary to the AP Chekhov's «Sakhalin Island.» Schmidt P. Y. Marine Industries. – P. 348.*

the popularity¹⁹. Of course, one should not forget the factor of transportation costs. Sakhalin is situated farther from China than any other seaweed harvest location. Both the Primorye region and Hokkaido Island are much closer to China. In addition, the regular sea routes from Primorye region and Hokkaido to China were already established, and from Sakhalin Island there were very few and far between. So Semyonov had to charter the merchant schooners and steamers to carry his seaweed to Vladivostok or sometimes directly to China²⁰. As a result, the goods from Sakhalin were more expensive. However, if the Sakhalin seaweed was of a poor quality, it would not be considered a commercially viable product in China. The Japanese seaweed was a bit more expensive than the one that came from Primorye region or Sakhalin, but it was a product of a relatively high quality.

3, Russian produced and Japanese produced seaweed in China

It should be remembered that the seaweed has always been and still is the food for the common people, not intended for the gourmet market of the rich. The common people were the consumers of both cheap Russian seaweed and more expensive seaweed imported from Japan. It is safe to say, that Semyonov had supplied the demand for the Russian made seaweed in China.

The export of seaweed from Japan grew up rapidly. In 1860, the Government of Japan has decided to open up several ports to foreigners, prompting the Chinese merchants to start the trade in Japanese seafood. The principal goods were dried squid and the seaweed. The Chinese immediately established the operation bases in the port of Hakodate in Hokkaido and in several

other places. They began to export the seaweed of the highest quality to China, particularly to Shanghai and Hong Kong. There is no doubt, that up to the WWII the seaweed exports from Japan to China were constantly rising. In 1870–1880 the export figures were estimated at 10-20 thousand tons per year²¹, and in 1910–1930 – almost 30,000 ton²². Up to mid-1910 the seaweed was one of the main Japanese exports. Despite of the low price, the ever increasing volume of seaweed export brought in the much needed currency to sustain the industrial development of Japan. In the 1880s, even the Japanese Government conducted the trade operations: bought seaweed with the reserves of foreign currency and sold it with considerable profit in Shanghai²³.

The Russian-made seaweed used to compete with the Japanese produce in China before the Russian-Japanese War. Most of the Japanese seaweed was brought to Shanghai, and then it was distributed to other Chinese ports, especially along the Yangtze River²⁴. The fact remains, that the seaweed was a favourite choice of food for common people who lived far away from the sea. The volume of seaweed consumption used to rise up during the winter months when there were not enough vegetables available, and sometimes the seaweed was used as a medicine²⁵. The sales of Russian-made seaweed, including the one exported from Sakhalin, in Northern China were roughly equal to the sales of Japanese-produced kelp. The statistical data from Shandong province confirms this assessment. Japanese merchants who visited the port of Chefoo (now Yantai) in Shandong in 1903, have stated that the Chinese have imported approximately 2800 ton of Russian-made seaweed - more than from Japan²⁶.

Semyonov went on to sell the seaweed in Chefoo, Tianjin and Shanghai. He has successfully established

¹⁹ Kashima Mumbai et al. *Hokkaido kombu Sin Boeki tesa (Trade Report. Hokkaido seaweed in China). 1890. (MS) Historical database on the northern reaches of Japan Hokkaido State University. [http://www.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb/46/76] (Prosmotr. June 30, 2012), ed. Nosemuse (Ministry of Agriculture and Commerce) Nosek Koho. («Journal of Agriculture, Trade and Industry»).* – March 15. – 1887. – № 25. – P. 972.

²⁰ Khisamutdinov A *Great People of Vladivostok. 1860-150-2010. Vladivostok. 2010. p. 280. Dattan A.V. Historical Sketch of the Amur Trade. – 1897. – P. 164. Marine Department. Navigation of 1897 // Vladivostok. – Number 22. – May 31, 1897. – № 23. – June 7. – 1897. – № 24. June 14, 1897 Kashima. Hokkaido kombu.*

²¹ *Naykaku Toke Keku. Nihon Teykoku Toke Nenkan. (Reprint). – V. 1. – P. 300. – V. 5. – P. 246. – V. 9. – P. 202. – V. 14. – P. 499.*

²² *Naykaku Toke Keku. Nihon Teykoku Toke Nenkan. (Reprint). – V. 17. – P. 562. – V. 22. – P. 629. – V. 26. – P. 437. – V. 29. – P. 268. – V. 32. – P. 226. – V. 35. – P. 212. – V. 38. – P. 154. – V. 41. – P. 158. – V. 44. – P. 162. – V. 48. Naykaku Toke Keku. Nihon Teykoku Toke Nenkan. – V. 48. – P. 167. – V. 51. – P. 171. – V. 55. – P. 183. Norinse leg sogo kenkyudze (General Agricultural Institute of the Ministry of Economy). *Norinsuysanhin yusyutsu Toke (Statistics on the export of agricultural products).* – Tokyo, 1949. – P. 34.*

²³ *Okurase (Ministry of Finance). Dzyumbikin Approximants (Reserve funds Report).* – Tokyo, 1890. – P. 156.

²⁴ *Hakodate Segekaygise. Hsing Kang Po Boeki Sisatsu Hokoku. – P. 45–46. – P. 93.*

²⁵ *Ed. Tokyo which Szego Gakko (Supreme Trade Institute of Tokyo). Hokkaido Yusyutsu Tesa Hokokuse Kombu (Seaweed export report From. Hokkaido to China). – Tokyo, 1906. – P. 88–91. Sindzin Ho Ryori Kombu (Chinese Cooking with seaweed) // Sekumin Koho (Journal of colonization of Hokkaido). – 1912. – № 64. – P. 88.*

²⁶ *Hakodate kaygise Szego. Hsing Kang Po Boeki Sisatsu Hokoku. – P. 105–106.*

the trade operations in Chefoo and Shanghai before the outbreak of the Russian-Japanese war²⁷. The work in China presented certain challenges for foreigners because of a peculiar Chinese trade practices (the brokerage and the commission payment systems). Furthermore, the monetary and weight units were greatly varied throughout the different regions of China²⁸. These difficulties were equally applicable to both Japanese and Russian traders. In spite of the challenges, Semyonov has achieved a high level of success. I would like to compliment on his trading operations and commend the achieved results.

Conclusion

The seaweed exports from Japan made a great contribution to the industrial development of the country.

Therefore, I believe that the production of seaweed in Sakhalin could have influenced the development of the Island in the late XIX century in a similar way. Semyonov has briefed the participants of the Third Congress of the Khabarovsk regional governors and representatives in 1893 with the opportunities presented by seaweed production²⁹. However, there weren't any followers in Semyonov steps. He did not acquire the much needed support from the Governor General. Perhaps nobody in the Russian Far East could imagine that the Asian neighbours are able to consume so much seaweed. In June 1905, the Japanese army occupied the Island of Sakhalin, and Semyonov lost his harvesting locations, as well as the seaweed processing facilities on Sakhalin. The Japanese Government has compensated the Russian merchant; however, the business had suffered severe losses³⁰.

---

²⁷ *Hakodate kaygise Szego. Hsing Kang Po Boeki Sisatsu Hokoku.* – P. 125–126. *Khisamutdinov. Great People of Vladivostok.* – P. 280.

²⁸ *Yamamoto Esikata. Sinkoku suysan benkay. Fu Nisshin Boeki Jiji (Review of China industries. Appendix: Overview of trade between Japan and China).* – Tokyo, 1886. – P. 133, 135. [<http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/992580>]

²⁹ *Merchant Y. L. Semyonov Note.* – P. 125.

³⁰ *Kaminiga. Hirakareta umi no tomi to rukeysekuminti.* – P. 89.

*To Ken Sik,
Ph.D (Economics)
Head of the Management Dept.
Sakhalin State University*

MODERNIZATION AND, OR SUSTAINABLE DEVELOPMENT?

Strategic planning plays a significant role in modern world, whether it has been developed within a single company, or the whole country, or a particular territory. The outlook of socio-economic development is based on the concept of development, which, in turn relies on a particular scientific theory. The current trend is a modernization theory. Modernization has become today's key word. Some 20 years ago the similar role was reserved for "democracy". According to popular belief, modernization, as it was the case with democracy a while ago, will save the world and will open wide the new historical horizons of development for our country. [5] Well, will the theory of modernization be able to serve as a theoretical basis for current and, especially, for the future development? Up to the mid XX century the modernization theory was regarded as some sort of a universal theory of development that will help us to ascend to a better, modern society. However, in the late 60's and 70's the idea of modernization has been a subject of severe criticism from the empirical point of view, as well as in theoretical plane. The modernization theory has lost its universal appeal. All kinds of different models have been developed and the national modernization projects were recognized as viable alternatives. Earlier on, the impact of modernization has been evaluated solely from the point of view of economic growth, but now the importance of values, relationship, symbolic meanings and the culture has been recognized as well. The base of the modern society is the market economy, which has several already identified vulnerabilities. Although certain accomplishments of market economy, namely the rise in living standards, are clearly visible, the negative consequences of this system are considerable: environmental issues (climate change, desertification and loss of biodiversity), depletion of natural capital, widespread poverty, lack of fresh water, food, energy, inequality of people and inequality of countries. All these factors pose a threat for both present and future generations. Certain aspects of modern society that are considered highly relevant to the development process of mankind, such as environmental issues, have not been addressed at all in theory of modernization. In the view of identified in the modernization theory threats mentioned above, it is difficult to find an acceptable ideological support for purposeful efforts to implement the modernization.

The concept of sustainable development has begun to acquire shape approximately at the time when modernization theory has been subjected to

heavy critic. Currently, there are more than dozen definitions of sustainable development, but the original definition as presented by the Brundtland Commission, is often used: "Sustainable development is the kind of development that meets the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet their own needs." [3, p.8] Society should consider both the environmental and social impacts of own actions, and the economic benefits. Society should evaluate both short-term and long-term consequences of own decisions. The concept of sustainable development has gone through the process of evolution. We are able to identify the following main stages of concept development:

1984–1987 – Brundtland Commission («Our Common Future» report);

1992 – United Nations Conference on Environment and Development (the «Rio de Janeiro Declaration on Environment and Development», «Agenda of the XXI Century», «Local Agenda of the XXI Century» etc.)

2002 – United Nations Conference on Sustainable Development «Rio +10» («Johannesburg Declaration on Sustainable Development», «Johannesburg Implementation Plan»);

2012 – United Nations Conference on Sustainable Development «Rio +20.»

As can be seen, the history of the concept is not as long history, as the theory of modernization, however it carries a certain degree of importance today as the conceptual basis for the development of the world community.

The United Nations Conference on Sustainable Development was held in Rio de Janeiro, June 20-22, 2012. The conference results are collected in memo entitled «The Future We Want.» The lengthy 53-pages document contains 283 sections. The conference has covered quite a lot of sustainable development issues: poverty; food, water and energy supply; health and education; employment; climate change; biodiversity; waste utilization; sustainable communities; sustainable production and consumption, etc. The role played by authorities responsible for sustainable development and the importance of cooperation between governments, business entities, civic representatives and other valuable participants of this process has been emphasized. The importance of the regional aspect of sustainable development has been stressed out. The valuable impact of education on sustainable

development has been discussed. One of the principal results of the conference is that the Heads of State and Government and senior Government officials have confirmed the commitment to implement the principles of sustainable development. [1]

The concept of sustainable development is a complex and comprehensive one; it includes environmental, social and economic aspects. Therefore, one of the main issues of the Rio +20 conference was the matter of the “green economy” or “green growth”. The global financial crisis has uncovered the lack of stability in financial and economic systems. It has shown to the international community the need to find a new model to achieve an economic growth, while considering the impact of environmental factors. The concept of «green growth», which was first introduced during the 5th Conference of Ministers of Environment of Asia-Pacific region, held in Seoul in 2005, is regarded as a balance for ecological and economic development. «Green growth» means that the economic development is encouraged, while the preservation of natural assets that provide the resources and ecosystem services is enforced. The “green growth” should avail itself of the investments and latest technical resources, which will form the basis of sustainable development and will present new economic opportunities. To maintain the current level of living standards it is imperative to find the new ways of production and consumption and, perhaps, to review the prevailing beliefs with regard to the technical development and the ways to evaluate it. The concept of the “green growth” or the “green economy” is based upon the following principles:

- Eco-efficiency, which involves the implementation of rational use of goods and services, while minimizing the environmental impact throughout the life cycle of the product;
- Resource management, which means that the decision making process should consider the need to preserve natural resources;
- Uniformity, which implies the consistency in actions of national economy entities involved in the development;
- Inter-level communication, which means that the representatives of various sections or levels of society should be involved in the decision-making process.
- The following means of integration of the above mentioned principles into the strategic planning of the national economy are available:
  - Fiscal system restructure through the introduction of environmental taxes;
  - Implementation of sustainable production and consumption framework;
  - “Green business” development;
  - Stable infrastructure framework introduction.

The fiscal system restructure through the introduction of environmental taxes will allow shifting of the overall tax burden onto those production facilities that pollute the environment. The main objective of

eco-taxes is the redistribution of the tax burden: from the socially important production facilities to those harmful for the environment. Additional measure used to restructure the tax system is the reallocation of funds to increase the level of investment in the development of environmentally friendly enterprises, such as improvements in transportation infrastructure and development of public transport system with the aim to reduce the air pollution in cities. The fiscal system restructuring is not intended to increase the overall tax burden. Its purpose lies in introduction of effective and efficient measures to protect the environment and preserve natural resources for future generations. As can be seen from the above, the introduction of eco-taxes do not increase the overall tax burden, but instead promotes the redistribution of taxes and at the same time reduces the environmental damage.

Implementation of sustainable production and consumption is another mechanism used to introduce the principles of “green growth”. The production and consumption methods are the main engines of economy of any given type. Pro tanto, they determine the quality of economic growth. The increase of prices for crude materials and the development of regulatory standards and frameworks will stimulate the producers’ motivation to develop environmentally clean and sustainable production. The “green growth” includes the following tools:

- Environmentally friendly government procurement bidding procedures;
  - Evaluation of the product life cycle;
  - Management based on demand, which will consider on the trend of sustainable consumption;
  - Promotion of sustainable use of resources;
  - Implementation of ecologically clean production through re-use and recycling of waste;
- The development of “green business” concept is closely associated with the concept of “green growth”. The “green business” facility includes the following:
- Sustainable use of renewable natural resources;
  - Production of environmentally friendly goods and services;
  - The use of low-waste and resource efficient technologies.

The “green business” companies enjoy a positive image on the world market; the “green products” are highly competitive due to use of advanced technology. Various forms of public-private partnership, including the Environmental Partnership, contribute to the development of “green business”. The development of such partnership reduces poverty and increases the environmental protection. It is safe to conclude, that “green business” is a successful marketing strategy that allows the “green” companies to be more competitive. The “green business” and the sustainable consumption are two fundamental principles of human well-being and the environmental protection.

One of the important “green growth” tools is the introduction of a stable industrial and social

infrastructure that will allow the efficient use of natural resources, so that the future generations will not suffer of this particular resource shortage. For example, the urbanization process is not always followed by development of the effective infrastructure. On the other hand, the expenditure in sustainable infrastructure field will ensure the preservation of the environment and, therefore, sustainable economy. The experimental data shows that the construction of eco-friendly buildings will reduce the costs of energy and the water supply by more than 30 % for the entire duration of use of such facility. Capital investment in sustainable infrastructure will enhance the strategic competitive capabilities in general, while preserving the environment, public health and natural mineral resources. Introduction of stable infrastructure framework will minimize the use of natural resources, including energy. Resources conservation will ensure the long-term economic growth and will help to address environmental challenges during the production of infrastructure-related goods and services.

We should assert that the principal goal of the “green growth” policy implementation lies in preparation of the national economy for the move in the direction of sustainable development. Such move will require immediate rejection of the extensive use of natural resources and search for more progressive and technologically advanced business models. The concept of “green growth” will be used as the first step in the transition to the stage of sustainable development. [6]

In 2011, the (then) President of the Russian Federation Dmitry Medvedev has commissioned the inter-agency work group, formed by federal and public companies executives and Russian Academy of Sciences experts. The group of experts has been working on Russia's participation in the UN Conference on Sustainable Development. The outcome of the work was the report «Implementation of the Sustainable Development Principles in Russia over the Past 20 Years.» The report highlights the principal landmarks and the challenges of sustainable development in Russian Federation.

- Need for a new concept of ecological and economic development, including the design of the new models of production and consumption, which would be based on increase in energy efficiency of and productivity, without creating additional burden on natural resources and the climate system.

- Economic growth has been associated with the increase in demand for energy. The concept of sustainable energy issues should include the ways to access the advanced forms of energy and the transition to clean energy sources.

- The prerequisite of the development and implementation of major infrastructure projects is sparing and gentle treatment of natural resources. The quality of the environment is a key factor in the competitive capability of the economy.

- The concept of sustainable development should

be perceived by the business community as part of the competitive environment.

- Sustainable development should encourage the participation in economic and political events of all levels of society.

- Sustainable development should support the harmonization of ethnic relations, as well as to conserve of natural habitat, traditional way of life and cultural values of indigenous people living in the Russian Federation.

- Sustainable development includes the security system with regard to threats of natural and man-made disasters, including hazardous weather conditions.

- Development of new types of growth indicators will be required to monitor the progress toward the pre-set goals. These indicators should reflect the economic growth as a condition of progress in environmental and social aspects of development, and social and economic costs incurred by economic growth.

- Sustainable development requires the effective collaboration between all tiers of government. High level of competence will be demanded from decision makers with regard to the issues of social and economic development, environmental protection and the civic entities participation in policy making.

- One of the important features of the new paradigm of sustainable development is reserved for science, which provides the technological advance and the scientific validity of the political and economic decisions in all areas of human activities.

- Education plays a key role in sustainable development. The educated people make rational choices. [2]

As can be seen from the above, Russia firmly acknowledges the commitment to the principles of sustainable development, along with other members of the Conference on Sustainable Development “Rio +20”.

In the Sakhalin region, we have accumulated a certain resources to implement the principles of sustainable development. There are professionals who understand the principles and share the knowledge in the field of sustainable development: academics, regional and municipal executives, member of business community and the public companies. We have gained extensive experience in sustainable development educational process. The Department of Sustainable Development has been established in Sakhalin State University. Academic members of the department provide a special course regarding the basics of sustainable development, for both students and post-graduates. The result of collaboration with the Living Planet Foundation (UK) is a number of projects: educational program regarding sustainable development for municipal employees of the Sakhalin Region (October 2005 – July 2006), educational tour to the UK to experience hands-on teaching of the subject of sustainable development (May 2007), educational program on sustainable development for teachers

of the Sakhalin State University (September 2007), educational program on sustainable development for Korsakov Area of the Sakhalin Region (September 2007 – May 2009). A comprehensive workshop on sustainable development for undergraduate and graduate students of the University has been accomplished with the participation of municipal authorities (December 2011 – April 2012).

We have hosted the following conferences on the subject of sustainable development: VI Inter-academic Scientific Conference of Students and Young Scientists “Sakhalin Youth and Science” (section “Problems of sustainable development”) (2007), Interregional Workshop “Problems of Sustainable Development of the Region” (2008), an international workshop “Sustainable Development of the Area: from Theory to Practice” (2010).

In the Sakhalin region we have already implemented and continue to work on specific projects for sustainable development. Such projects were backed by both government authorities and business entities and social agencies. For example, in Korsakov area the Korsakov Partnership Council for Sustainable Development operates for some time (voluntary civic body, which includes representatives of business, government and public). It has been established in 2004 by Sakhalin Energy Investment Company. The primary goal is to review on a regular basis the sustainable development projects in the Korsakov urban district within the Sustainable Development and Social Investment Program by Sakhalin Energy Investment Company and possible assistance in the implementation of such projects. More than 100 sustainable development projects were supported in the Korsakov urban district. The Korsakov Partnership Council for Sustainable Development has been established within the collaboration framework between the United Nations Development Programme (UNDP) in Russian Federation and the Sakhalin Energy Investment Company. The principal goal of the collaboration is the UNDP facilitation and expert support of the Sakhalin Energy Investment Company initiatives in the field of sustainable Development (2010). [4]

Sakhalin State University collaborates in the field of sustainable development with other educational and research facilities both in Russia and abroad: Moscow State Institute of International Relations, St. Petersburg State University, the Scientific Council for Environmental Education of the Russian Academy of Education, the Living Planet Foundation (UK), international “Green Cross”, Hokkaido University, Amur-Okhotsk Consortium, etc.

The University provides researches on various aspects of sustainable development, including the municipal education management based on the principles of sustainable development. The outcome of this research is the Municipal Education Management Project, entirely based on the principles of sustainable development.

Modernization theory, of course, has played an important role and continues to affect the development of society. However, given the characteristics of the modern society development, we may arrive to the conclusion that it will be necessary to start the transition to vital sustenance, based on the concept of sustainable development. The concept takes into consideration the multitude of challenges present in mankind development, in both current and future times, and offers adequate solutions that meet the expectations of most people on the planet. Sustainable development is a concept on which the modern world will be able build a new life. This is the ideology of the future world, which should include economic stability, ecological balance, social well-being and international solidarity. This concept is very important for the Sakhalin Region. Therefore we are confident that the concept of sustainable development should be used as a theoretical basis the Sakhalin Region development. It seems appropriate to start with the implementation of target-oriented activities regarding to transition to vital sustenance based on sustainable development principles. The transitional period requires a coordinated collaboration between scientific institutions, government authorities, business entities and civic organizations. The transition to the development of society based on the principles of sustainable development is quite complicated and very difficult task. It requires the will and wisdom of politicians and businessmen and a high level of awareness within our society. One of the most important factors is the presence of a driving force behind the concept of sustainable development; the force that would understand the nature of process, would master techniques, methods and tools, and will believe in the need for sustainable development. The driving force behind in sustainable development should and will be scientists, including researchers Sakhalin State University.

Bibliography

1. Future We Cant. / United Nations Conference on Sustainable Development “Rio +20.” – Rio de Janeiro, Brazil, June 20-22, 2012.
2. Report “Implementation of Sustainable Development in the Russian Federation. Russia’s view of the New Paradigm of Sustainable Development. Preparations for Rio +20”. – Moscow, 2012.
3. *The Concept of Sustainable Development and Local Agenda for XXI Century: Tool* / Edited by Golubev D., Sorokin N.D. – St.: “Soyuz Khudozhnikov” Publishing House, 2003.
4. Korsakov Partnership Council for Sustainable Development. www.korsakovsovet.ru
5. *Modernization of Russia and the Construction of the New Type of State. Independent Expert Report.* / Ponomarev I., Remizov M., Karev R., Bakulev K. – M., 2009. – www.apm.ru/publications/article22100.htm
6. *National Report on Use of the “Green Growth” Tools in the Republic of Kazakhstan*, 2012

Научное издание

**САХАЛИНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Материалы международной научно-практической конференции
(17–18 октября 2012 г., г. Южно-Сахалинск)*

Сборник научных статей

Составитель

ЛОМОВ *Алексей Сергеевич*

Корректор *В. А. Яковлева*

Верстка *Е. Ю. Иосько*

Подписано в печать 30.11.2012. Бумага «Inasoria». Гарнитура «Times New Roman».
Формат 60x84¹/₁₆. Тираж 200 экз. Объем 37,5 усл. п. л. Заказ № 236-12.

Издательство Сахалинского государственного университета
693008, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32.
Тел. (4242) 45-23-16, тел./факс (4242) 45-23-17.
E-mail: izdatelstvo@sakhgu.ru, polygraph@sakhgu.ru